А.Г. Дугин

Учебное пособие для вузов

ГЕОПОЛИТИКА

Допущено Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию к изданию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 040200 — Социология

Москва
Гаудеамус
2011

Москва
Академический Проект
2011

УДК 316.334.3:321
ББК 60.5
Д80

Печатается по решению кафедры Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

С.И. Григорьев, доктор социол. наук;
И.Ю. Киселев, доктор социол. наук

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ:

Н.В. Мелентьева, канд. филос. наук;
А.Л. Бовдунов; Л.В. Савин

Дугин А.Г.

Д80 Геополитика: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. — 583 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-1297-4 (Академический Проект)
ISBN 978-5-98426-107-4 (Гаудеамус)

Учебное пособие «Геополитика» обобщает основные тенденции, направления и школы современной геополитики. Дается подробный обзор теоретических и научных истоков геополитики, рассматривается процесс формирования различных школ — англосаксонской, евразийской, береговой. Прослеживается влияние геополитических теорий и доктрин на политическую практику. Анализируются связи геополитических методик с деятельностью таких групп влияния, как Counsil on Foreign Relations (CFR), Trilateral Comission, неоконсерваторы, неореалисты и т. д. Исследуются новейшие направления в геополитике: неоатлантизм, критическая геополитика, геополитика космоса и геополитика сетевых процессов. Дается геополитический анализ феномена однополярности, глобализма и «американской гегемонии». Систематически излагаются геополитические принципы многополярной модели.

Рекомендуется для студентов и аспирантов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям социология, философия, история, международные отношения, международная экономика, международное право и др.

УДК 316.334.3:321
ББК 60.5

ISBN 978-5-8291-1297-4
ISBN 978-5-98426-107-4

ВВЕДЕНИЕ

Геополитика представляет собой дисциплину, расположенную на пересечении двух наук — политологии и социологии. Двойственный характер геополитики, ее метода, терминологии и инструментария послужил причиной того, что она долгое время не могла найти себе места среди классических академических дисциплин, что почти на столетие замедлило ее полноценную институционализацию.

С точки зрения политологии геополитика определяется как область исследований *отношения государства к пространству* (Р. Челлен). Но в такое определение не совсем укладываются обобщения, которые первые геополитики, начиная с Х. Макиндера, делали относительно цивилизационных и социологических аспектов изучаемых ими явлений. Говоря о «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря», геополитики неминуемо уходили от понятия «государства». Это им не преминули поставить в вину представители классической политической науки, упрекая их в нестрогости методов и отсутствии корректного анализа структуры властных отношений рассматриваемых политических систем. Столь же зыбкими казались выводы геополитиков относительно глобальной стратегии, или геостратегии, в которых классические политологи отказывались видеть обобщающий пространственный вектор, указывая на разнообразие и подчас антагонизм факторов, действующих в политических процессах в каждом отдельно взятом регионе.

Эта критика, внутренне обоснованная критериями политической науки, стала главным препятствием на пути институционализации геополитики с момента первых формулировок геополитического метода в начале XX в. Х. Макиндером, Р. Челленом и К. Хаусхофером. Долгое время никто не обращал внимания на присущее геополитике социологическое измерение: формулировка Р. Челлена о геополитике как о дисциплине, изучающей соотношение государства и пространства, всех сбивала с толку. Р. Челлен, который ввел термин «геополитика» в научный оборот, был учеником и последователем Ф. Ратцеля и развивал его идеи. В свою очередь, теория Ф. Ратцеля имела два параллельных направления: *антропогеографию*, исследовавшую *пространственные особенности* культур, обществ и цивилизаций, и *политическую географию*, которая в центр внимания ставила пространственные особенности государств, национальных территорий и границ. Антропогеография,

без сомнения, относится к социологии и изучает именно общество, социокультурные и этносоциальные образования. А политическая география, действительно, приоритетно анализирует отношение государств и национально-административных образований к пространству.

На практике геополитики с самого начала применяли геополитический метод как развитие одновременно антропогеографии и политической географии, т. е. объединяли социологию и политологию, взятые в аспекте их отношения к пространственному фактору. Таким образом, с одной стороны, геополитика изучает цивилизации, культуры и этносы, их социологические признаки и свойства, а с другой стороны, исследует их как политические единицы, т. е. как государства, империи и военно-политические блоки. При этом основные концепты геополитики (такие, как «Sea Power», «Land Power», «Heartland», «Rimland» и т. д.) мыслятся как элементы базовой матрицы, на которую можно спроецировать одновременно два слоя: политический (в форме политической карты мира в каждый конкретный исторический период) и социологический (глубинно определяющий специфику цивилизаций, культур и религий в конкретную эпоху). Этот *синтетический* — одновременно социологический и политологический — характер геополитического метода за время становления и развития геополитики никогда не осмысливался ясно и эксплицитно, хотя так или иначе подразумевался представителями всех геополитических школ и направлений, в своих рассуждениях легко и часто бессознательно переходивших от культур, цивилизаций и обществ к государствам и военным блокам и обратно.

Стоит только рассмотреть типовые геополитические дихотомические метафоры («Суша/Море», «Бегемот/Левиафан», «heartland/rimland» и т. д.) как *социологические концепты*, все тут же встает на свои места. Становится понятно, почему возникают претензии к геополитике: будучи неразрывно связанной с социологией и постоянно оперируя социологическими методиками, сама она рефлектировала эту связь слабо, оставаясь в границах определения Р. Челлена («геополитики как дисциплины, изучающей отношения *государства* к пространству») и не замечая, насколько это определение неполно. Как только в дефиницию геополитики вводится понятие общества, мы легко можем выйти за рамки государств, оперируя такими категориями, как «цивилизация», «конфессия», «идентичность», «социальные ценности», «культура» и т. д.

Геополитика есть наука, изучающая отношение *государства и общества* к пространству.

Теперь структура геополитической карты выглядит следующим образом: на ней выделяются три (а не два) слоя — политический (границы национальных государств), географический (земной ландшафт) и социальный (особенности культур, цивилизаций,

обществ). Большинство геополитических концептов и терминов имеют именно тройственную природу, объединяя в себе одновременно политологию, социологию и географию.

Геополитика является *холистской методологией*: она исходит из того, что геополитическая концептуальная топика синтетична, что в геополитическом концепте уже включены потенциально и политика, и общество в их соотношении с географией. Государство видится как выражение социально осмысленных географических закономерностей, и инстанция социального осмысления является здесь основной. Именно на уровне общества (культуры, цивилизации) формируется отношение к пространству, которое в дальнейшем находит свое выражение в конкретных политических формах (государствах, внешней политике и т. д.). Если мы не обращаем внимания на общество как важнейший семантический элемент в геополитике, предшествующий как политике, так и структурной пространственной рефлексии, т. е. географии, то, действительно, границы дисциплины размываются, а ее методология становится произвольной и повисает в воздухе.

Государство *как-то* связано с пространством, и попытки нащупать структуру этой связи и составляют сущность классической геополитики. «Как-то связано», но *как* именно? Ни политика, ни география на этот вопрос ответить не способны. Ответ лежит в сфере общества, которая является матрицей как пространственных представлений и обобщений, так и политических структурализаций.

Геополитика, таким образом, находится ближе всего именно к социологии и к социологии политики. И в этом случае объектом ее изучения становится общество и общественные процессы, а предметом — более узкая сфера: отношение общества к пространству, что лежит в основе как географических представлений, так и политических систем. Именно в обществе следует искать корень *двойной герменевтики*, характеризующей геополитику: общество является одновременно носителем социальных концепций пространства и истоком политических форм. Поэтому любой *геополитический* концепт (например, «талассократия») является непременно *социологическим* концептом, синтетически содержащим в себе формы осмысления пространства (географические представления, качественную топологию окружающего мира) и матрицу производства политических форм (государств).

Возвращаясь к теме трудностей институционализации геополитики в современном обществе, следует отметить, что негативную роль в ней сыграли также два исторических момента. Первый связан с относительной близостью немецкой школы геополитики К. Хаусхофера к национал-социалистическому режиму Гитлера (несмотря на противоположность теории Хаусхофера внешней политике Гитлера и участие сына Хаусхофера в покушении на Гитле-

ра в 1944 г.). Второй момент заключается в отвержении геополитики по идеологическим соображениям советской наукой, на семьдесят лет блокировавшей полноценное становление *континентальной евразийской геополитической школы*, являющейся естественным симметричным дополнением к англосаксонской школе, развивавшейся в Англии и США. Поэтому полноценно и органично развивалось только одно направлене геополитики — англо-американское, атлантистское, которое и стало сегодня неотъемлемой и важнейшей частью системы политического образования американских и английских элит. Во Франции геополитику как академическую дисциплину принялись реабилитировать только после 1970 г. (Ив Лакост и журнал «Геродот»), а в России эта дисциплина создавалась в рамках неоевразийской школы лишь с начала 1990-х гг.

Сегодня в целом в глобальном масштабе сложились все исторические предпосылки для того, чтобы отдать должное этой науке, точно определить ее место в контексте социальных, политических и экономических дисциплин, а также в структуре знаний, связанных со сферой международных отношений. Геополитика должна рассматриваться как область социологических и политологических знаний, а также как неотъемлемая часть современного стратегического анализа мировой экономики и международных отношений. Все преграды исторического, идеологического и методологического характера для полноценной институционализации геополитики сегодня сняты. Все основные направления — морская геополитика, сухопутная геополитика, береговая геополитика — представлены широким спектром теорий, авторов и школ. Начиная с 1990-х гг., геополитика постепенно утверждается и в российском высшем образовании, начиная с военных академий и училищ и заканчивая общим стандартом гуманитарного образования. Осталось осуществить последний логический шаг, напрашивающийся сам собой, и ввести преподавание этой дисциплины в федеральный компонент вузовского образования в широком спектре социальных, политических, исторических и экономических наук.

РАЗДЕЛ 1

ПРИНЦИПЫ, ОСНОВАНИЯ И МЕТОДЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Глава 1

СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА И ГЕОПОЛИТИКА

1.1. Социологический подход к геополитике

1.1.1. Геополитика и социология. Что такое общество?

С социологической точки зрения геополитика представляет собой научную дисциплину, основанную на изучении *отношения общества к качественному пространству*[1]. *Разумеется, любая социологическая дисциплина подразумевает изучение общества: например, «социология международных процессов», «социология культуры», «социология религии», «социология политики» и т. п. подразумевают, что речь идет об изучении международных процессов, культуры, религии и политики с точки зрения общества*. Точно так же при социологическом понимании геополитики делается акцент на обществе.

Но понимаем ли мы, *что такое общество*? В самой социологии, где общество выступает в качестве главного предмета, ведутся бесконечные споры относительно его дефиниции, хотя определенный консенсус нащупывается, без чего социологии как науки не существовало бы.

Понятие «общества» часто употребляется в привычном политическом и журналистском дискурсе как *антитеза «государству» и «политике»*. Как правило, противопоставляются *государственные* и *гражданские* институты, т. н. «гражданское общество». Таким образом, в одном из определений общества указывается на то, что *оно напрямую не совпадает с государством*. Государство же, в свою очередь, является воплощением политики. Таким образом, общество само по себе рассматривается как *не политическое явление*.

Одновременно, *общество понимается как структура, первичная по отношению к человеку, т. к. оно формирует смыслы, кото-*

---

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999. См. также *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

рые кладутся в основу всей человеческой жизни. Человек может мыслить в категориях «субъекта — объекта», понимая под «субъектом» самого себя, а под «объектом» окружающий мир, но может мыслить и иначе, пребывая по ту сторону субъекта и объекта, не разводя себя и мир по разные стороны, не приписывая им отдельных, не сводимых друг к другу онтологических свойств. Наряду с человеком, пребывающим *перед* природой, вполне можно представить человека, находящегося *в* природе, *внутри* нее и не выделяющего самого себя в отдельную инстанцию. Это позиционирование зависит не от самого человека, но от *общества*, в котором он воспитывается, взращивается и проходит становление. Общество дает статусы всему, с чем имеет дело — людям, полам, социальным, политическим и культурным явлениям, а также природе, «ближнему» и «дальнему» физическому миру. В таком *широком* понимании *общество является матрицей человечности, истоком и парадигмой всех человеческих смыслов*.

Наше определение геополитики как научной дисциплины, основанной на изучении *отношения общества к качественному пространству*, является социологическим определением. В рамках такой науки исследуется не столько отношение к пространству со стороны государства или отдельного человека, сколько то, как воспринимается пространство *обществом в целом* — обществом как активным производителем всей корневой семантики, как создателем смысловых структур[1]. Пространство, осмысливаемое обществом, и есть *качественное пространство* — «качественное» в том смысле, что оно наделено особыми семантическими свойствами, упорядочено, расчерчено в соответствии со специфическими культурными и мифологическими (иногда религиозными) системами координат, характеризующими каждое конкретное общество.

1.1.2. Социология пространства

Географические объекты и явления — суша, море, реки, леса, горы, пустыни, болота, степи, холмы, берега, тундра и т. п. — могут осмысливаться по-разному в зависимости от типа общества, с которым мы имеем дело. С социологической точки зрения не существует «единой географии» или «единой природы», «единого внешнего мира» и «единой окружающей среды». Каждое общество имеет свою географию, свою природу, свой окружающий мир, свою среду. Л. Гумилев называл это термином «*вмещающий ландшафт*»[2].

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.:Академический проект, 2010. С. 206.

[2] *Гумилев Л.Н.* По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос) // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 18. Вып. 3. С. 112 – 120.

Ландшафт осмысливается, преобразуется, используется и истолковывается в зависимости от того, каким его видит конкретная культура конкретного общества.

Поэтому геополитика в социологической перспективе представляет собой не просто *совокупность политических (государственных, властных) решений, оценок, шагов и стратегий в отношении к пространству* (так геополитика определяет саму себя), но *результат осознания обществом (культурой, народом) своего места в социально сконструированном им самим мире (природном, культурном, «физическом», «политическом» и «цивилизационном»), ситуирование обществом самого себя в учрежденной им же самим географической системе координат, наполненной особыми качественными смыслами*. При этом в отличие от других областей социологии *социологически понятая геополитика* сосредоточивает внимание на том, как *общая социологическая карта мира*, составленная всем обществом, но чаще всего остающаяся в сфере бессознательного, проявляет себя в конкретных политических решениях, в вопросах войны и мира, в политических альянсах, в стратегических концепциях, в процессах экспансии, завоеваний, в вопросах религии, этнической политики, культуры, образования, т. е. в области политики, сопряженной, в первую очередь, с *пространственным* фактором — во внешней политике, международных отношениях, стратегической и оборонной сферах, вооруженных силах, а также в административно-территориальном устройстве (прежде всего в его соотношении с внешнеполитическими принципами и религиозной, политической и этнокультурной идентичностями).

Общество является источником *карты мира*, которая может иметь различные масштабы — от этноцентрума[1] архаических племен до глобального взгляда современной цивилизации. Обрисовав эту карту и найдя на ней место самому себе (чаще всего это место находится в центре), общество начинает действовать в соответствии с этим представлением, что выливается в ряд политических актов, осуществляемых властью, т. е. политической инстанцией. Геополитика концентрируется на этих актах и ищет их связи со структурой пространства, а также пытается их объяснить, частично или полностью («географический детерминизм»[2]), этой структурой.

---

[1] Термин «этноцентрум» ввел немецкий антрополог и этносоциолог Вильгельм Мюльман. Он означает представления архаических племен об устройстве Вселенной, включающей в себя всю живую и неживую среду, в центре которой находится само племя и его стоянка. *Muhlmann W.E.* Erfahrung und Denken in der sicht des Kulturanthoropologen // Muhmann W.E., Muller E.W. (Herasgb.) Kulturanthropologie. Koln, Berlin: Kipenheuer&Witsch, 1966. C. 157,161.

[2] Географический детерминизм — представление о том, что траектория развития общества и основные политические решения, принимаемые государственной властью, определяются географической средой обитания, климатом, ландшафтом, спецификой территории и т. п.

Социологическое понимание пространства описал классик социологии Эмиль Дюркгейм:

«Как показал Амелен[1], пространство — это не та смутная и неопределенная среда, которую представлял себе Кант: чисто и абсолютно однородная, которая не могла бы служить ничему и не открывала бы для мысли никаких перспектив. Пространственное представление состоит сущностно в первичной координации, привнесенной в данные чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были бы качественно одинаковы, если они полностью могли бы быть взаимозаменяемыми. Чтобы иметь возможность пространственно расположить вещи, необходимо иметь возможность их разместить различно: одни поставить вправо, другие влево, одни сверху, другие снизу, одни на севере, другие на востоке и т. д., точно так же, как и для упорядочивания состояний сознания необходимо локализовать их в привязке к определенным датам. Это значит, что пространство не было бы самим собой, если бы оно, как и время, не было разделено и дифференцировано. Но откуда происходят эти столь существенные различия? Не существует ни «права», ни «лева», ни «верха», ни «низа» самих по себе. Все эти различия происходят из того, что соответствующим регионам приписываются различные аффективные ценности. А т. к. люди одной и той же цивилизации представляют собой пространство сходным образом, эти аффективные ценности и различия, вытекающие из этих ценностей, будут для них общими; а это значит почти с необходимостью, что их исток следует искать в социальности»[2].

1.1.3. Спор геополитиков и социологов

В связи с этим следовало бы обратить внимание на спор между социологами и геополитиками и, в частности, между Марселем Моссом[3] и Фридрихом Ратцелем[4], точнее, на критику Моссом идей Ратцеля, принадлежавшего к первому поколению геополитиков. Француз Марсель Мосс, племянник Э. Дюркгейма — крупнейший социолог-классик. Немец Фридрих Ратцель — создатель политической географии и антрополого-географической школы, предвосхитивший геополитику как науку.

---

[1] Октав Амелен (1856 – 1907) — французский философ, друг Э. Дюркгейма.

[2] *Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. P.:P.U.F, 1960. C. 15 – 16. (перевод А.Д.)

[3] *Мосс М.* Социальные функции «священного» // Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000.

[4] *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. С.-Петербург: Типография Товарищества «Просвещение«, 1903.

Ратцель утверждал, что общество, располагающееся, например, на горах, основательно отличается от равнинного общества и является специфически горным обществом со своими особыми моделями. Из факта расположения на горах, по Ратцелю, можно заключить, что это общество построит специфическую политическую систему, создаст соответствующие системы этики, права и религии. Общество, живущее на равнине, создаст все иным образом. У Ратцеля мы наблюдаем многое из того, что можно назвать «географическим детерминизмом». С философской точки зрения он рассматривает, например, гору в качестве первичной «*объективной реальности*», а общество — в качестве «*субъективного отражения*», осознания этой реальности, рефлексии на эту реальность. Равнина — реальность, а равнинное общество — ее отражение и т. д. Причем *вначале* существует пустая равнина, а *лишь затем* пришедшие туда и расселившиеся там люди. Таким образом, по Ратцелю, общество *отражает*, а затем *выражает* в себе качественное пространство. В подобном подходе, чреватом географическим детерминизмом, критики позднее упрекали и крупнейшего российского этнолога Льва Николаевича Гумилева[1].

Географический детерминизм исходит из предопределенности общества, его культуры, его политической, социальной, этической и даже религиозной системы *географическим положением*. Так, Лео Фробениус, немецкий этнолог и этносоциолог, выдвинул гипотезу о существовании двух культур — *хтонической* и *теллурической*[2]. *Согласно Фробениусу, есть общества, которые в качестве жилища преимущественно роют норы, закапываются. Эти общества этнолог назвал «хтоническими»*. (Вспомним сюжет повести А. Платонова «Котлован»[3], показательный для понимания русского отношения к пространству). Одновременно существуют общества, которые насыпают холмы, кучи, горы и строят конструкции, обращенные вверх — шалаши, дома, стеллы, дворцы и т. п. Это общества «*теллурические»* (например, «город на холме» американской мечты). Между американским теллурическим идеалом и русским закапыванием в бездну, нору (метро в Москве рассматривается не только как средство передвижения, но как «музей» и объект национальной гордости[4]) существует определенная *симметрия*, как между теллурическим и хтоническим типами.

Мнению геополитиков и близких к ним представителей географического детерминизма социологи (в частности, М. Мосс)

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.

[2] *Frobenius L.* Paideuma. Münich, 1921.

[3] См.: *Платонов А.П.* Котлован. М.: Дрофа, 2002.

[4] Иногда складывается впечатление, что выкапыванием этой «огромной всенародной ямы» мы гордимся больше всего.

противопоставляли соображения о том, что не существует никаких гор (степей, лесов, равнин и т. д.) самих по себе. Гора — *социальное явление.* Она конституируется и осмысливается как «гора» только высокоорганизованной, интенсивно различающей структурой человеческого разума в ходе развертывания социального процесса. Поэтому социологи предлагали говорить не о географии, а о морфологии общества — иначе говоря, о том, как общество на своих фундаментальных структурных уровнях осмысливает ландшафт.

М. Мосс писал об этом:

«Одним словом, теллурический (земной, географический) фактор должен быть поставлен во взаимосвязь с социальной средой в ее тотальности и ее комплексности. Он не может быть взят изолированно. И также, когда мы изучаем следствия, мы должны отслеживать резонанс во всех категориях коллективной жизни. Все эти вопросы не географические, но социологические. И именно в социологическом духе их следует рассматривать. Вместо термина антропогеография мы предпочитаем термин социальная морфология, чтобы обозначить ту дисциплину, которая вытекает из нашего исследования; это не из любви к неологизмам, но из-за того, что различные наименования выражают различие в ориентациях»[1].

В качестве доказательства своей правоты социологи приводили в пример довод, что *аналогичные* ландшафты порождают *разные* типы общества, поскольку понимание горы, воды, берега, моря, реки, равнины, леса, болота, степи и т. п. в разных обществах будут разниться. С точки зрения социологии *именно общество формирует семантику окружающей среды*, конституирует внешний мир, географию как социальное, культурное и историческое явление. Общество не просто пассивно отражает природную среду, но, отталкиваясь от своей уникальной социальной парадигмы, *интерпретирует* природный ландшафт, а в некоторых случаях и существенно *изменяет* его.

Социологи в данном случае смотрят *глубже*, чем геополитики. Но еще глубже и интереснее, чем геополитики и социологи, смотрим мы, когда объединяем творческие и научные интуиции представителей геополитической школы с наработками классиков социологии и говорим о *качественном пространстве* как о пространстве географического ландшафта и одновременно о социологическом осмыслении этого ландшафта. Это особое, понятое социологически, геополитическое пространство и изучается приоритетно в данном учебнике.

Мы не утверждаем, что общество есть зеркало, поставленное перед ландшафтом. Мы утверждаем, что и ландшафт, и это зеркало

[1] *Mauss M.* Sociologie et anthropologie. P.:P.U.F.,1966. C. 394. (Перевод А.Д.).

(общество) не являются самостоятельными и оторванными друг от друга объективно существующими реальностями.

Реально только творческое социо- и природообразующее начало общества. Оно предопределяет и реакцию на гору, и представление о горе, и, в принципе, саму эту гору. Общество творит все: и окружающий мир, и географию, и само себя.

Пространство, представляющее собой географический рельеф внешнего мира, есть не что иное, как *проекция социальной морфологии*. Социологическое толкование геополитики не выносит окончательного суждения о том, что первично: социальная матрица или географический ландшафт. Оно изучает их как единое и неразделимое целое.

Мы говорим о том, что к *одной и той* же стихии, к *одному и тому же* климату, к *одному и тому же* ландшафту можно различным образом отнестись. Пример — отношение к *стихии моря.* Одни общества «впускают море внутрь», подстраиваются под него — это и есть геополитическое явление «талассократии», «морского могущества». Другие общества даже в самом интенсивном взаимодействии с морем остаются «верными земле»: это явление называется «теллурократией», буквально «сухопутным могуществом».

Иначе говоря, различные общества по-разному согласуют свою социальную морфологию с географическим ландшафтом. Таким образом, нас нельзя упрекнуть ни в «географическом детерминизме», ни в абстрагировании от конкретных географических условий, в чем подчас упрекают социологов. В этом и заключаются основные предпосылки социологии геополитических процессов как дисциплины.

1.1.4. Три инстанции в геополитике, понятой как социологическая дисциплина

Гегополитика как социологическая дисциплина предполагает рассмотрение не только политических резюме пространственных представлений, выраженных в конкретных действиях и поступках государства и власти, но всей цепочки их возникновения, становления, формирования в глубинах общества, в сфере коллективного сознания и даже в области коллективного бессознательного. И лишь с учетом полученных социологических данных геополитика рассматривает соответственный политический уровень: принятые решения, осуществленные действия, выигранные или проигранные войны, заключенные союзы, созданные военные блоки, осмысленные экономические и стратегические интересы и т. д.

Термин «геополитика» состоит из двух частей: «гео» (от греческого «γαῖα», «земля») и «политика» (от греческого «полис», «πόλις —

город», откуда первоначально произошло понятие «политика» как «способ управления полисом, городом-государством»). Социологический подход к геополитике вводит в диаду смыслов *«земное пространство»/«власть»* третий элемент — *общество*, придавая ему приоритетное значение. И политика, и «земное пространство» («ландшафт») рассматриваются как *структуры социальных представлений*, рождающихся и взаимодействующих в обществе.

В таком, «широком», понимании общества (контрастирующем с «узким» пониманием как противоположности государству и политике) и политическое измерение, и интерпретация окружающей земной среды рассматриваются как производные от глубинной структуры социума.

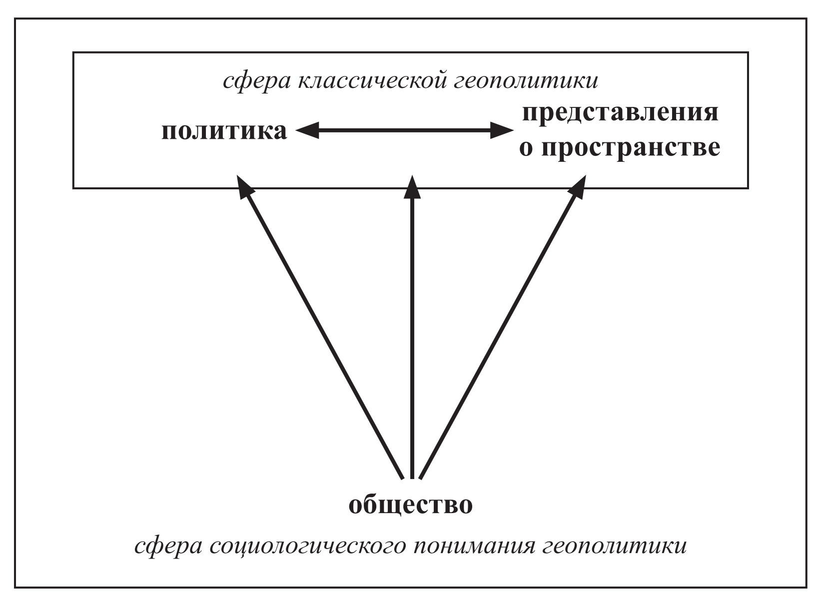

Схема 1. Геополитика в социологической оптике

Таким образом, мы имеем дело с тремя главными инстанциями: 1) *общество*; 2) *политика*, государство, власть, право; 3) качественное *пространство*, географические представления, интерпретация пространственных, климатических и природных явлений.

Между этими инстанциями существует замкнутый контур связей. Обе *производные* (политика и представления о пространстве) вытекают из общества и связаны с ним структурно, концептуально, генетически. Это связи, погружающиеся корнями в глубину социального бытия. Кроме того политика и представления о пространстве как две производных от общей для них первичной социальной матрицы связаны между собой и непосредственными горизонтальными связями.

1.1.5. Социология и институционализация геополитики как науки

Обращение к обществу как базовой основополагающей инстанции позволяет по-новому взглянуть на геополитику как таковую. Большинство критиков классической геополитики ставят ей в вину как раз то, что она слишком схематично, и даже «мифологично», описывает горизонтальные связи между политикой и географией, не вскрывая их природы. Без обращения к обществу этого и нельзя сделать. Введение в геополитическую топику инстанции «общества» и прослеживание помимо «горизонтальных связей» между производными (политикой и географией) глубинных связей с обществом как базисом позволяют по-новому и научно осмыслить сами «горизонтальные связи», представляющиеся не чем-то автономным, но сложной проекцией на уровень производных тех смысловых полей, которые связывают каждую из них с общим истоком. Геополитика, которая долго не могла найти полноценной академической институционализации именно из-за того, что не учитывала первичности общества, начинает рассматриваться как социологическая дисциплина.

Социологическое понимание геополитики является не результатом искусственного наложения двух методов (социологии и геополитики), но выражает саму суть геополитики как дисциплины, фундаментализирует ее, позволяет впервые подойти к ее методологиям со всей строгостью, предъявляемой наукой.

И сама социология долго и трудно пробивала себе путь к признанию ее полноценной академической дисциплиной. Но сегодня никто не осмелится поставить под вопрос научность социологии. Геополитика же еще не прошла этого пути до конца, да и вряд ли сможет это проделать, оставаясь в первоначальных классических границах. Только в сочетании с социологией она сможет добиться признания в научном сообществе. В рамках политологии и политических наук геополитика всегда будет наталкиваться на то, что ее понятийный аппарат и методологии не будут вписываться в четкие критерии власти, права, закона, идеологии, того или иного политического института. При всей безусловной и наглядной эффективности геополитики, при всей достоверности ее выводов, заключений и прогнозов, в ней присутствует «нечто», что ставит ее за рамки политологии и порождает новые и новые волны споров о ее «научности». Это «нечто» способна корректно интерпретировать, разъяснить и обосновать только социология. Поэтому рассмотрение геополитики с *социологической* точки зрения есть своего рода «спасение» геополитики, важнейший шаг на пути ее полноценной и окончательной институционализации[1].

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения. С. 206.

1.2. Пространство как социальное явление

1.2.1. Пространство как социальный концепт. Rex extensa

Как исторически и социологически сформировались наши пространственные представления? Как мы понимаем качественное пространство сегодня?

Пространство — социальный концепт. И у того пространства, с которым мы имеем дело сегодня, есть своя история. Речь идет не о пространстве, которое было всегда, есть сейчас и всегда останется неизменным, а о пространстве, возникшем как социальное явление в эпоху зарождения общества Модерна в западноевропейском (не русском) контексте. Понятие пространства, которое сегодня считается единственным, разработал и ввел в оборот Р. Декарт в рамках своего философского мышления[1]. Он определил субъект как «*res cogens*», «вещь мыслящую», и объект — как «*res extensa*», «вещь протяженную», «*пространственную*», находящуюся *с другой стороны* от мыслящего субъекта. Декартово понимание пространства, которое мы сегодня считаем «просто пространством», пришло в Россию через высшую и затем обычную школу в течение последних веков, начиная с петровских времен. В России это понимание укрепилось благодаря Санкт-Петербургскому и Московскому университетам, где в XVIII—XIX вв. европейские и прежде всего немецкие преподаватели на немецком и латыни рассказывали русским о том, *что такое пространство*. Мы поверили им, затем сами несколько столетий транслировали такое представление о пространстве своим ученикам, и, наконец, пришли к уверенности, что «другого пространства вообще нет».

Несколько иначе, чем Декарт, понимал пространство Исаак Ньютон. Если для Декарта пространство совпадало с материей, из которой созданы вещи, то Ньютон мыслил пространство как особое объективное физическое начало, предшествующее вещам, в котором эти вещи располагаются. Но в обоих случаях речь шла о чем-то, что находится по ту сторону от человеческого субъекта, обладает автономной от него реальностью и принадлежит сфере объекта (у Декарта пространство есть аспект материальной вещи, причем ее главное свойство, а у Ньютона — самостоятельная, предшествующая материальным вещам объективная реальность).

Каково же это придуманное Декартом и Ньютоном пространство? Это пространство однородное, локальное (по Ньютону), не имеющее никаких качественных характеристик: другими словами, это *пространство количественное*. Каждая точка однородного, го-

[1] *Декарт Р.* Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М.: АН СССР, 1953.

могенного количественного пространства является абсолютно равнозначной любой другой точке этого пространства и ничем от нее не отличается. Такое представление о пространстве возникло в рамках математического мышления Декарта в ходе развития западноевропейского общества в период Модерна[1]. Но что такое западноевропейское общество?

Главное определение западноевропейского общества состоит в том, что оно *другое* по сравнению с *русским обществом*. В каком смысле «*другое*»? В первую очередь, это «другое молчание», «европейское молчание». Западные европейцы молчат «о другом», «по-другому», а когда говорят на фоне этого молчания, то проговаривают то, что лежит в основе европейского языка, европейской философии, европейского мышления. Само представление о количественном, однородном, гомогенном пространстве есть уже «импортная» вещь. Такое пространство — это «концептуальный импорт», аналогичный импорту курток из болоньи или сапог на платформе в советское время. Из-за границы нам «прислали» это «количественное пространство», декартову «*res extensa*» (дословно, «протяженную вещь»), и оно основательно вошло в нашу науку. В школе на уроках физики, труда, геометрии и алгебры нам старательно объясняли, каково это пространство: нам повторяли, что оно однородно, протяженно, везде одинаково, что это математическое пространство.

В высшей школе с количественным пространством начинают работать уже как с чем-то само собой разумеющимся, и в результате мы оказываемся под абсолютным гипнозом того, что это и есть *пространство как таковое*, что другого пространства нет и не может быть, а если и есть, то представляет собой «иллюзию», «миф», «абстракцию».

1.2.2. Теория естественных мест Аристотеля

Что такое *качественное пространство*, с которым имеет дело геополитика? Прежде всего, это нечто совершенно *иное, нежели количественное пространство*.

Оперируя с качественным пространством, геополитика выносит за скобки однородное и локальное количественное пространство Декарта — Ньютона. Чтобы понять это, мы должны обратиться к социологии, которая (в особенности структурная социология[2]) демонстрирует, что представление о пространстве всецело определяется обществом и его установками. В обществе архаическом существует одно понимание пространства, в обществе средневековом

[1] См.: *Дугин А.Г.* Постфилософия. М.: Евразийское движение, 2009. С. 434 – 460.

[2] *Дугин А.Г.* Социология воображения. С. 169 – 216.

(религиозном) другое, в обществе Модерна — третье, в обществе Постмодерна — четвертое и т. д. Каково общество — таково и пространство.

Представление о количественном пространстве в Новое время формировалось в споре со средневековой, схоластической, аристотелевской концепцией о неоднородности пространства и неравнозначности его ориентаций (анизотропия). Аристотель учил о наличии у вещей *природных мест*[1], с помощью чего он объяснял движение. Согласно Аристотелю, вещь движется, поскольку она перемещается из *неправильного*, *неестественного* положения в *правильное*, *естественное*. Каждая падающая, летящая, катящаяся вещь движется *к себе домой*. Почему летит стрела? Она летит домой, в сердце противника. Значит, сердце противника — это дом стрелы. У каждой вещи есть свое «естественное» место. И движение объясняется тем, что вещи стремятся вернуться на эти места. Таково представление Аристотеля, лежащее в основании всего его учения о природе.

Аристотелевская модель мира предполагает наличие *нормативной конструкции*, которая является целью всех природных и общественных вещей и явлений. Это «телос» (τέλος — по-гречески «цель», «конец»). Все живые и неживые вещи несут «телос», «цель» в самих себе, что определяется понятием «энтелехия» (неологизм Аристотеля, означающий буквально «несение цели в себе»). Пространство организовано в соответствии с этой нормативной конструкцией: оно сферично, его ориентации (верх и низ, центр и периферия, право и лево, Север, Юг, Восток и Запад) имеют особые качественные характеристики. При этом совокупность вещей мира находится на определенной дистанции от своих естественных мест, т. е. они *смещены* относительно нормативной конструкции. Тяготение к занятию естественного места и есть энергия движения вещи. Но это движение происходит не в пустоте, а среди других вещей, е также стремящихся занять свои места. Пересечение их траекторий, воздействия, оказываемые вещами друг на друга, мешают им достичь цели и составляют элемент случайности, объясняющей причину никогда не прекращающегося движения. Вещи хотят достичь цели, но у них не получается — им мешают другие вещи. Так развертывается динамика мира: в ней есть пространственная нормативная константа, полюс притяжения каждой вещи и есть совокупность «случайных» столкновений вещей между собой. Все это составляет структуру мирового пространства, обладающего двумя измерениями — постоянным (топика «естественного места» каждой вещи) и переменным (координа-

---

[1] *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.

ты конкретной вещи в данный момент времени, определяемые воздействиями других вещей и дистанцией от «естественного места»).

Это пространство является качественным, и оно было общепринятым и в древнегреческом мире (Аристотель не просто создал свою теорию пространства, но обобщил космологические представления разных философских школ его времени), и в европейском Средневековье. Католическая схоластика рассматривала космологию Аристотеля как догму, освященную высшим авторитетом церкви. Можно считать, что «качественное пространство» Аристотеля было преобладающим в течение длительного периода европейской истории — приблизительно с VIII по XVI вв.

1.2.3. Относительность количественного пространства и отказ от него в современной науке

Появление количественного пространства является отрицанием аристотелевского качественного пространства. Творцы парадигмы Нового времени ясно понимали, *что* именно они отвергают. Новое время в первую очередь отвергло учение о *естественных местах* Аристотеля, т. е. нормативную конструкцию мира и заложенную в самих вещах динамику движения к своему «телосу».

Здесь важно, что ученые Нового времени не просто «открыли истину о пространстве», не просто «доказали ложность представлений Аристотеля», но перешли к новому типу общества, в котором сменились доминирующие социальные представления, установки и ценности. Они перешли к иной социальной философии, которая конституировала совершенно другую Вселенную[1].

Концепция «*res extensa*», «количественного пространства», будучи точно таким же социальным конструктом, как и все альтернативные взгляды на пространство, применима исключительно в тех обществах, которые принимают основную философскую модель Нового времени и основывают представление об окружающем мире, субъекте и объекте именно на ней. Иначе говоря, для западноевропейской науки Нового времени вплоть до Эйнштейна и Нильса Бора пространство действительно является количественным[2]. К концу периода Нового времени и к началу эпохи критического переосмысления его парадигм ньютоновские и декартовские

---

[1] Зависимость науки от социально-исторического контекста тщательно проследили такие авторы, как Т. Кун и П. Фейерабенд. См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

[2] См. подробнее: *Дугин А.Г.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.

представления о пространстве начинают подвергаться ревизии и корректироваться.

Например, в квантовой механике Нильса Бора появляется представление о *нелокальном* пространстве. Чтобы понять, что такое «принцип нелокальности», следует вспомнить о смысле «принципа локальности». С точки зрения «принципа локальности» или «количественного пространства» происходящее в одной точке пространства нисколько не влияет на происходящее в другой, бесконечно удаленной от первой, точке. Принцип локальности проистекает из глубинного представления о пространстве как о чем-то однородном, безразличном, не имеющем внутренних ориентиров. В квантовой механике — в области бесконечно малых величин (элементарных частиц, кварков и т. д.) — свойства локального пространства не сохраняются: то, что происходит на квантовом уровне в точке, бесконечно удаленной от данной, влияет на то, что происходит в данной точке.

Еще серьезнее изменилось представление о пространстве в синергетических моделях (С. Хакен, И. Пригожин), изучающих неинтегрируемые процессы и неравновесные состояния, модели хаоса и т. д. Новый взгляд на размерность пространства предлагает *теория фракталов* Б. Мандельброта, согласно которой декартовские координаты и, соответственно, трехмерное пространство представляют собой лишь рационалистические абстракции: в природе же нет прямых линий и гладких поверхностей, и соответственно, реальная *геометрия природы,* по меньшей мере, на одно измерение шире научной геометрии. Это значит, что любая прямая линия в природе двухмерна, любая плоскость трехмерна, а любой объем — четырехмерен. Наконец, совсем причудливые представления о пространстве можно встретить в современной физической «теории суперструн», в которой вводятся такие понятия, как «петлевое пространство», «мировой лист», «десятимерие», «голография» и т. д.

Социолог легко объяснит эти трансформации: меняется общество (от Модерна к Постмодерну) и вместе с ним меняется представление о пространстве; *«пространство» Модерна уступает место «пространству» Постмодерна*.

Однако сегодня в быту мы оперируем не с квантовым, фрактальным, хаотическим или петлевым пространством, как профессиональные физики, а со старомодным европейским пространством XVIII в. — локальным, однородным, материальным, «объективным» и т. д.

Так примерно мыслил на заре XX в. Владимир Ильич Ленин, когда он толковал материю в механицистском ключе ранних материалистов XVII—XVIII вв. («материя — объективная реальность,

данная нам в ощущениях»[1]). Ленинский взгляд на «объективный» мир отражал естественнонаучные представления европейцев раннего Модерна. Этот мир представлялся четко работающим по принципам картезианско-ньютоновской модели механизмом. Но уже в XIX в. эта модель стала ставиться под сомнение, а сегодня квантовое пространство вытеснило, по крайней мере, в науке, однородное и локальное картезианское пространство. Ленин этому сдвигу большого значения не придал: либо потому, что не следил за новыми тенденциями в фундаментальной науке, ограничиваясь научно-популярными брошюрами того времени, либо потому, что в России в конце XIX — начале XX вв. все еще преобладал традиционно-религиозный взгляд на мир и для Ленина было важно утвердить «пространство» Модерна в обществе, где это было еще чем-то новым и «прогрессивным», в то время как в самой Европе «пространство» Модерна все чаще ставилось под сомнение новыми направлениями в науке.

Ленинский механицистский материализм и «объективизм» (с их наивными представлениями об устройстве мира, вещества и материи) сохраняли статус догматов на протяжении всего советского периода, и несколько поколений советских ученых воспитывались на этом как на не подлежащих сомнению «научных» аксиомах. Социологу было бы очевидно, что «научность» и «аксиоматичность» этих постулатов — явление исключительно идеологическое, политическое и социальное, но, видимо, именно по этой причине сама социология в советское время не приветствовалась и не изучалась. Тем не менее в сегодняшнем российском обществе, где марксизм-ленинизм и его догматы уже не являются общеобязательными и незыблемыми «истинами», мы сплошь и рядом имеем дело с наследием советского общества: большинство ученых воспитывались в советское время и были вынуждены принимать и транслировать его аксиомы; кроме того, сам процесс школьного образования до сих пор по инерции продолжает тиражировать именно механицистские и «объективистские», не подвергшиеся критическому переосмыслению и социологическому анализу, представления о материи и пространстве.

Поэтому мы вынуждены столь подробно останавливаться на объяснении того, что «пространство» есть социологический конструкт, а его свойства суть проекция доминирующих в данном конкретном обществе представлений. Нам все еще кажется, что свойства пространства объективны и принадлежат самому объекту. Так учил наивный материализм XVIII в., которого большинство современных ученых — как западных, так и восточных — давно не при-

---

[1] *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание соч.: В 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1970 – 1983.

держивается. И если мы не переступим через эти «объективистские», «материалистические» и «механицистские» предрассудки, мы не поймем ни социологии, ни геополитики.

1.2.4. Геополитика и пространственный смысл. Аристотель, архаика и феноменология

Рассмотрев разные варианты социологической трактовки пространства, мы приблизились к пониманию организации знания, методологии и предмета изучения в геополитике. *Геополитика оперирует с качественным пространством и, значит, вовсе не с пространством классической науки Нового времени.* Однородное, изотропное, локальное, механицистское, объективное, материальное пространство Декарта/Ньютона никак не может быть взято в качестве предпосылки для развертывания геополитической картины мира. Это, в частности, объясняет тот холодный прием, с которым геополитики столкнулись при попытках академической институционализации своих теорий в конце XIX — начале XX вв.

Геополитика оперирует с пространством, отличным от пространственной парадигмы классического Модерна. Однако мы можем заметить и другую социологическую закономерность: интерес к геополитике вновь проснулся в 1970-е гг., как раз в тот период, когда дали о себе знать *процессы перехода западного общества к новой социологической парадигме* — к *парадигме Постмодерна*. Этот переход не мог не повлиять на отношение к пространству: спектр приемлемых взглядов на природу пространства существенно расширился и геополитика перестала вызывать стойкое отторжение.

Можно ли заключить из этого, что геополитика — это наука постмодерна? Ответ на вопрос не очевиден: мы посвятили этому отдельную книгу[1]. Всплеск внимания к геополитике и ее запоздалая по сравнению с другими науками институционализация — признак именно постмодерна, но суть геополитики к этому не сводится. Она возникла тогда, когда Постмодерна не было и в помине, и развивалась несколько десятилетий как область прикладного анализа внешней политики, военной стратегии и международных отношений, не отдавая себе отчета в философской и онтологической обоснованности своих теорий. Многие методики геополитики были полезны и применимы на практике, поэтому англо-саксонские общества (Англия и США), где эта дисциплина получила наибольшее распространение, удовлетворялись этой практической значимостью и прагматической пользой. Поэтому, в определенном смысле, геополитика несет на себе явные следы Модерна, хотя и оперирует с

[1] *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

представлением о пространстве, резко контрастирующим с тем, которое является аксиоматическим в науке Модерна.

Таким образом, геополитическое пространство — это особое явление, которое является сложным и может быть проанализировано одновременно на трех уровнях.

В-первых, геополитическое пространство несет на себе многие признаки аристотелевских воззрений, т. е. выражает собой *пространственные представления традиционного общества*. С точки зрения геополитики совершенно не безразлично, *где* происходит тот или иной процесс и *с каким конкретно обществом* мы имеем дело. И в зависимости от того, к какой точке земли будет относиться то или иное явление, как бы оно ни было похоже на происходящее в других точках, его смысл будет всегда толковаться по-новому.

С точки зрения качественного пространства место нахождения явления, например, месторасположение общества, пространственный рельеф, ландшафт территории, где происходит то или иное событие (будь то береговая или сухопутная зоны, река или гора, болото или лес), чрезвычайно важны для установления смысла этого явления, его анализа и прогнозов относительно дальнейших последствий. Пространство не пустота, не преграда или отсутствие преграды, например, для прокладки железнодорожных путей или бетонной автотрассы. Это некая *смысловая среда* («Raumsinn» — «пространственный смысл», по выражению немецких геополитиков), которая не просто влияет на общество, но определяет его структурные особенности. В значительной степени общество, помещенное в то или иное пространство, меняет свое содержание. Иначе говоря, пространство в геополитике является *смыслообразующим*. Пространство придает смысл явлениям, событиям, процессам, институтам, выступая как интерпретационная, герменевтическая инстанция.

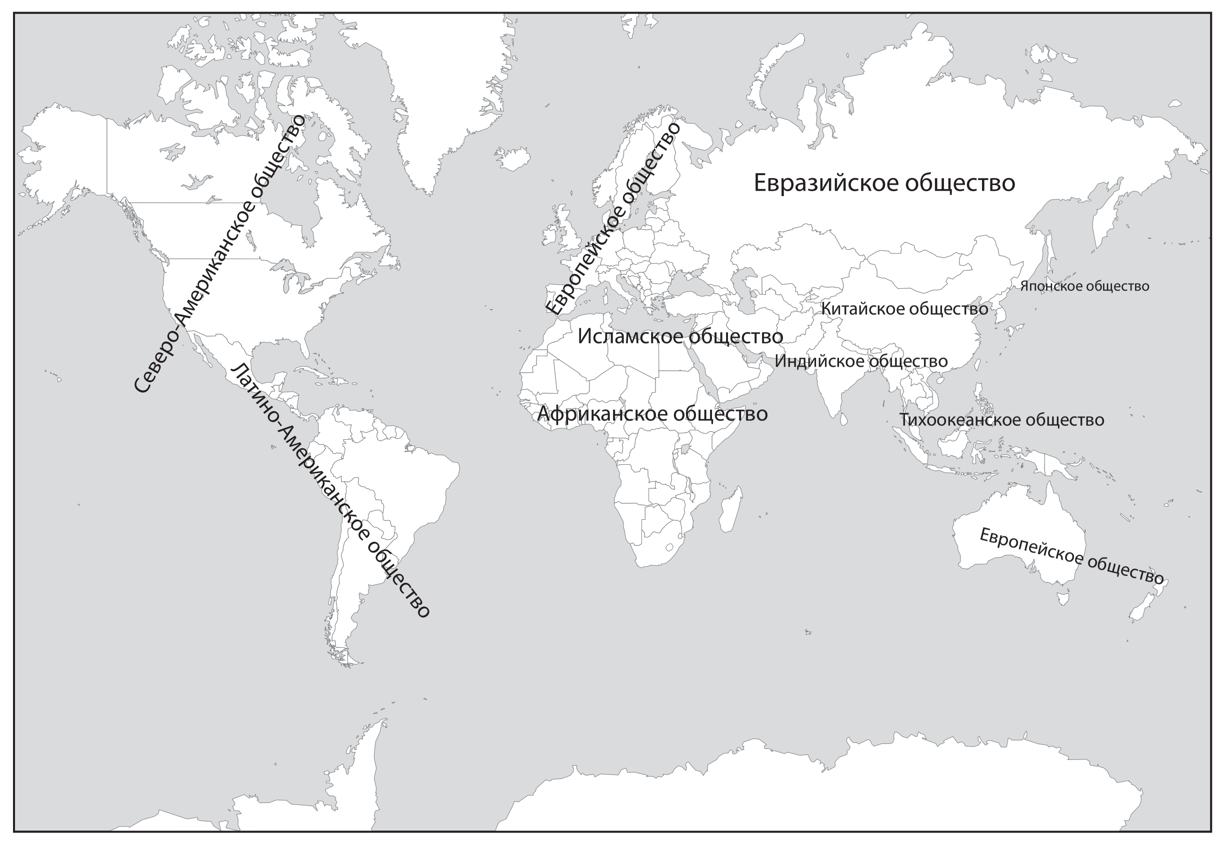
Качественное пространство нам дано как *живой окружающий нас мир*. Пространство, данное нам *феноменологически*, всегда имеет определенный рельеф — морской или горный, низинный или холмистый, речной или пустынный. Оно никогда не является пустым математическим пространством Декарта, это не «res extensa», это всегда ландшафт. Таким образом, *понятие ландшафта* может быть взято в качестве одного из главных свойств качественного пространства. Абстрактного пространства, с которым имеет дело научное мышление Нового времени, мы не знаем, оно не дано нам в опыте. В опыте нам дано созерцание ландшафта.

Если, конкретизируя, говорить о *русском пространстве*, то это всегда *пространство большое*[1], *обязательно без конца и края, что-*

[1] *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна.

Карта 1. Политическая карта мира. Пространство планеты состоит из территорий национальных государств, разделенных административными границами

Карта 2. Цивилизационная карта мира. Пространство планеты состоит из цивилизаций, различных типов обществ, границы между которыми носят культурный, а не административный характер

бы можно было заблудиться, куда-то пойти и не дойти, не там свернуть, и, в конце концов, пропасть в этом пространстве или спастись в его бескрайности. Если, в свою очередь, говорить о японском пространстве, то это всегда будет маленькое пространство. Это совершенно разные восприятия пространства, а феноменологически — это *разные качественные пространства.*

Качественное пространство, состоящее из различий, никогда не ровное пространство, оно всегда имеет борозды, подъемы и впадины. Именно такое пространство характерно для человека, главным свойством которого является *интенсивное различение*. Если посмотреть на пространство математическими декартовыми глазами, в нем способность различения замирает или становится ледяной, как во дворце Снежной королевы. А человеческое различение, напротив, подвижное, динамичное, живое. Мы все время различаем, отличаем и живем этим различением. Такое феноменологическое качественное пространство запечатлено в нашем языке.

Исходя из самого языка, легко понять, о чем здесь идет речь, поскольку язык оперирует с качественным пространством. Если мы говорим «вверх», то подразумеваем «взлетать» или «подниматься», если «вниз», то — «падать» или «спускаться». Язык не позволяет нам сказать «спускаться вверх». Пространство языка качественное, аристотелевское, и нам легко это понять. А в рамках количественного пространства механицистской модели, строго говоря, невозможно употребить такие понятия, как «спуститься» или «подняться». Здесь следует использовать термин «переместиться». «Некто переместился», но не важно куда, поскольку в количественном пространстве у вещи нет «естественного места».

Итак, *геополитика имеет дело с качественным пространством и с теми процессами, которые развиваются в качественном пространстве*. Поэтому геополитика оперирует не с пространством Декарта и его ортогональными координатами, а с пространством Суши и Моря, структура которых намного более сложна и многомерна.

Всякое пространство с точки зрения геополитического подхода, равно как и с точки зрения феноменологии человеческого интенсивного восприятия, является либо сухим, либо влажным, либо высоким, либо низким, либо близким, либо далеким. Поэтому геополитику и ее методы так легко осваивать даже людям, не имеющим специальной научной подготовки. Аппарат геополитических представлений воспроизводит феноменологические структуры обычного человеческого восприятия окружающей действительности. Геополитика оперирует с аналогом «жизненного мира» и привычными, часто употребляемыми, бытовыми ассоциациями. В эпохи традиционного общества эта связь между наивным «жиз-

ненным миром» и научными теориями была более прямой и крепкой. Мы с полным основанием можем отнести геополитическое пространство и к аристотелевскому, и к религиозно-мифологическому, и к феноменологическому, связанному с «жизненным миром», отношению людей к тому, в чем они пребывают.

Таким образом, один слой геополитического пространства мы идентифицируем с пространственными представлениями, предшествующими эпохе Модерна — т. е. с мифологическим, архаическим и феноменологическим пространством.

1.2.5. Географический детерминизм и прагматика пространства

Но у геополитического пространства есть и иной срез. Его можно назвать *прагматическим*. И здесь мы попадаем в парадигму Модерна с его специфическими представлениями. Многие геополитики, в том числе и основатель политической географии Фридрих Ратцель[1], рассматривали пространство как объективное свойство окружающего мира, не ставя под сомнение основные принципы пространства Нового времени. Другое дело, что они уделяли влиянию объективной географической среды повышенное внимание.

Это можно проследить, начиная с трудов Шарля Монтескье[2], объяснявшего различия в культурном уровне разных народов влиянием климата и географических особенностей. При этом Монтескье был одним из ключевых деятелей Просвещения и всемерно укреплял парадигмы Нового времени. Для него географические особенности были выражением эмпирической силы воздействия объекта на субъект — в духе номиналистского и эмпирического подходов английской философии, которой англофил Монтескье искренне восхищался. Здесь мы имеем дело с определенной версией материализма.

В таком же духе мыслил пространство и Ф. Ратцель, которого считают основателем «географического детерминизма». Ратцель полагал, что ландшафт оказывает решающее воздействие на социально-политические и хозяйственные стороны развития общества — сдерживает одни силы и тенденции и поощряет развитие других. И снова мы имеем дело с вполне модернистским представлением о пространстве, где лишь его «объективное» влияние на общество ставится во главу угла.

Как поле развертывания чисто прагматических сил, связанных с политическим и экономическим контролем над территориями

[1] *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. С.-Петербург: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904.

[2] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.

земного шара, рассматривали географическое пространство англосаксонские геополитики А. Мэхэн[1] и Х. Макиндер[2].

В значительной степени вся англосаксонская и частично ранняя немецкая традиция геополитики не выходят за рамки понимания пространства как объективно существующей реальности, но лишь подчеркивает, что эта реальность в форме географической среды, ландшафта, существенно аффектирует политическую, стратегическую и экономическую природу государств и обществ. При этом немецкие геополитики все же руководствуются в большей степени органицистской философией и тяготеют к тому, чтобы рассматривать социокультурные явления как высший уровень органических и витальных процессов (отсюда тезис о «государствах как формах жизни» шведа Рудольфа Челлена, ученика Ратцеля, который и ввел самое понятие «геополитика»). Англосаксы, в свою очередь, более механистичны и интересуются пространством и его закономерностями с утилитарно-прагматической точки зрения. Это, впрочем, не помешало и тем, и другим внести огромный, решающий вклад в становление геополитики как науки.

1.2.6. Геополитика и пространство постмодерна

И, наконец, в наше время, в эпоху перехода к обществу Постмодерна, мы сталкиваемся с новыми тенденциями в геополитике, которые проецируют геополитические методологии на новые типы пространств — космическое пространство, виртуальное пространство, информационное пространство, сетевое пространство, коммуникативное пространство, экономическое пространство, глобальное пространство и т. д. Некоторые философы-постмодернисты, в частности, Ж. Делез и Ф. Гваттари, вводят такой термин как «геофилософия»[3], пытаясь осмыслить разнообразие интеллектуальных культур Запада и Востока через различия в их интерпретациях пространства. Делез и Гваттари разрабатывают новые формы постмодернистского осмысления пространства, материи и телесности — в частности, такие понятия как «ризома», «тело без органов», «гладкое пространство», «изборожденное пространство»[4] и т. д., которые можно успешно применить и к

[1] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660—1783 гг. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812 гг. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

[2] *Макиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

[3] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009.

[4] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990; *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1998.

новому толкованию социокультурных, политических и геополитических явлений.

Сегодня все чаще делаются попытки разработать геополитическую теорию нового поколения — геополитику постмодерна[1] (например, «критическая геополитика» О'Туатайла[2] и т. д.). В этом отношении специфика геополитического пространства открывает еще один уровень — возможность геополитического рассмотрения тех явлений и сред, которые ранее к геополитике не относились.

Если суммировать эти уровни, то наше представление о геополитическом пространстве становится чрезвычайно многомерным и объемным. Это пространство одновременно является и архаико-мифологическим, и аристотелевским (нормативно-телеологическим), и феноменологическим, и «объективным» (но с учетом повышенного влияния на субъект — культуру, общество, человека — вплоть до органицизма), и постмодернистским.

---

[1] *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб: Амфора, 2007.

[2] *O'Tuathail Gearoid.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996.

Глава 2

ГЕОПОЛИТИКА: ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ПРИНЦИПЫ, АКСИОМЫ, МЕТОДЫ

2.1. Провозвестники геополитики: Ф. Ратцель

2.1.1. Ф. Ратцель: политическая география как предшественница геополитики

Одним из предшественников собственно геополитической науки, тем, кто по сути и сформировал предпосылки для возникновения геополитики, был Фридрих Ратцель (1844—1904), немецкий географ и этнолог, издавший серию программных работ, открывающих собой новую науку — «*антропогеографию*» или «*политическую географию*»[1].

Ратцель окончил Политехнический университет в Карлсруэ, где он прослушал курсы геологии, палеонтологии и зоологии. Завершил он свое образование в Гейдельберге, где стал учеником профессора Эрнста Гекеля (первым употребившего термин «экология»). Мировоззрение Ратцеля было основано на эволюционизме и дарвинизме и окрашено отчетливым интересом к биологии.

Ратцель участвовал в войне 1870 г., куда оправился добровольцем, за храбрость получил награду «Железный Крест». В политике он постепенно становится убежденным националистом, а в 1890 г. вступает в «Пангерманистскую лигу» Карла Петерса. Он много путешествует по Европе и Америке и добавляет к своим научным интересам исследования по этнологии, затем становится преподавателем географии в техническом институте Мюнхена, а в 1886 году переходит на кафедру географии в Лейпциге.

В 1876 году Ратцель защищает диссертацию об «Эмиграции в Китае», а в 1882 году в Штуттгарте выходит его фундаментальный

[1] *Ratzel F.* Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen. 1882—1891; *Idem.* Völkerkunde. 1885; *Idem.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. 1897; *Idem.* Deutschland. Einführung in die Heimatkunde. 1898; *Idem.* Völkerkunde, 1901; *Idem.* Die Erde und das Leben, 1902; *Idem.* Die geographische Lage der grossen Stadte / Grosstadt, Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Vol. 9. Dresden: Zahn&Jaensch, 1903. На русском языке: *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. СПб: Типография Товарищества «Просвещение«, 1903.

труд «Антропогеография» («Antropogeographie»), в котором он формулирует свои основные идеи: связь эволюции народов и демографии с географическими данными, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и т. д.

2.1.2. Основные принципы и законы политической географии

В своих трудах Ф. Ратцель заложил целый ряд тезисов, большинство из которых легли в основу последующих геополитических методик.

1. *Человечество едино и его отдельные этнические и социальные сегменты подчиняются общей логике развития* — по аналогии с другими видами живых существ (этот тезис оспаривали позже представители культурной антропологии, структурализма и большинство направлений в классической социологии). Единство человеческого рода — это общеземная или планетарная черта, которая воплощает в себе высший уровень творения[1].

2. Государство есть *живое тело*, которое простирает себя по поверхности земли и отличает себя от других тел, которые располагаются таким же образом[2]. Государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии жизни, являясь высшей точкой этих явлений[3]. «Органический» подход Ратцеля сказывается и в отношении к самому пространству (Raum). Это «пространство» переходит из количественной материальной категории в новое качество, становясь «*жизненной сферой*», «*жизненным пространством*» (Lebensraum)[4] или «*геобиосредой*». Отсюда вытекают два других важных понятия «политической географии» Ратцеля: «*пространственный смысл*» (Raumsinn) и «*жизненная энергия*» (Lebensenergie). Эти термины близки друг к другу и обозначают некое особое качество, присущее географическим системам и

---

[1] *Ratzel F.* Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen.

[2] *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges.

[3] Ibidem.

[4] *Ratzel F.* Uber den Lebensraum//Die Umschau. 1897. Vol. 1. С. 363—366.

предопределяющее их политическое оформление в истории народов и государств.

3. Государство мыслится Ратцелем как многомерная *экологическая среда*, в которой происходит оформление народа, нации. Какими Ратцель видел соотношения этноса и пространства, явствует из его «Политической географии»: государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. Наиболее важными характеристиками являются размеры, местоположение и границы. Далее следует типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности, и в первую очередь с прилегающими морями и незаселенными землями, которые, на первый взгляд, не представляют особого политического интереса. Совокупность всех этих характеристик составляют страну (das Land). Но когда говорят о «нашей стране», к этому добавляется все то, что человек создал, и все связанные с землей воспоминания. Так изначально чисто географическое понятие превращается в духовную и эмоциональную связь жителей страны и их истории.

Государство является организмом не только потому, что оно артикулирует жизнь народа на неподвижной почве, но потому, что эта связь взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, не мыслимым без одного из двух составляющих. Необитаемые пространства, неспособные вскормить Государство, — это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в него[1].

4. *Государство может расширяться и сужаться в зависимости от внутренних и внешних факторов*. Оно растет пространственно, если у него есть внутренние силы, ресурсы, энергии и если ему удается преодолеть сопротивление государств, расположенных рядом. Оно сжимается, если утрачивает жизненные силы или уступает давлению более могущественных соседних политических образований. Пребывая в одной и той же антропогеографической нише, все государства обречены на то, чтобы развиваться через циклы слияний и поглощений, расширений и сужений. Это неумолимый закон политического пространства. Отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции «нерушимости границ». Государство рождается, растет, умирает подобно жи-

---

[1] *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges.

вому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом.

5. Развивая идеи «жизненного пространства», расширения и сужения территорий государств, Ратцель формулирует законы «*территориальной экспансии государства*». Экспансия мыслится им как биологическая необходимость, а не как результат рационально-волевой деятельности политических элит. В своей статье «О законах пространственного роста государств»[1] Ратцель так описывает *семь законов экспансии*: 1) протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры; 2) пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма; 3) государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости; 4) граница — это орган, расположенный на периферии государства (понятого как организм); 5) осуществляя свою пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории; 6) изначальный импульс экспансии приходит извне, т. к. государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией; 7) общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает самое себя[2]. Многие обвиняют Ратцеля в том, что он написал «Катехизис для империалистов». При этом сам Ратцель отнюдь не стремился любыми путями оправдать немецкий империализм, хотя и не скрывал, что придерживается националистических убеждений. Для него было важно создать концептуальный инструмент для адекватного осознания истории государств и народов в их отношении с пространством.

6. *Государства адаптируются к ландшафту*, используя его преимущества и открывающиеся возможности и стараясь преодолеть заложенные в нем ограничения так же, как поступают растения или животные виды (включая развитие и наследование новых качеств, дифференциацию органов, методик добывания пищи и т. д.). Но в случае людей адаптация носит культурный, социальный и политический характер, членящий единое человечество на разнообразные антропологические виды, выражающиеся в много-

---

[1] *Ratzel F.* Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // Petermanns Geographische Mitteilungen. 1986. Jg. 42. С. 97—107.

[2] Ibidem.

образии культур, цивилизаций, политических систем, хозяйственных практик[1].

Эти принципы «политической географии» Ратцеля стали отправной точкой для всей дальнейшей геополитической мысли.

2.1.3. Американский опыт, значение «Моря» и «мировое могущество»

На Ф. Ратцеля в значительной степени повлияло знакомство с Северной Америкой, которую он хорошо изучил и которой посвятил две книги: «Формы городов и культур Северной Америки»[2] и «Соединенные Штаты Северной Америки»[3]. Он заметил, что «чувство пространства» у американцев развито в высшей степени, т. к. они были поставлены перед задачей освоения «пустых» пространств, имея за плечами значительный *«политико-географический»* опыт европейской истории. Следовательно, американцы осмысленно осуществляли то, к чему Старый Свет приходил интуитивно и постепенно. Так у Ратцеля мы сталкиваемся с первыми формулировками другой важнейшей геополитической концепции — концепции «*мировой державы»* (Weltmacht). Ратцель заметил, что у больших стран в их развитии есть тенденция к максимальной географической экспансии, выходящей постепенно на планетарный уровень. Следовательно, рано или поздно географическое развитие территориально обширного государства должно подойти к своей континентальной фазе.

Применяя этот принцип, выведенный из американского опыта политического и стратегического объединения континентальных пространств, к Германии, Ратцель предрекал ей судьбу мощной континентальной державы.

Предвосхитил он и другую важнейшую тему геополитики: значение моря для развития цивилизации. В своей книге «Море, источник могущества народов»[4] он указал на необходимость каждой мощной державы особенно развивать свои *военно-морские силы*, т. к. этого требует планетарный масштаб полноценной экспансии. То, что некоторые народы и государства (Англия, Испания, Голландия и т. д.) осуществляли *спонтанно*, сухопутные державы (Ратцель, естественно, имел в виду Германию) должны делать *осмысленно*: развитие флота является необходимым условием для приближения к статусу «мировой державы» (Weltmacht).

---

[1] *Ratzel F.* Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen.

[2] *Ratzel F.* Städte — und Culturbilder aus Nordamerika. Leipzig: F.A. Brockhaus,1876.

[3] *Ratzel F.* Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. Muenchen: Oldenbourg, 1878.

[4] *Ratzel F.* Das Meer als Quelle der Völkergrösse — eine politischer — geographische Studie. München / Berlin: Oldenbourg, 1900.

«Море» и «мировая держава» у Ратцеля уже связаны между собой, однако только у позднейших геополитиков (Х. Макиндера, К. Хаусхофера и особенно К. Шмитта) эта тема приобретет законченность и центральность.

Труды Ф. Ратцеля являются необходимой базой для всех геополитических исследований. В свернутом виде в его работах содержатся практически все основные тезисы, которые позднее лягут в основание этой науки.

2.2. Провозвестники геополитики: А. Мэхэн

2.2.1. Адмирал Альфред Мэхэн: основоположник теории «морского могущества»

Другим провозвестником геополитики, наряду с Ф. Ратцелем, выступал американский стратег, адмирал Альфред Тайер Мэхэн (1840—1914)[1].

Сам А. Мэхэн термин «геополитика» не употреблял (как и Ратцель), но структура его стратегического анализа и основные выводы точно соответствуют сугубо геополитическому подходу. Идеи Мэхэна лежат в основе англосаксонской геополитической традиции и приняты всеми геополитическими школами как фундаментальные концептуальные установки.

Офицер американских «Union Navy», он преподавал с 1885 г. историю военного флота в «Naval War College» в Нью-Порте (Роуд-Айленд). В 1890 г. он опубликовал свою первую книгу, ставшую почти сразу же классическим текстом по военной стратегии — «Влияние морской силы на историю 1660—1783»[2]. Далее следуют с небольшим промежутком другие работы: «Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812»[3], «Заинтересованность Америки в Морской Силе в настоящем и в будущем»[4], «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику»[5] и «Морская Сила и ее отношение к войне 1812 года»[6].

---

[1] См.: *Mahan A.T.* The Interest of America in Sea Power, Present and Future. London: Sampson Low, Marston & Company, 1897; *Idem.* Sea Power in Relation to the War of 1812. Boston: Little, Brown, and Company, 1905. По-русски: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

[2] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю. 1660—1783.

[3] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812.

[4] *Mahan A.T.* The Interest of America in Sea Power, Present and Future.

[5] *Mahan A.T.* The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London: Sampson Low, Marston and Co., 1900.

[6] *Mahan A.T.* Sea Power in Relation to the War of 1812.

Практически все книги были посвящены одной теме — «*морской силе»*, «морскому могуществу», «*Sea Power»*.

«Морское могущество», по Мэхэну, представляет собой достижение военного, стратегического, политического и экономического превосходства за счет использования морских пространств и путей сообщения, а также за счет охраны собственных береговых границ и установления контроля над береговыми зонами, относящимися к «нейтральным» территориям или к территориям «противника». Для Мэхэна судьба США состоит в полном отождествлении с «морским могуществом», а главным ее стратегическим, историческим и политическим противником всегда была сухопутная континентальная Россия.

А. Мэхэн был не только теоретиком военной стратегии, но активно участвовал в политике. В частности, он оказал сильное влияние на таких политиков, как Генри Кэбот Лодж и Теодор Рузвельт. Более того, если ретроспективно рассматривать американскую военную стратегию на всем протяжении XX в., то мы увидим, что *она строится в прямом соответствии с идеями Мэхэна.* Причем, если в Первой мировой войне эта стратегия принесла США ограниченный успех, то ее эффективное применение в промежутке между двумя мировыми войнами и особенно во Второй мировой войне дало колоссальный результат. Победа США и западного блока как «морского могущества» окончательно закрепила успех стратегических идей Мэхэна, который раньше других осознал главные вектора политико-стратегического, военного и экономического становления США как глобальной мировой империи.

2.2.2. Морское могущество и мировая торговая империя

Для А. Мэхэна важнейшим инструментом политики, наряду с военно-морскими силами, является *торговля*. Военные усилия и флот должны лишь обеспечивать максимально благоприятные условия для создания планетарной торговой сети. Мэхэн выделяет три фазы экономического цикла:

1) производство (обмен товаров и услуг через водные пути);

2) навигацию (реализующую этот обмен);

3) колонии (производящие циркуляцию товарообмена на мировом уровне)[1].

Мэхэн считает, что анализировать позицию и стратегический статус государства следует на основании шести критериев:

– *Географическое положение государства*, его открытость *морям*, возможность *морских* коммуникаций с другими странами. Протяженность *сухопутных* границ, способность контролиро-

[1] См.: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю. 1660 – 1783.

вать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим *флотом* территории противника.

- «*Физическая конфигурация*» государства, т. е. конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависят процветание торговли и стратегическая защищенность.
- *Протяженность территории*. Она равна протяженности *береговой линии*.
- *Статистическое количество населения*. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.
- *Национальный характер*. Способность народа к занятию торговлей, т. к. морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.
- *Политический характер правления*. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание мощной морской силы[1].

Уже из этого перечисления видно, что Мэхэн строит свою теорию, исходя исключительно из «морского могущества» и мировой «морской торговли». *Понятие «морское могущество» неразрывно связано со свободой «морской торговли», а военно-морской флот выступает гарантом обеспечения этой торговли*. Для Мэхэна образцом «морской силы» был древний Карфаген, а в более близкое время — Британская империя XVII—XIX вв.

Мэхэн идет еще дальше, считая «морское могущество» особым типом цивилизации (предвосхищая идеи Х. Макиндера и К. Шмитта), наилучшим и наиболее эффективным среди всех существующих, а потому предназначенным для мирового господства.

2.2.3. США как мировое морское могущество и торговая империя

Идеи А. Мэхэна были восприняты во всем мире и повлияли на многих европейских стратегов. Даже сухопутная и континентальная Германия в лице адмирала Тирпица приняла на свой счет тезисы Мэхэна и стала активно развивать свой флот. Показательно, что в 1940 и в 1941 году две книги Мэхэна были изданы и в СССР[2].

Но предназначались эти книги в первую очередь Америке и американцам. Мэхэн был горячим сторонником доктрины президента Монро (1758—1831), который в 1823 г. декларировал принцип взаимного невмешательства стран Америки и Европы, а так-

[1] См.: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю. 1660—1783.

[2] *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю. 1660—1783. М.: Воениздат, 1940; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812. М.:Воениздат, 1939.

же поставил рост могущества США в зависимость от территориальной экспансии на близлежащие территории. Мэхэн считал, что у Америки «*морская судьба*» и эта »Проявленная Судьба» («Manifest Destiny»)[1] заключается на первом этапе в стратегической интеграции всего американского континента (в чем и состоял смысл доктрины Монро), а затем — в установлении мирового господства.

Надо отдать должное почти пророческому видению Мэхэна. В его время США еще не вышли в разряд передовых мировых держав; более того, была далеко не очевидна их принадлежность к «морскому могуществу». Еще в 1905 г. Х. Макиндер в статье «Географическая ось истории»[2] относил США к «сухопутным державам», входящим в состав «внешнего полумесяца» лишь как полуколониальное стратегическое продолжение морской Англии. Макиндер писал: «Только что восточной державой стали США. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию»[3].

Но уже за несколько лет до появления текста Х. Макиндера адмирал Мэхэн предсказывал именно Америке планетарную судьбу, ее дальнейшее становление ведущей морской державой, прямо и непосредственно влияющей на судьбы мира.

В статье «Заинтересованность Америки в Морской Силе»[4] Мэхэн утверждал, что для того, чтобы Америка стала мировой державой, она должна выполнить следующие пункты: 1) активно сотрудничать с британской морской державой; 2) препятствовать германским морским претензиям; 3) бдительно следить за экспансией Японии в Тихом океане и противодействовать ей; 4) координировать с европейцами совместные действия против народов Азии[5].

Мэхэн видел судьбу США в том, чтобы не пассивно соучаствовать в общем контексте периферийных (по отношению к Англии) государств, но в том, чтобы занять ведущую позицию в экономическом, стратегическом и даже идеологическом отношениях.

Независимо от Х. Макиндера Мэхэн пришел к тем же выводам относительно главной опасности для «морского могущества»: этой опасностью являются *континентальные государства Евразии:* в первую очередь, Россия, а во вторую — Германия. Борьба с Росси-

[1] *Weinberg Albert K.* Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore: Johns Hopkins, 1935.

[2] *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history//The Geographical Journal. 1904.№ 23, С. 421 – 437. Русский перевод: *Макиндер Х.* Географическая ось истории/ *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491 – 506.

[3] См.: *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history.

[4] *Mahan A.T.* The Interest of America in Sea Power, Present and Future.

[5] Ibidem.

ей, с этой «непрерывной континентальной массой Русской Империи, протянувшейся от западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке», была для Морской Силы главной долговременной стратегической задачей.

А. Мэхэн перенес на планетарный уровень принцип «анаконды», примененный американским генералом Мак-Клелланом в североамериканской гражданской войне 1861—1865 гг. против армии южан-конфедератов. Этот принцип заключается в блокировании вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что приводит постепенно к стратегическому истощению противника. Так как Мэхэн считал, что мощь государства определяется его потенциями становления «морским могуществом», то в случае противостояния с континентальными державами (Россия, Германия) стратегической задачей номер один является недопущение этого становления в лагере противника. Следовательно, исторической задачей Америки является усиление своих позиций и ослабление противника по шести стратегическим пунктам (перечисленным выше). Собственные береговые просторы должны быть под контролем, а соответствующие зоны противника нужно стараться любыми средствами оторвать от континентальной массы.

И далее: т. к. доктрина Монро (в широком смысле, как план стратегической территориальной интеграции) *усиливает мощь* государства, то не следует допускать создания аналогичных интеграционных образований у противника. Напротив, противника или соперника (по А. Мэхэну, это евразийские державы — Россия и Германия) следует ослаблять, удушая в кольцах «анаконды» континентальную массу, сдавливая ее за счет выведенных из-под ее контроля береговых зон и перекрывая по возможности выходы к морским пространствам.

В первой мировой войне эта стратегия реализовалась в поддержке Антантой белого движения по периферии Евразии (как ответ на заключение большевиками мира с Германией). Во второй мировой войне она также была обращена против Средней Европы и, в частности, через военно-морские операции против стран Оси и Японии. Но особенно четко она видна в эпоху холодной войны, когда противостояние США и СССР достигло тех глобальных, планетарных пропорций, с которыми на теоретическом уровне геополитики оперировали, начиная с конца XIX века.

Фактически, основные линии стратегии НАТО и других блоков, направленных на сдерживание СССР (концепция «сдерживания» тождественна стратегической и геополитической концепции «анаконды») — ASEAN, ANZUS, CENTO — являются прямым развитием основных тезисов адмирала А. Мэхэна, которого на этом основании вполне можно назвать интеллектуальным *отцом современного атлантизма.*

2.3. Рождение геополитики: Р. Челлен

2.3.1. Рудольф Челлен: рождение термина «геополитика» и его первые дифиниции

Термин «геополитика» первым употребил в XIX веке швед Рудольф Челлен (1864—1922)[1], ученик Фридриха Ратцеля.

Р. Челлен был профессором истории и политических наук в университетах Уппсалы и Гетеборга. Кроме того, он активно участвовал в политике и был какое-то время депутатом шведского парламента. Челлен не являлся профессиональным географом и рассматривал геополитику, основы которой он развивал, отталкиваясь от работ Ратцеля, как часть *политологии*.

Геополитику Челлен определил как «*науку о Государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве*»[2].

Помимо «геополитики» Р. Челлен предложил еще четыре неологизма, которые, по его мнению, должны были составить основные разделы политической науки: «экополитика» (изучение государства как экономической силы); «демополитика» (исследование динамических импульсов, передаваемых народом государству; аналог «антропогеографии» Ратцеля); «социополитика» (изучение социального аспекта государства); «кратополитика» (изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономическими факторами)[3]. Но все эти дисциплины, развиваемые Челленом параллельно геополитике, не получили широкого признания, в то время как термин «геополитика» устойчиво утвердился.

Этимология термина очевидна: от греческого «πολις», «государство», и «γεα», «земля». Согласно Челлену, геополитика изучает отношение государства, политической системы, политического организма к ландшафту, к территории, к земле, к пространству и представляет собой раздел политологии.

Челлен предложил систематизировать геополитические знания, рассматривая отношение государства к пространству как абсолютно необходимый элемент любого политологического анализа, и с этого момента слово «геополитика» начинает свое существование в истории. У самого Челлена геополитика считалась частью более обширной политологической конструкции, представляя собой лишь направление прикладной политологии.

---

1 *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия»,, 2008.

2 Там же.

3 Там же.

Однако постепенно геополитика обособилась в отдельную дисциплину.

2.3.2. Органицизм как отличительная черта геополитики

Классическая геополитика, определенная в терминах Р. Челлена, задумывалась как дисциплина, изучающая отношения политических единиц, высшим выражением которых является государство, к пространству власти.

Здесь следует отметить одну важную особенность. Само государство понимается Челленом *не как механизм* (вопреки классической политологии), но *как организм*.

В своем главном труде «Государство как форма жизни»[1], выпущенном в 1916 г., Челлен развил постулаты, присутствующие уже у Ратцеля, в которых отражается *органицистский подход*. Этот подход отражается в названии книги «Государство как форма жизни», где государство рассматривается не как абстрактно-логический аппарат, но именно как выражение и проявление жизни как таковой.

В XIX в. о природе государства спорили две основные школы философов, юристов, правоведов, историков. Одни — механицисты — придерживались теории искусственной сущности государства, другие — романтики, виталисты — органицистской теории, т. е. видели в государстве одну из форм живой природы, действующей сквозь людей, общество, культуру (А. Эспинас, П. фон Лилиенфельд, А. Шеффле и другие).

Механическое понимание государства основывалось на идеях Просвещения (Декарт, Ньютон. Ламетри и др.), сравнивавших организмы и органы человека с механическими предметами, машинами («метафора часов»). Органицисты (романтики, холисты, виталисты, «философы жизни» и т. д.) противопоставляли им идею *органической целостности* любого явления («метафора дерева»), которое невозможно разобрать на части без того, чтобы не погубить. Если механицисты даже живые организмы пытались осмыслить как аппараты и понять их устройство, исходя из элементов, частей, фрагментов (современная генетика во многом продолжает именно механицистский подход, хотя на более совершенном и изощренном уровне), то органицисты, напротив, даже искусственные конструкции — такие, как государство, общество и т. д. — толковали как стадии развития динамической жизненной стихии.

Согласно «метафоре часов», государство, общество, политика, народ, культура представляют собой искусственно созданные механизмы. С точки зрения «метафоры дерева» государство, обще-

[1] *Челлен Р.* Государство как форма жизни.

ство, человек, культура представляют собой естественно развившиеся организмы. Разница в подходах заключается в том, что в первом случае любое образование можно разъять, как механизм, на составные части, а потом собрать заново, а во втором случае это невозможно. Если, например, спилить дерево, а затем попытаться его водрузить на место, из этой попытки ничего не выйдет. Если расчленить любое живое существо, то вернуться к предшествующему состоянию уже не удастся: части тела сшить можно, но это будет лишь *чучело*.

Механицизм и органицизм встречаются и в социологии, и в политологии, и в различных философских и даже естественнонаучных дисциплинах. В случае механицизма (Р. Декарт[1], Ж.О.де Ламетри[2] и У. Гарвей[3]) человек будет рассматриваться как механизм, в котором легкие уподобятся кузнечным мехам, печень — котлу для варки, суставы — рычагам, жилы — канатам, сердце — насосу и т. д. Современная медицина, кстати, исходит преимущественно из *механицистских* представлений о человеке и мире. Органы рассматриваются как нечто существующее *отдельно* от всего организма. Отсюда идея трансплантации, предполагающей, что можно заменить один орган другим. Такой подход был категорически неприемлем для холистской медицины, рассматривавшей человеческое существо как целостную сущность, в которой ничего без серьезных последствий кардинально поменять нельзя. В наше время в медицине органицистское направление частично представлено в гомеопатии.

Геополитика основана строго на органицистском подходе. Поэтому с точки зрения геополитики совершенно не все равно, где находится то или иное государство, в каком ландшафте, на какой территории живет то или иное политическое сообщество.

2.3.3. Потамическая теория как пример географического детерминизма

Первых геополитиков, и в первую очередь Ф. Ратцеля, обвиняли в так наз. «географическом детерминизме». Ранее мы уже упоминали об этом с точки зрения соотношения геополитики и социологии. Разберем, что это означает с точки зрения чистой геополитики.

Детерминизм — это «предопределенность». Следовательно, «географический детерминизм» означает, что организация поли-

[1] *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989.

[2] *Ламетри Ж. О.* Человек-машина // *Ламетри Ж.О.* Сочинения М.: Мысль, 1976

[3] *Harvey W.* The Circulation of the Blood and Other Writings. London: Everyman, Orion Publishing Group, 1993.

тической системы строго зависит от того или иного ландшафта, предопределяется им.

Примером географического детерминизма, в частности, является *потамическая теория цивилизаций* («потамическая» — от греческого слова «ποταμός», «река»). Она гласит, что *государство* возникает прежде всего там, где речные потоки *пересекаются*, сходятся между собой. Там, где реки текут *параллельно* друг другу, возникновение государств отложено, замедлено, зависит от множества второстепенных факторов.

Если мы посмотрим на историю, имея в виду географический рельеф всех известных нам государств, мы увидим, что это абсолютно верно. Там, где сходятся водные пространства, например, в Междуречье, в дельте Нила, в Западной Европе, государства и четко формализованные политические образования возникают ранее других областей. Московское царство возникает на пересечении бассейнов рек Оки и Волги. Но западнее и восточнее реки текут параллельно, и возникновение государств там отложено.

Там, где реки текут параллельно, — например, в Германии или в Сибири, цивилизации складываются с запозданием. Так, национальное германское государство возникло одним из последних в Европе, хотя немцы являются наиболее могущественным по силе и воле народом в деле государственного строительства. Они создали европейскую политическую систему за счет германских династий, но тем не менее собственное полноценное государство у них появилось лишь в XIX в. (если, конечно, не считать империи Карла Великого и Гогенштауфенов бывшими полиэтническими государствами).

До XIX в. существовали отдельные раздробленные немецкие княжества: Бавария, Гессен, Пруссия. Австрия же представляла собой полиэтническую империю. Бисмарк железной рукой всех их собрал воедино. Но это произошло лишь в XIX в., когда, например, у Франции как государства за плечами была чуть ли не тысячелетняя история. Но государство Франции была создано теми же немцами — франками. На столь странный ход исторических событий, по мнению геополитиков, существенно повлияло течение рек: во Франции реки текли правильно, а в Германии — нет. Именно поэтому немцы создавали государства и в Европе, и в Северной Африке (например, государство вандалов), а у себя никак его построить не могли.

Если рассмотреть территории Северной Евразии к востоку от Уральского хребта, то мы увидим ту же картину: наша Сибирь долго не могла обрести государственность потому, что реки в тех краях текут параллельно друг другу. Если же переехать за Урал к Западу, реки начинают пересекаться. Отсюда длительная история образования государства Московской Руси или Волжской Булгарии.

Примеров убедительности потамической теории множество. Правда, многие считают ее неактуальной: современные государства уже не зависят от потамического рельефа, поскольку реки утратили значение принципиальных и единственных транспортных артерий. Но следует учитывать, что большинство исторических государств и цивилизаций сложились в те времена, когда этот фактор имел главенствующее значение, и именно эти государства и цивилизации накопили серьезный культурный, политический и стратегический потенциал, который так или иначе повлиял и продолжает влиять на остальные государства, возникшие позднее. Так, значение влияния политических идей Франции (где реки пересекаются, и государственность возникла намного раньше Германии) на Германию (где реки параллельны и государственность запоздала) трудно переоценить.

2.4. Рождение геополитики: Х. Макиндер

2.4.1. Х. Макиндер и «географическая ось истории»

Поворотным моментом в истории геополитической дисциплины была публикация в 1904 г. в английском журнале «The Geographical Journal » статьи Хэлфорда Макиндера (1861—1947), которая называлась «Географическая ось истории»[1]. Х. Макиндер, по сути дела, заложил основы методологии и топики всей геополитической науки, выделил ее методы, обосновал принципы, показал формы и масштабы применения. Текст Макиндера является основой геополитического мировоззрения, мироосознания и лежит в основе развития всей геополитики XX в.

Макиндер был ученым, основателем «новой географии», манифест которой он выпустил в 1887 г. — «По поводу методов Новой Географии»[2]. Он стал также основателем британской «Географической Ассоциации» и одним из соучредителей «Лондонской Школы Экономики», директором которой он был с 1903 по 1908 гг.

Макиндер являлся при этом и практическим политиком. С 1910 по 1922 г. он был членом Парламента от шотландской «Партии Юнионистов». А в 1919—1920 гг. выполнял функцию Высшего Британского Комиссара по Украине в войсках Антанты. Свою миссию он осмысливал как обеспечение материальной, полити-

[1] *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history The. Geographical Journal. 1904.№ 23, С. 421—437. Русский перевод: *Макиндер Х.* Географическая ось истории // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491—506.

[2] *Mackinder H.J.* On the Scope and Methods of Geography// Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1887. New Monthly Series, Vol. 9, No. 3 (Mar.). С. 141—174.

ческой, технической и финансовой помощи «белому движению» Деникина/Врангеля. Макиндер имел тесные связи с британской политической элитой и был в дружеских отношениях с лордом Керзоном.

Таким образом, геополитика для Макиндера была не только сферой теоретических интересов, но и делом жизни: свои идеи он стремился воплотить на практике. Но, может быть, сам того не подозревая, в своей поворотной статье «Географическая ось истории» он изложил нечто большее, нежели практические наблюдения за тем, что именовалось в то время (в конце XIX — начале XX вв.) «Большой Игрой», «Great Game[1]». Под «Большой Игрой» понималось противостояние Англии и Российской империи за контроль над важнейшими стратегическими пространствами евразийского материка, в первую очередь Индией, Афганистаном, а также Кавказом и Ближним Востоком. На всем пространстве Евразии от Средиземного моря до Тихого океана простиралась территории, контроль над которыми был ключом к сохранению Британской империей своего мирового господства, а для России — возможностью становления великой мировой державой со свободным выходом к теплым морям. Англия старалась укрепить свои позиции, Россия время от времени предпринимала попытки обрушить англосаксонскую доминацию — в первую очередь над азиатскими колониями — со стороны суши, чтобы самой стать полноценной планетарной геополитической силой. Это и называлось «Great Game». Об этом много писал Р. Киплинг[2], певец Британской империи.

«Большая Игра» признавалась и осознавалась фактически всеми стратегами в XIX веке, а Х. Макиндер предпринял попытки ее оформить в терминах «*новой географии*», т. е. геополитики.

В результате мы получили не просто концептуализацию противостояния британского империализма и русского стремления выйти на новый уровень планетарного господства, но *совершенно новую науку*. Занимаясь практической политикой, Макиндер, по сути дела, нащупал подходы и ключи к дисциплине, имеющей гораздо большее значение, нежели решение конкретных исторических проблем по укреплению имперских позиций Великобритании за счет ослабления и расчленения Российской империи. Британская империя через полвека сошла с исторической арены, а геополитика, чьи основы заложил сэр Х. Макиндер, сохраняет свое значение и поныне.

---

[1] *Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.

[2] *Киплинг Р.* Ким. Москва: Высшая школа, 1990.

2.4.2. Геополитическая топика: кочевники и политическая организация пространства

С момента появления статьи Х. Макиндера, интуиции Ф. Ратцеля о том, что «государство есть форма жизни» и что пространство, ландшафт, среда оказывают на него решающее влияние, а также идея Р. Челлена о необходимости учитывать пространственный фактор в политологии и придавать ему особое значение в ходе любого политологического анализа превращаются в стройное представление о мире, в теорию, в науку.

Именно Х. Макиндер является создателем и разработчиком *геополитической топики*. Что такое «топика»? Топика — это карта, схема концептуального знания. Слово топика происходит от греческого слова «τοπος», «место»: при этом речь идет не о физическом, но о концептуальном месте. Иными словами, это графическое, пространственное изображение идеи и соотношения идей между собой. Геополитическая топика представляет собой набор основных идей, которые можно расположить симметрично относительно друг друга, наметив их взаимосвязи и взаимовлияния — и все это в особом интеллектуальном измерении, на схематической карте научного мышления.

Смысл геополитической топики заключается в очень схематичном, но чрезвычайно продуктивном описании Макиндером *пространственной логики исторического процесса*. Если Ф. Ратцель говорит о «пространственном смысле» (Raumsinn) обобщенно, то Макиндер предлагает свое видение «пространственного смысла» в конкретной модели. В ней движущими силами истории выступают *динамичные кочевые народы* (этой теории придерживался и Ратцель, и немецкая школа «культурных кругов»). Именно кочевники создают все основные политические образования: империи, государства, политические союзы, либо эти образования создаются для защиты от их натиска. В любом случае органически воплощающие в себе принцип экспансии *кочевые культуры являются главным принципом политической организации пространства*. Первый постулат геополитической теории Макиндера может быть сформулирован так: *политическое пространство (то есть государства, империи и т. д.) приобретает свои черты, границы и формы под воздействием импульсов кочевых народов*. При этом Макиндер прослеживает эти импульсы не только в древности, в эпоху зарождения государств, но и в современности, считая, что территориальная, политическая и экономическая экспансия современных государств продолжает на новом историческом витке динамическую логику кочевых культур. И если кочевой принцип в каком-то государстве ослабевает, то более живое и динамичное, т. е. более «кочевое», политическое образование мгновенно стремится этим воспользоваться.

Здесь мы без труда узнаем влияние политической географии Ратцеля, учившего о динамике границ, связанных с органицистским представлением о природе государства. В англосаксонской культуре также были мыслители сходного направления, правда, в отличие от немцев, они сочетали органицизм и эволюционизм с *индивидуализмом и либерализмом* (вспомним хотя бы одного из основателей социологии англичанина Г. Спенсера[1]). Признание роли кочевых племен в образовании государств является также одним из основополагающих принципов «этносоциологии» (Р. Турнвальд, В. Мюльман и др.).

2.4.3. Дуализм Суши и Моря: основной закон геополитики

Вторым постулатом геополитической топики Х. Макиндера является разделение всех кочевых культур на две фундаментальные категории: *кочевники Суши* и *кочевники Моря*. Сам Макиндер назвал их иронично: «бандитами Суши» и «бандитами Моря» (the brigands). Эти две разновидности кочевников придают динамику историческим процессам, постоянно, с разных сторон, и с Суши, и с Моря, оказывая политические, военные и культурные воздействия и заставляя существующие оседлые государства, культуры и народы постоянно отвечать на эти вызовы. Динамика кочевников и порождает содержание политической истории.

Вызовы «кочевников Суши» и «кочевников Моря» несут в себе различные качественные характеристики. У двух типов кочевников разный стиль в стратегии, тактике и ценностной системе: то, что попадает под влияние «кочевников Суши», тяготеет к иерархически-героическому типу цивилизации и культуры, а то, что оказывается в сфере интересов «кочевников Моря», напротив, впитывает в себя динамизм «торгового», технологически изобретательного, «прогрессистского» начала, тяготеющего к «демократии» и «открытому рынку».

Так мы переходим от кочевых *народов к двум типам цивилизации*, организованным по различным выкройкам, преследующим противоположные стратегические цели и основанным на альтернативных по отношению друг к другу цивилизационных и культурных принципах. Одну из них можно назвать «цивилизацией Моря», другую — «цивилизацией Суши».

Цивилизация Моря, «талассократия» (от греческих «θαλασσα», «море», и «κρατος», «власть», «могущество») или «морское могуще-

[1] *Spencer H.* The Proper Sphere of Government. London: W. Brittain, 1843; *Idem.* First Principles. London: Williams and Norgate, 1904; *Idem.* The Principles of Sociology. 3 vols. London: Williams and Norgate, 1882—1898.

Карта 3. Геополитический дуализм в видении Х. Макиндера

ство» (Sea Power — А. Мэхэн[1]), воплощает в себе специфический стратегический подход к пространству, сопряженный, кроме всего прочего, с уникальными цивилизационными особенностями. *Цивилизация Суши*, «теллурократия» (от латинского «tellus» — «земля», «суша», «почва» и греческого «κρατος» — «власть», «могущество»), «сухопутное могущество», несет в себе совершенно другой, противоположный и также неповторимый цивилизационный пафос.

Цивилизация Моря или просто «Море» (как геополитический, а не географический концепт):

- тяготеет к освоению только береговой зоны, воздерживаясь от проникновения в глубь суши;
- утверждает динамичность и подвижность в качестве высших социальных ценностей;
- содействует инновациям и технологическим открытиям;
- развивает торговые формы общества, протокапитализм и капитализм (наемная армия, морская торговля и т. д.);
- способствует развитию обмена и автономизации финансовой сферы.

Эти черты «морского могущества» полностью совпадают с критериями, выделенными А. Мэхэном.

Цивилизация Суши, в свою очередь:

- простирается в глубь континента и берет свое начало в удаленных от берегов землях;
- формирует жесткие, иерархические общества мужского, воинственного типа на основе строгого подчинения, идеалов доблести и чести, агрессивности, преданности и верности;
- способствует созданию упорядоченных, но ригидных (неподвижных) социально-политических образований, не склонных к экономическому и технологическому развитию;
- благоприятствует становлению империй, деспотических и феодальных обществ с высоким уровнем сакрализации центральной власти и военизацией широких слоев населения (идея народа как армии);
- сдерживает культурный обмен и инновации консервативными и традиционалистскими установками в культуре.

На этом уровне расшифровки «пространственного смысла» исторических процессов Макиндер переходит от географического и стратегического, а также экономического подходов к социологическим обобщениям относительно качественных сторон цивилизаций различного типа. Пространство и география, события древнейшей истории переходят здесь на уровень культуры, политической орга-

---

[1] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660–1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

низации и ценностной системы общества. Так социологический элемент входит в самую сердцевину геополитического метода, а в геополитическую топику включается не просто историческая ретроспекция и фрагменты пространственного анализа, а совершенно новаторская теория общества, оригинальный социологический концепт *культурной, цивилизационной и политической типологии*.

Вместе с тем сам Макиндер не акцентирует обобщающий уровень своих идей, предпочитая на одном дыхании говорить о стратегии, экономике, конкретных политических и международных проблемах, вооружении, межнациональных альянсах и т. д. Социологический компонент утверждения структурного дуализма цивилизаций, противопоставление Суши и Моря как двух цивилизационных типов им самим не осмысливается, не выделяется и остается в его теории имплицитным. Отсутствие пристального внимания к этому философско-теоретическому и социологическому моменту, возможно, и стало существенным препятствием в ходе научной институционализации геополитики. Макиндер незаметно переходит от истории, стратегии и географии к сфере чистой социологии, никак не обозначая этого перехода, хотя в дальнейшем он — как и все геополитики — оперирует с этой комплексной научной топикой, по умолчанию принимая формулу отождествления истокового качества политического образования (государства, созданного либо «кочевниками Моря» либо «кочевниками Суши») с особым типом цивилизации — «морским» или «сухопутным».

Быть может, упрощенная редукция Макиндера и вызвала бы шквал критики, но наглядность геополитических обобщений применительно к конкретному анализу внешнеполитических событий в мире XX в. заставила всех оставить теоретические обоснования в стороне. С прагматической точки зрения геополитический метод работал в полную силу, и применение критериев «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря» для анализа актуальных событий было настолько удобно, плодотворно и конструктивно, что теоретической обоснованностью такого социологического обобщения просто пренебрегли.

И тем не менее из разделения кочевников на «кочевников Моря» и «кочевников Суши» Макиндер вывел грандиозное по значимости заключение — о *двойственности цивилизаций*, о неминуемом противостоянии «теллурократии» и «талассократии» не только в стратегическом и конкретном ключе, но и с точки зрения принципиального различия и непримиримого противоречия в глубинных ценностных и культурных ориентирах. *Этот цивилизационный дуализм — «Суша против Моря» и «Море против Суши» — стал основой всей геополитической топики.*

Здесь мы подошли к главному. *Геополитика как она есть представляет собой комплексный политический, географический,*

стратегический, социологический, культурологический, экономический подход к интерпретации международных отношений на основе принципиального и неснимаемого цивилизационного дуализма — Суша vs Море, «теллурократия» vs «талассократия». Другие определения геополитики, в которых она интерпретируется лишь как учение о связях государства с пространством и т. п., без указания на принципиальный цивилизационный дуализм, не вскрывают ее сущности как научного метода. Есть области политического анализа, и в частности, широко понятая «стратегия», или «стратегический анализ», которые вполне могут учитывать пространственный фактор при анализе международных отношений. Но в этом еще нет ничего собственно от геополитики. Геополитика после Х. Макиндера — это дисциплина, основанная на методологии цивилизационного, политико-стратегического и ценностно-культурного (социологического) дуализма, который является не частностью и отдельной темой в геополитике, но сутью и смыслом геополитики как таковой. Все геополитические школы — и англосаксонская, и германская, и французская, и российская — строятся и строились *исключительно на признании фундаментальности этого дуализма*, его теоретической «валидности» и «аксиоматичности». Если мы попытаемся пренебречь им, мы тут же оказываемся *вне* проблематики, методологии и теории геополитики как таковой[1].

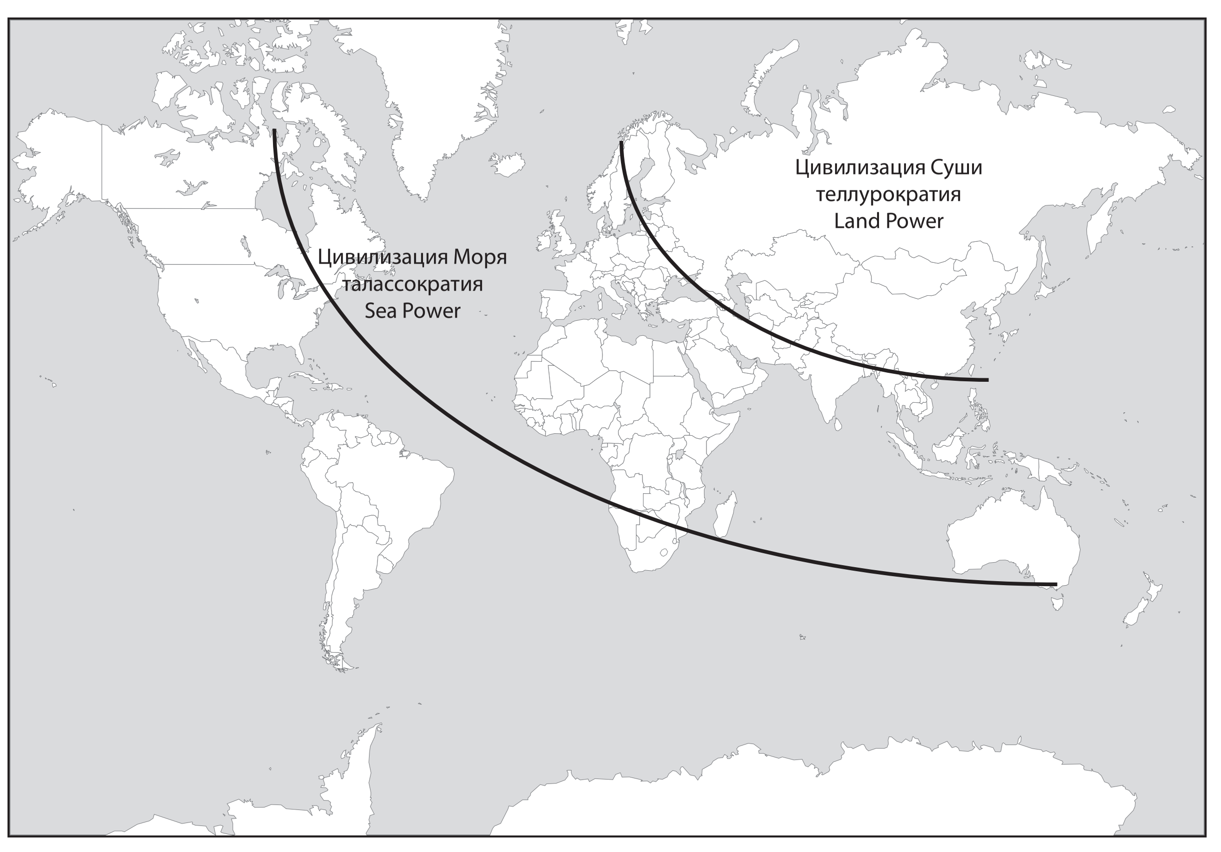
Другое дело, что определенные авторы в современной политической науке США сознательно ставят перед собой цель перейти от «классической геополитики», с необходимостью основанной на признании базового дуализма цивилизаций, к «критической геополитике» или «постгеополитике» (Дж. Эгнью, Г. О'Таутайл и т. д. [2]). Но они не заблуждаются в отношении того, чем является «классическая геополитика». Они стремятся к тому, чтобы построить новую науку в иной топике, отталкиваясь от отдельных сторон геополитики и оспаривая некоторые ее фундаментальные постулаты.

Такая инициатива вполне легитимна: ведь ученые сплошь и рядом стараются выстроить научные формализации, изменив базовые аксиомы (по аналогии, например, с геометрией Лобачевского или теорией цепей Маркова). Однако было бы странно, если бы геометрия Лобачевского преподавалась в школах и вузах под видом

---

[1] Эту ошибку совершают некоторые российские ученые, посчитавшие, что под «геополитикой» следует понимать «стратегический анализ международных отношений» без учета базового дуализма Суша/Море. См. например: *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику Учебник. М.: Логос, 2000. Это не соответствует действительности и вводит в заблуждение тех, кто пытается составить себе на основании таких неверных подходов представление о геополитике.

[2] *AgnewJ., Mitchell K. & O'Thuatail G.* (eds.) A Companion to Political Geography. London: Blackwell, 2002; *O'Thuatail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996; *Idem.* Rethinking Geopolitics. Londres, New York: Routledge, 1998.

Карта 4. Геополитическая карта мира. Пространство планеты состоит из двух геополитических зон, с переменными границами баланса влияний и смешенными промежуточными территориями

простой «геометрии». То, что параллельные пересекаются — аксиома геометрии Лобачевского, но в обычной эвклидовой геометрии — это нонсенс. Точно так же, если намеренно строить математику, в которой дважды два будет пятнадцать или шестнадцать, можно попытаться поработать в этом направлении, но едва ли у нас есть шанс закончить первый класс без двоек, если мы будем на этом чрезмерно настаивать с самого начала.

В нашей сфере этот подход формулируется так: ясно сознавая, что цивилизационный дуализм есть основная аксиома геополитической топики, можно попробовать от нее отказаться и построить на месте «классической геополитики» что-то другое (этим и занимаются представители «критической геополитики» в США). Но если, говоря о «геополитике» как таковой, издавая учебники, призванные ввести читателей и студентов в курс дела, мы игнорируем это фундаментальное положение, то наша профессиональная состоятельность должна ставиться под вопрос.

Итак, начиная с Х. Макиндера, дуализм Суши и Моря (как двух типов цивилизаций) является сутью геополитики как таковой.

2.4.4. Рим и Карфаген

Третьим постулатом геополитики Макиндера является *районирование территории планеты Земля в соответствии с принципами цивилизационного дуализма Суши и Моря*.

Здесь есть несколько исторических фаз — от древности до наших дней. Совершенно очевидно, что политические организмы на разных этапах истории имели разный масштаб. Планета как географическое целое и как совокупность политических образований стала осознаваться таковой лишь в Новое время, начиная с эпохи великих географических открытий. Она «стала» шарообразной, т. е. закрытой, и, соответственно, геополитические процессы приобрели планетарный размах. Планетарный период в противостоянии цивилизации Моря и цивилизации Суши, таким образом, имеет за плечами несколько столетий, начиная с Колумба и ожесточенной борьбы за колонизацию мира европейскими державами.

На древних этапах противостояние Суши и Моря носило *локальный* характер. Среди наиболее выразительных его примеров в Древнем Мире Х. Макиндер выделяет следующие: 1) противостояние «морских» Афин и «сухопутной» Спарты, получившее яркое выражение в длительной Пелопонесской войне 431 – 404 гг. до н. э.; 2) Пунические войны Рима (Суша) и Карфагена (Море); 3) Венецианская торговая Республика как выражение чистой «талассократии»; 4) создание «морской» голландской империи; 5) противостояние Испании, принявшей идентичность «Суши», и «морской» Ве-

ликобритании с постепенным превращением ее в единоличную владычицу морей и мировую океаническую империю.

Разберем подробнее один из этих примеров — Пунические войны (264–146 гг. до н. э.), Рим против Карфагена. Карфаген — по всем параметрам типично морская цивилизация, с наемной армией, с ценностями, носящими ярко выраженный торговый, рыночный, финансовый характер, с активно процветающим «бизнесом» и элементами либеральной демократии. Рим социологически представлял собой полную антитезу Карфагену. Римская культура — героическая, мужественная, ее основные ценности заключались в иерархическом подчинении, воинском послушании, обустройстве пространства в соответствии с жесткой сословной структурой. Рим — это жесткий прямолинейный стиль силовой цивилизации, ориентированной исключительно на вертикаль, Карфаген представлял собой гибкую торговую цивилизацию. Можно сказать, что Карфаген — это «либералы», а Рим — «силовики». Карфагенские «либералы» *покупали* все, что им надо, в том числе и армию. А римские «герои» все, что им было необходимо, *отбирали.* Противостояние цивилизации Суши и цивилизации Моря сказывалось на социальных ценностях, на культурном коде, на правовых уложениях, и даже на методиках захвата полезных и нужных ресурсов. Карфагеняне «воровали», римляне «грабили», «захватывали». В этих установках можно вполне различить два стиля: «кочевников Моря» и «кочевников Суши».

Воровство и грабеж — разные вещи. Вор приходит тихо, он крадется, тайно похищает то, что имеет ценность, и оставляет все, как будто бы так и было. Грабитель же гремит, пугает, выламывает дверь, забирает все и уходит, пнув на прощанье им же обобранные жертвы. Это два стиля — морской и сухопутный.

Помимо воровства, конечно, у цивилизации Моря были и позитивные стороны. Карфагеняне развивали бизнес, торговлю, избороздив своими кораблями все Средиземноморье. Но при этом они успешно отличились в работорговле, не забывая о своих небесных покровителях, приносили детей в жертву кровавым идолам Молоху и Ваалу (правда, кровавые жертвы совершались ночами, днем же все было вполне благопристойно).

Римляне тоже были жестоки: они устраивали гладиаторские бои, натравливали на пленных рабов зверей и наслаждались кровавым зрелищем. При этом Римская цивилизация отличалась множеством привлекательных сторон — героизмом, освоением огромных территорий, рациональной архитектурой и созданием хитроумной городской и транспортной логистики, а также великолепным военным искусством.

Рим — это насилие открытое и прозрачное, Карфаген — насилие прикрытое, завуалированное. Карфаген просачивается тихо,

аккуратно, невидимо, как змеиными кольцами опутывая все своими торговыми сетями, купцами, интригами и заговорами.

Рим воевал с Карфагеном в трех Пунических войнах. Эти войны носили ярко выраженный геополитический характер, т. к. были войнами не просто двух государств, но двух цивилизаций, двух разных обществ, двух разных культур. И поэтому настойчивость римского сенатора Катона-старшего, не устававшего повторять, что «Карфаген должен быть разрушен» («Carthago delenda est»), приобретает особенный глубинный смысл: он интуитивно догадывался, что речь идет о выборе, который предопределит всю дальнейшую историю Европы, и западное человечество пойдет либо по «пути Моря» (Карфаген), либо по «пути Суши» (Рим).

Цивилизационный смысл Пунических войн, их геополитическую и ценностную подоплеку прекрасно осознавал английский писатель и эссеист Г.К. Честертон:

«На другом берегу Средиземного моря стоял город, называющийся Новым. Он был старше, и много сильнее, и много богаче Рима, но был в нем дух, оправдывавший такое название. Он назывался Новым потому, что он был колонией, как Нью-Йорк или Новая Зеландия. Своей жизнью он был обязан энергии и экспансии Тира и Сидона — крупнейших коммерческих городов. И, как во всех колониальных центрах, в нем царил дух коммерческой наглости. Карфагеняне любили хвастаться, и похвальба их была звонкой, как монеты. Например, они утверждали, что никто не может вымыть руки в море без их разрешения. Они зависели почти полностью от могучего флота, как те два великих порта и рынка, из которых они пришли. Карфаген вынес из Тира и Сидона исключительную торговую прыть, опыт мореплавания и многое другое»[1].

И далее:

«Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь — это чувствительность, а чувствительность — это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что миром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильней жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, — тайные почитатели Молоха и Ваала. Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, как видел его Карфаген. В них есть та осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. (...)

[1] *Честертон Г.К.* Вечный Человек / Честертон Г.К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. СПб.: Амфора, 2000. С. 111.

Под самыми воротами Золотого города Ганнибал дал последний бой, проиграл его, и Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От Нового города осталось только имя — правда, для этого понадобилась еще одна война. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий. Карфаген пал потому, что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей»[1].

Пунические войны, с точки зрения Макиндера, это вечные войны, которые не кончаются. «Карфаген» и «Рим» (равно как «Афины» и «Спарта») не только исторические, но и цивилизационные, геополитические понятия. При этом Макиндер скорее всего не согласился бы с Честертоном относительно моральной оценки Карфагена — ведь Британская империя, которую он всю жизнь защищал и отстаивал, была продолжением именно той финикийской цивилизации, с которой не на жизнь, а на смерть столкнулся героический Рим.

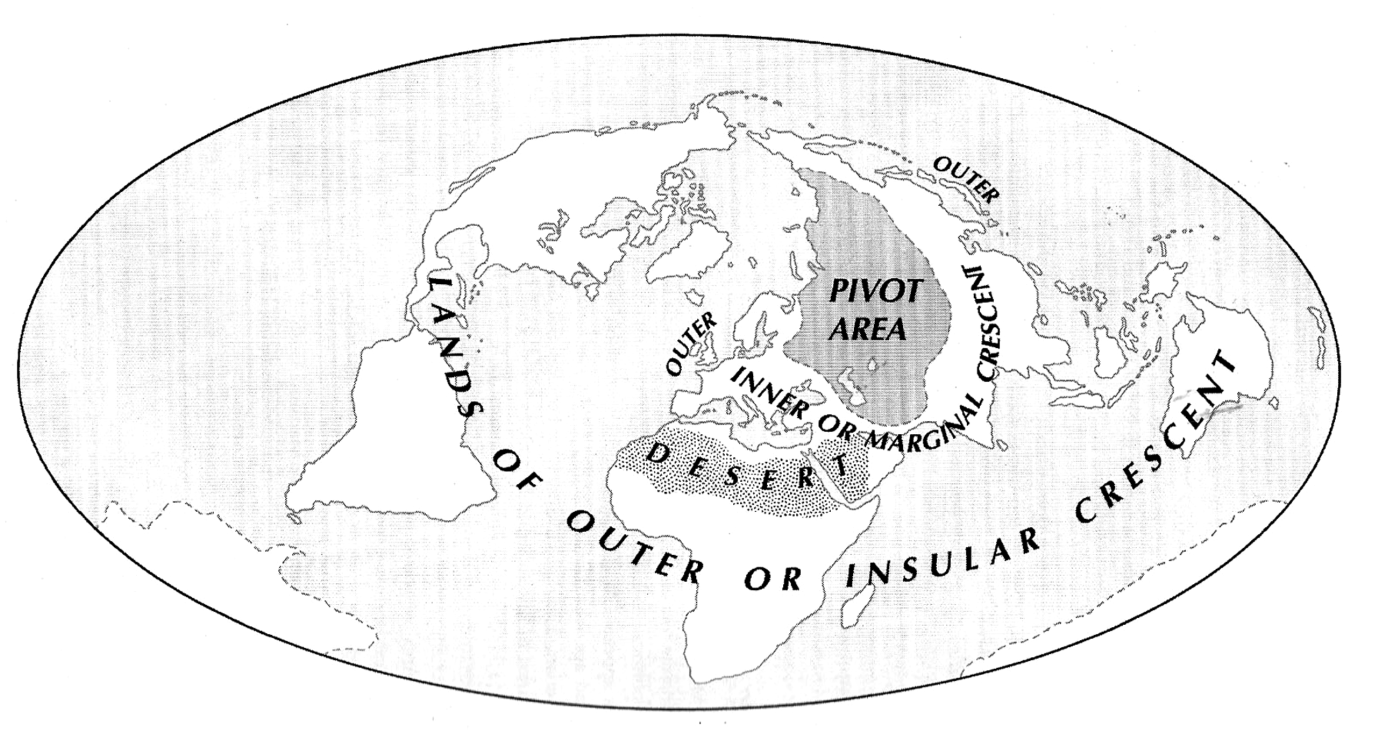
2.4.5. Мировой остров и геополитическая карта мира

Выявление талассократических и теллурократических элементов в древних обществах чрезвычайно полезно для того, чтобы убедиться в адекватности и применимости геополитических методов к историческому анализу, но для такого практического деятеля, как Х. Макиндер, эта сторона геополитики имела лишь прикладной и иллюстративный интерес. Более всего его заботило корректное геополитическое районирование мирового пространства в XX в., чему и посвящены его основные труды.

И в этом состоит наиболее известная сторона работ Х. Макиндера*: его учение о роли Евразии, о «сердечной земле» (Heartland).* Макиндер применяет геополитический метод к современной ему политической карте мира и приходит к следующим выводам.

Цивилизация Моря в начале XX века политически воплощена в Англии, идеологически — в либеральной демократии, экономически — в мировом индустриальном капитализме, культурно — в модернизме и современном европейском рационализме и индивидуализме. Великобритания является классическим «морским могуществом», центром мировой океанической империи. Но вместе с тем и парламентаризм, и демократия, и свободный рынок, и индустриализация, и современный капитализм имеют ярко выраженный «английский» след. Поэтому Англия является комплексным выражением морской цивилизации как таковой, ее *интересы* (стратегия, экономика, безопасность, контроль над колониями

[1] *Честертон Г. К.* Вечный Человек. Т. 5. С. 114—115.

Карта 5. Карта мира по Макиндеру (версия 1904 года). Из статьи «Географическая ось истории»

и т. д.) и ее *ценности* (либерализм, демократия, индивидуализм и т. д.) неразделимо переплетены в один общий клубок, слиты в единый синтез, который и есть геополитика. Поэтому интересы Англии есть интересы не просто одного из национальных государств, но интересы и ценности всей европейской цивилизации Нового времени, всего «европейского человечества», всего капиталистического строя, всей буржуазно-демократической системы. В Англии, понятой геополитически, как «морское могущество», национальное совпадает с универсальным, узко государственное — с общеевропейским, эгоистическое — со вселенским, область интереса с областью права.

Перед лицом Англии, осознанной геополитически, Макиндер выделяет то, что может служить преградой на пути сохранения и укрепления ее планетарного могущества. И это Евразия — континентальная масса, в ядре которой находится «сердечная земля» (Heartland). Политически в Новое время она объединена под властью России. Если же ограничиться Европой, то ее наиболее «сухопутная» часть совпадает со Средней Европой и преимущественно с Германией. Еще один сухопутный фрагмент политически совпадает с историческими очертаниями китайского государства.

Всю Евразию Макиндер называет «мировым островом» (World Island). Вокруг него расположены два полумесяца — «большой полумесяц» (outer crescent), океанический, совпадающий в общих чертах с охватом британского мирового господства, и «малый полумесяц» (inner crescent). В центре «мирового острова», в зоне «heartland», находится «географическая ось истории», т. е. ядро цивилизации Суши в период расширения политической географии до общепланетарных масштабов.

Так конституируется *геополитическая карта мира*, впервые предложенная именно Макиндером и впоследствии ставшая базовой моделью всей геополитической науки.

В геополитической карте мира Макиндера происходит наложение *концептуальной цивилизационной топики* на конкретное *политико-географическое пространство Земли*. Отсюда центральность значения этой карты: она одновременно имеет и географический, и политический, и стратегический, и исторический, и социологический, и цивилизационный, и культурологический смысл. Эта карта для геополитики столь же фундаментальна, как закон всемирного тяготения для современной физики. Осмысление этой карты может быть проделано сразу не нескольких уровнях, геополитический смысл получается путем наложения всех этих толкований.

Сразу же следует отметить, что «цивилизация Моря» в 1904 году[1] мыслится Макиндером как синоним Британской империи. Но

[1] Год издания программной статьи «Геополитическая ось истории».

есть одна важная деталь. «Цивилизация Моря», талассократия — явление гораздо более глубокое, нежели просто метафора для «британского империализма»; это фундаментальный геополитический, цивилизационный и социологический концепт. Дальнейшая эволюция геополитических взглядов Макиндера приведет его к более широкому толкованию «Моря». В 1904 году он еще не включает США в ядро этой цивилизации, считая штаты периферией мира и «сухопутной державой». Спустя всего несколько десятилетий он пересмотрит это отношение, и детали карты изменятся. Но если абстрагироваться от нюансов, мы увидим, что Макиндер, очертив зону «внешнего полумесяца», т. е. зону «талассократии», по сути, наметил границы, в которых развертывалась все основные политические, стратегические и международные процессы в течение XX и первого десятилетия XXI в. Более того, есть все основания предполагать, что эта карта сохранит свое значение и в будущем, т. к. отражает глубинные исторические тенденции.

То же самое можно сказать и о прямо противоположной зоне — «сердцевинной» или «сердечной земле» (Heartland), в которой Макиндер располагает ядро «цивилизации Суши». В 1904 г. это была Российская Империя, позднее, с 1917-го по 1991-й гг. — Советская Россия. С 1991 г. по настоящее время, в урезанном виде, это Российская Федерация. Меняются идеологии, режимы, политические системы. Но геополитический смысл политического пространства, расположенного в зоне «географической оси истории», остается неизменным — это оплот теллурократии, Суша, планетарная и цивилизационная инстанция, противоположная во всех отношениях «цивилизации Моря».

К Западу и Юго-востоку от «сердечной земли» (Heartland), которую можно считать «абсолютной Сушей», располагаются два чрезвычайно важных политических пространства, которые можно назвать «Сушей относительной» — это Германия и Китай. Их Макиндер в 1904 г. относит к «внутреннему полумесяцу», который теоретически может сблизиться как с Сушей, так и с Морем, оказаться под влиянием «сердечной земли» или «океанической империи». И все же два пространственных блока — Германия и Китай — обладают особыми геополитическими свойствами, которые делают наиболее вероятной их сухопутную ориентацию.

2.4.6. Битва за Rimland

«Внутренний полумесяц» Х. Макиндер называет также «Rimland» (буквально «окаемочная земля», «территория кромки»). Эта зона играет огромную роль в общей структуре геополитического видения мира, т. к. в ней сходятся основные движущие силы политической истории. Со стороны Суши (из «сердечной земли» —

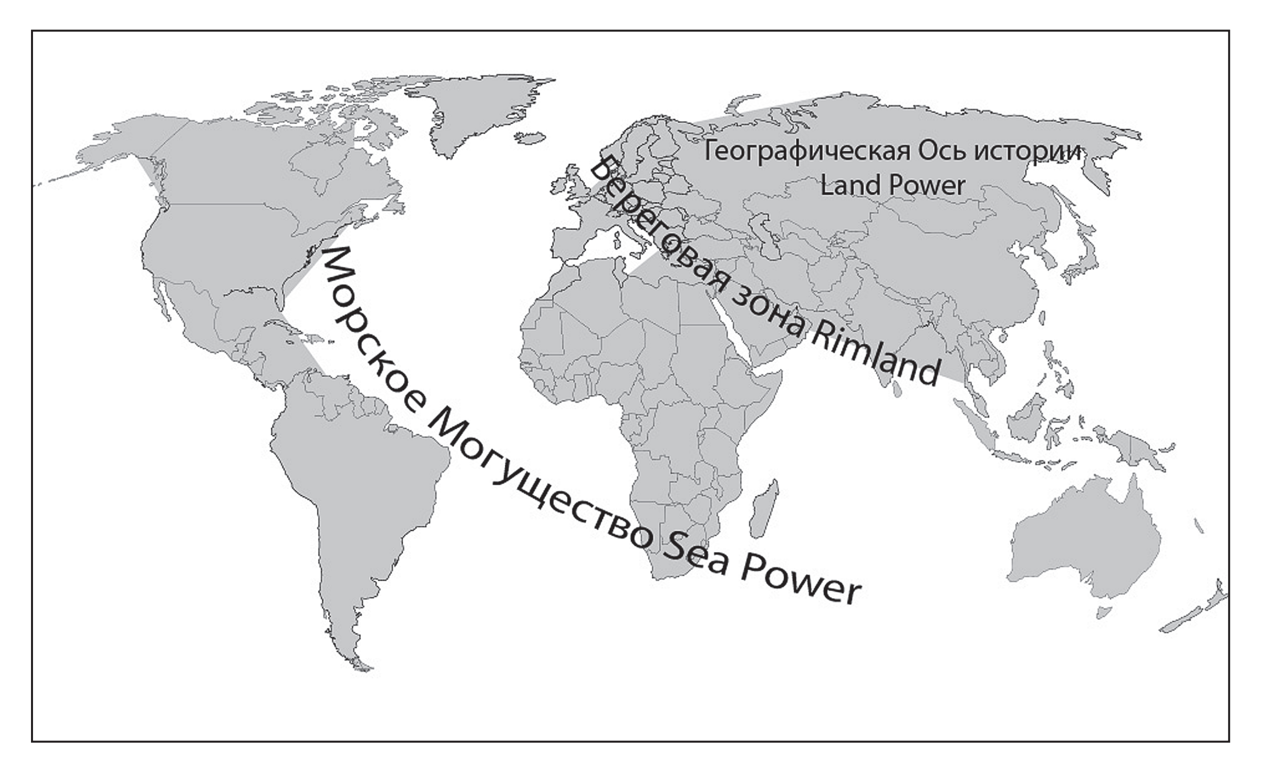
Heartland) проистекают влияния континентального порядка, ориентированные на то, чтобы поставить всю береговую зону (Rimland) под свой контроль и через это выйти к Морю напрямую. Зоны «относительной Суши» в пространстве «окаемочной земли» представляют собой ключевые плацдармы для мощного *сухопутного альянса*, который создает все необходимые условия для интеграции «Мирового Острова» под эгидой теллурократии.

Но на тот же Rimland нацелено основное внимание и «цивилизации Моря» (что в последние века отражено в конкретной географии Британской империи с ее колониальными владениями). Талассократия стремится повлиять на «окаемочную землю», представляющую собой географически берег евразийского материка от Западной Европы через Средиземноморье, Ближний Восток, Турцию, Кавказ, Иран, Центральную Азию, Индию вплоть до Китая, стран Дальнего Востока, Японии и Тихоокеанского региона. Контроль над Rimland со стороны «цивилизации Моря» обеспечивает сдерживание Суши в ее удаленных от «теплых морей» границах, позволяет создать и поддерживать планетарное господство океанического характера.

Поэтому именно «окаемочная земля» при всем ее разнообразии становится основной ареной мировой политики. А геополитической смысл этой политики можно определить как нескончаемую «*битву за Rimland*». По сути, к этой битве и детальному анализу ее отдельных театров боевых действий (горячих, теплых и холодных) и сводится структура геополитического анализа — включая планирование, интерпретацию, прогнозирование и т. д.

«Битва за Rimland» есть еще один закон геополитики, и ее основные процедуры предполагают выделение в каждом конкретном случае логики этой битвы диспозицию ведущих ее сил и статус, природу и оформление тех промежуточных инстанций, которые непосредственно участвуют в локальных политических отношениях — войнах, конфликтах, переговорах, альянсах, идеологических и религиозных столкновениях, блоках и т. д.

Если внимательно вдуматься в этот фундаментальный закон геополитики «битвы за Rimland», мы окажемся перед совершенно новой и неожиданной картиной. В европейской политике XVII—XX вв. нам придется тщательно выискивать силовые линии *двух* фундаментальных цивилизационных начал — «цивилизации Моря» (по сути, в этот период совпадающей с европейской и мировой политикой Великобритании) и «цивилизации Суши», представленной, в первую очередь, Россией и пророссийскими силами (в славянском мире, среди православных народов и т. д.) во вторую очередь, Германией, которая выступит на исторической арене в качестве самостоятельной сухопутной силы Европы лишь в XIX в. (до этого момента отдельные немецкие государства и княжества

Карта 6. Геополитическое районирование планеты по версии Х. Макиндера. Rimland

играют роль лишь посредников более общей европейской игры), и, в третью очередь, Францией — в той мере, в какой она была европейским антиподом Англии, что ярче всего проявилось в эпоху Наполеона.

В этой политике сами европейские национальные государства — со своими конкретными политическими, территориальными, династическими, религиозными и экономическими интересами — выступают как промежуточные акторы, способные, теоретически, служить как «цивилизации Моря», так и «цивилизации Суши». В этом проявляется цивилизационная особенность Rimland. Вся эта зона обладает «*двойной идентичностью*»; она может делать выбор в пользу «Моря» и в пользу «Суши», т. к. изначально представляет собой территорию столкновения двух фундаментальных геополитических сил. Отсюда политическая подвижность и динамизм европейской истории: альянсы, блоки и оппозиции могут складываться здесь стремительно и по самым разным сценариям. Лишь граничные полюса Европы — Англия и Россия — остаются неизменными и не могут участвовать в «политической кадрили»: их позиции на геополитической карте относительно жестко фиксированы; именно они, в конце концов, бьются друг с другом сквозь всю кипучую мишуру европейской политической возни. И цена этой битвы — мировое господство.

Введение понятия «Rimland» заставляет совершенно иначе интерпретировать европейскую историю. Эта история, расшифрованная геополитически, отныне обнаруживается не как свободная игра суверенных и абсолютно самостоятельных национальных государств (атомов, элементарных частиц «политической физики»), но как единое поле, состоящие из волн, генерируемых двумя противоположными геополитическими центрами; как поле, пронизанное золотыми нитями геополитической судьбы. Так геополитика Rimland трансформирует наш взгляд на события европейской истории: в ней происходит геополитическая иерархизация участников, по-новому распределяющая их партии и роли. Англия («цивилизация Моря») и Россия («цивилизация Суши»), подчас совершенно не осознавая этого, бьются между собой за мировое господство, а все остальные, сознательно или чаще всего бессознательно, подыгрывают то тем, то другим.

Богатство и разнообразие Rimland в цивилизационном смысле проистекает из переменной геополитической идентичности этой структуры, из необходимости постоянно давать ответ на вызовы «кочевников Моря» и «кочевников Суши» и их современных наследников. Иногда Rimland ополчается против одного из участников, как это было в Крымской войн (против России) или в действиях Наполеона в эпоху Тильзитского мира и Риббентропа во время Второй мировой войны (против Англии). Но чаще всего Европа раз-

деляется по шахматному принципу и создает намного более сложные и запутанные геополитические ситуации. Надо заметить, что полноценного геополитического анализа европейской политической истории мы не имеем и по сей день, хотя отдельные геополитики наработали в этой сфере огромный материал, ожидающий систематизации.

Если двинуться по дуге Rimland («внутреннего полумесяца») через Ближний Восток к Дальнему Востоку, мы увидим сходные тенденции, но только переведенные в область колониальной политики. Борьба за колонии, а позднее процесс деколонизации и конфликты в Азии проходили строго по аналогичной геополитической модели. Англия стремилась различными путями основать свои стратегические плацдармы в арабском мире, Греции и на Балканах (отсюда активное участие англичан в антитурецкой политике); в Иране и на Кавказе; в своих огромных колониях Индии и Китая (отсюда болезненное внимание к Афганистану и территориальной экспансии России в Среднюю Азию — что, собственно, и было названо «Большой Игрой») и прилегающих к ним территориях, на которые могла бы теоретически посягать и посягала в действительности Россия (например, Тибет, Манчжурия и т. д.). Эта тема, равно как и геополитическая интерпретация европейской политики, также далеко не освоена с должной степенью научной проработки и представляет собой гигантский материал для сотен (если не тысяч) научных монографий.

Битва за Rimland, таким образом, не эпизод, не деталь, но, если угодно, сущность геополитики и поэтому обладает центральным значением для всей дисциплины. В разные периоды различные сегменты «окаемочной земли» оказывались в центре мирового внимания. Европейская политика и мировые войны — самые яркие, кровавые и драматические примеры «битвы за Rimland». Но и события в области «внутреннего полумесяца» обладали огромной исторической напряженностью, глубоким смыслом и фундаментальным влиянием на логику политической истории.

2.4.7. Стратегическое и социологическое прочтение карты Х. Макиндера

На политическом и стратегическом уровнях толкование карты Х. Макиндера дает достаточно внятную картину, которую можно назвать «*картой стратегических интересов*». Согласно Макиндеру, Англии как оплоту мировой талассократии для сохранения своего мирового господства следует усиливать контроль над «внешним полумесяцем», максимально упрочивать позиции во «внутреннем полумесяце» и блокировать Россию как воплощение «цивилизации Суши» от выхода к морским пространствам, особенно к «теп-

лым морям». Сухопутная экспансия России, и в особенности возможный союз с Германией и Китаем, сделает «сердечную землю» главной мировой силой и обрушит влияние Британской империи. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах, поэтому задача «морского могущества» — запереть Россию как можно глубже к северо-востоку Евразии, обложить со всех сторон «санитарным кордоном», предотвратить распространение ее влияния на Дальний Восток, Афганистан, Иран, Ближний Восток и Средиземноморье, а также блокировать любое сближение с Германией. От того, каким могуществом будет управляться Евразия — «сухопутным» изнутри или «морским» извне — зависит факт мирового господства. Таково конкретное политическое прочтение карты, и если окинуть взором основные международные события XX в., линии конфликтов и зоны столкновений, мы увидим, насколько верно и основательно Макиндер схватил логику мировой политической истории. События и Первой и Второй мировых войн, период «холодной войны», промежутки между ними, и наконец, крах СССР, Ялтинского мира и установление однополярной модели американской доминации — все эти этапы заранее логически вписаны в карту Макиндера как эпизоды остросюжетного сериала «битвы за Rimland»

И, наконец, мы вполне можем предложить *социологическое прочтение* этой же карты. «Внешний полумесяц» — это торговая цивилизация «нового Карфагена», область бурного развития капитализма, модернизации и индустриализации, а также зоны Третьего мира, уверенно контролируемые западноевропейскими державами. Характер этого контроля в течение XX века качественно поменялся, но сама его география полностью воспроизводит карту Макиндера. «Внешний полумесяц» — это зона особого общества «карфагенского» типа. «Сердечная земля» (Heartland), или «географическая ось истории», воплощает в себе альтернативную общественную модель — «героическую», «силовую», «иерархическую», «спартанскую» «цивилизацию Рима». Не случайно Московская Русь знала теорию «Москвы — Третьего Рима», а советский период проходил под знаменем противостояния «капитализму». Идеологическое противостояние двух политико-экономических систем, таким образом, является лишь частным случаем более глубокого и парадигмального противостояния двух цивилизаций — морской и сухопутной. И такой взгляд позволяет истолковать карту сэра Хэлфорда Макиндера как *карту цивилизационных ценностей.*

Зона Rimland с точки зрения социологии является сущностно двойственной: в ней может преобладать как капиталистическое, торговое, либерально-демократическое, так и «тоталитарное», «героическое», «аскетическое» или «социалистическое» начало. Отсюда социологический смысл многих европейских процессов: анг-

Карта 7. Геополитический дуализм и цивилизационный дуализм

лосаксонский морской либерал-капитализм соперничает здесь с континентальной моделью европейского социализма, варьирующегося от «демократического» до «христианского» или даже «национального».

Геополитика объединяет все слои в одну обобщенную модель, в которой политика, стратегия, география и социология оказываются неразделимыми между собой.

Карта Макиндера, рассмотренная таким образом, сама по себе может быть взята за *фундаментальную геополитическую аксиому*, на основании которой Х. Макиндер в 1919 г., сформулирует еще один базовый закон геополитики: «*Кто контролирует Восточную Европу, кто управляет «сердечной землей» (Heartland), тот управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», тот правит миром»[1].*

Восточная Европа в 1919 г. по результатам окончания Первой мировой войны представляла собой ключевую зону Rimland, от организации контроля над которой зависел будущий геополитический баланс сил во всей европейской и мировой истории.

2.4.8. Значение Х. Макиндера для геополитической науки

В теории Макиндера мы видим сочетание всех основных составляющих элементов геополитической мысли. В ней нашли свое выражение принципы «антропогеографии» и «политической географии» Фридриха Ратцеля. Представление о геополитических закономерностях исторического процесса, о законах экспансии, об объективной природе политических и стратегических конфликтов за контроль над территориями у Макиндера получают дальнейшее развитие.

Идея Мэхэна о «морском могуществе» возводится Макиндером в *цивилизационный принцип*, объединяется с развернутой моделью ценностных социальных установок, доводя интуиции американского адмирала до полной концептуальной ясности. Более того, мы видим, что «морская миссия» США, на которой настаивал Мэхэн, будет признана вскоре и самим Макиндером, что позволит объединить в единое целое две англосаксонские геополитические и стратегические традиции — английскую и американскую.

И, наконец, данное Челленом определение геополитики как дисциплины, изучающей отношение государства к пространству, у Макиндера получает окончательное оформление: государства становятся в его картине мира единицами, получающими свой политический смысл именно через их отношение с пространством, но

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. C. 106.

пространством качественным, цивилизационным, культурно и социологическим размеченным.

Именно с Макиндера геополитика начинается по-настоящему. В его трудах геополитические аксиомы, принципы, методы и технологии излагаются кратко, но основательно, и за видимой «публицистичностью» его текстов внимательный взгляд способен распознать основные контуры содержательной, многогранной и фундаментальной научной дисциплины, оказавшей на политические процессы XX в. намного больше влияния, чем это принято считать.

То, что существовало до Макиндера, можно принять за предварительные поиски, подготавливавшие появление новой научной дисциплины. Сами его тексты, несмотря на их лаконичность, означают рождение науки, пусть в эмбриональной, но основополагающей форме.

Все последующие геополитические тексты, исследования и обобщения, вся апологетика, критика и полемика вокруг геополитики с необходимостью обращается именно к идеям Макиндера и начинается именно с их анализа. Поэтому для корректного знакомства с этой дисциплиной в высшей степени желательно прочитать и внимательно осмыслить его основные труды, а также поинтересоваться традициями их толкования.

Глава 3

ОБЗОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШКОЛ

3.1. Три взгляда на геополитику: три дисциплины

3.1.1. Закон геополитической субъектности

Внимательное рассмотрение карты Х. Макиндера, к которой следует постоянно обращаться при геополитическом анализе как общетеоретических, так и самых конкретных и локальных вопросов, позволяет осознать огромное значение фигуры «наблюдателя» или «интерпретатора» в геополитике.

В теории относительности, квантовой механике, структурной лингвистике и современной логике значение расположения субъекта относительно рассматриваемых процессов является решающим: в зависимости от того, где и как расположен «наблюдатель» («интерпретатор»), меняется качество, суть и содержание рассматриваемых процессов. Прямая зависимость результата от позиции субъекта в современных науках — естественных и гуманитарных — осмысливается как все более и более значимая величина. В геополитике же *местоположение субъекта является вообще главным критерием* — вплоть до того, что сами геополитические методологии, принципы и закономерности меняются при перемещениях субъекта из одного в другой сегмент геополитической карты мира. При этом сама карта остается общей для всех геополитиков, но *место* «наблюдателя» определяет, с *какой именно* геополитикой мы имеем дело. Иногда, чтобы подчеркнуть это различие, говорят о геополитических школах. Но в отличие от других научных школ здесь различие проходит гораздо глубже.

Каждый «наблюдатель» (то есть «школа») в геополитике видит общую геополитическую карту с позиций той цивилизации, в пределах которой он размещается. Поэтому он отражает в своем анализе не просто то или иное направление в геополитической науке, но основные свойства своей цивилизации, ее ценности, ее стратегические предпочтения и интересы, в значительной степени не зависящие от индивидуальной позиции ученого. В такой ситуации следует разграничить *индивидуальность* геополитика и его

субъектность. Для удобства можно назвать эту субъектность *геополитической субъектностью*.

Геополитическая субъектность есть фактор обязательной принадлежности геополитика (как личной, так и с точки зрения его школы) к тому сегменту на геополитической карте, к которому он по естественным обстоятельствам рождения и воспитания или вследствие сознательного волевого выбора относится. Эта принадлежность затрагивает всю структуру геополитического знания, с которой он будет иметь дело. Геополитическая субъектность формирует цивилизационную идентичность самого ученого, без которой геополитический анализ будет стерильным, лишенным системы координат.

Геополитическая субъектность коллективна и внеиндивидуальна. Ученый геополитик выражает свою индивидуальность, *по-своему* интерпретируя те или иные стороны научной методологии, осуществляя анализ, расставляя акценты, выделяя приоритеты или осуществляя прогнозы. Но зона индивидуальной свободы научного творчества жестко вписана в рамки геополитической субъектности, пересекать которые геополитик не может, т. к. за пределами начинается совершенно иная конфигурация концептуального пространства. Конечно, в качестве исключения геополитик как индивидуум может поменять идентичность и перейти к другой геополитической субъектности, но эта операция является столь же исключительным случаем *радикальной социальной трансгрессии*, как смена пола, родного языка или религиозной принадлежности. Но даже если подобная трансгрессия происходит, геополитик попадает не в индивидуальное пространство свободы, но в новые рамки, определенные той *геополитической субъектностью*, в которую он вступил.

3.1.2. Три геополитики

Анализ карты Макиндера показывает, что геополитическая субъектность может быть трех видов: *субъектность Моря*, *субъектность Суши* и переменная субъектность — *субъектность Rimland* («окаемочной земли»). Сразу же бросается в глаза, что они не равнозначны: субъектность Моря и субъектность Суши (Х. Макиндер называет их в книге «Демократические идеалы и реальность»[1] «взглядом человека Моря» (Seaman's point of view) и «взглядом человека Суши» (Landman's point of view) фундаментальны и автономны, т. е. содержательно первичны, тогда как «субъектность Rimland» является вторичной, комбинаторной и зависимой, представляя со-

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996.

бой сочетание геополитических элементов, заимствованных от субъектности либо Моря, либо Суши. Поэтому Макиндер не выделяет «Rimlandman's point of view» в отдельную категорию, подчеркивая тем самым, что у «береговой зоны» не может быть самостоятельной геополитической позиции. Это обстоятельство будет оспаривать позже американский геополитик Николас Спикмен (1893—1943), считавший, что именно Rimland является источником политического творчества, стимулом к которому служит отражение постоянных культурно упрощенных импульсов «разбойников Моря» и «разбойников Суши».

В любом случае, с учетом приведенных соображений следует выделить именно три геополитические субъектности, которые предопределяют не просто три направления в геополитике, но три геополитики, поскольку местоположение «наблюдателя» в дисциплине, которое придает качественному пространству решающее значение, само по себе является решающим. «Человек Моря» (Seaman), т. е. субъект «цивилизации Моря» в геополитике не есть человек, помещенный в зону Моря. Он является выразителем качественного содержания Моря как цивилизационного языка, это «голос Моря», но только отрефлектированный, возведенный на уровень научного и политического логоса. Точно так же дело обстоит и с «человеком Суши» (Landman). Это не просто обитатель Суши, это выразитель семантики Суши, логос Суши. Поэтому «наблюдатель», помещенный в зону Моря или Суши, во «внешний полумесяц» или в «осевую зону» (Heartland), не просто наблюдает разное, он наблюдает *по-разному*, его цивилизационная принадлежность аффектирует не только окружающую (объектную) стихию, но и его субъектное, социологическое и смысловое содержание. Поэтому мы можем говорить о трех геополитиках как трех научных дисциплинах:

— о геополитике Моря (Sea-geopolitics);
— о геополитике Суши (Land-geopolitics);
— о геополитике Берега (Rimland-geopolitics).

Геополитика Моря отождествляет стратегические интересы своей цивилизации с ее культурными, социальными, политическими и моральными ценностями и на этом отождествлении строит свою интерпретацию мировой истории — в том числе в привязке к пространству и политике. В геополитике Моря Море выступает как среда, как стихия и как субъект. Особенно важно, что Море является здесь именно субъектом, языком, парадигмой.

Точно так же дело обстоит и с геополитикой Суши. И здесь мы имеем дело с объединением интересов и ценностей в один нерасчленимый комплекс, который предопределяет не просто ангажированность исследователя, но саму логику и методологию рассмотрения того, что выступает как *иное* по отношению к Суше. Парадиг-

мой здесь выступает иное общество, с иными смысловыми цепочками и целевыми установками, с иной этикой и иной ценностной системой.

В результате именно две геополитики — геополитика Моря и геополитика Суши — лежат в основе всего геополитического знания. При этом в зависимости от того, где по факту происходит научная работа, — в зоне цивилизации Моря или в зоне цивилизации Суши, — сама геополитическая парадигма по умолчанию меняется. Те нормы, методы, принципы и приоритеты, которые сами собой разумеются в геополитике Моря, существенно отличаются от норм, методов, принципов и приоритетов, преобладающих в геополитике Суши. И такое различие может привести к фундаментальным просчетам, если не акцентировать на нем внимание. Учебники, монографии, пособия, энциклопедии по геополитике, издаваемые в Англии и США, будут существенно отличаться от аналогичных изданий, выходящих в России, не только конечными выводами или практическими политическими рекомендациями, но самой глубинной структурой: это будут не разные выводы из единого метода, но разные методы и, в каком-то смысле, даже разные науки. Если упустить из виду эту закономерность, то может сложиться ложное впечатление о случайном рассогласовании между собой разных геополитических школ. Прежде чем рассматривать индивидуальные различия авторов или споры разных школ, мы должны определить *геополитическую субъектность*, в пределах которой развертывается геополитический анализ.

Дело осложняется еще и наличием геополитики Берега (Rimland). Эта геополитика заведомо будет представлять собой:

1) либо продолжение геополитики Моря;
2) либо продолжение геополитики Суши;
3) либо их комбинацию;
4) либо — и это как раз важно! — постарается уйти от планетарных обобщений и сосредоточиться на выяснении отношений между политикой и пространством в заведомо локальном контексте.

В первых трех случаях геополитика Берега может называться «геополитикой» с полным основанием. Более того, пластичность береговой среды и открытая возможность выбора геополитической идентичности делает именно береговую зону чрезвычайно удобной для развития геополитической науки, т. к. здесь представлены обе тенденции, напрямую схлестывающиеся между собой. Выбор между Морем и Сушей на территориях Rimland является результатом воли и осознанного решения. Поэтому геополитический логос здесь более внятен, а его структуры более наглядны: ведь когда есть варианты выбора, мы стараемся глубже в них разобраться, взвесить pro et contra различных возможностей. Когда же мы име-

ем дело с врожденной и неизменной идентичностью, мы слепо следуем за ней, почти не подвергая ее критическому анализу. Так, мы естественным образом стремимся демонизировать и наделить отрицательными свойствами идентичность, противоположную нашей собственной. Комбинаторика же разных противоположных геополитических элементов представляет собой еще более усложненную операцию, требующую серьезного знакомства с обоими цивилизационными контекстами.

3.1.3. Те, кто отказываются от дуализма Суши и Моря, не могут считаться геополитиками

Четвертый из разобранных выше вариантов береговой геополитики представляет собой менее корректный случай, т. к. основан *на имплицитном отрицании топики Х. Макиндера*, из которой проистекают все остальные геополитические построения. Это направление встречается, в частности, у некоторых современных французских ученых (школа Ива Лакоста) и еще более запутывает понимание геополитики, т. к., исходя из геополитических особенностей амбивалентной береговой цивилизационной зоны (не имеющей столь ясной определенности, как англосаксонская или континентальная и, прежде всего, русская геополитика), они пытаются уйти от однозначного ответа на вопрос о геополитическом выборе, затемнив или обессмыслив его.

В сходном направлении развивается мысль представителей «критической геополитики» (в частности, Г. О'Туатайла), которые, базируясь в США, тем не менее стараются релятивизировать методологию классической геополитики и уйти от наиболее острых ее сторон. Случай Геароида О'Туатайла показателен: этот молодой ученый, работающий в США и пытающийся раскритиковать «классическую геополитику», которую он обвиняет в «империализме», настолько гордится своими ирландскими корнями (Ирландия, как известно, относится к береговой зоне, к Rimland, и, более того, отчаянно сопротивляется английскому талассократическому национализму), что даже в США сохранил свое ирландское имя в неприкосновенности, хотя для американца произнести его не представляется никакой возможности. К этой категории следует отнести также исследователей, которые не разобрались в принципах и методах этой науки и наполнили термин «геополитика» произвольным содержанием. Такое, увы, можно встретить в современной России.

Для того чтобы сохранять ясность в непростой проблеме геополитической субъектности, следует вынести подобную модель интерпретации геополитики — с размазанной и неопределенной геополитической субъектностью — за скобки этой науки. Желательно

также, чтобы для своих исследований подобные авторы выбрали иное название — например, школа «пространственно-политического» анализа или «территориально-политический» подход, что означало бы, что собственно геополитическая топика ими не признается, отвергается или остается им не известной. В этом случае все бы встало на свои места.

Те направления исследований, в которых отвергается дуализм Суши и Моря, основные законы геополитики Макиндера и его топика, невозможно признать геополитикой: они к ней не относятся, хотя, естественно, имеют право на существование в качестве какой-то другой политологической, социологической, географической или исторической дисциплины.

3.1.4. Геополитические субъекты и школы. Геополитика-1

Геополитическая субъектность представлена в реальности, в практической жизни неравномерно. Яснее всего обстоит дело с цивилизацией Моря. Здесь, начиная с А. Мэхэна и Х. Макиндера, мы видим последовательное развитие основательной геополитической школы, представленной многими выдающимися авторами, публицистами, учеными, политическими и общественными деятелями, научными центрами и школами и т. д.

Эта школа талассократической геополитики может быть названа «англосаксонской», т. к. перипетии истории XX в. привели к тому, что роль авангарда цивилизации Моря в течение этого столетия плавно переместилась от Великобритании к США. Несмотря на серьезные различия в социально-политической и исторической структуре американского и английского обществ их цивилизационное и геополитическое единство, общность «морской судьбы» отразились в преемственности геополитического мышления, самосознания, структуры анализа. Англия сошла на обочину мировой истории, но эстафету своей исторической миссии, своего цивилизационного вектора передала США. Геополитика была той средой и той дисциплиной, где передача эстафеты выразилась наиболее полно. И снова ключевой фигурой здесь стал Хэлфорд Макиндер, сформулировавший «морской Завет» новому американскому изданию «морского могущества», в котором сам он на первых порах сомневался. Если несколько огрубить проблематику, произошла передача функций от английского к американскому империализму, и если в политических, экономических и идеологических вопросах этот процесс проходил неявно и неоднозначно, то на уровне геополитики он был прозрачен и очевиден. Так сложилась общая англо-американская *англосаксонская геополитическая традиция*, получившая позже название «атлантистской» — по имени Атлантического океана, на обеих сторонах которого располагались ос-

Карта 8. Взгляд с Моря. Геополитика-1

новные центры «морского могущества», воплощенные в США и островной Англии. Но если в начале века превосходство было у Британии, то в ходе XX в. оно смещалось все дальше на Запад, пока, наконец, после Второй мировой войны всем не стало очевидно, что морским могуществом в мировом масштабе и абсолютным лидером мирового Карфагена являются именно США.

Англо-американская, или англосаксонская, или атлантистская, геополитика — это одно из трех цивилизационных направлений в геополитике, которое можно условно назвать «*геополитикой-1*». Ей можно обоснованно отдать пальму первенства, учитывая тот вклад в геополитическую науку, который внесли Х. Макиндер и в большой степени А. Мэхэн. Трудно сказать, смогли бы самостоятельно дойти до аналогичных по размаху обобщений последователи Ф. Ратцеля и Р. Челлена, мыслившие в германском геополитическом контексте, предопределенном условиями «Средней Европы». В любом случае, с учетом теоретических и практических успехов в сфере научной и прикладной геополитики, следует признать, что эта дисциплина утвердилась и расцвела именно в англосаксонской среде, и особенно в США. «Геополитика-1» наиболее развита, изучена и известна среди всех других версий геополитики. Поэтому знакомство с геополитикой как таковой следует начинать именно с нее.

3.1.5. Геополитика-2

Было бы логичным, если бы *«геополитикой-2»* мы назвали геополитику Суши, интеллектуальные труды мыслителей «сердечной земли» и планетарных стратегов строительства русской сухопутной империи. Именно к этому клонил и сам Х. Макиндер, убежденный, что англосаксы бьются за мировое господство именно с русскими, занимающими земли «географической оси истории». «Географическая ось истории» у Макиндера — это Россия, территория северо-восточной Евразии, политически объединенная в последние века под властью русских царей. Мы увидим, что смутные намеки на геополитику-2 мы встречаем у отдельных русских авторов и в движении евразийцев[1], но создание полноценной школы русской континентальной геополитики опоздало почти на столетие. Первые концептуально законченные работы появились лишь в начале 1990-х гг., после краха СССР[2]. В советское время геополитика была отнесена к разряду «буржуазных наук», занятие которой рас-

[1] Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.

[2] *Дугин А.Г.* Великая война континентов/День. 1992. Январь-апрель; *Он же.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. См. также журнал Элементы. Евразийское обозрение. 1992. № 1; Там же. 1992. № 2; Там же. 1993. № 3; Там же. 1993. № 4; Там же. 1994. № 5, Там же. 1995. №6; Там же. 1996.№ 7; Там же 1997. № 8; Там же 1998. № 9.

сматривалось как преступление. Даже слабые попытки учесть влияние географического фактора на особенности экономического развития рассматривались как «идеологическая диверсия против марксизма», что каралось незамедлительными репрессиями, как в случае печально известного «дела геополитиков», связанного с именем выдающегося русского географа и экономиста В.Э. Дэна (1867—1933) [1].

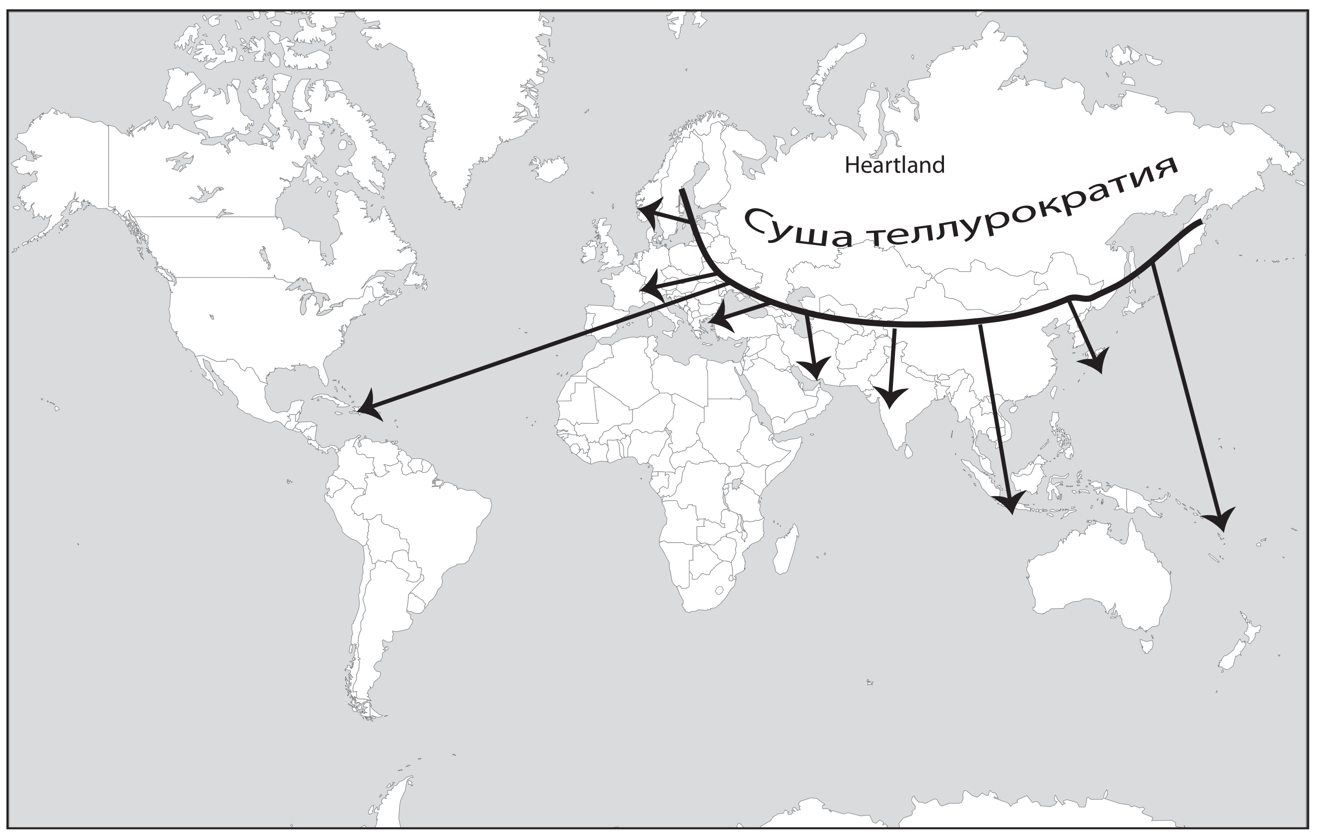
Значительно более развернутое теоретическое направление, построенное на принципе «Суши», сложилось в Европе, в Германии 1920—1940-х гг. Здесь мы видим появление таких фигур, как Карл Хаусхофер (1869—1946) и Карл Шмитт (1888—1985), в окружении широкой группы единомышленников и последователей. Отталкиваясь от идей Х. Макиндера и опираясь на разработки Р. Челлена и Ф. Ратцеля, Хаусхофер (а также его сотрудники — Обст, Маулль и т. д.) институционализировал геополитику Суши или континентальную геополитику в Германии как самостоятельную дисциплину. Он начал издавать регулярный журнал, вести на национальном радио геополитические передачи и постарался повлиять на внутри- и внешнеполитические процессы в Германии в «сухопутном» ключе.

Карл Шмитт, крупнейший политолог, социолог и правовед, предложил осмысление геополитики как фундаментальной философской, социологической и правовой программы.

Таким образом, геополитика-2 как реакция на Х. Макиндера со стороны цивилизации Суши сложилась не столько в России, где, казалось бы, ей было самое место, но в Германии, которая осмысливала себя как «сухопутное могущество» перед лицом талассократической Англии. Политически германская геополитика была существенно дискредитирована тем контекстом, в котором она развивалась в годы Третьего Рейха, а определенное, хотя и сильно преувеличенное критиками в дальнейшем, сотрудничество К. Хаусхофера и К. Шмитта с Гитлером никак не способствовали ее популярности.

Все это повлияло на то, что в сфере геополитических исследований сложилась ассиметричная ситуация: при развитой полноценной геополитике-1» (геополитике с позиции Моря, морского субъекта) на одном полюсе, на противоположном конце теплилась зачаточная и поставленная в СССР вне закона, а в Германии дискредитированная близостью к нацизму «геополитика-2» (геополитика с позиции Суши, сухопутного субъекта). Дело усугубляется также тем, что Германия — часть Европы, а антисоветские настроения нацизма и вторжение в СССР создавали тот антирусский контекст,

[1] *Чепарухин В.В.* В.Э. Дэн и современная Россия//Известия Русского Географического Общества. 1994 В. 2.

Карта 9. Взгляд на мир глазами Суши. Геополитика-2

который не позволял Германии солидаризоваться с полноценной сухопутной ориентацией, с геополитическим «евразийством», которое, как будет показано далее, только и может выступать в качестве полноценной основы «геополитики-2». Поэтому появление первых решительных шагов по конституированию евразийской геополитической школы пришлось ждать почти 100 лет после выхода в свет первых работ по геополитике[1].

3.1.6. Геополитика-3

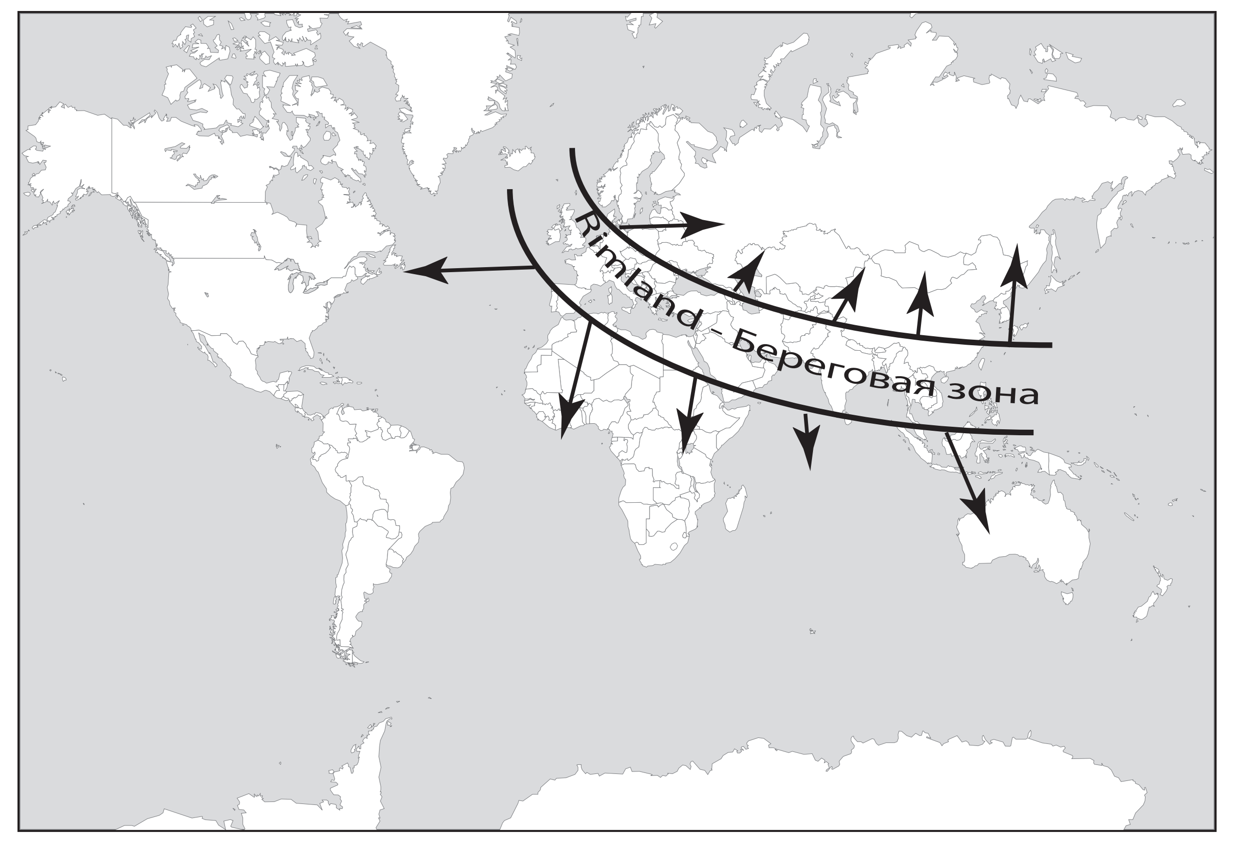
И, наконец, европейская геополитика Берега сложилась лишь в 1970-е гг. и, к сожалению, представляла собой «геополитику» лишь номинально, являясь скорее вариантом псевдогеополитики, не признающей планетарной топики Х. Макиндера и не дифференцирующей ни англосаксонской, ни германской, ни евразийской традиций. Француз Ив Лакост, стоящий за этой инициативой, бывший советником Ф. Миттерана и издателем журнала «Herodot», возможно, руководствовался благими намерениями, окрашенными социал-демократическим флером левых политических взглядов. Англосаксонский империализм был ему неприятен, исторические связи германских геополитиков с нацистами отталкивали, а с евразийской геополитикой он, скорее всего, не был знаком. Ему ничего не оставалось, как пытаться построить *стерильную геополитику*, избегая всего того, что могло для умеренного «левого» оказаться «неполиткорректным». И хотя И. Лакост «реабилитировал» термин и вызвал к этой области знаний определенный интерес, ценой, заплаченной за эти усилия, была бессмысленность проделанной работы, в центре внимания которой стояли детали, не получившие внятной обобщающей собственно геополитической интерпретации.

Гораздо более продуктивными были работы европейских атлантистов и сторонников глобального Запада, осознанного как тотализация «морского могущества». Они ориентировались на англосаксонскую геополитику, привнося в нее европейский научный дух, остроумие, тщательность и щепетильность подхода. Такие европейские геополитики, как правило, работали в структурах, связанных с НАТО, ЦРУ и другими атлантистскими стратегическими центрами.

И, наконец, стоит обратить внимание на то, что в зоне Rimland после Второй мировой войны существовали «континентальные» геополитические направления, стоящие на стороне «цивилизации

---

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.:Арктогея, 1997, 4-е расш. изд. М.:Арктогея-центр, 2000. За данной программной работой последовал шквал геополитических публикаций разного научного качества, систематизацию и классификацию которых еще только предстоит произвести. К сожалению, в них чрезвычайно много плагиата, фантазий, субъективизма или просто полного непонимания темы.

Карта 10. Взгляд с позиции Береговой зоны, Rimland'a. Геополитика-3

Суши», но они чаще всего находились в идеологической и политической оппозиции существующим режимам, труды их идеологов получили ограниченное распространение, и на политику оказали довольно скромное влияние. Вместе с тем именно в этих кругах (Ж. Тириар, Й. фон Лохаузен, Ж. Парвулеско, А. де Бенуа, К. Террачано, Э. Шопрад, П.-М. Галлуа и др.) сложились представления о том, что возможна геополитическая модель развития Европы как самостоятельной зоны, отличной и от цивилизации Моря, и от русской «оси истории». Этот «европейский континентализм» составляет наиболее интересное в теоретическом плане направление развития геополитических идей.

Однако при изучении европейских авторов трудно рассчитывать на стройную и цельную «*геополитику-3*», геополитику Берега. Скорее сам факт отнесения к сфере «геополитики-3» помогает нам лучше понять позицию тех, кто писал на эти темы в Европе. Любопытна также идейная эволюция некоторых европейских геополитиков, которые начинали с выделения Европы как самостоятельной геополитической силы, противоположной англосаксонскому миру, но строго отличной от евразийской России. С 80-х гг. XX в. эти авторы все более эволюционировали в сторону евразийства и геополитической «русофилии», что позволяет рассматривать многие их идеи как конструктивный вклад в геополитику Суши, геополитику Heartland'a, т. е. в «геополитику-2», что особенно ценно, учитывая их вполне политкорректную репутацию (в сравнении с сухопутной школой немцев 1920—1940-х годов, дискредитированной опасными связями с национал-социализмом).

В 1990-е гг. интерес к геополитике стал пробуждаться и в других странах «внутреннего полумесяца», Rimland: в арабском мире, Турции, Иране, Индии, Китае и т. д. И здесь большую роль сыграла новейшая евразийская школа, сложившаяся в России. Благодаря переводам ее программных текстов на восточные языки (арабский, турецкий, иранский и др.) постколониальные страны в условиях новой идеологической конфигурации мира и краха дуальной модели «социализм/капитализм» получили возможность познакомиться сразу с двумя различными геополитиками — *геополитикой-1*, обильно представленной в англоязычной и европейской литературе, и с *геополитикой-2* в ее полноценном евразийском, русском, макроконтинентальном варианте.

Перейдем к детальному рассмотрению этих школ. При этом следует постоянно держать в памяти сформулированную выше мысль относительно *геополитических субъектов*: в отличие от обычных научных школ в геополитике мы имеем дело с чем-то более глубинным, нежели различие индивидуальных подходов и частных мнений. Каждая школа — это особая цивилизация, особый *логос*, особая модель политической и исторической рациональности.

3.2. Англосаксонская геополитика. От истоков к современности

3.2.1. Эллен Черчиль Сэмпл, Дервент Уиттлизи, Франц Опенгеймер: американская «политическая география»

Мы уже отмечали роль адмирала А. Мэхэна в становлении американской школы геополитики и фундаментальное значение его понятия «морское могущество». Идеи Мэхэна легли в основу всей англосаксонской геополитической традиции и предопределили постепенную эволюцию взглядов самого Х. Макиндера. Именно Мэхэна можно считать ключевой фигурой в американском стратегическом планетарном мышлении, воплощавшемся в жизнь в течение XX в. Поэтому роль Мэхэна и его работ о значении «морской силы» следует признать центральной.

Необходимо, однако, для полноты картины упомянуть и других предшественников американской геополитической школы, которые внесли свой вклад в ее становление, особенно на ранних ее этапах. Здесь выделяются две фигуры американских специалистов в области политической географии. Сами они к геополитикам себя не относили и этот термин не использовали, однако их идеи оказали на геополитику серьезное влияние. Речь идет об Эллен Черчиль Сэмпл (1863—1932), Дервенте Уиттлизи (1890—1956) и Франце Оппенгеймере (1864—1943).

Эллен Ч. Сэмпл была последовательной сторонницей идей Фридриха Ратцеля в США, популяризировала его наследие и применяла его принципы к исследованию политических образований и культур. Она была одной из тех немногих ученых, которые последовательно и радикально исповедовали принцип «географического детерминизма», объясняя многие политические и социальные особенности стран структурой климата и природной среды. Эллен Сэмпл рассматривала собственные работы как развитие «антропогеографии». Ее наиболее известный обобщающий труд носит название «Влияния географической среды» и написан на основе трудов Ф. Ратцеля. Решающее влияние работы Ратцеля оказали и на другого американского политического географа — Д. Уиттлизи. Основное внимание в своих исследованиях он уделял организации пространства в различных типах государств, по сути, повторяя основные подходы Р. Челлена. Сумма идей Уиттлизи отражена в его главной книге «Земля и государство»[1].

Идеи и подходы «антропогеографии» Ратцеля значительно повлияли на одного из крупнейших американских социологов Ф. Оппенгеймера, который на основе гипотезы Ратцеля о возник-

[1] *Whittlesey D.* The Earth and the State. New York: Henry Holt & Co, 1939.

новении государств в результате завоевания одними этносами других построил собственную теорию «государства», открывшую целое направление исследований — «социологию государства». В своем главном труде «Государство»[1] Оппенгеймер оспаривает классические идеи Локка о том, что государство возникает на основе «коллективного договора», и настаивает на том, что оно исторически навязывается этносом-завоевателем завоеванным народам в качестве закрепления сословно-политической власти.

Работы названных трех выдающихся американских ученых подготовили в американском обществе идейную базу для развития собственно геополитических исследований, представили необходимый методологический аппарат, популяризировали подходы «политической географии» Ратцеля, привлекли внимание к значению «качественного пространства», а также пробудили в американской научной общественности повышенный интерес к этносоциологической проблематике (на Оппенгеймера наряду с Ратцелем огромное влияние оказали работы немецкого этносоциолога Р. Турнвальда), тесно связанной с собственно геополитическими проблемами.

3.2.2. Х. Макиндер и эволюция его взглядов. Курс Вудро Вильсона

Но решающее влияние на появление американской геополитики, как отмечалось, все же оказал англичанин Х. Макиндер, в работах которого основные темы «политической географии» достигли кульминации. Чтобы описать процесс формирования англосаксонской геополитики, следует проследить эволюцию его взглядов и основные этапы мысли этого выдающегося геополитика.

Первый этап, связанный с разработкой Макиндером «новой географии» и завершившийся публикацией в 1904 г. программной статьи «Географическая ось истории»[2], мы в общих чертах рассматривали. В этой работе Макиндер формулирует основы геополитической топики, создает свою историческую геополитическую карту, провозглашает в общих чертах принципы цивилизационного дуализма Суши и Моря. В этом смысле можно считать 1904 г. историческим моментом рождения собственно геополитики.

Но в то же время в этот период Макиндер еще мыслит мир с позиции «британского империализма», полагая, что США относятся скорее к мировой периферии и демонстрируют многие черты «сухопутной» цивилизации. В некотором смысле, он даже склонен

[1] *Oppenheimer F.* The State: Its History and Development viewed Sociologically. New York: B.W. Huebsch, 1922.

[2] *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904.№ 23, С. 421—437. Русский перевод: *Макиндер Х.* Географическая ось истории / *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491—506.

относить США к «государствам Востока». Однако оценки Макиндера меняются в ходе Первой мировой войны, когда США открыто заявляют о своих мировых амбициях как цитадели «демократии» и «морского могущества». Эта тенденция связана с идеями и программами президента США Вудро Вильсона (1856—1924), который провозгласил переход от традиционного американского изоляционизма к тому, чтобы США открылись миру и выступили на мировой арене как глобальная морская держава и гарант мировой демократии. Решение Вильсона о вступлении в войну против Германии (во многом спровоцированное самой Германией, пытавшейся втянуть в войну против США Мексику и устроившей массовую атаку подводного флота на американские торговые корабли) открывало новую эру в американской политике.

Вильсон вступает в войну на стороне Антанты, проявляет инициативу в создании Лиги Наций и активно участвует в политической организации Европы после окончания Первой мировой войны — в частности, всячески поддерживая создание новых национальных государств на обломках европейских Империй. Международная политика Вильсона легла в основу традиции «идеализма». Но этот термин надо понимать в изначальном контексте — речь шла о том, что США должны взять на себя ответственность за организацию мира в соответствии со своими представлениями о политической демократии, парламентаризме и свободном рынке. «Идеалистическим» в таком подходе является утверждение американских *ценностей* как универсальных.

Оппонентами «идеалистов» и «вильсонианцев» выступали американские «реалисты», считавшие, что США в первую очередь должны преследовать свои «национальные *интересы*» и лишь затем обращать внимание на «*ценности*». По сути, и та и другая позиции представляют собой лишь разновидности американского империализма. «Идеалисты» видят мировое главенство США как выражение их «исторической миссии», а «реалисты» то же самое главенство толкуют прагматически в более грубых терминах господства, власти, контроля и управления миром в американских интересах. Конечно, существуют и крайние позиции: у идеалистов идеологическим экстремумом является левый «интернационализм», а у «реалистов» — правый изоляционизм и американский «оборонительный» национализм.

Хотя Вильсон сталкивается в США с огромным противодействием со стороны «реалистов», намеченный им вектор необратимо меняет планетарную стратегию США в XX в. И это не может пройти мимо внимания Х. Макиндера, который всегда был активно вовлечен в политику, тесно сотрудничал с лордом Керзоном, являлся одним из разработчиков Версальского договора, планировал организацию политического пространства в послевоенной Европе и

некоторое время выполнял функции Британского комиссара на Украине, где поддерживал «белое дело» против большевиков и подготавливал план расчленения России.

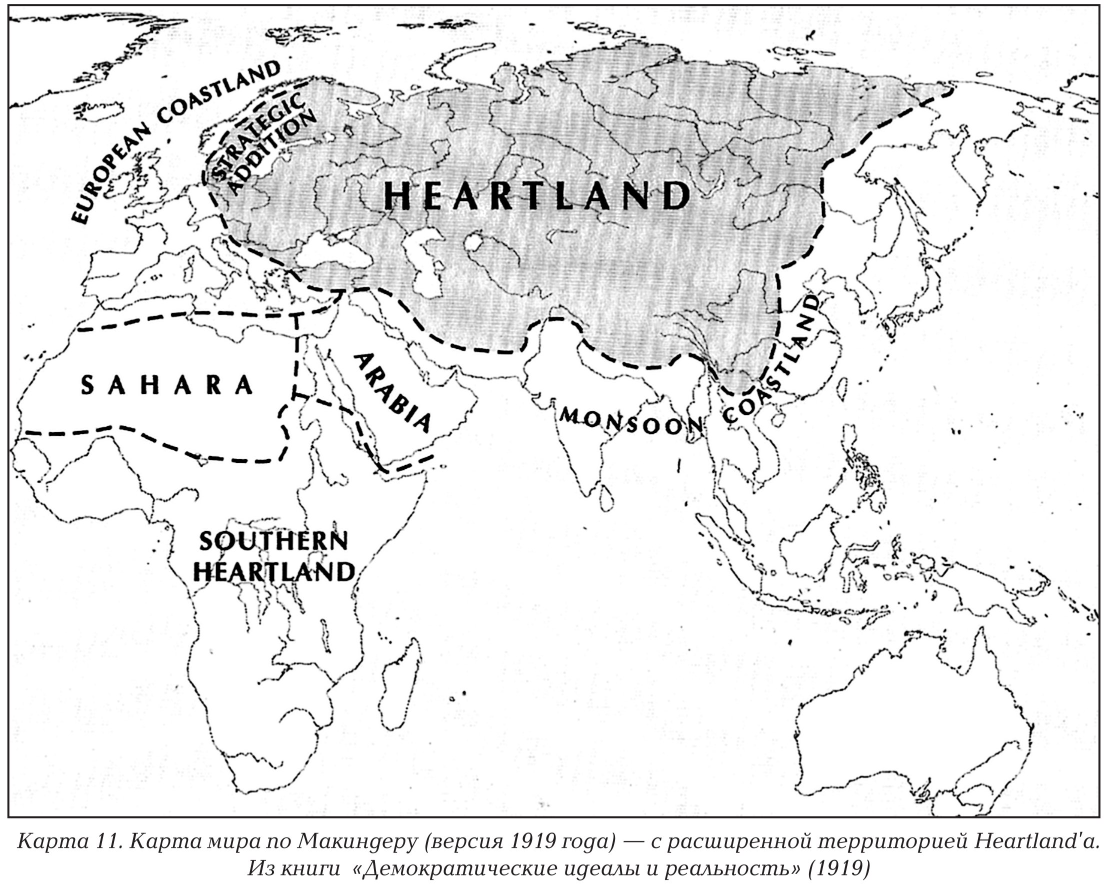
Макиндер напрямую сталкивается с Вильсоном и его идеологическими сторонниками при подготовке Версальского договора и однозначно интерпретирует доктрину Вильсона как претензию США на исполнение функции «мирового могущества» в планетарном масштабе. Он легко распознает за «идеализмом» знакомый ему не понаслышке англосаксонский империализм, активным сторонником которого он являлся и сам. И именно в этот момент происходит слияние двух направлений — британского и северо-американского — в одну общую геополитическую традицию, которую отныне следует называть «англосаксонской» или «атлантистской». Взгляды Мэхэна, разработки американских ученых в сфере «политической географии» и планетарная стратегия американской доминации в духе Вудро Вильсона смыкаются с имперской британской геополитикой Макиндера и отныне образуют общий тренд.

Все это находит свое выражение во второй знаковой и поворотной работе Макиндера «Демократические идеалы и реальность»[1], опубликованной в 1919 г. — по свежим следам Первой мировой войны.

3.2.3. «Демократические идеалы и реальность»

Чрезвычайно показательно название работы Х. Макиндера — «Демократические идеалы и реальность». По сути дела, это прямое обращение к Вудро Вильсону в попытке соотнести его «идеализм» с геополитическими реалиями. Мы уже отмечали, что геополитика в самом своем подходе отождествляет *ценности* и *интересы*, т. е. стремится не развести «идеализм» и «реализм» по разные стороны, но показать их глубинную концептуальную цивилизационную взаимосвязь. И интересы, и ценности растут из общего корня, которым является *цивилизация* и ее качественное пространство. Но эта цивилизация не является единой для всех. Есть как минимум две цивилизации — цивилизация Моря и цивилизация Суши. Между ними расположена переменчивая зона цивилизации Берега (Rimland), в пределах которой конкурируют между собой и комбинируются морские и сухопутные вызовы, импульсы и тенденции. Поэтому вместо споров о первичности «идеалов демократии» или «реалистических интересов» западных стран надо осознать их органическое единство и разработать общую планетарную стратегию для их торжества. А для этого, в свою очередь, необходимо трезвое

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996.

Карта 11. Карта мира по Макиндеру (версия 1919 года) — с расширенной территорией Heartland'a. Из книги «Демократические идеалы и реальность» (1919)

понимание политических, географических, стратегических и цивилизационных закономерностей.

Именно такой синтез и предлагает Макиндер как программу действия для всего Запада в целом, к которому он относит, в первую очередь, Англию и США, а также примкнувшую к ним в Первой мировой войне Францию. Державы победившей Германию и Австрию Антанты представляют собой *ядро* «цивилизации Моря», которая должна отныне осознать свое единство и воспользоваться победой для того, чтобы организовать мировое пространство на своих принципах и к своей пользе.

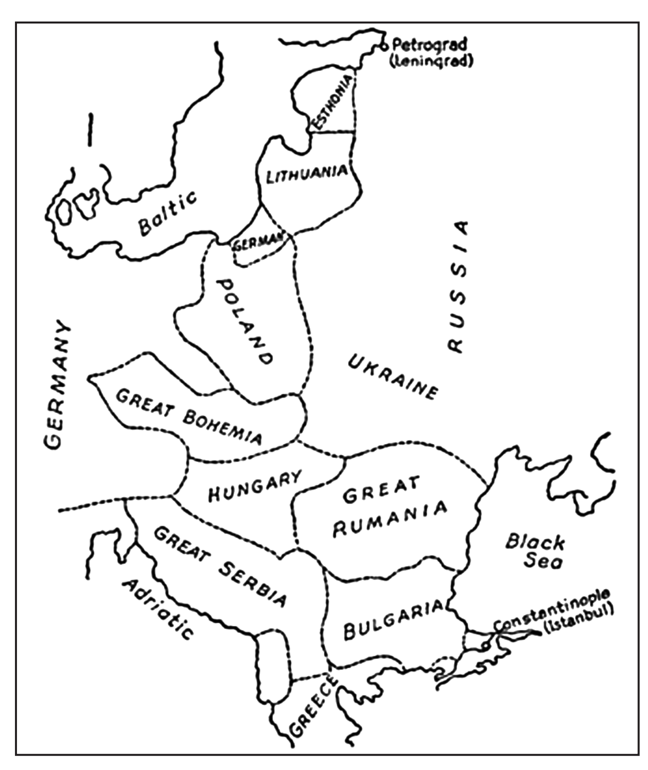
В книге «Демократические идеалы и реальность» Макиндер последовательно излагает геополитический план Запада. В первом разделе он описывает общую перспективу геополитического видения мира, поясняет понятия «сердечная земля» (Heartland), «окаемочные земли» (Rimland), предлагая несколько измененный вариант геополитической карты 1904 г. Теперь в зону «сердечной земли» (Heartland) он включает Германию, континентальный Китай и Иран как наиболее «сухопутные» зоны, расположенные в поясе «кромки» (Rimland).

Второй раздел книги посвящен взгляду на мир с позиции «человека Моря». В этой части своей работы Макиндер формулирует основные принципы того, что мы назвали «геополитикой-1», «геополитикой Моря», которые, в целом, остаются неизменными и по настоящее время.

Описывая основные задачи «Моря», Макиндер предлагает запереть «Сушу» как можно дальше от южных и западных морских путей, укрепив влияние атлантистских держав на всем протяжении «береговой зоны». Важнейшими задачами являются прочное разделение России с Германией на Западе, Китаем на Востоке и Ираном на Юге, для чего необходимо создание в пограничных областях «санитарного кордона» из марионеточных и зависящих от цивилизации Моря новых «национальных» государств. Саму Россию желательно расчленить с Запада и Востока, на месте Австро-Венгерской империи следует создать новые политические единицы, враждебные как немцам, так и русским, установить англосаксонский контроль над территорией Кавказа и Южной России, укрепить позиции в Афганистане и Тибете для предотвращения возможной экспансии русских на Юг и Восток.

При этом Макиндер с удивительной для того времени прозорливостью (книга издана в 1919 году!) видит наибольшую опасность для Запада именно в большевиках, контролировавших в тот период лишь самые внутренние территории «сердечной земли». Макиндер не сомневается в том, что большевики укрепятся и постепенно переродятся *в евразийскую сухопутную силу*, с которой Западу еще придется столкнуться не на шутку. Поэтому он призы-

вает «цивилизацию Моря» всячески поддержать «белых» — особенно в Крыму и Украине, чтобы запереть большевиков во внутренних и бесперспективных пространствах «географической оси истории».

Карта 12. Карта санитарного кордона между Германией и Россией из книги Х. Макиндера «Демократические идеалы и реальность» (1919)

В январе 1920 г., находясь в Марселе на борту королевского крейсера «Кентавр», Макиндер пишет докладную записку британскому правительству[1], в которой подробно обрисовывает те государства, которые, по его мнению, должны появиться на территории Российской империи. Это Белоруссия, Украина, Южно-россия, Дагестан (включающий весь Северный Кавказ), Грузия, Армения, Азербайджан. Если срочно не создать эти марионеточные государства под контролем западноевропейских держав, уверяет английский геополитик, то рано или поздно большевики укрепятся на всем пространстве бывшей Российской империи и дадут бой «цивилизации Моря».

[1] *Mackinder H.* Situation in South Russia 21 Jan. 1920/Documents on foreign policy 1919—1939. Fisrt series. V. III, 1919. London 1949. С. 786—787.

В третьем разделе книги Макиндер описывает стратегические интересы и приоритеты с позиции «человека Суши», набрасывая основы «геополитики-2». Эти интересы заключаются в интеграции пространства «сердечной земли» (Heartland) под эгидой России или через создание союзов России с Германией, Ираном и Китаем. Это и есть главная стратегическая задача Суши, реализация которой сделает возможным контроль над всей Евразией и откроет путь этой цивилизации к мировому господству.

В четвертом разделе Макиндер анализирует конкретные противоречия между Российской, Австро-Венгерской и Османской империями и намечает перспективы постимперской организации этих политических территорий.

В пятом разделе «Свобода наций» он продолжает эту тему, показывая, почему создание новых национальных государств в Восточной Европе выгодно «цивилизации Моря» и должно всячески поддерживаться Западом, несмотря на то, что Венгрия и Болгария сражались против Антанты на стороне немцев.

В шестом, заключительном разделе «Свобода людей» Макиндер анализирует границы применимости либерализма, принципов свободной торговли и принципа «laissez-faire» в достижении стратегических целей «цивилизации Моря», подчеркивая, что чрезмерный «идеализм» никогда не должен противоречить строгому следованию «интересам».

Окончательный баланс англо-американскому сотрудничеству Макиндер подводит в 1924 г. в брошюре «Нации в современном мире»[1]: «Западная Европа и Северная Америка отныне составляют со многих точек зрения единую общность наций. Этот факт полностью был обнаружен тогда, когда американские и канадские армии пересекли Атлантику для сражений во Франции в эпоху великой войны...»[2].

Таким образом, именно с 1924 г. мы можем отсчитывать историю осознанного, последовательного и геополитически концептуализированного *атлантизма*, внутри которого центр тяжести будет постепенно перемещаться от Старого Света к Новому, от Великобритании к США.

3.2.4. Появление CFR

В тот самый период, когда Х. Макиндер пишет «Демократические идеалы и реальность», пытается расчленить Россию и осмысляет геополитическое значение планетарных идей В. Вильсона, в

[1] *Mackinder H.* The Nations of the Modern World: An Elementary Study in Geography and History. London: George Philip, 1924.

[2] Ibidem. C. 251.

Европе участниками американской делегации, приехавшей для участия в Версальской конференции, принимается решение, которое будет иметь огромные последствия для англосаксонской геополитики в течение всего XX в. Это было решение о создании «Совета по внешней политике»[1] (Counsil on Foreign Relations, сокращенно CFR). Эта организация впоследствии стала центром институционализации всей англосаксонской и, шире, западной геополитической традиции, ставящей во главу угла «цивилизацию Моря» и перспективу ее планетарного доминирования. С самого момента своего появления CFR стремится быть интеллектуальным центром глобальной политики, своего рода предвосхищением «мирового правительства», понимаемого как инстанция глобального контроля от лица геополитического субъекта «цивилизации Моря». Геополитика отныне будет преимущественно развиваться в рамках этой организации и связанныхс ней научных, политических и разведовательных институтов.

У истоков CFR стоит группа ученых, которые были мобилизованы в 1917 г. близким советником Вудро Вильсона «полковником» Манделом Хаусом для того, чтобы разработать новое видение глобальной роли США в мире после вступления страны в Первую мировую войну. Группа называлась первоначально «The Inquiry», финансировалась крупными американскими банкирами (в частности, Рокфеллерами, Уорбургами и Морганами), и 19 пунктов внешней политики Вильсона были подготовлены в ее недрах. Представители этой группы отправились в 1919 г. в Европу для участия в Парижской мирной конференции, и 30 мая 1919 г. в отеле «Мажестик» в присутствии американских и английских ученых, дипломатов и политических деятелей было принято решение о создании сразу двух ветвей по сути единого интеллектуального стратегического и геополитического центра. Американская ветвь получила название «Council on Foreign Relations», а английская — «Royal Institute of International Affairs» («Королевский Институт Международных Дел»), называемый также по своему расположению в старинном лондонском особняке «Chattam House».

В тот же период подготавливалось создание «Института Тихоокеанских исследований», который должен был расположиться в столице одной из английских колоний в Тихом океане.

Деятельность CFR была с самого начала окутана тайной. Организация не приглашала на встречи журналистов и представителей общественных организаций, что породило вокруг нее множество самых причудливых мифов. Но все объяснялось довольно просто: участники CFR, не делавшие различий между республиканцами и

[1] *Quigley Carroll.* Tragedy and hope. A History of the World in Our Time. New York: Macmillan, 1966.

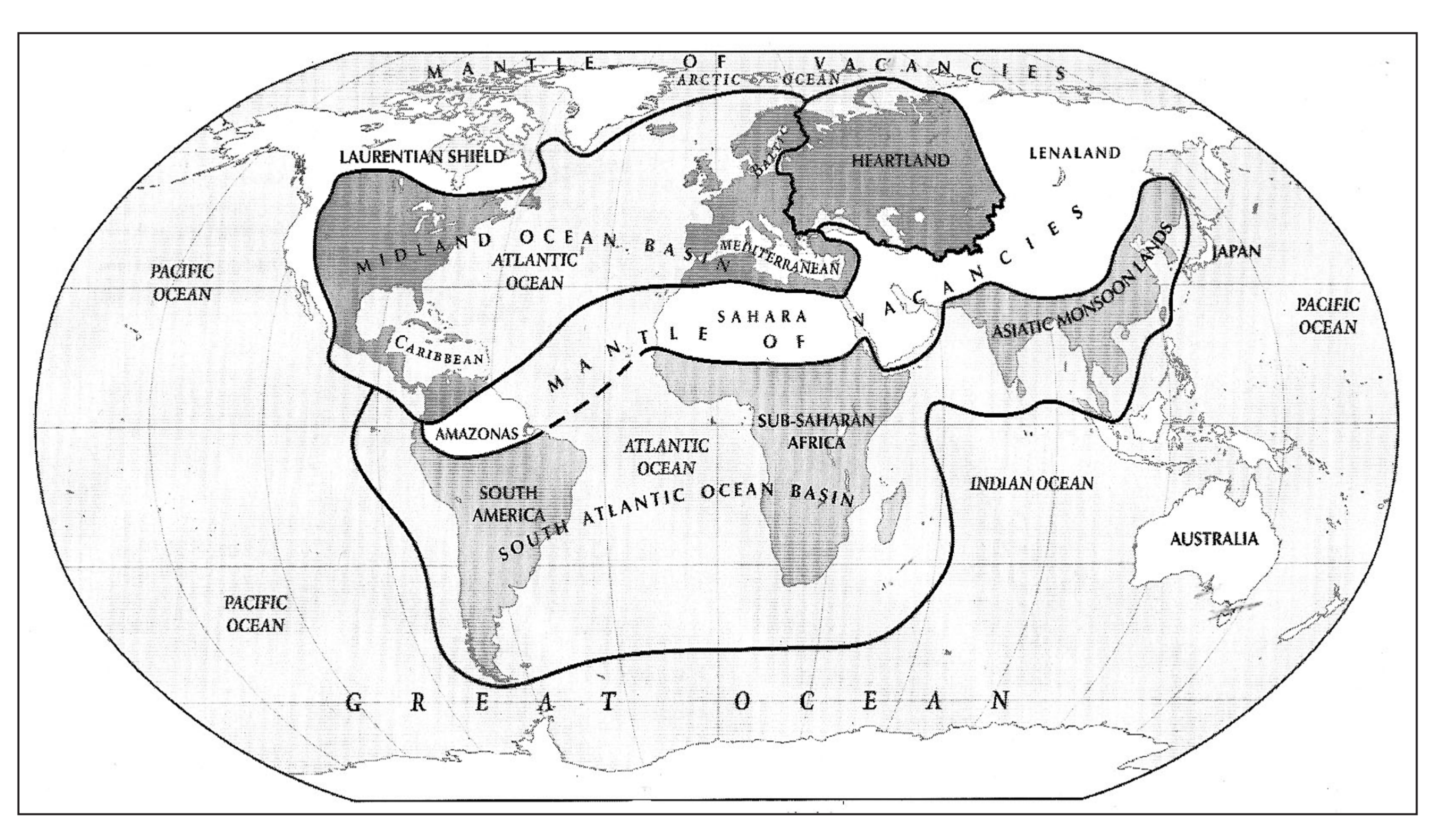
демократами, правыми и левыми, разрабатывали стратегические и ценностные проекты цивилизационного масштаба, превосходившие узко национальные рамки США, а широкой публике этот глобализм («мондиализм» — от французского «le monde», «мир») объяснить было нелегко. Официально CFR был организован как один из неправительственных клубов, которых в США множество. Но главным его отличием от других клубов являлся уровень участников, который объединял всю мыслящую в планетарном ключе американскую элиту — политическую, интеллектуальную и финансовую — как центр всей «цивилизации Моря». Можно сказать, что главный секрет CFR состоял в том, что это была геополитическая инстанция, чье видение мира забегало вперед по сравнению с обычными национальными представлениями рядовых американцев. Для CFR США были больше, чем просто страной, государством, нацией. Эта организация мыслила США как выражение мировой идеи, призванной организовать весь мир под эгидой «морского могущества», что предполагало доминацию и *американских интересов, и американских ценностей*. В духе геополитического синтеза, который мы видели у Х. Макиндера, CFR не разделалось на «реалистов» и «идеалистов»; и те и другие планировали будущее человечества и политическую организацию земного пространства как модель, где сбудется торжество американских идеалов и будут закреплены «навечно» стратегические позиции США, признанные всеми как общечеловеческие.

3.2.5. Исайя Боумен: «новый мир» и стратегия геополитики CFR

Первым руководителем CFR стал американский ученый Исайя Боумен (1878—1949), ставший одним из главных идеологов программы Вудро Вильсона. И. Боумен сформулировал концепцию «нового мира»[1], в которой описывал баланс национальных интересов различных государств, предпочтительный для того, чтобы США постепенно смогли прийти к мировому господству. В теоретическом плане каких-то выдающихся открытий Боумен не сделал, но, в целом, заложил стратегию развития CFR на последующие десятилетия: постепенный путь к созданию «мирового правительства» в интересах евро-американского сообщества путем осознанного и целенаправленного участия США в глобальных процессах, где бы они ни происходили.

Во время Второй мировой войны Боумен особое внимание уделял той политической географии, которой суждено было возникнуть после окончания этой войны. «Мера нашей победы будет оп-

[1] *Bowman I.* The New World-Problems in Political Geography. NY.: Yonkers-on-Hudson World Book Co, 1921.

Карта 13. Карта мира по Макиндеру (версия 1943 года). Из статьи «Круглая планета и победа сил мира»

ределяться мерой нашей доминации в послевоенном мире»[1], — писал он.

Деятельность CFR носила довольно конкретный характер. Каждый регион мира, каждый конфликт, каждая проблемная зона тщательно изучались с разных точек зрения и на основании этой практической работы по геополитическому анализу делались анализы, прогнозы и рекомендации политическому руководству США.

CFR стал издавать два раза в месяц журнал «Международные Отношения» («Foreign Affairs»), который в скором времени превратился в наиболее влиятельное издание в вопросах американской внешней политики.

Свою последнюю программную статью «Круглая планета и победа сил мира»[2], в которой, будучи уже весьма пожилым, Х. Макиндер изложил свой взгляд на политическое устройство мира после Второй мировой войны, он опубликовал именно в этом журнале.

Здесь следует сделать одно важное уточнение. Вместе с созданием CFR и его английского аналога «Королевского Института по Международным Делам», в руководстве которого были такие влиятельные политики, как Роберт Сесил (1864–1958) и Лайонел Кертис (1872–1955), а позже известный историк Арнольд Тойнби (1889–1975), геополитика в англосаксонском мире переходит в новый статус — базовой модели внешнеполитического анализа, лежащего в основе выработки основной планетарной стратегии Запада. Эта фактическая институционализация геополитики сопровождалась двумя моментами: с одной стороны, даже те, кто занимался ею на постоянной основе и создавал на базе ее принципов анализы и рекомендации, старались не слишком афишировать ту методологию, которой пользовались, а с другой стороны, акцент в геополитических исследованиях падал не столько на теоретические обобщения, сколько на конкретные ситуации, связанные со спецификой региона, проблемы, политического контекста. Не то чтобы геополитика была строго засекречена, но в связи с деликатностью рассматриваемых ею тем слишком откровенные изложения ее методов, целей и принципов могли повредить делу и не приветствовались. Нечто подобное в СССР сложилось с «Оперативным страноведением» — дисциплиной, формально не входившей в образовательный стандарт и преподававшейся только в закрытых военных учреждениях и академиях спецслужб. Другое дело, что геополитика служила политической элите США и Западной Европы (в первую очередь, Англии) для выработки планетарной цивили-

[1] Цит. по *Smith Neil.* American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Berkeley: University of California Press, 2003.

[2] *Mackinder H.* The round world and the winning of peace / *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. С. 195–207.

зационной стратегии, тогда как «Оперативное страноведение» считалась прикладным знанием, а стратегия определялась официальной марксистской идеологией.

3.2.6. Николас Спикмен: реализм и геополитика

Геополитическая школа в США, несмотря на определенную секретность и закрытость, связанные с CFR и форматом деятельности этой организации, развивалась и в более откровенном и эксплицитном ключе. Значительный вклад в развитие классической геополитики внес американец голландского происхождения Николас Джон Спикмен (1893 – 1943). Н. Спикмен считается также основателем традиции «реализма» в американской политике. Две свои основные работы он написал в 1940-е гг., развивая и частично пересматривая идеи Х. Макиндера[1].

Спикмена, как и Макиндера, заботила конструкция послевоенного мира, на описании которой он и сосредоточился. Он был профессором международных отношений, а позднее директором Института международных отношений при Йельском Университете. Для него, в отличие от первых геополитиков, сама география не представляла большого интереса; еще меньше волновали его проблемы связи народа с почвой, влияние рельефа на национальный характер и т. д. Спикмен рассматривал геополитику как важнейший инструмент конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать наиболее эффективную стратегию. В этом смысле он жестко критиковал немецкую геополитическую школу (особенно в книге «География мира»[2]), считая представления о «справедливых или несправедливых границах метафизической чепухой».

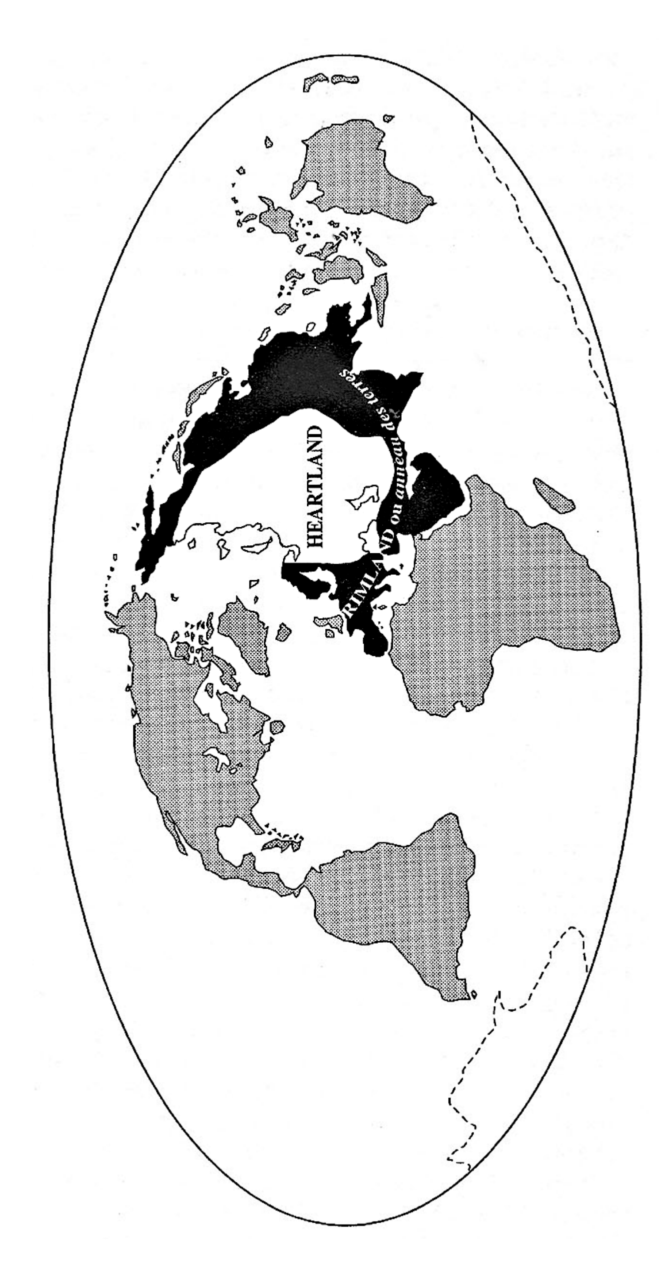
Как и для адмирала Мэхэна, для Спикмена характерен утилитарный подход, четкое желание выдать наиболее эффективную геополитическую формулу, с помощью которой США могут скорейшим образом добиться «мирового господства». Этим прагматизмом определяется строй всех его исследований.

3.2.7. Повышение роли Rimland

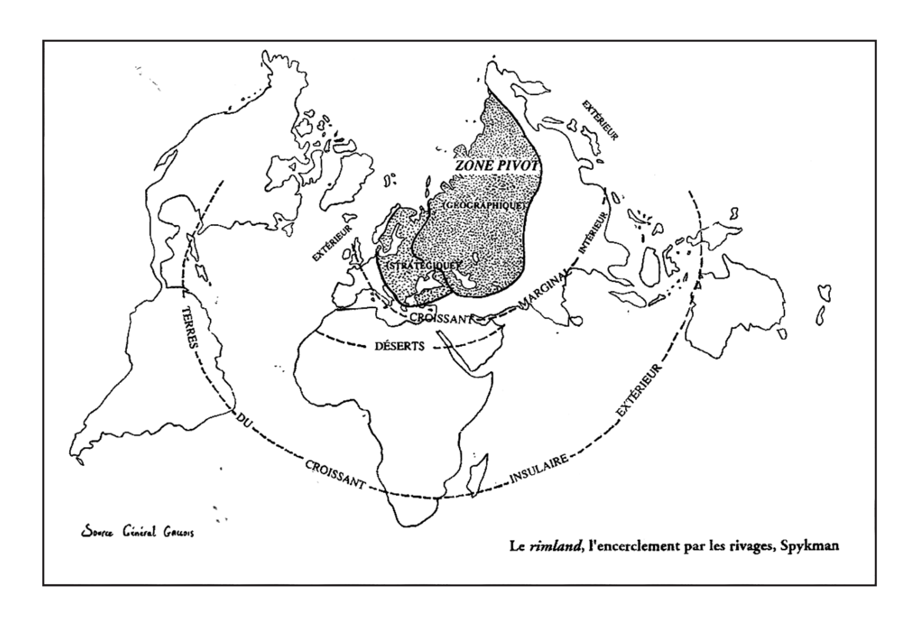
Н. Спикмен, внимательно изучивший труды Х. Макиндера, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, несколько отличающейся от модели Макиндера. Основной идеей Спикме-

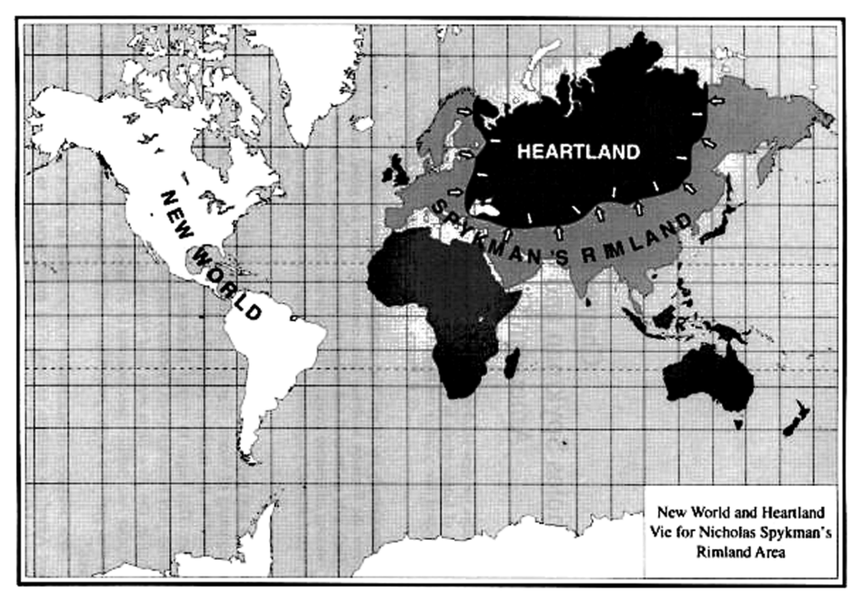
[1] *Spykman N.J.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942; *Idem.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.

[2] *Spykman N.J.* The Geography of the Peace.

Карта 14. Мир глазами Спикмена. Главное — контроль над зоной Rimland'a. Классический американский атлантизм

Карты 15—16. Карты геополитической картины мира Спикмена

на было то, что Макиндер якобы переоценил геополитическое значение Heartland. Эта переоценка затрагивала не только актуальное положение сил на карте мира, в частности, могущество СССР, но и изначальную историческую схему. Спикмен считал, что географическая история «внутреннего полумесяца», Rimland, «береговых зон», осуществлялась сама по себе, а не под давлением «кочевников Суши» (как считал Макиндер). С точки зрения Спикмена, Heartland является лишь потенциальным пространством, получающим все культурные импульсы из береговых зон и не несущим в самом себе никакой самостоятельной геополитической миссии или исторического импульса. Rimland, а не Heartland является, по мнению Спикмена, ключом к мировому господству.

Геополитическую формулу Макиндера «*Кто контролирует Восточную Европу, тот управляет «сердечной землей» (Heartland); кто управляет «сердечной землей» (Heartland), тот управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», тот правит миром»*[1] Спикмен предложил заменить своей: *«Тот, кто доминирует над Rimland, доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках»*[2].

В принципе, Спикмен не сказал этим ничего нового. И для самого Макиндера «береговая зона», «внешний полумесяц» или Rimland, были ключевой стратегической позицией в контроле над континентом. Но Макиндер понимал эту зону не как самостоятельное и самодостаточное геополитическое образование, а как пространство противостояния двух импульсов — «морского» и «сухопутного». При этом он никогда не понимал контроль над Heartland в смысле власти над Россией и над прилегающими к ней континентальными массами. Восточная Европа есть промежуточное пространство между «географической осью истории» и Rimland следовательно, именно в соотношении сил на периферии Heartland и находится ключ к проблеме мирового господства.

3.2.8. Критерии могущества

В своих книгах «Американская стратегия в мировой политике»[3] и «География мира»[4] Н. Спикмен выделяет 10 критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество

---

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. С. 106.

[2] *Spykman N.J.* The Geography of the Peace.

[3] *Spykman N.J.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power.

[4] *Spykman N.J.* The Geography of the Peace.

государства. Это развитие критериев, впервые предложенных А. Мэхэном. Они таковы:

1) поверхность территории;
2) природа границ;
3) объем населения;
4) наличие или отсутствие полезных ископаемых;
5) экономическое и технологическое развитие;
6) финансовая мощь;
7) этническая однородность;
8) уровень социальной интеграции;
9) политическая стабильность;
10) национальный дух.

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства по этим критериям оказывается относительно невысоким, это почти автоматически означает, что данное государство вынуждено вступать в более общий стратегический союз, поступаясь частью своего суверенитета ради глобальной стратегической геополитической протекции.

3.2.9. Срединный океан

Помимо переоценки значения Rimland Н. Спикмен внес еще одно важное дополнение в геополитическую картину мира, видимую с позиции «морского могущества». Он ввел понятие «*срединного океана*» («Midland Ocean»). В основе этого геополитического представления лежит аналогия между Средиземным морем в истории Европы, Ближнего Востока и Северной Африки в древности и Атлантическим океаном в новейшей истории западной цивилизации. Так как Спикмен считал именно «береговую зону», Rimland, основной исторической территорией цивилизации, то Средиземноморский ареал древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента (окультуривание «варваров Суши») и на отдаленные территории, достижимые с помощью морских путей (окультуривание «варваров Моря»). Подобно этой средиземноморской модели в новейшее время в увеличенном планетарном масштабе то же самое происходит с Атлантическим океаном, оба берега (американский и европейский) которого являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономическом смыслах западной цивилизации.

«Срединный океан» (Midland Ocean) становится в такой перспективе не разъединяющим, но объединяющим фактором, «*внутренним морем*» («mare internum»). Таким образом, Спикменом намечается особая геополитическая область, которую можно назвать условно «*атлантическим континентом*», в центре которого, как

озеро в сухопутном регионе, располагается Атлантический океан. Этот теоретический концептуальный «континент» связан общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма и демократии, рыночной экономики, проблемами безопасности, единством политической, этической и технологической судьбы.

Особенно Спикмен настаивал на роли интеллектуального фактора в этом «*атлантическом континенте* »: Западная Европа и пояс Восточного побережья Северной Америки (особенно Нью-Йорк) провозглашаются им мозгом нового «*атлантического сообщества*». Нервным центром и силовым механизмом являются США и их торговый и военно-промышленный комплекс. Европа оказывается мыслительным придатком США, чьи геополитические интересы и стратегическая линия становятся единственными и главенствующими для всех держав Запада. Постепенно должна сокращаться и политическая суверенность европейских государств, а власть переходить к особой инстанции, объединяющей представителей всех «атлантических» пространств и подчиненной приоритетному главенству США.

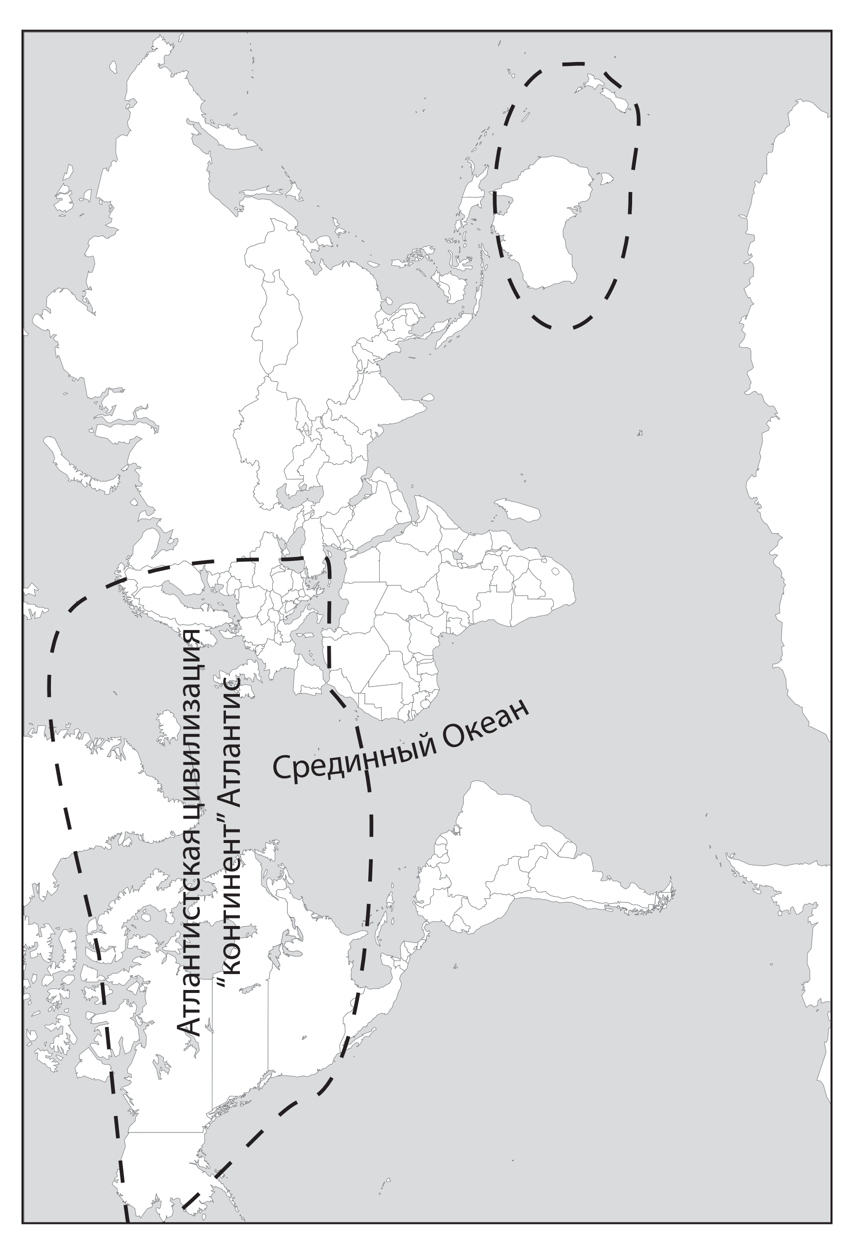
Спикмен предвосхитил важнейшие политические процессы в послевоенном мире: создание «Североатлантического союза» (НАТО), уменьшение суверенности европейских держав, планетарную гегемонию США и т. д.

Основной акцент своей доктрины Спикмен сделал не столько на геополитическом осмыслении функции места США как «морского могущества» в целом мире (как А. Мэхэн), сколько на необходимости контроля береговых территорий Евразии (Европы, арабских стран, Индии, Китая и других стран) для окончательной победы Запада в дуэли континентальных и морских сил. Если в картине Макиндера планетарный дуализм рассматривался как нечто «вечное», «неснимаемое», то Спикмен считал, что полный контроль над Rimland со стороны «морских держав» приведет к окончательной и бесповоротной победе над сухопутными державами, которые отныне окажутся целиком подконтрольными.

Фактически это было предельным развитием «тактики анаконды», которую обосновывал еще Мэхэн. Спикмен придал всей концепции законченную форму.

Победа США как «морского могущества» в холодной войне продемонстрировала абсолютную геополитическую правоту Спикмена, которого можно назвать »архитектором мировой победы либерал-демократических стран» над Евразией.

Сегодня можно сказать, что тезисы Спикмена относительно стратегического верховенства Rimland и важности «срединного океана» доказаны самой историей. Однако теорию Макиндера о перманентности стремления центра Евразии к политическому воз-

Карта 17. Срединный океан и атлантический «континент» по Н. Спикмену

рождению и к континентальной экспансии тоже пока рано сбрасывать со счетов.

С другой стороны, некоторые идеи Н. Спикмена (и особенно его последователя У. Кирка[1], развившего более детально теорию Rimland) были поддержаны некоторыми европейскими геополитиками, увидевшими в его высокой стратегической оценке «береговых территорий» возможность заново вывести Европу в число стран, решающих судьбы мира. Для этого, правда, пришлось отбросить концепцию «срединного океана».

Несмотря на этот теоретический ход некоторых европейских геополитиков (остающийся, впрочем, весьма двусмысленным), Спикмен принадлежит, без всяких сомнений, к самым ярким и последовательным «атлантистам». Более того, он вместе с адмиралом Мэхэном может быть назван «отцом атлантизма» и «идейным вдохновителем НАТО».

3.2.10. Последователи Спикмена: Дж.Ф. Даллес, Дж. Кеннан, Р. Штраусц-Гупе: геополитика «холодной войны»

Идеи Н. Спикмена, как и идеи позднего Х. Макиндера, оказали огромное влияние на двух значительных политических деятелей США — Госсекретаря США Джона Фостера Даллеса[2] (1888—1959), старшего брата директора ЦРУ в 1953—1961 гг. Алена Даллеса (1893—1969), и на дипломата, политолога и историка Джорджа Кеннана (1904—2005), автора «стратегии сдерживания», которая стала основной программой «холодной войны»[3].

Д. Даллес и Д. Кеннан были главными теоретиками развертывания стратегического давления на СССР с опорой на Европу. Показательно, что программный материал Д. Кеннана, где впервые упоминается идея «сдерживания» в отношении СССР, была опубликована в «Foreign Affaires», журнале CFR.

Особенно стоит остановиться на близких по стилю к Н. Спикмену и его реализму работах австро-американского ученого и дипломата Роберта Штраусц-Гупе (1903—2002), автора принципиальных для англосаксонской геополитики работ по оценке мирового баланса сил в 1940-х гг. («Геополитика: борьба за пространство и могущество»[4]) и одного из ведущих архитекторов американской

---

[1] *Kirk W.* Historical geography and the concept of behavioral environnement//Indian geographical journal& Silver Juvelee volume. 1952. C. 152—160.

[2] *Immerman Richard H.* John Foster Dulles: Piety, Pragmatism, and Power in U.S. Foreign Policy. New York: SR Books, 1998.

[3] *Kennan George F.* The Sources of Soviet Conduct//Foreign Affairs. 1947. July. См. *Idem.* Russia, the Atom, and the West. New York: Harper, 1958.

[4] *Strausz-Hupe R.* Geopolitics. The struggle for space and power. New York: G.P. Putnam's sons, 1942.

глобальной стратегии во второй половине XX в. («Баланс завтрашнего дня»[1]). Подход Р. Штраусц-Гупе состоит в том, что США в ходе войны и после ее завершения необходимо выстроить такую конфигурацию зон влияния в мире, чтобы она неизбежно и неуклонно привела США к мировому господству, к превращению в единственную мировую державу, к подавлению любых возможных конкурентных образований, в первую очередь, к удушению СССР во внутриконтинентальном пространстве Евразии и к предотвращению дальнейшего усиления и расширения зоны советского влияния.

Так еще в начале 1940-х гг. складывалась модель американской стратегии, направленной приоритетно против СССР как сухопутного могущества» (Landpower), которая стала официальной доктриной США с конца 40-х гг. XX в. Как мы видим, в основе такого видения баланса сил лежит не столько идеология или экономические соображения конкуренции, сколько *геополитика и ее неизменные постулаты*.

3.2.11. Джеймс Бернхэм: в битве за «американскую империю»

На геополитической модели, чрезвычайно близкой к Н. Спикмену, основывался еще один влиятельный политический деятель США Джеймс Бернхэм (1905—1987), в прошлом видный представитель троцкизма, но в 1940-е гг. сосредоточивший основное внимание на пропаганде антикоммунистических и антирусских идей. В этом Д. Бернхэм является предшественником современных американских «неоконсерваторов», также перешедших от троцкизма к консерватизму. В социологии Бернхэм известен как автор работы о «революции менеджеров»[2], которая приобрела на Западе чрезвычайную популярность. Бернхэм много писал о «новой элите», которая должна быть глобальной («мировое правительство»), но пользоваться при этом определенными демократическими инструментами — допущением оппозиции, свободы рынка и независимости прессы. Хотя это сами по себе не ценности, они, по мнению Бернхэма, скорее усилят, нежели ослабят, мировой правящий класс[3].

Бернхэм был одним из создателей ЦРУ и автором программной разработки, заказанной Офисом Стратегических Служб (OSS —

---

[1] *Strausz-Hupe R.* The Balance of Tomorrow. Power and Foreign Policy in the. United Stales. New York: G. P. Putnam's Sons, 1945.

[2] *Burnham J.* The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: John Day Co., 1941.

[3] *Burnham J.* The Machiavellians: Defenders of Freedom. New York: John Day Co., 1943.

предшественником ЦРУ) для американской делегации на Ялтинской встрече.

Позже эта программа была опубликована и вышла в 1947 г. в виде книги с красноречивым названием: «Битва за мир»[1]. В ней Бернхэм в духе классической геополитики утверждал, что «геополитической аксиомой является то, что, если какая-то одна сила сможет организовать Heartland и его внешние барьеры, эта сила будет контролировать мир».[2] Следуя за Х. Макиндером, Д. Бернхэм доказывал, что СССР появился как первая версия великой силы Heartland с огромным политически организованным населением и именно поэтому представлял собой главную угрозу США, Западу и всему остальному миру. Бернхэм предупреждал: «Географически, стратегически Евразия окружает Америку, готовится обрушиться на нее»[3]. Чрезвычайно показательны и такие утверждения Бернхэма, открыто говорившего *о США как об империи*: «Какими бы мы словами ни выражались, необходимо знать реальность. Реальность такова, что единственной альтернативой коммунистической мировой Империи является американская Империя, которая, пусть и не точно мировая по границам, но оказывающая решающее влияние на весь мир»[4].

Идеи Д. Бернхэма повлияли на Гарри Трумэна, а Рональд Рейган в 1983 г. вручил ему президентскую медаль свободы, заявив в своей речи, что Джеймс Бернхэм «глубоко повлиял на понимание Америкой самой себя и окружающего мира»[5].

3.2.12. Геополитика Арктики: Дж. Реннер и А. де Северский

Специфическим направлением в атлантистской геополитике стало исследование *геополитики Арктики*. В основе этой концепции лежит особое внимание, обращенное на *стихию воздуха*, существенно повлиявшую на структуру геополитических представлений в XX в. Развитие воздушных перевозок и военной авиации позволили сформировать новое геополитическое видение планеты. В центре такого взгляда на геополитику Земли были поставлены земли Арктики. Этот подход развивали Джордж Реннер и Александр де Северский. Можно назвать такой подход «геополитикой воздуха».

---

[1] *Burnham J.* The Struggle for the World. New York: John Day Co., 1947.

[2] Ibidem. C. 114—115.

[3] Ibidem. C. 162.

[4] Ibidem. C. 182.

[5] *Dorrien G.* Imperial Designs: Neoconservatism and the New Pax Americana. New York: Routledge, 2004. C. 22—25.

Джордж Реннер в своей книге «Человеческая география в воздушную эру»[1] описывает взгляд на геополитику со стороны северного полюса. Вокруг арктических льдов располагается «расширенный Heartland», к которому помимо евразийского традиционного Heartland'а добавляется «малый Heartland», состоящий из северных территорий Северной Америки и Гренландии. Северный Ледовитый океан становится своего рода «внутренним озером» такого полярного Heartland'а. Интеграция этих пространств на основе развития авиаперевозок, по мнению Д. Реннера, позволяет через развитие этих областей контролировать все остальные территории планеты, находящиеся на Юге по отношению к этому новому полярному Heartland'у. Отныне именно Арктику Реннер предлагает называть «географической осью истории».

Сходные идеи развивает Александр де Северский, который предлагает смотреть на планету с борта самолета[2]. Карта мира де Северского помещает северный полюс в центре, западное полушарие — снизу от него, а восточное полушарие — сверху. В таком видении очевиден дуальный антагонизм СССР и США, которые выступают как главные полюса силы, а к ним примыкают территории, расположенные дальше от северного полюса, на мировой периферии, которые де Северский описывает как «ресурсные зоны», зависящие стратегически от северных территорий.

Зоны, где происходит наложение зон воздушного потенциального контроля США и СССР (Англо-Америка, евразийский Heartland, морская Европа, Северная Африка, Ближний Восток), де Северский называет «областью решения» (Area of Decision). Де Северский предлагает осмыслить стихию воздуха так же, как А. Мэхэн осмыслил стихию Моря, назвав свою книгу «Воздушное могущество»[3] (Air Power) — как прямая отсылка к «морскому могуществу» (Sea Power) Мэхэна.

Геополитика воздуха и «арктикоцентричные карты», несмотря на некоторые важные стратегические выводы, не получили самостоятельного развития, но это направление свидетельствует о колоссальном теоретическом и концептуальном потенциале геополитики, которая открывает возможности применения ее к самым разным областям и контекстам. В целом, «геополитика воздуха» обогатила общий арсенал геополитической дисциплины. По мере развития ракетостроения ее значение возросло и в стратегическом планировании: при размещении ракет наземного базирования карты Д. Реннера и А. де Северского используются в качестве основополагающих.

---

[1] *Renner G.* Human geography in the air age. NY:Macmillan, 1942.

[2] *Seversky A. de.* Air Power: key to survival. NY: Imon &Schuster, 1950.

[3] Ibidem.

3.3. Англосаксонская геополитика. Расцвет и триумф

3.3.1. Стивен Б. Джонс: общая теория поля политической географии

С методологической точки зрения интересны работы геополитика Стивена Б. Джонса из Йельского университета. С. Джонс преимущественно занимался *геополитикой границ* и написал классический труд по демаркации границ, основанный на геополитическом методе анализа[1].

В геополитике границы являются принципиально «подвижными», т. к. отражают баланс противостояния «Моря» и «Суши» в каждый конкретный момент истории, а появление и исчезновение национальных государств и эволюция их административных границ видится лишь как временный эпизод в «великой войне континентов».

В основе методологии Джонса лежит принцип «политической географии», сформулированный Дервентом Уиттлизи[2] о «*последовательном занятии территории»* («sequent occupance»), который предполагает, что пребывание на территории любого общества так видоизменяет географический ландшафт, что следующему оказавшемуся на той же территории обществу придется иметь дело уже с *иной географией* как в прямом, так и в переносном смысле (т. е. включая *социальные представления* о пространственной среде). Таким образом, каждое геополитические пространство может быть рассмотрено как наложение друг на друга различных пространственных и социальных форм, представляющих собой отдельные слои. Такая специфика влияет на структуру, роль и расположение границ, в эволюции которых концентрируется процесс «последовательных занятий (территорий)» («sequent occupance»).

Продолжая теоретическое развитие геополитических концепций, Джонс предложил «*общую теорию поля*» для политической географии[3] — как методологическую и концептуальную основу для осуществления геополитического анализа. Джонс выделил пять инстанций, определяющих структуру политической географии:

— политическая идея;
— решение;
— движение;
— поле;
— политический ареал (Political Area)[4].

---

[1] *Jones St. B.* Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for international peace, 1945.

[2] *Whittlesey D.* The Earth and the State.

[3] *Jones St. B.* Unified Field Theory of political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1954. June. V. XLIV n. 2 C. 111—123.

[4] Ibidem.

Политическая идея представляет собой проект желательной организации пространства на основе широкого контекста представлений о характере, ценностях и интересах общества.

Решение (подразумевается «политическое решение») есть кульминация политической воли, ориентированной на то, чтобы воплотить отдельные стороны политической идеи в жизнь.

Под «*движением*» Джонс понимает динамические процессы развития общества и изменения природной и социальной среды, которые не всегда мгновенно отражаются в доминирующей политической идее.

«*Поле*» — ключевое понятие в «общей теории поля» Джонса. Оно определяется как «*изменяемое пространство под воздействием внешних силовых линий в данный момент времени*»[1]. Это самая сложная переменная, т. к. она отражает в себе среду внешнего воздействия политического окружения (иные державы) на данное общество, государство, страну. Объект этого воздействия может мыслиться чисто *географически* — т. е. как совокупность территорий, которые внешние силы хотели бы отторгнуть от данного государства, изменить на них форму контроля, присоединить к себе или выделить в отдельное политическое образование. Но он может мыслиться *социологически и политически:* в этом случае под «полем» следует понимать общественное мнение, политические партии и движения, настроения в обществе, этническую и этносоциологическую структуру общества, которые могут выступать средой, благоприятствующей, в конечном итоге, изменению территориальной структуры общества — с достижением того же результата, что и в первом случае. Определенные процессы в обществе — декларации политических кругов, изменение исторического самосознания этнических групп, модели поведения и интересы политических элит и т. д. — можно рассматривать как «поле», на которое оказывается внешнее воздействие с вполне определенной целью: выделить из единого политического пространства отдельные сегменты и изменить в них форму политического управления в интересах внешних сил.

Теория поля была с успехом взята на вооружения американской геополитикой при развале СССР. Пока «политическая идея» и волевые «решения» коммунистической власти были достаточно активны и способны контролировать ситуацию, постоянное воздействие на «*поле*» — идеологическая война, пропаганда, военные конфликты на периферии «социалистического лагеря» и т. д. — не давали большого эффекта. Но все значение «поля» обнаружилось после того, как политические инстанции ослабли: именно тогда успешные манипуляции с «полем» политической географии обеспе-

[1] *Jones St. B.* Unified Field Theory of political Geography.

чили США, странам НАТО и всему «капиталистическому лагерю» победу над глобальным конкурентом в лице СССР.

«*Политический ареал*», по С. Джонсу, — это выражение фактической политической карты страны или региона. От «политической идеи» он отличается тем, что в последней заложен проект, норматив и цель, которую надо достичь, тогда как в «политическом ареале» проявляется «статус кво», т. е. фактическое положение дел.

3.3.2. Практическое применение геополитики во внешней политике США

Современные американские исследователи проблем «американского империализма» (с критических позиций) — знаменитый лингвист и политический философ Ноам Чомски[1] и географ и социолог Нейл Смит[2] — в своих трудах постарались проследить влияние геополитических идей на американскую власть и ее стратегии.

Так, согласно Н. Чомски, в 1939 г. Государственный Департамент США совместно с CFR в условиях чрезвычайной секретности запустил программу «Изучения Войны и Мира» (War and Peace Studies — сокращенно WPS) с созданием соответствующей исследовательской группы, заседания которой продолжались до конца Второй мировой войны. Фонд Рокфеллеров регулярно выделял на функционирование этой программы определенный бюджет. Программа «Изучения Войны и Мира» сосредоточилась на выделении особого геополитического региона, названного техническим термином «Большой Ареал» («Grand Area»), куда включались имперские владения Британии и зоны военно-политического и экономического контроля США. «Геополитический анализ, на котором основывался концепт «Большого Ареала», предполагал выделения тех зон, которые должны быть «открыты» для инвестиций и перераспределения прибылей. Термин «открытость» выступал как синоним территорий, на которые распространялась доминация США», — пишет Н. Чомски[3].

Нейл Смит[4] поясняет, что новый «Большой Ареал» представлял собой «неформальную империю», повторяющую модель домини-

---

[1] *Chomsky N.* The Cold War and the Superpowers// Monthly Review. 1981. Vol. 33.№ 6. November). С. 1—10.

[2] *Smith N.* American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalizaton. Berkeley: University of California Press, 2003. У Н. Смита есть интересная идея о том, что неравномерность развития различных регионов земли создает «процедурную логику» рынков капитала, а из этого он делает вывод о том, что экономика и общество «производят» пространство. См.: *Smith N.* Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. N.Y.: Basil Blackwell, 1984.

[3] *Chomsky N.* The Cold War and the Superpowers.

[4] *Smith N.* American Empire. С. 287, 329.

рования США в странах Латинской Америки, включая свободное передвижение капитала под экономической, политической и военной гегемонией США. Так как в тот период Германия оккупировала континентальную Европу, на первых порах «Большой Ареал» включал в себя лишь зоны под контролем США, Британской Империи и Дальнего Востока (при условии победы США над Японией в Тихоокеанском регионе). К концу войны в «Большой Ареал» были включены страны Западной Европы.

После окончания Второй мировой войны те же геополитические конструкции легли в основание плана Маршалла, а затем послужили основной концептуальной картой, по которой развертывались процессы в рамках «холодной войны». Противостояние «западного» и «восточного» лагерей осознавалось американскими стратегами исключительно *в геополитических терминах*.

В 1943 г. в своей последней статье «Круглая планета и завоевание мира», опубликованной в журнале CFR «Foreign Affairs», Х. Макиндер писал: «Для наших сегодняшних целей достаточно верным является утверждение, что территория СССР эквивалентна территории Heartland»[1]. А современный американский геополитик Колин Грэй в 1977 г., в разгар «холодной войны», замечал, что «холодная война» — это противостояние «островной империи Соединенных Штатов и сухопутной империи (Heartland) <...> за контроль/запрет на контроль над евразийско-африканской береговой зоной (Rimland)»[2].

3.3.3. Pax Americana («мир по-американски») и его геополитический смысл

На основании подобных представлений сложилась модель «Pax Americana» по аналогии с такими геополитическими моделями, как Pax Romana в Древнем Риме. Здесь стоит обратить внимание на особенность значения слова «мир» (латинское «pax», английское «peace» и т. д.). Слово «мир» («pax») в политическом контексте имеет иное значение, нежели в обычном словоупотреблении. Когда мы говорим «мир», мы подразумеваем простое фактическое «отсутствие войны». В области международной политики оно означает нечто иное — то, что можно обозначить как «зону политического контроля какой-то державы, достаточного для того, чтобы предотвратить стремления к мятежу, внутренние столкновения или сепаратистские процессы». Поэтому слово «мир» в политическом

---

[1] *Mackinder H.* The Round World and the Winning of the Peace//Foreign Affairs. 1943. Vol. 21& № 4 (July). С. 601.

[2] *Gray Colin S.* The Geopolitics of the Nuclear Era. New York: Crane, Russak and Co., 1977. С. 14.

контексте должно сопровождаться определением, отвечающим на вопрос «какой?», «чей?». «Римский мир», Pax Romana означает зону контроля римской власти над основными территориями, провинциям, протекторатами и колониями. То, что входит в эту зону, вправе рассчитывать на поддержку римской армии в случае нападения внешних противников или возникновения внутренних мятежей. Взамен жители таких зон обязуются сохранять лояльность метрополии, уплачивать налоги, поставлять новобранцев в армию, охранять торговые пути и границы, исповедовать культ императора. Поэтому слово «pax» здесь подразумевает «отсутствие войны» лишь косвенно, по сути, являясь синонимом «империи». Всегда должна быть сила, которая способна гарантировать «мир», и этой силой может быть только империя. В этом смысле говорили и о «персидском мире» (Pax Persica), и о «монгольском мире» Чингисхана (Pax Mongolica), и о «русском мире» (Pax Rossica) и т. д. Интересно заметить, что само название религии «ислам» этимологически означает «мир», а «мусульманин» — «мирный». Здесь речь тоже идет об особом мире, только в религиозной сфере: те, кто признают власть только Аллаха, принадлежат его «империи» и живут в рамках его «мира». Но в исламской религии «мир Аллаха» неразрывно связан с политической формой исламского общества. Отсюда такие выражения, как «Pax Arabica» и «Pax Islamica», которые по сути означают «религиозные империи», территории, политически находящиеся под властью «арабов» (в первом случае) и «мусульман» (во втором). Совершенно очевидно, что во всех случаях понятие «мир» совершенно не исключает «войны», т. к. в редких случаях империи складываются как-то иначе, нежели через завоевания и установления господства над разными народами. И держится этот мир отнюдь не сам по себе, а на довольно жесткой принудительной силе. Это видно в истории всех империй. В геополитике и международной политике «мир» почти полностью эквивалентен «империи». Именно так надо понимать причину того, что многие геополитики (Х. Макиндер, Н. Спикмен и др.) часто упоминают термин «мир» (peace) в названиях своих работ. «Установление мира», по сути, у них означает то же самое, что «установление политического имперского контроля», а в том случае, когда есть несколько имперских сил, то перераспределение между ними зон влияния — «имперский консенсус».

Pax Americana не исключение, и это понятие следует трактовать геополитически. По сути, Pax Americana описывает зону «Большого Ареала», в которую постепенно, начиная с конца 1930-х годов, стало включаться все большее количество территорий, оказывавшихся под политическим контролем США и их сателлитов. Структура Pax Americana теоретически разрабатывалась именно в американских и, шире, атлантистских, англосаксонских центрах на базе геополитических теорий, доктрин и методологий с опорой на за-

крытые интеллектуальные клубы, в первую очередь, CFR. Из этих клубов подготовленные разработки передавалась центрам принятия политических решений, а затем методично воплощались в жизнь. Корректировка планов при столкновении с преградами, непредвиденными обстоятельствами или какими-то неожиданными возмущениями геополитической среды также происходила вначале в геополитических центрах, занятых постоянным мониторингом, интерпретацией получаемых данных из каждой точки мира, а затем выработкой новых рекомендаций.

Таким образом, мировая доминация США, которая сегодня является фактом, возникла не сама собой, но была подготовлена кропотливой работой нескольких поколений геополитиков.

3.3.4. Американская геополитика в 1950–70-х годах: CFR, «Трехсторонняя комиссия», ЦРУ, «холодная война»

Перейдем к обзору идей современных представителей англосаксонской (атлантистской) геополитической школы. Все они так или иначе имеют отношение к CFR, а некоторые из них (З. Бжезинский и Г. Киссинджер) являлись в течение целых десятилетий его руководителями.

С одной стороны, многие исследователи замечают, что с конца 40-х и до начала 70-х гг. XX в. термин «геополитика» очень редко используется в официальном языке американской политической науки. Но это не должно сбивать с толку.

Во-первых, деятельность CFR в этот период не только не была свернута, но влияние и престиж этого клуба неуклонно возрастал. Так, в 1973 г. Дэвидом Рокфеллером, в тот период главой CFR, была основана «Трехсторонняя комиссия» (Trilateral comission), в состав которой вошли представители США, Европы и Японии и которая многими критиками была воспринята как первый шаг к учреждению «мирового правительства». В «Трехсторонней комиссии» участвовали крупнейшие интеллектуалы, ученые, политические деятели, финансовые магнаты, промышленные монополисты и представители транснациональных корпораций, а также владельцы крупнейших мировых СМИ. По сути, она стала центром координации действий «новой глобальной элиты».

«Трехсторонней» комиссия была названа по числу трех основных регионов мира, которые в 1970-е гг. прочно вошли в состав «Большого Ареала» и признавали себя частью Pax Americana. Тихоокеанский регион представляли побежденные США и оккупированная Япония. Таким образом, спустя пятьдесят лет полностью реализовался проект, задуманный еще в Париже в 1919 г., когда были учреждены CFR и «Лондонский Королевский Институт Стратегических Исследований». Деятельность «Трехсторонней комис-

сии» была окутана тайной, т. к. не имела никакой правовой легитимации, при том что уровень рассматриваемых вопросов и данных рекомендаций, а также статус входящих в этот клуб персон, превосходил все прежде существовавшие рамки международного сотрудничества.

CFR и «Трехсторонняя комиссия» изначально основывались на геополитическом видении мира. При этом все три полюса «Трехсторонней комиссии» представляли собой части «цивилизации Моря», стремящейся одержать победу над Heartland, замкнуть в «кольцо анаконды» Евразию (географическую ось истории), блокировать «цивилизацию Суши» и обеспечить себе «мировое господство», на пути к которому стоял в тот период СССР — геополитический наследник Российской Империи.

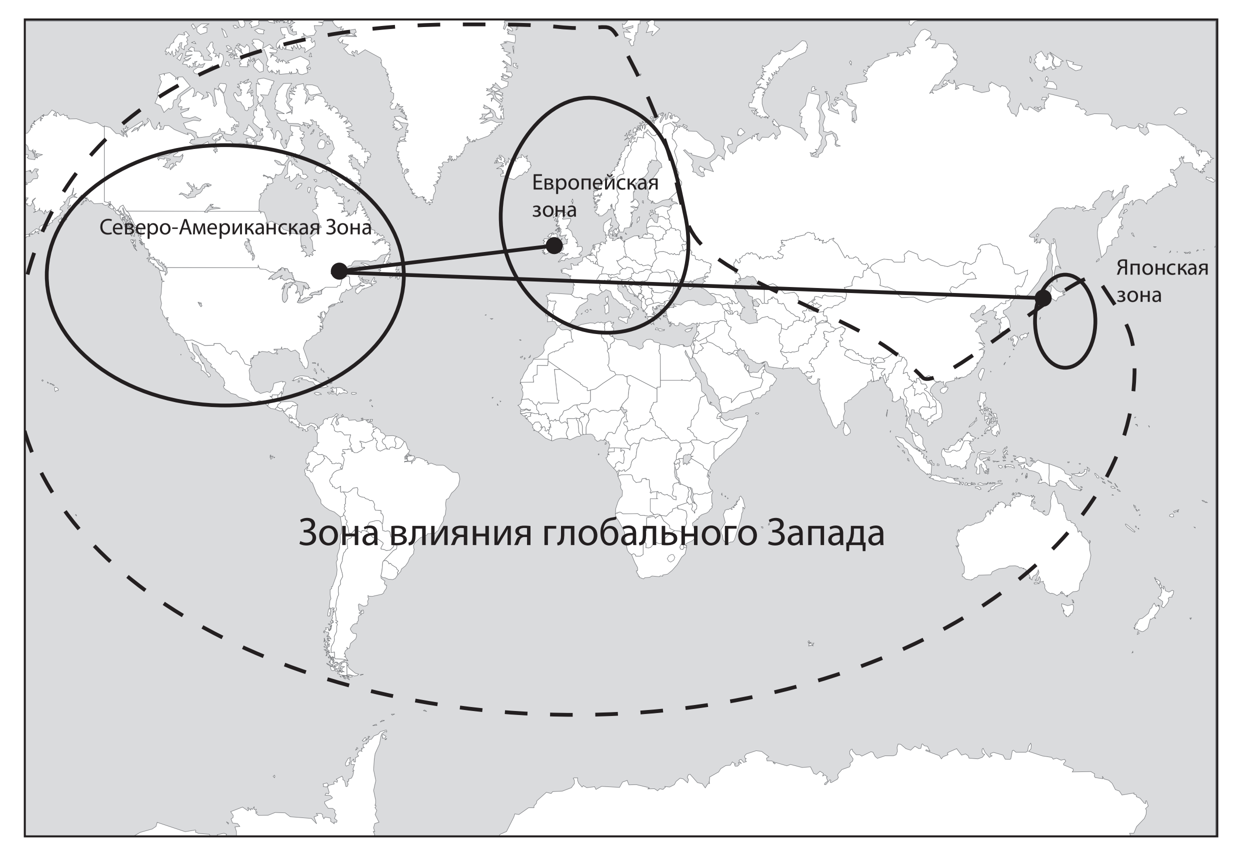
Вместе с тем именно в конце 1940-х, а точнее, в 1947 г., в Вашингтоне было создано «Центральное Разведывательное Управление» (ЦРУ — CIA), у истоков которого мы встречаем целый ряд геополитиков и видных деятелей CFR. В тот же период на основании геополитического анализа (Спикмен, Кеннан, Бернэм и т. д.) формируется концепция «холодной войны». Таким образом, геополитика как базовый метод американской планетарной стратегии уходит в тень, как и положено «тайным обществам», приватным клубам (CFR), спецслужбам (ЦРУ) и державе, ведущей с противником идеологическое и геополитическое противостояние («холодную войну»).

И, наконец, на периферии академической политологии и сферы международных отношений (International Relations) геополитика продолжала развиваться в США и в этот период, и многие геополитические тексты, анализы и теории (в частности, В.Б. Джонса) были созданы именно тогда.

В 1970-е гг. мы наблюдаем новый всплеск открытого интереса к геополитике. И неудивительно, что первым открыто и безбоязненно начинает произносить это слово Генри Киссинджер, один из ветеранов CFR.

3.3.5. Г. Киссинджер: возвращение геополитического дискурса

Генри Киссинджер, лауреат «Нобелевской премии мира», играл очень большую роль в американской политике. Он занимал должность советника по национальной безопасности и государственного секретаря при президентах Ричарде Никсоне и Джеральде Форде, а его влияние на первых лиц США сохранялось и в последующие периоды. Принято считать, что его взгляды были определяющими для американской внешней политики с 1969 по 1977 г. При нем СССР был втянут в процесс «детанта», США смогли установить с коммунистическим Китаем особые стратегические отношения, были вброшены идеи конвергенции двух политических систем (капита-

Карта 18. Политическая география «Трехсторонней комиссии»

листической и социалистической), благодаря чему США позднее удалось одержать победу в «холодной войне» над деморализованным и сбитым с толку советским руководством.

В 1970-е гг. именно Киссинджер стал постоянно использовать термин «геополитика», хотя, на первый взгляд, вкладывал в него особый смысл. Сам он определял «геополитику» как «подход, который уделяет повышенное внимание требованиям равновесия»[1]. Это определение «геополитики» представлялось бы совершенно стерильным, если не учитывать контекста, в котором писал Киссинджер. Будучи одним из лидеров CFR и его идеологов на протяжении 60-х, 70-х и 80-х гг. XX столетия, Киссинджер прекрасно понимал, как видели глобальное поле мировой политики англосаксонские геополитики, в том числе и И. Боумэн, первый руководитель CFR, организации, которой Киссинджер отдал столько лет жизни. Речь шла поэтому вовсе не о «равновесии» между отдельными национальными государствами, а о таком ведении стратегии со стороны «цивилизации Моря», которая могла бы наиболее мягким образом обеспечить ей глобальную доминацию в мире и обойти противоположные тенденции, исходящие от «цивилизации Суши», и конкретно от СССР.

Киссинджер принадлежал к традиции «политического реализма», основателем которого считается Н. Спикмен. «Политический реализм» призывал учитывать действительный масштаб основных игроков на мировой арене и исходить из объективных данных о могуществе конкретных держав и политических сил (вопреки чрезмерной «идеализации» декларативных и идеологических моментов). Однако такой учет не означал, что «реалисты» (такие, как Киссинджер) готовы отказаться от далеко идущих планов по установлению глобальной американской гегемонии. Единственный вопрос, который решался в то время в американской внешней политике, состоял в том, делать ли ставку на единоличное американское господство в духе классического империализма или рассредоточить полномочия между несколькими планетарными центрами. Но какими центрами? Входящими в зону «Большого Ареала», т. е. признающими американскую доминацию, Pax Americana, и стремящимися играть в рамках этого проекта относительно самостоятельную роль. Именно поэтому Киссинджер принимал активное участие в интернационализации CFR и создании «Трехсторонней комиссии», в которой он был главным идеологом. Задача Киссинджера заключалась в том, чтобы активнее и теснее вовлечь капиталистические державы в реализацию общей стратегии по переустройству мира — через постепенное мягкое ослабление СССР и укрепление связей между центрами силы в США, Западной Европе и Тихоокеанском регионе — в первую очередь, в Японии.

[1] *Kissenger H.* White House years. Boston, MA: Little Brown, 1979. С. 914.

Именно в этом контексте и следует интерпретировать идеи Киссинджера, который под «равновесием» подразумевал:

- стратегический императив сохранения американской гегемонии;
- постепенное вовлечение СССР в диалог с Западом и ослабление геополитической и идеологической бдительности советского руководства;
- консолидацию стран «Большого Ареала» (капиталистического лагеря) для более эффективного противостояния «цивилизации Суши» со стороны «цивилизации Моря».

В споре между теми, кто настаивал на единоличной гегемонии США, и теми, кто готов был разделять контроль над политическим пространством с сателлитами США (Западной Европой, Японией и т. д.), Киссинджер занимал позицию вторых. Кроме того, он считал и, как показало время, совершенно обоснованно, что СССР гораздо хуже справится с предложением «перемирия», «разрядки» и «конвергенции», чем с прямым и откровенным соперничеством, силовым давлением и лобовым противостоянием.

Поэтому обращение к «геополитике» в текстах Киссинджера служило своего рода кодом, понятным политической, стратегической и властной элите США. При этом невнятные определения самого Киссинджера и смягченный, «дипломатический», тон его текстов, обращенный не только к американцам, но и к СССР, Китаю и партнерам по атлантистскому лагерю (европейцам, японцам, проамериканским режимам в третьем мире и т. д.), снимали остроту тезисов и позволяли говорить ясно и завуалированно одновременно. Те, кто были знакомы с геополитикой, легко могли адекватно интерпретировать дискурс Киссинджера. Те же, кто не были знакомы с этой наукой, ориентировались на примирительный тон автора и тот имидж «голубя», который сложился у Киссинджера в американских СМИ.

Впрочем, со временем Киссинджер начал выражался более определенно. После распада СССР, которому он стратегически во многом способствовал (CFR была организацией, которая активнее всего поддерживала «перестройку» Горбачева и выступала от имени США как наиболее комфортный и успокаивающий партнер для переговоров с Москвой в 1980-е гг.), он стал обращаться к геополитической терминологии без всяких обиняков. Так, в своем объемном труде «Дипломатия», написанном в 1994 г., Киссинджер писал: «По законам геополитики Россия, независимо от того, кто ею управляет, занимает строго то место, которое Хэлфорд Макиндер называл геополитической «сердечной землей», Heartland, и является наследницей одной из основных имперских традиций в мировой истории»[1].

[1] *Kissinger H.* Diplomacy. New York: Simon and Schuster, 1994. C. 814.

3.3.6. З. Бжезинский: «Великая шахматная доска»

Другим автором, активно использовавшим термин «геополитика», причем изначально в самом традиционном ключе, был Збигнев Бжезинский. Так же, как и Г. Киссинджер, он много десятилетий состоял в руководящих органах CFR и являлся идеологом «Трехсторонней комиссии», в создании которой принял самое живое участие и директором которой являлся с 1973 по 1976 гг. Именно он настоял на том, чтобы членом «трехсторонней комиссии» стал губернатор штата Джорджия Джимми Картер, будущий Президент США.

В отличие от Киссинджера, который формально принадлежал к Республиканской партии, но считался «голубем», Бжезинский всегда был близок к Демократической партии, но считался при этом «ястребом». В этом можно увидеть определенную симметрию: республиканцы в США, как правило, считаются более агрессивными во внешней политике, т. е. «ястребами», тогда как демократы, напротив, традиционно выступают за международное сотрудничество и «многосторонность» отношений, т. е. являются «голубями». В данном случае в паре двух крупнейших политических аналитиков и многолетних партнеров по CFR роли перевернуты.

С 1977 по 1981 гг. Бжезинский занимал пост Советника по национальной безопасности при президенте Джимми Картере, карьере которого он во многом способствовал. Задолго до этого он был советником в президентской компании Джона Ф. Кеннеди, позже Линдона Джонсона, затем Хьюберта Хамфри.

Основные идеи Бжезинского можно кратко охарактеризовать как «антисоветизм» и «русофобия». Вся его внешнеполитическая деятельность была подчинена главной цели: борьбе с СССР и разрушению геополитической конструкции «социалистического лагеря». Возможно, в этом сыграли роль и личные мотивы: Бжезинский был поляком из знатного шляхетского рода, потерявшего свое положение после оккупации Польши нацистской Германией и СССР. Вначале он оказался в Канаде, а затем в США, где получил американское гражданство. Служение новой Родине для Бжезинского стало делом жизни, тем более что это давало возможность отомстить обидчикам (СССР и царской России, на счету которых был не один эпизод раздела Польши). В то же время Бжезинский привлекал внимание американской власти к тому, что сами государства Восточной Европы оказались под влиянием марксизма принудительно и их стоит рассматривать не как идеологических противников, а как потенциальных союзников, которые могли бы помочь в будущем при разрушении системы Советов.

Личные мотивы идеально накладывались на геополитическую карту мира и на идею Х. Макиндера, считавшего, что от контроля над Восточной Европой зависит судьба мирового господства, которое

должно быть сосредоточено в руках «морского могущества». Збигнев Бжезинский оказался в нужное время в нужном месте, чтобы в рамках геополитически влиятельнейшей организации CFR участвовать в борьбе против «личного» противника — СССР — с опорой на гигантскую и активно развивающуюся мировую державу США.

Взгляды Бжезинского с самого начала отличались жесткой атлантистской геополитической ориентацией, на основании которой строилась его теоретическая мысль и практическая деятельность в области внешней политики. Полнее и откровеннее всего Бжезинский излагает свои геополитические взгляды в книге 1997 г. «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы»[1]. В ней Бжезинский анализирует события 1980—90-х гг., распад советского блока и СССР на основании моделей Макиндера и классической геополитики, подводит итоги фундаментальным сдвигам в пользу «морского могущества» и набрасывает модели дальнейшего расчленения России как Heartland для окончательного закрепления американских успехов. Бжезинский настаивает на поддержке «русофобских» сил на постсоветском пространстве, особенно в Украине и Грузии, а в самой Российской Федерации призывает поддерживать этнический сепаратизм и радикальный ислам (в первую очередь на Северном Кавказе), чтобы нанести по «географической оси истории» завершающий удар, после которого глобальная гегемония надежно и безвозвратно отойдет к США, Западу, «морскому могуществу» и «мировому правительству».

В «Великой шахматной доске» З. Бжезинский пишет совершенно откровенно:

«Геополитика перешла от регионального к глобальному масштабу с контролем над всем евразийским континентом как центральным базисом для мировой доминации. США сегодня обладают международной гегемонией с вооруженными силами, размещенными на трех периферийных зонах евразийского континента»[2].

«Американская глобальная доминация зависит от того, как долго и насколько эффективно будет поддерживаться американское господство над евразийским континентом»[3].

«Задача создать гегемонию нового типа — «глобальное превосходство» (global supremacy). США должны быть первой и единственной по-настоящему глобальной силой»[4].

---

[1] *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. Русский перевод: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

[2] *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. С. 10.

[3] Ibidem. С. 30.

[4] Ibidem. С. 38—39.

Многих читателей Бжезинского удивила та откровенность, с которой он рассуждает о «американской гегемонии» как о само собой разумеющейся ценности и с каким холодным расчетом планирует расчленение РФ, несмотря на то, что к идеологическим противникам «капиталистического мира» ее, начиная с 1991 г., причислить уже нельзя. Но Бжезинский рассуждает не столько с позиции формальных идеологий, сколько с точки зрения «геополитики», которая делает необходимым довести борьбу Моря с Сушей до логического конца, запереть Heartland в северо-восточной зоне Евразии, расчленить политически и превратить в «черную дыру». После этого путь к мировому господству будет полностью открыт — с точки зрения всех вариантов классической геополитики Х. Макиндера, Н. Спикмена и др.

При этом попытка списать идеи Бжезинского на его личную историю абсолютно безнадежна: если учесть логику американской политики на постсоветском пространстве, расширение НАТО на Восток, политическую поддержку этнических сепаратистов и радикальных исламистов на Северном Кавказе со стороны Вашингтона и проамериканских сил в Евросоюзе, становится понятным, что мы имеем дело не с частным мнением отдельного политического эксперта, а с откровенным и, быть может, чуть более злорадным, чем в остальных случаях, выражением последовательной и логичной модели атлантистской геополитики, в которой каждый этап вытекает из предыдущего, конечная цель мирового господства не меняется, а методы и частные задачи зависят от успеха осуществления на практике главного плана.

3.3.7. CFR сегодня

Влияние CFR на американскую политику в полной мере сохраняется и сегодня. При этом консолидация политических и интеллектуальных сил вокруг этого прообраза «мирового правительства» достигла такого уровня, что определенные направления в работе CFR нацелены на то, чтобы поставить под американский контроль не только зону «Большого Ареала», включая уже и Западную, и Восточную Европу, а также определенные территории постсоветского пространства, но и установить прямой контроль над Евразией.

Так, CFR предприняло попытку вовлечения в свои сети высокопоставленных российских интеллектуалов, финансовых магнатов и даже политических деятелей.

Через финансовые и политические круги CFR стали издавать в России журнал «Россия в глобальной политике» (главный редактор Федор Лукьянов, издатель Сергей Караганов — числящийся на сайте CFR[1] представителем этой организации в России среди ино-

[1] http://www. cfr.org/.

странных советников[1]) под маркой «Foreign Affairs». Штаб-квартиру CFR при посредничестве представителя этой организации в РФ банкира М. Фридмана, главы «Альфа-банка», посетили действовавший в тот период Министр обороны Сергей Иванов (13 января 2005 г.[2]), Министр иностранных дел С. Лавров (сентябрь 2008 г. [3]), Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев (15 ноября того же 2008 г.[4]). Силы, которые долгие десятилетия добивались победы над своим главным соперником — «цивилизацией Суши», не могут отказать себе в удовольствии отметить свою победу приглашением на свою территорию того, кто, по геополитической логике, продолжает оставаться символической фигурой «потенциального противника», на недопущение нового возрождения которого в актуальных условиях нацелена сегодня вся политика CFR.

Можно было бы подумать, что CFR и его цели изменились и что, добившись результата, американские стратеги из CFR снимут имперостроительство с повестки дня, занявшись другими вопросами. Но нет, все остается по-прежнему, и задача укрепления американского планетарного могущества, обеспечения и углубления американской гегемонии по-прежнему в центре внимания.

Так, действующий президент CFR с 2003 г. Ричард Натан Хаас в речи, произнесенной 11 ноября 2000 года, под пафосным названием «Имперская Америка», объявил, что «пришло время для американцев пересмотреть свою роль от традиционного Государства-Нации к имперскому могуществу»[5]. Полемизируя с известным тезисом Пола Кеннеди, несколько десятилетий назад выпустившего книгу с выразительным названием «Взлет и падение великой силы»,

---

[1] http://www.cfr.org/content/about/annual_report/ar_2000/22-CFRAR.pdf. *Прим. ред.*: На тот период С. Караганов являлся зам. директора института Европы РАН.

[2] http://www. cfr.org/publication/8742/world_in_the_21st_century. html. *Прим. ред.*: С. Иванов выступил с небольшой лекцией, посвященной проблемам размещения ПРО, ядерной безопасности, ситуации в Ираке и Афганистане. На встрече присутствовал посол РФ в США Ю. Ушаков.

[3] http://www. cfr.org/publication/17384/conversation_with_sergey_lavrov. html. *Прим. ред.*: С. Лавров находился в США с официальным визитом, в ходе которого встречался с госсекретарем К. Райс. В беседе с членами Совета CFR Лавров прокомментировал некоторые поднимавшиеся на встрече вопросы, в частности агрессию Грузии против Южной Осетии.

[4] http://www. cfr.org/publication/17775/conversation_with_dmitry_medvedev. html. Первые слова его были выразительны, учитывая контекст и историю организации: DMITRY MEDVEDEV: Dear ladies and gentlemen, I am extremely pleased to speak here at the Council on Foreign Relations. *Прим. ред.*: Д. Медведев находился с визитом в США в связи с участием в экономическом саммите «двадцатки», созванном в связи с глобальным финансовым кризисом. По приглашению М. Олбрайт на Совете CFR Медведев прокомментировал некоторые вопросы, обсуждавшиеся на саммите, в т. ч. вопрос о размещении ПРО в Европе.

[5] Цит. по: *Foster John B.* Imperial America' and War // Monthly Review. 2003. May. Vol. 55. №. 1. С. 1—10.

в которой он утверждает, что США грозит крах из-за «имперского перерастяжения», Р. Хаас победоносно утверждает: «Америке грозит не имперское перерастяжение, но имперская недорастяжка»[1].

3.3.8. Сол Коэн: геополитика мировой системы и анализ геополитических структур

Г. Киссинджер и З. Бжезинский своей деятельностью иллюстрируют то, как геополитика связана с высшим центром принятия решений в международной сфере и как отдельные теоретики взаимодействуют со сферой политической власти — как прямой (президенты США, Госдеп и их аппарат), так и косвенной (влиятельные мировые клубы — CFR, Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, членом которого также является Бжезинский, и др.). Но едва ли следует искать у авторов, наделенных огромными полномочиями, новаторских идей в геополитической теории: здесь они лишь повторяют хорошо известные правила, законы и аксиомы и стремятся к их применению.

Но американская геополитическая мысль развивается и в теоретическом плане, примером чего являются фундаментальные разработки современного геополитика Сола Коэна, автора, среди всего прочего, концептуального труда «Геополитика мировой системы»[2]. Сол Коэн выпустил свою первую книгу, посвященную геополитике, еще в 1961 г.[3], и с тех пор стал авторитетным исследователем в этой области. Он разработал критерии строгого геополитического анализа, которые позволяют упорядочить геополитические методологии, объединенные базовыми принципами, но довольно разрозненные в тот момент, когда дело доходит до анализа конкретных ситуаций.

Схема, предлагаемая Солом Коэном такова.

В основе всего стоят два базовых начала: *морской сеттинг* (martitim setting) и *континентальный сеттинг* (continental setting). Термин «setting» С. Коэн использует вместо терминов «могущество» или «сила» (power), его можно перевести также как «положение», «расположение» или «предрасположение», но смысл такого деления восходит к обычной и базовой для геополитики дуальной топике.

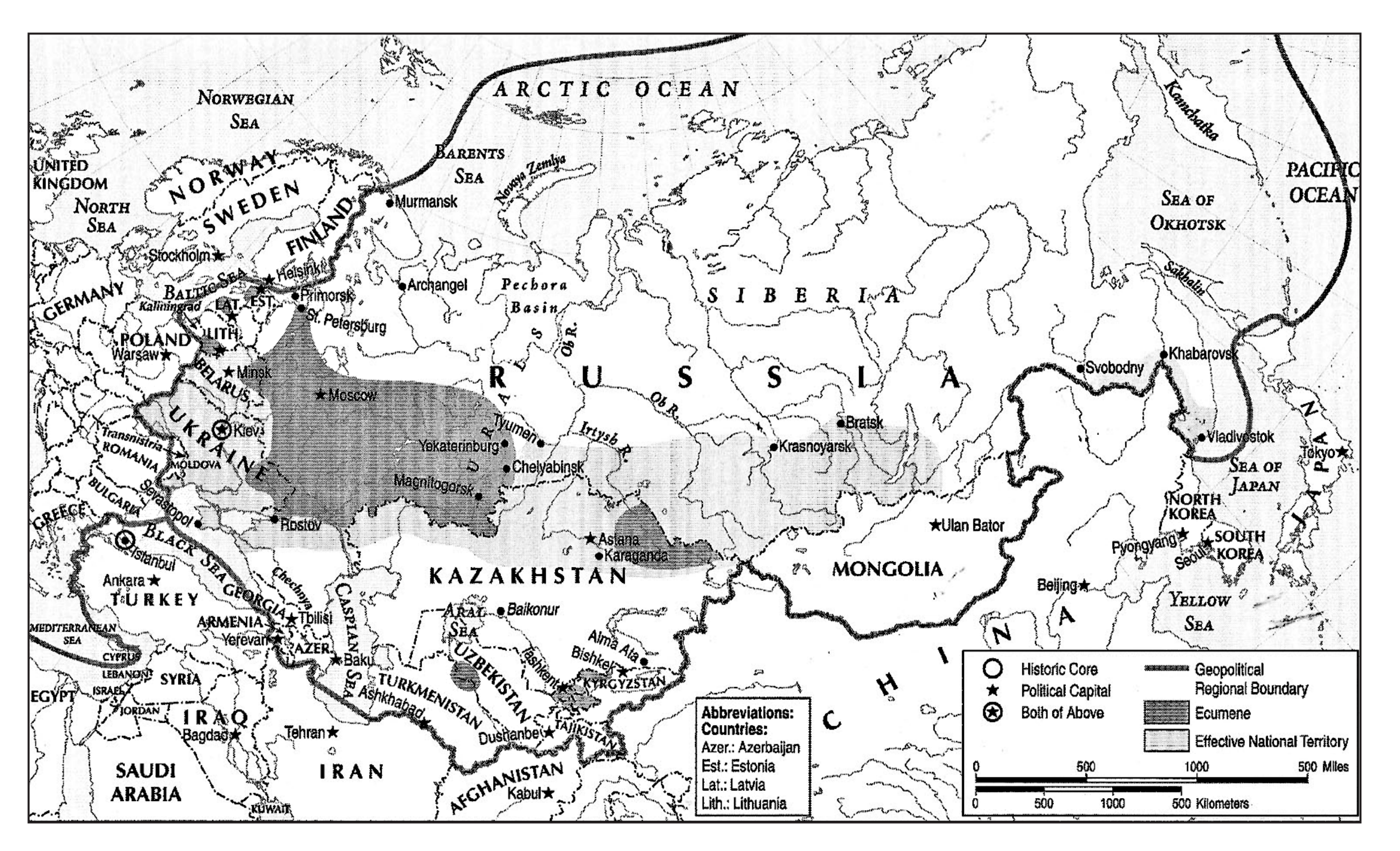
Внутри «сеттингов» помещаются *«геополитические структуры»*. Они определяются балансом *центростремительных* и *центробежных* тенденций, которые можно разметить на схеме геополитической структуры, в которой будут сочетаться физическая, политическая и социально-психологическая географии. Под воздействием внутренней динамики и внешних факторов, включая поток идей,

---

[1] *Foster John B.* Imperial America' and War. C. 1 — 10.

[2] *Cohen S.B.* Geopolitics of World System. NY: Rowman&Littlefield publishers, 2002.

[3] *Cohen S.B.* Geography and Politics in a World Divided. New York: Praeger, 1961.

Карта 19. Применение методологии Сола Коэна к геополитическому анализу России

капиталов, технологий, информации, социальных и этнических процессов, происходят изменения этих структур, которые можно назвать «*реструктуризацией*». Этот геополитический процесс идет постоянно, что порождает *геополитическую динамику*.

С. Коэн так описывает обобщенную схему «*геополитической структуры*»:

— *историческое или базовое ядро* (центр возникновения структуры);
— *столицы и политические центры* (местоположение упорядочивающего начала — чаще всего власти);
— *эйкумены* (области с наибольшей плотностью населения);
— *эффективная национальная территория или эффективная региональная территория* (слабозаселенные территории с большим количеством природных ресурсов и удачным стратегическим положением);
— *пустые зоны* (незаселенные пространства);
— *границы* (пределы политического контроля);
— *нонконформные зоны* (зоны сепаратистской активности, беспорядков, мятежей) [1].

Анализ геополитической структуры, по Коэну, состоит в том, чтобы корректно нанести на геополитическую карту все эти слои. Но т. к. мы имеем дело с геополитической динамикой, то любая схема структуры схватит только какой-то временной момент. Поэтому для вскрытия геополитических тенденций следует сделать несколько карт государства или региона в исторической перспективе — с учетом прогностических тенденций, чтобы посмотреть каковы основные векторы общих трансформаций структуры.

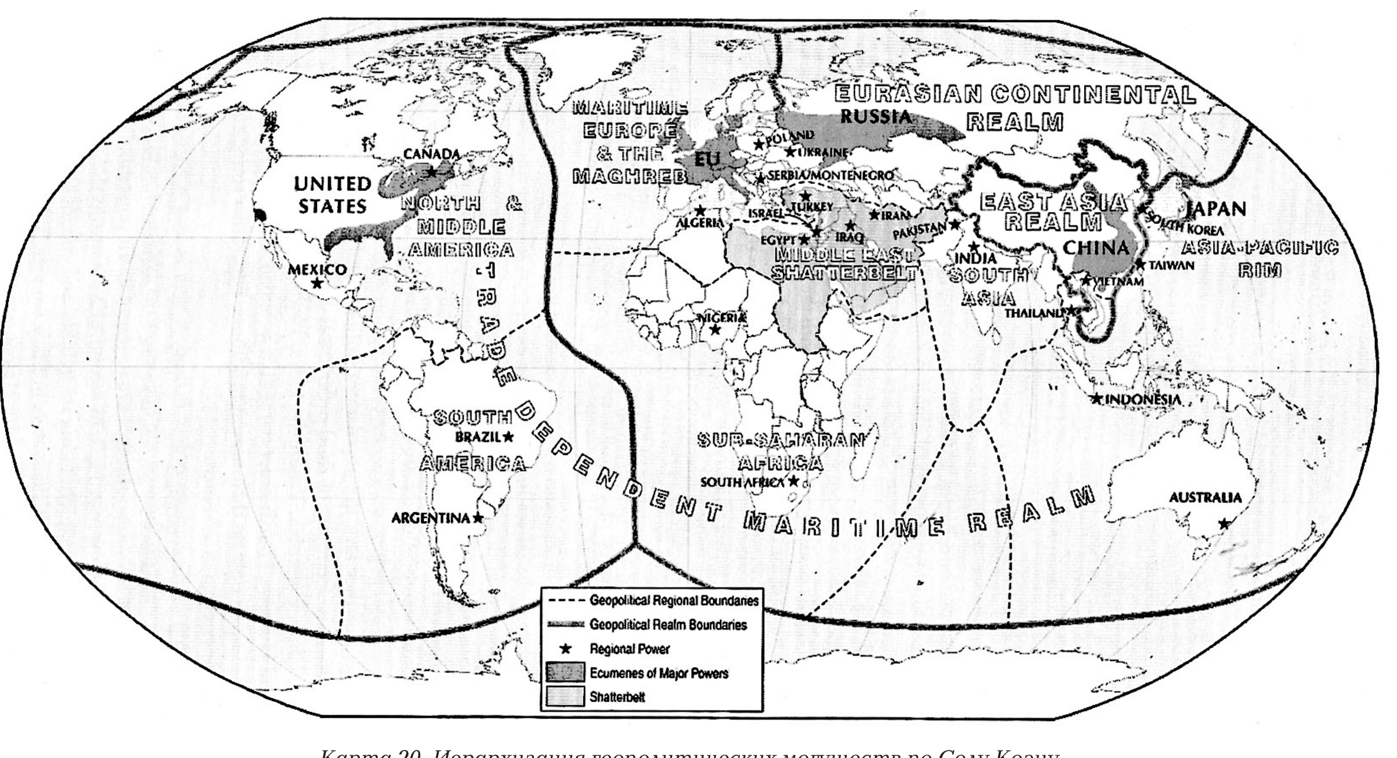
Параллельно анализу геополитических структур Коэн предлагает рассмотреть общую «мировую систему» в целом. В ней он выделяет различные слои (уровни).

3.3.9. Районирование «мировой системы»

Первый уровень — *геостратегические области*. Это уровень «глобальных сеттингов», описание того, что относится к «морскому», а что к «континентальному» пространству в геополитическом смысле. В определенных случаях границы «сеттингов» не совпадают с границами национальных государств, из чего геополитики могут делать далеко идущие выводы.

Второй уровень — *геополитические регионы*. Это зоны внутри геостратических областей, объединенные конкретными политическими связями и отношениями — союзами, влиянием, контролем, протекторатом и т. д.

[1] *Cohen S.B.* Geopolitics of World System. C. 34—36.

Карта 20. Иерархизация геополитических могуществ по Солу Коэну

Далее идут особые зоны, которые Коэн называет «*поясами раскола*» (shatternbelt). Под ними он имеет в виду небольшие пространства с неустойчивой геополитической ориентацией, слабо консолидированные политически, нестабильные социально и экономически, на которые, кроме того, оказывают влияния антагонистические силы крупных и конкурирующих между собой геополитических регионов.

Зоны компрессии — те зоны, в которых разрушена всякая упорядоченная политико-социальная организация и где полярные геополитические силы конкурируют между собой в условиях конфликтов и хаоса[1].

Еще одно отдельное от предыдущих районирование «мировой системы» Коэн предлагает в виде привычной политической карты, на которую нанесены национальные государства в их существующих границах. Но геополитик должен видеть эти границы в исторической перспективе, учитывая те государства, которые существовали на той же территории несколько столетий назад, и даже те государства, которые могут возникнуть на этой территории в будущем. Другими словами, в отличие от классической области Международных Отношений (МО-IR) геополитик оперирует с «модальной» системой МО, где учитывается и прошлое, и вероятное будущее в привязке к политическому пространству.

Национальные государства могут быть упорядочены по степени их влияния на процессы мировой политики.

Высшее положение занимают «сверхдержавы». В современной мировой системе сверхдержавой являются только США. Сверхдержавами могут стать Китай и Евросоюз, с определенной долей вероятности (и с учетом прошлого) Россия; в далекой перспективе — объединенная Латинская Америка или исламский мир.

Далее идут региональные державы или региональные блоки. Они способны влиять на ход международных процессов в областях, примыкающих непосредственно к их границам. К ним сегодня бесспорно относятся Евросоюз, Китай, Россия.

Ниже располагаются три категории держав, которые обладают ограниченной политической самостоятельностью даже в региональных вопросах, но различаются между собой по степени влияния. Они не способны проводить полноценную самостоятельную региональную политику, но контролируют свои национальные территории и в определенной степени зависят от внешней среды.

Для иллюстрации Коэн приводит ряды, иерархизирующие национальные государства «*третьей категории*» (то есть не достающие до уровня региональных могуществ) на заре XXI в.

Существует еще одна категория государств, которые Коэн называет «государства-прихожие» (Gateway states). Через них про-

[1] *Cohen S.B.* Geopolitics of World System. С. 36–44.

ходит обмен демографическими, технологическими, экономическими, финансовыми, информационными потоками. «Государства-прихожие» могут приобретать этот статус или утрачивать его[1].

Высокий	Средний	Низкий
Индия	Индонезия	Ирак
Бразилия	Пакистан	Польша
Канада	Египет	Сербия
Турция	Южная Корея	Черногория
Автралия	Тайвань	Алжир
Иран	Мексика	Тайланд
Нигерия	Вьетнам	Аргентина
Израиль		Украина
Южная Африка		

Схема 2. Ранжирование государств «третьей категории» по уровням регионального могущества (по Солу Коэну)

С помощью такого категориального аппарат Сол Коэн подвергает анализу всю территорию планеты, что дает нам емкую и чрезвычайно выразительную картину общей геополитической структуры, а также позволяет увидеть многие исторические тенденции и, соответственно, прогнозировать развитие истории в самых различных областях международных отношений и мировой политики.

3.3.10. Эдвард Люттвак: геоэкономика и глобальная среда турбокапитализма

Постоянно обращается к геополитическим проблемам крупный американский политолог, аналитик и стратег Эдвард Люттвак. Многие работы Люттвака носят эпатирующий характер, но представляют собой точный и реалистический анализ критических ситуаций и кризисов в духе «неомакиавеллизма». Знаменитыми стали его книги «Государственный переворот: практическое пособие»[2], «Стратегия: логика войны и мира»[3] и т. д. Люттвак уделяет значительное внимание эволюции «морского могущества» (Sea Power) в новых современных условиях в работах «Политическое использование морской силы»[4] и «Морская сила в Средиземноморье: политическая польза и военные ограничения»[5].

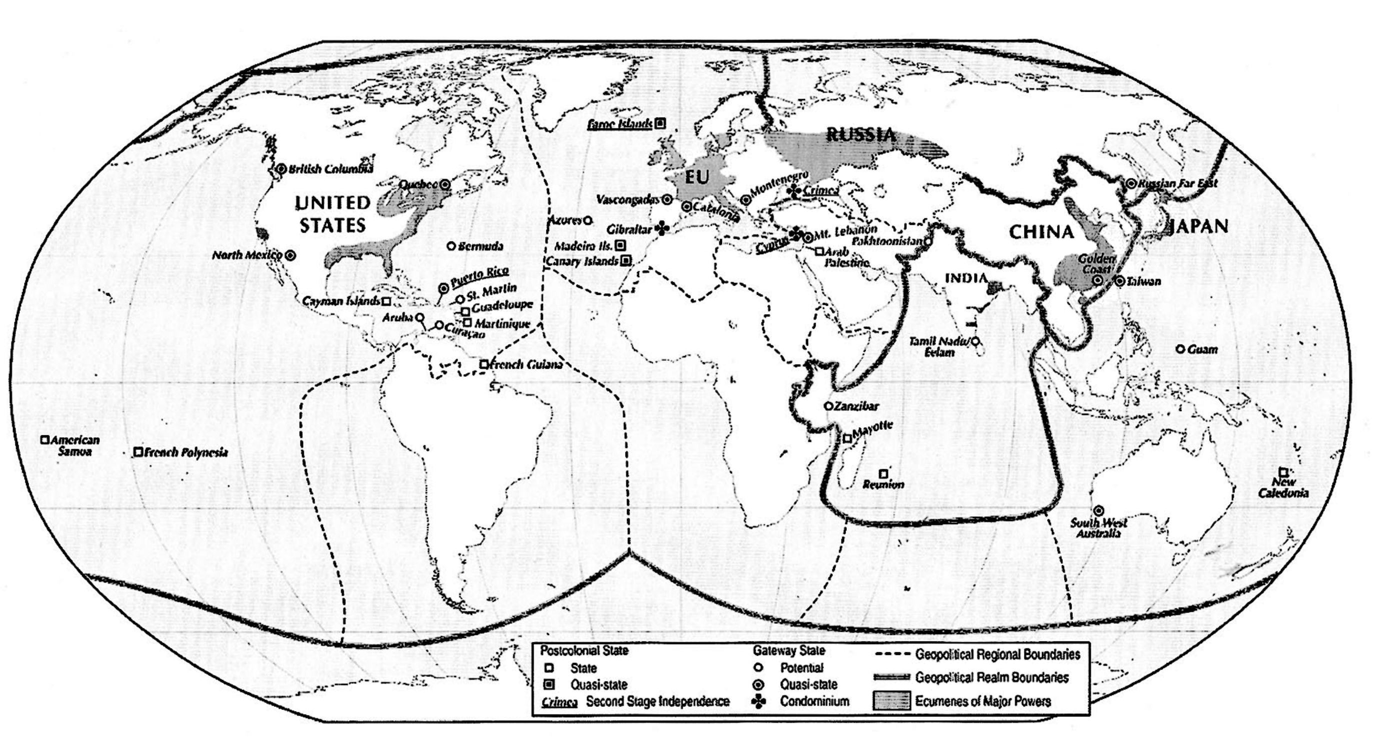
[1] *Cohen S.B.* Geopolitics of World System. С. 44 — 54.

[2] *Luttwak E.*Coup d'État: A Practical Handbook. London, 1968.

[3] *Luttwak E.* Strategy: The Logic of War and Peace. Cambridge, Massachusetts, 1987.

[4] *Luttwak E.* The Political Uses of Sea Power. Baltimore, 1974.

[5] *Luttwak E.* Sea Power in the Mediterranean: Political Utility and Military Constraints. California, 1979.

Карта 21. Зоны влияния в будущем мире и геополитические порталы (Gateway) по Солу Коэну.

Значительное внимание Э. Люттвак уделяет и вопросам стратегии в древнем мире: бестселлерами стали его работа по защите границ Римской Империей[1] и книга о стратегической истории Византии[2].

Люттвак часто выступает консультантом правительственных агенств, силовых министерств и ведомств. Частная фирма, организованная Люттваком, занимается проведением «силовых акций, арестов, оперативных разработок, полевых действий, допросов и контртеррористических операций по заказу государственных служб или иных инстанций»[3]. То есть Люттвак и его группа находятся на самом острие практической геополитики атлантизма.

Чрезвычайно важно, что Люттвак старается переосмыслить формы стратегического господства в современном мире и показывает, что постепенно дипломатические и силовые методы, преобладавшие ранее, уступают место *экономическим стратегиям господства*[4]. Так происходит смещение от классической геополитики к геоэкономике, т. е. к такой геополитике, где главным *инструментом* является экономика. Важно подчеркнуть тот смысл, который Люттвак вкладывает в понятие «геоэкономика». Это не отказ от геополитической топики в пользу чисто экономического анализа международных отношений (как ошибочно считают иногда некоторые исследователи), но прослеживание растущей роли экономических факторов в вопросе установления геополитического господства. Цель при этом не отменяется, но достигается иными средствами. Как и геополитика, геоэкономика анализирует политическую ситуацию в терминах господства, экспансии, территориального контроля, установления цивилизационных кодов. Геоэкономическая карта мира полностью дублирует геополитическую: так же выделяются две основных зоны — «морская» и «континентальная», очерчивается также зона Rimland. Но на эту карту наносятся элементы экономического контроля — формы собственности на ключевые промышленные объекты, расположение штаб-квартир и филиалов ТНК, география торговых и информационных сетей, центры добычи природных ресурсов, маршруты прокладки энергопроводов,

---

[1] *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third. Baltimore, 1976.

[2] *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusetts, 2009.

[3] *Rozen L.* The Operator: The Double Life of a Military Strategist. — forward. com. 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www. forward. com/articles/13515/ (дата обращения 24.07.2010).

[4] *Luttwak Edward N.* From Geopolitics to'Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990.Summer. С. 17—23; *Idem.* The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York, 1993.

структура экономического законодательства, налоговая политика, система международной торговли, финансовые особенности региона и т. д. Все эти факторы присутствуют и в обычном геополитическом анализе. Люттвак предлагает лишь придать им приоритетное значение в новых исторических условиях, которые он определяет как фазу «турбокапитализма»[1].

Фаза «турбокапитализма» отличается от классического индустриального капитализма целым рядом параметров:

- многократным преобладанием финансового сектора в сравнении с производственным;
- делокализацией промышленности в сторону стран Третьего мира с дешевой рабочей силой;
- появлением центральной фигуры менеджера как специалиста в чистой логистике, не имеющего никаких профессиональных знаний и способного применять свои навыки в любой сфере, связанной с организацией экономических, торговых и маркетинговых процессов по чисто формальным принципам;
- вовлечение широких масс в биржевую игру и спекуляции;
- снижение ставки рефинансирования и диспропорциональный рост кредитной сферы для искусственной стимуляции спроса[2].

В турбокапитализме начинает действовать принцип «технического анализа»: «рынок дисконтирует все» («the market discounts everything»), т. е. ценовые тренды и гигантский комплексный аппарат фьючерсов, хэджинга, опционов и т. д., надстроенный над транзакционными процессами, полностью вбирает в себя структуру предшествующих ценообразованию операций. В условиях «бесконечного кредита» и монополии США на печатание долларов как мировой резервной валюты это означает, что многие экономические и политические факторы, игравшие центральную роль на предшествующей — индустриальной — стадии развития капитализма, утрачивают свое значение. Частный инвестор или крупный рыночный спекулянт (такой, как Уоррен Баффет или Джордж Сорос) могут в одночасье обрушить национальную валюту и даже экономику целого государства. Бюджеты целых стран, в том числе и довольно влиятельных на региональном уровне, по модулю своей финансовой активности оказываются в зависимости от случайных цен на биржах, находящихся в другой части света и никак не связанных с экономическими приоритетами именно этой страны.

Турбокапитализм — рай для спекулянтов, авантюристов и изощренных финансовых махинаций и пирамид. Но вместе с тем

---

[1] *Luttwak Edward N.* Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. New York, 1999.

[2] *Дугин А.Г.* Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.

это *новая среда* для осуществления глобальной стратегии традиционными акторами — государствами, «цивилизациями», политическими и военными центрами влияния.

Знание устройства новой среды турбокапитализма необходимо геополитикам и геостратегам XXI в., настаивает Э. Люттвак.

Геоэкономика осмысливается атлантизмом как поле новых рисков, новых угроз и, главное, как поле новых возможностей для установления глобального контроля. Само это поле заведомо глобально по определению, а поэтому является чрезвычайно выгодным условием глобальной доминации. Структура глобального турбокапитализма, несомненно, воспроизводит все признаки Карфагена как «цивилизации Моря», достигшей планетарных масштабов.

3.3.11. Колин С. Грэй, Джэффри Слоан, Маккабин Томас Оуэнс

Развитие геополитической мысли в США стало особенно бурным в последние три десятилетия, и качественные и основательные исследования множатся с удивительной быстротой.

Выделим лишь несколько авторов, которые олицетворяют собой ренессанс классической геополитики в англосаксонском мире и, в первую очередь, в США.

Выдающимся современным геополитиком является директор Центра исследований безопасности, советник администрации Р. Рейгана Колин С. Грэй, опубликовавший несколько десятков солидных работ на тему геополитики, стратегии и международных отношений, начиная с 1970-х гг. Наиболее значительные среди его трудов — «Геополитика сверхдержавы»[1], «Рычаг морского могущества»[2], «Война, пир и победа»[3] и новые работы «Геополитика хаоса»[4] и «Стратегия и история»[5].

Развивая англосаксонское партнерство в атлантистской геополитике, с К. Грэем тесно сотрудничает британский геополитик Джеффри Слоан[6]. Совместно они издали информативный сборник

---

[1] *Gray C.S.* The Geopolitics of Super Power. Lexington, KY:University Press of Kentucky, 1988.

[2] *Gray C.S.* The Leverage of Sea Power:The Strategic Advantage of Navies in War. New York: The Free Press, 1992.

[3] *Gray C.S.* War, Peace, and Victory:Strategy and Statecraft for the Next Century (New York: Simon and Schuster, 1990).

[4] *Gray C.S.* Strategy for Chaos: Revolutions in Military Affairs and Other Evidence of History. London: Frank Cass, 2002

[5] *Gray C.S.* Strategy and History:Essays on Theory and Practice. Abingdon, UK:Routledge, 2006.

[6] *Sloan G.* The geopolitics of Anglo-Irish relations in the Twentieth Century. Leisester: University Presss, 1997.

«Геополитика, география и стратегия»[1], где представлены новейшие тенденции в геополитике и свежий взгляд на классические темы.

Вот как определяет Д. Слоан четыре принципа геополитического подхода:

1) вся политика есть геополитика;
2) вся стратегия есть геостратегия;
3) география находится «там, вовне» (out there), она объективна как среда или «территория»;
4) география находится «внутри нас», «здесь», как воображаемые пространственные взаимоотношения[2].

Это чрезвычайно точные моменты, определяющие сущность геополитики. Особенно следует сделать акцент на четвертом пункте, который раскрывает «географию» как «воображаемые пространственные взаимоотношения», т. е. переводит географию в «геософию» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), в «географию мысли», и подчеркивает социологический характер геополитики.

В том же ключе защиты классической геополитики работает и профессор стратегии и силового планирования Военно-Морского Колледжа США Макубин Томас Оуэнс, с новых позициях и с учетом опыта прошедшего столетия доказывающий правоту англосаксонских геополитиков Х. Макиндера и Н. Спикмена и обращающий внимание на их актуальность для сегодняшнего дня[3]. Весь XX в. и его ключевые события полностью подтвердили правоту и релевантность геополитического метода: прогнозы, на нем основанные, и анализ, произведенный с его помощью, в конечном счете, хотя и не сразу, а по прошествии некоторого времени, оказались абсолютно точными. Поэтому, призывает М. Оуэнс, необходимо признать научные заслуги пионеров англосаксонской геополитики и воздать им долг.

Кроме того, М. Оуэнс обращает внимание на то, что основные принципы геополитики справедливы и в отношении настоящего и ближайшего будущего. Так, он утверждает, что в XXI в. главной задачей США будет «не допустить возникновение гегемона, способного доминировать евразийскую континентальную область и бросить вызов США в морской области»[4]. Эта рекомендация совпадает с выводом, к которому приходит Бжезинский в «Великой шахматной доске».

---

[1] *Gray C.S., Sloan G.* (eds) Geopolitics, geography and strategy. London; Portland, OR:Frank Cass, 1999.

[2] *Sloan G.* Inescapable geography // Gray C.S., Sloan G. (eds) Geopolitics, geography and strategy. С. 163.

[3] *Owens M. Th.* In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review. 1999. Vol. 52. №. 4.Autumn.

[4] Ibidem.

3.3.12. Пол Волфовиц: не дать Евразии подняться снова

Впрочем, не только Бжезинский (CFR) и последователи ортодоксального классического атлантизма призывают руководство США и НАТО продолжать наступление на Евразию и Heartland, все больше тесня Россию и стремясь подорвать ее влияние на Западе, Юге и Востоке, т. е. в сфере, прилежащей вплотную к «теплым морям». Идентичные по смыслу стратегические идеи высказал представитель совсем другого, «неоконсервативного» идейного направления в американской политике — Пол Вулфовиц, бывший в 1992 г. Подсекретарем Безопасности в Министерстве обороны США. Подготовленный под его руководством проект «Путеводитель по планированию безопасности», продолжая геополитическую линию Х. Макиндера, провозглашал: «Наша стратегия после распада СССР должна состоять в том, чтобы сосредоточиться на том, чтобы не допустить появления в будущем потенциальной глобальной силы или глобального конкурента. В первую очередь, на территории Евразии»[1].

Данный план, появившийся в момент эйфории, вызванной на Западе распадом СССР, когда США стремились внешне поддержать обращенную к ним Россию под руководством Б. Ельцина, вызвал раздражение американской дипломатии своей несвоевременностью. Но его основные моменты были включены в программные документы по обеспечению национальной безопасности США при Билле Клинтоне в 1997 г. и воспроизводились раз за разом во всех последующих текстах подобного рода.

Озвученное Вулфовицем является общим местом американской атлантистской геополитики, и после падения СССР ориентация на глобальную доминацию и на недопущения восстановления могущества евразийского Heartland стала открытой и проникла в официальные стратегические планы и программы по обеспечению стратегической безопасности США и НАТО.

Но важно отметить тот факт, что Вулфовиц принадлежал к тому направлению в американской политике, которое рассматривается как определенная альтернатива CFR и которое представляет собой иное идейное течение, получившее название «неоконсерваторов» или сокращенно «неоконсов».

3.3.13. Неоконсерваторы и их политические идеи

«Неоконсы» возникли в 1960-е гг. из крайне «левой» среды американских троцкистов (Наум Подгорец, Мидж Декстер) с жесткой антисоветской ориентацией. Позже они решили предпринять

[1] Excerpts from Pentagon's Plan: 'Preventing the Re-Emergence of a New Rival // New York Times. 1992. March 8; Keeping the U.S. First // Washington Post. 1992. March 11.

тактику «энтризма» и вступили организованной идеологической группой в Демократическую партию, где довольно быстро заняли крайне правый фланг, подталкивая внешнеполитические решения к обострению противостояния с СССР. Затем они пошли еще дальше, и часть группы вступила в Республиканскую партию все на той же антисоветской волне. Постепенно они создали в Республиканской партии свой интеллектуальный полюс притяжения, с опорой на научные консервативные круги и поддержку медиа-магната Руперта Мэрдока, контролирующего все это направление. И, наконец, им удалось получить почти полный идейный контроль над республиканцами, наделив их тем, чего им ранее не хватало — четким идеологическим центром, интеллектуальной активностью комментаторов и политических аналитиков, искусным лоббизмом в области идей и концепций, а также сетевой структурой, связанной со своими сторонниками в демократической партии, в национальных СМИ и образовательных центрах США.

Таким образом, «неоконсы» проделали рейс по всему идеологическому спектру американской политики и, начав с марксизма и идеи мировой революции, закончили защитой капиталистического господства, американского империализма и консервативных ценностей, включая религию, семью и т. д. Единственно, что оставалось постоянным на фоне развития их головокружительной идеологической эволюции, это яростная ненависть к Советскому Союзу и, шире, к России. Загадку явления американского неоконсерватизма и их стремительного пути к успеху еще предстоит решить, но мы можем уже сейчас подсказать ключ. Он состоит в геополитике и имеет яркую иллюстрацию в лице Джона Бернэма, о котором уже шла речь и который еще в 1950—60-е гг. проделал такую же политическую эволюцию.

Троцкисты были представителями Четвертого Интернационала, приверженцы которого отвергли Сталина и СССР, посчитав, что русские большевики, решившись строить социализм в одной стране, неявно восстановили старый дореволюционный строй, создали систему «национал-коммунизма» и лишь дискредитировали мировое рабочее движение, надолго отложив «мировую революцию». Претензии к Сталину и СССР состояли в том, что в них троцкисты видели возрождение Российской Империи. Так, сталинизм, СССР и Российская Империя стали для мирового троцкизма объектом идеологической и исторической ненависти. Геополитика атлантизма давала этой ненависти фундаментальное обоснование, выражая ее объект обобщенным понятием «Евразии» или Heartland'а. Борьба с Евразией велась цивилизацией Моря, и следовательно, солидаризовавшись с этой цивилизацией, троцкисты получали возможность свести счеты со своим главным врагом — СССР-Heartland'ом.

Но далее следует интересный виток идеологической мысли. Согласно Марксу, социалистическая революция возникнет только тогда, когда капитализм победит в планетарном масштабе и станет по-настоящему интернациональным. Народы, расы, культуры и нации перемешаются, и все человечество будет делиться только по классовому принципу. Только после этого мировой пролетариат, лишенный какой бы то ни было идентичности, кроме классовой, способен сплотиться в партию и опрокинуть эксплуататоров. Если же эту фазу перескочить, как получилось в СССР, то, по мнению троцкистов, пролетарское сознание сплавится с русским великодержавным национализмом, и революция выродится. Отсюда американскими неоконсами был сделан парадоксальный вывод: чтобы приблизить социалистическую революцию, надо помочь установлению глобального капитализма под эгидой США. На этом пути будет уничтожен СССР, создано глобальное капиталистическое государство с мировым правительством во главе, а смешение народов, рас, религий и культур породит интернациональный пролетариат, который рано или поздно сплотится в партию (ею станет троцкистская коммунистическая партия) и свергнет буржуазию. Пока же эти условия не наступили, отдельные группы троцкистов должны по прагматическим соображениям перейти в лагерь капиталистов и использовать свою энергию для того, чтобы обеспечить в мире победу и доминацию капитализма на глобальном уровне. При этом по ходу дела необходимо уничтожить ненавистный Советский Союз и разгромить Heartland.

Кому-то такая логика может показаться странной, но надо признать, что «неоконсы» почти справились с первой половиной своей программы. Им удалось занять ключевые посты в администрации США при Джордже Буше-младшем. Пол Волфовиц, Дональд Рамсфельд, Льюис Либби, Роберт Кэйген, Уильям Кристол, Чарльз Капчан и Джеб Буш, брат президента Буша, имели в конце 1990-х — начале 2000-х гг. практически решающее влияние на американскую политику. С геополитической точки зрения их деятельность сводилась к тому, чтобы укрепить американскую гегемонию, распространить НАТО на Восток и вывести из-под российского влияния как можно больше сегментов постсоветского пространства (цветные революции), установить приоритетный контроль над Ближним Востоком и Центральной Азией (этому служили вторжения в Ирак и Афганистан), заставить Европу строго следовать в русле американской политики, продвигать глобализацию, демократизацию, свободный рынок и либеральную идеологию в мировом масштабе.

Если это было задачей «неоконсов» (а, судя по их декларациям и программам, так оно и было), то они существенно продвинулись в этом направлении.

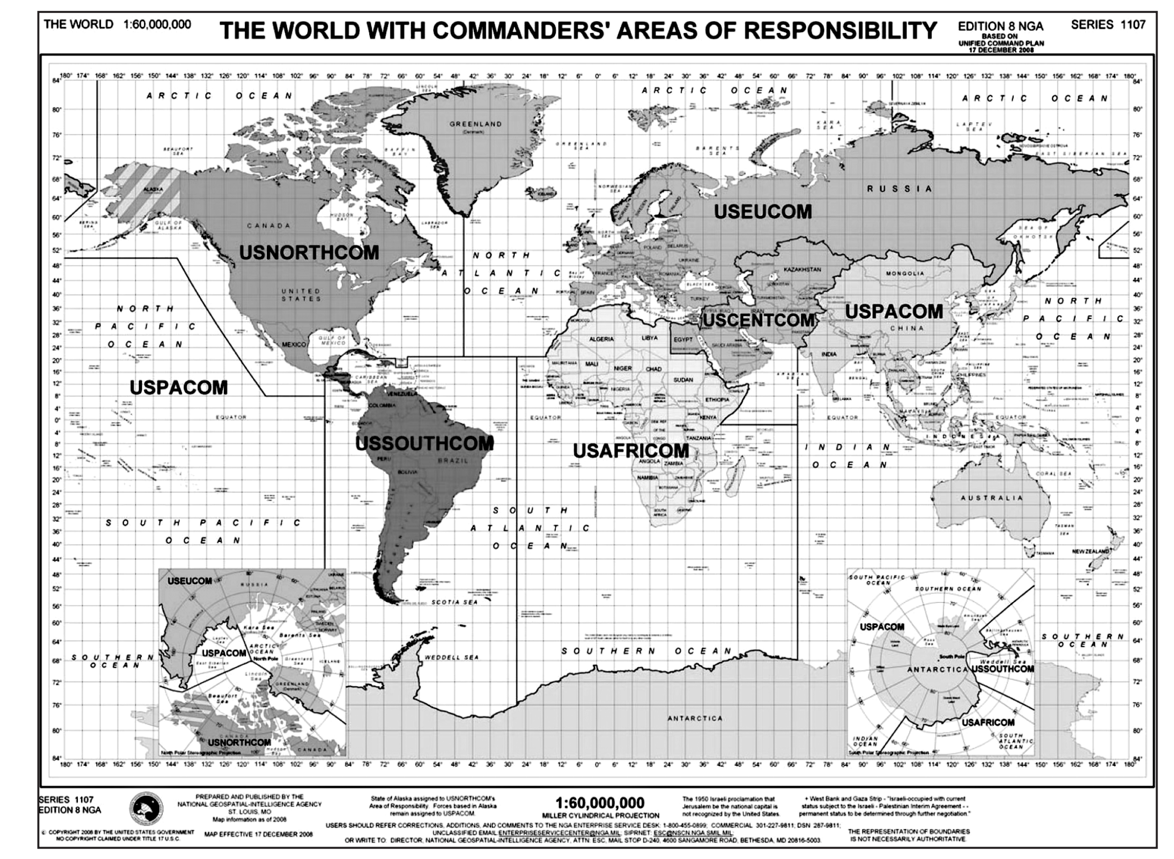
3.3.14. Проект Нового Американского Века

Стратегической программой неоконсерваторов стал амбициозный манифест «Проект Нового Американского Века» (Project for New American Century — сокращенно, PNAC) [1]. Смысл его по основным параметрам не отличался от общей атлантистской повестки дня, ориентированной на глобальную доминацию «цивилизации Моря». Поэтому-то «неоконсам» и удалось достичь таких сильных позиций в политике США — они придавали *идеологический и внятный интеллектуальный* характер настроениям, которые и без них преобладали в американском обществе. Кроме того, они использовали методы распространения идей, влияния и лоббирования, которые никогда не были характерны для консервативной политики республиканцев. Со своими идеологическими оппонентами «неоконсерваторы» расходились не в главном (в целях и задачах американской стратегии), но в ее методах и тайминге (т. е. в понимании скорости развертывающихся событий).

CFR традиционно выступал за то, чтобы «мировое правительство» было коллективным и в него входили бы все те, кто разделяет программу «морского Могущества». Американская линия, естественно, была бы главенствующей с учетом того, кто принес победу всей атлантической цивилизации, всему «атлантическому континенту», и это подразумевалось само собой. Но при этом все соучастники этого геополитического процесса и союзники должны были бы получить свое. В конечном итоге, CFR ставили и ставят перед собой по-настоящему глобалистские цели, выходящие за рамки только американской политики; они были и остаются сторонниками создания One World, Соединенных Штатов Мира, в котором будут доминировать западные ценности и западные нормы, но участниками которого будут все те, кто примет на себя печать нового порядка вещей. Для такого взгляда и сами США как держава — лишь этап к наступлению эры «глобального Запада». Поэтому CFR традиционно стремятся сделать своими союзниками и агентами влияния самый широкий спектр сил — от Китая и Ирана до современной России. Это, конечно, игра в одни ворота, потому что всем предлагается лишь следовать в фарватере американской политики и признавать интересы и ценности США универсальными, но тем не менее CFR каждому предлагают взамен что-то локальное.

Неоконсерваторы, разделяя общие цели, видят картину несколько иначе. Они откровенно обращаются к понятию «империя» и не стесняются говорить об «американской доминации». Правда, и они видят США не как национальное государство, но как авангард всей западной цивилизации, однако они убеждены, что имен-

[1] http://www. newamericancentury. org/

Карта 22. Зона военной ответственности Вооруженных Сил США. Стратегический костяк «американской империи»

но в США ценности и идеи западной цивилизации достигли наивысшего расцвета и что отныне Старая Европа, не говоря уже об остальном мире, представляет собой по сравнению с Америкой нечто безнадежно отсталое.

Поэтому «Проект Нового Американского Века» ставит перед собой самые прямые и радикальные задачи:

- укрепление единоличной доминации США как открытого мирового гегемона (У. Кристол говорит о «благой гегемонии» — «benevolent hegemony»[1]);
- прямое подчинение американским интересам всех мировых игроков (добровольно или принудительно);
- организацию мира по американским правилам с углубленной демократизацией, либерализацией и интернационализацией всех обществ;
- создание единого мирового рынка, выстроенного по модели американской финансовой системы с доминацией контролируемых США институтов (ВТО, МВФ, Мировой Банк и т. д.);
- активная борьба с традиционным обществом и особенно исламским фундаментализмом;
- предотвращение возникновения имперских амбиций у России, ее ультимативное обращение к защите американских интересов (идея конвергенции американо-российских интересов в отношении Китая).

Если мы внимательно приглядимся к этим тезисам, то не увидим в них ничего нового, чего не было бы у других атлантистов — как классических, так и современных. Различаются некоторые нюансы в отношении статуса США как «национального государства»: «неоконсы» настаивают на его единоличном укреплении, а CFR считает, что ему необходимы надежные союзники в Европе и в остальном мире; «неоконсы» нападают на Евросоюз за его нерешительность и попытки вести самостоятельную игру, а CFR стремится поддержать проамериканские атлантистские тенденции в Европе, в том числе и ценой определенных компромиссов; «неоконсы» готовы вести с исламом борьбу на уничтожение, а CFR не против использовать исламистов там, где это соответствует интересам Запада (например, на российском Северном Кавказе или в проамериканском Косово); «неоконсы» предпочитают давить на Кремль и стыдить его «недостатком демократии», «отсутствием гражданских свобод», «гонением на предпринимателей» и «установлением контроля над свободой прессы», а CFR добиваются своих целей ценой уступок России по ряду важных стратегических позиций и т. д.

---

[1] *Dorrien Gary.* William Kristol and American Foreign Policy//Logos. 2004. Spring. Issue 3.2

Иными словами, «неоконсы» предпочитают прямую тактику, а CFR предпочитает идти к своей цели плавно и постепенно, выжидать, когда необходимо, идти на компромиссы, чтобы на следующем этапе добиться своего сполна.

Как таковой отдельной геополитической стратегии «неоконсы» не придумали и лишь по-своему расставили акценты в общей классической схеме атлантистской геополитике. Повышенное внимание они уделяют Ближнему Востоку, но еще Сол Коэн утверждал, что Ближний Восток является «поясом осколков», на нем сходятся стратегические интересы трех континентов, и от контроля над ним зависит баланс сил в отношении Европы, Африки и Азии. А для английской империалистической политики это было очевидно уже в течение нескольких веков.

3.3.15. Роберт Каплан: империя ворчит

В публицистической форме излагает этос неоконсервативного империализма журналист из «Атлантик Монтли» Роберт Каплан. В своей книге «Imperial grunts» [1] (название дословно можно перевести как «имперские ворчания» или даже «имперские похрюкивания», но переведем более благозвучным сочетанием «Империя ворчит») он описывает свои путешествия в вооруженных силах США, расквартированных по всему миру — от Тихого океана до Африки, от Афганистана до Латинской Америки, от Европы до Ирака. И повсюду он встречает высокий боевой дух, героический настрой, уверенность в превосходстве американских ценностей и американского образа жизни над тем, что военные гарнизоны, часто сталкивающиеся с большими трудностями и смертью, видят вокруг них. Р. Каплан утверждает, что на всей планете военные США встречали его одним и тем же приветствием: «Добро пожаловать в страну краснокожих, парень»[2].

Каплан с энтузиазмом воспринимает это за чистую монету и рассматривает военное присутствие американского контингента во всем мире как продолжение освоения Дикого Запада. Повсюду смелые и волевые американцы сталкиваются с культурами, которые ниже их собственной, и как британские войска, воспетые Р. Киплингом, они достойно несут «бремя белого человека».

Каплан воспевает «американский империализм» без какой-либо критической нотки. Незаметно для себя и других, утверждает он, американцы построили великую планетарную империю, и теперь «они в ответе за тех, кого приручили».

---

[1] *Kaplan Robert D.* Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY:Vintage, 2006.

[2] Ibidem.

Империя «ворчит», потому что несет тяжкое бремя и отдувается за все человечество. А оно этого не признает и платит «черной неблагодарностью».

Свои геополитические воззрения Каплан излагает в другой работе «Грядущая анархия»[1]. В ней он описывает геополитику мира после окончания «холодной войны» как «*последнюю карту*» (Last Map). На этой карте есть два полюса «богатый Север» и «бедный Юг». Они не сближаются между собой, но все более разделяются. В результате Каплан видит ближайшее будущее как «мир «хаоса, где «бедный Юг» постепенно превращается в зону полной анархии, социального разложения, вырождения и беспорядка (особенно это касается Африки). «Богатый Север» превращается в островок культуры и цивилизации под натиском разлагающих его сил. Таким образом, «американская империя», о которой речь идет в другой книге[2], представляется героической цитаделью цивилизации в мире «нового варварства».

В целом, книги Роберта Каплана могут служить прекрасным введением в мировоззрение «неоконсерваторов» и учебным пособием по современному состоянию духа в атлантистской геополитике.

3.3.16. Томас Барнетт: функциональное ядро и зона отключенности

Близкий к «неоконсам» геополитик и геостратег Томас Барнетт[3] предложил несколько изменить привычные термины классической геополитики в духе высоких технологий и информационно-сетевого подхода.

В книге «Новая карта Пентагона[4]» «цивилизацию Моря» Т. Барнетт называет «Ядром» [5] (The Core) и описывает как область сосредоточения новых постиндустриальных центров производства, мировых финансов, инновационных технологий и стремительного развития информатики и прикладной науки. Все эти достижения, по Барнетту, концентрируются в высоких технологиях и предопределяют структуру и содержание «Ядра».

К «Ядру» он относит США, Европу, Японию (уже знакомая нам классификация «Большого Ареала», «Трехсторонней комиссии» и т. д.). «Ядро», таким образом, есть другое постиндустриальное на-

---

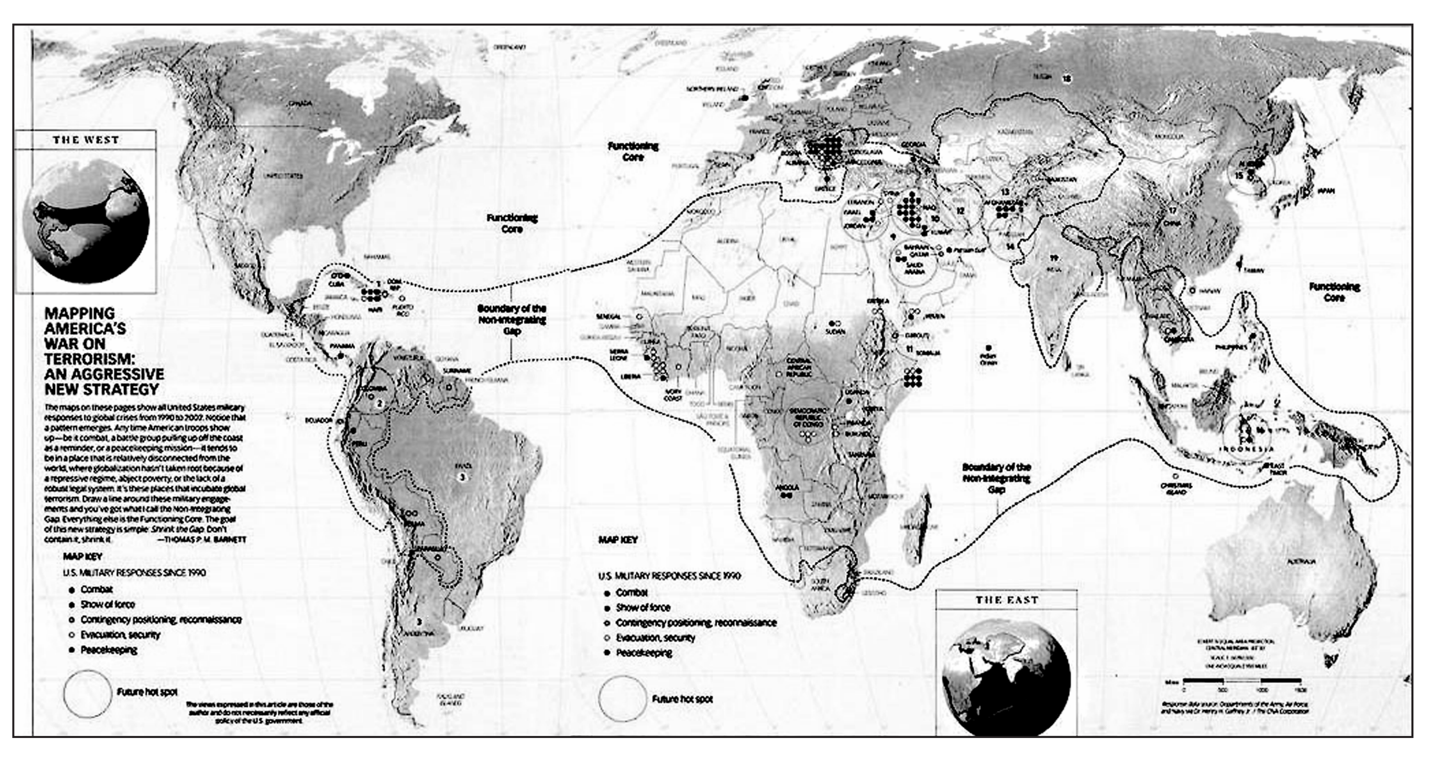
[1] *Kaplan R.* The coming Anarchy: Shaterring dream of the Cold War. NY: Random House, 2000.

[2] *Kaplan Robert D.* Imperial Grunts.

[3] *Barnett Th.* The Pentagon's New Map. NY: Putnam Publishing Group, 2004; *Idem.* Great Powers: America and the World after Bush. NY: Putnam Publishing Group, 2009.

[4] *Barnett Th.* The Pentagon's New Map.

[5] Ibidem.

Карта 23. Новая карта Пентагона глазами геополитика Томаса Барнетта

звание для «цивилизации Моря» или «океанического могущества» (Sea Power).

Далее Барнетт выделяет область того, что он называет «*неинтегрированный провал*» (non-integrated gap). Это области мира, которые лишь частично вовлечены в общее технологическое, экономическое и информационное пространство, чьи коды и правила устанавливает «Ядро». К «неинтегрированному провалу» Т. Барнетт причисляет Евразию, Латинскую Америку и Африку. Пентагону он советует не доверять этой области, т. к. какие-то технологии здесь уже адаптировались, но могут быть использованы и против «Ядра». Поэтому эту область необходимо осторожно и постепенно интегрировать, строго следя за тем, чтобы техническая модернизация проходила параллельно с принятием западных «морских» ценностей, что предотвратило бы вероятное обращение оружия «Ядра» против него самого.

И, наконец, последний слой цивилизации Т. Барнетт называет «зоной отключенности» (Zone of disconnectedness); к ней он относит «государства-изгои» — Северную Корею, Иран, Кубу, Венесуэлу, Боливию. Они опаснее «неинтегрированного провала» из-за своей закрытости, но в силу этой же причины они обречены на технологическое отставание и могут быть аккуратно изолированы. Однако их открытие миру «Ядра» может представлять собой довольно рискованный процесс, предостерегает Барнетт[1].

Теории Барнетта не несут с собой в геополитическом смысле ничего нового, но показывают пример того, как можно говорить о классических геополитических темах в духе предельно жесткого и откровенного империализма, не используя его откровенной риторики и методологии напрямую. В языке Барнетта и аналогичных ему стратегов, «технология» означает «доминацию», «модернизация» — «установление контроля», «подключенность» — «открытость для влияния», «неинтегрированность» — «сохранение самобытности и суверенности» и т. д. Зная принципы геополитики, такой иносказательный язык легко расшифровать, но, не будучи с ними знакомыми, можно подумать, что эти тексты принадлежат тому, кто искренне заботится о техническом развитии всего человечества. Остается только спросить, а причем тут Пентагон, главное военное ведомство США? Ведь книга Барнетта, о которой идет речь, называется «Новая карта Пентагона»[2]. Для человека, знакомого с геополитикой, такая связь ясна: речь идет о новой форме «технологического империализма» и новом типе «мирового господства».

---

[1] *Barnett Th.* The Pentagon's New Map.

[2] Ibidem.

3.3.17. Критическая геополитика О'Тауатайла и Д. Эгнью

От доброжелательного империализма улыбающегося Томаса Барнетта[1] мы перейдем к другим формам геополитики, которые стремятся уйти от классической модели этой дисциплины и обосновать нечто вроде «постгеополитики» или «геополитики постмодерна». Чаще всего это направление называют «*критической геополитикой*». Безусловным лидером этого направления является автор, о котором уже шла речь — американец ирландского происхождения Геароид О'Туатайл[2] и его коллега Джон Эгнью[3].

Программа пересмотра геополитики, предлагаемая О'Туатайлом, такова.

Классическая геополитика основана *на империализме* и служит научным обоснованием территориальной экспансии. Это касается всех типов геополитики — и *геополитики-1* (англосаконской), и *геополитки-2* (континентальной).

Классическая геополитика основана на *дуальности Моря и Суши*, что предполагает «эсхатологический исход» («Endkampf» — по-немецки «конечная битва» или «End game» — по-английски «конечная игра»), ориентированный на силовое противостояние.

Классическая геополитика строится на *классической психологии безопасности,* когда источник риска, проблем и угроз помещается «где-то еще», «вовне», «за пределом» и когда «во всем виноват другой».

Классическая геополитика чаще всего строит свои модели, признавая *национальные государства* в качестве главных политических игроков в качественном пространстве.

Эти черты классической геополитики Геароид О'Туатайл относит к «традиционному обществу», которые были переложены на рационализированный язык Модерна и облачены в «современные» формы стратегии, планирования, расчета, безопасности, интересов и т. д. Все это, по О'Туатайлу, делает классическую геополитику неприемлемой в условиях Постмодерна, где общество отказывается от «империализма», дуалистического сознания и психологического отторжения и исключения «другого».

Но вместо того, чтобы на этом основании полностью отбросить геополитику, О'Туатайл и Д. Эгнью[4] предлагают ее видоизменить,

---

[1] На своем сайте и в своем блоге Барнетт чистосердечно улыбается на фоне пентагоновских карт. http://www. thomaspmbarnett. com/.

[2] *O'Tuathail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996.

[3] *Agnew J.* Geopolitics: Re-Visioning World Politics. Londres: Routledge, 1998.

[4] *O'Tuathail G., Dalby S., Routledge P.* (eds) The Geopolitics Reader. London & New York: Routledege, 1998; *Agnew J.*, Reinventing Geopolitics: Geographies of Modern Statehood. Heidelberg: University of Heidelberg, 2001.

отказавшись от тех ее черт, которые принадлежат к формам мышления предшествующих эпох.

«Критическая геополитика», которую они предлагают взамен, призвана:

– отказаться от обслуживания имперских интересов и рассматривать человечество глобально, а граждан индивидуально;
– отбросить дуализм Суши и Моря и перейти к «глобальному обществу»;
– отказаться от признания государств главными акторами организации качественного пространства и изучать отношение к пространству различных социальных групп;
– рассмотреть риски и угрозы не как нечто внешнее по отношению к обществу, но как нечто присущее ему изнутри, в связи с чем от них предлагается не защищаться, но признать их в себе и «жить с ними».

Последний пункт О'Туатайл[1] обосновывает ссылками на современных социологов У. Бека[2] и Э. Гидденса[3], которые предложили концепцию «общества риска» («Risikogesellschaft» у Бэка, «risk soceity» у А. Гидденса), в котором источником угрозы признается само общество и сами индивидуумы, которым необходимо защищаться не от других, но от самих себя и отбросить «безопасность» как иллюзию и ложную цель.

«Критическая геополитика», при всей справедливости некоторых содержащихся в ней замечаний, предлагает отказаться от геополитики, какой она была и остается в сознании правящих элит, и перейти к новому полю смыслов, где само существование элит и вверенных им цивилизаций (с интересами и ценностями) отрицается, власть считается распыленной по множеству более мелких акторов и общество берется как нечто глобальное, не имеющее никаких строгих границ и очертаний.

Модель общества, с которой оперируют представители «критической геополитики», является абстрактной, соответствует лишь определенным тенденциям в мировой политике, которые могут и не дойти до предельной стадии. Кроме того — и это самое главное — концепт «глобального общества» как «общества риска», в котором нет больше «другого», «внешнего врага», проистекает не из простого хаотического и «свободного» сложения малых социальных групп, отдельных индивидуумов и региональных микрокультур, которыми предлагают заниматься «критические геополи-

---

[1] *O'Tuathail G.* Understanding Critical Geopolitics: geopolitics and risk society / *Gray C.S., Sloan G.* (eds) Geopolitics, geography and strategy. London,Portland, OR: Frank Cass, 1993.С. 107 – 124.

[2] *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.:Suhrkamp, 1986.

[3] *Giddens A.* Risk and Responsibility//Modern Law Review. 1999.№ 62 (1). С. 1 – 10.

тики», но является планетарной и тоталитарной проекцией одной цивилизации — «цивилизации Моря». О'Тауатайл, Д. Эгнью и другие критические геополитики сознательно или бессознательно упускают из виду, что то общество, которое строится сегодня в глобальном масштабе и претендует на безальтернативность, есть не что иное, как реализация конкретного проекта и замысла, — атлантистского, англосаксонского, «морского». «Критические геополитики» могут позволить себе критиковать «англосаксонский империализм» потому, что он победил и теперь может быть переведен из стадии провозглашения в стадию «подразумевания». Отвергая дуализм Суши и Моря, лежащий в основе геополитики, они на самом деле добивают Сушу даже на концептуальном уровне. Море остается по факту, а вот его геополитическая альтернатива — Суша, Heartland — теряет при отказе от дуализма больше всего, перестает рассматриваться как альтернатива, и теллурократическая *геополитика-2* утрачивает шанс даже на теоретическое существование. А *геополитика-1* и ее успехи в вопросе глобализации основательно закрепляются и отныне берутся уже не в качестве проекта и задачи, но как нечто само собой разумеющееся, достигнутое и необратимо утвердившееся настолько, что об это не стоит специально и говорить.

Поэтому «критическая геополитика» О'Туатайла и Д. Эгнью остается в рамках англосаксонской атлантистской традиции и вопреки своим претензиям лишь укрепляет атлантистский империализм в его фактическом планетарном масштабе. Глобальное сообщество, к которому обращаются представители этого направления, на самом деле представляет собой «глобальный», «глобализированный» Запад. Так, по умолчанию считается, что все человечество отныне живет по правилам демократической политики, рыночной экономики, индивидуалистической этики, в космополитической среде обитания при ликвидации всех масштабных коллективных идентичностей — цивилизационных, религиозных, культурных, политических, национальных, этнических и т. д.

3.3.18. Атлантистская геополитика и ее роль в мировой политике

Подводя итог обзору *геополитики-1*, атлантистского взгляда на мир с позиции «цивилизации Моря», можно сделать некоторые выводы:

1. *Англосаксонская линия в геополитике является первичной* (Х. Макиндер, А. Мэхэн) *и центральной*. Поэтому любое знакомство с геополитикой должно начинаться именно с нее.
2. *Геополитика в англосаксонском мире оказывает решающее влияние на принятие основных стратегических решений*, лежит в основе планирования будущего, предопределяет основ-

ные модели поведения во внешней политике США и стран Запада.

3. Геополитика предполагает обязательное *глобальное видение интересов и ценностей* и, следовательно, служит основополагающим атласом для англосаксонских стран в построении системы безопасности, военном планировании и деятельности спецслужб.
4. Центры геополитической активности можно разделить на три категории:
   - *академическая геополитика* (как раздел политологии, Международных Отношений, политической географии, стратегии, истории и т. д.);
   - *геополитика неформальных клубов, центров влияния и лоббистских групп* (CFR, «неоконсы» и др.);
   - *геополитические разработки и постоянный геополитический мониторинг западных спецслужб* (в первую очередь, американских и английских — ЦРУ, РУМО, МИ-6 и т. д.).

Все они тесно взаимодействуют между собой и предопределяют структуру основных решений американского руководства и стратегию Запада в целом в ключевых вопросах международных отношений.

Роль геополитики в осмыслении, анализе, подготовке, планировании и реализации основных направлений в мировой политике — в том, что касается целенаправленных действий стран Запада, и в первую очередь, США — является центральной и обобщает в себе все основные силовые линии западной истории: идеи, культурные установки, политические теории, социальные модели, стратегические и экономические интересы.

Глава 4

ОБЗОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШКОЛ. КОНТИНЕНТАЛИЗМ, ЕВРАЗИЙСТВО

4.1. Геополитика Суши: Россия и евразийство

4.1.1. Русские и германские элементы в становлении геополитики-2

Мы рассмотрели основные направления в англосаксонской атлантистской геополитике — в *геополитике-1*. Она представляет собой взгляд на мир со стороны «цивилизации Моря», «морского могущества» и рассматривает мир как поле для укрепления и расширения зоны атлантистского контроля. В качестве главного *объекта* такой геополитики выступает ее «противоположность» — «цивилизация Суши», Heartland, Евразия, «континент».

Поскольку взгляд «цивилизации Моря» был концептуально обозначен и систематизирован в работах англосаксонских геополитиков, следовало ожидать, что «цивилизация Суши» прореагирует на этот вызов и развернет систему собственной геополитики, геополитики Суши, *геополитики-2*. Так и произошло. Однако история внесла определенные поправки в этот процесс.

С точки зрения логики геополитики первыми на вызов Х. Макиндера должны были откликнуться русские и симметрично карте Макиндера разработать геополитику Heartland'а — евразийский ответ на атлантистский вызов. Согласно логике геополитики, мы должны были бы ожидать появление русской геополитики. Но все пошло не совсем так, и первыми Х. Макиндеру ответили немцы и, в первую очередь, Карл Хаусхофер. И именно германские ученые составили теоретическую основу геополитики Суши, приняв за аксиому континентальную идентичность Германии в Европе.

Сегодня мы вынуждены объединять русское (евразийское) и германское направления геополитики в один раздел, поскольку только объединение этих двух направлений в сфере геополитики и политической географии даст нам картину, симметричную той, которую мы обозначили в области англосаксонской геополитики.

Германская континенталистская школа К. Хаусхофера разработала серьезный теоретический аппарат для геополитики Суши.

Но Heartland'ом была и остается Россия, не имеет значения какая — царская, советская или демократическая. В полноценной континентальной *геополитике-2* должны участвовать теоретические разработки и политические пространства как немцев, так и русских. Только при таком объединении мы получаем нечто более или менее сопоставимое с англосаксонской традицией, которая лишена такого дуализма: интеллектуальный центр и сами стратегические плацдармы цивилизации Моря находятся в одном и том же национальном (англосаксонском) контексте.

Двойственность германско-российского отношения к геополитике Суши предопределит структуру нашего изложения.

4.1.2. Славянофилы как мыслители «цивилизации Суши»

В русской политической мысли фактору пространственного устройства России особенное внимание уделяли философы-славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, братья К.С. и А.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин и другие). Они первыми четко сформулировали тезисы о России как о самостоятельной цивилизации, отличающейся от Европы по основным культурным, религиозным, духовным и социальным параметрам. Славянофилы описали евразийское пространство (Heartland) в культурных и социологических терминах, составив свод отличительных черт русского общества. Но описали они эти черты не столько в терминах «политической географии», сколько в формулах культуры, религии и социального устройства русского общества, суть которого, по мнению славянофилов, состояла в сохранении общинных начал в русском народе, отсутствии индивидуализма и политизации.

Славянофилам противостояли западники (П.Я. Чаадаев, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, К.Д. Кавелин и другие), отказывавшие России в самобытности и считавшие западный путь развития единственно возможным и универсальным. Если применить к этим двум направлениям русской общественно-политической мысли геополитические критерии, можно сказать, что славянофилы выступали с позиции цивилизации Суши, а западники — с позиции Моря.

Еще ближе к геополитике подошли поздние славянофилы — К. Леонтьев (1831–1891) и Н.Я. Данилевский (1822–1885).

Константин Леонтьев считал, что главной особенностью русской истории является ее *византизм*[1], т. е. следование в русле византийской православно-имперской традиции, что резко отличает русскую историю от истории других славянских народов. Леонтьев

[1] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.

развивал учение о типах исторического развития, выделив среди них: 1) «первичную простоту», 2) «цветущую сложность», 3) «всесмешение» («разлитие»). Он считал, что Россия находится на заключительной фазе второго этапа и ее надо «подморозить», чтобы не допустить всесмешения. Государство должно быть твердым «до суровости», а люди «лично добры друг к другу».

Николай Данилевский[1] впервые предложил рассматривать всемирную историю через анализ нескольких «*культурно-исторических типов*», под которыми он понимал нечто аналогичное понятию «цивилизация». В отличие от западноевропейских мыслителей, которые отождествляли собственную цивилизацию с единственно возможной, а все остальные относили к разряду «варварства», Данилевский предложил воспринимать западноевропейскую цивилизацию как *одну из цивилизаций*, как «*романо-германский*» культурно-исторический тип. При этом Данилевский выделил ряд других самобытных и вполне законченных *культурно-исторических типов*, которые основывались на совершенно *иных* началах, но обладали всеми признаками длительных и устойчивых цивилизаций. Они существовали в течение долгих веков и сохраняли свою идентичность, переживая государства и различные идеологические оформления, эпохи религиозных революций и смену ценностных систем.

Данилевский выделял 10 полноценных культурно-исторических типов (цивилизаций): 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, 10) германо-романский, или европейский.

Он считал, что в XIX—XX вв. формируется новый, одиннадцатый культурно-исторический тип — *русско-славянский*, имеющий все основные признаки цивилизации.

Н. Данилевский полагал, что цивилизации проходят этапы становления — взросления и старения, подобно живым существам. Романо-германская цивилизация, по его мнению, находится в стадии дряхления и упадка, а русско-славянский мир, напротив, только входит в силу.

Цивилизационный анализ К. Леонтьева и Н. Данилевского вплотную подходил к практике геополитического районирования земли, при которой можно было выделить отдельные регионы, находящиеся в разных стадиях развития. Западные геополитики осуществляют это чаще всего со стратегическими целями и четкими

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995.

практическими задачами, тогда как русские поздние славянофилы делали акцент на культурных особенностях. Тем не менее, поскольку геополитика включает в свой анализ культурный потенциал и вопросы социальной идентичности, труды славянофилов могут рассматриваться как предварительный этап в становлении континентальной, сухопутной геополитической традиции Heartland'а.

К поздним славянофилам примыкал известный русский этнолог и географ Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), который занимался тщательным изучением ареала греко-славянской культуры, подчеркивая ее отличие от романо-германского (западноевропейского) типа[1]. Метод В.И. Ламанского в основных параметрах воспроизводит «антропогеографический» подход Фридриха Ратцеля и поэтому может быть отнесен к области «политической географии»[2].

Ламанский в своей книге «Три мира Азийско-Европейского материка»[3] делил пространство Евразии на три части: романо-германский мир, азиатский мир и греко-славянский мир. Романо-германский соответствовал Западной Европе. Азиатский — странам Востока за пределами России. А греко-славянский он называл «средним миром», предвосхищая тем самым концепцию евразийства.

4.1.3. В.П. Семенов-Тян-Шанский: «могущественное владение» и Россия «от моря до моря»

Напрямую и последовательно обращается к «политической географии» и «антропогеографии» Ф. Ратцеля другой этнолог и географ, сын русского географа, путешественника и демографа П.П. Семенова-Тян-Шанского, Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870—1942), работу которого «О могущественном территориальном владении применительно к России»[4] можно рассматривать как одно из первых полноценных геополитических произведений в России.

В этой работе В.П. Семенов-Тян-Шанский предлагает собственную гипотезу геополитической структуры мира. Согласно его теории, цивилизации образуются вокруг трех мировых морей — Средиземного вместе с Черным, Китайского (Южного и Восточного) вместе с Японским и Желтым, и, наконец, Карибского бассейна,

[1] *Ламанский В.И.* Об истории изучения греко-славянского мира в Европе. М.; Л., 1958.

[2] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // Библиологический сборник. Т. 2. вып. 1. Петроград, 1916.

[3] *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. Прага, 1916.

[4] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Петроград, 1915.

включая Мексиканский залив[1]. От этих зон культура (в духе теории «культурных кругов») распространяется в разные стороны.

Далее, Семенов-Тян-Шанский переходит к теме «могущества». С его точки зрения, господство над всеми прилегающими территориями получает тот народ, которому удается установить политический контроль над всей береговой зоной, прилегающей к одному из трех «мировых морей».

Исторически в ходе завоевания контроля над морями сложились три специфические формы «могущественного владения», соответствующие структуре морских берегов. «На Европейском Средиземном море выработалась *кольцеобразная система*»[2]. Вторая модель связана с колониальным периодом истории Западной Европы, когда «могущественное владение» было установлено «над разбросанными по морям и океанам отдельными островами и кусками материков, связанными периодическими рейсами кораблей, военных и коммерческих»[3]. Такую модель Семенов-Тян-Шанский называет «*клочкообразной*».

Третьей моделью Семенов-Тянь-Шанский считает систему «*от моря и до моря*», что соответствует в классической геополитике как раз «континентальному типу» или «сухопутному могуществу». Россия представляет собой именно такое политически организованное пространство, и именно в таком качестве ей предстоит вступить в конфликт с остальными мировыми силами (в первую очередь с Европой), которые бьются за контроль над морями по двум другими моделям — «кольцеобразной» и «клочкообразной».

Концепт «от моря до моря» представляет собой решающий шаг к становлению русской геополитической теории. И если бы не события 1917 г. и внедрение большевиками тоталитарной марксистской идеологии, из этого труда Семенова-Тян-Шанского, наверняка, развилась бы полноценная школа русской «политической географии» и «геополитики».

Семенов-Тян-Шанский конкретизирует исторически, как Россия, растянутая по параллели, осуществляла свою «морскую политику», обеспечивая себе тем самым роль в мировой истории и статус «великой державы». Этой цели служили «*культурно-экономические колонизационные базы».*

«В России, есть, так сказать, культурно-экономические колонизационные базы в числе нескольких. Эти очаги, посылая свои лучи во все стороны, поддерживают настоящим образом прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию. Если мы взглянем на Европейс-

---

[1] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России.

[2] Там же.

[3] Там же.

кую Россию, то заметим на ее пространстве четыре таких русских базы, возникших в разные времена. Первая база — Галицкая и Киево-Черниговская земля, вторая — Новгородско-Петроградская земля, третья — Московская и четвертая — Средневолжская. Галицкая и Киево-Черниговская и Новгородско-Петроградская базы как обращенные к западным врагам приходили на продолжительное время в полный упадок, но затем снова возрождались, как феникс из пепла. Московские же и Средневолжские земли как занимавшие внутреннее географическое положение росли почти непрерывно, без длительных периодов упадка. Только благодаря этим четырем базам, давшим возможность русским твердо укрепиться до самых берегов четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую массу, которая позволила ей стать в ряды великих держав мира»[1].

Семенов-Тян-Шанский настаивает на том, чтобы и современная ему Россия продолжала свою «колонизационную» политику, расширяя свое господство на Тихом океане, в зоне Причерноморья, продолжая контролировать перспективное арктическое побережье.

И, наконец, важнейшим достижением «политической географии» Семенова-Тян-Шанского стала формулировка *евразийской сущности России*, которую позже подхватили «русские евразийцы». Это был ключевой момент в становлении русской геополитики. Осознав свою континентальную сущность, приняв свою евразийскую природу, Россия совершенно по-новому взглянула бы на мир и на те процессы, которые развиваются в мировой политике. Осознание геополитической карты мира было бы замкнутым с двух сторон — на взгляд со стороны «цивилизации Моря» (англо-саксонской *геополитики-1*) последовал бы ответный взгляд со стороны «цивилизации Суши» в форме создания *геополитики-2*, *евразийской геополитики*.

Предвосхищая появление евразийства, Семенов-Тян-Шанский пишет: «Все это приводит к тому, чтобы окончательно изменить наше обычное географическое представление о Российской Империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно не равные по площади Европейскую и Азиатскую части. Нам, более чем кому-либо на свете, *не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое* (выделено мной. — *А. Д.*)»[2].

4.1.4. И.И. Дусинский: имперские ориентации

Нечто отдаленно напоминающее геополитику можно встретить в работах русского публициста из Одессы Ивана Ивановича

---

[1] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России.

[2] Там же.

Дусинского (1879—1919). О его жизни сохранились скудные сведения. Но он оставил после себя внушительный труд «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики»[1], который отрывками публиковался в одесской газете «Русская речь» в 1908—1910 гг..

В этом труде И. Дусинский одним из первых среди русских писателей и публицистов указывает на принципиально континентальный характер России, призывает ее отказаться от слишком активного участия в западной политике и сосредоточиться на иных проблемах. Так, Дусинский пишет: «Россия — держава прежде всего континентальная, сухопутная, не имеющая заморских колоний и обладающая крайне незначительными морскою торговлею и коммерческим флотом. При таких условиях стремиться стать во главе любой из борющихся за морскую гегемонию великодержавных групп было бы просто смешно. Это не значит, разумеется, что могущественная русская держава должна отвернуться от моря и флота и перестать интересоваться им... совсем напротив, это значит, что участие России в той или иной комбинации должно преследовать, прежде всего, цели русские... и что, содействуя одной из сторон в достижении поставленной ею цели, Россия должна работать в то же время для себя»[2].

Предугадывая закон экспансии, Дусинский подчеркивает важность геополитической экспансии и имперского масштаба для органичного и уравновешенного развития России. Он указывает, что «прекращение роста раньше времени было бы явлением болезненным и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого урода»[3].

У Дусинского можно встретить и другие центральные темы континентальной геополитики — принцип «автаркии» (экономической самодостаточности, самодовления) и принцип «изменения границ».

Об автаркии Дусинский писал так: «При нашей промышленной отсталости и огромном внутреннем рынке (вспомним также, сколько разных предметов мы без всякой надобности ввозим из-за границы, имея их в изобилии у себя, подчас даже более высокого качества!) потребность во внешних рынках сбыта у нас не Бог весть как высока, да и эту потребность мы отлично можем удовлетворить вполне мирным путем, без всяких территориальных захватов»[4].

---

[1] *Дусинский И.И.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910. Книга недавно переиздана с новым названием, данным редакторами: *Дусинский М.* Геополитика России (Пути имперского сознания). М., 2003.

[2] *Дусинский И.И.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910. С. 32—22.

[3] Там же. С. 36—37.

[4] Там же. С. 49.

А об изменении границ в интересах Российской державы он заявлял следующее: «Наша внешняя политика, в общем, мирная и предпочитающая путь дипломатический, не может, тем не менее, увлекаться до самозабвения доктриною «status quo» и должна, в пределах необходимого, сознательно стремиться к желательному в интересах русской державы изменению политической карты как в Европе, так и в Азии»[1].

Со стратегической точки зрения, Дусинский настаивал на том, что Россия должна обеспечить себе выход к океанам, чтобы отстоять право играть активную роль в мировой политике. Одним словом, правы те[2], кто сегодня причисляет Дусинского к забытым именам русских мыслителей, которые накануне революции 1917 г. готовили возрождение континентального, имперского самосознания России и появление на свет русской геополитики и судьба которых окончилась трагически после узурпации идеологического дискурса большевиками.

4.1.5. «Дело геополитиков»: С.Л. Рудницкий и В.Э. Дэн

Когда советская власть начала репрессии против «буржуазных тенденций в советской науке», то вместе с репрессиями против В.П. Семенова-Тян-Шанского, энтузиаста развития Русского географического общества, занимавшего в то время должность директора Географического музея в Санкт-Петербурге, было заведено дело против группы других ученых, в чьих работах сотрудники НКВД обнаружили следы «геополитики» или, как тогда ее называли, «геттнерианства»[3]. В первую очередь под удар попал украинский географ, основатель украинской географической школы и, в частности, создатель Харьковского Украинского научно-исследовательского института географии и картографии академик Степан Львович Рудницкий[4] (1887—1937), который был признан «геополитиком» официально и работы которого действительно содержали прямые ссылки на «политическую географию» и «геополитику». При этом в случае С.Л. Рудницкого причиной преследований скорее всего послужили применение им геополитических и антропогеографических принципов в украинском националистическом

[1] *Дусинский И.И.* Указ. соч. 1910. С. 50.

[2] Например, М.Б. Смолин, составитель нового издания текстов Дусинского. См.: *Дусинский И.И.* Геополитика России (Пути имперского сознания).

[3] Альфред Геттнер (1859—1941) — выдающийся немецкий географ, разрабатывавший теорию «хорологии», т. е. качественного земного пространства, в котором элементы ландшафта объединены причинно-следственными связями. См.: *Геттнер А.* География. Ее история сущность и методы. Л—М., 1930.

[4] *Рудницький С.* Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.

ключе — он использовал определенные тезисы геополитиков для обоснования существования «незалежной Украiны»[1].

Далее НКВД расширило состав подозреваемых и сфабриковало дело агентурной разработки, получившее внутреннее название «дело геополитиков»[2]. Главным фигурантом в этом деле был Владимир Эдуардович Дэн (1867—1933), выдающийся русский экономист и географ немецкого происхождения, создатель «отраслево-статистической» научной школы в Санкт-Петербурге (Ленинграде). В.Э. Дэн на самом деле был прекрасно знаком с «политической географией» и «антропогеографией» Ф. Ратцеля и «геополитикой» Р. Челлена. Челлену он посвятил специальную статью (судя по всему, написанную в 1916 г.) с обширным анализом его взглядов[3]. Наиболее же известны его труды по «экономической географии»[4], основоположником которой в русско-советской науке он и является.

Едва ли Дэн на самом деле опирался на геополитический арсенал в своих работах, но основной его идеей, которую он раскрывал довольно последовательно, было то, что хозяйственные особенности региона связаны не только с историей, но и с их месторасположением: именно это привносило в марксистскую доктрину чуждый ей пространственный акцент. Можно предположить, чего боялись большевики в случае Дэна и его последователей. Если продлить линию его «экономической географии» до логического конца, можно прийти к выводу о том, что темпы экономического развития разных регионов, стран и государств *существенно и качественно зависят от структуры их территорий*, включая ландшафт, протяженность речных путей сообщения, климат и т. д. Но это могло бы привести к выводу, что ландшафт и география России настолько отличны от ландшафта и географии Западной Европы, что говорить об общей и единой формуле смены исторических формаций не приходится. А это, в свою очередь, подорвало бы основной тезис ленинизма о

[1] Можно упомянуть ряд других украинских авторов националистической ориентации, которые использовали в своих работах отсылки к «политической географии», «антропогеографии» и «геополитике». Это М. Грушевский, А. Синявский, Ю. Липа. См.: *Грушевський М.* На порозі нової України. К., 1991; *Липа Ю.* Призначення України. Нью-Йорк, 1953; *Синявський А.* УРСР та Близький Схід у світлі геополітики // Синявський А. Вибрані праці. К., 1993.

[2] *Чепарухин В.В.* Владимир Эдуардович Дэн — известный и неизвестный. [Электронный ресурс]. URL: ftp://ftp. unilib. neva.ru/dl/729.pdf (дата обращения 21.07.2010); Анохин А.А. В.Э. Дэн и современная экономическая география. [Электронный ресурс]. URL: http://www. ecgeo.pu.ru/doc/DEN%20and%20modern%20 social-economic%20geography. pdf (дата обращения 21.07.2010).

[3] *Дэн В.Э.* Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1, С. 26—38; Там же. 1997. Т. 129. Вып. 2. С. 28—41.

[4] *Дэн В.Э.* Курс экономической географии, Л., 1928.

том, что в России капитализм к началу XIX в. был построен и ее можно было считать вполне европейской буржуазной страной, и, следовательно, она была готова для социалистической революции, как и все остальные европейские страны. Экономическая география Дэна в таком случае могла бы оказаться важным идеологическим оружием и для критики сталинской идеи построения социализма в одной стране.

Конечно, социализм можно было построить в одной стране, и он был построен, но это был особый *русский социализм*, основанный на географических, антропогеографических и геополитических особенностях России как уникального пространства, отличного по своим основным параметрам от Европы. В этом случае пришлось бы либо пересматривать марксизм в национальном ключе (что и предлагали национал-большевики[1]), либо отбрасывать ленинизм и сталинизм как насилие над марксистской ортодоксией (что предлагали троцкисты).

И хотя ничто не позволяет предположить, что Дэн хотя бы отдаленно мог иметь в виду нечто подобное, ревнители советской идеологии довольно проницательно распознали эту идеологическую возможность и жестко заклеймили «геополитику» как «буржуазную» и «фашистскую» науку.

Школа Дэна была разгромлена, многие его ученики расстреляны (Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский), пропали в лагерях (В.М. Штейн), были доведены до самоубийства (Г.А. Мебус) [2]. С тех пор вплоть до 1991 г. сам термин «геополитика» в СССР не упоминался и обращение к этой научной дисциплине было невозможным. Так развитие геополитической мысли в СССР было искусственно пресечено на 60 лет по идеологическим соображениям.

4.1.6. Русская «военная география» на подступах к геополитике: Д.А. Милютин и А.Е. Снесарев

Прежде чем перейти к ядру русской геополитики — евразийству — представим краткий очерк стратегических идей некоторых русских военных деятелей, которые пришли к определенным геополитическим заключениям через исследования в области «*военной географии*».

О стратегическом положении России в мире в XIX в. стали всерьез систематически задумываться некоторые российские военные, осмысливавшие стратегическое положение России как положение «континентальной» державы. К ним принадлежал граф

[1] *Дугин А.Г.* Русская вещь: В 2 т. М.:Арктогея-центр, 2000.

[2] *Чепарухин В.В.* Владимир Эдуардович Дэн — известный и неизвестный.

Д.А. Милютин[1] (1816 —1912), крупнейший русской военачальник, отличившийся в Кавказской войне и руководивший, в частности, взятием аула Гуниб, в котором был захвачен Шамиль. Милютин настаивал на расширении сферы исследования военной географии и на адаптации стратегических работ европейских исследователей к русской стратегической культуре и российским географическим условиям.

Еще ближе к геополитике и «политической географии» подошел другой русский военный, генерал-лейтенант А.Е. Снесарев (1865—1937). После Октябрьского переворота 1917 г. он перешел на сторону Советской власти, во время Гражданской войны в мае—июле 1918 г. был руководителем Северо-Кавказского военного округа, в 1919—1921 гг. — начальником Академии Генштаба. В 1930 г. он был арестован и приговорен к расстрелу, но расстрел заменили отбыванием срока в лагерях.

А.Е. Снесарев систематизировал знания по «военной географии»[2] и, будучи великолепным знатоком Востока (в частности, Афганистана[3]), на практике понимал значение «Большой Игры», ведущейся Британской и Российской Империями за влияние в Азии и на Кавказе. По свидетельствам некоторых исследователей, Снесарев был буквально одержим планом русского вторжения в Индию через Афганистан для нанесения сокрушительного удара по позициям Британских колоний. Это был план, которого больше всего боялись английские стратеги и геополитики. Решение русского царя поддержать Антанту и свернуть «Большую Игру» стало для Снесарева личной трагедией. Все, что он думал о русско-английском договоре, он внятно и резко изложил в книге «Англо-русское соглашение 1907 года»[4]. Эта антианглийская позиция стала причиной его опалы в царской армии.

Значение идей Снесарева чрезвычайно велико, т. к. даже его выбор политического лагеря в гражданской войне определялся «геополитическими» принципами. Он выбрал «красных», т. к. «белые» сохраняли верность Антанте, а Англию Снесарев справедливо считал «абсолютным врагом России». Показательно, что на фронтах гражданской войны по ту сторону баррикад в Украине, где Снесарев устанавливал «Советскую власть», в то же самое время находился Хэлфорд Макиндер, пытавшийся осуществить прямо противоположное тому, к чему стремился Александр Снесарев.

---

[1] *Милютин Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.

[2] *Снесарев А.Е.* Военная география России. СПБ, 1910; *Он же*. Введение в военную географию. М.,1924;.

[3] *Снесарев А. Е.* Афганистан. М.: Русская панорама, 2002.

[4] *Снесарев А. Е.* Англо-русское соглашение 1907 г. СПб. 1908

В своих работах А. Снесарев подробно рассматривает структуру границ России и основные направления возможной территориальной экспансии. В своем классическом труде «Военная география» он делает обзор российских территориальных приобретений, которые в цифрах дают очень любопытную картину постоянного пространственного роста. Снесарев пишет:

«Выразим теперь в цифрах ряд приобретений, о которых приведена краткая историческая справка. При Иоанне III территория России заключала в себе 37 тыс. кв. миль (95 829 кв. км), т. е. была немногим больше Австрии, но меньше Германии, Турции и т. д.

Затем:

Царем приобретено	**т. кв. миль**	**кв. км.**
Василием III	10	25 899
Иоанном IV	77	199 429
Феодором I	32	82 879
Михаилом	93	249 869
Алексеем	7	18 129
Феодором II	8	20 719
Петром I	10	25 899
Анной	16	41 439
Елизаветой	4	10 359
Екатериной II	11	28 489
Павлом I	25	64 749
Александром I	9	23 309
Николаем I	40	103 599
Александром II	13	3 669
Александром III	4	10 359
ИТОГО:	359	929 805

Мы видим, что за 400 лет Россия увеличилась в 10 раз. Приведенный исторический очерк показывает, что на западе наши завоевания велись за счет наших культурных соседей — Швеции и Польши, имевших длинную историю, в свое время равных нам по могуществу и даже превосходивших нас просвещением. Естественно, что наш успех должен был сказаться как у шведов, так особенно у поляков чувством обиды, зависти и злобы. В случае будущей войны на северо-западном и западном фронтах старая вражда может проявиться в тех или иных формах, для нас невыгодных, и это обстоятельство должно быть учтено известным образом в случае войны на указанных фронтах.

На юге мы выросли за счет Турции и Персии, двух мусульманских стран, уступающим нам и в культуре, и в военном могуществе; здесь поэтому мы вправе ожидать вражду, значительно смягченную сознанием слабости той и другой страны перед нами.

Наконец, в Азии мы наткнулись или на полудикие племена, или на народы с очень неустойчивой государственностью. Наше завоевание азиатов явилось для них простой заменой прежней жестокой власти, а в иных случаях и безначалия, новой гуманной и более просвещенной. В результате, азиатские народы охотно вступили в состав России и искренно к нам расположены»[1].

По сути, эти практические наблюдения А.Е. Снесарева демонстрируют действия геополитического закона территориальной экспансии применительно к России.

4.1.7. А.Е. Вандам: на стороне Континента

Еще одной яркой фигурой русской до-геополитики, предугадавшей основы континентальной стратегии для России, был представитель русской разведки Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (1867—1933), тексты которого собраны и обработаны относительно недавно в книге с не слишком удачным названием «Геополитика и геостратегия»[2], т. к. сам автор ни понятия «геополитика», ни понятия «геостратегия» не использовал. Но, скорее всего, Вандам был знаком со многими английскими источниками, а, возможно, и с базовой статьей Х. Макиндера.

Основная идея всех произведений Вандама заключалась в том, что главным и абсолютным противником России является Британская империя, что именно она стоит за всеми политическими, дипломатическими и военными процессами, которые ведут к ослаблению России. Вандам столкнулся с англичанами в Китае, где занимался разведывательной деятельностью. В 1899 г. он принял участие в англо-бурской войне на стороне буров, после чего сменил фамилию на «Вандам» по имени одного из бурских генералов, отличившихся в битвах против англичан.

Решение Николая II о союзе с Англией против Германии стало для Вандама ударом, жестким и неожиданным, таким же, как и для А. Снесарева. Вандам открыто критиковал этот выбор и считал его самоубийственным для России (что позднее так и оказалось).

Вандам в духе «политической географии» Ф. Ратцеля писал о естественном для народа движении к расширению и считал, что в русской стратегии главными векторами экспансии должны быть юг и восток. На юге надо закрепить позиции России на Кавказе и в Афганистане, а Тихоокеанский регион Вандам считал судьбой России и возможностью через его освоение вступить в глобальную конкуренцию с англосаксонским миром. Как Англия построила

[1] *Снесарев А.Е.* Военная география России. С. 28—29.

[2] *Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002.

свое мировое могущество на Атлантике, так и Россия должна сделать то же самое на основе тихоокеанского бассейна. Вандаму принадлежит один из лучших очерков освоения русскими Аляски и западных территорий Северо-Американского континента[1].

В своей важной работе 1913 года «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)»[2] Вандам прямо формулирует то, что можно назвать «континентальной позицией».

«Об этой «титанической борьбе между Русскими и англосаксами, долженствующей начаться после падения Германии и наполнить собою двадцатое столетие», уже много лет назад (...) начали вещать англосаксонскому миру даровитейшие ученые и глубочайшие мыслители, указывающие как на «знамение свыше» на постепенное перемещение *центра борьбы* между Океанской Империей и Континентом. Находившийся сначала на берегу Атлантического океана, в Мадриде, центр этот с падением Испании передвинулся в Париж. С поражением Франции он из Парижа перешел в Берлин, а из Берлина, по мнению наших сегодняшних друзей, направится к Москве...

Само собою понятно, что совершающееся таким образом, точно по какому-то космическому закону, отступательное движение сухопутных народов с запада на восток никогда не было и не могло быть написано заранее ни в какой «Книге Судеб».

Своими неизменными успехами над материком даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, т. е. своим большим и точным знаниям, определенной постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всем этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми лишь с одной рутиной подчиненными»[3].

Эти заключительные слова следовало бы сделать эпиграфом для русского учебника «Геополитики». Вандам совершенно точно описал основные процессы в области геополитических знаний. Англосаксонский мир действует в глобальных вопросах последовательно, уверенно, четко, рассчитывая каждый шаг и отлаживая свою стратегию, нисколько не сомневаясь в ее оправданности. Россия (да и другие континентальные народы), в свою очередь, на всем протяжении ее истории постоянно мечется от правильного решения к неправильному, действует интуитивно, сумбурно и бессис-

---

[1] *Вандам А.Е.* Наше положение // Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. С. 19.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 183–184.

темно, постоянно попадаясь в ловушки западной (англосаксонской) дипломатии. Как вершина западной стратегической мысли была разработана англосаксонская геополитика. И к ней прислушивались высшие представители политической элиты, сообразуя с геополитическими рекомендациями свои решения. В России голос трезво мыслящих стратегов не достигал ушей ни власти, ни общества, и поэтому ее политический курс — при огромном потенциале великой страны — постоянно и хаотично менялся.

Это заключение Вандама полностью применимо к тому, что произойдет через 4 года после опубликования этого текста — в 1917 г. Российская империя рухнет. Но не менее точно эти слова применимы и к следующему катастрофическому эпизоду русской истории — к распаду СССР в 1991 г.

От своих континентальных убеждений Вандам не отказался и в период «гражданской войны». Он оказался редчайшим представителем антибольшевистских сил, которые предпочли быть вместе не с Антантой, но с немцами. В октябре – ноябре 1918 г. Вандам выполнял функции командира Отдельного Псковского добровольческого корпуса. В тот период в Пскове печатали особые деньги, которые назывались «вандамками». После поражения Германии в Первой мировой войне Вандам сложил с себя обязанности командира корпуса.

В июне 1919 г. он был назначен начальником штаба «белой» Северо-Западной армии. Участвовал в неудачном наступлении на Петроград в октябре 1919 г. 25 ноября 1919 г. приказом нового командующего Северо-Западной армией генерала П. В. Глазенапа Вандам был уволен с должности начальника штаба армии. До конца жизни — в 1933 г. — Вандам прожил в эмиграции в Эстонии, был членом РОВС.

По одной из непроверенных версий он сотрудничал с советской военной разведкой (чего заведомо нельзя исключить, учитывая германофилию самого Вандама и большевиков).

4.1.8. Евразийство: новая мировоззренческая парадигма

Наиболее успешную попытку построения стройной системы геополитических воззрений проделали, находясь в белой эмиграции в Европе, представители группы, вошедшей в историю под названием «евразийцев».

Основателями евразийства были: филолог и лингвист мирового масштаба, основатель (совместно с Р.О. Якобсоном) Пражского лингвистического кружка князь Н.С. Трубецкой (1890 – 1938); географ и экономист П.Н. Савицкий (1895 – 1965); музыковед, литературный и музыкальный критик П.П. Сувчинский (1892 – 1985); историк культуры, богослов и патролог, позднее отошедший от евра-

зийства, Г.В. Флоровский (1893—1979); крупнейший русский историк Г.В. Вернадский (1877—1973); правовед, политолог и историк общественной мысли Н.Н. Алексеев (1879—1964); историк культуры, литературовед и богослов В.Н. Ильин (1891—1974). Первоначально к евразийству примыкали также историк культуры, филолог и литературовед П.М. Бицилли (1879—1953), публицист кн. Д.П. Святополк-Мирский (1890—1939), историк Эренжен Хара-Даван (1883—1942), а также многие другие деятели русской эмиграции, которые в тот или иной период находились под влиянием евразийских идей и сотрудничали с евразийским движением. По своим взглядам был близок к евразийству великий князь Владимир Кириллович Романов.

Евразийское движение началось с выпуска книги «Европа и человечество»[1] Николаем Трубецким, на основные тезисы которой откликнулся Петр Савицкий. Из дружбы и сотрудничества двух авторов постепенно сложилось довольно мощное движение в белой эмиграции — на выступлениях евразийцев в европейских столицах собиралось до 5000 человек, преимущественно из числа эмигрантской молодежи. Евразийцы выпустили ряд манифестов, в которых отразили свои взгляды. Первым был манифест «Предчувствия и свершения»[2] (1921). В 1926 г. был опубликован текст «Евразийство (опыт систематического изложения)»[3], а в 1927 г. евразийцы предложили обновленную формулировку своих идей, выпустив брошюру с названием «Евразийство (формулировка 1927)»[4]. Принципы евразийства как мировоззрения изложил в своей программной статье «Мы и другие»[5] Н.С. Трубецкой в 1925 г., а затем П.Н. Савицкий в статьях «Евразийство»[6] (1925) и «Евразийство как исторический замысел» [7] (1933).

Евразийцы опубликовали ряд сборников: «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922) «Евразийские временники» (Берлин, 1923, 1925; Париж, 1927) и т. д., в которых подробно изложили свои философско-исторические, политические, социально-экономические и религиозно-культурные взгляды.

Евразийство представляет собой направление, которое суммировало и систематизировало в своем мировоззрении основные фи-

---

[1] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.:Аграф, 1999.

[2] Предчувствия и свершения // Основы евразийства. М.:Арктогея-центр, 2002. С. 103—106.

[3] Евразийство (опыт систематического изложения) // Там же. С. 106—165.

[4] Евразийство (формулировка 1927) // Там же. С. 166—179.

[5] *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Там же. С. 180—194.

[6] *Савицкий П.Н.* Евразийство // Там же. С. 266—280.

[7] *Савицкий П.Н.* Евразийство как исторический замысел // Основы евразийства. С. 281—294.

лософские, социологические и исторические взгляды «ранних» и «поздних» славянофилов, а также пошло дальше них в отторжении Запада и утверждении самобытного характера русской цивилизации (в этом они были ближе к Леонтьеву и Данилевскому, нежели к Киреевскому и Хомякову). Евразийцы утверждали, что Россия не является частью европейской культуры, пусть даже самобытной, но представляет собой самостоятельную цивилизацию, «государство-мир». Эту цивилизацию они назвали «евразийской» и, чтобы подчеркнуть эту особенность, ввели термин «*Россия-Евразия*» как социологическую и геополитическую категорию. Эта цивилизация, согласно евразийцам, состоит из элементов западной и восточной культур, объединенных в единый уникальный синтез, представляющий собой нечто совершенно новое — ни Европу, ни Азию, но и не простую комбинацию того и другого. Россия-Евразия — цивилизация полностью самостоятельная и уникальная, которую надо рассматривать саму по себе — как нечто отличное и от Запада, и от Востока. При этом евразийцы подчеркивали, что Запад агрессивен, а Восток терпелив и созерцателен, поэтому влияние Запада активно искажает самобытную русскую культуру, а влияние Востока осуществляется мягче и деликатнее. Поэтому евразийцы с симпатией относились к Азии и жестко отвергали все типы западничества и идеологические субпродукты западной культуры — либерализм, индивидуализм, расизм, экономизм, материализм, атеизм, техноцентризм и т. п.

При этом евразийцы подчеркивали, что *Россия-Евразия* не должна пониматься просто как страна. Множество этносов и культур, населяющих ее территорию, образуют сложный узор, каждый элемент которого — славянский, тюркский, кавказский, монгольский, палеоазиатский и т. д. — должен найти достойное место в процессе, который Трубецкой называл «общеевразийским национализмом»[1]. Россия-Евразия есть *государство-мир*, и она должна строиться по особым выкройкам, не похожим ни на европейские, ни на азиатские образцы.

4.1.9. Н.С. Трубецкой: евразийство и структурализм

Тот факт, что основателем евразийства был крупнейший лингвист с мировым именем Николай Сергеевич Трубецкой, основатель фонологии и одна из ключевых фигур в структурной лингвистике XX в., не является случайным совпадением. В мире Н.С. Трубецкой известен как структуралист, а о его евразийских взглядах известно только узким специалистам. В то же время евразийское

[1] *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Основы евразийства. С. 200—207.

мировоззрение связано со структурализмом самым прямым образом. И тот факт, что К. Леви-Стросс, крупнейший философ-структуралист XX в. и основатель структурной антропологии, был обращен в структурализм Романом Якобсоном, другом и сподвижником Трубецкого, и вдохновлялся именно трудами Пражского лингвистического кружка, где Трубецкой играл центральную роль, указывает на глубинную связь двух явлений — структурализма и евразийства, которая до сих пор никем не исследована должным образом.

В основе структурной лингвистики лежит различие между *языком* и *словом, речью, высказыванием.* Согласно структурным лингвистам, именно язык определяет смысл высказывания, в то время как классическая лингвистика в духе «номиналистской» философии рассматривала смысл слова из его соотношения со значением, т. е. с тем предметом или явлением внешнего мира, на которое слово (знак, послание) указывает. Смысл содержится не в мире объектов, внешнем для говорящего человека, но в глубинных структурах языка, в его парадигмах. И поэтому каждая лингвистическая общность, объединенная языком, имеет дело со своим особым миром, с особой вселенной смыслов. Эти смыслы выражаются в речи, и благодаря им речь становится понятной. Значение же (внешний объект, на который указывает высказывание) вторичен по отношению к «осмысленной речи» и может варьироваться в разных исторических ситуациях, тогда как семантическое ядро понятия остается прежним.

Язык как парадигма остается неизменным, меняются речи. Но неизменность языка обосновывает семантическую непрерывность на разных стадиях развития языка, гарантирует то, что мы имеем дело с тем же самым языком, хотя его речевые выражения изменяются.

Из начал структурной лингвистики легко выводятся основы евразийского мировоззрения. Язык отождествляется с цивилизацией как парадигмой общества. Эта парадигма остается неизменной в своих корнях, и именно она делает исторические изменения общества *осмысленными высказываниями*, а не набором случайных и разрозненных событий. Речью же или высказыванием является каждый конкретный момент в истории общества, который может быть оспорен, преодолен или, наоборот, подтвержден и сохранен последующими моментами истории — другими высказываниями. При этом смысл всех высказываний следует искать в языке, т. е. в цивилизации, в ее неизменной парадигме. Исторические события представляют собой развертывание парадигмальных смыслов, а не совокупность пустых «объективных» фактов, принадлежащих внешнему (по отношению к обществу) миру. Главное в истории — смысл. Если смысл события не очевиден или вообще отсутствует, то

такое событие не будет историческим, оно пройдет незамеченным. А если у какого-то смысла не будет «материального» выражения в событии, то общество спроецирует его на какое-то другое имеющееся событие или просто «придумает» и создаст его.

Из такого подхода к обществу и цивилизации следует несколько фундаментальных основ евразийского мировоззрения, сформулированного Н.С. Трубецким.

1. *Исторические и социальные события имеют смысл только в том обществе, в котором они происходят.* Поэтому есть не «цивилизация» в единственном, но «цивилизации» во множественном числе, и каждая из них представляет собой самостоятельную парадигму, придающую исторический смысл всему, что происходит с этим обществом и внутри этого общества. Любые претензии на «универсальность» толкования истории есть не что иное, как «колониализм» и «расизм», т. е. стремление навязать другим народам и обществам те смыслы, которые им чужды, т. к. основаны на иной цивилизационной парадигме. Отсюда вытекает второй принцип евразийского мировоззрения.
2. *Претензии западноевропейской культуры на универсальность и нормативность для всего человечества несостоятельны и должны быть отвергнуты человечеством.* Западная культура отражает логику становления романо-германского мира, и эта логика применима только в границах этого мира — там, где западноевропейская парадигма исторически сложилась. Запад использует свои успехи в материальной сфере для закрепления своего колониального господства, которое выражается на двух уровнях — через физическое и силовое порабощение народов и стран и через навязывание всем остальным культурам своей собственной цивилизационной модели в качестве общеобязательной нормы, «общечеловеческих ценностей». С этим надо бороться всеми силами и методами, т. к. «Запад» и его универсализм есть угроза человечеству и попытка лишить человечество многообразия его парадигм, языков и цивилизаций.
3. *Доминирующий в западноевропейской культуре взгляд на историю и время отражает только синтагматический уровень анализа высказывания и упускает из виду парадигмальный* (как это имеет место в классической неструктурной лингвистике). Отсюда берет начало «миф о прогрессе», предполагающий, что каждый последующий шаг развития человеческого общества (под «человеческим» имеется в виду «западное» или аналогичное ему) совершеннее, полнее и лучше предыдущего, а предыдущий этап и его значение либо полностью перетекают в последующий, либо снимаются и более не представляют интереса. Бытие полностью принадлежит времени и является

функцией от него. Вместо этого евразийцы считали необходимым рассматривать общество в его неподвижном и неизменном — структурном — основании, которое только и дает смысл его развитию, позволяет осознать его логику. Как только исследователь выходит на парадигмальный уровень анализа, тут же оказывается, что в обществах *доминируют циклы* (как это показал Н. Данилевский, а позже О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин). Поэтому «прогресс» является лишь социальным мифом, а не научным принципом и на практике служит укреплению позиций западной цивилизации в глобальном масштабе. Поэтому евразийцы заявляли о необходимости особого внимания к консервативным, неизменным, постоянным элементам в обществе — религии, этносу, языку, культуре, обычаям, традициям, обрядам и т. д. — которые, как правило, игнорируются или порицаются «прогрессистами».

4. *Россия есть самодостаточная парадигма, обеспечивающая смысл русской истории, а не просто «речь», высказанная на основе европейской культуры*. Русская цивилизация самостоятельна и самодостаточна, имеет свою логику, свою циклическую структуру и именно в таком качестве должна быть утверждена, расшифрована и освобождена от колониальных претензий Запада — и силовых, и духовных. Западные и восточные влияния не являются основополагающими для этой парадигмы, т. к. она является самобытной и самостоятельной, и в этом смысле ее и следует назвать «*евразийской*».

Эти философские принципы лежат в основе евразийства и впервые прямо обозначены в трудах Н.С. Трубецкого. Связь их со структурной лингвистикой очевидна. Отношение к России, к Западу, к плюральности культур, к древности и наследию старины вытекают отсюда сами собой, равно как и интерпретационная модель для осмысления фактов и событий близкой и далекой истории.

Евразийское мировоззрение, сформулированное Н.С. Трубецким, является:

— *плюральным* (признающим множественность культур);
— *антирасистским и антиколониальным* (отвергающим претензии какой-то одной цивилизации на превосходство);
— *антизападным* (т. к. претензии на универсальность на практике в наше время исходят именно от романо-германского мира);
— *консервативным* (признающим вечные смыслы, заложенные в глубинах народной культуры, в языке, этносе, традиции и т. д.);
— *имперским* (считавшим, что этносы Евразии могут развивать свою идентичность только в составе мощного стратегически интегрированного образования «государства-мира» или « Евразийской Империи»);

— *русофильским* (настаивающим на сохранении, укреплении и возрождении самобытности и традиций русского народа);
— *революционным* (требующим отказа от предшествующих идеологий, преобладавших в России: как западнических и импортированных — либерализма, социализма, марксизма, так и собственно российских — царизма, реакции, сословной монархии и т. д.).

4.1.10. Лингвист и географ: судьбоносная встреча парадигмы с пространством

Если Н.С. Трубецкой сформулировал основные философские принципы евразийства, опираясь на интуиции структурной лингвистики и филологии, то его единомышленник, сподвижник и друг П.Н. Савицкий был профессиональным *географом* и рассматривал евразийство в первую очередь с точки зрения пространства.

Очень важно подчеркнуть профессиональные интересы двух основателей евразийства. Структурная лингвистика Трубецкого строится вокруг идеи *неизменности языка* как той глубинной инстанции, которая предопределяет смысл высказываний, оставаясь в целом не зависящей от этих высказываний, постоянной, «вечной». Структурная лингвистика отрицает исключительность последовательного, синтагматического анализа речи, развернутого во временной или логической последовательности. В сфере структурной лингвистики акцент падает именно на неподвижное и неизменное, что берется как своего рода методологическая антитеза «времени». Логично предположить, что образом антитезы времени является «пространство»: во времени события развертываются последовательно, пространство же одновременно, синхронично во всех его частях. Поэтому парадигма структурной лингвистики тяготеет к пространственному, синхроническому выражению.

Профессиональный географ Савицкий имел дело именно с пространством. Но он воспринимал пространство в духе «антропогеографии» и геополитики: пространство, которым он занимался, является качественным, наполненным *смыслами*. Здесь происходит глубинная смычка филолога с географом. Трубецкой, будучи структуралистом, сосредоточен на неизменной парадигме, дающей смысл и тяготеющей к *пространственной* формализации (как антитезе синтагме и времени); Савицкий, будучи географом, ищет в пространстве смыслы. Оба горячие русские патриоты, преданные своему народу, своей стране и своей культуре, но волею судеб оказавшиеся в эмиграции, вдали от Родины, в обществе и цивилизации, которая была им глубоко чужда и в которой они видели истоки многих бед России.

Именно из подобного личного, научного, политического, идейного и исторического опыта рождается *евразийство* — уникальная политическая философия, занимающая особое место в истории политических идей русского общества.

4.1.11. П.Н. Савицкий: Россия как «срединная империя»

П.Н. Савицкого можно считать первым полноценным русским геополитиком, т. к. структура его работ и мышления органично соответствует именно геополитическому пониманию мировых процессов. Весьма показательно, что Савицкий признал себя именно «евразийцем», т. е. осознанно принял геополитическую идентичность «цивилизации Суши», которую Х. Макиндер противопоставил «цивилизации Моря». Евразийство в своем принципе основано на геополитическом видении мира и в полной мере признает его дуализм. Англосаксонский мир (евразийцы называли его несколько старомодно «романо-германским», вслед за Данилевским) осмыслялся ими как угроза, враг и конкурент, а его претензии на универсальность — как вызов. Русскую же цивилизацию они мыслили не только в рамках российской государственности, но собственно геополитически — как мировое пространство, диктующее на уровне стратегии, культуры, социальности разворачивающиеся в нем исторические события. Евразийство — мировоззрение геополитическое. Более того, любая последовательная геополитическая теория, разработанная в России и от имени России, с признанием геополитической идентичности России, может быть только и исключительно евразийской. Любые попытки предложить для России какую-то другую геополитику, кроме евразийской, рано или поздно провалятся, обнаружат свою несостоятельность. Геополитически Россия есть Евразия, Heartland, Суша и «цивилизация Суши». И против нее выстроена вся структура атлантистской геополитики, *геополитики-1*. Но именно это и утверждали открыто и обоснованно русские евразийцы, создавшие идейную, теоретическую и научную базу для русской геополитики и геостратегии. И основная роль в этом принадлежала именно Петру Николаевичу Савицкому, отцу-основателю русской геополитики.

Тексты Савицкого, прямо посвященные геополитике, немногочисленны, но достаточны для того, чтобы служить основой для дальнейшего развития этой науки.

Основная идея Савицкого заключается в том, что Россия представляет собой особое цивилизационное образование, определяемое через качество «срединности». Одна из его статей «Географические и геополитические основы евразийства» (1933) начинается

такими словами: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «Срединным Государством»[1].

Если «срединность» Германии ограничивается европейским контекстом, а сама Европа есть лишь «*западный мыс*» Евразии, то Россия занимает центральную позицию в рамках всего континента. «Срединность» России для Савицкого является основой ее исторической идентичности. Она не часть Европы и не продолжение Азии. Она — самобытный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, Россия-Евразия.

«Евразия» в таком контексте означает не материк и не континент, но *идею,* отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму, особую цивилизацию. С русского полюса Савицкий выдвигает концепцию, строго тождественную геополитической картине Х. Макиндера. При этом абстрактные «разбойники суши» или «центростремительные импульсы, исходящие из географической оси истории», приобретают у него четко выделенный абрис русской культуры, русской истории, русской государственности, русской территории.

Если Х. Макиндер считает, что из пустынь Heartland'а исходит механический толчок, заставляющий береговые зоны («внутренний полумесяц») творить культуру и историю, то Савицкий утверждает, что Россия-Евразия (= Heartland Макиндера) и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени. При этом природа России, ее ландшафт соучаствуют в ее культуре.

Россию Савицкий понимает геополитически, не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляющих славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Все вместе складывается в некое уникальное «срединное» образование.

Знакомство с системой взглядов Макиндера Савицкий обнаруживает в статье «Континент-океан»[2] 1921 года, посвященной экономическим аспектам России, в которой он оперирует с понятиями «морской» и «континентальный», применительно к развитию экономики России. В ней он противопоставляет «морскую» и «континентальную» ориентацию, жестко настаивает на том, что «не в обезьяньем копировании «океанической» политики других, во многом к России неприложимой, но в осознании «континентальности» и в приспособлении к ней — экономическое будущее России»[3].

---

[1] *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. С. 297.

[2] *Савицкий П.Н.* Континент-Океан // Основы евразийства. С. 305—323.

[3] Там же. С. 323.

4.1.12. Туран как концепт

Отвержение западноевропейского полюса, «цивилизации Моря» заставляет евразийцев пересмотреть привычные принципы русской исторической науки XVIII—XIX вв., находившейся под полным влиянием Европы: негативное отношение к Азии, азиатской культуре и в том числе к периоду монгольских завоеваний. Уже Трубецкой под псевдонимом «И.Р.» пишет программную работу «Наследие Чингисхана»[1], где переосмысливает роль монголов в русской истории и период существования Руси под властью Золотой Орды.

Эту тему подхватывает Савицкий, который утверждает, что благодаря Золотой Орде Россия обрела геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира. Так постепенно евразийцы приходят к реабилитации Турана как особого цивилизационного и геополитического концепта.

«*Без татарщины не было бы России».* Этот тезис из статьи П.Н. Савицкого «Степь и оседлость»[2] стал важным элементом евразийской доктрины. Отсюда прямой переход к чисто геополитическому утверждению: «Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений тот же дух, то же ощущение континента»[3].

И далее: «Россия наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии. (...) В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия»[4].

Фундаментальную двойственность русского ландшафта, ее деление на Лес и Степь заметили еще славянофилы. У Савицкого геополитический смысл России-Евразии выступает как *синтез* этих двух реальностей — европейского Леса и азиатской Степи (подробнее эта тема развита в трудах другого евразийца и геополитика — Г.В. Вернадского). При этом такой синтез не есть простое наложение двух геополитических систем друг на друга, но нечто цельное, оригинальное, обладающее своей собственной мерой, смысловой и ценностной системой.

---

[1] *И.Р. (Н.С. Трубецкой).* Наследие Чингис-хана. Берлин, 1925. См. также: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.:Аграф, 2000. С. 223—292.

[2] *Савицкий П.Н.* Степь и Оседлость // На Путях: Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. С. 341—356.

[3] Там же.

[4] Там же.

Туран мыслился как «другое», «враждебное» всей Средиземноморской цивилизацией. Греки считали эти территории, Великую Скифию, зоной, населенной варварами и дикарями. Иранцы построили на дуализме Иран/Туран модель сакральной географии, где «демонизация» Турана и его населения была важным полюсом[1]. В сакральной географии Библии зона Евразии считается областью правления эсхатологических персонажей «орд Гога и Магога» (Рош, Мешех и Фувал) [2]. Зоны, расположенные к северу от Великой Китайской стены, считались «населенными демонами» и в китайской культуре. Так, взгляд на Туран традиционно из области «береговой зоны» (Rimland) был строго негативным. Евразийцы предлагали пересмотреть это отношение и принять «туранскую» идентичность как вектор геополитической судьбы.

Это точно совпадает с базовой моделью Макиндера, который считал основой «цивилизации Суши» именно зону кочевых пространств внутри континента как источник основных «сухопутных» энергий.

4.1.13. «Месторазвитие» как философский концепт

В теории П.Н. Савицкого важнейшую роль играет концепция «*месторазвития»*.

В этом понятии сказывается «органицизм» евразийцев, точно соответствующий немецкой «органицистской» школе и резко контрастирующий с прагматизмом англосаксонских геополитиков. В тексте «Географический обзор России-Евразии» Савицкий настаивает: «Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт»[3].

Это и есть сущность «месторазвития», в котором *объективное и субъективное сливаются в неразрывное единство*, в нечто целое. Это концептуальный синтез. В том же тексте Савицкий продолжает: «Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию»[4].

Это и есть самое точное и глубокое определение «*качественного пространства*», где предметы объективного мира неразрывно объединяются с культурными смыслами, составляя некое единое целое. Отталкиваясь от концепта «месторазвития», можно двигать-

---

[1] Эта тема ярко отражена в знаменитой эпической поэме Фирдоуси «Шах-наме». См.: *Фирдоуси А.* Шах-наме. М.:Художественная литература, 1972.

[2] Иезикииль 38:1—3.

[3] *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.:Аграф, 1997.

[4] Там же.

ся как в сторону семантики, философии, лингвистики (язык, парадигма), культурологии, социологии и политологии, так и в сторону физической географии, климатологии, изучения ландшафта. А. Геттнер в своих «хорологических» исследованиях[1] нащупывал именно это направление, которое со всей силой и ясностью дало о себе знать у П.Н. Савицкого в его евразийских работах.

«Месторазвитие» — фундаментальная евразийская идея, не получившая, к сожалению, должного осмысления. Она представляет собой важнейший эвристический инструмент для разрешения ряда философских проблем — отношения субъекта к объекту, пространства ко времени, культуры к природе. Основная философская топика западноевропейской культуры устроена таким образом, что всегда постулирует крайние параметры — «это» и «другое», «человек» и «мир», «Бог» и «творение», «внутреннее» и «внешнее» и т. д., т. е. начинает с выявления и конституирования крайностей. При таком подходе человек (как субъект) всегда оказывается противостоящим среде (как объекту); время течет отдельно и независимо от пространства и т. д. В концепте «месторазвития» Савицкий нащупал уникальный философский путь обойти эту неснимаемую двойственность и поставить акцент на *промежуточной инстанции* — на том, что находится *между*. *Между* культурой и природой, человеком и окружающей средой, пространством и временем и не как продукт комбинации элементов того и другого, но как нечто первичное, самостоятельное и автономное. «Географический индивидуум» Савицкого — это ландшафт, выражающий себя через личность, пространство, несущее в себе события (т. е. историю, время), природа, проявляющая себя через культуру. Поиском этой промежуточной инстанции занимались величайшие умы XX в., осознавшие тупик западноевропейской дуалистической рациональности — М. Хайдеггер[2] («Dasein»), К.Г. Юнг[3] («коллективное бессознательное»), Ж. Дюран[4] («имажинэр»), К. Леви-Стросс[5] («структура») и т. д.

«Месторазвитие» следует поместить в разряд именно таких революционных понятий, как Dasein, «коллективное бессознательное», «структура», «имажинэр» и т. п., заставляющих радикально иначе взглянуть на мир, человека, природу, личность, пространство

---

[1] *Hettner A.* Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927.

[2] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010; *Он же.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

[3] *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

[4] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.:Академический проект, 2010.

[5] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

и время. Тогда весь заложенный в нем смысловой потенциал — экзистенциальный, психологический, культурологический — развернется с полной силой. Увы, такой работы никем не проделано, и чрезвычайно плодотворная идея Савицкого осталась на уровне интуиции, зафиксированной в самом общем приближении.

Тем не менее на принципе «месторазвития» Савицкий строит евразийскую теорию, которая фундаментализирует идею Трубецкого о множественности культур и цивилизаций. Каждая культура есть продукт особого «месторазвития», и поэтому ее надо интерпретировать, отталкиваясь от ее собственной структуры, от общего постижения «географического индивидуума», без чего мы упустим в ней главное. «Месторазвитие», таким образом, выступает как семантическая матрица, как парадигма, как географически понятый и пространственно, и исторически локализованный язык.

На основании этой концепции П.Н. Савицкий утверждает, что «Россия-Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум», одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. п. «ландшафт»[1]. При этом Россия-Евразия является интегрирующей формой существования для многих других, более локальных, «месторазвитий».

Через понятие «месторазвитие» евразийцы уходили от позитивистской необходимости аналитически расщеплять исторические феномены, раскладывая их на механические системы применительно не только к природным, но и к культурным явлениям. Апелляция к «месторазвитию», к «географическому индивидууму» позволяла избежать слишком конкретных рецептов относительно национальных, расовых, религиозных, культурных, языковых, идеологических проблем. Интуитивно ощущаемое всеми жителями «географической оси истории» геополитическое единство обретало тем самым новый *синтетический язык*, не сводимый к неадекватным, фрагментарным, аналитическим концепциям западного рационализма.

В этом также проявилась преемственность Савицкого славянофильской интеллектуальной традиции *холизма*, всегда тяготевшей к осмыслению «цельности», «всего» (А.С. Хомяков), «соборности» (И.В. Кириевский), «всеединства» (В. Соловьев)[2] и т. д.

4.1.14. К.А. Чхеидзе: «государства-материки»

Параллельно П.Н. Савицкому о геополитике и ее методах заговорил другой активный участник евразийского движения, офицер

---

[1] *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.:Аграф, 1997.

[2] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии.

Дикой дивизии Константин Александрович Чхеидзе (1897—1974). Чхеидзе пишет отдельный программный текст, посвященный геополитике: «Из области русской геополитики»[1], где пытается сформулировать основные принципы этой дисциплины применительно к историческим условиям России. Чхеидзе дает определение геополитике как дисциплине, которая имеет дело с исключительно конкретным материалом и занимается вопросами развития государственных образований в связи с естественными, природными условиями их местонахождения. Согласно Чхеидзе, геополитика есть учение о жизни государственных образований в связи с их месторазвитием. Здесь мы видим стремление сочетать идеи Ф. Ратцеля, Р. Челлена и К. Хаусхофера с интуициями П.Н. Савицкого.

Как все классические геополитики, Чхеидзе пытается осмыслить связь истории с территорией, времени с пространством и приоритет отдает пространству и территории, которые несут в самих себе «события» как свое внутреннее содержание,открывающееся только в определенный момент истории.

В этой же работе Чхеидзе говорит о преобладании в геополитике России двух тенденций по одной и той же оси — «центр» — «периферия». В одну сторону идет центростремительная тенденция (русификация), в другую сторону то, что он называет «окраинизацией», т. е. ослаблением централистского начала регионализмом вплоть до сецессии, автономизации и сепаратизма. Задача евразийской власти, по Чхеидзе, — уравновесить эти тенденции, найти пропорцию, при которой стратегическое единство не будет конфликтовать концептуально со стремлением к утверждению окраинных идентичностей. Надо заметить, что геополитическая проблема, поставленная Чхеидзе, до сих пор остается наиболее актуальной, применительно к внутренней геополитике современной России: это поиск формулы, гармонично сочетающей русификацию и окраинизацию, т. е. централизм и евразийское разнообразие этнических идентичностей. Показательно, что сам Чхеидзе, будучи этническим грузином и сторонником русской Империи, в своей личности воплощает оба начала, верность геополитическому единству и этническое своеобразие. Все это делает его политическое и интеллектуальное наследие тем более актуальным именно сегодня.

В тексте «Лига Наций и государства-материки»[2] Чхеидзе рассматривает другую фундаментальную проблему геополитики, которую он формулирует как «*государство-материк*». Государство-материк рождается, по Чхеидзе, через сложный цивилизационный

---

[1] *Чхеидзе К.А.* Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев, 1931.

[2] *Чхеидзе К.А.* Лига Наций и государства-материки //Евразийская хроника. 1927. Выпуск VIII. Париж.

процесс, в котором складывается духовное и материальное единство, которое он определяет как «*общность судьбы*». Об общности судьбы славянских и тюркских народов в свое время, задолго до появления евразийства, говорил видный деятель татарского просвещения Исмаил Гаспринский[1] (1851—1914).

«Государство-материк» есть цивилизация, осознанная не только культурно, но и *политически, социально, стратегически*. Чхеидзе в духе Хаусхофера выделяет пять формирующихся на наших глазах государств-материков, соответствующих пан-проектам:

— пан-европейский;
— пан-американский;
— пан-азиатский;
— пан-исламистский;
— пан-евразийский миры.

Геополитические идеи К.А. Чхеидзе полностью гармонируют с евразийским и континенталистским геополитическим подходом и в этом смысле актуальны вплоть до сегодняшнего дня, занимая важное место в неоевразийском синтезе.

4.1.15. Г.В. Вернадский: Начертание русской истории

Среди участников евразийского движения особо выделяется крупнейший русский историк XX в., сын академика В.И. Вернадского (1863—1945) Г.В. Вернадский. Он эмигрировал из России в 1920 году. Оказался в Праге, потом в США. Стал профессором Йельского университета, читал курсы лекций в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах.

Г.В. Вернадский полностью принял евразийское мировоззрение и посвятил жизнь переосмыслению русской истории в евразийском ключе, результатом чего стал монументальный труд «История России» в 5 томах[2]. История России анализируется Вернадским через представление о России как о самостоятельной евразийской цивилизации, как о «цивилизации Суши», движущейся к своему пространственному и историческому апофеозу, состоящему в интеграции территорий Heartland'а. В своих работах Г.В. Вернадский основывается на геополитике и антропогеографии, но уже переосмысленных в сугубо русском, евразийском духе, что делает его труды уникальными.

Основные идеи своего туда Г. Вернадский высказал в ранней работе, которая может считаться кратким курсом всех его исторических представлений. Она носит название «Начертание русской

[1] *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания. Бахчисарай, 1896.

[2] *Вернадский Г.В.* История России: В 5 т. Москва; Тверь: Аграф; Леан, 2004.

истории»[1] и является обобщенной схемой геополитической интерпретации русской истории.

Книга начинается с вполне евразийского определения России-Евразии. «Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный Материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии. Географически этот мир может быть определен как система великих низменностей-равнин (беломорско-кавказской, западно-сибирской и туркестанской)»[2].

«Срединный Материк» — это *месторазвитие*, особый концепт, с которым оперирует евразийская мысль. Он и является субъектом истории, действуя через культуру (народ, государство, общество) и через природу (географический ландшафт, климат, почвы) в уникальном и неразрывном единстве.

Русскую историю Вернадский видит как сложный диалектический диалог двух частей «Срединного Материка» — *Леса* и *Степи*. В древности восточные славяне, селившиеся вдоль рек северной Лесной зоны Среднерусской возвышенности, были периферией кочевых империй Степи. Можно сказать, что тогда преобладала Степь.

Создание Киевской государственности означало обретение Лесом самостоятельности и политическую организацию пространства Леса в автономную систему. При этом некоторые эпизоды древней истории Руси показывают, что и первые князья, объединив Лес, стали предпринимать походы на Степь с целью распространения на нее своего влияния. Таковы походы князя Олега Киевского и особенно Святослава, разгромившего Хазарский каганат и установившего власть над обширными прикаспийскими территориями и частью Северного Кавказа. Новые волны степных кочевников (половцев) отбросили русских назад в зоны Леса.

Монгольские завоевания означали триумф Степи, которая интегрировала в себя Лес. В улусе Джучиевом (Золотой Орде) постепенно наметился синтез между Степью (монголы, тюрки) и Лесом (славяне, финно-угры).

В Московском царстве в XV в. Лес снова освобождается, интегрируется и постепенно начинает устанавливать свой контроль над Степью в пространстве бывшей Золотой Орды. С этого периода происходит синтез Леса и Степи, и Московское Царство, а позже Российская Империя наследуют и укрепляют синтез Леса и Степи, основывая особую цивилизацию, завершая то, что было предначертано в самой географии Евразии — ее континентальный масштаб «от моря до моря» (В.П. Семенов-Тян-Шанский).

---

[1] *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

[2] Там же.

Согласно Вернадскому, СССР с геополитической точки зрения является прямым наследником Российской Империи и очередной ступенью евразийской цивилизации (месторазвития) или «цивилизации Суши» к исполнению континентальной миссии.

Так между всеми этапами русской истории устанавливается смысловая и геополитическая преемственность, являющаяся выражением пространственной миссии той инстанции, которую Савицкий назвал «географическим индивидуумом». Все поколения русских людей и других народов, входящих в обширную зону евразийской цивилизации, оказываются носителями «общей судьбы», состоящей в интеграции *России-Евразии* как *государства-мира*.

4.1.16. Лев Гумилев: этногенез и ландшафт

В полном согласии с евразийством были выстроены теории выдающегося русского историка Льва Гумилева (1912—1992), жившего в СССР в очень сложных условиях: он неоднократно подвергался репрессиям, а его самобытные евразийские идеи, слабо соответствовавшие официальной советской идеологии, был вынужден развивать и распространять почти «подпольно».

На Л.Н. Гумилева евразийство оказало решающее мировозэренческие воздействие, и в течение всей жизни он сохранял ему верность: в своих последних интервью и текстах он открыто называл себя «последним евразийцем»[1].

Идеи Гумилева чрезвычайно разнообразны и широко известны, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем. Важно лишь отметить, что в основе его представлений об «этногенезе» лежит сугубо евразийская концепция «месторазвития», предполагающая существование «*географической личности*» (П.Н. Савицкий). Сам Гумилев этот термин не использовал, но говорил о «вмещающем ландшафте», о неразрывном единстве человеческого общества (этноса) и пространства, в котором оно пребывает. Представление о живом и качественном пространстве предопределяет всю структуру работ Гумилева. Наиболее подробно совокупность его воззрений представлена в книге «Этногенез и биосфера земли»[2]. В ней Гумилев описывает исторические циклы появления, расцвета и исчезновения различных этносов и связывает этапы этих циклов с окружающей средой — климатом, изменениями в орошении, качестве почв и даже с фазами солнечной активности. Для Гумилева важно показать, что человек не является отстраненным субъектом,

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Заметки последнего евразийца//Наше наследие. 1991. № 3; *Он же.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1995. С. 31—54.

[2] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.

существующим по своей, независимой от природы, программе. Человек и общество суть части единого процесса жизни, где все строго взаимосвязано — культурное и природное, социальное и биологическое, интеллектуальное и телесное. Здесь Гумилев строго следует за евразийским представлением о «парадигмальном пространстве», являющемся матрицей смыслов.

От евразийцев Гумилев заимствует и глубокую симпатию к Турану и кочевым культурам Евразии, предопределяющую его «тюркофилию». Гумилев посвятил истории кочевых и, в частности, тюркских этносов несколько объемных трудов, сделав открытыми и привлекательными такие страницы истории, о которых конвенциональная историография, пристально сконцентрированная на событиях европейских народов, и не подозревала. Именно с этим связано и переосмысление Гумилевым эпохи «монгольских завоеваний», которые он отказывался называть «игом», полагая, что благодаря Золотой Орде и социальным принципам «Ясы» Чингисхана великороссы усвоили традиции имперостроительства, сохранили православную идентичность и впоследствии построили мировую империю. Так же, как и первые евразийцы, Гумилев жестко критиковал санкт-петербургский период русской истории, считая, что с этого момента русское общество раскололось на две составляющие, — прозападную элиту и замкнувшиеся сами на себя массы, — каждая из которых постепенно выработала автономную культуру, диссонирующую друг с другом. Образованное сословие русского дворянства смотрело на Россию европейскими глазами и из-за этого не смогло понять логики собственной истории. Только отойдя на определенную дистанцию от Запада и глубже исследовав восточные влияния в русской истории, можно понять ее самобытную логику.

Гумилев исходил из аксиомы ценности и величия самобытной русской культуры, был горячим русским патриотом и сторонником укрепления российской державы. При этом, как и евразийцы, он стоял по ту сторону «белых» и «красных», полагая, что рано или поздно любая власть осознает «пространственную судьбу» России и будет вынуждена укреплять континентальную евразийскую державу, какой бы идеологией она ни прикрывалась.

Так же, как и евразийцы, Гумилев придерживался циклического видения истории и отвергал идеи однонаправленного прогресса, считая, что все общества развиваются по-разному и находятся в разных моментах своего становления. Западную Европу Гумилев видел как заканчивающую свой цикл и клонящуюся к неумолимому закату, а России предрекал «золотую осень» эпохи расцвета культуры и искусств.

Л. Гумилев никогда напрямую не упоминал о «геополитике», и это неудивительно, т. к. он прожил всю жизнь в СССР, где сам этот

термин рассматривался как «крамола». Поэтому в его работах прямых ссылок на геополитику и геостратегию нет. В то же время, будучи прекрасным знатоком евразийства, он внимательно изучал «политическую географию» и «антропогеографию» Ф. Ратцеля и «хорологию» А. Геттнера, влияние которых на его собственные теории бесспорно. Корректное и осторожное соотнесение идей и воззрений Гумилева с областью геополитики, возможно, помогло бы понять часть его мировоззрения, которая в силу исторических условий осталась за кадром и не была внятно артикулирована им самим. Однако здесь надо поступать очень деликатно и не приписывать Гумилеву того, что он не думал, не писал и не говорил. Полезнее взвешенно соотнести его идеи с тем, что нам известно о евразийстве и геополитике, и это, безусловно, обогатит наше представление и об идеях самого Гумилева, и о евразийстве и его внутренней логике, и о структуре геополитической науки и методологии.

* * *

На этом мы прервем рассмотрение тех направлений в русской мысли, которые могут с большей или меньшей степенью приближения быть отнесены к области геополитики, а обобщение относительно русской геополитической школы сделаем позже, после того, как рассмотрим основные теории второго направления в *геополитике—2*, *«цивилизации Суши»* — германского и европейского.

4.2. Геополитика Суши: Германия и европейский континентализм

4.2.1. Предшественники германской школы геополитики: Ф. Ратцель и Ф. Науманн

Германская школа геополитики имеет свое собственное теоретическое основание в традициях немецкой географии, и особенно в традициях «политической географии» Ф. Ратцеля, а также в работах шведа Р. Челлена, который, в свою очередь, вдохновлялся именно идеями Ф. Ратцеля. Значение Ф. Ратцеля для геополитики является фундаментальным, т. к. геополитика вырастает из его «политической географии» и «антропогеографии» как их обобщение, развитие и практическое приложение к политическому анализу и планированию и вместе с тем как углубление и кристаллизация ряда принципов и интуиций этих дисциплин.

Концерции Ратцеля мы уже разбирали в этой книге. Здесь следует упомянуть еще одного автора, который, не относясь напрямую

к геополитикам, вместе с Ратцелем в значительной степени повлиял на становление геополитики в Германии. Это Фридрих Науманн (1860—1919), представитель либерально-протестантского направления, с сильным националистическим уклоном, известный тем, что ввел в научный и политологический оборот концепцию «Средней Европы» (Mitteleuropa). В своей книге с одноименным названием «Средняя Европа»[1] Ф. Науманн дал геополитический диагноз баланса сил на европейском пространстве, совпадающий в общих чертах со взглядами Р. Челлена. С его точки зрения, для того, чтобы выдержать конкуренцию с такими организованными геополитическими образованиями, как Англия (вместе с ее колониями), США и Россия, населяющие Центральную Европу народы должны объединиться и организовать новое интегрированное политико-экономическое пространство. Осью такого пространства должны стать немцы.

Проект «Средней Европы»[2] («Mitteleuropa») в отличие от сугубо «пангерманистских» проектов, был не националистическим, но именно геополитическим проектом, где основное значение придавалось не этническому единству, а общности географической судьбы народов. Проект Науманна подразумевал интеграцию Германии, Австрии, придунайских государств и в далекой перспективе Франции.

Геополитический проект подтверждался и культурными параллелями. Сама Германия как органическое образование отождествлялась с культурным понятием «Mittellage», «срединное положение».

Еще в 1818 г. Э.М. Арндт (1769—1860) провозгласил: «Бог поместил нас в центре Европы; мы (немцы) — сердце нашей части света. Поскольку мы в центре, все остальные народы Европы пытаются нас отодвинуть и смыть нас отсюда. Силы всего мира хотят найти свое отдохновение в центре»[3].

4.2.2. Фридрих фон Лист: автаркия больших пространств

Еще одним важнейшим автором, предопределившим контуры германской геополитики, был экономист Фридрих Лист (1789—1846). *По аналогии с тем,* как теория Адама Смита стала применением к сфере хозяйства идей Джона Локка, Ф. Лист превратил философские интуиции теории «закрытого торгового государства»

---

[1] *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin:Reimer,1915.

[2] *Brechtefeld J.* Mitteleuropa and German politics. New York, 1996; *Stirk Peter* (ed.) Mitteleuropa. History and prospects. Edinburgh, 1994.

[3] *Arndt Ernst M.* Über Volkshass und über den Gebrauch einer fremden Sprache (1813) // Arndt Ernst Moritz. Schriften für und an meine lieben Deutschen. Erster Theil. Leipzig, 1845.

Г. Фихте в стройную экономическую теорию, получившую название теории «*автаркии больших пространств*».

Ф. Лист долгое время жил в США[1], где имел возможность пристально изучить американскую экономическую систему, основанную на широком применении протекционистских мер. По своим убеждениям Лист был либералом, и идея «автаркии больших пространств»[2], в своем практическом выражении повторяющая выводы Фихте, пришла к нему в ходе эмпирических наблюдений за состоянием экономик европейских держав, особенно Англии и Германии. На определенном этапе своего анализа американский опыт протекционистских мер в международной торговле стал для него ключевым теоретическим пунктом.

Проанализировав применение либеральной теории на практике, Лист сделал вывод, что повсеместное установление принципа свободной торговли, максимальное снижение пошлин и предельная рыночная либерализация на практике усиливают то общество, которое давно и успешно идет по рыночному пути, экономически и политически ослабляя и подрывая то общество, которое имело ранее иную хозяйственную историю и вступило в рыночные отношения с более развитыми странами, когда его внутренний рынок находился в зачаточном состоянии. Исторически Лист имел в виду наблюдения за катастрофическими последствиями для слаборазвитой, полуфеодальной Германии XIX в. некритического принятия либеральных норм рыночной торговли, навязываемых Англией и ее немецкими лоббистами.

Лист поместил либеральную теорию в конкретный исторический национальный контекст и пришел к важнейшему выводу: вопреки претензиям этой теории на универсальность она отнюдь не так научна и беспристрастна, как хочет казаться. *Рынок — это инструмент, функционирующий по принципу обогащения богатого и разорения бедного, усиления сильного и ослабления слабого*. Таким образом, Лист впервые указал на *необходимость сопоставления рыночной модели с конкретными историческими обстоятельствами*, т. е. перевел всю проблематику из теоретической сферы в область конкретной политики.

Лист предложил ставить вопрос следующим образом: мы не должны решать: «рынок или не рынок», «свобода торговли или несвобода торговли». Мы должны выяснить, какими путями развить рыночные отношения в *конкретной* стране и *конкретном* государстве таким образом, чтобы *при соприкосновении с более развитым в рыночном смысле миром не утратить политического могу-*

---

[1] *List F.* Mittheilungen aus Nord-Amerika. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1829.

[2] *List F.* Das nationale System der politischen Ökonomie. Stuttgart;Tübingen, 1841.

щества, хозяйственного и промышленного суверенитета и национальной независимости.

И Ф. Лист дал ответ на этот вопрос. Этим ответом явилась его знаменитая теория «*автаркии больших пространств*». Лист совершенно справедливо посчитал, что *для успешного развития хозяйства государство и нация должны обладать максимально возможными территориями, объединенными общей экономической структурой.* Только в таком случае можно добиться начальной степени экономической суверенности.

Для этой цели Лист предложил объединить Австрию, Германию и Пруссию в единый «*таможенный союз*», в пределах которого будут интенсивно развиваться интеграционные процессы и рыночные отношения. При этом он настаивал на том, чтобы внутренние ограничения на свободу торговли в пределах союза были минимальны или вообще отменены (либеральный принцип). Однако по отношению к более развитому и могущественному англосаксонскому миру, напротив, должна существовать гибкая и крайне продуманная система пошлин и таможенных тарифов, не допускающая зависимости «союза» от внешних поставщиков и ориентированная на максимально возможное развитие промышленно-хозяйственных отраслей, необходимых для обеспечения полной автаркии. Вопрос экспорта был предельно либерализован и полностью соответствовал принципам «свободы торговли». Импорт при этом подчинялся стратегическим интересам стран «таможенного союза» («Zollverein»)[1]: второстепенные и не обладающие стратегическим значением товары и ресурсы допускались на внутренний рынок беспрепятственно. Одновременно, пошлины на все, что могло бы привести к зависимости от внешнего поставщика и создавало бы тяжелые условия конкуренции для отечественных отраслей, напротив, искусственно и централизованно завышались.

Самым важным у Листа является историко-географическая и политическая коррекция «либерального универсализма», привязка экономической ситуации к конкретному политическому и таможенному *пространству*. Тем самым Лист предвосхитил «экономическую географию» и заложил основы геополитического отношения к экономике.

В мировой истории идеи Ф. Листа были (с успехом) применены в Германии в 1834 г. (создание «таможенного союза»), позднее его теориями вдохновлялись граф Сергей Юльевич Витте, Вальтер Ратенау и Владимир Ленин в период НЭПа.

---

[1] Лист был издателем регулярного журнала «Листок Таможенного Союза» в течение 1843 – 1849 годов. См.: Das Zollvereinsblatt. Stuttgart; Augsburg:Cotta; Rieger, 1843 – 1849.

4.2.3. Карл Хаусхофер и геополитика-2

Полноценный и развернутый, системный теоретический ответ англосаксонской геополитике Х. Макиндера (*геополитике-1*) со стороны «цивилизации Суши» был дан не русской школой, а германской. И связана эта инициатива, в первую очередь, с Карлом Хаусхофером (1869—1946), с которым часто и ассоциируется «геополитика» у тех, кто поверхностно знаком с предметом. К. Хаусхофер не был ни изобретателем геополитики, ни ее наиболее видным теоретиком. Основные фундаментальные формулировки и методологии были предложены Х. Макиндером и развиты именно англосаксонской атлантистской школой. Поэтому лавры первенства в сфере начального развития геополитики безусловно принадлежат англичанам и американцам. Но значение Хаусхофера для геополитики достаточно велико потому, что он внимательнее всего отнесся к тезисам Макиндера, воспринял их всерьез, признал безоговорочно геополитическую топику и взялся за огромное дело создания «геополитики-2», т. е. за формулировку теоретического и обоснованного *ответа* Макиндеру со стороны *континента*, «цивилизации Суши». Конечно, и в русской среде, как мы видели, существовали авторы, которые осознавали необходимость построения альтернативной, континентальной, сухопутной геополитики, и евразийцы являют здесь наиболее яркий, глубокий и внушительный пример (тем более что им удалось выстроить целую политическую философию, основанную на геополитическом понимании России в ее исторических и географических границах). Но задачи создания стройной геополитической системы они перед собой не ставили. Никто из них не задумывался о создании полноценной сухопутной геополитической школы. Эту миссию взял на себя К. Хаусхофер и оказался в этом качестве на передовой в «великой войне континентов», взявшись за масштабное предприятие построения теоретически и научно обоснованной «*геополитики-2*».

Мы уже отмечали, что геополитика как дисциплина критически зависит от позиции *наблюдателя*, от качества и внутренней структуры «геополитического субъекта». Поэтому для построения «*геополитики-2*», или полноценного описания ситуации с позиции «цивилизации Суши», недостаточно просто перевернуть пропорции макиндеровской схемы. Необходимо признать культурные, духовные и философские последствия, которые предполагаются таким выбором, встать на сторону Суши как континента смыслов. В этом деле у русских евразийцев и немецких геополитиков были разные задачи. Русские евразийцы должны были ясно осмыслить те цивилизационные ценности, которые являлись историческими константами русской истории (и в этом качестве были органически

присущи русским) и внятно их изложить. Для немцев, выбравших континентальную позицию в противовес англосаксонской геополитике, требовалось вначале совершить трудный выбор между Морем и Сушей, между одной системой ценностей и другой, между двумя цивилизациями — ведь «береговое» расположение Германии относительно структуры всего евразийского материка оставляло решение открытым: по отношению к России Германия была «Европой» и «Западом», т. е. «берегом», а по отношению к Англии и США — «континентом», «Сушей» и, в каком-то смысле, «Востоком».

Хаусхофер должен был сделать выбор. В целом он его и совершил, и выбор был сделан в пользу «цивилизации Суши». Но определенные колебания не покидали его до самого конца, и, будучи ответственным геополитиком, он никогда не исключал возможности *атлантистской переориентации* Германии (с чем, вероятно связана эпопея с перелетом Рудольфа Гесса, ученика, конфидента и приемного сына Хаусхофера, через Ламанш в Англию в самый разгар Второй мировой войны). Но в любом случае вклад Хаусхофера в геополитику является весьма значительным, и тот уровень геополитической теоретизации, который он достиг, является беспрецедентным для этой дисциплины.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 г. в профессорской семье. Он решил стать профессиональным военным и прослужил в армии офицером более двадцати лет. В юности он поступает в баварский офицерский корпус в чине младшего лейтенанта. За свою военную карьеру он пройдет ее почти до самых вершин — от лейтенанта до генерала.

Интеллектуальное становление Хаусхофера проходит под знаком классических текстов по военной стратегии, военной географии и «политической географии». Он усердно исследует труды Ф. Ратцеля, которого считает своим идейным учителем и вдохновителем.

В 1908—1910 гг. Хаусхофер отправляется в Японию в качестве германского военного атташе. Здесь он знакомится с семьей японского императора и с высшей аристократией. Имперская Япония произвела на Карла Хаусхофера огромное впечатление, которое не стерлось до конца жизни. В японской культуре Хаусхофер нашел чрезвычайно близкие ему черты: воинские ценности, идеалы верности и чести и самое главное — традиционное для Японии понимание пространства как «живой среды», сочетающей в себе свойства природы и культуры, полной живых сил, духов. В этой пространственной среде не существовало четких границ между минералом и растением, между политикой и стихией, между природой и культурой. Такое понимание пространства и среды послужило тому, что Япония — единственная страна, где для термина «геополитика» су-

ществует собственное название[1] — «chiseigaku», что дословно означает «учение о живой земле»[2].

Это понятие прекрасно соответствовало термину «Lebensraum» Ф. Ратцеля и обозначало не просто «пространство для проживания», но «пространство жизни» и даже «живое пространство, «пространство как форму жизни», что близко евразийскому термину «месторазвитие». На основе представления о «живом пространстве» императорская Япония планировала перераспределение сфер влияния в Тихоокеанском регионе, где она столкнулась с «морским могуществом» Великобритании и США. Структура японского общества, несмотря на островное положение, была совершенно сухопутной и континентальной, и именно осмысление собственно японского пространства, полностью интегрированного и политически, и социально, подвигло японцев к тому, чтобы мыслить в категориях регионального центра силы. Так в тихоокеанском ареале повторялся мотив противостояния континентальной сухопутной Японии и «цивилизации Моря» в лице англосаксонских держав, их колоний и сателлитов.

Первые свои книги К. Хаусхофер посвящает Японии[3]. Позже он приступает к систематизации геополитических знаний, выступает с лекциями и радиовыступлениями, начинает выпускать журнал «Zeitschift für Geopolitik», работает над атласами и картами, разграничивая территории по базовому геополитическому принципу зон.

Обобщения своих многочисленных работ он публикует в книгах «Фундамент геополитики»[4], «Границы в их географическом и политическом значении»[5], «Геополитика пан-идей»[6] и др. С Хаусхофером тесно сотрудничает плеяда молодых ученых, разрабатывающих отдельные направления бурно развивающейся геополити-

---

[1] К. Хаусхофер в 1916 г. после знакомства с трудами Р. Челлена пытался предложить немецкое название для этой дисциплины — Erdmachtkunde, т. е. дословно «учение о власти земли», но быстро отказался от этого неологизма.

[2] Термин ввел в оборот в 1925 г. профессор Нобуйуку Иимото, первый японский геополитик, и подхватил Ичигоро Абе, популяризировавший эту науку в политических и научных кругах Японии. См.: *Iimoto N.* Iwayuru chiseigaku no gainen/ Chirigaku Hyoron 1928. 4:76—99; *Abe I.* Chiseigaku nyumon. Tokyo: Kokon-Shoin, 1933.

[3] *Haushofer K.* Dai Nihon. Betrachtungen über Gross-Japans Wehrschaft und Zukunft. Berlin:E.S. Mittler, 1913; *Idem.*Das japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, Seidel, 1921; *Idem.* Geopolitik des pazifischen Ozeans. Studien über die Wechselbeziehungenzwischen Géographie und Geschichte. Berlin: Kurt Vowinckel Verlag, 1925.

[4] *Haushofer K.* Bausteine fur Geopolitik. Berlin: K. Vowinkel, 1928.

[5] *Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Berlind;Heidelgerg: K. Vowinckel, 1927.

[6] *Haushofer K.* Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin:Zentral, 1931.

ческой науки — Эрих Обст (1886–1981)[1], Отто Маулль (1887–1957)[2], Фритц Хессе[3] (1881–1973), старший сын Карла Хаусхофера Альбрехт Хаусхофер[4] (1903–1945), позднее участвовавший в покушении на Гитлера и казненный гестапо, и др.

В 1920-е гг. Хаусхофер пересекается с Гитлером и его окружением, а Рудольф Гесс становится его последователем и учеником. Исследователи расходятся в том, насколько большое влияние Хаусхофер оказал на Гитлера, но сам факт их сотрудничества весьма негативно повлиял позже на всю геополитику как науку. В любом случае идеи Хаусхофера относительно «цивилизации Суши» и фактически созданная им континентальная геополитика («геополитика-2»), жестко расходились с политической практикой Гитлера — особенно в том, что касалось нападения на СССР. Если Хаусхофер и поддержал войну с Англией, т. к. это вписывалось в идею противостояния континентальных и морских держав и соответствовало геополитическим взглядам самого Хаусхофера, то нападение на СССР он воспринял негативно. Поразительна та смелость (и наивность), с которой Хаусхофер уже в 1941 г., накануне нападения нацистской Германии на СССР, писал о необходимости континентального блока «Берлин—Москва–Токио» как пути к достижению мирового господства «цивилизации Суши» за счет окончательного поражения англосаксонской «цивилизации Моря»[5]. В ней он однозначно выступает с позиции евразийства и утверждает: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа — немцы и русские — всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: эта аксиома европейской политики»[6]. Хаусхофер прекрасно осознавал значение Heartland'а и, соответственно, неизбежность альянса с Россией, кем бы она ни возглавлялась политически (даже если не очень симпатичными Хаусхоферу большевиками). Для Хаусхофера «Drang nach Osten», вторжение в СССР означали крах Германии, в чем он оказался совершенно прав. Гитлер нарушил «*аксиому европейской*

---

[1] *Obst E.* Grossraumidee in der Vergangenheit und als tragender politischen Gedanke unserer Zeit. Breslau, 1941.

[2] *Maull O.* Politische Géographie. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1925; *Idem.* Das Wesen der Geopolitik. Leipzig: B.G. Taubner,1941

[3] *Hesse F.* Das gesetz der wacshende Raume/Zeitschrift fuer Geopolitik. 1924. 1 Jg. C. 1–10.

[4] *Haushofer A.* Allgenaeine politische Geigraphie und Geopolitik (1944 unveroffentlicht). Heidelberg, 1951.

[5] *Haushofer K.* Der Kontinentalblock. München: Eher, 1941. Русский перевод *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.:Арктогея-центр, 2000. С. 825–835.

[6] *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 835.

политики» и вполне закономерно оказался виновником гибели Германии, триумфа «цивилизации Моря» и, в конечном счете, фатально ослабил позиции «цивилизации Суши».

После разгрома Рейха Хаусхофер выступает на Нюрнбергском процессе по делу Рудольфа Гесса, но Гесс, симулируя амнезию, его не узнает. В 1946 г. по официальной версии К. Хаусхофер покончил жизнь самоубийством, пережив крах своих надежд на возрождение Германии как оплота «цивилизации Суши» и на триумф той науки, которой он отдал всю свою жизнь. Для него все было потеряно политически, идеологически и даже в научном смысле, а контакты Хаусхофера с нацистами, хотя и довольно отдаленные (Нюрнбергский трибунал не признал за ним никакой вины) совершенно не заслуженно бросили на геополитику тень, от которой этой дисциплине приходится отмываться до сего времени.

4.2.4. «Большое пространство»: фундаментальный концепт геополитики

Основным пунктом геополитики Карла Хаусхофера можно считать развитие теории Ф. Ратцеля о «*жизненном пространстве*», с расширением этого концепта до формулы «*большое пространство*» — «Grossraum». Для динамично развивающегося народа, считал Хаусхофер вслед за Ратцелем, необходима территориальная экспансия, пределы которой обуславливаются вопросами стратегической безопасности, наличием природных ресурсов, географическим ландшафтом местности, этносоциологической и этнокультурной структурой населения, факторами экономической географии.

Концепция «большого пространства» (Grossraum) лежит в основе всей геополитики как таковой и признается всеми ее школами и направлениями. Различия начинаются там, где мы сталкиваемся с определением структур этого «большого пространства», инстанций контроля над ним, его конкретной конфигурации. Но значение Хаусхофера для геополитической науки состоит в том, что он концептуализировал термин «большое пространство», сделав его ключевым.

История всех народов и государств знает периоды территориального расширения. Это исторический и геополитический закон. В разных исторических контекстах это проходит по-разному и под разными идеологическими, политическими и экономическими предлогами (религиозными, колониальными, торговыми, ресурсными, стратегическими и т. д.). Но все они имеют общую геополитическую структуру, которую и следует изучать. Во имя чего и для чего происходит территориальная экспансия — второстепенно, надо обратить внимание на сам процесс и его постоянное повторение в истории, настаивает Хаусхофер. Поэтому следует вынести

это в самостоятельный закон и придать ему автономное значение. Вначале следует изучить сам процесс расширения, динамику зон влияния, методы, которыми это достигается, а затем рассматривать те идеологические и политические формы, которыми это расширение оправдывается.

Этому принципу геополитики Хаусхофера соответствует общий стиль геополитического мышления, который мы легко узнаем как в англосаксонской геополитике (с ее стратегическими проектами увеличения зоны влияния и контроля «цивилизации Моря»), так и у русских «политических географов» (Семенова-Тян-Шанского с его моделью «от моря до моря») и евразийцев (государство-мир).

В других терминах этот закон геополитики можно сформулировать так: *всякий живой народ и активное общество тяготеют к безграничной экспансии, установление пределов которой в связи с внешними и внутренними причинами составляет сущность мировой истории*. Расширение, экспансия, конституирование «большого пространства» (Grossraum) не имеет внешней цели. Экспансия осуществляется не для чего-то, но сама по себе, как выражение жизненного импульса, и лишь постфактум для ее оправдания подыскиваются рациональные предлоги. В этом состоит «пространственный смысл» как таковой: *пространство стремится быть объединенным*, интегрированным независимо от того, во имя чего и под каким предлогом оно объединяется. Этнос, общество, политическое образование, уловившие это «пространственное послание», в дальнейшем становятся великими державами, империями, мировыми могуществами.

Все остальные принципы геополитики Хаусхофера вытекают из этой фундаментальной, трудной для выражения, но принципиальной для геополитики как науки идеи.

4.2.5. Континентализм, автаркия, подвижные границы

Из главного закона «большого пространства» вытекают остальные моменты геополитической теории Хаусхофера. Он полностью принимает дуализм Макиндера «Суша-Моря» (т. е. основную топику геополитики) и однозначно встает на сторону Суши. Тем самым он конкретизирует, какое «большое пространство» он считает «своим» и от имени чего он выступает. Его взгляд на мир есть взгляд *континентальный*, взгляд со стороны Суши, то, что Макиндер назвал «Landsmans point of view». Исходя из этого принципа, строится вся геополитическая система Карла Хаусхофера, которую можно с некоторой долей приближения отнести (в нашей классификации) к «*геополитике-2*».

Хаусхофер считает, что главная задача Европы как континентального образования заключается в том, чтобы *обрушить мировое*

влияние англосаксов, в том числе и через освобождение колоний, и выстроить совершенно новую конфигурацию, основанную на принципиально ином, нежели сложившийся в XVIII—XX вв. в Европе и мире, балансе сил. В этом смысле Хаусхофер выступает в поддержку деколонизации стран Третьего мира и участвует во многих международных мероприятиях, проходящих в этом русле.

Хаусхофер считает своим «большим пространством» *континентальную Европу*, к геополитической интеграции которой он призывает. В центре этой интеграции он видит Германию, а вокруг нее — по модели «Срединной Европы» Науманна — должны выстроиться вначале соседние с Германией, а затем и все остальные страны. Интеграция должна носить континентально-сухопутный характер и сопровождаться борьбой.

Хаусхофер развивает, обосновывает и возводит в статус теории «*европейский континентализм*» как симметричный ответ англосаксонскому взгляду на Европу со стороны моря и «цивилизации Моря». Важнейший элемент континентализма Хаусхофера заключается в идее «*автаркии*», которая в общих чертах повторяет идеи Фридриха Листа. П. Савицкий называл тот же самый принцип (в рамках евразийской экономической географии) «самодовлением». «Автаркия» предполагает экономическую самодостаточность региона в отношении природных ресурсов, хозяйственного потенциала, системы транспортного сообщения, наличия индустриальных центров и социальной инфраструктуры. Малое государство заведомо не может обеспечить себе «автаркию» и, следовательно, становится зависимым от внешних сил. Экономическая зависимость быстро переходит в культурную, политическую и т. д., и суверенитет государства сокращается. Поэтому единственный путь достичь реального суверенитета — построить «большое экономическое пространство». Так экономическая теория Листа (которую некоторые называли «экономическим национализмом» и на основании которой Германия смогла не только объединиться, но и заключить «таможенный союз» с Пруссией и Австрией) была расширена Хаусхофером до границ континента. Поэтому Хаусхофера можно считать одним из родоначальников Единой Европы и Европейского Союза. Именно он обрисовал основные стратегические принципы интеграции континентальной Европы.

Основные теоретические предпосылки Хаусхофера приводят его к идее *принципиальной изменяемости границ*[1]. Это не просто констатация исторического факта, что границы между государствами и народами постоянно меняют свою форму, но и проявление идеи того, что пространство является живым (Lebensraum) и как живое существо постоянно меняет свое местоположение —

[1] *Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung.

растет, сужается, перемещается, ворочается и т. д. Границы не могут быть установленными раз и навсегда, строго «нерушимыми», какими стремится их представить буржуазно-либеральное международное право. Если государственный организм слабеет, ничто не может удержать внутренние и внешние силы от того, чтобы не воспользоваться этой слабостью и не попытаться установить над частью территорий альтернативный контроль. Это может происходить через войны или постепенным мирным, договорным путем, через процесс сецессии. В определенных случаях спорные территории оказываются самостоятельными образованиями, контроль над которыми принадлежит сразу нескольким силам.

С этим надо не бороться, но признавать как закон жизни, как выражение всей структуры геополитических и геостратегических закономерностей. На этом основании все существующие границы должны рассматриваться как нечто «временное» и «переходное», а настоящими границами являются те геополитические линии, точнее, полосы, которые соответствуют естественным, цивилизационным, культурным и стратегическим параметрам. А эти параметры и их определение, в свою очередь, зависят от того, с какой стороны мы на эти границы смотрим. То, что «справедливо» для «цивилизации Суши», будет ущемлять «цивилизацию Моря», и наоборот. Нет таких решений в вопросах границ, которые могли бы удовлетворить всех. Поэтому надо жестко настаивать на «своем»: континентальные силы («сухопутное могущество», теллурократия) должны требовать установления таких границ, которые соответствовали бы их собственным интересам независимо от того, что будут возражать представители «морских сил» (талассократии). По факту все могущественные державы ведут себя именно так, но новизна подхода Хаусхофера состоит, во-первых, в том, что он открыто и внятно заявляет о том, что остальные скрывают, а во-вторых, предлагает обсуждать существующие и желательные границы с позиций интересов континента и последовательно идти к их установлению на основе консенсуса между собой сухопутных держав.

4.2.6. Пан-идеи и континентальный блок

Важнейшей составляющей геополитики Карла Хаусхофера была концепция «*пан-идей*». Она представляла собой конкретизацию общих геополитических принципов — принципа «большого пространства», консолидации сухопутных держав и обеспечения автаркии. По сути, панидеи выражали собой карту миру, которая была бы желательна для «людей Суши» как фундаментальный нормативный проект, альтернативный англосаксонскому видению «морского могущества» и его стратегии удушения Евразии через контроль над береговыми зонами.

Хаусхофер исходит в построении своей карты из замечания, что интеграционные процессы более бесконфликтно идут по оси меридианов, нежели по оси параллелей. Поэтому северным пространствам естественно устанавливать контроль над южными, как правило, менее развитыми пространствами. Этот процесс может пройти относительно бесконфликтно. Однако, когда держава пытается расшириться за счет восточных или западных соседей, это обычно вызывает кровопролитные войны, обессиливающие обе стороны. Поэтому, заключает Хаусхофер, мир должен быть интегрирован в «большие пространства» по оси Север-Юг, а не по оси Восток-Запад. Эту идею он емко выразил в небольшом, но чрезвычайно важном тексте «Геополитическая динамика меридианов и параллелей»[1]. Отсюда Хаусхофер выводит четырехполюсную модель мирового устройства, которая является базовой концептуальной и нормативной картой для всей «*геополитики-2*», геополитики, видимой со стороны «цивилизации Суши».

Модель четрехполюсного мира, состоящего из реализации в пространстве четырех пан-идей, описана Хаусхофером в отдельной работе «Пан-идеи»[2]. В ней он предлагает следующую картину. Планета, приемлемая для континенталистов, должна быть организована как четыре меридиональные зоны — Пан-Америка, Евро-Африка, Пан-Евразия и Пан-Пацифик (Тихий Океан). Эти четыре зоны представляют собой четыре мощных центра силы на Севере и зависящие от них южные территории.

Во главе Пан-Америки стоят США, которые возвращаются в геополитические рамки доктрины Монро, выражающейся в формуле «Америка для американцев», но отказываются от «вильсонианства» и американского морского империализма под видом «распространения в мире демократии и свободы».

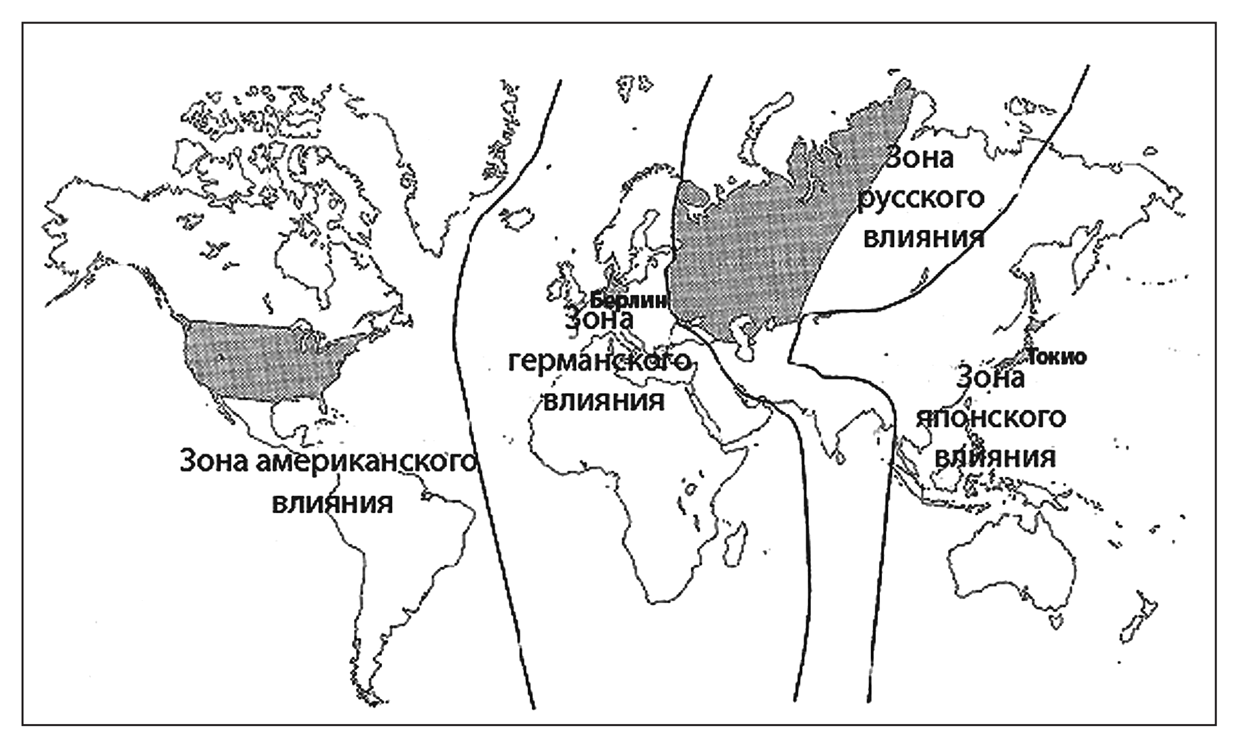
Евро-Африка представляет собой зависимую от Пан-Европы южную зону, включающую в себя арабский мир и транссахарскую Африку. В свою очередь, Пан-Европа означает Европу, объединенную в единое политическое целое (предполагается, что под эгидой Германии). Таким образом Средиземное море становится «внутренним озером для европейцев». Но как американцам в такой модели мира будет отказан доступ к Востоку и Западу, так и Евро-Африка не станет вмешиваться в то, что происходит на американских континентах.

Пан-Евразия интегрируется под эгидой России, которая более динамична и активна, чем ее южные соседи. И снова — только еще

---

[1] *Хаусхофер К.* Геополитическая динамика меридианов и параллелей // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 836—839. Оригинал: *Haushofer K.* Geopolitische Dynamik von Meridianen und Parallelen // Zeitschrift fur Geopolitik. 1943. № 8.

[2] *Haushofer K.* Geopolitik der Pan-Ideen.

Карта 24. Пан-Идеи в концепции К. Хаусхофера

в большем масштабе — Хаусхофер точно воспроизводит евразийские идеи и чаяния континентальной интеграции. По Хаусхоферу, русские получают свободу на Юге, но, в свою очередь, отказываются от вмешательства в дела Европы, Ближнего Востока и Африки.

И, наконец, Пан-Пацифик представляет собой зону японской доминации, которая демаркирует геополитические границы с США на Востоке и с Россией на Западе (если смотреть из Японии) и устанавливает там «Новый Тихоокеанский Порядок».

Все четыре «пан-идеи» реализуются в интересах континентального начала, т. к. во главе четырех зон стоят континентальные державы: в отношении континентальной Европы, России и Японии это очевидно. США же придется открыть свое «сухопутное» измерение и стать континентальными, если они хотят вписаться в предполагаемую картину мира, а если они этого не захотят, то все остальные страны должны их заставить. Для этой цели и служит «континентальный блок» Берлин — Москва — Токио[1].

Судьба Англии в этой картине мира незавидна: ей либо предлагается осознать себя частью континентальной Европы, либо это произойдет помимо ее воли и желания.

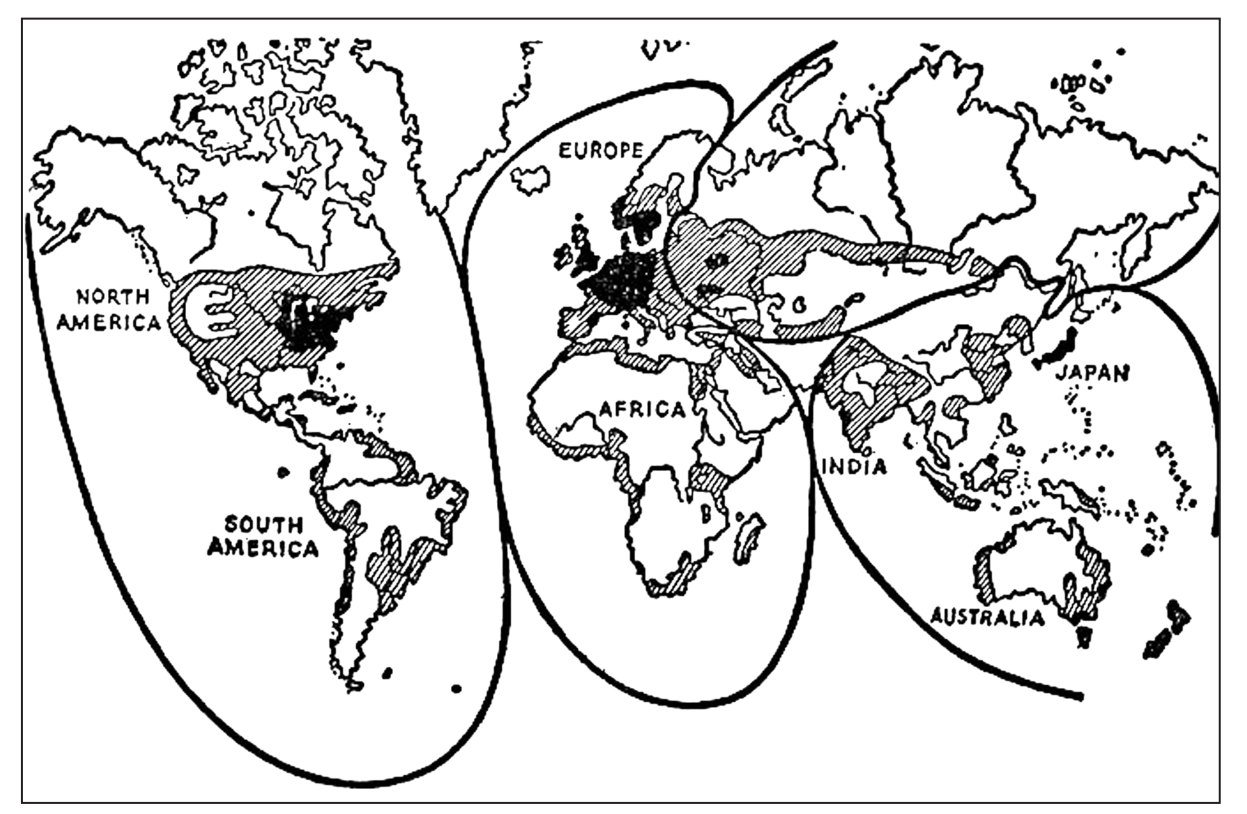
Подводя итог обзору теорий К. Хаусхофера, можно сказать, *что ему удалось разработать непротиворечивую, последовательную и стройную модель геополитики Суши*. Однако его личная трагедия и трагедия Европы состояла в том, что, даже находясь в определенной близости от нацистского руководства, ему не удалось убедить вождей Рейха в необходимости строить внешнюю политику не на случайных и обрывочных размышлениях, страстях, фобиях и эмоциях, но на *научной геополитической основе*.

Преступления нацизма и даже его крах были прямым следствием отклонения политики Гитлера от рекомендаций немецких геополитиков. Они настаивали на континентальном блоке с СССР (прецедентом чему был пакт «Риббентропа-Молотова»), но Гитлер пошел на СССР войной. Геополитики настаивали на привлечении всех европейских народов к созданию Единой Европы, но Гитлер практиковал расизм и объявлял только немцев «арийцами», а всех остальных признавал людьми «второго сорта». Геополитики призывали учитывать живое качество пространства, выражающееся через культуру населяющих его этносов. Гитлер же практиковал жесткую колониальную политику в духе англосаксонского империализма. Немецкая геополитическая школа была евразийской, Гитлер же своей «восточной политикой» вписался в атлантистский сценарий.

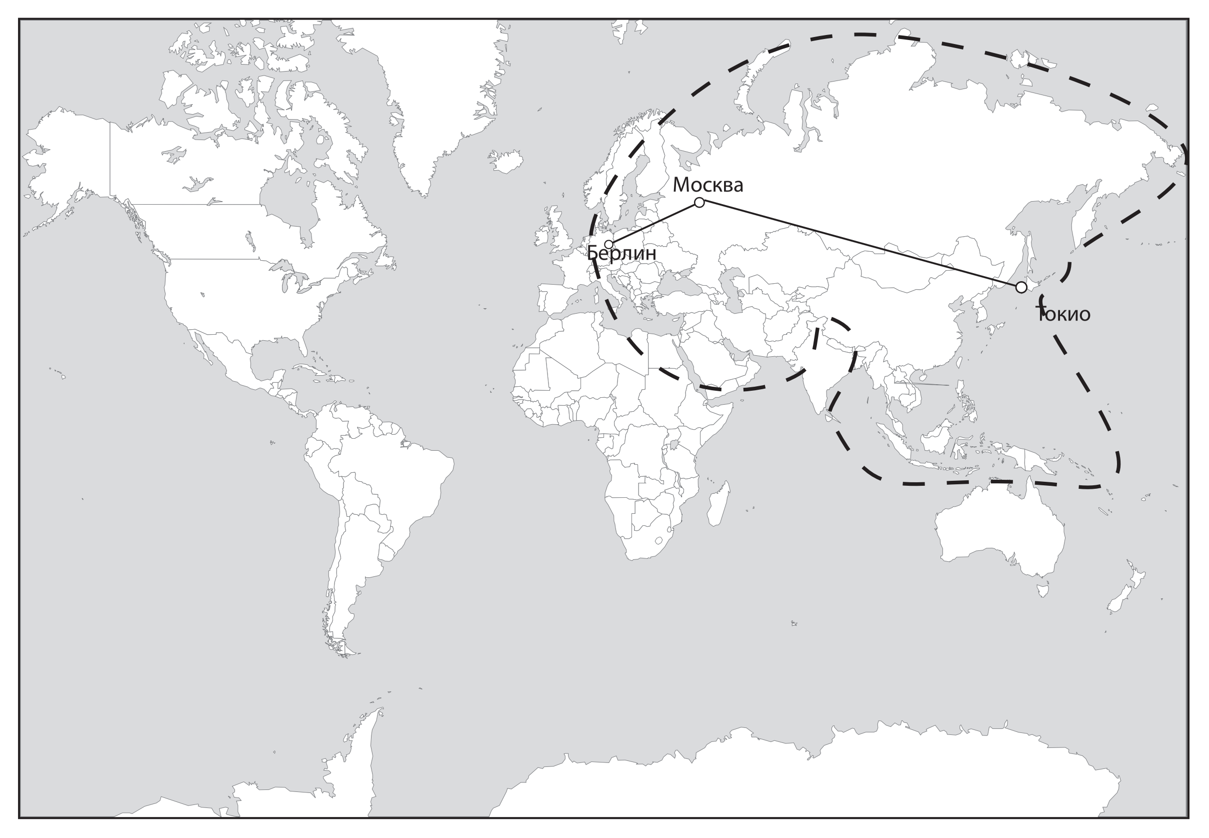
Мы имеем все основания утверждать, что именно невнимание Гитлера и главарей Третьего Рейха к геополитике стало одной из

---

[1] *Haushofer K.* Der Kontinentalblock; *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 825 — 835.

Карта 25. Районирование планеты в соответствии с Пан-Идеями Хаусхофера

Карта 26. «Континентальный блок» в геополитике К.Хаусхофера. Ось Берлин–Москва–Токио

важнейших причин преступлений, кровавых агрессий и, в конце концов, плачевного краха выстроенного ими и, как оказалось, эфемерного, а отнюдь не «тысячелетнего» Рейха.

Сегодня большинство текстов официальных идеологов Третьего Рейха кажутся напыщенными, фальшивыми и малоосмысленными. Но идеи немецкой геополитической школы К. Хаусхофера, напротив, сохраняют абсолютную теоретическую, научную и практическую ценность[1].

4.2.7. «Пан-Европа» Р. Куденова-Калерги

Заслуживает внимания, что взгляд К. Хаусхофера на европейскую интеграцию и панидеи разделял видный австрийский политический и общественный деятель граф Рихард Куденов-Калерги (1894 – 1972). Куденов-Калерги организует Паневропейский Союз[2], известный также как «Движение Пан-Европа». Его поддерживают австрийская аристократия в лице Габсбургов и крупные европейские буржуа, а также будущий министр финансов Третьего Рейха Хьялмарт Шахт.

Интересны геополитические идеи Р. Куденова-Калерги. Он усердно читает в юности Шопенгауэра, Ницше, шведского геополитика Челлена, Освальда Шпенглера. В результате у него складывается картина будущего мира, который должен состоять из пяти планетарных зон. Первой зоной является «Пан-Европа», куда входят все европейские страны, вместе со своими колониями, кроме Великобритании. Британская мировая империя мыслится им как второй, самостоятельный пояс. Третья зона — пан-американская, включает в свой состав оба американских континента. Четвертая — пан-евразийская во главе с Россией, которой достаются прилегающие к ней вплотную с юга центрально-азиатские пространства. Пятой зоной является пан-азиатская территория во главе с Китаем и Японией, делящими власть в тихоокеанском регионе. Отличие от «пан-идей» Хаусхофера заключается только в признании за Англией самостоятельной роли и права владеть колониями.

С точки зрения идеологии будущей Европы Куденов-Калерги предлагает синтез коллективизма и индивидуализма, социалистических и буржуазных ценностей, а кроме того, считает, что евро-

---

[1] Попытки апологетического осмысления теорий К. Хаусхофера и его политических позиций делаются сегодня на Западе, несмотря на доминацию англосаксонской атлантистской геополитики. См. *Ebeling F.* Karl Haushofer und die deustche Geopolitik 1919 – 1945. unpubl. diss. Hanover 1992. Цит. по: *Helwig H.* Geopolitik: Haushofer, Hitler und Lebensraum // Gray C.S., Sloan G. (eds). Geopolitics, geography and strategy. London; Portland, OR:Frank Cass, 1999.C. 238.

[2] *Coudenhove-Kalergi R.* Paneuropa. Wien, 1923.

пейской аристократии необходимо заключить альянс с широкими народными массами европейского населения.

Публично Куденов-Калерги выступает как демократический популист. В закрытых клубах он воспевает Шарлеманя и на первых порах с надеждой относится к Гитлеру. Хьялмарт Шахт накануне 1933 г. на одном из съездов Пан-Европейского Союза, организованного Куденовом-Калерги, провозглашает: «Гитлер — это тот человек, который объединит Европу».

Самому Куденову-Калерги в скором времени после аншлюса Австрии придется спасаться от такого объединения бегством в Чехословакию, затем во Францию, а оттуда в США. При этом Куденов-Калерги тесно сотрудничает с Черчиллем, предпринимая усилия для вовлечения Англии и США в борьбу против Гитлера. У. Черчилль в 1946 г. чествует заслуги Куденова-Калерги в освобождении Европы наряду с Аристидом Брианом.

В 1947 г. по инициатие Куденова-Калерги создается первый (пока еще неформальный) Союз Европейских Парламентариев. Выступая на первой сессии этой организации, он провозглашает основные направления строительства Единой Европы:

- создание самостоятельной стабильной общеевропейской валюты;
- объединение европейских экономик в общий таможенный союз;
- сближение между собой европейских стран для обеспечения в будущем внутриевропейского мира[1].

В 1955 г. именно он предлагает в качестве гимна Единой Европы «Оду к Радости» Бетховена. Это предложение будет спустя шестнадцать лет принято Советом Европы.

По сути, Р. Куденов-Калерги был отцом-основателем и самым последовательным теоретиком и практиком того, что сегодня известно как «Европейский Союз».

4.2.8. Карл Шмитт и Консервативная революция

Абсолютно фундаментальной фигурой в геополитике как науке является немецкий философ, социолог, политолог и юрист Карл Шмитт (1888–1985). Область интересов Карла Шмитта огромна, и сегодня его наследие постепенно становится известным и в России, и, по мнению некоторых политологов, начинает оказывать на политическую элиту определенное влияние[2].

[1] *Rosamond B.* Theories of European Integration, Palgrave Macmillan, 2000.

[2] *Кильдюшов О.* Карл Шмитт как теоретик (пост) путинской России//Политический класс. 2010. №1. Январь.

Идейное формирование К. Шмитта проходило в той же атмосфере идей «органицистской социологии», что и у Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Ф. Тенниса и К. Хаусхофера.

На Нюрнбергском процессе была сделана попытка причислить Шмитта к «военным преступникам» на основании его сотрудничества с режимом Гитлера. В частности, ему инкриминировалось «теоретическое обоснование легитимности военной агрессии». После детального знакомства судьи с сутью дела обвинение было снято. Его случай был схож с историей других представителей движения «Консервативной Революции»[1] — таких, как Э. и Г. Юнгеры, Э. фон Заламон, М. Хайдеггер. Нацисты использовали их идеи в прагматических целях, но грубо извратили их смысл и воплотили в преступной практике, так что «консервативные революционеры» оказались в сложной ситуации: частично их желания сбылись, но в настолько искаженной форме, что они были вынуждены либо уйти во внутреннюю эмиграцию, либо встать на путь прямой борьбы с нацизмом (Э. Никиш, Т. Манн, Ф. Хильшер, Х. Шульцен-Бойзен и т. д.[2]). Тем не менее, как и другие «консервативные революционеры», Шмитт надолго после Второй мировой войны стал персоной «нон-грата» в мировом научном сообществе, и к его трудам некоторое время относились с подозрением. Только в 1970-е гг. благодаря колоссальному влиянию на юридическую мысль некоторых «левых» политкорректных авторов Франции, Италии и США, использовавших идеи Шмитта, его труды стали постепенно открываться заново и сегодня заслуженно считаются вершиной европейской и мировой политической, социологической и юридический мысли.

4.2.9. Три номоса Земли

Мы сосредоточим внимание на том, что имеет в трудах К. Шмитта прямое отношение к геополитике.

Тема «политического пространства» в его творчестве всегда занимала центральное место. Его важнейшие произведения «Номос Земли»[3], «Земля и море»[4] и др. посвящены именно этой теме. Но пространство и его политическая организация играет значитель-

[1] *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschlalnd 1918—1932. Darmstadt: Wissenshcaftliche Buchgeselschaft. 1994.

[2] Ibidem.

[3] *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Koeln: Hohenheim,1982; *Idem.* Raum und Grossraum im Volkerrecht // Zeitschrift fur Volkerrecht. 1940. Vol. 24. No. 2; *Idem.* Staatliche Souveraenitaet und freies Meer // Schmitt C. Das Reich und Europa. Leipzig, 1941.

[4] *Schmitt C.* Land und Meer. Koeln:Hohenheim, 1981. Русский перевод: *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 840—883.

ную роль и в других его трудах, таких как «Политическая теология»[1], «Понятие политического»[2] и т. д.

Совершенно в духе геополитического подхода Шмитт утверждал изначальную связь политической структуры с пространством. Не только государство, но вся социальная реальность и система права имеют своим истоком качественное пространство. Для описания той инстанции, которая предшествует политической системе и еще в полной мере хранит на себе отпечаток пространственных представлений, Шмитт предложил концепцию «*номоса»*[3].

Греческое слово «νομος», «νεμειν» как и немецкое «nehmen», с которым оно родственно по общей индоевропейской основе, означало первоначально «нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное» и прилагалось именно к пространству. Это понятие близко к понятиям «рельефа», «пространственного смысла» (Raumsinn) у Ф. Ратцеля, «месторазвития» у русских евразийцев (П. Савицкий) или «хороса» (в «хорографии» А. Геттнера). Отношение *к неподвижно расположенным на земле предметам* — как природным (лес, холм, река, море, гора, степь и т. д.), так и культурным (жилище, пашня, скотный двор, лодка, орудия труда, капища и т. д.) — лежит в основе базовых представлений о социальной, политической и правовой организации. Но вместе с тем сама эта социальная, политическая и правовая организация, даже оторвавшись от конкретики первичного пространственного восприятия и достигнув уровня абстракции, снова возвращается к своему истоку, к земле, и проявляет себя через искусственную организацию этого пространства, прошедшего сквозь инстанцию сознания (культуры, духа, политики). «Номос» сводится к осуществлению трех фундаментальных процедур: «брать», «делить» и «использовать».

К. Шмитт намечает три «номоса Земли», которые отражают разные стадии организации — «взятия», «раздела» и «использования» — пространства. Первый номос существовал в Древности и в Средневековье. Он отличался тем, что состоял из нескольких отдельных цивилизаций, которые находились на удалении друг от друга, были окружены промежуточной ничейной зоной, за которую соперничали, сталкиваясь друг с другом и рассматривая эту землю в качестве защиты. Мир был открытым, и каждая из крупных цивилизаций считала себя его центром.

---

[1] *Schmitt C.* Politische Theologie. Munchen-Leipzig, 1922.

[2] *Schmitt C.* Das Begriff des Politischen. Berlin-GrunewaldЖ W. Rothschild, 1928; по-русски: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. том 1, № 1.

[3] *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum.

«Второй номос» возник 500 лет назад, когда мир был полностью освоен и каждая точка земного пространства кому-то принадлежала, кем-то осваивалась, обносилась границей и использовалась. Это время государств-наций и колониальных завоеваний.

К. Шмитт тщательно рассматривает изменение структуры общества, права, политики при переходе от первого «номоса» ко «второму», видя в этом фундаментальный сдвиг в самой основе человеческого бытия.

После Второй мировой войны сложилось два блока, которые поделили Земли между собой на новой основе. Их конфронтация породила новый «третий номос Земли». Его Шмитт разбирает в более поздних работах[1]. Конфронтационная природа «нового номоса» должна разрешиться в какой-то окончательной форме: либо «западный блок» победит советский, либо наоборот. Для Шмитта этот вопрос оставался открытым.

Но важно, что «третий номос Земли» мыслится Шмиттом в строго геополитических категориях. Для него «западный блок» под эгидой англосаксов (США, Англии) — это «цивилизация Моря» в чистом виде, а «восточный блок» представлет собой Heartland и «сухопутное могущество». Поэтому «третий номос Земли» — это кульминация борьбы «Земли» и «Моря» как двух форм организации пространства.

4.2.10. Земля и Море: Бегемот и Левиафан

В 1942 г. Карл Шмитт выпустил важнейший труд «Земля и Море»[2]. Вместе с более поздним текстом «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря»[3] он может считаться поворотным моментом в истории геополитики как науки.

Противостояние Суши и Моря у Шмитта осмысливается как глубинное различие в самых корнях человеческого духа, в его первичных движениях, которые предопределяют культуру, политику, общество, историю и мышление. Суша и Море Макиндера и Хаусхофера берутся Шмиттом как два «абсолютных концепта», антагонистических друг другу, несовместимых друг с другом, принципиально по-разному понимающих природу «номоса», а значит, по-

---

[1] Шмитт К. Новый номос Земли//Элементы. 1993. №3.

[2] *Schmitt C.* Land und Meer. Русский перевод: *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 840 – 883.

[3] *Schmitt C.* Die planetarische Spannung zwischen Ost und West (1959) /Schmittiana — III von prof. Piet Tommissen. Brussel, 1991; по-русски см.: *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 526 – 552.

разному понимающих природу права, интереса, ценности, этики, политики, антропологии и т. д.

Для того чтобы подчеркнуть фундаментальность этих понятий, Шмитт подбирает к ним библейские синонимы, используя применительно к «силам Суши» (теллурократии) имя сухопутного библейского чудовища «Бегемота», а к «силам Моря» (талассократии) — имя морского зверя «Левиафана»[1], о которых идет речь в книге Иова[2].

«Суша», «Земля» предопределяет собой такой «порядок», такую «парадигму», в которой отражаются принципы неподвижности и фиксированности. Эта связь с неподвижным рельефом, пространство которого легко поддается структурализации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и климатических особенностей), архетипический консерватизм в социальной, культурной, религиозной, экономической и технической сферах. Суша и ее порядок, ее цивилизационные устои преобладают в истории человечества, покрывая собой «первый номос земли», или то, что принято называть «традиционным обществом».

В период однозначной доминации Суши Море представлено периферийными явлениями, угрозой, риском и опасностбю. Некоторые этносы занимаются мореплаванием, но остаются привязанными к берегу и Суше, не посягают на ее законы и структуры. Древние культуры относятся к Морю настороженно: так, древние египтяне считали соленое Море обителью «темного бога Сета», убийцы Осириса, тогда как пресные воды, дающие жизнь, мыслились как нечто «благое» и «светлое». Реки текут по Суше, подчиняются ее законам и поэтому приносят влагу, орошение, урожай и питье. Там, где стихия Суши заканчивается, наступает область смерти — соленую воду невозможно пить, а почва от нее только иссыхает. Поэтому-то в античной географии считалось, что на крайней точке Средиземного моря, у выхода в Океан, на Гибралтарском проливе стоят Геркулесовы столпы, на которых, по преданию, написано «Nec plus ultra» («Дальше нельзя»), что подразумевает, что здесь кончается территория, подконтрольная Суше, и начинается опасная нечеловеческая стихия «темных сил».

Лишь с открытием Мирового Океана в конце XVI в. ситуация меняется радикальным образом. Человечество (и в первую очередь остров Англия) начинает привыкать к «морскому существованию» и осознавать себя Островом посреди вод, мыслить себя не *Домом*,

---

[1] См.: *Дугин А.Г.* Радикальный субъект и его дубль М.: Евразийское Движение, 2009. С. 145—161.

[2] Иов 40:1.

но *Кораблем*[1]. «Дом — это покой. Корабль — движение. Поэтому Корабль обладает иной средой и иным горизонтом»[2].

Но водное пространство резко отлично от сухопутного. Оно непостоянно, враждебно, отчуждено, подвержено постоянному изменению. В нем не фиксированы пути, не очевидны различия ориентаций. *«Номос» Моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания*. Социальные, юридические и этические нормативы становятся «*текучими»*. Рождается совершенно новая цивилизация. Шмитт считает, что Новое время и технический рывок, открывший эру индустриализации, обязаны своим существованием именно геополитическому феномену перехода человечества к «номосу» Моря[3]. Шмитт противопоставляет «технику» и «общество», вслед за Шпенглером (также участником движения «Консервативная Революция) разделяя «цивилизацию» и «культуру»: «(...) культура относится к Морю, а цивилизация к Суше. Морское мировоззрение ориентировано техноморфно, тогда как сухопутное — социоморфно»[4].

Открывшийся период «второго номоса Земли» стал эпохой противостояния «традиции» и «современности», «вечного» и «нового», т. е. Суши и Моря, Бегемота и Левиафана. Но выразилось на первых этапах это в соперничестве между собой национальных государств. Лишь постепенно, по мере приближения истории к «номосу» «холодной войны», глубинная природа пространственной диалектики истории становилась все более прозрачной и очевидной. Противостояние Востока и Запада после 1947 г., выраженное через идеологическую оппозицию марксизма и либерализма, приоткрыло завесу тайны над истинной логикой титанической борьбы, которую вели между собой в менее явной форме библейские чудовища: сухопутный Бегемот и морской Левиафан.

Именно такое понимание Суши и Моря, которыми оперирует геополитика, позволяют отнести эту науку в разряд чисто социологических дисциплин. Шмитт придает базовой дуальности геополитической топики глубинное философское, онтологическое, историческое, социологическое измерение, которое интуитивно проглядывает у большинства геополитиков, представителей «ант-

---

[1] Знак американского доллара — $ — является напоминанием о Геркулесовых столпах и эгиде, расположенной между ними. Только дерзкие мореплаватели и первопроходцы Нового света убрали запретное, табуирующее «Nec» «нельзя, некуда», переделав в «Plus ultra», т. е. «Дальше», «Еще дальше», подразумевается, что дальше в Море, за Геркулесовы столпы.

[2] *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 544.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 546.

ропогеографии» и «политической географии», но чаще всего так и не раскрывается или остается в зачаточной форме.

Учет теории Карла Шмитта о Суше и Море делает геополитику по-настоящему фундаментальной дисциплиной, без знания которой трудно обойтись современным политологам, историкам, философам, культурологам, и особенно социологам.

4.2.11. Доктрина Монро, теория «империи» (das Reich) и «порядок больших пространств»

В работе 1939 г. «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию пространственно чуждых сил. Введение в понятие «das Reich» в правах народов»[1] Карл Шмитт излагает правовое, философское и социологическое толкование понятия «большое пространство», концептуализированное К. Хаусхофером. Изложение теории «большого пространства» Шмитт начинает с «доктрины Монро», сформулированной в 1823 г. президентом США Джеймсом Монро и ставшей лозунгом американской внешней политики на два столетия. Смысл «доктрины Монро» сводится к утверждению, что политика американского континента должна определяться интересами самих американских государств.

Изменение смысла «доктрины Монро» Шмитт отмечает уже в XIX в., когда США начинают использовать ее как прикрытие для колониальной политики в пределах континента. Гораздо более важный сдвиг в доктрине происходит в начале XX в., когда президенты США Т. Рузвельт и особенно В. Вильсон предлагают толковать»доктрину Монро» в отрыве от исторических и географических реалий и обосновывать с ее помощью необходимость участия США в мировых проблемах для «укрепления демократии, прав и свобод». Здесь «доктрина Монро» явно выходит за границы Америки и превращается в универсалистскую, планетарную теорию, обосновывающую *новый тип колониализма:* не европейский (открытый, прямолинейный и циничный), а американский (прикрытый цивилизаторской и идеологической функцией распространения либеральной демократии).

В такой универсалистско-гегемонистской и идеологизированной форме «доктрину Монро» попытались применить к своей мировой империи и англичане, утвердив в качестве международного принципа необходимость английского контроля над проливами в мировом масштабе, поскольку от этого напрямую зависит безопасность (экономическая и, значит, политическая и военная) Англии.

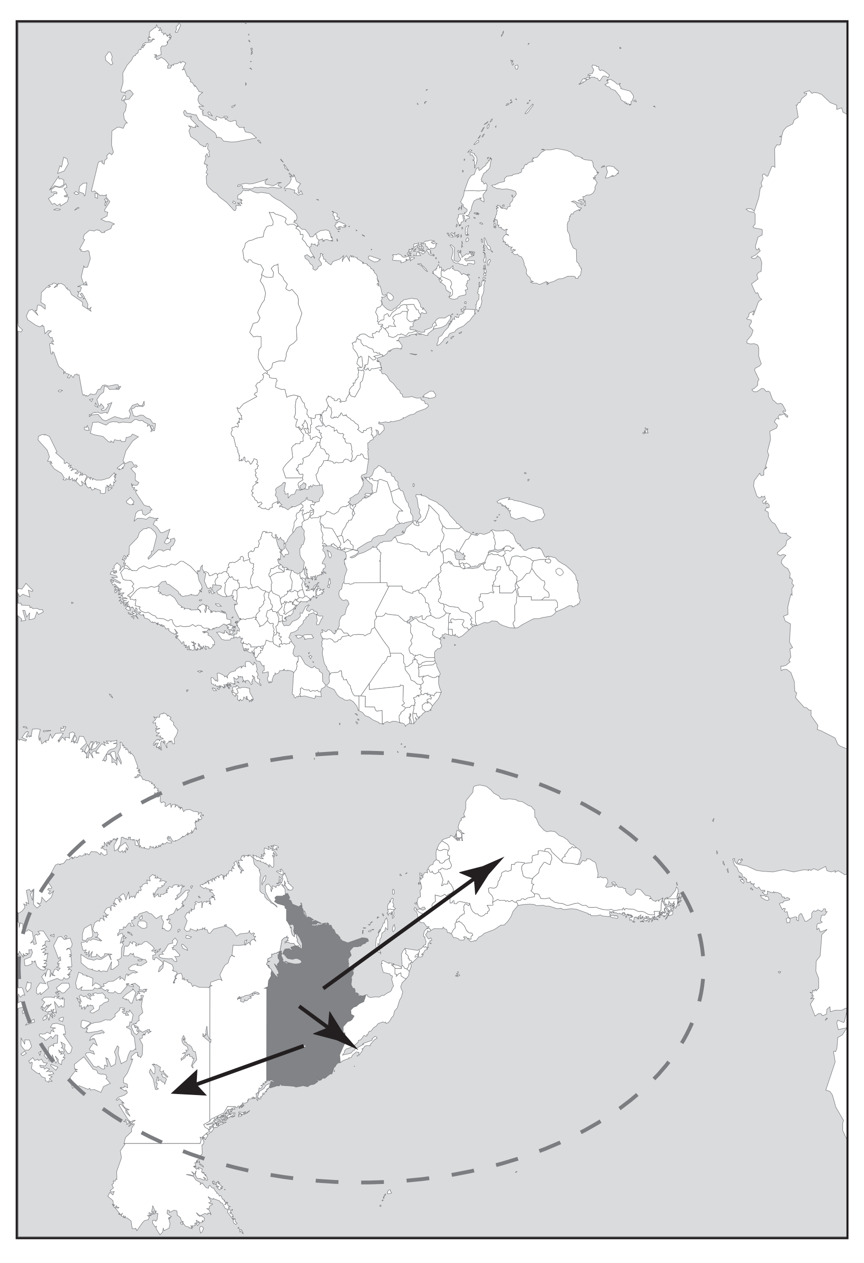
[1] *Schmitt C.* Völkerrechtliche Großraumordnung und Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin;Wien;Leipzig, 1939.

После победы над Германией в Первой мировой войне и революции в России под диктовку Англии и США была предпринята попытка выстроить систему международного права (Лига Наций). Эта система получила название «Версальской». В ней в качестве субъекта суверенитета выступили страны Антанты (прежде всего, Англия, Франция, США), и пространство, контролируемое ими по обе стороны Атлантического океана, было взято в качестве *коллективного центра*. Весь остальной мир рассматривался как периферия, откуда могли проистекать угрозы и которой нельзя было позволять обрести могущество, сопоставимое с центром. Лига Наций под эгидой Англии, Франции и США призвана была быть для всего мира тем, чем были США для американского материка — гарантом безопасности.

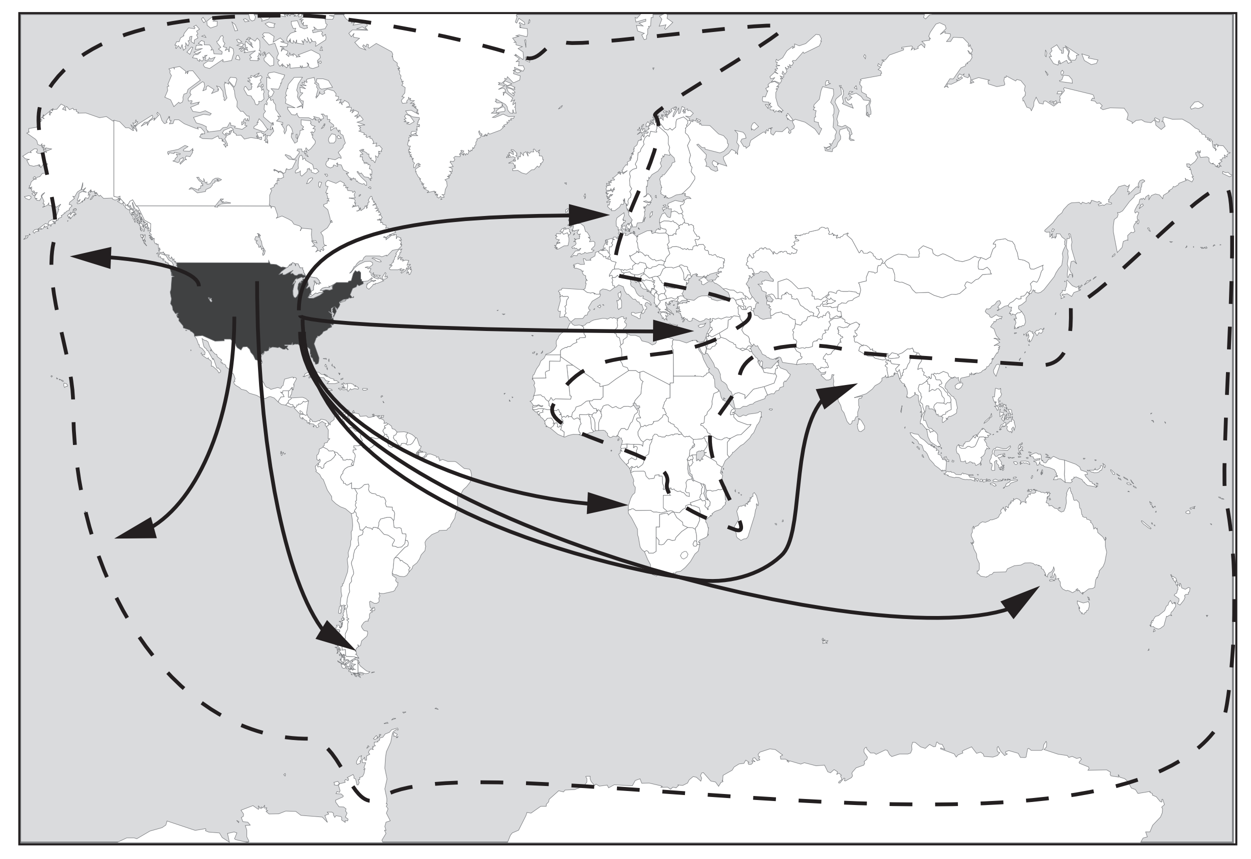
Так «доктрина Монро» оторвалась от конкретного «большого пространства» и стала основой планетарной универсалистской модели миропорядка. Вместе с тем она утратила свою защитную функцию и из инструмента борьбы с колониализмом превратилась в колониализм нового идеологического «либерал-демократического» типа.

К. Шмитт считал, что «большое пространство», аналогичное «Доктрине Монро» в изначальной трактовке, является не просто аналитическим конструктом, но источником конкретных политических и стратегических шагов, которые постепенно вылились в область международного права. То есть правовые стороны установленного миропорядка, по Шмитту, вырастают из пространства, а, значит, именно *геополитика является в конечном счете тем, что создает право,* учреждает его, вписывая каждую конкретную политическую ситуацию в пространственный контекст. Отсюда можно заключить, что правовые и политические формы напрямую связаны с географическими и геостратегическими факторами, и поэтому понятие «большое пространство» можно рассматривать как протоправовую категорию, имеющую все основания в какой-то момент оформиться в полноценную правовую норму. *Чем было провозглашение Монро его доктрины* с юридической точки зрения? Законом? Декретом? Воззванием? Нет. Оно не имело вообще никакого юридического смысла. Но ее реализация и эволюция ее толкования создали радикально новые правовые модели, касающиеся всего человечества, всего номоса Земли, изменили этот номос.

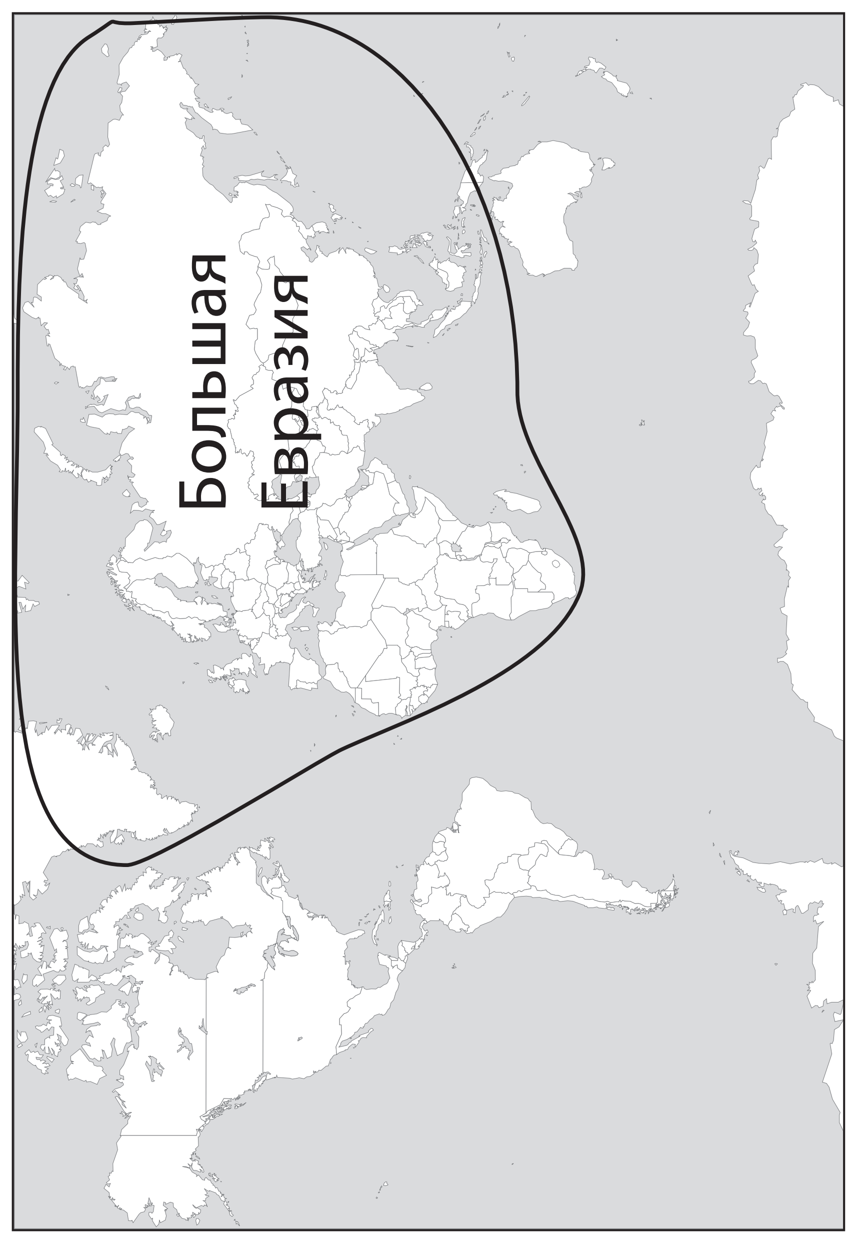
Поэтому, заключает Шмитт, аналогично следует поступить народам Европы и Евразии, провозгласив императив «больших пространств», обосновав и утвердив «порядок больших пространств» как выражение исторического сознания и политической воли. Именно так Шмитт трактует понятие «империи» или его германский эквивалент «das Reich». Это не образ из прошлого, но социологический и геополитический концепт, отражающий «права наро-

Карта 27. Доктрина Монро. Америка для американцев

Карта 28. Доктрина Вильсона. США как гарант мировой демократии и единоличный носитель стратегического контроля над мировым океаном

Карта 29. Доктрина Монро для Евразии. Евразия для евразийцев

дов» на организацию «большого пространства» в оборонительных стратегических целях. Такая империя мыслится как «народная империя» или «народный Reich», противостоящий универсализму и империализму, с какой бы стороны он ни исходил.

Эти идеи Шмитта вместе с похожими идеями Хаусхофера в настоящее время легли в основу Евросоюза, который представляет собой не что иное как «большое пространство» с тем же неопределенным статусом и с той же геополитической перспективой, что и доктрина Монро на первых стадиях ее исторического — оборонительного — воплощения.

Подводя итог обзору немецкой геополитической школы К. Хаусхофера и идеям К. Шмитта, можно сказать, что здесь мы имеем дело с фундаментальной составляющей геополитического знания, без которой оно утратило бы свой смысл. И кроме того, становятся очевидными причины, по которым школа Карла Хаусхофера подвергалась и продолжает подвергаться критике со стороны геополитиков англосаксонской атлантистской школы: они критикуют немецкую геополитику как стратегию противника, разрабатывавшего план борьбы и сопротивления их собственной цивилизации. Часто встречающаяся критика «империализма» К. Хаусхофера и К. Шмитта не должна вводить нас в заблуждение: представители одного типа империализма (удавшегося, временно победившего), империализма Моря, очерняют представителей другого империализма (оборонного, проигравшего), империализма Суши. Левиафан кусает Бегемота, чтобы Бегемот не смог куснуть Левиафана. В сфере теоретической науки продолжается «великая война континентов».

Исход Второй мировой войны положил конец геополитической миссии Германии. В наше время об этом никто не осмеливается не то чтобы говорить, но и думать. В самой Германии геополитика запрещена не меньше, чем в СССР. Современная Германия — часть атлантического Запада, находящаяся под жестким контролем «цивилизации Моря». Поэтому значение «геополитики-2», созданной в значительной степени немцами, для самих немцев сегодня относительно невелико; у них одна задача — оправдаться и забыть об ужасах нацизма. Им не до геополитики. Но «геополитика-2» отнюдь не утратила принципиального структурного значения для других субъектов мировой политики — в первую очередь для России, для Объединенной Европы, для Китая, для тех стран и народов, которые хотят построить мировой порядок, альтернативный существующему, где полностью и во всех областях доминирует «цивилизация Моря». Очень многих сегодня не устраивает тот «номос Земли», который сложился в настоящее время. И для них идеи немецкой геополитической школы открывают свое значение и свою релевантность с каждым днем все более и более.

4.3. Геополитика Суши: евроконтинентализм и его эволюция в послевоенный период

4.3.1. Геополитика послевоенной Европы

Поражение гитлеровской Германии и Нюрнбергский процесс, осудивший нацизм как идеологию, оборвали естественное развитие немецкой геополитической мысли. Но сама по себе континентальная «геополитика-2» не прекратила своего существования и продолжала развиваться в ином контексте и в иных интеллектуальных средах.

После разгрома Рейха многие европейские круги — как «правые», так и «левые» — заметили, что раздел Европы, который поставил восточную ее часть под контроль Советского Союза, почти столь же серьезно повлиял и на Западную Европу, в свою очередь, оказавшуюся под прямым контролем США. Модель власти в Западной Европе была иной, нежели в Восточной, но степень зависимости от внешнего центра принятия решений в целом была приблизительно одинаковой, несмотря на различие методов управления. Западная Европа оказалась в условиях американской оккупации в той же степени, в которой Восточная Европа оказалась под оккупацией советской. И точно так же, как среди политических сил Восточной Европы были те, кто искренне радовался установлению социализма, и те, кто переживал это как утрату независимости, в Западной Европе наряду с искренними атлантистами и американофилами были силы, которые воспринимали положение дел как трагедию.

Так, постепенно, в Европе в целом сложились следующие геополитические позиции, которые иногда были связаны с идеологическими предпочтениями, а иногда основывались на отстраненном от идеологии стратегическом анализе реального баланса сил, т. е. на европейском реализме:

1. *Чистые евроатлантисты*, рассматривающие Запад как единое целое в политическом, стратегическом, культурном смысле, признающие доминацию США и стремящиеся как можно больше укрепить евроатлантическую интеграцию. Представители такого евроатлантизма были и остаются значительным сегментом западноевропейского политического истеблишмента. Такие же настроения присутствовали и в диссидентских кругах Восточной Европы, которым в определенные моменты истории удавалось спровоцировать антисоветские выступления (Венгерские события 1958 г., т. н. «Пражская весна» 1968 г. и т. п.).

2. *Евроконтиненталисты*, сторонники самостоятельной и независимой от США и СССР Европы, объединенной политически и геополитически в отдельное образование со своими культурными и

цивилизационными особенностями, экономическими и энергетическими интересами, со своей системой безопасности и т. д. Эти силы в Западной Европе были также довольно сильны, и их ярким выразителем стал генерал Шарль де Голль, Президент Франции, при котором в 1966 г. Франция вышла из НАТО. С такими евроконтиненталистами можно было встретиться и среди антисоветских диссидентов в Восточной Европе, но там они были в подавляющем меньшинстве, т. к. на первом плане у них, несомненно, стоял фактор советской оккупации.

3. *Просоветские силы*, как правило, коммунисты и марксисты-ленинисты, которые преобладали в руководстве стран Восточной Европы, входивших в Варшавский договор и в Совет Экономической Взаимопомощи. Однако люди с такими убеждениями в определенный момент были достаточно сильны и в Западной Европе — особенно во Франции, Италии, Испании, Португалии, где коммунистические партии имели устойчивые позиции в парламентах и широкую поддержку среди населения и интеллигенции.

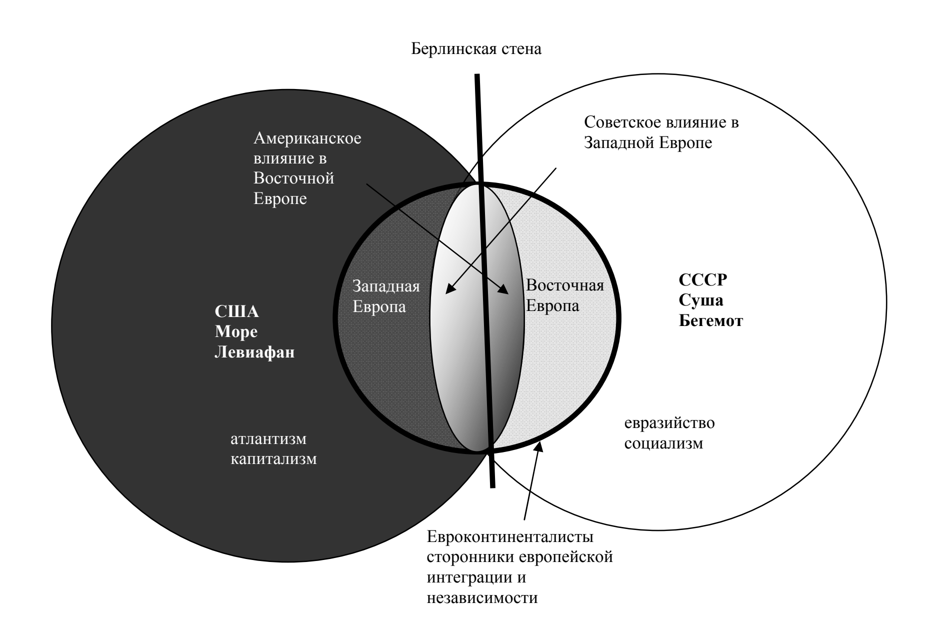

Схема 3. Геополитические и идеологические влияния в Европе в 1945—1989 гг.

Геополитическая карта послевоенной Европы, остававшаяся в целом неизменной до конца 1980-х гг. и распада «социалистического лагеря», представляла собой, таким образом, три налагающихся друг на друга круга.

Противостояние между Западом и Востоком носило в этот период идеологический характер и было оформлено как борьба двух мировоззрений, двух политэкономических систем — капиталистической и социалистической. Но выражалось это противостояние в строгом геополитическом дуализме Моря и Суши, в борьбе двух пространств, двух цивилизаций, двух моделей реализации «номоса Земли». То, что происходило в Европе, полностью повторялось и в иных зонах планеты — в Третьем мире, где точно так же между собой сталкивались *евразийские* (просоветские, социалистические и коммунистические) силы и *атлантистские* (т. н. «freedom figthers», борцы за «свободу», «либерализм», капитализм и интересы США). Концептуальная карта Третьего мира полностью повторяет карту Европы.

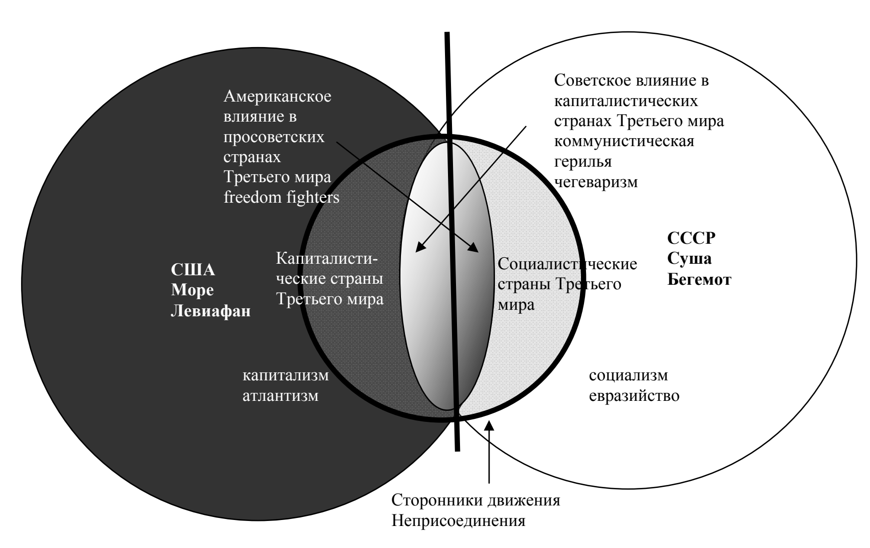

Схема 4. Геополитические и идеологические влияния в Третьем Мире в 1945—1989 гг.

Полное формальное тождество этих систем бросается в глаза и отражает глубинное единство геополитических процессов, развертывавшихся на всем пространстве «береговой зоны» (Rimland) в глобальном масштабе.

4.3.2. Европейский континентализм и его евразийская эволюция

Итак, геополитики Европы по результатам Второй мировой войны имели дело с геополитической схемой, обобщенно представ-

ленной выше. Что касается сторонников евроатлантизма, то их геополитические проекты и анализы полностью вписывались в «геополитику-1», в геополитику Моря, и тот факт, что они были европейцами, ничего не менял в общей структуре их анализа. Ярких фигур в теоретической области геополитики они не дали и в основном работали в области конкретных направлений политического и стратегического анализа в структурах НАТО и аналитических центрах, так или иначе аффилированных с ЦРУ, РУМО (американской военной разведкой) и т. п.

Здесь нас интересуют те, кто развивал геополитику Суши, «геополитику-2», и внимательный анализ концептуальной карты Европы (и Третьего мира) показывает, что эти силы могли быть двух типов — евроконтиненталистскими или коммунистическими. Притом, что именно коммунистические круги были наиболее последовательными сторонниками СССР и, значит, выразителями континентальной и евразийской стратегии, их идеологическая принадлежность закрывала для них возможность собственно геополитического анализа, поскольку в СССР геополитика была признана «наукой буржуазной», а ее развитие в США и в нацистской Германии были дополнительными аргументами в пользу того, чтобы ее отбросить вовсе. Советской социалистической геополитики не сложилось, и вся деятельность просоветских сил в Европе строилась исключительно на догматических принципах марксизма-ленинизма. Это оказалось фатальным, поскольку критика сталинизма в самом СССР в 1960-е гг. и общая ревизия марксизма-ленинизма привели в Западной Европе к такому явлению как «еврокоммунизм», представители которого, не порывая с марксизмом, постепенно отошли от просоветской ориентации, сблизились с социал-демократией и растворились в общебуржуазном парламентаризме. Так как геополитическая и стратегическая составляющая у таких движений отсутствовала, это удалось сделать относительно легко. Значительную роль здесь сыграли троцкисты, которые постепенно возвели антисоветизм в главенствующий принцип и в большинстве своем пришли к атлантистской геополитике (Дж. Бернхэм, неоконсы и т. д.).

Поэтому единственным сектором, имевшим определенное отношение к «геополитике-2», являлись евроконтиненталисты, начавшие с тезиса о том, что Европа должна объединиться и стать силой, независимой как от СССР, так и от США. При этом общий проамериканский атлантистский курс политики Западной Европы заставлял их прагматически пересмотреть строго негативное отношение к СССР. Это видно уже в известных словах Шарля де Голля о «Европе от Атлантики до Урала», что явилось не столько геополитической констатацией, сколько жестом симпатии по отношению к СССР, призванным уравновесить отношения с США.

Общая линия эволюции евроконтиненталистов развертывалась от позиции «ни СССР, ни США» к позиции «лучше СССР, чем США». Эту линию можно проследить в трансформации идей некоторых ярких европейских геополитиков — таких как Ален де Бенуа, Жан Тириар (1922—1992), Йордис фон Лохаузен (1907—2002), Карло Террачано (1956—2005), Жан Парвулеско, Пьер-Мари Галлуа, Эмрик Шопрад и др.

4.3.3. Ален де Бенуа: метаполитика и поиски европейской идентичности

Одной из немногих европейских геополитических школ, сохранивших непрерывную связь с идеями довоенных немецких геополитиков-континенталистов, являются участники французской группы GRECE (Groupement de Recherche et d'Études pour la Civilisation Européenne — дословно «Группа Исследований и Изучения за Европейскую Цивилизацию»). В прессе их окрестили «новыми правыми» (Nouvelle Droite), но сами они не считают, что их идеологическая позиция может быть квалифицирована как «правая» или как «левая» и не признают такого «названия». GRECE в течение нескольких десятилетий вплоть до настоящего времени издавала три периодических издания, посвященных политологии, социологии, геополитике, вопросам мировоззрения, культуры, искусства — «Elements», «Nouvelle Ecole» и «Krisis».

Представители GRECE считают, что в настоящее время «политические семейства» (партии, движения) окончательно разошлись с «идейными семействами»: в политике нет места мысли и философии. Поэтому они избрали иной путь воздействия на общество, который сами окрестили «метаполитикой».

Это направление возникло во Франции в 1960-е гг. и связано в первую очередь с фигурой лидера движения — известного французского философа и публициста Алена де Бенуа[1].

Одним из фундаментальных принципов мировоззрения группы GRECE является обращение к «геополитике» в ее *континентальной* версии. Именно они возродили интерес к этой дисциплине в Европе, выведя ее из забвения[2].

Ален де Бенуа определяет свои приоритеты одним словом — «Европа». «Европу» он мыслит как *самобытную цивилизацию*, наследующую традицию различных индоевропейских народов и сложившуюся под преобладающим влиянием греческой и римской

[1] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб: Амфора, 2009. См. также: *Benoist Alain de.* Vu de droite. Anthologie critique des idées contemporaines. Paris:Copernic, 1977.

[2] Систематическое изложение идей GRECE представлено в отдельном номере журнала «Nouvelle Ecole». См.: Nouvelle École. 2005. Géopolitique, n° 55.

культуры. Европейскую идентичность А. де Бенуа, однако, трактует в духе структуралистского подхода, считая, что самым ценным в ней являются «неизменные» ценности — мужества, чести, преданности разуму и красоте, порядку и этике. Эти ценности доминируют в период традиционного общества, но начинают постепенно забываться в эпоху Нового времени, когда Европа предпочитает технику культуре, наживу чести, национальные государства империям, доминацию торговцев и лавочников рыцарской иерархии. Вслед за консерваторами и консервативными революционерами (О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Шмитт и т. д.) А. де Бенуа отвергает «прогресс», «либерализм», «технократию», «индивидуализм» и другие политические формы Нового времени. Таким образом, он приходит к континентальной геополитике, к Европе как «цивилизации Суши». Все негативные формы он связывает с Новым временем и англосаксонским миром, что в ситуации послевоенного времени сводится к жесткому отрицанию США, атлантизма и «цивилизации Моря».

Показательно, что де Бенуа прекрасно осознает сходство ситуации Европы и Третьего мира, разделенных двумя антагонистическими силами. Солидарность с движением деколонизации и обретения странами Третьего мира независимости он отразил в книге с выразительным названием: «Европа и Третий мир: одна и та же битва»[1].

Де Бенуа подхватывает идею «империи» в сочетании с идеей «прав народов», о которой говорил К. Шмитт, и дает ей новое дыхание. Так, группа GRECE, влияющая на широкие круги французского и европейского общества, становится центром возрождения европейской геополитики после определенного перерыва. Де Бенуа жестко критикует Германию Гитлера, отвергая расизм, шовинизм, национализм и «модернизм» нацистской идеологии, но при этом привлекает внимание исследователей к движению «Консервативной Революции», их сложной и противоречивой, но чрезвычайно плодотворной с теоретической точки зрения позиции — консерваторов, оказавшихся жертвами и заложниками преступного режима.

А. де Бенуа, как и многие регионалисты, ратует за «Европу ста флагов»[2], «Европу этносов» и «Европу регионов», но вместе с тем за единое геополитическое и цивилизационное пространство, которое призвано восстановить сухопутное — *римское* — начало европейской культуры и отвернуться от технократического, материа-

---

[1] *Benoist Alain de.* Europe, Tiers Monde Meme Combat. P.:Laffont, 1986.

[2] *Benoist Alain de.* Les idees a l'endroit. Paris: Hallier, 1979. См. также: *Fouere Yann.* Europe aux cents drapeaux. P.:Presse d'Europe, 1968. Contre les etats: regions d'Europe P.:Presse d'Europe, 1971.

листического и утилитарного — *карфагенского* — курса, которым пошел англосаксонский мир и который воплощен в планетарной политике и стратегии США. При этом, по его мнению, национальные европейские государства должны уступить место единой «*Федеративной Империи*»[1].

Интересна эволюция взглядов де Бенуа на СССР. Начав с классического тезиса европейского континентализма «ни Запад, ни Восток, но Европа», он постепенно пришел к тезису «прежде всего Европа, но лучше даже с Востоком, чем с Западом». На практическом уровне изначальный интерес к Китаю и проекты организации стратегического альянса Европы с Китаем для противодействия как «американскому, так и советскому империализмам» сменились умеренной «советофилией» и идеей союза Европы с Россией. В какой-то момент де Бенуа заявит: «Я предпочту красную звезду советского офицера каске американского солдата».

После распада СССР русофилия де Бенуа только возросла, и постепенно идея Европы, защищенной и от Запада (США, атлантизм), и от Востока (СССР, Россия), расширилась в своем континентальном измерении до теснейшего альянса с Россией-Евразией как с подлинным Heartland'ом. Ален де Бенуа трижды посетил Россию — в 1999, 2008 и 2009 гг., и его идеи получили определенный резонанс среди российских интеллектуалов, политологов и политических деятелей.

Так евроконтинентализм, основанный на утверждении структурной европейской идентичности, сблизился с классическим евразийством.

4.3.4. Жан Тириар: «Европа от Владивостока до Дублина»

Несколько раньше Алена де Бенуа очень сходную эволюцию взглядов претерпел другой европейский геополитик, бельгиец Жан Тириар[2]. С начала 1960-х гг. он был руководителем общеевропейского движения «Юная Европа», которое провозглашало высшей ценностью европейскую культурную, политическую и геополитическую идентичность.

Ж. Тириар считал геополитику главной теоретической базой, без которой невозможно строить рациональную и дальновидную политическую и государственную стратегию. Последователь К. Ха-

---

[1] *Benoist Alain de*. L'idée d'Empire // Actes du XXIVe colloque national du GRECE. Nation et Empire. Histoire et concept. Paris: GRECE 1991. С. 55—73.

[2] Жан Тириар под своим именем фигурирует в антивоенном романе Курта Воннегута «Бойня номер 5, или Крестовый поход детей». См.: *Vonnegut Kurt* Slaughterhouse Five, or The Children's Crusade. New York: Delacorte Press / Seymour Lawrence, 1969.

усхофера и Э. Никиша[1], он считал себя «европейским национал-большевиком» и строителем «Европейской Империи».

Жан Тириар основывал свою политическую теорию на принципе «автаркии больших пространств» Фридриха Листа. Тириар применил этот принцип к европейской ситуации после Второй мировой войны и пришел к выводу, что мировое значение государств Европы будет окончательно утрачено, если они не объединятся в единую «империю», противостоящую США. При этом Тириар считал, что такая «империя» должна быть не «федеральной» и «регионально ориентированной» (как А. де Бенуа и сторонники GRECE), но предельно унифицированной, централистской, соответствующей якобинской модели. Европа, по его проекту, должна была стать единым мощным континентальным централистским государством-нацией.

В конце 1970-х гг. взгляды Тириара претерпели некоторое изменение. Анализ геополитической ситуации привел его к выводу, что масштаб Европы уже не достаточен для того, чтобы освободиться от американской талассократии. Главным условием «европейского освобождения» Тириар считал объединение Европы с СССР. От геополитической схемы, включающей три основные зоны — Запад, Европа, Россия (СССР) — он перешел к схеме *с двумя составляющими*: Запад и евразийский континент. При этом Тириар раньше, чем де Бенуа, пришел к радикальному выводу о том, что для Европы советский социализм предпочтительнее англосаксонского капитализма.

Так появился проект «*Евро-советской Империи от Владивостока до Дублина»*[2]*. В нем весьма проницательно описаны причины, которые должны привести СССР к краху, если он не предпримет в самое ближайшее время активных геополитических шагов в Европе и на Юге. Тириар считал, что идеи Хаусхофера относительно «континентального блока Берлин—Москва—Токио» актуальны в высшей степени и до сих пор. Важно, что эти тезисы Тириар изложил за 15 лет до распада СССР, абсолютно точно предсказав его логику и причины.*

Тириар предпринимал попытки довести свои взгляды до советских руководителей. Но это ему сделать не удалось, хотя в 1960-е гг. у него были личные встречи с А. Насером, Чжоу Эньлаем и высшими югославскими руководителями.

Незадолго до своей смерти, в 1992 г., Жан Тириар посетил Россию и поделился своими взглядами об актуальной геополитике и геостратегии с определенными ее военными и политическими кругами.

---

[1] О национал-большевизме Германии 30—40-х гг. см.: *Дугин А.Г.* Идеология национал-большевизма // Дугин А.Г. Русская вещь. М.:Арктогея-центр, 2000.

[2] *Thiriart J.* L'Empire Eurosovietique de Vladivistok jusque Dublin. Brussel, 1988.

4.3.5. Йордис фон Лохаузен: мыслить континентами

Весьма близок по взглядам к Ж. Тириару австрийский геополитик генерал Йордис фон Лохаузен.

Лохаузен считает себя последователем Хаусхофера и продолжает традицию его школы. Но, как и у других евроконтиненталистов, его внимание сосредоточено не на Германии, но на Европе в целом и на перспективах ее становления самостоятельным геополитическим субъектом. Главный труд Лохаузена называется «Мужество властвовать. Мыслить континентами»[1].

Лохаузен считает, что глобальные территориальные, цивилизационные, культурные и социальные процессы становятся понятными только в том случае, если они видятся в «*дальнозоркой*» перспективе, которую он противопоставляет исторической «близорукости». Власть в человеческом обществе, от которой зависит выбор исторического пути и важнейшие решения, должна руководствоваться обобщающими схемами, позволяющими найти место тому или иному государству или народу в огромной исторической перспективе. Поэтому основной дисциплиной, необходимой для определения стратегии власти, является геополитика как оперирование сводными глобальными категориями в отвлечении от аналитических частностей. Современные идеологии, новейшие технологические и цивилизационные сдвиги, безусловно, меняют рельеф мира, но не могут отменить базовых закономерностей, связанных с природными и культурными циклами, исчисляемыми тысячелетиями.

Такими фундаментальными категориями являются пространство, язык, этнос, ресурсы и т. д. Одну из своих программных книг Лохаузен посвящает тому, как этносы и народы соотносятся с качественным пространством[2].

Й. Лохаузен предлагает такую формулу власти:

«Могущество = Сила × Местоположение»

Он уточняет:

«*Так как Могущество есть Сила, помноженная на местоположение, только благоприятное географическое положение дает возможность для полного развития внутренних сил*»[3].

Й. Лохаузен отделяет *судьбу Европы от судьбы Запада*, считая Европу континентальным образованием, временно подпавшим под

---

[1] *Lohausen Jordis von*. Mut zur Macht. Denken in Kontinenten. Berg am See: Kurt Vowinckel Verlag, 1978.

[2] *Lohausen Jordis von*. Denken in Völkern. Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Graz: Stocker 2001.

[3] См.: *Lohausen Jordis von*. Mut zur Macht. Denken in Kontinenten.

контроль талассократии, цивилизации Моря. Но для политического освобождения Европе необходим пространственный (позиционный) минимум. Такой минимум обретается только через объединение Германии, интеграционные процессы в Средней Европе, воссоздание территориального единства Пруссии (разорванной между Польшей, СССР и ГДР) и дальнейшее складывание европейских держав в новый самостоятельный блок, независимый от атлантизма.

Важно отметить роль Пруссии. Й. Лохаузен (вслед за Э. Никишем и О. Шпенглером) считает, что Пруссия является наиболее континентальной, «евразийской» частью Германии, и что если бы столицей Германии был не Берлин, а Кенигсберг, европейская история пошла бы в ином, более правильном *сухопутном* русле, ориентируясь на союз с Россией против англосаксонской талассократии.

Лохаузен считал, что будущее Европы в стратегической перспективе немыслимо без России и, наоборот, СССР (России) Европа необходима, т. к. без нее геополитически она незакончена и уязвима для Америки, чье местоположение намного лучше и, следовательно, чья мощь рано или поздно намного опередит СССР. Лохаузен подчеркивал, что СССР мог иметь на Западе четыре Европы: 1) Европу враждебную, 2) Европу подчиненную, 3) Европу опустошенную и 4) Европу союзную. Первые три варианта неизбежны при сохранении того курса европейской политики, которую СССР вел на протяжении «холодной войны». Только стремление любой ценой сделать Европу «союзной и дружественной» могло исправить фатальную геополитическую ситуацию СССР и стать началом нового этапа геополитической истории — евразийского.

Позиция Лохаузена сознательно ограничивается строго геополитическими констатациями. Идеологические вопросы он опускает.

Й. Лохаузен, как и Ж. Тириар, заранее предсказал геополитический крах СССР, который был неизбежен в случае следования им своим инерциальным курсом. Если у атлантистских геополитиков такой исход рассматривался как победа, Лохаузен предвидел в этом фундаментальное *поражение континентальных сил*. С тем лишь нюансом, что новые возможности, которые откроются после падения советской системы, могут создать благоприятные предпосылки для создания в будущем нового евразийского блока, т. к. определенные ограничения, диктуемые марксистской идеологией, будут в этом случае сняты.

4.3.6. Имперская беллетристика Жана Парвулеско

Романтическую версию геополитики излагает известный французский писатель Жан Парвулеско. Впервые геополитические темы в художественной литературе возникают уже у Джор-

джа Оруэлла, который в антиутопии «1984» описал футурологически деление планеты на три огромных континентальных блока «Остазия, Евразия, Океания»[1].

Ж. Парвулеско известен своими критическими статьями о французской «новой волне» и выступает героем фильмов Годара (его играет Жан-Пьер Мельвиль в фильме «На последнем дыхании»), Ремера («Дерево, мэр и медиатека») и Барбеты Шредер («Любовница»). Парвулеско поддерживал отношения с такими разнообразными фигурами как Эзра Паунд, Юлиус Эвола, Мирча Элиаде, Арно Брекер, Жак Бержье, Жан Даньелу, Ги Дюпре, Луи Повель, Раймон Абеллио, Винтила Хория, Доминик де Ру, Жан-Люк Годар, а также с известными актрисами Кароль Буке, Орора Корню, Бюль Ожье и Ава Гарднер.

Жан Парвулеско делает геополитические темы центральными во всех своих произведениях, открывая новый жанр литературы — «*геополитическую беллетристику»*[2]. Параллельно включению геополитических текстов и схем в свои романы Парвулеско публикует ряд теоретических работ по геополитике[3]. Совокупность этих текстов создает цельную картину современного европейско-евразийского континентализма, выраженного и оформленного более отчетливо и ярко, чем у многих ученых авторов.

Концепция Ж. Парвулеско вкратце такова: история человечества есть история битвы двух сил, противоположных природ, *бытия и небытия*. Бытие выражается через традицию, религию, иерархию, империю и сухопутную цивилизацию. Бытие имеет пространственную локализацию — оно выражает себя через Евразию.

Небытие — это, согласно Парвулеско, современность, Новое время, материализм, скептицизм, атеизм, рационализм. «Цивилизация Моря» как апогей современности и есть выражение небытия. Геополитика К. Хаусхофера, философские и социологические

---

[1] *Оруэлл Дж.* 1984 и эссе разных лет. М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997.

[2] *Parvulesco J.* Les Mystères de la Villa Atlantis. P.: L'Âge d'Homme, 1990; *Idem.* L'Étoile de l'Empire invisible. P.: Guy Trédaniel, 1994; *Idem.* Le Retour des Grands Temps. P.: Guy Trédaniel, 1997; *Idem.* Un bal masqué à Genève. P.: Guy Trédaniel, 1998; *Idem.* La Conspiration des noces polaire. P. Guy Trédaniel, 1998; *Idem.* Rendez-vous au Manoir du Lac. P.: Jean Curutchet, 2000; *Idem.* Le Visage des abimes. P.: L'Âge d'Homme, 2001; *Idem.* La Stratégie des ténèbres. Guy Trédaniel, 2003; *Idem.* Dans la forêt de Fontainebleau. P.: Alexipharmaque, 2007; *Idem.* La Confirmation Boréale. P.: Alexipharmaque, 2010. На русский переведен только один роман *Парвулеско Ж.* Португальская служанка. СПб.: Амфора, 2009.

[3] *Parvulesco J.* Imperium. P.: Les Autres Mondes, 1980; *Idem.* Les Fondements géopolitiques du grand gaullisme. P.: Guy Trédaniel, 1995; *Idem.* Une stratégie transcendantale pour la « Grande Europe ». P.: Arma Artis, 2004; *Idem.* Vladimir Poutine et l'Eurasie. P.: Amis de la Culture Européenne, 2005. На русском из теоретических работ выходила только одна: *Парвулеско Ж.* Владимир Путин и евразийская империя. СПб. Амфора, 2008.

обобщения К. Шмитта, фундаменталь-онтология М. Хайдеггера сливаются у него в континентальный полюс «великой войны континентов», в которой стратегические и политические события скрывают под собой глубокую философскую подоплеку[1]. Несмотря на энигматический и ироничный стиль его произведений и экстравагантность определенных высказываний (форму его текстов можно определить как «постмодернизм»), структура его идей и образов прекрасно укладывается в общее поле геополитического анализа современной ситуации с точки зрения евразийского континентализма.

Жан Парвулеско пишет о проекте «Великой евразийской Империи Конца» как о проекте финального реванша сухопутных сил над океаническим врагом. И под этим углом зрения он расшифровывает события современной истории: выборы президентов, военные конфликты, переговоры и договоры о сотрудничестве и т. д.

В частности, в рамках своего причудливого видения мира Парвулеско описал выборы президента Путина как решительный шаг к реваншу Европы и России над геополитическим и экзистенциальным врагом — атлантизмом[2].

4.3.7. Карло Террачано и журнал «Eurasia»: ислам как сухопутная сила

Активный геополитический центр геополитических исследований постепенно сложился в Италии. Частично он подолжал евроконтиненталистские традиции «Юной Европы» Жана Тириара (К. Мутти, Т. Грациани), которая имела в Италии развитую сеть в 1960—70-е гг. В какой-то мере он испытал на себе влияние французской группы Алена де Бенуа — GRECE. Кроме того, в Италии после Второй мировой войны больше, чем в других европейских странах, получили распространение идеи Карла Шмитта, и благодаря этому геополитический образ мышления стал там весьма распространенным. Во многом это была заслуга выдающегося итальянского политолога, юриста и политика, избиравшегося неоднократно сенатором, профессора Джанфранко Мильо (1918—2001), бывшего продолжателем традиции К. Шмитта, европеистом, федералистом и сторонником «прав народов».

В Италии издается несколько серьезных журналов по геополитике: престижный академический журнал «Limes» (главный редактор Лучи Карачоло) с нейтральной политической ориентацией и «Eurasia. La rivista di geopolitica» (главный редактор Тиберио Граци-

[1] См. *ДугинА.Г.* Великая война континентов // Дугин А.Г. Конспирология. М.: РОФ «Евразия», 2005.

[2] *Парвулеско Ж.* Владимир Путин и евразийская империя.

они) с подчеркнуто континентальной и евразийской ориентацией. Любопытно, что различия в ориентациях отражены в самих названиях. «Limes» означает на латыни «промежуточную зону», «границу», т. е. «береговую зону», Rimland в геополитике. А значение слова «Eurasia» очевидно. Строго в соответствии с названиями различаются и позиции обоих геополитических журналов: «Limes» стремится балансировать между атлантизмом и континентализмом, а «Eurasia» стоит однозначно на стороне «цивилизации Суши».

Наиболее последовательное изложение континентальных евразийских идей в итальянской геополитике связано с трудами молодого геополитика и политолога Карло Террачано[1], скончавшегося в 2005 г. от рака, но до последней минуты продолжавшего свою научную и публицистическую деятельность. Террачано сотрудничал со многими итальянскими изданиями, и после создания журнала «Eurasia» стал его постоянным автором.

Террачано полностью принимает картину Макиндера и Мэхэна и соглашается с выделенным ими строгим цивилизационным и географическим дуализмом. При этом он однозначно встает на сторону Heartland'а, утверждая, что судьба Европы целиком и полностью зависит от судьбы России и Евразии, от Востока. Континентальный Восток для него — благо, атлантический Запад — зло. Столь радикальный подход со стороны европейца является исключением даже среди геополитиков континентальной ориентации, т. к. Террачано даже не акцентирует особо специальный статус Европы, считая, что она является второстепенным моментом перед лицом планетарного противостояния талассократии и теллурократии.

Он разделяет идею единого Евразийского Государства, «Евросоветской Империи от Владивостока до Дублина»[2], что сближает его с Ж. Тириаром, но при этом не разделяет свойственного Тириару «якобинства» и «универсализма», настаивая на этнокультурной дифференциации, регионализме и «праве народов», что сближает его с Аленом де Бенуа (GRECE).

Евразийская ориентация подталкивает Террачано искать союзников Европы не только в России (хотя Россия остается для него главной инстанцией в глобальной геополитике, от которой зависит судьба всей «великой войны континентов»), но и в других частях света. При этом, в отличие от де Бенуа, он считает, что в антиатлантистской модели мира вторую после России роль должен играть *мировой ислам*. Террачано симпатизирует в исламском мире, в первую очередь, откровенно антиамериканским режимам — Ирану, Ливии, Сирии и т. д. В этом с ним солидарен другой известный

---

[1] *Terracciano C.* Rivolta contro il mondialismo moderno Torino: Noctua, 2002.

[2] *Thiriart J.* L'Empire Eurosovietique de Vladivistok jusque Dublin.

итальянский геополитик Клаудио Мутти, считающий ислам революционной сухопутной силой.

Окончательная формула, резюмирующая геополитические взгляды доктора Террачано, такова: *Россия (Heartland) + Ислам против США (атлантизма, глобализма)*[1].

Европу К. Террачано видит как территорию, которая может выступить союзником России и ислама в общем антиамериканском геополитическом движении.

4.3.8. П.М. Галлуа: за сохранение суверенных государств

Выдающимся европейским геополитиком является герой войны за независимость Франции, близкий соратник Шарля де Голля, летчик-герой и признанный военный стратег генерал Пьер Мари Галлуа (1911–2010). Он является автором многих книг и сотен статей. Основные идеи относительно геополитики он излагает в книге «Геополитика, пути могущества»[2]. В ней анализируются основные моменты геополитической топики и рассматриваются возможности сохранения в Европе суверенных государств перед лицом глобализации, которую он, как и большинство евроконтиненталистов, интерпретирует как победу «цивилизации Моря», утрату Европой собственной идентичности и геополитическую катастрофу.

Принципиальным отличием позиции генерала Галлуа от большинства континенталистов является его евроскептицизм. Он считает, что Европейский Союз — это искусственная конструкция, создаваемая с подачи атлантистов для того, чтобы размыть своеобразие европейских государств и народов и лучше подготовить Европу к интеграции. Генерал Галлуа утверждает, что Европа будет могущественной только в том случае, если европейские державы, особенно крупные (Франция, Германия, Италия, Испания) сохранят и укрепят свой суверенитет и создадут новый европейский «концерт», направленный против глобализации и англосаксонской стратегии. В таком «концерте» главным союзником Европы выступит Россия. При этом Галлуа, не колеблясь, поддерживает идею «*пролиферации ядерного оружия*», в том числе и в направлении азиатских стран, т. к., по его мнению, обладание ядерным оружием служит повышению геополитической ответственности стран и сокращает возможность ядерного шантажа со стороны США[3].

---

[1] *Terracciano C.* Nel Fiume della Storia//Orion. 1986–1987. №№ 22–30.

[2] *Gallois. P.-M.* Géopolitique, les voies de la puissance. P.: Plon, 1990.

[3] «Ваша судьба на Востоке». Беседа А. Дугина с П.М. Галлуа. 2004. [Электронный ресурс] URL: http://evrazia. info/modules. php?name=News&file=article&sid=1999 (дата обращения 23.07.2010).

Позиция генерала Галлуа может быть квалифицирована как «жесткий европейский реализм» и «суверенизм». Галлуа последовательно выступал против Евросоюза и даже явился создателем движения «За Францию!», призывавшего голосовать против принятия Европейской Конституции.

4.3.9. Э. Куто-Бегари: стратегия морей и океанов в XXI веке

Ярким представителем европейского геополитического континентализма является Эрве Куто-Бегари, основатель Института сравнительных стратегий, профессор высших курсов генерального Штаба Вооруженных Сил Франции, редактор журнала «Стратегия» («Strategique»), один из лучших мировых специалистов по проблемам геополитики морей и океанов. По своим взглядам он близок к GRECE Алена де Бенуа, интересуется индоевропейской традицией и, в частности, работами Жоржа Дюмезиля, ведет авторскую программу на консервативно ориентированном парижском «Радио Куртуази».

Следует выделить следующие работы Э. Куто-Бегари — «Битва за морскую империю»[1], «Стратегическая мысль и гуманизм»[2], «Геостратегия Тихого океана»[3], «Военно-морские силы и океаны»[4] и особенно его новые работы, посвященные геополитической футурологии, в частности, «2030. Конец глобализации?»[5]. В последней книге Куто-Бегари описывает наиболее вероятный сценарий кризиса американского (англосаксонского) мирового господства в результате смены контроля над мировым океаном и прибрежными зонами, перераспределения зон влияния в мире, развития региональных держав (Китая, России, Индии, Латинской Америки) до уровня мировых и превращения Европы в самостоятельного субъекта геостратегии.

Чрезвычайно важным в работах Э. Куто-Бегари является концептуальный анализ военно-морской стратегии США и НАТО, а также других крупных игроков, имеющих военный флот, в условиях начала XXI в. Это пересмотр на новом уровне и с опорой на новые данные и исторические условия классических тезисов Ф. Ратцеля, А. Мэхэна, Х. Макиндера и К. Хаусхофера. Особое внимание Э. Куто-Бегари уделяет роли авианосцев в современной морской стратегии.

---

[1] *Coutau-Bégarie H.* La Lutte pour l'empire de la mer. P.: Economica, 1999.

[2] *Coutau-Bégarie H.* Pensée stratégique et humanisme. P.: Economica, 2000.

[3] *Coutau-Bégarie H.* Géostratégie du Pacifique. P.: Economica, 2001.

[4] *Coutau-Bégarie H.* Marins et océans. 2 v. P.: Economica, 1999.

[5] *Coutau-Bégarie H.* 2030, la fin de la mondialisation? P.:Artege, 2009.

4.3.10. Э. Шопрад, Ф. Туаль, П. Лоро, П. Беар: геополитика европейского неореализма

К умеренному евроконтинентализму склоняется группа французских геополитиков нового поколения, которых принято называть «*неореалистами*» во внешней политике. Эта группа сложилась вокруг «Французского геополитического журнала» («La Revue française de géopolitique») и Международной Академии Геополитики. Вдохновителями этой группы являются Франсуа Тюаль, Эмрик Шопрад, Паскаль Лоро и Пьер Беар. Их позиции отличаются от предшествующего поколения французских геополитиков школы Ива Лакоста (о чем речь пойдет дальше) тем, что они, в целом, принимают дуализм Суши и Моря и не стараются лишить геополитику ее конфликтологической составляющей. Но в отличие от более последовательных евроконтиненталистов их антиатлантизм не носит ярко выраженного характера, т. е. они остаются в рамках геополитики «береговой зоны», которую мы назвали «*геополитикой-3*» и которая будет рассматриваться нами отдельно.

Эту группу европейских реалистов можно отнести с равным основанием и к умеренным евроконтиненталистам, и к радикальным представителям «геополитики-3». То, что мы рассматриваем их все же в контексте «геополитики Суши», объясняется резкостью и предельной адекватностью геополитического анализа вдохновителя группы Франсуа Тюаля, осуществляемого, исходя из строго европейских интересов, а также эволюцией взглядов Эмрика Шопрада, чьи позиции отличаются нарастающим радикализмом и неприятием глобализации, атлантизма, что выражается, в частности, в его жесткой критике курса Президента Франции Николя Саркози на сближение с США и НАТО. Это стоило Э. Шопраду научной карьеры и гонений в широкой прессе. Всегда тяготевший к континентализму, Шопрад вынужден в такой ситуации выражать свои взгляды все более и более четко и однозначно. Шопрад близок по взглядам к Алену де Бенуа и регулярно печатается в изданиях GRECE — в частности, в журнале «Elements».

Шопрад занимается как вопросами общей геополитической теории[1], так и конкретным геополитическим мониторингом[2], что делает его особенно интересным. Он принимает дуальную топику классической геополитики и применяет ее к своему геополитиче-

---

[1] *Chauprade Aymeric.* Introduction à l'analyse géopolitique. Paris: Ellipses, 1999; *Idem.* Géopolitique — Constantes et changements dans l'histoire. Paris: Ellipses, 2007.

[2] *Chauprade A.* Les Balkans, la Guerre du Kosovo (en collaboration). Paris / Lausanne: L'Âge d'Homme, 2000; *Idem.* Géopolitique des États-Unis (culture, intérêts, stratégies). Paris: Ellipses, 2003; *Idem.* Une nouvelle géopolitique du pétrole en Afrique // Chronique du choc des civilizations. 2009. Editions Chronique. Janvier.

скому анализу. При этом сам он квалифицирует себя как носителя строго европейского подхода, определяя свое отношения к общему балансу сил. Шопрад прослеживает продолжение «Большой Игры»[1] между Британией и Российской Империей в новых условиях, когда на место Британии встали США и НАТО, а Российская Империя, пройдя через период СССР, превратилась (в урезанном виде) в современную демократическую Российскую Федерацию. И хотя основное напряжение складывается между клубом стран «либеральных демократий» (страны НАТО и их союзники) и странами «оси зла» (Северная Корея, Иран, Венесуэла, Боливия, Куба), истинной подоплекой системы международных отношений остается геополитическое противостояние атлантизма и Heartland'a, а «ось зла» — лишь отдельные сегменты «береговой зоны», над которыми «цивилизации Моря» пока не удалось установить полного контроля или которые из-под этого контроля вышли. Кристально ясно Шопрад излагает эту тему в статье с выразительным названием «Россия — главное препятствие на пути создания американского мира»[2].

Э. Шопрад вместе с Ф. Тюалем является соавтором «Словаря геополитики»[3].

Франсуа Тюаль, в свою очередь, может быть назван одним из ведущих современных французских геополитиков. В первую очередь, он известен документированными и скрупулезными анализами религиозных проблем, выстроенными на основании геополитического метода[4]. Ему принадлежат исчерпывающие исследования по геополитике Израиля[5] и еврейской идентичности и демографии[6], по геополитике буддизма[7], геополитике шиизма[8], геополитической истории православных народов[9]. Эти работы характеризуются глубоким проникновением в духовную природу рассматриваемых религий, чем принципиально отличаются в лучшую сторону от обычного политологического анализа проблем, связанных с религией.

---

[1] *Шопрад Э.* Большая игра // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 890—892.

[2] *Шопрад Э.* Россия, главное препятствие на пути создания американского мира // Русское время. 2009. №2.

[3] *Chauprade A., Thual F.* Dictionnaire de géopolitique. Paris: Ellipses, 1999.

[4] *Thual F.* Géopolitique des religions. Le Dieu fragmenté. Paris: Ellipses, 2004.

[5] *Thual F. Encel F.* Géopolitique d'Israël: Dictionnaire pour sortir des fantasmes. Paris: Seuil, 2004.

[6] *Thual F.* Le Fait juif dans le monde: Géopolitique et démographieю Paris: Odile Jacobs, 2010.

[7] *Thual F.* Géopolitique du Bouddhisme. P.:Editions des Syrtes, 2002.

[8] *Thual F.* Géopolitique du chiisme. P.: Arléa, 1995.

[9] *Thual F.* Géopolitique de l'Orthodoxie. Paris: Dunod, 1993

Тюаль пишет несколько основательных работ по общим темам теоретической геополитики — «Конфликты идентичности»[1], «Контролировать и сопротивляться»[2], «Методы геополитики»[3], «Геополитические точки отсчета»[4], «Желание территорий»[5], «Международные точки отсчета: событие в контексте геополитики»[6], «Растолченная планета. Расчленять и разыгрывать в лотерею: новый способ доминировать»[7] и т. д. Все эти работы интересны тем, что они представляют собой совершенно новый поворот в осмыслении геополитической топики. С одной стороны, они отталкиваются от классической геополитики, основы которой автор прекрасно усвоил и которыми постоянно внутренне руководствуется. Но, с другой стороны, Тюаль учел как развернутую критику геополитической классики, так и попытки нового осмысления геополитики в леволиберальной умеренной школе Ива Лакоста (М. Фуше, Э. Куто-Бегари, Ф. Моро-Десфарж, Ж.-К. Рюфен, Ф. Жуайо и т. д.), которые представляют большой интерес с точки зрения анализа новых политических, социальных, информационных и экономических реалий.

В результате мы имеем выраженную современным языком полноценную *геополитическую методологию*, следующую основным силовым линиям классической геополитики, с признанием геополитического дуализма Суши и Моря, качественного пространства (Тюаль называет это «морфогенезом»), подвижных границ, законов экспансии, влияния ландшафта на культуру и т. д., но вместе с тем, учитывающую многообразие новых политических и социальных форм динамичного современного мира.

Не меньшего внимания заслуживают работы Тюаля, посвященные геополитическому анализу конкретных региональных проблем — конфликта вокруг Нагорного Карабаха[8], войны в Ираке[9],

[1] *Thual F.* Les conflits identitaires. Paris: Ellipses, 1998.

[2] *Thual F.* Contrôler et contrer. Stratégies géopolitiques, Paris, Ellipses, 2000.

[3] *Thual F.* Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. Paris: Ellipses, 1996.

[4] *Thual F.* Repères géopolitiques. Paris: La documentation française, 1995.

[5] *Thual F.* Le désir de territoire. Morphogenèses territoriales et identities. Paris: Ellipses, 1999.

[6] *Thual F.* Repères internationaux. L'évènement au crible de la géopolitique. Paris: Ellipses, 1997.

[7] *Thual F.* La planète émiettée. Morceler et lottir, un nouvel art de dominer. *P.:* Arléa, 2002.

[8] *Thual F.* La crise du Haut-Karabakh. Une citadelle assiégée?, Paris, IRIS, 2003.

[9] *Thual F.* Bagdad 2000. L'avenir géopolitique de l'Irak (avec André Dulait), Paris, Ellipses, 1999.

геополитике Латинской Америки[1], геополитике Кавказа[2], геополитике Каспия[3] и т. д.

И, наконец, чрезвычайно важными являются работы Ф. Тюаля, посвященные связи геополитики со спецслужбами[4] и тайными обществами (такими как франк-масонерия, которой Тюаль посвятил отдельное исследование — «Геополитика масонства»[5]). Эти весьма деликатные темы, трудные для рационального анализа и неизменно вызывающие нездоровый ажиотаж, рассматриваются нами в книге «Конспирология»[6].

К группе геополитиков «неореалистов» примыкает Паскаль Лоро, соавтор Ф. Тюаля по учебному пособию по геополитике[7], популярному во французских Университетах. П. Лоро приоритетно сосредоточил внимание на сфере «геоэкономики», применив к анализу экономической ситуации полноценный геополитический аппарат. Наряду с Эдвардом Люттваком[8] он считается специалистом мирового уровня в этой области. Его принадлежность к школе геополитиков-неореалистов сказывается в том, что он не подменяет экономическими закономерностями геополитические, как делают некоторые экономисты, критически настроенные к геополитике, но, напротив, вписывает экономические факторы, конфликты и проблемы современности в классическую геополитическую топику.

П. Лоро — соредактор основательного исследования о геополитике Океана[9] в ее современном состоянии. В нем тщательно и скрупулезно анализируется структура «морской силы» на современном этапе.

С неореалистами сотрудничает еще один современный французский геополитик — Пьер Беар, разделяющий континенталист-

---

[1] *Thual F.* Abrégé géopolitique de l'Amérique latine, Paris, Ellipses, 2006.

[2] *Thual F.* Géopolitique des Caucases, Paris, Ellipses, 2004.

[3] *Thual F.* La nouvelle Caspienne. Les nouveaux enjeux post-soviétiques (avec André Dulait), Paris, Ellipses, 1998.

[4] *Thual F.* Services secrets et géopolitique (entretiens avec l'amiral Pierre Lacoste). Lavauzelle, 2004.

[5] *Thual F.* Géopolitique de la franc-maçonnerie, Paris, Dunod, 1994. Этой же теме посвящен специальный выпуск журнала «Géopolitique». 2007. №° 97.

[6] *Дугин А.Г.* Ордена и разведки // Дугин А.Г. Конспирология. М.: РОФ «Евразия», 2005.

[7] *Lorot P., Thual F.* La Géopolitique. P.: Montchretien, 1997.

[8] *Luttwak Edward N.* From Geopolitics to'Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce//The National Interest. 1990.Summer. C. 17—23; *Idem.* The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York, 1993.

[9] *Lorot P. Guellec J.* (ed.) Planète Océane. L'essentiel de la mer. P.: Choiseul, 2006.

ские идеи и являющийся автором программной работы с говорящим названием: «Геополитика для Европы: к новой Евразии»[1].

4.3.11. Геополитика как метод современного политического анализа

Франсуа Тюаль строго определяет структуру современного геополитического анализа[2] в духе неореализма.

Каждое событие международной жизни, и особенно острое событие (напряженность, кризис, конфликт, переговоры), должно быть проанализировано вне контекста его сопровождающей дипломатической, идеологической и гуманитарной риторики. Необходимо холодно ответить на следующие вопросы:

Кто чего хочет?

От кого?

Как?

Почему?

Иными словами, необходимо идентифицировать акторов, проанализировать их мотивации, отметить создающиеся или распадающиеся альянсы — на локальном, региональном, континентальном или интернациональном уровнях.

Ф. Тюаль замечает, что геополитику нельзя назвать «строгой наукой» т. к. в каждой конкретной политической ситуации набор одних и тех же факторов иерархизируется по-разному, что не поддается однозначному механическому прогнозированию (как жизнь). Поэтому геополитика позволяет анализировать и прогнозировать, но не может заменить собой политику с ее открытой системой принятия решений.

Анализ каждой конкретной ситуации должен начинаться с понимания ее как *цельного феномена*, с непременным выяснением «интенциональности», «намеренности», в нем заложенных. Каждое геополитическое действие может быть сведено к иерархической сети установок, которые подчиняются либо логике *амбиций*, либо логике защиты от существующих *угроз*. В любом событии на международной арене кто-то стремится реализовать свои амбиции, а кто-то увернуться от угрозы, которую представляет собой такое желание другого.

Как только амбиции акторов и угрозы для акторов выявлены в цельном феномене, геополитик анализирует средства, находящиеся в распоряжении сторон — *диспозитивы*.

---

[1] *Behar P.* Une géopolitique pour l'Europe, vers une nouvelle Eurasie. P.: Editions Desjonquères, 1992.

[2] *Thual F.* Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. Paris: Ellipses, 1996.

Диспозитивы бывают дипломатические, военные и иные, специальные. Они также должны быть холодно проанализированы. Главным дипломатическим диспозитивом является «альянс».

Альянс бывает трех видов:

— во имя удовлетворения амбиций;
— во имя защиты от угрозы;
— во имя стабилизации региона.

Военный диспозитив состоит в имеющемся вооружении. В наше время эта категория является не статической, а динамической и многосторонней, поэтому геополитический анализ военного диспозитива атаки и нападения сводится к выяснению следующих вопросов:

Какое оружие производится самим актором?

Какое оружие экспортируется?

Куда?

Зачем?

Далее следует анализ диспозитива специальных средств. К ним Тюаль относит системы:

— шпионажа;
— контршпионажа;
— актов (подразумевающих насильственные действия).

К «актам» он относит чаще всего террористические акты.

Геополитика заинтересована в анализе диспозитива специальных средств, т. е. спецслужб по двум причинам:

— для осуществления своей деятельности спецслужбы должны иметь представление о настоящей интенции (намерении) актора, а не о том, что актор хочет протранслировать другим;
— инструментарий спецслужб является одним из самых эффективных для осуществления поставленных задач.

Именно этим определяется повышенный интерес Ф. Тюаля к спецслужбам и их деятельности, отраженный в его книге «Спецслужбы и геополитика»[1].

Следующий уровень геополитического анализа состоит в «пространственном ситуировании» события. Для этого геополитик предпринимает анализ «морфогенеза» данной территории: исследует, когда и каким образом сложились границы, как изменился политический строй в истории, каковые традиционные амбиции и угрозы, локализованные в пространстве соседних территорий и т. д.

Геополитический анализ позволяет корректно расшифровывать кризисы и восстанавливать их смысл. Вначале, рекомендует Тюаль, надо отбросить ту трактовку, которую предлагают широкие СМИ; она заведомо и во всех случаях является отвлекающим маневром.

---

[1] *Thual F.* Services secrets et géopolitique.

Далее, необходимо четко локализовать очаг кризиса, корректно описать его структуру, участников, природу. Далее надо поместить этот очаг в более широкую локальную ситуацию, затем — в региональную, далее — в континентальную и международную (планетарную). Геополитика настаивает, что все локальные процессы имеют свои конечные объяснения в глобальных закономерностях. Законченный геополитический анализ любого события должен привести нас либо к «Морю», либо к «Суше».

Корректное прочтение кризиса должно осуществляться одновременно на трех уровнях причинности (каузальности):

- *ситуация*: почему вчера, позавчера или позапозавчера было предпринято то или иное дипломатическое или военное действие;
- *конъюнктура*: каковы мотивации и амбиции конфликтующих сторон;
- *структура*: как причины конфликта выглядят в длительной перспективе порядка 50, 60 или 100 лет.

Если геополитику удастся получить достоверную информацию из области третьего диспозитива — диспозитива спецслужб, то его анализ упрощается, т. к. интенция акторов становится более ясной.

4.3.12. Л. Ляруш и У. Энгдаль: американские геополитики против атлантизма

К континентальной традиции в геополитике можно добавить и совсем экстравагантные случаи, когда американские геополитики выходят из-под контроля атлантистской парадигмы и становятся к ней в оппозицию. Это, конечно, случаи маргинальные и единичные, но по степени научной и методологической ценности они вполне могут представлять собой определенный интерес. В качестве примеров такого подхода можно упомянуть двух американцев: Линдона Ляруша и Уильяма Энгдаля.

Линдон Ляруш[1] в США считается деятелем ультрамаргинальным и его идеи ассоциируются с тем, что принято называть «lunatic fringe» (дословно «маргинальные сумасшедшие»). В этом смысле в современной России употребляется слэнговое выражение «демшиза» (употребляемое для обобщенного описания политико-идеологического портрета сотрудников ультралиберальной радиостанции

---

[1] *LaRouche L.* The Science of Christian Economy. Washington, D.C.: Schiller Institute, 1991; Idem. The Economics of the Nöosphere Washington, D.C.: EIR News Service, 2001*; Idem.* Imperialism The Final Stage of Bolshevism. New York: New Benjamin Franklin House, 1984; *Idem*. The Power of Reason, 1988 An Autobiography. Washington, D.C.: Executive Intelligence Review, 1987; *Idem.* There Are No Limits to Growth. New York: New Benjamin Franklin House, 1983. На рус. яз.: *Ляруш Л*. Физическая экономика. М.: Научная книга, 1997.

«Эхо Москвы», регулярных посетителей митингов в поддержку опального олигарха М. Ходорковского или фанатических приверженцев правозащитного движения). Но по закону обратного соответствия то, что в евразийской России видится как экзотический маргинализм, в США и на атлантистском Западе является нормативным центристским дискурсом; и наоборот, то, что в США представляется как миноритарная экзотика, вполне соответствует усредненным массовым представлениям в России. Ляруш высказывает взгляды, которые вполне можно назвать «евразийскими», что в контексте США выглядит чрезвычайно экстравагантно.

Идея Ляруша строится на теории заговора (что не прибавляет ему академического престижа), а сектантская манера доносить свои идеи до широкой публики вовсе ставит его по ту сторону вменяемости. Если отбросить эти соображения и посмотреть на содержание того, что хочет сказать Ляруш и его (кстати, весьма многочисленные в США и Европе) последователи, то мы получим следующее.

США изначально была страной сухопутной, «евразийской», «от моря до моря», построенной на принципах *«континентальной автаркии»* — не случайно Ф. Ратцель и Ф. Лист, отцы основатели континентальной политической географии и экономического национализма, вдохновлялись в XIX в. именно американским опытом. Но под влиянием Англии и европейских «тайных обществ», руководимых английской элитой, США через серию удачных операций оказались в позиции «морской державы», которая призвана таскать каштаны из огня во имя этой самой «космополитической элиты», строить глобальную империю, восстанавливать все народы мира против себя, принося в жертву собственный народ, традиции, принципы и т. д. «Новый мировой порядок», который сегодня строят США, служит не их интересам, утверждает Ляруш, но интересам европейских глобалистов, которые просто используют США в своих целях для строительства глобальной капиталистической империи и установления «мирового правительства», после чего население США, как и население всего остального мира, превратится в рабов новой глобалистской, космополитической и либерал-капиталистической аристократии.

Таким образом, Ляруш считает, что американский империализм не служит интересам США, но противоречит им, а приемлемым для США вариантом был бы переход к многополярному миру, ограничение «доктриной Монро» и сосредоточение на внутренних проблемах.

Таким образом, проект Ляруша полностью соответствует взгляду «цивилизации Суши» на развертывающиеся сегодня события. Не случайно у Ляруша нашлось много сторонников в Европе, а также в России. Будучи аутсайдером в самих США, в России Ляруш встречается с высокопоставленными политическими деятелями, которые внимательно прислушиваются к его анализам.

В таком же ключе работает и другой американский геополитик — Уильям Энгдаль[1]. Основная идея Энгдаля состоит в том, что мировая экономическая элита стремится установить миропорядок без учета интересов населения Земли. Главным инструментом в новой стратегии установления глобального рабства является нефть и, шире, энергоресурсы, присваиваемые транснациональными корпорациями, стремящимися установить эгоистическую диктатуру и не подконтрольными никаким легальным и демократическим процедурам. Энгдаль сосредотачивается на геополитике природных ресурсов и на основании огромного проработанного им материала чертит систему международной политики, смысл которой точно соответствует наступлению «цивилизации Моря» на «цивилизацию Суши», но только в энергетической сфере. Манипуляциями на рынке нефти со стороны транснациональных компаний США и Англии Энгдаль объясняет и развал СССР, и экономическую конкуренцию между США и Европой, и сегодняшний экономический кризис. Отталкиваясь от фразы Г. Киссинджера «контролируя нефть, вы контролируете государства», Энгдаль строит систему геополитики энергоресурсов.

Основной вывод из трудов Энгдаля в целом совпадает с классическими закономерностями, лежащими в основе классической геополитики. В целях обеспечения мирового господства цивилизация Моря (англосаксонский мир и его политические и экономические элиты) стремится установить контроль над Heartland'ом. Но в начале XXI в. этот контроль выражается в экономической и энергетической сфере, а маршруты прокладки энергопроводов и разведка месторождений нефти и газа заменяют собой военно-политические столкновения предшествующих эпох.

Поместить идеи Ляруша и Энгдаля в раздел «геополитики Суши» нас заставляет то, что они относятся к этим атлантистским инициативам критически и полностью солидарны с теми силами, которые стоят на противоположной стороне — т. е. с континенталистами.

4.4. Геополитика Суши: неоевразийский синтез

4.4.1. Конец Ялтинского мира и второе рождение геополитики

С распадом СССР и крушением идеологии марксизма-ленинизма человечество вступило в совершенно новую фазу. Измени-

[1] *William Engdahl F.* Gods of Money: Wall Street and the Death of the American Century. edition. engdahl, 2010; *Idem.* Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009; *Idem.* Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. London: Pluto 2004. На рус. яз. см.: *Энгдаль Уильям Ф.* Столетие войны.М.: Геликон Плюс, 2008.

лись базовые стратегические и идеологические условия Большой игры.

Ялтинский мир, основанный на конкуренции двух идеологий и двух политических пространств, сконфигурированных на основе этих идеологий, упорядоченных, контролируемых и консолидированных устойчиво сложившимися методами, стремительно рухнул. Начался бурный передел зон влияния и этап радикально новой организации политического пространства планеты.

В конце 80 — начале 90-х годов XX в. геополитика переживает планетарный ренессанс: новая стратегическая карта мира требует объяснения, упорядочивания, структуризации и собственно организации. Все это происходит не само собой, но выстраивается людьми, которым необходимы планы, проекты, «дорожные карты» и общий алгоритм действий. Идеология, которая сводилась к формуле «капитализм или социализм», почти мгновенно утратила свою релевантность в тот момент, когда Россия отказалась от социализма. Поэтому и Москва потеряла структуру геополитического осмысления происходящих событий как в России, так и за ее пределами, и Запад утратил упрощенную модель объяснения мировых процессов, основанную на необходимости усиливать позиции в конкуренции двух систем.

Победа Запада в «холодной войне» и стремительная самоликвидация «восточного лагеря», а затем и СССР, идеологически разоружила как выигравших, так и проигравших. Россия не имела идейной базы для определения своего дальнейшего поведения в мире, для реорганизации своего политического пространства, а Запад не мог по инерции продолжать давить на Россию, «наказывать за прошлое», поскольку СССР Горбачева и Россия Ельцина сдались добровольно, лишь формально не признав своего поражения и не допустив полной оккупации своих территорий противником.

Так возникла ситуация «неопределенности» или «переходный период», в котором было более или менее ясно, *откуда* осуществляется этот переход, но совершенно не очевидно, переходом *куда* он служит. Россия существенно отступила, но не подчинилась окончательно, а для ведения против нее классических стратегических операций на фундаменте либеральной капиталистической идеологии больше не было оснований. Гигантская машина антисоветской пропаганды, десятки тысяч специалистов «холодной войны», целые отрасли спецслужб оказались в подвешенном состоянии.

Противостояние капитализма и социализма безвозвратно закончилось. Новая политическая карта требовала новых методов осмысления проблем.

И оказалось, что никаких других внятных инструментов, кроме геополитики, нет. Начиная с момента краха советского государства, геополитика переживает свое новое рождение и становится

преимущественной дисциплиной для анализа и планирования международных отношений.

4.4.2. Евразийские исследования в США: от советологии к геополитике

Лучше всего к этой ситуации были готовы американцы. Мы подробно рассмотрели, как геополитические исследования, ни на минуту не прерываясь в этой стране, служили картой «истинных намерений», интенций (словами Ф. Тюаля) США. Будучи делом отдельных влиятельных неправительственных организаций (таких как CFR) или спецслужб (ЦРУ, РУМ, отдельные департаменты Пентагона и т. д.), геополитика являлась той параллельной дисциплиной, которая обслуживала рутинную практику ведения «холодной войны», основные принципы которой декларировались для широкой публики в идеологических терминах (демократия, антикоммунизм, либерализм, рынок, права человека и т. п.), при том, что стратегическое обеспечение шло своим чередом — с опорой на геополитику атлантизма.

После 1991 г. Россия Ельцина формально приняла *все идеологические установки* вчерашнего противника, установила демократию, либерализм, приватизировала экономику, легализовала частные СМИ, многопартийность и другие клише Запада, включая осуждение коммунистического периода как тоталитаризма, реабилитацию диссидентов и т. д. Единственное, чего не могла сделать Россия, это изменить свое географическое положение и стереть из памяти политическую и социальную историю. Иными словами, *Россия не могла перестать быть Heartland'ом*, и это создавало большие проблемы для Запада. Этот факт создавал проблемы в первую очередь и для самой России. Перед ней стоял трудный выбор: либо идти к полному самоубийству и территориальному распаду, десуверенизации и прямой (пусть экономической, информационной, социальной и т. д.) оккупации, принимая логику победившего Запада, либо в какой-то момент остановиться и обозначить пределы своего падения, что неминуемо привело бы к новой конфронтации с «цивилизацией Моря». В обоих случаях требовалась внятная программа действий, связанная с политической организацией пространства, т. е. геополитика.

Но и США вместе с НАТО оказались в непростой ситуации. Им необходимы были новые аргументы для того, чтобы продолжать давление на Россию, теперь уже принявшую либерально-демократическую идеологию. Следовательно, ничего не оставалось делать, как вывести геополитику из параллельной, донной стратегической модели политического мышления в открытую сферу и превратить ее в основу планетарной стратегии.

В США так и произошло: началось серьезное оживление геополитических исследований. Геополитика встала в центре внимания главных аналитиков и экспертов — Г. Киссинджера, З. Бжезинского, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и др., которые и так давно были к этому готовы. «Неоконсы» открыто заговорили о «мировой доминации США», «о благой гегемонии» (У. Кристолл), об «американской империи» (Р. Каплан) и тем самым откровенно перешли на язык власти, силы и могущества, что применительно к политическому пространству мира давало именно геополитику.

Пол Волфовиц, о котором говорилось в главе, посвященной американским геополитикам, в 1992 г., сразу после распада СССР выдвинул стратегический тезис о «недопущении возврата Евразии к самостоятельной политике», т. е. перешел к строго геополитическим аргументам. З. Бжезинский в «великой шахматной доске»[1] с удивительной откровенностью принялся описывать процесс и этапы расчленения России и превращения ее в «черную дыру» (ровно так, как это делал Х. Макиндер в начале 1920-х гг.). Проект Макиндера по организации на территории России прозападных марионеточных лимитрофных политических образований на 80% был осуществлен, дело оставалось за малым — завершить расчленение самой Российской Федерации.

Карта 30. Карта предполагаемого расчленения России по З. Бжезинскому. «Foreign Affairs» (1997, сентябрь—октябрь)

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

Этот процесс теоретически сконфигурировал З. Бжезинский, предложив опереться на исламских фундаменталистов и этносепаратистов Северного Кавказа, по аналогии с тем, как несколькими десятилетими ранее он же с успехом мобилизовал афганских исламистов (среди которых тогда находился Усама бен Ладен) на борьбу с советской армией в Афганистане. И действительно, началась первая Чеченская компания, которая должна была бы привести к созданию особой зоны на Северном Кавказе, не подконтрольной Москве (проект Х. Макиндера «Независимый Дагестан»).

Параллельно этому все бывшие «советологические» организации и соответствующие отделы спецслужб США меняют свои названия на « евразийские»: появляются«Eurasian Affairs», «Eurasian studies», фонды «Eurasia», «New Eurasia» и т. д. Идеологическая борьба спешно переводится в геополитическое русло с соответствующей сменой концептуального аппарата: ведь «Евразия» — это строго геополитический термин, означающий цивилизацию, альтернативную «цивилизации Моря» (то есть атлантизму, США и НАТО), «цивилизацию Суши», Heartland.

Как американская «советология» существовала не сама по себе в качестве сферы абстрактного научного интереса, но являлась областью разработки стратегии холодной войны и находилась в ведении политического управления США, силовых министерств и спецслужб, так и «евразийские исследования» в США, начиная с 1990-х гг., означают отнюдь не праздный интерес к культурам и социальным особенностям народов и стран евразийского материка. Американские «евразийские исследования» — это область разработки эффективной стратегии по сдерживанию, ослаблению, расчленению и возможной оккупации Heartland'а, что, как мы знаем, гарантирует установление и закрепление мирового господства.

Термин «Eurasia» в США используют только атлантисты, и он имеет совершенно однозначный смысл — такой же, как «СССР» для убежденных сторонников капиталистического Запада. Многочисленные неправительственные фонды, созданные в США и Европе с названиями «Eurasia», «New Eurasia» и т. д. служат формальным прикрытием для ведения подрывной и разведывательной деятельности на территории потенциального противника (это всплыло, например, в шпионской истории с камнем, в котором американский резидент и по совместительству финансист московского отделения Фонда «Евразия» Марк Доу хранил и передавал шпионскую информацию[1]).

---

[1] *Виноградов М.* Камень-шпион. ФСБ разоблачила британских агентов-дипломатов // Известия. 2006. 24.01. [Электронный ресурс]. URL: http://www. izvestia.ru/ russia/article3059065/ (дата обращения 25.07.2010).

4.4.3. Рождение современной русской школы геополитики. Неоевразийство и «Основы геополитики»

Именно в этот исторический момент в России публикуются первая информация о геополитике как особой дисциплине, о дуальной топике Суша/Море, о «великой войне континентов», о геополитической подоплеке «холодной войны», о законах территориальной экспансии, автаркии, значении битвы за «береговые зоны» и т. д. Первым исследованием в этой сфере стал цикл статей «Великая война континентов»[1], опубликованный в газете «День» в январе—апреле 1992 г., сразу после распада СССР в декабре 1991. В этой работе излагалась довольно экстравагантная (в редакции Жана Парвулеско) версия геополитического противостояния двух континентов, двух великих цивилизаций — морской и сухопутной — с некоторыми экстраполяциями, касающимися актуальной ситуации в России, а также русской и советской истории. Самое важное состоит в том, что в этой полемической работе в литературной и публицистической форме были представлены основные темы и термины классического геополитического анализа.

В августе этого же 1992 г. Москву посетил бельгийский геополитик Жан Тириар и дал серию открытых лекций и интервью, а также встретился с рядом оппозиционных Ельцину политических деятелей — Е. Лигачевым, А. Прохановым, Г. Зюгановым, С. Бабуриным и т. д.

В этом же году в Россию совершила официальный визит делегация GRECE во главе с Аленом де Бенуа, который прочитал серию лекций, в том числе и на кафедре стратегии Академии Генерального Штаба. В 1992 г. начал выходить журнал «Элементы. Евразийское обозрение», который позиционировал себя как орган, возрождающий Евразийское движение и приоритетное внимание уделяющий вопросам геополитики. В этом издании, выходившим вплоть до 1998 г., регулярно печатались тексты классиков геополитики, современные европейские и отечественные авторы, публиковались интервью ведущих специалистов в области геополитики и стратегии.

Так в 1990-е гг. после длительного периода исключительного доминирования марксистко-ленинской идеологии в России открывается область геополитики и начинается процесс полноценных геополитических исследований.

Следует обратить внимание на основные черты созданной русской геополитической школы, которая с самых первых шагов:

- осознавала себя строго *континентальной* и, соответственно, *евразийской*, стоящей на позициях «*цивилизации Суши*» и от-

[1] *Дугин А.Г.* Великая война континентов // День. 1992. Январь—апрель. Издано в кн.: *Дугин А.Г.* Конспирология. М.: РОФ «Евразия», 2005.

стаивающей ее интересы (поэтому эта школа фактически была *тождественна евразийству* как мировоззрению и политической философии и совпадала с ним);

- начала работу по *открытию геополитического наследия России* — в первую очередь, авторов евразийского движения и русских представителей «политической географии», а также военной стратегии и экономической географии;
- самым *внимательным и серьезным образом отнеслась к геополитическим теориям атлантизма*, их стратегиям и методологиям, к этапам эволюции атлантистской геостратегии, к планам, проектам и намерениям «цивилизации Моря», а также к реальным воплощениям англосаксонской геополитической мысли (планирование, прогноз, анализ) в истории XX в.;
- поставила *идеологические* трансформации и расколы России (царизм, социализм, демократия) на *второстепенное место* перед лицом *преемственности* всех режимов и политических систем *константам континентальной геополитики* и геостратегии, и на этом основании предложила геополитический взгляд на русскую историю и проект «Геополитического будущего России»;
- тщательно проанализировала теории и методологии *геополитики Германии* (1920—40-х гг.) и *континентального направления в европейской геополитике 1950—80-х гг.* и, выявив в ней наиболее ценные и актуальные элементы, инкорпорировала их в структуру вновь формирующейся евразийской геополитической науки (это, в частности, заставило скорректировать евразийскую критику романо-германского мира, перейдя к более сфокусированному видению англосаксонской цивилизации как кристального воплощения «цивилизации Моря» и германской цивилизации как воплощения преимущественно тенденций континентализма, теллурократии);
- установила *контакты с ведущими мировыми центрами геополитических исследований* для постоянного диалога в научной и методологической областях;
- заняла *критическую позицию* по отношению к тем идеологическим формам, под эгидой которых атлантизм нанес серьезные геополитические удары по Heartland'у (капитализм, глобализм/мондиализм, либеральная демократия, мировой рынок, права человека и т. п.);
- категорически *осудила* модели *однополярного мира* и *американской планетарной доминации*, призвав все народы сплотиться для того, чтобы дать этому совместный отпор;
- *отвергла процесс глобализации* как завуалированную форму американо-европейского колониализма, как модель навязывания всем народам и культурам единого культурного, социального, политического и технологического кода;

- *выступила с программой переустройства мира на евразийских основаниях* — многополярности, создания «больших пространств», сотрудничества с Объединенной Европой, великими азиатскими державами, исламским миром, Латинской Америкой, антиколониальными движениями в Африке;
- выдвинула тезис о *реинтеграции постсоветского пространства в «Евразийский Союз»* или «демократическую империю» с соблюдением «прав народов»;
- обосновала необходимость *континентальных альянсов* Москва — Берлин — Париж (западная ось), Москва — Тегеран и Москва — Дели (южная ось), Москва — Токио и Москва — Пекин (восточная ось);
- утвердила *суверенитет и территориальную целостность* России как абсолютную геополитическую и историческую *ценность*;
- категорически выступила *против расширения НАТО на Восток*, вступления в НАТО стран СНГ, деятельности внутри самой России агентурной сети атлантизма — аналитиков, экспертов, правозащитников, политиков, общественных деятелей, прямо или косвенно отстаивающих западные интересы в политике, экономике, культуре, идеологии и финансируемых и инструктируемых западными центрами (в том числе разведывательными);
- во внутренней политике обратила внимание на *недопустимость распада России по этно-национальному и территориальному признаку*, выступила против суверенитета национальных республик как подрыва государственной безопасности России, за унификацию стратегического управления страной и укрепление вертикали власти;
- призвала ориентироваться *на сотрудничество российских и евразийских этносов* в деле общего державостроительства, с укреплением их культурной и религиозной самобытности и идентичности;
- привлекла внимание *к важности традиционных конфессий России*, и в первую очередь *Православия*, в деле возрождения и укрепления российской идентичности и увеличения духовной составляющей геополитического потенциала, призвала к сотрудничеству *Русской Православной Церкви с традиционным исламом* на основе общих традиционных ценностей, «сухопутного» стиля цивилизации, исторических примеров гармоничного сосуществования и сотрудничества;
- осудила все формы *национального радикализма и расизма* (в том числе и русского) как наносящие вред полиэтнической евразийской структуре великой российской континентальной державы;

- обратила внимание на огромное социологическое значение *мифа и символа* в деле социальной и геополитической мобилизации народа;
- призвала рассматривать существующие *границы* России как *временные и требующие фундаментального пересмотра* в будущей евразийской конфигурации постсоветского пространства;
- выдвинула идею о *военно-политической, экономической и энергетической поддержке Россией всех постсоветских государств, ориентированных на интеграцию* — Беларусь, Казахстан, Таджикистан, об их ускоренной интеграции и создания на их базе «таможенного союза», и вместе с тем о необходимости давления на антироссийские режимы и круги в странах «ближнего зарубежья», об отказе от поддержки их территориальной целостности;
- призвала к созданию *военного союза* стран СНГ, ориентированных на сближение с Россией для асимметричного уравновешивания блока НАТО с постепенным расширением его в сторону других евразийских региональных государств (Иран, Индия, Китай);
- стала осуществлять последовательные шаги *по институционализации геополитических знаний*, включению геополитики в курс преподаваемых дисциплин в профильных ВУЗах, Университетах и Академиях;
- начала постоянный *геополитический мониторинг* международных событий, конфликтов и кризисов, регулярное производство открытых и закрытых разработок;
- по мере открывавшихся возможностей стала распространять *свои основные принципы и идеи в широких общественных, научных и политических кругах* — используя общенациональные, региональные и отраслевые СМИ, включая интернет;
- старалась влиять различными способами *на принятие политических решений* в соответствии с геополитическими интересами России;
- активизировала *международную деятельность* — приоритетно в странах СНГ, Ближнего Востока и Азии.

Практически *все* эти направления так или иначе отражены в программном тексте «Основы геополитики»[1], основное содержание которого было составлено к 1995 г., а позже несколько расширено и дополнено теоретическими исследованиями, переводами классиков геополитики и геополитическим (евразийским) анализом текущих событий. Первый вариант книги вышел в 1997,

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. 1-е изд. М.: Арктогея, 1997; 2-е изд. М.:1998; 3-е изд, расширенное, М.: Арктогея, 1999; 4-е изд. М:Арктогея, 2000.

а позже она выдержала несколько переизданий (третье и четвертое издания были дополнены и расширены). Существуют переводы «Основ Геополитики» на арабский[1], турецкий[2], сербский[3], грузинский[4], румынский[5] языки. Отдельные разделы и главы переведены на английский[6], французский[7], португальский[8], итальянский[9], персидский и другие языки. С *момента выхода «Основ геополитики» (1997) можно отсчитывать полноценное оформление российской геополитической (неоевразийской) школы*.

Это было чрезвычайно важным историческим моментом: спустя почти сто лет после появления геополитики как дисциплины Россия, которая всегда и всеми рассматривалась как ключевой игрок и пространство первостепенной важности, наконец-то обрела геополитическую субъектность, приступила к оформлению континентальной «геополитики-2», полноценной интегральной континентальной геополитической доктрины, резюмирующей все основные силовые моменты классической и современной геополитики в целом (с учетом англосаксонской, германской и европейской школ, береговой «геополитики-3», отдельных фрагментов, намеченных евразийцами и другими русскими континенталистами, стратегами и политическими географами).

4.4.4. Развитие геополитики в России и «Евразийское Движение»

Неоевразийская школа геополитики России как основное ее направление, логически вытекающее из самого географического положения России и логики ее исторического развития, складывалась более двадцати лет, начиная с конца 1980-х гг. Первым неоевразийским программным текстом можно считать нашу статью «Континент Россия»[10], опубликованную в альманахе Общества «Знания»

---

[1] *Dugin Iskander.* Feisaliny jeopolitidgi. Beyruth, 2004.

[2] *Dugin A.* Rus jeopolitigi avrasyaci yaklasim. Ankara, 2003.

[3] *Dugin A.* Osnove geopolitike. Beograd, 2004

[4] *Dugin A.* Geopolitikis safudzvlebi. Rusetis geopolitikis momavali. Tbilisi: Gamomgtsemloba, 1999.

[5] *Dughin A.* Fundamentele geopoliticii. Bucarest.:Andersen Media, 2010.

[6] *Dugin A.* Seminal writings. 3 v. L., 2000.

[7] *Douguine A.* Le prophete de l'eurasisme. Paris:Avatar, 2006; *Idem.* La grande guerre des continents. Paris:Avatar, 2006.

[8] *Dugin A.* A grande guerra dos continentos. Lisboa, 2010.

[9] Projetto Eurasia. Parma, 2008. *Dughin A.* Eurasia. La Rivoluzione Conservatrice in Russis. Roma, 2005.

[10] *Дугин А.Г.* Континент Россия / Континент Россия. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1990. Позже опубликована в кн.: *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. М.:Арктогея, 1996. Вошла в состав: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999. С. 575—590.

РСФСР в 1990 г., названному по имени этой статьи. За ней последовали тексты «Подсознание Евразии»[1], «Русское сердце Востока»[2], «Россия — дева солнечная»[3], ««Зеленая страна» Америка»[4], «Империя рая — Сибирь»[5] и т. д. Позже эти тексты вошли в нашу книгу «Мистерии Евразии», которая также была издана в Испании под названием «Rusia. Misterio de Eurasia»[6] («Россия. Загадка Евразии») и в Италии под названием «Continente Russia»[7] (Континент Россия»). В этих текстах утверждается приоритетное значение геополитики как важнейшей дисциплины, обосновывается необходимость континентального подхода к России, подчеркивается фактор качественного пространства как особого измерения мира по ту сторону субъектно-объектных пар, евразийство провозглашается мировоззрением, наиболее точно отвечающим истинным потребностям духовного возрождения русского общества и российской державы.

В редакционном обращении (Edito) в первом номере журнала «Элементы, Евразийское Обозрение» от 1992 г., под названием «Пробуждение стихий»[8] были сформулированы основные принципы восстанавливаемого Евразийского Движения. В нем провозглашалось, что «Элементы» — это интеллектуальная трибуна Евразии»[9], декларировалась убежденность «в величии и могуществе русского национального духа, в безграничной и животворной потенции России»[10], но при этом подчеркивалось: «Мы признаем за всеми народами право на Различие, на свой особый выбор, на свой собственный путь. И тем не менее мы провидим все же грядущую евразийскую империю, состоящую из разных этносов, народов, конфессий и политических образований, но сплоченную вокруг Континентальной Идеи»[11].

Параллельно изданию журнала «Элементов», вокруг которого сплотились те, кто заинтересовался геополитическими исследовани-

---

[1] *Дугин А.Г.* Подсознание Евразии // Панорама Азербайджана. 1991. 12—18 сентября. Позже опубликована в кн.: *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. Вошла в состав книги: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина.С. 591—601.

[2] *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. Вошла в состав кн.: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина. С. 602—613.

[3] *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. Вошла в состав кн.: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина. С. 614—633.

[4] *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. Вошла в состав кн.: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина. С. 645—658.

[5] *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии. Вошла в состав кн.: *Дугин А.Г.* Абсолютная Родина. С. 634—644.

[6] *Dugin A.* Rusia. Misterio de Eurasia. Madrid:Grupo Libro88, 1992.

[7] *Dughin A.* Continente Russia. Parma: All'isegno di Veltro, 1992.

[8] Пробуждение стихий//Элементы. 1992.№1. С. 3.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

ями и евразийской проблематикой — генерал-лейтенант Н.П. Клокотов, полковник Е.Ф. Морозов[1], молодые ученые, изучающие международные отношения, и историки В.Э. Молодяков[2], А.Б. Шатилов[3], С.Н. Константинов[4], В.В. Видеманн[5], В.И. Карпец[6], О.В. Фомин[7] и т. д., — неоевразийское интеллектуальное движение активно работает с общенациональными СМИ, публикуются сотни статей, интервью, переводов и рецензий. Совместно с издательством «Аграф» переиздаются труды евразийцев-классиков — Н.С. Трубецкого[8], П.Н.Савицкого[9],Н.Н.Алексеева[10],Г.В.Вернадского[11],Э.Хара-давана[12], Я.А. Бромберга[13] и других, с комментариями и предисловиями современных российских неоевразийцев. На радио в цикле авторских передач Finis Mundi (Радио 101-FM) в 1998 г. выходят историко-биографические программы, посвященные П.Н. Савицкому[14], Карлу Хаусхоферу[15], Жану Парвулеско[16] и их геополитическим идеям.

В 1999–2000 гг. еженедельные геополитические программы, с аналитическим мониторингом текущих событий выходят на радио «Свободная Россия».

---

[1] *Морозов Е.Ф.* План «анаконда» // Элементы. Евразийское обозрение. 1993. № 4; *Он же.* Теория Новороссии. — varvar.ru. [Электронный ресурс] URL: http://varvar.ru/arhiv/texts/morozov5.html (дата обращения 26.07.2010).

[2] *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999; *Он же.* Россия и Германия: дух Рапалло (1919–1932). М., 2009.

[3] *Шатилов А.Б.* Открывая евразийский архив//Элементы. № 3. 1993.

[4] *Константинов С.Н.* Сталин как геополитик//Элементы. 1993. № 4. 1993.

[5] *Видеман В.* Различные цивилизационные типы с точки зрения геополитических констант. — imperativ. net [Электронный ресурс]. URL:http://www. imperativ. net/imp5/11.html (дата обращения 26.07.2010); *Он же.* Континентальная интеграция: евразийская правовая модель. — varvar.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://varvar.ru/arhiv/texts/videman1.html (дата обращения 26.07.2010).

[6] *Карпец В., Назмутдинов Б.* Образ совершенного государства в трудах классиков евразийства //Право; Гражданин; Общество; Экономика. М.: Юриспруденция, 2007. С. 136–144

[7] *Фомин О.В.* Священная Артания. М.: Вече, 2005. *Карпец В.И.* Русь Меровингов и корень Рюрика. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

[8] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, М. 2003.

[9] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, М. 2003.

[10] *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.

[11] *Вернадский Г.В.* Древняя Русь М.:Тверь: Аграф;Леан, 1996; *Он же.* Московская Русь. М.;Тверь:Аграф,Леан, 1997; *Он же.* Монголы и Русь. М.;Тверь:Аграф;Леан, 1997; *Он же.* Киевская Русь. М.;Тверь: Аграф;Леан, 2001;*Он же.* Россия в Средние века. М.;Тверь: Аграф;Леан, 2000; *Он же.* Русская историография. М.: Аграф, 2000.

[12] *Хара-Даван Э.* Русь Монгольская. М.: Аграф, 2002.

[13] *Бромберг Я.* А. Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002.

[14] http://my. arcto.ru/audio/savicky.mp3.

[15] http://my. arcto.ru/audio/haushofer–1.mp3.

[16] http://my. arcto.ru/audio/Parvulesco–1.mp3.

В 1999 году в качестве подразделения Совета по Национальной Безопасности при Председателе Государственной Думы РФ образуется «Центр геополитических экспертиз», в задачи которого входит осуществление постоянной экспертизы думских законопроектов в области внешней политики, безопасности и обороны на основании их соответствия (или несоответствия) долгосрочным геополитическим интересам России. Кроме того, готовятся проекты документов для Председателя Государственной Думы, предназначенные для внесения в повестку дня заседания Совета Безопасности, возглавляемого Президентом Российской Федерации. Деятельность «Центра геополитических экспертиз» была максимально интенсивна в период 1999—2003 гг.

В 2000-м г. состоялся учредительный съезд Движения «Евразия», на котором собрались делегаты из областей и регионов России, гости из стран СНГ и дальнего зарубежья. Были сформированы руководящие органы Движения. Учрежден сайт evrazia. org. В 2002 г. «Движение «Евразия» преобразуется в «Общероссийскую политическую партию «Евразия», а в декабре 2003 г. на базе партии учреждается «Международное Евразийское Движение». В этот период 2000—2003-х гг. публикуются: «Программные документы общественно-политического движения «Евразия»[1], «Евразийство: теория и практика»[2], «Евразийский взгляд»[3]«Евразийский путь как национальная идея»[4], «Евразийская программа»[5], «Русская православная церковь в пространстве Евразии»[6], «Угроза ислама или угроза исламу?»[7] и т. д.

В антологии «Основы евразийства»[8] описываются основные моменты становления неоевразийского мировозрения и евразийской геополитики, дается историческая ретроспектива евразийского движения, тщательно анализируются общие принципиальные моменты евразийства и отличительные (от классического образца) особенности неоевразийства.

Сборник программных стратегических документов, резюмирующих основные стратегические направления евразийской геополитики, выходит в 2004 г. под названием «Проект «Евра-

---

[1] Программные документы ОПОД «Евразия». Арктогея-центр. 2001.

[2] Евразийство: теория и практика. М.: Арктогея Центр, 2001.

[3] *Дугин А.Г.* Евразийский взгляд. Москва.: Арктогея-центр, 2002.

[4] *Дугин А.Г.* Евразийский путь как национальная идея. Москва.: Арктогея-центр, 2002.

[5] Программа политической партии «Евразия».М.: Арктогея-центр, 2002.

[6] Русская православная церковь в пространстве Евразии. Материалы V Всемирного Русского народного Собора. М.: ОПОД «Евразия«, 2002.

[7] Угроза ислама или угроза исламу? М.: Арктогея-центр, 2001.

[8] Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.

зия»» и представляет собой применение неоевразийского мировоззрения к актуальным условиям России, описывает направления, двигаясь по которым, можно реализовать *на практике* идеал превращения России в великую мировую державу, способную сохранять и укреплять свой суверенитет и отстаивать свою независимость в условиях противостояния «цивилизации Моря» с ее претензиями на глобальную доминацию (однополярный мир, глобализм и т. д.). Если книга «Основы геополитики» описывает в целом структуру «геополитики-2», примененную от лица Евразии, то в «Проекте «Евразия»» детально прорабатывается система стратегических действий, в ходе которых «цивилизация Суши» способна добиться успехов в условиях XXI в. «Проект «Евразия» подробно излагает теоретическую, идейную и геополитическую платформу неоевразийства, систематизирует этапы его эволюции, обобщает его программные стратегические положения.

Применительно к постсоветскому пространству и особенно к перспективе «Евразийского Союза» как новой интеграционной структуры, призванной объединить это пространство на новых принципах и с учетом новых социальных, национальных и экономических тенденций, эти же геополитические принципы освещаются в работе «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева»[1], переведенной на казахский[2] и турецкий языки[3].

В 2005 г. выходит обновленная версия неоевразийской программы «Евразийская миссия (программные материалы) »[4], где дается полный анализ значения терминов «Евразия», «евразийство» на самых разных уровнях и в самых разных контекстах — от планетарного до политического, мировоззренческого, концептуального и географического. Там же приводятся карты квадриполярного (четырехполюсного) мирового устройства на основе интегрированных «больших пространств», подробно описывается понимание евразийской геополитики, экономики, политики, социального устройства, культуры, религиозных проблем, вопросов идентичности, формулируются основы взгляда неоевразийцев на время и пространство, историю и географию, государство и этнос, философию и хозяйство. Все сказанное в этом кратком программном тексте относительно принципов неоевразийской теории и практики сохраняет свое значение и по настоящее время, являясь базой для теоре-

---

[1] *Дугин А.Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004.

[2] *Дугин А.* Нурсултан Назарбаевтын еуразиялык миссиясы. Астана:Л.Н. Гумилев атындагa Еуразия улттык университетiсы, 2005.

[3] *Dugin A.* Misyonin avrasyagilik Nursultanain Nazarbaevin. Ankara, 2006.

[4] Евразийская миссия (программные материалы). М.: РОФ «Евразия», 2005.

тической и практической деятельности «Евразийского Движения» и аффилированных с ним научных, экспертных, аналитических, молодежных («Евразийский Союз Молодежи»[1]), экономических («Евразийский экономический клуб») общественно-политических и информационных структур.

С 2005 г. сайт *evrazia. org* становится активно развивающимся электронным СМИ, где ежедневно публикуются политический и геополитический анализ основных событий в России и в мире. С 2007 г. запущен сугубо геополитический портал *geopolitika.ru*, специализирующийся на более детальном и углубленном экспертном анализе геополитических и геостратегических процессов современного мира. На телеканале «СПАС» в 2005—2007 гг. выходит регулярная аналитическая телепрограмма «Вехи», где анализ текущих международных событий также дается на основе геополитической методологии.

В 2007 г. выходит наш труд «Геополитика постмодерна»[2], в котором в центре внимания оказываются процессы и события, развертывающиеся в первом десятилетии XXI в., анализируются основные тренды, которые с большой вероятностью предопределят строй и семантику политических процессов в глобальном масштабе. Особое внимание уделяется процессам глобализации. Противостояние «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря» помещается в новый социологический контекст Постмодерна и находит свое выражении в оппозиции двух глобальных концептов — «однополярный мир» vs «многополярный мир».

В течение 2007—2008 гг. на радио «Русская служба новостей» (FM) выходит еженедельная программа «Русская вещь», в которой дается регулярный обзор геополитических тенденций в российской и мировой политике.

В 2009 г. под эгидой «Евразийского Союза Молодежи» по результатам серии интеллектуальных конгрессов выходит научный сборник «Сетевые войны»[3], где разбираются новейшие технологии обеспечения политического контроля с использованием информационных ресурсов, психологических установок, компьютерных сетей и других новых средств влияния.

---

[1] Выпустил несколько монографий по материалам конференций и симпозиумов: Будущее российской государственности. Суверенная демократия? Диктатура? Империя? М.: Международное «Евразийское Движение«, 2007; Преемник. Преемственность. Империя. М.:Евразийский союз молодежи, 2007. *Бовдунов А.* Россия как задание. М.: Международное «Евразийское Движение«,, 2010; *Мошкин М.* Политический солдат Евразии. М.: Евразийский Союз Молодежи, 2010.

[2] *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб: Амфора, 2007.

[3] Сетевые войны: угроза нового поколения М.: Евразийское Движение, 2009. См. также: *Коровин В.М.* Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны. М.:Евразийское Движение. 2007.

В других важных программных работах («Четвертая политическая теория»[1] и «Конец экономики»[2]) евразийская геополитика рассматривается применительно к основным мировым процессам в области идеологии и макроэкономики.

С 2009 г. на основании континенталистской методологии на социологическом факультете Московского Государственного Университета ведется преподавание дисциплины «Социология геополитических процессов».

В то же время за пределами России создается ряд геополитических центров, принимающих неоевразийскую модель глобального анализа и работающих в неоевразийской парадигме. Наиболее сильны эти центры в Италии (Proggetto Eurasia),Турции (Евразийский Комитет), Франции (журнал «Эуразi»).

За весь период существования неоевразийского движения с конца 1980-х гг. до настоящего времени его участниками были организованы десятки конференций, симпозиумов, круглых столов, конгрессов и иных форм геополитической активности. Выпущены тысячи статей, десятки книг, журналов, газет, сборников, научных бюллетеней.

Если подвести некоторые предварительные итоги становления неоевразийской школы геополитики, то независимо от субъектной оценки содержания самого этого процесса нельзя не признать ее интенсивности, напряженности, результативности и разнообразия применяемых средств и методов.

Неоевразийство как явление и как геополитическая философия состоялось и в значительной степени предопределило магистральную линию развития российской геополитики в XXI в. Однако это только начало, т. к. поле деятельности, открывающееся перед неоевразийскими научными и исследовательскими кругами, практически бесконечно как с точки зрения геополитического переосмысления прошлого (в первую очередь, прошлого Евразии), так и в деле проектирования будущего и определения его возможных и желательных параметров.

4.4.5. Сдача геополитических позиций в конце 1980-х — начале 1990-х годов

Предоставив общий обзор становления неоевразийской геополитической школы, следует рассмотреть тенденции внутренней и внешней политики России 1990-х — 2000-х гг., ориентированные в прямо противоположном (от евразийства) ключе. Поместив неоевразийскую геополитику в конкретный исторический контекст,

---

[1] *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

[2] *Дугин А.Г.* Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.

мы лучше поймем некоторые ее принципиальные особенности и сможем объективно оценить ту трансформацию, которая происходит в неоевразийском дискурсе на рубеже двадцать первого столетия.

В 80-е гг. XX в. в СССР начались необратимые изменения, приведшие к краху советской государственности и советской идеологии. Мы видели ранее, что, начиная с 20-х гг. XX в., и особенно после 1945—47 гг. геополитическая карта мира выстроилась таким образом, что евразийская геополитика Суши была вверена Советскому Союзу и оказалась в жесткой связке с марксистско-ленинской идеологией. При этом сама советская система в геополитических терминах себя не классифицировала и не осознавала, рассматривая географическую ситуацию противостояния западного и восточного блоков как историческую случайность, вторичную перед лицом идеологических противоречий. Поэтому вся мощь сухопутной цивилизации оказалась сконцентрированной на практике в советской марксистко-ленинской идеологии, категорически отказывающейся признавать свою геополитическую идентичность. Так сложился парадокс: в XX в. СССР был оплотом цивилизации Суши, но при этом отказывался осознавать эту миссию в геополитических терминах. Сложилась асимметрия: Запад (США, англосаксонкий мир) рассматривал СССР как врага одновременно на двух уровнях: идеологическом и геополитическом, а СССР рассматривал Запад как врага лишь на одном идеологическом уровне. Это было второстепенным, пока идеологическая борьба находилась в центре внимания советского руководства и предопределяла его действия в международной политике. Но как только идеологический энтузиазм в СССР стал гаснуть, а идеологический дискурс пошатнулся и оказался менее внятным, у Москвы стратегически не оказалась второй линии обороны для определения своей планетарной стратегии. Утратив идеологическую бдительность, и «восточный блок», и СССР стали рушиться как геополитическая структура без какой-либо поддержки изнутри. Геополитика была заведомо дискредитирована, и поэтому все свелось только к идеологии.

Этим и объясняетсято тот факт, что, когда советское руководство (М.С. Горбачев, Э.А. Шеварнадзе, А.Н. Яковлев, Е.М. Примаков и т. д.) решило пойти навстречу Западу в сфере политэкономических устоев общества, оно автоматически ослабило геополитическую и геостратегическую бдительность, в одночасье лишившись своего контроля над Восточной Европой и республиками СССР, незамедлительно провозгласившими суверенитет. При этом советское руководство искренне рассчитывало на то, что снятие идеологической напряженности заставит Запад отказаться от дальнейшего давления на СССР в стратегическом смысле. Это было фатальной ошибкой.

СССР пошел на идеологические уступки в одностороннем порядке, полагая, что этого будет достаточно для того, чтобы остановить давление Запада. Но в этом и заключался главный просчет: Запад не остановился в своем давлении на Россию, а только усилил его, интегрировав в собственную стратегическую систему все то, что вышло из-под контроля СССР. Почему Запад поступил так в ответ на протянутую руку Кремля? Американский геополитик и стратег Збигнев Бжезинский в личной беседе с автором этой книги дал исчерпывающий по откровенности и цинизму ответ на этот вопрос: «We have tricked them» (что означает дословно «мы обвели их вокруг пальца», «мы их надули»). Но как это могло случиться? Ответ довольно прост и не требует обращения к «теориям заговора».

4.4.6. Бессознательный атлантизм

СССР мыслил противостояние Востока и Запада в Ялтинском мире как следствие исключительно идеологического противостояния и, сняв радикализм в этом противостоянии, ожидал, что Запад поступит симметрично. Но Запад мыслил одновременно идеологически и геополитически. Когда противник ослабил свое идеологическое давление, Запад геополитически воспользовался этим — ведь перед ним лежал растерянный и смущенный Heartland, потерявший идеологические ориентиры в «великой войне континентов». Какой бы ни была российская идеология и политико-экономическая система, Россия была Евразией и, значит, контроль над ней был путем к мировому могуществу. Когда безоружная Россия сама шла в руки, грех было ее не «обмануть», не «обвести вокруг пальца», тем более что «геополитика», которая объясняла бы суть стратегических процессов, в СССР, к счастью для атлантистов, была запрещена. Это давало уникальный шанс для нанесения по Евразии мощного удара и для вывода из-под контроля континентальной Москвы широкого пояса ее вчерашних сателлитов, что и было немедленно проделано. «Yes, they have tricked us». («Да, они обвели нас вокруг пальца»). И очень ловко.

Крах советской идеологии и распад СССР создал уникальные обстоятельства для установления в России «внешнего управления», что было реализовано через *сеть влияния атлантизма*, созданную в СССР в рамках проекта сближения с Западом и проработки «теории конвергенции». Институциональным центром для этого служил «Международный Институт Прикладного Системного Анализа» (IIASA) в Вене, имевший филиал в Москве — «Институт системных исследований», директором которого был академик Джермен Михайлович Гвишиани (1928—2003), зять А.Н. Косыгина и брат Лауры Харадзе, первой жены Е.М. Примакова. Отметим, что именно

из этой организации выйдут самые влиятельные российские реформаторы — А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар, Б.А. Березовский и др.

После распада СССР и провозглашения РФ новым демократическим государством под властью президента Б.Н. Ельцина в российской политике начинается период прямого торжества атлантизма. Советская система стремительно демонтируется и столь же стремительно проводятся *капиталистические реформы* — приватизация государственных отраслей производства, ваучеризация промышленных предприятий, залоговые аукционы, деноминация рубля, обнуление сбережений и накоплений советского среднего класса, шоковая терапия и монетаризация экономики. Параллельно этому низвергается советская идеология марксизма-ленинизма и на месте ее утверждается американо-европейский либерализм и либеральная демократия. Эти идеологические трансформации направлены на то, чтобы заменить советскую идеологию той идеологией, против которой она многие годы была направлена — либерально-демократической и буржуазно-капиталистической. Но здесь мы сталкиваемся с самым главным противоречием периода 1990-х: заимствуя у Запада идеологию, Россия вместе с ней заимствует и стратегию, и геополитику, и выгодную Западу планетарную модель новой перегруппировки сил вместе с картой передела зон влияния, т. е. все компоненты атлантизма. Однако, принимая на вооружение атлантизм, российская политическая элита оказывается в оппозиции собственной стране, в опозиции ее географии, истории, идентичности, цивилизации, ее народу, т. е. принимает курс на саморазрушение.

Сближение с Западом в сфере геополитики означает переход на сторону атлантизма. В чем заинтересован атлантизм? В ослаблении Heartland'a: ведь через это ослабление лежит путь к мировому господству. Как проявляется ослабление Heartland'a на практике?

1. Через утрату контроля над странами Восточной Европы, стремительно переходящими в лагерь НАТО, который не распускается симметрично Восточному блоку, но, напротив, усиливается и начинает продвижение на Восток.
2. Через суверенизацию бывших Советских Республик, провозглашение ими независимости и отделение от Москвы, через их переход к прозападной ориентации и постановке в лист своих первоочередных задач вступление в НАТО.
3. Через распад и децентрализацию самой Российской Федерации, провозглашение рядом субъектов Федерации независимости — вплоть до выхода из состава России (Чеченская Республика).

Именно это мы и видим в конце 1980-х и в 1990-е гг. Либерально-капиталистическая элита России, строящая идеологию, жестко

альтернативную марксистско-ленинской (Б.Н. Ельцин и его окружение — либерал-реформаторы и олигархи, обобщенно называемые «семьей»), оказывается сообщницей атлантистских стратегов и пособницей в ослаблении и развале собственной страны. Этот курс в целом сохраняется вплоть до конца 1990-х, когда у власти в России находятся силы, не только не заинтересованные в ее геополитической независимости, но делающие все от них зависящее, чтобы ослабить российский суверенитет и поставить страну под внешнее управление.

Однако и это нельзя списать на «теорию заговора»: геополитика такими категориями не оперирует. Либерал-реформаторы возникли в России не на пустом месте, все они получали образование в советской системе высшей школы. Особенностью этой школы была ее тотальная идеологизация и параллельно этому запрет на занятие геополитикой. Поэтому либерал-реформаторы действовали именно так, как их учили. Если причиной противостояния Востока и Запада является лишь идеология, то достаточно будет отменить марксизм-ленинизм, и Запад снимет свое давление и станет «другом», «партнером», «союзником», поскольку отныне речь пойдет о сотрудничестве капиталистических и демократических держав. И когда либерал-реформаторы разрушали обороноспособность России, подрывали ее суверенитет, многие из них были искренне уверены, что просто ликвидируют рудименты «холодной войны», т. е. демонтируют идеологический атавизм, воплощенный в конкретных военных, стратегических, политических и структурных реальностях. А тот факт, что Запад не делает симметричных действий по разоружению и не предпринимает дружелюбных шагов в сторону России, они интерпретировали как оправданные опасения западных стран относительно «возможности коммунистического реванша». И в России так или иначе насаждался режим атлантистского контроля и общий курс политики был направлен на дальнейшее ослабление геополитических позиций страны.

Политическая власть эпохи Ельцина была объективно атлантистской,не отдавая себе в этом отчета. Она не осмысливала своих действий в геополитических категориях, потому что не знала этих категорий вовсе. Советская школа учила совсем иному, а Запад был предельно не заинтересован в том, чтобы российское самосознание возродилось именно в геополитических и геостратегических терминах, в терминах «конфликта цивилизаций» и «великой войны континентов». Приезжая на Запад или общаясь с его представителями, российские политики и бизнесмены слышали о чем угодно — о партнерстве, о модернизации, о проблемах борьбы со стереотипами прошлого и т. п., но только не о геополитике. Лишь полным неведением относительно геополитических законов можно объяснить поведение значительной части российской полити-

ческой элиты в 1990-е гг. Речь шла об атлантизме неосознанном, ненамеренном, объективно вытекающим из общего положения дел, но не отрефлектированном как четкая и внятная стратегия. Открыто «атлантистами» в тот период провозглашали себя только маргинальные политики ультралиберальной направленности — В.И. Новодворская, К.Н. Боровой и др.

4.4.7. От радикального (доктрина А. Козырева) к умеренному атлантизму (доктрина Е. Примакова)

Сделав поправку на то, что российская политическая элита 1990-х очень редко или вообще никогда не осмысливала свои действия в геополитических категориях, в эпохе президентства Ельцина можно увидеть два этапа, в которых общий прозападный и атлантистский (по факту) вектор выступал с разной степенью интенсивности:

- *Период радикального атлантизма*, связанного с фигурой министра иностранных дел РФ Андрея Козырева, который откровенно признавался в поощрении «проатлантистского» курса внешней политики и действовал так, будто внешнеполитические интересы России были тождественны стратегическим интересам США.
- *Период умеренного атлантизма*, символизируемого во внешней политике фигурой Е.М. Примакова, сподвижника М.С. Горбачева по перестройке.

Радикальный атлантизм первого этапа этого периода проявлялся:

— во внутренней политике: в идее дальнейшей суверенизации субъектов Российской Федерации, их автономизации в рамках развития федерализма вплоть до перехода к конфедерации (предвыборные обещания Б.Н. Ельцина в 1991 г., политические программы либерально-реформаторских партий — таких как «Выбор России» Е. Гайдара), кульминацией чего стала первая чеченская компания, поддержка западниками и олигархами в Москве чеченского сеператизма;

— во внешней политике: в разрыве традиционных партнерских связей России с бывшими социалистическими странами, арабским миром, сдача позиции по православной Сербии в пользу американского плана ее расчленения, в обособлении России от других стран СНГ и жестком отказе от интеграционных процессов, в одностороннем разоружении и готовности вступить в НАТО на любых условиях (т. н. «доктрина Козырева»).

Умеренный атлантизм второго этапа этого периода проявлялся:

— во внутренней политике: в стремлении сохранить Российскую Федерацию в целостности при признании за субъектами Феде-

рации права на суверенитет, в силовом противостоянии радикальному сепаратизму (первая чеченская кампания), в провозглашении строительства в России гражданской буржуазно-демократической «российской нации» (это стало программой правительства В.С. Черномырдина и центристских партий власти — таких как «Наш Дом Россия»);

— во внешней политике: в постановке США и странам Запада условий для дальнейшего следования их стратегии, состоящих в отстаивании российских позиций в отдельных областях (экономики, энергетики и т. д.), в частичном восстановлении отношений с традиционными партнерами СССР в мире, в ведении осторожного диалога со странами СНГ и в поощрении российского крупного капитала в участии в приватизации стратегически важных предприятий в ближнем зарубежье, в мягком оппонировании США по болезненным для российского общественного мнения вопросам — таким как бомбежки Белграда (т. н. «доктрина Примакова»).

Обе модели геополитического курса России создавались в рамках ориентации на США и страны Запада, но переход от «доктрины Козырева» к «доктрине Примакова» означал качественное изменение в структуре этой в целом прозападной, позиции. Если движение происходило в одном и том же направлении, то скорость процессов существенно различалась. В эпоху радикального атлантизма прозападные шаги осуществлялись стремительно и жестко (начиная с распада СССР). В эпоху умеренного атлантизма они были растянуты во времени, включали в себя систему обратных шагов, колебаний, символических жестов, призванных продемонстрировать определенную (чаще всего чисто номинальную) независимость России как партнера, с которым «все же следует считаться».

4.4.8. Политизация геополитики, «дело геополитиков»-2

Бессознательный, но «де факто» присутствующий и доминирующий атлантизм политических элит 1990-х создавал интеллектуальную среду, чрезвычайно неблагоприятную для развития геополитической науки и геополитических методологий. Любой геополитический анализ событий конца 80-х и 90-х гг. XX в. автоматически приводил любого исследователя к очень нелестным для правящей элиты того времени выводам:

— невежественное в вопросах геополитики политическое руководство СССР, а затем и РФ, *предало стратегические и национальные интересы государства* и оказалось пособником объективного противника, который воспользовался слабостью оппонента и немедленно захватил под свой контроль все, что вышло из-под контроля конкурента;

- события конца 1980-х — начала 90-х гг. могут быть интерпретированы только как *победа «цивилизации Моря» над «цивилизацией Суши»*, и рукоплескать такой победе могут только люди с отсутствующим чувством патриотизма и лояльности Родине;
- распад СССР и начало распада России (первая чеченская кампания) стали возможны только благодаря *коллаборационизму российских компрадорских элит («семьи Ельцина») с Западом*, а, следовательно, мы имеем дело с фактом нанесения прямого ущерба государственным интересам и государственной безопасности страны;
- продолжение прозападного курса Москвы было чревато полным устранением России с международной арены и прямой оккупацией российских территорий армиями иных государств (в первую очередь войсками НАТО).

Не важно, к какой школе геополитики обратился бы тот или иной беспристрастный исследователь в поисках критериев оценки происходящего в России: события конца 1980-х — начала 90-х одинаково осмысливали все геополитические школы, разве что с разными эмоциональными и моральными оценками происходящего.

В такой ситуации становится понятным, почему российские политические элиты сделали все возможное, чтобы не допустить геополитику в пространство широких общественных и научных интересов, «очернить» ее представителей, представить ее «псевдонаукой» (этому инерциально способствовало ее советское определение как «буржуазной науки»), дискредитировать евразийство и неоевразийство с помощью ярлыков из арсенала «черного PR» и грубой «политической пропаганды». По сути, можно уподобить гонения на геополитиков и евразийцев в 1990-е гг. «делу геополитиков» 1930-х гг., когда под идеологическим флагом (правда, тогда большевистским и коммунистическим), наука объявлялась «фальсификацией», «экстремизмом» и «подрывной деятельностью» с использованием всего арсенала эпитетов, свойственных крайним формам политического шельмования. Очевидно, что сети сознательных агентов влияния Запада активно и целенаправленно включались в этот процесс, понимая, какой вред гегемонистическим интересам США могут нанести работы российских геополитиков-континенталистов и неоевразийцев.

В этот период фактический (чаще всего неосознанный) атлантизм политических элит блокировал развитие геополитики, которая в России всегда была и могла быть только континентальной, сухопутной, евразийской. Это обстоятельство и придало первому этапу становления российской геополитической школы (неоевразийству как таковому) обостренно политический и полемический характер. Помимо своих намерений авторы, выступавшие с позиции геополитики и с привлечением ее методологического арсенала,

быстро приходили к выводу о том, что политическая система России 1990-х и основные стратегические решения внутри России, в ближнем зарубежье и в отношениях со странами дальнего зарубежья в целом противоречат национальным интересам России и, следовательно, должны быть оспорены, отвергнуты и осуждены. Поэтому волей-неволей все последовательные геополитики в подобной ситуации оказывались в положении политической оппозиции режиму Ельцина и либерал-реформаторов даже в том случае, если они вообще не задумывались о политике и идеологии и ограничивались исключительно научными вопросами. Даже самого поверхностного знакомства с геополитикой и ее топикой было достаточно, чтобы прийти в ужас от тех деяний, которые творили проатлантистские элиты в евразийской стране, в самом центре Heartland'a. Такие исторические условия в значительной мере нанесли вред научному престижу геополитики и существенно навредили ее должной институционализации как академической науки, а самих геополитиков и представителей неоевразийства заведомо поместили в центр политико-идеологических полемик и в зону народной оппозиции. Институционализация геополитики прямо противоречила интересам правящей политико-идеологической верхушки реформаторов-западников. И дело было не в том, что власть настаивала на *атлантистской*, а оппозиция — на *евразийской* геополитике. Власть настаивала на *отсутствии геополитики* и дискредитации ее методологии в целом, а геополитики и евразийцы, со своей стороны, добивались лишь признания очевидной ценности геополитических методик, релевантности геополитического анализа и неоспоримого факта активного использования геополитики и ее методов американским руководством в вопросах планетарного стратегического планирования. Конечно, обе стороны в этой полемике использовали разные приемы, в том числе и не вполне академические, но, так или иначе, помимо политического значения этой борьбы, она имела еще и объективно-научный смысл: геополитики настаивали на признании реального положения дел, а власть в своих собственных интересах стремилась его исказить.

К концу 1990-х гг. это противостояние разрешилось самым неожиданным образом. К власти в стране пришел человек, у которого в отличие от предшествующей правящей группы не было жестких либерально-западнических убеждений. А значит, он не был атлантистом ни сознательным, ни бессознательным и ему было безразлично, состоится ли геополитика как дисциплина и неоевразийство как политическая и стратегическая философия или нет. Из этого не следует, что этот человек был геополитиком или евразийцем. Он просто не был атлантистом и западником, и одно это решало дело.

Ясно, что мы говорим о Владимире Путине, избранном Президентом Российской Федерации в марте 2000 г.

4.4.9. Стратегия Путина

С приходом Владимира Путина геополитический вектор внешней и внутренней политики России меняется. Если в 1990-е гг., в эпоху правления Ельцина Россия шла в фарватере атлантистской геополитики, совершая (с разной скоростью) шаги на пути к геополитической самоликвидации и фрагментации Heartland'а, то при Путине этот процесс был остановлен. Это не означает, что Россия с приходом Путина пошла в евразийском направлении. Но трудно отрицать, что она прекратила идти в сторону атлантизма, т. е. к самоликвидации.

Если Е. Примаков (при рассмотрении его как собирательного символа второго периода правления Ельцина) *замедлил* движение России в сторону атлантизма, то В. Путин это движение *остановил*. Придя к власти, В. Путин сделал ряд символических жестов, которые продолжал развивать на протяжении двух сроков своего президентства. В. Путин:

- взял курс на *ресуверенизацию России*, т. е. на укрепление ее реального суверенитета и выход из режима внешнего управления, в который ее завели политические элиты на предыдущем этапе — суверенитет был объявлен высшей ценностью;
- утвердил *символическую преемственность Российской Федерации предыдущим историческим циклам* — царскому и советскому, сняв ожесточенность идеологического противостояния в обществе и прекратив антикоммунистическую и русофобскую истерию, ставшую нормой в 1990-е гг.;
- *удалил от власти и воздействия на власть наиболее активных и дерзких представителей агентуры атлантистского влияния* как в политике (западнические, либерально-демократические партии — «Союз правых сил», «Яблоко» и т. д.), так и в крупном частном бизнесе (некоторые олигархи эмигрировали, некоторые были подвергнуты юридическим преследованиям за совершенные преступления, но все совокупно были отстранены от манипулирования процессами в обществе с помощью политических рычагов);
- взял курс на *десувернизацию субъектов Российской Федерации* и превращение России в *централистское государство* с крепкой вертикалью власти: нагляднее всего это выразилось во второй чеченской кампании, в ходе которой был остановлен распад России и уничтожены сецессионистские бандформирования; этой же цели способствовало введение Федеральных округов, приведение конституций субъектов Федерации в соответствие Конституции России, и наконец, переход от системы выборов глав субъектов Федерации к их назначению;
- «дал зеленый свет» *интеграционным процессам на постсоветском пространстве*, принял идею Н. Назарбаева о создании

«Евразийского Экономического Союза» (ЕврАзЭС), превратил аморфную структуру ОДКБ в военно-политический союз, приступил к созданию «таможенного союза», стал активно продвигать политические позиции пророссийских сил в странах ближнего зарубежья;

– перешел на более *жесткий тон в выстраивании отношений с США и странами НАТО*, *осудил однополярную модель* мироустройства, потребовал от Запада считаться с Россией как с *активным субъектом мировой политики*, обладающим ядерным потенциалом, взял курс на утверждение России как «*великой энергетической державы*», возобновил интенсивные контакты с различными странами третьего мира, традиционно ориентированными на Россию, развивал стратегическое партнерство даже с теми державами, которые были причислены США к «*оси зла*» (Северная Корея, Венесуэла, Иран, Куба), осудил расширение НАТО на Восток.

Таким образом, мы имеем дело с новой геополитической повесткой дня, отличающейся и от «доктрины Козырева», и от «доктрины Примакова». Можно назвать ее «*стратегией* или *курсом Путина*». Политическим ее выражением стала партия «Единая Россия», которую В. Путин возглавил.

Геополитический анализ стратегии Путина можно проделать, исходя из двух теоретических позиций: ее можно сравнивать с той линией, которая доминировала в России в 1990-е гг., а можно — с императивами классической евразийской и неоевразийской геополитики.

В первом случае мы видим резкую смену ориентаций, переход от прозападной к самостоятельной и суверенной линии. Если Россия Ельцина мыслила себя как безнадежно отставший фрагмент западноевропейской цивилизации, не имеющий шансов догнать лидеров и претендующий лишь на то, чтобы интегрироваться в западный мир на любых условиях (хотя бы своей политико-экономической элитой), то Россия Путина позиционировала себя как самостоятельная суверенная региональная держава, европейская по своей культуре, но особая по своим стратегическим интересам, которыми она не собирается жертвовать. Путин отказался от стратегии атлантизма ради стратегии суверенитета. В сравнении с предыдущим периодом курс Путина можно назвать «евразийским», т. к. по «закону сообщающихся сосудов» чем меньше атлантизма, тем больше евразийства (и наоборот). Если вспомнить основные геополитические императивы, обозначенные в «Основах геополитики» как в программном документе неоевразийства, то мы увидим в курсе Путина целый ряд принципиальных моментов, соответствующих этим императивам. В этом смысле и в сравнении с атлантизмом 1990-х гг. курс Путина можно назвать «евразийским».

Именно таким он и выглядит для геополитиков континентальной ориентации в Европе, что в экстравагантной публицистически-метафорической манере отразил в своей книге «Путин и Евразийская Империя»[1] французский геополитик Жан Парвулеско, представивший Путина как фигуру континентального героя, бросившего вызов алантистской доминации, глобализму и «цивилизации Моря» от лица всей Европы. Приблизительно такой же оценки придерживается и другой французский авторитетный геополитик Ален де Бенуа[2]. Контраст между Ельциным и Путиным особенно резко заметен именно со стороны Запада и именно тем, кто оперирует геополитическими методами.

Но есть и другая возможность оценки «курса Путина», заключающаяся в сравнении его политических шагов, деклараций и действий с картой неоевразийского проекта в его цельном и теоретически стройном виде. В этом случае наряду с «евразийскими» моментами курса Путина мы видим целый ряд тенденций, контрастирующих с евразийской геополитической стратегией, что не позволяет причислить его к «евразийцам» в полном смысле этого слова.

А именно, В. Путин:

— продолжает настаивать на том, что Россия является «*европейской страной» и «частью Европы»* (евразийцы настаивают на том, что Россия — *особая цивилизация*, отличающаяся и от Европы, и от Азии);
— заключает с США и Западом *стратегические договора*, соответствующие *краткосрочным* интересам России (сдерживание талибов в Афганистане), но не учитывающие долгосрочных рисков и издержек (например, американского — атлантистского — военного присутствия в Центральной Азии);
— *не переводит формат отношений с НАТО в межблоковый*, сохраняя возможность для других стран-членов ОДКБ выстраивать с НАТО двусторонние отношения (поскольку Москва, со своей стороны, это проделывает);
— *не спешит интенсифицировать интеграционные процессы на постсоветском пространстве России*, а в некоторых случаях теряет своих главных партнеров по интеграции (Беларусь);
— *не выдвигает внятной идеологии евразийского толка*, способной концептуально гармонизировать требования стратегического централизма и укрепления культурной самобытности этносов России (политическая программа «Единой России» невнятна и слабо артикулирована);
— *не ликвидирует компрадорский олигархат* как паразитическую социально-экономической группу, наживающуюся на

[1] *Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. СПб.: Амфора, 2008.

[2] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009. С. 463–466.

распаде государственности, что создает основу для социальных трений;
- *не упраздняет национальные республики*, что при возможном ослаблении центра чревато новой волной сепаратизма;
- *не проводит духовной и научной мобилизации общества* для укрепления российской идентичности в новых условиях и не закладывает новой парадигмы образования, предоставляя процессам в этой сфере протекать по инерциальному сценарию;
- *не проводит в элите полноценного «евразийского отбора»* лучших и достойнейших, опирается на недееспособный чиновничий класс, в целом сохранившийся с позднесоветских времен, но насыщенный полукриминальными элементами в эпоху 1990-х, что приводит к устойчивой и вездесущей коррупции;
- *пассивно ведет себя в вопросе организации «многополярного клуба»* с теми странами, которые, так же как и Россия, заинтересованы в свертывании американской стратегической доминации в мире;
- *не пересекает черты необратимости и не превращает свой курс в идеологическую систему*, которая была бы теоретически независимой от личного фактора, что гарантировало бы преемственность политики в будущем.

Такое сопоставление показывает, что «курс Путина» следует считать прагматическим, а не идеологическим, адаптивным, а не императивным. Путин руководствуется реалистическим подходом к политике, учитывая вопрос социальной легитимации своего курса. В евразийском по своей природе обществе любое решительное действие в евразийском ключе (осуществленное корректно и продуманно) будет служить опорой для политической легитимации того, кто его предпринимает. Путин так и поступает, но, скорее всего, не по убеждениям, а прагматически отталкиваясь от социально-политической конъюнктуры.

Тем не менее геополитический анализ «курса Путина» показывает, что с 2000-х гг. доминация атлантистского дискурса в российской власти прекратилась и для геополитики и неоевразийства открылось «окно возможности». Отсутствие атлантистского давления в политике, культуре, обществе, науке и образовании благотворно сказалось на геополитической дисциплине. С 2000 гг. геополитика активно входит в программы высших учебных заведений России — университетов, академий и т. д. Основная преграда на этом пути устранена, и с этим связано начало процесса полноценной институционализации геополитики в научной и образовательной среде.

Параллельно этому в сфере идеологии и политической философии оживает неоевразийское движение, создаются массовые многотысячные партии и движения — ОПОД «Евразия», политическая

партия «Евразия», международное «Евразийское Движение», «Евразийский Союз Молодежи», «Евразийский Экономический Клуб» и т. д., привлекающие к себе цвет российской интеллектуальной, научной, экономической и молодежной элиты.

В любом случае, курс Путина открыл новую страницу в геополитической истории России.

4.4.10. Институционализация геополитики в современной России

Процесс институционализации геополитики в России проходил не просто. Это было связано с рядом собственно *научных* проблем, а также с определенными историческими и идеологическими обстоятельствами.

В научном плане статус геополитики как науки не определен и на Западе. Идеологизированность многих геополитиков заставляет с подозрением относиться к ним академическому миру (ранее, нечто подобное происходило с социологией, которой также долгое время отказывали в научности). Элемент двусмысленности в ситуацию вносит факт существования геополитических разработок К. Хаусхофера и его школы в исторических условиях нацистской Германии. Многое усложняет также разнообразие теорий и школ и постоянные разночтения в определении объекта (и предмета) этой дисциплины. Наконец, сами геополитики часто не претендуют на «научность»; многим из них достаточно, что их методика «работает», дает конкретные позитивные результаты (в англосаксонском мире с его прагматизмом успех является вообще главным критерием: «it works», значит «все О.К.»).

Если при этом учесть наличие у большинства научных кадров современной России советского образования (материалистического, атеистического, прогрессистского, эволюционистского, экономоцентричного и догматически марксистско-ленинского) и вспомнить, что в советский период «геополитика» считалась «буржуазной» и даже «фашистской» псевдонаукой (как кибернетика, социология и генетика), то можно себе представить, с какими трудностями должны были столкнуться российские геополитики, решившие посвятить себя изучению и развитию этой дисциплины.

К этому следует добавить и идеологическую составляющую геополитики. Ни США, ни страны НАТО, где геополитические исследования велись давно, интенсивно и развернуто, не горели желанием, чтобы это направление получило распространение в России 1990-х гг., которая, согласно атлантистским планам, должна была незаметно для себя самой утратить суверенитет, ослабнуть и, вероятно, распасться на части. Поэтому щедрые на финансирование через систему грантов исследований в технических областях, интересных самим странам Запада или, по меньшей мере, не нано-

сивших им серьезного вреда, западные фонды были скупы в поощрении исследований в области геополитики. Они оказывали финансовую поддержку лишь тем авторам, которые или запутывали всю картину, используя сходные, но лишенные остроты и смысла понятия, формулы и методы, или тиражировали под видом «геополитики» клише атлантистской пропаганды.

Так как и в 1990-е, и в 2000-е гг. значительная часть российской элиты была ориентирована прозападно, она тем более не была заинтересована в развитии и становлении российской геополитической школы, на фоне объективных и беспристрастных выводов которой их поведение выглядело бы как предательство национальных интересов в пользу опасного и могущественного противника, а действия, совершенные либерал-реформаторами в 1990-е годы, автоматически приравнивались к масштабному историческому преступлению.

Поэтому против распространения геополитических знаний в 1990-е гг. выстроилась мощная линия обороны, которую оказалась чрезвычайно сложно сломить.

4.4.11. Основные тенденции в современной российской геополитике (учебные пособия, аналитические и научные разработки, применение в политике)

Тем не менее стараниями ряда авторов и научных коллективов ситуация постепенно менялась, и с момента выхода «Основ геополитики» к настоящему времени геополитика не только завоевала прочные позиции в научном сообществе, Высшей школе, области политических, социологических и военных наук, но и развилась в несколько направлений, отличающихся друг от друга методологически и концептуально.

Среди множества российских книг и учебных пособий, посвященных геополитике, мы рассмотрим только те, которые являются показательными.

В первую очередь стоит отметить базовые учебные пособия и обобщающие научные монографии, которые стали общепринятыми и в которых дается достаточно верный и объективный обзор геополитических представлений (в целом, с позиций «цивилизации Суши»). Это учебники Н.А. Нартова[1], позже в соавторстве с В.Н. Нартовым[2], Ю.В. Тихонравова[3], И.А. Василенко[4], А.В. Маринчен-

[1] *Нартов Н.А.* Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999.

[2] *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007.

[3] *Тихонравов Ю.В.* Геополитика. М.: ИНФРА-М, 2000.

[4] *Василенко И.А.* Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2007.

ко[1], И.Ф. Кефели[2], Э.А. Позднякова[3], М.А. Мунтяна[4], О.А. Белькова/А.М. Ушкова[5], Н.Н. Ашенкампф/С.В. Погорельской[6], Н.М. Сироты[7], И.В. Алексеева/В.И. Зеленева/В.И. Якунина[8], Я.В. Волкова[9], М.И. Абдурахманова/В.А. Баришпольца/В.Л. Манилова/В.С. Пирумова[10], К.Э. Сорокина[11], В.Л. Петрова[12] и др. Все эти авторы отличаются друг от друга по сферам внимания, методологическим и концептуальным предпочтениям, но определенное представление о геополитике как дисциплине они дают независимо от субъективных позиций и базовый евразийский подход не отрицают. Это уже немало, т. к. усилиями этих ученых геополитика постепенно укрепляется в российском образовании, что создает базу и предпосылки для развития геополитики в будущем.

Ряд учебников, имеющих в своем названии слово «геополитика», представляют собой более сбивчивые и противоречивые издания, полны субъективными оценками и классификациями, отличаются лакунами в области базовых понятий и теорий или не дают внятного представления о дисциплине. К этой категории относятся учебники К.С. Гаджиева (первые версии его учебника «Геополитика» [13]вообще были посвящены теориям международных отношений и издавались на грант Фонда Дж. Сороса (CFR), в последующих изданиях[14] геополитика появилась, но в искаженном, смазанном и субъективном изло-

---

[1] *Маринченко А.В.* Геополитика. М.: ИНФРА-М, 2009.

[2] *Кефели И.Ф.* Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007; *Он же.* Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Северная Звезда, 2004.

[3] *Поздняков Э.А.* Геополитика. М.: Прогресс. Культура, 1995.

[4] *Мунтян М.А.* Геополитика и геополитическое мышление. М., 2002.

[5] *Бельков О.А., Ушков А.М.* Современная геополитика // Общая и прикладная политология: Учебное пособие / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. М., 2002. С. 180—209.

[6] *Ашенкампф Н. Н., Погорельская С. В.* Современная геополитика России: Учебное пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.

[7] *Сирота Н.М.* Геополитика, краткий курс. СПб.: Питер, 2006.

[8] *Алексеева И. В., Зеленев В. И., Якунин В. И.* Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2001.

[9] *Волков Я.В.* Геополитика и безопасность в современном мире. М.: Воен. ун-т, 2000.

[10] *Абдурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С.* Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и терминов. Под общ. ред. В.Л. Манилова. М.: РАЕН, 1998.

[11] *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996.

[12] *Петров В. Л.* Геополитика России. Возрождение или гибель? М.: Вече, 2003.

[13] *Гаджиев К.С.* Геополитика: история и современное содержание дисциплины. М.: Семинар, Полис, 1996.

[14] *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 1998.

жении), В.А. Колосова/Н.С. Мироненко[1] (где критикуется «конфликтологичность определенных направлений в геополитике», хотя вся эта дисциплина построена на базовом дуализме «Моря» и «Суши» и вне его теряет свой смысл), Р.Т. Мухаева[2] (где даются произвольные классификации и встречаются просто абсурдные высказывания[3]), авторского коллектива под редакцией В.А. Михайлова[4] (несвязное и фрагментарное изложение пристрастно интерпретированных событий и явлений внешней и внутренней политики России) и т. д.

Отдельно следует рассмотреть работы санкт-петербургского ученого Б.А. Исаева, автора ряда учебных пособий[5] и хрестоматий по геополитике. С одной стороны, Б.А. Исаев демонстрирует высокий уровень компетентности и хорошее знакомство с западными школами геополитики, приводит много полезного и адекватного материала относительно важнейших авторов и теорий. Вместе с тем и он впадает в странный и немотивированный «пацифизм», отрицая вопреки всякой очевидности конфликтологическую топику геополитики как таковой, ложно приписывая ее лишь «евразийскому» или, шире, «континенталистскому» направлению. Такой геополитики, которая не ставила бы во главу угла принципа территориальной экспансии, «жизненного пространства», противостояния талассократии и теллурократии, просто нет. А если какие-то отдельные авторы на Западе и призывают построить «другую геополитику» (об этом см. в следующем разделе о «геополитике-3») или «критическую геополитику» (Дж. Эгнью, Г. О'Туатайл), то, как правило, они являются представителями маргинальных течений, возможно, и интересных, но не могущих быть основанием для изложения принципов геополитики как дисциплины в учебном пособии. Прежде чем высказывать свои пристрастия в этой дисциплине, ее надо корректно и объективно изложить, и лишь после этого уместно рассказать о собственных взглядах.

Геополитика конфликтологична по своей природе, а в России геополитика может быть только евразийской, поскольку Россия есть Heartland, осаждаемый «цивилизацией Моря». Это объективная си-

---

[1] *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М., 2001

[2] *Мухаев Р. Т.* Геополитика. М.: Юнити-Дана, 2007.

[3] Как понять например, такое высказывание автора, описывающее евразийскую геополитику, называемую им почему-то «национал-большевистской» и критикующее ее за то, что она «исключает возможность сотрудничества России с западными странами в борьбе с новыми вызовами и угрозами других антисистемных сил, угрожающих существованию открытого общества, прогрессу и правам человека». *Мухаев Р. Т.* Геополитика. Указ. соч. С. 257. Иногда создается впечатление, что автор не совсем понимает смысл тех слов и понятий, которые он употребляет.

[4] Геополитика / Под общ. редакцией В.А. Михайлова. М.: РАГС, 2007.

[5] *Исаев Б.А.* Геополитика. СПб.: Питер, 2006.

туация. Стремление на основании геополитической терминологии предложить новую версию «мира во всем мире» и универсальной дружбы всех со всеми представляет из себя неудачную и бессмысленную затею (аналогичную тому, чтобы солдат срочной службы обучать походам на антивоенные митинги, идеям Махатмы Ганди и тысяче способов «откосить от армии», а разборку автомата, отжимание и бег приравнять к «экстремистской» «милитаристской» «преступной» деятельности). Если Б.А. Исаев и еще целый ряд российских авторов выступают против всех форм конфликтов, войн, конфронтаций и трений, это вполне понятная позиция: они имеют полное право так считать и высказывать это публично. Зачем только с такими идеями писать учебники по геополитике? Вот это остается большой загадкой.

Среди авторов, которые уделяли геополитике большое, но не эксклюзивное внимание, следует выделить А.С. Панарина[1] (1940—2003) и А.И. Уткина (1944—2010) [2].

Александр Сергеевич Панарин был выдающимся современным российским политологом, философом, заведующим кафедры политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и принадлежал к неоевразийскому направлению мысли (с 2000 по 2003 гг. он также являлся членом Центрального Совета «Евразийского Движения»). Вся система его взглядов, теорий и политического анализа направлена на утверждение России как самостоятельной цивилизации, на критику глобализма, атлантизма и однополярного мира. А.С. Панарин внес неоценимый вклад в развитие неоевразийской политической философии, основал влиятельную научную школу, продолжающуюся сегодня его последователями и учениками. Он был прекрасным знатоком европейского консерватизма и владел всеми нюансами геополитического анализа. Его труды можно рассматривать как классику неоевразийства и современной российской геополитики.

Анатолий Иванович Уткин, историк, специалист по международным отношениям — другой образ крупного ученого, оставив-

---

[1] *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999; *Он же.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М.:Изд-во: Университет, 2000; *Он же.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: 2001; *Он же.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002; *Он же.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

[2] *Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002; *Он же.* Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000; *Он же.* Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996; *Он же.* Глобализация: Процесс и осмысление. М.: Логос, 2001; *Он же.* Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979; *Он же.* Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000; *Он же.* Месть за победу: новая война. М.: Эксмо, 2005; *Он же.* Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005; Он же. Россия над бездной: 1918 г. — декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000; *Он же.* Русские во Второй мировой войне. М.: Алгоритм, 2007; *Он же.* Русско-японская война: в начале всех бед. М.: Эксмо, 2005; *Он же* Тихоокеанская ось. М.: Молодая гвардия. 1988; *Он же.* США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2007.

шего нам бесценное наследие в сфере истории, политологии и геополитики. В отличие от А.С. Панарина он никогда не определял самого себя как сторонника «неоевразийства», но его оценки современных процессов и логики истории России носят, несомненно, континентальный характер. А.И. Уткин жестко отвергал глобализм как американскую имперскую экспансию, детально прослеживал становление и эволюцию антироссийских стратегических планов в англосаксонском мире с конца XIX века по наше время. В целом наследие А.И. Уткина является бриллиантом современной российской геополитической мысли и фундаментальной теоретической базой для неоевразийского мировоззрения.

К евразийству и геополитике постоянно обращается в своих работах современный российский политолог И.Н. Панарин. Он специализируется на проблеме информационных и сетевых войн[1], которые он связывает с геополитической топикой (в классической перспективе противостояния Суши и Моря). В последних работах он проводит масштабный политический анализ современной российской ситуации с евразийских позиций, призывает к интеграции евразийского пространства и скорейшему созданию «Евразийского Союза», предрекает скорый распад американской империи, а затем и самих США[2].

Критическую оценку глобализации и отвержение однополярного мира с социологических позиций, близких континентальному евразийскому мировоззрению, дает в своих работах декан социологического факультета МГУ В.И. Добреньков. В частности, в книге «Глобализация и Россия»[3] он подчеркивает различие между ценностными системами западного и российского общества, признавая Россию самобытной цивилизацией с особыми, отличными от Запада (который служит моделью глобализационных процессов), установками, критериями, стереотипами и т. д. Обращение В. Добренькова к геополитическим оценкам строго соответствует позиции «цивилизации Суши».

Более умеренна версия современного неоевразийства с экономическим уклоном встречается в работах директора «Института США и Канады» РФ С.М. Рогова[4]. В книге «Евразийская страте-

---

[1] *Панарин И.Н.* Информационная война и геополитика, М.: Поколение, 2006.

[2] *Панарин И.Н.* Крах доллара и распад США. М.: Горячая линия-Телеком, 2009; *Он же.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.

[3] *Добреньков В.И.* Глобализация и Россия: социологический анализ. М.:ИНФРА-М, 2006.

[4] *Рогов С.М.* Современный этап российско-американских отношений. М.: ИСКРАН, 1999; *Он же.* 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М., ИСКРАН, 2001; *Он же.* Евразийская стратегия для России. М.: Российская академия наук, Институт Соединенных Штатов Америки и Канады, 1998.

гия для России»[1] он геополитически обосновывает необходимость сближения России с Европой и Тихоокеанским регионом (континентальный тезис), утверждает желательность многополярности и нахождения Россией своего места в многополярном мире. Сходных позиций — умеренного континентализма — придерживается академик А.А. Кокошин[2], депутат государственной Думы третьего, четвертого и пятого созывов, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Обращение к геополитике можно встретить и у представителей российских военных и политических кругов. Так, занимавший высокие посты в российской армии генерал-полковник Л.Г. Ивашов (с 1987 г. — начальник управления делами Министерства обороны; в 1992—1996 гг. — секретарь Совета министров обороны государств СНГ; с августа 1999 г. — начальник штаба по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ; в 1996—2001 гг. — начальник главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны), увлекся геополитикой, защитил диссертацию по геополитической проблематике и возглавил общественную организацию «Академия геополитических проблем». Взгляды Л.Г. Ивашова в области геополитики[3] строго евразийские, континентальные, антиатлантистские и антиглобалистские. Свои взгляды он часто выражает в резких политизированных формах.

Еще более политизированы геополитические труды некоторых российских политиков — таких как В.В. Жириновский[4], Г.А. Зюганов[5], С.Н. Бабурин[6], что с учетом их профессиональной деятельности вполне объяснимо. Все они стоят в сфере геополитики на континентальных (евразийских) позициях. У В.В. Жириновского мы встречаем подход, который можно охарактеризовать как «континентальный реализм», у Г.А. Зюганова — «классическое неоевразийство» с элементами коммунистической идеологии и апологией советского периода, у С.Н. Бабурина — континента-

---

[1] *Рогов С.М.* Евразийская стратегия для России.

[2] *Кокошин А.А.* Политология и социология военной стратегии.М.: КомКнига, 2005; *Он же.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2005; *Он же.* Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003.

[3] *Ивашов Л.Г.* Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. М.: Прогресс, 2000; *Он же.* Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо 2002.

[4] *Жириновский В.В.* Очерки по геополитике. Москва; Псков: Либерал-демократическая партия России, 1997; *Он же.* Обыкновенный мондиализм. М., 1998.

[5] *Зюганов Г.А.* География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

[6] *Бабурин С.Н.* Территория государства. Правовые и геополитические проблемы.М.: Из-во Московского университета, 1997.

лизм и анти-атлантизм с элементами умеренного «русского национализма».

И, наконец, можно выделить эпизодические обращения к геополитике у ряда российских авторов, придерживающихся атлантистской и глобалистской ориентации. В первую очередь речь идет о проректоре МГИМО А.Д. Богатурове[1]. В области международных отношений А.Д. Богатуров придерживается «системного» подхода. Он критикует многополярность, призывая Россию сближаться с Западом и США и встраиваться в общую структуру евро-атлантического сообщества. Богатуров именует это проектом «плюралистической однополярности»[2], что подразумевает солидарность с американским неоимпериализмом, несколько уравновешенным европейским полюсом. Все это А.Д. Богатуров называет «вашингтонско-брюссельской системой».

Примером апологии геополитического атлантизма можно считать работы авторов, выступающих с апологией «глобалистики» (как и в случае А.Д. Богатурова, сам термин «геополитика» у них употребляется эпизодически). Часто глобалисты считают своим долгом подвергнуть геополитику как дисциплину критике, чтобы как ни в чем ни бывало немедленно начать защищать в качестве универсальных атлантистские ценности «цивилизации Моря» — либерализм, капитализм, рынок, права человека, прогресс, всеобщность западной цивилизации и т. д.[3] В этом случае под видом научного подхода и новой дисциплины «глобалистики» ведется неприкрытая пропаганда глобалистского взгляда на мир, универсалистское, либеральное, мондиалисткое философствование, с резким неприятием традиционного геополитического подхода. При этом «научной» объявляется «глобалистика», представляющая собой убогий набор западной пропаганды эпохи «холодной войны», но раздутый до планетарных масштабов, а строгой, сбалансированной и реалистичной дисциплине «геополитике» в «научности» отказывается.

Существуют в России и откровенные сторонники атлантизма, которые не прикрывают своих позиций ни «глобалистикой», ни «пацифизмом», ни псевдонаучностью и отчетливо транслируют американо-европейский взгляд на ситуацию. Примером такого подхода являются работы ведущего сотрудника московского «Фон-

---

[1] *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.

[2] *Богатуров А. Д.* Плюралистическая однополярность // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 284

[3] Например, *Чешков М.А.* Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005.

да Карнеги» Дмитрия Тренина. В своей книге «Конец Евразии»[1] он злорадно описывает этапы ослабления России, повторяя, в целом, тезисы З. Бжезинского. Примечательно, что книга выпущена на английском языке, т. е. обращена к тем, кто финансирует работу «Фонда Карнеги», что можно расценить как своего рода отчет о проделанной работе как самого Д. Тренина, так и сети атлантистской агентуры влияния в России, небескорыстно работающей на приближение конца Евразии, который по разным причинам все время откладывается.

[1] *Trenin D.* The end of Eurasia: Russia on the border between geopolitics and globalization. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

Глава 5

ОБЗОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ШКОЛ. ГЕОПОЛИТИКА «БЕРЕГОВОЙ ЗОНЫ»

5.1. «Геополитика-3»: истоки

5.1.1. «Геополитика-3» как геополитика невроза

Нам осталось рассмотреть те геополитические школы и направления, которые не могут быть причислены ни к морской, ни к континентальной геополитике и которые выражают позицию «береговой зоны», не занимая ни одну из сторон в «великой войне континентов».

С теоретической точки зрения такая позиция является производной и несамостоятельной, т. к. диспозитив геополитического смысла располагается строго в зонах Суши и Моря, а в «береговой зоне» мы имеем дело лишь с комбинацией отдельных элементов того и другого. «Геополитика-3», т. е. геополитика Rimland'a, не может сообщить нам принципиально ничего нового, если мы знакомы со структурами талассократии («геополитики-1») и теллурократии («геополитики-2»); вся новизна будет лишь в сочетаниях, пропорциях, композициях и т. д.

С другой стороны, высокий культурный уровень обществ «береговой зоны» контрастирует с довольно упрощенными моделями обществ морских и сухопутных. Поэтому, не обладая внутри себя источником геополитических смыслов и парадигмой специфической организации социально-политического пространства, «цивилизация Берега» имеет преимущество в вопросах окончательного оформления и утонченной интерпретации импульсов, идущих изнутри и извне континента. Именно это хотел подчеркнуть Н. Спикмен в своей сознательной переоценке геополитического значения Rimland для геополитической стратегии в целом.

Таким образом, у «геополитики-3» есть следующие основные варианты, предопределяющие геополитическую самоидентификацию обществ, расположенных в «береговой зоне»:

1) сделать выбор в пользу либо «цивилизации Суши» (континентализм, теллурократия, евразийство), либо «цивилизации Моря»

(атлантизм, талассократия); в этом случае «береговая» геополитическая школа примкнет к «геополитике-1» или «к геополитике-2» и станет ее продолжением;

2) попытаться создать плавающую, комбинаторную, составную геополитическую идентичность, основанную на статическом и/или динамическом сочетании элементов «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря»: можно назвать это «геополитикой лавирования»;
3) декларировать, что классический дуализм геополитической топики «преодолен», «необязателен», «не обоснован», и настаивать на необходимости особой — «недуальной» — геополитики, построенной на особых принципах. Можно назвать это направление «*слабой геополитикой*», по аналогии со «*слабой мыслью*» постмодернистского итальянского философа Дж. Ваттимо[1] или *«слабой теологией»* американского философа Дж. Капуто[2]. Слабость такой геополитики заключается в том, что она исходит из стремления сгладить противоречия между Сушей и Морем, уйти от радикальности их конфликтологического противостояния.

В истории «геополитики-3» мы будем встречаться с этими тремя версиями и, более того, так или иначе все они будут присутствовать у большинства геополитических авторов «береговой зоны». Поэтому правильнее всего методологически было бы придать всей совокупности школ, авторов и текстов, относящихся к «геополитике-3», *динамический* характер. Структура этого динамизма прозрачна: будучи семантически зависимой (от «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря»), «цивилизация Берега» хочет любым способом уйти от этой зависимости, что является ее постоянной интеллектуальной мотивацией. Но в то же самое время, как только ей удается это сделать на практике, она утрачивает всякий геополитический смысл: вдали от смысловых диспозитивов талассократии и теллурократии «геополитика-3» становится бессмысленной и, следовательно, снова вынуждена возвращаться к базовой дуальной топике и отталкиваться от нее. «*Геополитика-3» — это геополитика невроза*, не способная заведомо обрести собственную идентичность, но не желающая интегрироваться в устойчивую идентичность Суши или Моря. Более того, идентичность «геополитики-3» состоит в постоянном метании: отсутствие собственного смысла становится смыслом существования.

---

[1] *Vattimo G.,Girard R.* Christianity, Truth, and Weak Faith. NY.: Columbia University Press, 2009.

[2] *Caputo J.* The Weakness Of God. A Theology of the Event. Bloomington: Indiana University Press, 2006.

Ярче всего эта особенность проявляется во французской геополитике, поэтому мы можем взять ее за образец «геополитики-3» и на ее примере рассмотреть это направление в целом.

5.1.2. Видаль де ля Блаш: поссибилизм

Видаль де ля Блаш (1845—1918) считается основателем французской географической школы. Профессиональный географ, он был увлечен «политической географией» Ф. Ратцеля и строил свои теории, основываясь на этом источнике, хотя многие аспекты немецкой геополитической школы жестко критиковал. В своей книге «Картина географии Франции»[1] (1903) он обращается к теории почвы, столь важной для немецких геополитиков:

«*Отношения между почвой и человеком во Франции отмечены оригинальным характером древности, непрерывности (...). В нашей стране часто можно наблюдать, что люди живут в одних и тех же местах с незапамятных времен. Источники, кальциевые скалы изначально привлекали людей как удобные места для проживания и защиты. У нас человек — верный ученик почвы. Изучение почвы поможет выяснить характер, нравы и предпочтения населения*»[2].

Несмотря на такое вполне немецкое отношение к географическому фактору и его влиянию на культуру, Видаль де ля Блаш считал, что Ф. Ратцель и его последователи явно переоценивают сугубо природный фактор, считая его определяющим.

Человек, согласно де ля Блашу, есть также *«важнейший географический фактор»*, но при этом он еще и «наделен инициативой». Он не только фрагмент декорации, но и главный актер спектакля.

Эта критика чрезмерного возвеличивания пространственного фактора Ф. Ратцелем привела де ля Блаша к выработке особой геополитической концепции — «*поссибилизма»* (от слова «possible» «возможный»). Согласно этой концепции политическая история имеет два аспекта: *пространственный* (географический) и *временной* (исторический). Географический фактор отражен в *окружающей среде*, исторический фактор воплощен в самом *человеке* («носителе инициативы»)[3]. Де ля Блаш считает, что ошибка немецких «политических географов» состояла в том, что они объявляют рельеф детерминирующим фактором политической истории государств. Тем самым, по мнению де ля Блаша, принижается фактор человеческой свободы и историчности. Сам же он предлагает рас-

---

[1] *Vidal de la Blache P.* Tableau de la geographie de la France. Paris: Hachette et Gio, 1903.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

сматривать географическое пространственное положение как «потенциальность», «возможность», которая может актуализоваться и стать действительным политическим фактором, а может остаться лишь потенцией. Это во многом зависит от субъективного фактора, от человека, обитающего в данном пространстве.

«Поссибилизм» де ля Блаша был воспринят большинством геополитических школ как коррекция жесткого *географического детерминизма* предшествующих геополитических авторов.

Однако само стремление уйти от географического детерминизма мы можем истолковать как бессознательное стремление ослабить давление логики пространства и ее каузальности на «береговую зону». То, что давит на «береговые государства», такие как Франция, не является ее качественным пространством и, следовательно, ее судьбой. Она вынуждена искать равновесия в какой-то иной, не пространственной сфере, и такую сферу «геополитика-3» обнаруживает закономерно в человеческом субъекте и историческом времени, привязываемом к этому субъекту. Если пространство есть судьба, то «береговая зона» обречена на то, чтобы быть вечно полем игры внешних сил — континентальных и морских, а значит, никакой подлинной геополитической свободы здесь не предполагается. Поэтому поиск выхода за пределы пространственного детерминизма, смягчение его есть единственный выход. Теория «поссибилизма», смягчающая теорию «детерменизма», является типичным примером «слабой геополитики».

Особое внимание Видаль де ля Блаш уделял Германии, которая была главным политическим оппонентом Франции в то время. Он считал, что Германия является единственным по-настоящему мощным европейским государством, геополитическая экспансия которого заведомо блокируется другими европейскими развитыми державами. Если Англия и Франция в начале XX в. имели обширные колонии в Африке и во всем мире, если США могли почти свободно двигаться к югу и северу, если у России была Азия, то Германия сдавлена со всех сторон и не имела выхода своим энергиям. Де ля Блаш видел в этом главную угрозу миру в Европе и считал необходимым всячески ослабить развитие этого опасного соседа.

Такое отношение к Германии логически влекло за собой геополитическое определение Франции как входящей в состав общего фронта «морской силы», ориентированной *против* континентальных держав.

В 1917 г. де ля Блаш публикует книгу «Восточная Франция»[1], в которой он доказывает исконную принадлежность провинций Эльзас-Лоррэн к Франции и неправомочность германских притязаний на эти области. При этом он апеллирует к Французской революции,

[1] *Vidal de la Blache P.* La France de l'Est. Paris:Livres Herodote, 1994.

считая ее якобинское измерение выражением геополитических тенденций французского народа, стремящегося к унификации и централизации своего государства через географическую интеграцию. Политический либерализм он также объясняет через привязанность людей к почве и естественное желание получить ее в частную собственность.

Таким образом, де ля Блаш на свой лад связывает геополитические реальности с реальностями идеологическими: пространственная политика Западной Европы (Франции) неразрывно связана с «демократией» и «либерализмом». Через такое уравнение легко сблизить геополитические взгляды де ля Блаша с воззрениями Х. Макиндера и А. Мэхэна. Выбор де ля Блашем «морской ориентации» прекрасно вписывается в эту схему.

У основателя французской «политической географии» мы видим все три основные черты геополитики «цивилизации Берега»: выбор антигерманского лагеря (цивилизации Моря) в европейском раскладе сил; стремление релятивизировать географический детерминизм (Видаль де ла Блаш не был знаком еще с жестким дуализмом Х. Макиндера, но, будучи проницательным специалистом в области «политической географии», вполне мог его предвосхитить); поиск факторов, способных ослабить давление пространства в пользу субъекта и времени.

5.1.3. Школа Видаля де ла Блаша и появление французской геополитики

В духе «политической географии» Видаля де ла Блаша строили свои концепции его ученики, знаменитые французские географы: Эммануэль де Мартон[1] (1872—1955), племянник де ла Блаша; Жан Брюн (1869—1930), автор ключевого труда «Человеческая география»[2], написанного в духе «антропогеографии» Ф. Ратцеля; Альбер Деманжон (1872—1940), также развивавший идеи Ф. Ратцеля, но жестко критиковавший геополитику как таковую; Пьер Деффонтэн (1894—1978) и др.

В духе французской научной культуры все представители «политической географии» постоянно полемизировали друг с другом, и особенно с немецкой школой, принимая одно и отвергая другое и т. д. Кроме постоянной полемики с немцами, ситуация усугублялась еще и тем, что один из основателей знаменитой исторической «Школы Анналов», историк Люсьен Фэвр (1878—1956), подверг самого Видаля де ла Блаша и его последователей уничижительной

---

[1] *Martonne Emmanuel de.* Traité de géographie physique. Paris: Librairie Armand Colin, 1909.

[2] *Bruhnes J.* Geographie humaine. Paris: Michelet, 1910.

критике, заявив, что «географа должна интересовать почва, а не государства»[1]. При этом другой яркий представитель «Школы Анналов» Фернан Бродель[2] (1902—1985) в своих исследованиях Средиземноморской цивилизации показал значение цивилизационного, политического пространства для «длительных циклов истории» (longue duree).

Решающим моментом в процессе созревания французской геополитики явились три автора, также принадлежавшие к традиции Видаля де ла Блаша — Жак Ансель (1879—1943), Андре Зигфрид (1875—1959) и Андре Шерадам (1871—1948).

Жак Ансель был первым, кто использовал во Франции термин «геополитика» и написал текст с таким названием[3], где излагал свое понимание этой новой для Франции науки. В этом труде он противопоставляет немецкую геополитику французской, в основном по заведомо понятным причинам: германская геополитика в своем практическом выражении ратовала за расширение «жизненного пространства» немцев, в том числе и за счет спорных с Францией территорий. Кроме того, для французской геополитики (как для «геополитики-3») были неприемлемы жестко континентальные установки школы К. Хаусхофера, его апелляции к Heartland'у.

Ж. Ансель предлагал придать различному написанию термина геополитика в немецком («Geopolitik») и французском («Geopolitique») языках концептуальный смысл. Приняв во внимание тот факт, что англосаксонские геополитики, стараясь избежать любых ассоциаций с К. Хаусхофером, также пытались противопоставить германское «Geopolitik» и англо-американское «geopolitics», мы получим любопытную картину: написание слова «геополитика» на трех европейских языках (английском, немецком и французском) дает нам три семантических, парадигмальных и методологических множества, которые соответствуют «геополитике-1» (Море), «геополитике-2» (Суша) и «геополитике-3» (Берег). Ж. Ансель в своих текстах представляет собой яркого выразителя именно «геополитики-3».

В своей книге «География границ»[4] Ж. Ансель разбирает динамику границ вполне в духе Ф. Ратцеля, Р. Челлена и К. Хаусхофера, но конкретное рассмотрение европейских границ он производит с точки зрения национальных интересов Франции как государства-нации. Полемизируя о статусе Рейна и пиренейских областей со школой К. Хаусхофера, Ж. Ансель пытается доказать пограничное

---

[1] *Febvre L.* La terre et l'evolution humaine. P.: Vieilles Provinces,1923.

[2] *Braudel F. (*dir.) La Méditerranée. L'espace et les hommes. Paris: Arts et métiers graphiques, 1977.

[3] *Ancel J.* Géopolitique. Paris: Bibliothèque d'Histoire et de Politique, 1936.

[4] *Ancel J.* Geographies des frontiers. Paris: Gallimard, 1938.

значение этой реки, вопреки германским претензиям на то, что она является «внутринемецкой».

Другим пионером французской геополитики является Андре Зигфрид, избранный в 1944 академиком Французской Академии Наук. А. Зигфрид разработал курсы для французских университетов, касающиеся политической и экономической географии[1], а также методики для исследования «электоральной геополитики»[2]. В одной из книг об «электоральной геополитике» он, в частности, пишет:

«Каждая партия или, точнее, каждая политическая тенденция имеет свою привилегированную территорию; легко заметить, что подобно тому, как существуют геологические или экономические регионы, существуют также политические регионы. Политический климат можно изучать так же, как и климат природный. Я заметил, что, несмотря на обманчивую видимость, общественное мнение в зависимости от регионов сохраняет определенное постоянство. Под непрерывно изменчивой картиной политических выборов можно проследить более глубокие и постоянные тенденции, отражающие региональный темперамент»[3].

А. Зигфрид является автором таких геополитических трудов как «Море и Империя»[4], «Британский кризис XX века»[5], «Кризис Европы»[6] и т. д.

Андре Шерадам строил свои геополитические концепции, как и большинство французских геополитиков, на антигерманском принципе. Его основной заботой был вопрос, как остановить германский экспансионизм. Для этой цели А. Шерадам анализировал политическую географию Европы и рассматривал различные композиции антигерманских альянсов, исходя из геополитических факторов и соображений. Уже в 1902 году[7] он предлагает план расчленения Австро-Венгрии с учетом всех политических, природных, этнических и социальных линий разлома, а также с детальным анализом внешних и внутренних факторов, могущих быть задействованными в этом процессе с целью создания геополитических проблем Германии. Карл Хаусхофер был впечатлен работами А. Шера-

---

[1] *Siegfried A.* Géographie économique. Cours de Université de Paris, Institut d'études politiques, année 1953—1954. Paris: Centre de documentation universitaire, 1954.

[2] *Siegfried A.* Géographie électorale de l'Ardèche sous la 3e République. Paris.: A. Colin, 1949

[3] *Siegfried A.* Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisieme Republique. Paris: A. Colin, 1913.

[4] *Siegfried A.* La Mer et l'empire. Série de vingt-deux conférences faites à l'Institut maritime et colonial. Paris, J. Renard, 1944.

[5] *Siegfried A.* La Crise britannique au xxe siècle. Paris: A. Colin, 1931.

[6] *Siegfried A.* La Crise de l'Europe. Paris.: Calmann-Lévy, 1935.

[7] *Cheradame A.* L'Allemagne, да France et la question de l'Autriche. P.: Plon, 1902.

дама, т. к., с одной стороны, в них присутствовали детальные планы и карты развала Габсбургской Империи, как будто речь шла «о борьбе с термитами в лесах Амазонки», а с другой стороны, все эти планы буквально реализовались в 1918 г. Кроме того, А. Шерадам выступал за создание Антанты — союза Франции, Англии и России, направленного вновь против Германии. И этот его проект увенчался успехом.

5.2. Слабая геополитика

5.2.1. «Слабая геополитика» Ива Лакоста

После окончания Второй мировой войны в «береговой геополитике», как и в геополитике в целом, устанавливается «зона тишины», прерываемая лишь изредка отдельными яркими текстами, заявлениями или исследованиями. Немецкая школа геополитики разгромлена вместе с Германией, в США геополитика ушла на территорию закрытых клубов и секретных служб, в СССР само название «геополитика» жестко табуировано. В этой ситуации в общем русле угасания внимания к геополитике движется и береговая (в первую очередь французская) школа.

Ситуация начинает меняться в 1970-е гг., параллельно обращению к геополитике американских стратегов, дипломатов и политических аналитиков — таких, как Г. Киссинджер и З. Бжезинский. Во Франции возрождение интереса к геополитике связано с деятельностью таких авторов, как Ив Лакост, Мишель Фуше, Эрве Куто-Бегари, Филип Моро-Дефарж, Жан-Кристоф Рюфен, Франсуа Жуайо, Мишель Коренман, Пьер Мари Галлуа (1911—2010), Поль Мари де Ла Горс (1928—2004), Игнасио Рамоне и т. д. За исключением Пьер-Мари Галлуа и Эрве Куто-Бегари, которых мы отнесли к континентальной школе, остальные авторы представляют собой типичных представителей «геополитики-3», т. е. апологетов «цивилизации Берега».

Французский географ Ив Лакост с 1976 г. стал выпускать журнал «Геродот», полностью посвященный геополитике. В 1983 г. в нем появляется подзаголовок «журнал географии и геополитики» и с этого момента начинается вторая жизнь геополитики, отныне признанной официально в качестве особой политологической дисциплины, помогающей в комплексном анализе ситуации.

Ив Лакост стремится адаптировать геополитические принципы к современной ситуации. Сам он не разделяет ни «органицистского подхода», свойственного континенталистской школе, ни прагматического и механицистского геополитического утилитаризма апологетов «морского могущества». С его точки зрения,

геополитические соображения служат лишь для «оправдания сопернических устремлений властных инстанций относительно определенных территорий и населяющих их людей»[1]. Это может касаться как международных отношений, так и узко региональных проблем. Легко заметить в таком определении типичный для французов левой ориентации (И. Лакост близок лево-демократическим кругам и был одно время советником Франсуа Миттерана) неприязнь к принципу власти вообще. «Властные инстанции», «соперничество», «оправдания» — все эти термины принадлежат к словарю анархистской, марксисткой и, в крайнем случае, социал-демократической традиции и, по сути, призваны заведомо дискредитировать ту область, которой И. Лакост приоритетно занимается. Определенная таким образом «геополитика» у среднего французского интеллектуала вызовет только оскомину и раздражение.

У И. Лакоста геополитика становится инструментом анализа конкретной локальной ситуации, требующей привязки к политически организованному пространству, а вся глобальная топика выносится за скобки. Таким образом, И. Лакост полностью вписывается в классическую традицию геополитического «берегового невроза», свойственного первому поколению французских политических географов и геополитиков. «Большое пространство» с его фундаментальными энергиями тяготит представителей «геополитики-3», и они стараются уклониться от географических детерминаций путем самых различных методологических тактик.

И. Лакост и его школа, судя по всему, довольно отчетливо рефлектирует это свойство и пытается *переопределить* геополитику таким образом, чтобы она оторвалась от своего классического фундамента (заложенного Ф. Ратцелем, Р. Челленом, Х. Макиндером, А. Мэхэном и К. Хаусхофером) и превратилась во что-то более приемлемое для «цивилизации Берега». Именно Ив Лакост и группа сотрудников журнала «Геродот» поставили своей целью разработку модели «слабой геополитики», в которой силовые линии классической топики, связанные с концептами «великой войны континентов», «дуализма цивилизаций», «экспансии больших пространств», «подвижности границ», стратегии и контрстратегии контроля над пространствами, пан-идей, «стратегии анаконды», расчленения территории противника, были бы вынесены за пределы внимания.

Что же оставалось бы тогда объектом изучения «слабой геополитики», и каковы были бы ее методы?

«Слабая геополитика» И. Лакоста и его школы сосредоточивала свое внимание на:

[1] *Lacoste Y.* Dictionnaire geopoliqiue. Paris: Flammarion, 1986.

– локальных процессах, с тщательным выяснением структуры их акторов, но без обобщений относительно иерархического соподчинения более масштабным силам (по принципу «локальные процессы/локальные акторы»);
– географической фиксации регионов бедности, географии социального неравенства;
– пространственном рассмотрении проблем экологии;
– изучении экономических процессов, протекающих в пространстве;
– выяснении влияния имиджа того или иного межэтнического или межнационального конфликта на общие настроения общества (геополитика медиакратии);
– критическом анализе (разоблачении) империалистических действий крупных национальных держав (США, Россия, Китай и т. д.).

Если классическая геополитика строит свои методологии на помещении любого рассматриваемого события в глобальный геополитический контекст, вплоть до планетарного, то «слабая геополитика» стремится ограничиться узкой зоной рассмотрения, компенсируя отсутствие обобщений детальным изучением нюансов рассматриваемой ситуации.

Для этой школы характерна неприязнь к американской геополитике и отрицательное, в целом, отношение к неоевразийской традиции. Силе Моря и силе Суши Европа в лице этого направления не нашла ничего лучше, чем противопоставить «слабость».

5.2.1. Вклад в геополитику современных французских авторов: Ф. Моро-Дефарж, М. Фуше, Ф. Жуайо, Ж.-К. Рюфен

У школы Ива Лакоста есть и ряд неоспоримых достоинств. Она обращает внимание на ряд тем и вопросов, которые никогда не рассматривались классической геополитикой, вводит в геополитический анализ тематику медиакратии, экологии, влияния культурного фактора, а также собирает детализированный материал по политико-социальным, экономическим, энергетическим и иным проблемам в разных регионах мира, так или иначе, связывая их с пространственным фактором. Если корректно изолировать «береговой невроз» и раздраженно-язвительный стиль (с ярко выраженным пафосом доносительства на своих идейных и методологических противников), свойственный всему французскому интеллектуализму в целом, то разработки И. Лакоста могут быть чрезвычайно полезны в контексте классической геополитики. Если «береговая зона», выстраивая «геоплитику-3», воспользовалась в своих интересах инструментарием «сильной геополитики», то последняя

вполне может воспользоваться полезными и адекватными наработками «слабой геополитики».

Кроме И. Лакоста в общем русле возрожденной во Франции геополитики следует упомянуть еще ряд авторов, каждый из которых внес в современную геополитику довольно серьезный вклад.

Значительные усилия к популяризации геополитических знаний приложил современный французский политолог Филип Моро-Дефарж, советник министерства иностранных дел Франции и профессор в парижском Институте политических исследований. Моро-Дефарж — автор обзорного учебника «Введение в геополитику»[1], переведенного на русский язык. Ему же принадлежит ставший классическим текст, посвященный проблеме новой европейской идентичности — «Куда идет Европа?»[2], написанный на основе геополитического анализа процессов глобализации. Обзор геополитического баланса сил на старте XXI в. Моро-Дефарж дает в своих книгах «Геополитика нулевых»[3], «Мировой порядок»[4] и «Мондиализация»[5]. Не высказывая никаких специальных предпочтений, Моро-Дефарж комбинирует классическую геополитику и «слабую геополитику» Ива Лакоста и по этому критерию сближается с французскими геополитиками неореалистами (Ф. Тюалем, Э. Шопрадом и т. д.).

С журналом «Геродот» и другими инициативами Ива Лакоста активно сотрудничал и сотрудничает французский дипломат, географ и геополитик Мишель Фуше. Не ставя перед собой задачи глобальных обобщений или пересмотра понимания геополитики как таковой, Фуше концентрируется на одной конкретной теме — геополитике границ, полагая, что границы отражают степень социально-психологической и исторической энергии народа и, следовательно, никогда не остаются строго постоянными и все время меняются. Проблеме динамики изменения границ в нашем мире посвящены основные геополитические работы Фуше[6]. Произведения такого признанного академического ученого, как М. Фуше, во многом способствовали успеху геополитики в современной научной среде Франции.

Определенный интерес вызывают труды геополитиков этой же школы Франсуа Жуайо и Жана-Кристофа Рюфена. Ф. Жуайо

[1] *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. Москва: Конкорд, 1996.

[2] *Moreau Defarges Ph.* Où va l'Europe ? P.: Presses de Sciences Po, 2006.

[3] *Moreau-Defarges Ph.* La géopolitique pour les Nuls. P.:Générales First, 2008.

[4] *Moreau-Defarges Ph.* L'ordre mondial. P.: Armand Colin, 2003.

[5] *Moreau-Defarges Ph.* La mondialisation. P.: PUF, 2010.

[6] *Foucher M.* Fronts et Frontières, un tour du monde géopolitique. P.: Fayard, 1988; *Idem.* L'invention des Frontières. P.: FEDN, 1986. *Foucher M., Dorion H.* (dir.) Frontière (s), scènes de vie entre les lignes. P.: Glénat, 2006.

известен фундаментальными исследованиями геополитики азиатского региона[1], а Ж.-К. Рюфен является автором геополитического бестселлера «Империя и новые варвары»[2]. Основной тезис Рюфена состоит в том, что после краха СССР Запад оказался в ситуации Римской Империи после гибели Карфагена (правильнее было бы сказать наоборот, т. к. победила «цивилизация Моря», т. е. современный Карфаген), а значит, видение мира по линии «Восток—Запад» сменилось на вертикальную оппозицию «Север—Юг». «Север» для Ж.-К. Рюфена — это «Империя», зона технологического порядка, уюта, социальной обеспеченности, богатства и технологического развития, а «Юг» — зона «нового варварства», где интенсифицируются процессы распада, нагнетается хаос и социальный регресс. Сам Рюфен, активист различных организаций по защите «прав человека» и один из основателей движения «Врачи без границ», предостерегает от того, чтобы назревающий раскол по линии «Север—Юг» не стал реальностью, т. к., по мнению Рюфена, это приведет к падению технологической цивилизации Севера, глобальной гуманитарной катастрофе и всеобщему хаосу.

5.2.2. Геополитика в стиле «Монд Дипломатик»: Игнасио Рамоне

Самой ортодоксальной линией развития «слабой геополитики» Ива Лакоста является группа журналистов, политологов и экспертов, издающих престижный французский журнал «Monde Diplomatique». Главный редактор журнала Игнасио Рамоне[3] является автором многочисленных текстов по геополитике и поддерживает геополитический метод в редактируемом журнале.

Политические и идеологические позиции «Monde Diplomatique» можно сформулировать в нескольких тезисах.

1. Западное общество движется по пути прогресса неравномерно и с определенными откатами назад под воздействием «авторитарного» и «тоталитарного» инстинкта, эгоизма, желания доминировать, покорять, контролировать и властвовать. На пути торжества гуманистических ценностей и идеала равенства и кооперации, а также социальной справедливости стоят различные формы атавизма. Социал-демократия и умеренное левое движение в Европе, а также кантовские традиции европейско-

[1] *Joyaux F.* Géopolitique de l'Extrême-Orient, Espaces et politiques. Bruxelles: Éditions Complexe, 1991.

[2] *Rufin J.-C.* L'Empire et les nouveaux barbares. Rupture Nord-Sud. P.:Hachette, 1996.

[3] *Ramonet I.* Nouveaux pouvoirs, nouveaux maîtres du monde. Montréal: Fides, 1996; *Idem.* Géo-politique du chaos. Paris: Galilée, 1997; *Idem.* Guerres du xxie siècle — Peurs et menaces nouvelles. Paris: Galilée, 2002.

го гражданского общества представляют собой один полюс развития цивилизации. Он воплощен к Евросоюзе, но не в том, который есть сейчас, а в том, каким ему предстоит стать. Отрицательным полюсом западной цивилизации являются США, ультралиберальная идеология и философия эгоизма и прагматизма.

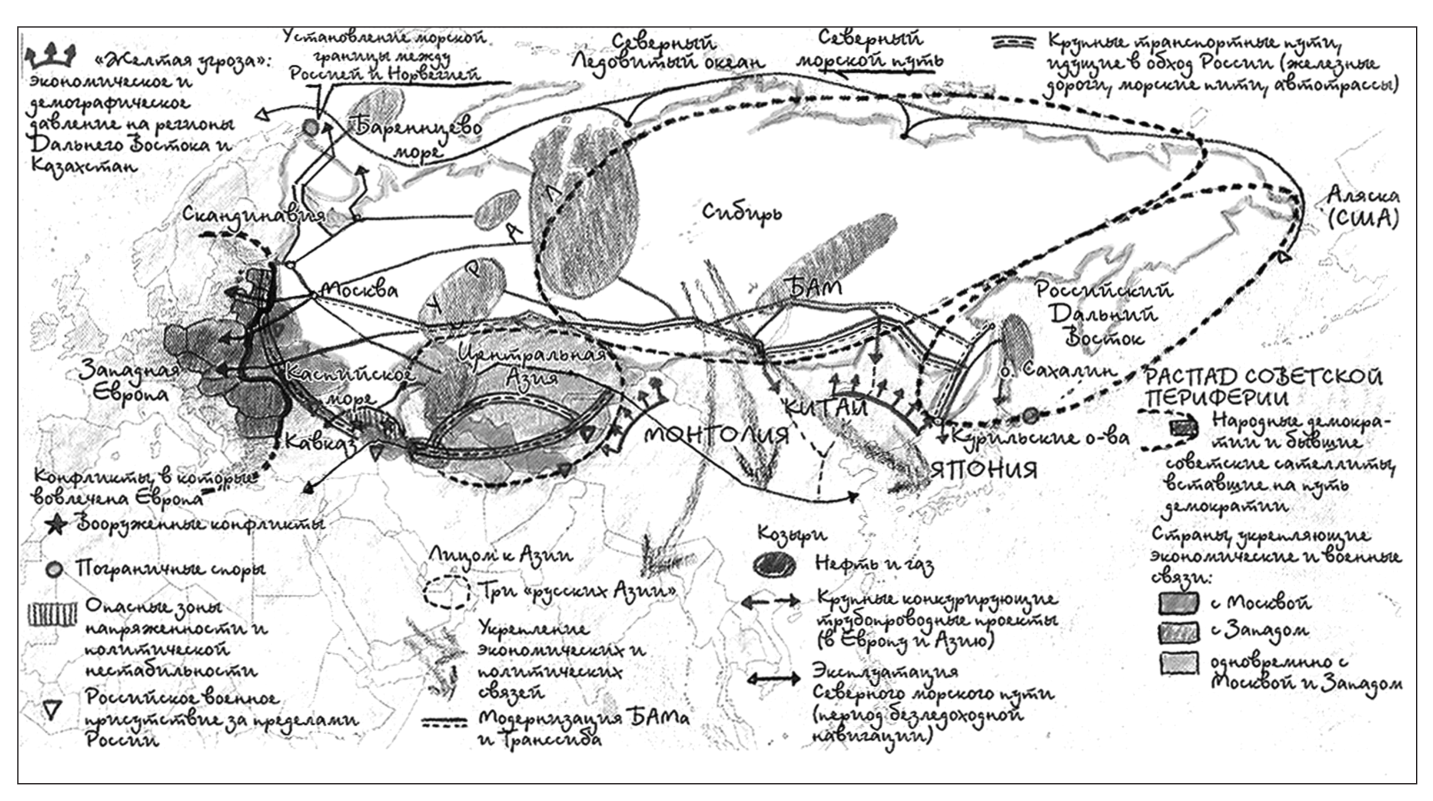
2. Смысл мировых процессов заключается в соперничестве двух образов будущего: демократического европейского, основанного на социальности и соблюдении прав человека, и либерального американского, основанного на абсолютизации свободного рынка, конкуренции, эгоизма и материального успеха.
3. Остальные зоны, кроме США и Европы, являются заложниками этого спора. США и американская версия глобализма, базирующаяся на классической морской англосаксонской геополитике, несет им новые формы колонизации, апартеид, угнетение и хаос. Европейская гуманистическая и демократическая социально ориентированная модель глобализации позволит всерьез подойти к решению наболевших социальных и экономических проблем.

Если спроецировать эти принципы на сферу геополитики, то можно сделать вывод, что интеллектуалы и эксперты «Монд дипломатик» противопоставляют единственную сохранившуюся и действенную до сих пор модель «сильной геополитики», атлантизма, Sea Power), воплощенную в США, довольно расплывчатому проекту гармоничной гуманистической («левой») глобализации на основе «слабой геополитики», предполагающему отсутствие строгих и жестких центров силы, прямой доминации, национального и государственного эгоизма в международных отношениях.

Такие идеи довольно популярны в определенных европейских кругах, ориентированных антиамерикански и антилиберально: поэтому журнал и его главный редактор Игнасио Рамоне находит серьезную поддержку своей позиции.

На практике такая установка задает тон критического анализа стратегии американского глобализма и «империализма», отслеживания и денонсации тех тенденций в политике США, которые укладывались бы в парадигму агрессивного англосаксонского империализма, основанного на «морском могуществе». Этот критицизм в отношении либерализма и стратегии США сближает с И. Рамоне и его журналом самые различные силы европейской континентальной ориентации — от «суверенистов» до участников GRECE. Сам И. Рамоне неоднократно публиковался в журнале Алена де Бенуа «Кризис».

И. Рамоне откровенно симпатизирует «левым» и даже «крайне левым» движениям, а также всем разновидностям антиимпериализма, антирасизма и деколонизации.

Карта 31. Карта России из геополитического атласа «Монд Дипломатик»

РАЗДЕЛ 2

ГЕОПОЛИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Глава 1

«ПЛАНЕТАРНОСТЬ», «ГЛОБАЛЬНОСТЬ» И «МИР» КАК ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ

1.1. Философия мира

1.1.1. Многозначность термина «глобализм»

Во второй части книги мы рассмотрим с геополитической точки зрения такое явление, как глобализация. Для того чтобы применить к глобализации геополитический инструментарий, необходимо предварительно дать ее более или менее развернутое описание.

Глобализация есть процесс объединения всех обществ, стран, народов, культур, экономики земли в некое единое интегрированное образование.

Синонимами глобализации выступают такие понятия, как «планетаризм», «глобализм», «мондиализм» и производные от них. Разные исследователи совершенно по-разному трактуют не только различия между этими терминами, но и заложенный в них смысл, поэтому для того чтобы составить представление о глобализации, необходимо рассмотреть целый ряд авторов, толкующих ее смысл, природу и характер.

1.1.2. Костас Акселос: планетарные блуждания бытия

Одним из первых осмыслить процесс глобализации предложил греческий философ Костас Акселос (1924—2010), сочетавший в своем творчестве влияния Маркса, Ницше, Гераклита и Хайдеггера. В книге «К планетарному мышлению»[1] К. Акселос описывает те основы, на которых, по его мнению, будет построено общество завтрашнего дня и утверждает, что они будут иметь планетарный, глобальный мировой характер, включающий в себя все человеческие общества и культуры. При этом основное внимание К. Акселос уделяет философской подоплеке глобализации, которую он сводит к фундаментальной проблеме мира как особого метафизического явления.

[1] *Axelos K.* Vers la pensée planétaire. Paris: Les Éditions de Minuit, 1964.

Необходимость объединения человечества в общем социальном контексте Акселос выводит из единой модели феноменологии восприятия человеком окружающего бытия. Единство человечества обосновывается, согласно ему, единством бытия. Но само бытие Акселос понимает в духе Хайдеггера — как развертывание, «открытие», обнаружение динамического начала переливов наличия и отсутствия. Акселос указывает на греческую этимологию слова «планета», которое происходит от глагола «πλαζειν», что означает «блуждать». Под «планетами» греки понимали перемещающиеся (блуждающие) небесные тела. «Блуждание», по Акселосу, становится главным свойством «планетарности» и в этимологическом, и в философском смысле. В духе Хайдеггера и Гераклита он считает, что наиболее постоянным свойством бытия является его непостоянство — бытие ускользает от любых попыток его строго зафиксировать и порождает диалектические игры отчуждений и сближений, дифференциаций и интеграций, революций и реакций. Бытие блуждает, и человечество, распознавшее это, также призвано стать планетарным — т. е. *блуждающим*. Трилогию своих книг «Маркс как мыслитель техники»[1], «Гераклит и философия[2]» и «К планетарному мышлению»[3] Акселос называет «трилогией блуждания».

Такое понимания мира приводит Акселоса к фундаментальному началу в его философии — к понятию «игры». Этой теме он посвящает наиболее знаменитую свою книгу «Игра мира»[4]. Мир как блуждание одновременно есть мир как игра. Игру Акселос понимает как «предонтологическое» начало, т. е. то, что предшествует логическому мышлению с его четкими дистинкциями. В игре действуют более гибкие правила, открытые ряды, причудливо сходящиеся и расходящиеся по неуловимой жизни силы, энергии внутренней мощи. Бытие проявляет себя как игра — подобно «вечности», которую любимый Акселосом философ Гераклит уподобил «играющему ребенку». Игру как принцип открытия бытия Акселос противопоставляет закрытым обществам — нациям, государствам, культурам, религиям, поскольку каждая из этих инстанций претендует на то, чтобы «приватизировать» бытие и мир, установить безраздельную власть над фрагментом, попавшим в зону их контроля, и остановить свободную игру блуждающего бытия, поместив его в узкие, фиксированные политические, идеологические, экономические и др. границы. Человек у Акселоса есть одно-

---

[1] *Axelos K.* Marx, penseur de la technique. Paris: UGE/Les Éditions de Minuit, 1961.

[2] *Axelos K.* Héraclite et la philosophie. Paris: Minuit, 1962.

[3] *Axelos K.* Vers la pensée planétaire.

[4] *Axelos K.* Le Jeu du monde. Paris: Les Éditions de Minuit, 1969.

временно и игрок, и игрушка, и сама игра в ее самосознании, в ее встрече с самой собой[1].

История человеческого общества подводит его к осознанию бытия как игры и влечет за собой соединение человечества в концентрации на всеобщей открытости мира — в этом ключе Акселос трактует и Маркса, и Ницше, и Хайдеггера. При этом в последних своих работах[2] он критически оценивал практику современной глобализации, утверждая, что она упускает из виду главное — процесс интеграции мира проходит чисто технически и отчужденно, исключая самое главное: открытость миру, мир как таковой. Это планетаризация без планетарного чувства (блуждающего бытия), «мондиализация» (от французского «le monde», дословно «мир») без «мира».

1.1.3. Ойген Финк: игра как символ мира

Понятия мира и игры сходятся воедино и у другого выдающегося философа XX в., феноменолога, последователя Э. Гуссерля и М. Хайдеггера Ойгена Финка (1905—1975). Идеи Финка оказали решающее влияние на «планетарное понимание философии» Костаса Акселоса. В своей книге «Игра как символ мира»[3] Финк показывает, что понятие «мира» как таковое является одним из самых сложных в человеческой философии, культуре, речи и т. д. Приобретая опыт мира, человек становится самим собой. Мир, по О. Финку, не состоит из совокупности всех вещей, расположенных вокруг человека и внутри него. Мир есть тонкая и постоянно ускользающая целостность, которая и дает вещам основу для их явления, и отпускает их в стихию небытия в том смысле, в каком они представляют собой нечто конкретное и фиксированное. В этом и состоит суть игры мира: целостность мира развертывает вещи и укрывается за ними и от них, чтобы, предоставленные сами себе, эти вещи растворились бы в стихии времени и дали место другим. Но человек, в отличие от других существ, способен видеть не только отдельные вещи, фрагменты и сингулярности, но и схватить сам мир в целом. Благодаря этому опыту, человек становится самим собой: местом встречи множества вещей мира с миром как таковым[4].

Такое понимания «мира», «целого», «всего» соответствует главной теме философии Хайдеггера — теме бытия.

---

[1] Близкую концепцию выдвигал культуролог и философ Й. Хейзинга. См. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М.: Прогресс — Традиция, 1997.

[2] *Axelos K.* Ce qui advient. Fragments d'une approche. Paris: Les Belles-Lettres, 2009.

[3] *Fink E.* Spiel als Weltsymbol**.** Stuttgart: Kohlhammer,. 1960.

[4] О философии и антропологии Ойгена Финка см.: *Дугин А.* Социология русского общества. М.:Академический проект, 2010.

1.2. Производство пространства и планетарная личность

1.2.1. Анри Лефевр: глобальное производство пространства

С другой стороны подходит к проблеме единого мира французский философ и социолог (бывший марксист, сохранивший симпатии к «левой» идеологии до конца жизни) Анри Лефевр (1901–1991). А. Лефевр был одним из редких марксистов, кто уделил большое внимание фактору пространства. С его точки зрения, ключом к производственным отношениям, а значит, и к самой стихии власти, является организация пространства, которая представляет собой прямое воплощение самой сущности политической экономии. Исследование этой темы привело его к главной формуле его трудов. «*Производство пространства»* — с таким названием вышла книга, считающаяся сегодня классическим произведением в этой области[1]. А. Лефевр утверждает, что производство пространства есть «воспроизводство социальных отношений производства». Смысл понятия «производство пространства» состоит в следующем:

- любая социальная система, основанная на фиксации экономических отношений и основанных на них отношений власти (марксистский подход), выражает себя не как абстрактная концепция, а как пространственная реальность, воплощенная в организации селенья, города, государства и т. п;
- только в этом случае власть и политика воспринимаются как нечто «объективное» и «реальное»;
- поэтому власть всегда есть власть над пространством и в пространстве;
- анализ структуры политического пространства и есть проникновение в сущность экономических и политических отношений;
- производство, порождающее диалектику экономико-политической истории, есть в первую очередь производство пространства, и в этом производстве сосредоточены основные силовые линии.

Далее, Лефевр рассматривает три типа пространства:

1) естественное или «абсолютное» пространство (сфера *непосредственно воспринимаемого*);
2) представленное или теоретизированное пространство (сфера *понятийного*) и
3) пространственно воображаемое время (сфера *проживаемого*).

Между ними развертываются диалектические соотношения. Власть создает *понятийное* пространство и помещает его в *естественное* пространство, и эта комбинация становится экзистенциальной зоной *проживания* общества. Ярче всего это выражено *в*

[1] *Lefebvre H.* La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

структуре города, изучению которой Лефевр посвятил много работ: «Городская революция»[1], «Право на город»[2] и др. Город есть произведенное пространство по преимуществу — одновременно экономически и политически. Поэтому корректный социологический анализ города является сам по себе важнейшей философской процедурой расшифровки наложения трех пространств друг на друга и выяснения того, как через них и в них реализуются производственные и властные отношения. Согласно Лефевру, революционные — социалистические, коммунистические — практики должны иметь, в первую очередь, пространственное выражение и пространственные формы[3]. Они должны вписываться в городское пространство (как концентрированное выражение промышленного капитализма).

А. Лефевр прослеживает этапы производства пространства и историческую судьбу городов и замечает, что сегодня капитализм вступает в урбанистическую стадию. Это означает, что все пространство земли, включая сельскую местность и пустынные территории, структурируется по модели индустриального города. По сути, это означает превращение планеты в город, а человечества — в горожан. Здесь можно заметить прямую этимологическую связь между понятиями *город* (греч. «πόλις», немецкое «Burg», латинское «civis/urbs»), *гражданин/горожанин* (лат. «civilis»), *буржуа* (изначально дословно «житель Burg'а», т. е. «горожанин), *политика* (от греч. «πόλις», как преимущественное занятие горожан), *цивилизация* (латинское «civis»), *урбанизация* (латинское «urbs»). С точки зрения производства пространства все эти явления связаны не только исторически и этимологически, но и концептуально. Планета, по Лефевру, становится урбанистической и, следовательно, ее природное пространство концептуально организуется буржуазным мировоззрением, на основе чего складывается единая цивилизация и мировое «гражданское общество», объединенное общей глобальной политикой. И в таком качестве новое пространство переживается людьми как историческая данность.

Поэтому глобальный мир есть высшая форма капиталистического производства, вершина власти капитала и его выражение в структуре мирового пространства.

1.2.2. Вильфрид Десан: императив глобального взгляда и планетарные личности

Антропологические темы глобального мира развивает другой автор, Вильфрид Десан (1908—2001). В. Десан исходит из постули-

[1] *Lefebvre H.* La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970.

[2] *Lefebvre H.* Le Droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968.

[3] *Lefebvre H.* La révolution urbaine.

рования такого явления, как «целое» («totum»). Отдельные индивидуумы, страны, культуры и цивилизации всегда представляют собой только «часть». Все явления истории индивидуальны и, значит, частичны и с точки зрения их бытия, и с точки зрения их осмысления. Исходя из «целого» и в стремлении к его достижению, согласно Десану, надо строить диалог, в развитии которого через адаптацию друг к другу разновеликих и разноплановых единичностей может реализоваться и раскрыться в должной мере «totum».

Для того чтобы «целое» начало складываться, необязательно интегрировать полностью всех и вся на практике. Достаточно, если теоретически будет выстроена структура «*глобального взгляда*» на проблемы и будут воспитаны «*планетарные личности*»[1], которые смогут подняться над частными культурными и цивилизационными позициями и сделать точку зрения «целого» своей жизненной установкой.

Десан считает, что «планетарные личности» должны стать «спасителями целого». В качестве прообразов таких личностей он перечисляет святых, дипломатов и космополитов: каждый из них на свой лад находит пути для того, чтобы порвать с локальной идентичностью и сформировать глобальную идентичность.

По Десану, следующему феноменологическому методу Гуссерля, глобальная среда или глобальный феномен должны привести к возникновению планетарного «жизненного мира», в котором, с одной стороны, будет выстроена общая экзистенциальная база, а с другой, будут преодолены противоположности в идеологии, теологии, этике, антропологии и т. д.

Идеи Десана созвучны теориям более ранних авторов, выдвигавшим сходные идеи интеграции человечества: это русские философы В.С. Соловьев (концепция «всеединства»), Н.Ф. Федоров (философия «общего дела»), ученый-естественник В.И. Вернадский (теория ноосферы), французский католический философ Тейяр де Шарден и др.

1.3. Геополитика и глобализм

1.3.1. Общность и различие в фундаментальных философских подходах

Мы привели несколько теорий, обосновывающих глобальность как явление, как философское понятие, позволяющих взглянуть на

[1] *Desan Wilfred.* The Planetary Man, Vol. 1: A Noetic Prelude to a United World. Washington,DC: Georgetown University Press, 1961; *Idem.* The Planetary Man, Vol. 2: An Ethical Prelude to a United World. New York: MacMillan company, 1972; *Idem.* The Planetary Man, Vol. 3: Let the future come: perspectives for a planetary peace. Washington,DC: Georgetown University Press, 1987.

широкий спектр социологических, политических, экономических, стратегических, культурных и иных процессов с позиции глубинных принципов. Каждый из упомнутых авторов на свой лад трактует глобальность, мир, человечество, пространство, планетарность. Кто-то настроен критически, кто-то апологетически, но все они сходятся в том, что глобальность и, следовательно, глобализация и глобализм имеют под собой серьезное основание, коренящееся в бытии, в природе мира, общества, человека, истории.

Основными здесь являются такие понятия, как «глобальное целое», «планетарный горизонт», «глобальный город», «интуиция мира», «динамика игры». Можно ли применить геополитический анализ к этому уровню осмысления глобальных процессов (а также к их проектированию и практической реализации) ?

Мы полагаем, что можно. Но эта возможность не является само собой разумеющейся и требует от нас обращения к фундаментальным принципам самой геополитики.

1.3.2. Пять пунктов

Во-первых, ключевой посылкой геополитики является отношение к мировому пространству как к пространству качественному, в котором воплощены и природные, и социальные, и воображаемые, и проектируемые смыслы. И здесь остается только соотнести геополитическое понимание качественного пространства и его толкование в глобализме.

Во-вторых, геополитика по определению глобальна, т. е. отличается видением политических, стратегических, экономических и культурных процессов в планетарном масштабе. Следовательно, глобальный взгляд для геополитиков естественен.

В третьих, социологическое измерение геополитики заставляет ее обращать внимание, в первую очередь, на общество, его структуры, динамику, трансформации и поведение в пространственной среде. Глобализм предполагает трансформацию общества и появление его новой версии — глобального общества [1]. Геополитика вполне может поставить перед собой цель — исследовать отношение этого «глобального общества» к пространству.

В четвертых, сама геополитика традиционно оперирует термином «Большая Игра», рассматривая соперничество между собой мировых держав как сложный и многомерный исторический турнир, настолько захватывающий, что превосходит прагматику, рационализацию, осторожность и длится в течение многих поколений. Взглянув на это с философской точки зрения, невольно задаешься вопросом: а не является ли противостояние Суши и Моря,

[1] *Дугин А.Г.* Социология глобального общества // Однако. 2010. № 21 (37).

«великая война континентов», «Большая Игра» выражением какого-то невыясненного пока метафизического принципа — сродни максиме Геродота о том, что «вражда — отец вещей». Правда, геополитики перефразируют ее так: «Вражда Суши и Моря есть отец истории». Но тот же Гераклит учил об играющем ребенке. «Игра как образ мира» и «война как образ мира» — очень близкие друг другу образы. У Ойгена Финка есть трактат о человеческом насилии[1], выстроенный на развитии интуиций Гераклита. То же самое относится и к Костасу Акселосу[2].

В пятых, философская близость «войны» и «игры» тем не менее не должна затмевать собой их фундаментальных различий. Исследуя природу игры как основу человеческой культуры[3], Й. Хейзинга подчеркивает, что агрессия, проявляемая в игре, имеет четко обозначенные границы: она остается в пространстве *условности*, по эту сторону баррикад, внутри одного и того же коллектива, внутри «своего». Хейзинга приводит примеры игры из животного мира: два щенка, играющие друг с другом, при всей схожести жестов, действий, поз, рычания и т. д. с настоящей битвой никогда не доходит до прокусывания друг другу уха: даже у зверей есть зачатки представления об «игре» (со своими) и «войне» (с чужими).

На этом примере можно понять *существенную, фундаментальную разницу между глобализмом и геополитикой*: геополитика (по меньшей мере, классическая) мыслит мир дуально и, значит, «игра» для нее лишь эвфемизация «войны», другое имя «войны». Это принципиально и составляет сущность геополитики и ее метода. Для геополитики «целое» (totum) обязательно будет рассматриваться либо со стороны Суши, либо со стороны Моря, т. е. будет либо сухопутным, либо морским. То же самое касается мира, человека, общества, планеты, интеграции и т. д. Геополитика истолковывает все с присвоением вышеуказанного индекса. Если победит Море, то человечество станет жить по его законам, качественное пространство будет осмыслено в духе Карфагена, Венеции или Великобритании; по этой же модели будет строиться глобальное общество, таким же морским будет «блуждание» (вспомним «кочевников Моря» и «кочевников Суши» Макиндера) и т. д. Если победит Суша, то возникнет другое общество, другая глобальность, другой мир, другое человечество — это будет абсолютизация Рима, Спарты, Империи Чингисхана или Российской Империи.

---

[1] *Fink E.* Traktat über die Gewalt des Menschen. Frankfurt am Mein:Klostermann, 1974.

[2] *Axelos K.* Héraclite et la philosophie.

[3] *Хейзинга Й.* Homo Ludens.

1.3.3. Целое и половина

Глобальное видение отличается от геополитического тем, что не признает базового дуализма, и даже войну трактует как игру, в противоречиях видит взаимодополнение, а в индивидуальных различиях — залог кооперации (В. Десан). Суша и Море для глобалистов являются двумя сторонами «целого», и конфликт между ними есть частный случай множества других антагонистических пар: *капитализм/социализм*; *развитие/отсталость*; *эгоизм/альтруизм*; *интуиция/рассудок* и т. д. Поэтому глобализм геополитикой принципиально не интересуется, а если и интересуется, то лишь периферийно или прагматически.

Напротив, геополитический анализ глобализма весьма актуален и в современной ситуации является одной из приоритетных областей применения геополитической методологии.

Выше мы затронули самое главное, принципиальное различие двух подходов, их асимметрию, несводимую оппозицию методологий. Выявив этот принципиальный поворотный момент, мы можем уточнить, как именно относится геополитика к фундаментальным философским принципам глобализма.

Геополитика утверждает, что качественное пространство в истоках дуально, и поэтому его интеграция может быть осуществлена только как факт полной победы одного из начал и безоговорочной капитуляции другого. Это может произойти в глобальном масштабе (и происходит сегодня — в пользу цивилизации Моря, которая претендует на глобальность), но не может включить в себя антитезу, не уничтожив (не исключив) ее предварительно. Если после победы Моря в планетарном масштабе останется нечто, отдаленно напоминающее Сушу, это будет симулякр, декор или музей-заповедник (возможно, резервация). То же самое произойдет в случае победы Суши — «океан» сохранится в качестве «бассейна» или «озера». *У Суши и Моря разные онтологические корни, победа одного достигается через упразднение, ликвидацию, уничтожение другого.*

Тот же дуализм сохраняется и при исследовании глобального общества. Геополитика сразу ставит принципиальный вопрос: какое общество берется за образец глобального общества, какие установки, ценности, принципы, пэттерны, идеологии, институции берутся в качестве нормативных? Если речь идет о производстве глобального пространства по капиталистическим (урбанистическим) выкройкам и с высшей ценностью монетарной ликвидности, это будет «морское общество», «общество Карфагена», и именно этим будет определяться его социологический профиль, пусть в глобальном масштабе.

Любое целое — это всегда только половина, убежден геополитик и именно с таким философским подходом он принимается за

анализ глобальных процессов. Геополитик заведомо не верит в totum, с которым оперируют глобалисты. Геополитик готов изучать глобальные процессы и глобальные теории, но лишь для того, чтобы вскрыть в них и продемонстрировать баланс соотношения глубинных геополитических сил, т. е. поместить их в общую хронику серии эпизодов в нескончаемой «великой *войне* континентов», являющейся «отцом вещей».

Глава 2

ПРЕДЫСТОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

2.1. Этнос как глобальное явление

2.1.1. Вильгельм Мюльман: этноцентрум и глобальность локального

Мы видели, что в основе глобализма заложена идея «целостности», включения всего внутрь общей структуры. Несмотря на то, что феномен глобализации является ультрасовременным, мы можем встретиться с похожей философской и мировоззренческой установкой у самых архаических народов. Дело в том, что никакое человеческое общество, начиная с крохотного племени дикарей, не мыслит себя как нечто локальное, фрагментарное, находящееся на периферии «большого мира». Напротив, все они считают себя и свою культуру, свой язык, свою традицию и свои ценности — центральными, универсальными, вселенскими.

Этносоциолог В. Мюльман (1904 – 1988) назвал эту особенность «*этноцентрумом*»[1]. Согласно его реконструкциям примитивных обществ подавляющее большинство архаических племен видит мир следующим образом. В центре находится само племя, это и есть этноцентрум[2]не просто как образ мира, но как мир в целом, в его тотальности. Общество, его социальная организация и пространственное устройство точно воспроизводят окружающий мир. Но и сам этот мир мыслится как проекция общества. Между культурой и природой нет четко прочерченной границы. Это создает своеобразную голографию архаического мировоззрения. Космос и селение, природа и человек, общество и пейзаж, ландшафт составляют единое целое — totum. Это целое включает в себя большое и малое не по принципу фрагментации, а по принципу символического тождества. Солнце, Луна, звезды, горы, реки, леса и т. д. мыслятся как части человеческого общества, они включены в этноцентрум как родственники, свояки, партнеры, конкуренты. Точно так же

---

[1] *Muhlmann W.* Geschichte der Anthropologie. Bonn, 1968.

[2] *Дугин А.Г.* Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.

сами люди входят в «большой мир» — как его неотъемлемая часть, как его голограмма. *Малое (локальное общество) и большое (весь окружающий мир) в такой модели этноцентрума совпадают*. А все несоответствия, опровергающие такое представление, разрешаются с помощью мифов, в которых «большое» и «малое» уравнивается. Миф, в свою очередь, ложится в основу обряда и социального устройства, реорганизуя пространство в его физическом и репрезентативном выражении. Пространство этноцентрума сакрально именно потому, что оно абсолютно *инклюзивно*, т. е. включает в себя «все» (totum).

Архаическое общество не способно концептуализировать представления о «другом» и, следовательно, не мыслит себя и свой мир со стороны: мир племени и есть весь мир вообще, в целом. За его пределом нет ничего, т. к. все, что может быть, уже заключено в нем, включено в него. Даже если горизонт известной племени области чрезвычайно узок и составляет с десяток квадратных километров, его структура совпадает со структурой Вселенной: светила и стихии, боги и духи, небо и земля, живые и мертвые, люди и звери умещаются на этой территории, которая является территорией бытия. В этом смысле любое человеческое общество — даже самое архаическое и примитивное — всегда «глобально». К такой «глобальности» можно применить все основные характеристики К. Акселоса или О. Финка.

2.1.2. Фигура «другого», этнос и история

В определенные моменты архаическое общество выходит за пределы этноцентрума и обнаруживает существование «другого»[1]. Это опыт «трансцендентного», столкновения с тем, что лежит за пределом границы, «по ту сторону». Это травматический опыт, и он связан с началом этногенеза (по Л.Н. Гумилеву[2]). Отсюда берет свое начало понятие «граница», являющаяся важнейшим философским, богословским и геополитическим принципом.

Этноцентрум живет в состоянии «вечного возвращения», в области замкнутого самого на себя мифа. В нем нет «нового» и нет «другого», все всегда то же самое.

В какой-то момент этноцентрум дает трещину, миф открывается, размыкается, и этнос вступает в историю, во время[3]. Отныне он начинает иметь дело с «другим», в том числе и с «другими» этносами, другими «этноцентрумами». Цельность из данности становится

---

[1] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

[2] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.

[3] В этносоциологии эта фаза этноса называется «народом» или «лаосом» (от греч. λαόσ — народ). См.: *Дугин А.Г.* Этносоциология.

заданием. Этнос отныне знает, что есть «другое», «другой», но стремится это «другое» включить в себя. Это включение не гарантировано — оно может состояться, а может и не состояться. Так рождается драма и трагедия. Этнос, вступивший в историю, стремится восстановить утраченное «целое», «totum», но это возможно сделать не путем возврата к истокам, а движением по истории вперед — к ее кульминации.

Так возникает вторая, более современная форма глобализма: глобализма общества, стремящегося включить в себя «другого» и «других». Желание *включить «другого»* рождается из двух предпосылок:

— ностальгии по целостности этноцентрума;
— трагического ощущения того, что эта целостность нарушена фактичностью наличия «другого».

В отличие от первого, архаического глобализма этноцентрума этот второй глобализм четко различает локальность и всеобщность: малое здесь отныне не равно большому. Малое есть малое, и его задача — стать большим; частное есть частное, и его задача — стать всеобщим.

Своего максимального выражения второй тип глобализма обретает в исторических империях. Именно империи, вселенские царства, являют собой наиболее наглядно стремление построить единство и универсальность, отталкиваясь от частей, фрагментов, локальностей.

2.2. Диалектика Империи

2.2.1. Принцип Империи: преодоление времени и интеграция пространства

Мировые империи древности демонстрируют нам грандиозные образцы глубинной воли к интеграции, к восстановлению «целостности», утраченной при соприкосновении с фигурой «другого» и открытием «времени». Империя не просто форма политической организации; это еще и социологическое, философское и психологическое явление. В империи общество стремится излечиться от болезненного чувства локальности, возникающего из-за столкновения с «другим», когда «другого» не удается включить привычными для этноцентрума способами.

Во всех исторических империях в центре стоит идея преодоления времени и интеграции пространства. Поэтому Рим называли «вечным городом» (Roma Eterna), Китайская империя называлось «Поднебесной», «вечность» и «мировой масштаб» провозглаша-

лись Вавилонским царством, Персидской державой, кочевой империей Чингисхана и т. д.

Империя никогда не мыслила себя одной из нескольких рядоположенных инстанций; это понятие (по смыслу) имело только единственное число. Империя — это то, что находится в процессе интеграции; то что (вос) создает целое (totum). А то, что противостоит Империи, есть «варварство», «хаос», т. е. как раз то «другое», что создает проблемы и против чего направлена вся мощь империи. Империя, по определению, всегда глобальна, центральна, а то, что еще в нее не включено, либо будет включено, должно быть включено, либо подлежит уничтожению.

Империя всегда глобальна и мыслит себя исключительно в терминах мира, «всего мира».

2.2.2. Христианское учение о четырех царствах

В христианской традиции существует каноническое учение о *четырех царствах*. Библейская и христианская история знает множество царств, мощных и слабых, тысячелетних и эфемерных, но среди всех них выделяет именно четыре. Не потому, что они были «более великими», нежели другие, но потому, что христианство увидело в них именно принцип «Империи» в ее философском и глобалистском измерении.

Первым царством было «халдейское» (Вавилонская империя), вторым — персидское, третьим — греческое (империя Александра Македонского), четвертым и последним — римское. Эти четыре сменявшие друг друга империи и осмысливаются как четыре формы глобальной социально-политической и онтологически-экзистенциальной *среды*. При этом христианская теория регресса (грехопадения) трактует эти царства как нисходящие в отношении друг друга — каждое последующее является худшим, нежели предыдущее. Вавилонское царство в видении царя Навуходоносора уподобляется золоту и голове колосса[1]; персидское — серебру и груди; греческое — меди и бедрам; римское — железу и ногам.

Эти четыре типа означают *четыре формы глобализации*, продолжающие одна другую в структуре христианского толкования истории.

Для первых христиан имел огромное значение тот факт, что Исус Христос воплотился именно в пределах Римской Империи. Эта империя мыслилась универсальной и глобальной: Бог как высшая личность мог открыться только в лоне целого, в мире как тако-

[1] Фигура колосса на глиняных ногах описывается в книге пророка Даниила (глава 2 стихи 1 — 49).

вом. Именно эта логика постепенно привела христиан к диалогу с империей и впоследствии к христианизации Рима.

2.2.3. Кочующий Рим

Согласно христианскому учению, Римская империя, «четвертое царство» будет последней формой глобальности и универсализма вплоть до «конца света». «Конец света» символизируется «глиняными ногами колосса» из сна Навуходоносора и означает раздробление имперского единства, распад, рассеяние и расчленение на отдельные фрагменты единого целого.

Последние две тысячи лет христианской истории, так или иначе, прошли под эгидой Рима, и четвертое римское царство служит синонимом социально-политической организации пространства вплоть до конца эпохи Возрождения и начала Нового времени.

У православных и католиков, правда, взгляды на природу «четвертого царства» и на его историческое воплощение существенно разнятся. Православная церковь считает, что, начиная с V века (падения Западной Римской Империи), «четвертым царством» является Византия, Новый Рим, просуществовавший вплоть до 1453 года. А русские православные добавляют к этому еще двести лет «имперского приращения», проходившего под знаком идеи «Москвы — Третьего Рима». Католики же толкуют империю либо как инициативу Карла Великого (конец VIII — начало IX в. — 800 год признания Карла папой Львом III Императором) и его потомков, вплоть до Штауфенов и до Габсбургской династии австро-венгерских императоров, либо — иносказательно — как страны Западной Европы, объединенные под властью Папы римского. Но во всех случаях Рим, империя означают именно глобальное и нормативное пространство — мир как целое в социально-политическом и историческом смысле.

Атака на Рим, на теорию «четвертого царства» как принцип Империи в Европе начинается с XVI в. и совпадает по смыслу и по времени с началом Реформации и переходом от Средневековья к Новому времени. В христианском сознании это соответствует наступлению «эпохи глины» и близости «последних времен». Лютер, Кальвин и другие вожди Реформации набросились на латинство в широком смысле — одновременно на католическую церковь и на принцип Империи. Централистской и глобалистской (в каком-то смысле) организации католической церкви они противопоставили независимые от какой бы то ни было иерархии протестантские общины, а Империи — только-только возникающие в Европе национальные государства.

Позднее антиимперские и антикатолические настроения еще более радикализировались и вылились в секуляризм, светскую со-

циально-политическую модель и дехристианизацию Европы. Период Нового времени совпадает с концом четвертого царства и завершением христианского глобализма.

В России секуляризация проходила чуть позже и без столь жесткого разрыва с православием и христианством. Но с эпохи раскола и начала Петровских реформ идея «Москвы — Третьего Рима» была отброшена, и русские цари стали относиться к России как к современному национальному государству, стремящемуся «догнать» Европу Нового времени. Не случайно русские староверы восприняли реформы Никона и последующие за ними действия Петра как «конец света»: в духе христианского учения об империи они ясно видели, что кончается «приращение» «четвертого царства», а конец Рима означает конец мира, конец целого, конец всего.

2.2.4. Китайское пространство императора-Неба

Особый случай империи представляет собой Китай. В нем мы видим весь набор традиционных характеристик империи. Царство мыслится как нечто священное. Согласно Конфуцию, политику не следует отделять от этики, а служение императору является такой же добродетелью, как почитание предков и участие в религиозных церемониях.

Император в Китае именовался «сыном Неба» и рассматривался как сакральная фигура. Структура императорского культа, его проживание в особом священном дворце — Минь-Тан[1], переход в зависимости от сезонов из одной части дворца в другой, дворцовые церемонии и обряды, сама организация политического пространства императорского Китая, сходящаяся к фигуре «сына Неба» — все это было пронизано космическим символизмом, стремлением собрать в Империи воедино природу и общество, людей и духов, стихии и культуру.

За пределом Империи начинались зоны «варварства» и «дикости», там обитали «другие», несущие хаос, беспорядок и агрессию. Против них китайцами была построена грандиозная северная стена. О строительстве «железной стены» у Каспийских ворот, против кочевников из евразийских степей, сообщают и предания о походах Александра Македонского. Это типичный признак имперского глобализма: от того, что невозможно в себя включить, необходимо надежно защититься.

Китайский глобализм обладает совершенно особой структурой. В единую социально-политическую массу здесь объединяются представители самых разных этносов, которых сплотила империя, превратив в китайцев, наделив особой интегральной социальной,

[1] *Guenon R.* La Grande Triade. Paris: Gallimard, 1946.

культурной, лингвистической идентичностью, воплотившейся в *китайском пространстве*.

2.2.5. Исламская империя: от халифата к цивилизации

Отличную форму имперского глобализма мы встречаем в исламском мире. Здесь интегрирующим принципом является религия. Религиозный универсализм мусульманской веры подвигнул ее фанатичных сторонников, бедуинов Аравийского полуострова, к активным и масштабным военным завоеваниям, в результате которых была построена исламская империя, халифат. В отличие от христианства или Китая здесь первичными были не государство и не культура, а религия. Религия конституировала образ единого мира, который следовало утверждать убеждением или мечом. В результате ее горячие сторонники создали гигантское религиозно-политическое пространство, которое мы называем сегодня «исламским миром». В основе его лежит «религиозная община», умма, объединенная не только чисто культовым и обрядовым, но и социально-политическим, этическим и культурным единством. Арабские завоевания и исламизация самых различных народов — от Западной Африки (Магриба) через Центральную Азию, Индию и вплоть до Индонезии — сконструировали модель исламского глобализма, в рамках которой утвердилось «исламское целое».

Чрезвычайно показательна судьба халифата. В качестве полноценного централизованного политического образования он просуществовал довольно недолго, т. е. империей как политическим институтом он пробыл ограниченное время, в отличие от Китая или Рима. Но с точки зрения закладки цивилизационных и социальных основ ислам утвердился чрезвычайно прочно, породив социальное пространство планетарного размаха, которое сохранилось вплоть до нашего времени и даже демонстрирует тенденции к оживлению и новой активизации.

2.2.6. Кочевая империя Чингисхана

Еще одной версией империи являлась империя Чингисхана. Ее особенность заключается в том, что она являлась кочевой и сохраняла многие признаки кочевой организации общества и после захвата таких самостоятельных оседлых имперских пространств, как Китай или Персия. На территории степной зоны Северной Евразии и до монголов существовали мощные геополитические образования — скифские, сарматские царства, тюркский каганат (голубая орда), империя гуннов, юэчжей, Хазарский каганат и т. д.[1] Но импе-

[1] *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Москва: АСТ, 2008.

рия Чингисхана является беспрецедентной по своему масштабу, скорости возникновения и необоримой мощи, благодаря которой кочевникам удалось подчинить себе почти все народы и страны Юго-Восточной Евразии.

Историки и ученые теряются в догадках, как к Чингисхану, мелкому князьку третьесортного монгольского племени, находившегося в условиях типичного архаического этноцентрума, пришла идея создания величайшей из когда-либо существовавших империй. Высказывались версии о том, что теорию о «четырех царствах» и учение о глобальном мире ему могли донести христиане-несторианцы, которых было много среди монголов. Некоторые исследователи предполагают, что Чингисхан заимствовал эту идею у Византии. В любом случае монгольская империя представляет собой впечатляющий пример евразийской глобализации, т. е. объединения гигантских территорий по континентальному принципу в единый евразийский мир. Позднее северная часть монгольской империи Чингсихана станет основой Российской империи как геополитической наследницы Московского царства.

2.2.7. Карфаген: древняя биржевая империя

Еще одной древней империей совершенно другого типа была Финикия, интегрировавшая значительные территории Средиземноморья по точечно-колониальному принципу. Считается, что финикийцы были первыми изобретателями линейной письменности, которую они использовали преимущественно для хозяйственных целей, в отличие от более древних систем письма, относящихся преимущественно к жреческим практикам. Финикийская культура отличалась практицизмом, склонностью к освоению новых технологий (в первую очередь в торговле), динамичностью и способностью к установлению отношений с различными культурами средиземноморского ареала. Территории, находящиеся под властью Карфагена, располагались вдоль берега и очень редко углублялись внутрь континента. Контроль над морем был основой и экономической и военной мощи Карфагена. Армия была преимущественно наемной, кроме морских экипажей, набираемых преимущественно из самих финикийцев.

Политическая система карфагенской империи основывалась на финансовой олигархии, во главе которой стояли «судьи» (сефферы).

«Карфаген» на финикийском наречии означал «Новый Город», т. к. он был построен по образцу древнего финикийского города Тира, откуда в Западную Африку приплыли основатели Карфагена вместе со своей царицей Элиссой (по другой версии, Дидоной), изгнанной из Тира ее братом, царем Пигмалионом. В основе карфа-

генской религии лежал культ лунной богини Танит. По мнению многих историков, в этом религиозном культе постоянно прибегали к ритуальному убийству младенцев, особенно в годы засух, стихийных бедствий и нападений противников.

Будучи соперником Сиракуз и Рима, Карфаген представлял собой альтернативу греко-римской цивилизации Средиземноморья и являлся прообразом древнейшей формы морской глобализации, основанной на торговле, финансовой олигархии, плутократии, колонизации береговых зон в экономических и стратегических целях и общем прагматическом подходе к организационной логистики в сфере политики, хозяйства, общества и т. д.

Показательно, что главный священный холм Карфагена, с которого, по преданию, начиналось строительство финикийцами своей будущей империи (приблизительно в IX в. до н. э.), носил название Бурса, откуда пошло современное понятие «биржа» (французское «la bourse») в память о финансовом величии карфагенской империи, ее успехах в обмене товаров и денег. Можно сказать символически, что Карфаген был древнейшей «биржевой империей».

2.3. Глобализация в эпоху Модерна

2.3.1. Глобализация Нового времени: эра великих географических открытий

Мы видели, что в истории Западной Европы идея империи (как второго издания глобальности — после всевключающего «глобализма» этноцентрума) подвергается атакам, а затем и вовсе отбрасывается вместе с началом Нового времени. Протестантизм наносит удар по латинству, разрывая единство западной церкви и закладывая основы апологии национальных государств. Показательно, что два фундаментальных теоретика национальных государств — англичанин Томас Гоббс (1588—1679) и француз Жан Боден (1529—1596) — были убежденными протестантами.

Параллельно этому закладываются основы современного научного мировоззрения, развивается буржуазная демократия, создается совершенно новое общество. Это общество основано на «парадигме отрезка», на утверждении локальности и фрагментарности. Оно не боится сталкиваться с границами, с «другим», с «новым», стремится преодолевать самое себя и отбрасывать всякий раз старое, чтобы открыть нечто, еще неизвестное. Это динамическое общество, которое отбрасывает само понятие «целое» как сдерживающую абстрактную догму, полагая, что прогресс состоит, наоборот, в движении от фрагмента к фрагменту. Эту культуру и науку Нового

времени интересует не «мир» (в понимании О. Финка или К. Аксело-са), но «вещи мира», частные отдельные предметы, через манипуляцию с которыми (производство, обмен, использование) можно достичь счастья. В этом контексте науки все более и более обособляются друг от друга, специализируются. Техника и свойственное ей разделение, в том числе и разделение труда, становится во главу угла.

Новое время отбрасывает саму глобальность, заложенную в империи, не говоря уже о «наивных» претензиях на универсализм этноцентрума.

В Западной Европе XV—XVIII вв. мы можем зафиксировать конец второй — имперской — формы глобализации, хотя отголоски ее достигнут и начала XX в. в форме Австро-Венгерской, Российской и Османской империй, последних следов имперской Древности и имперского Средневековья.

Но строго параллельно утверждению совершенно нового типа общества, в котором проблему «другого» предлагается не преодолевать, но интериоризировать, жить с ней (в чем и состоит философский смысл Модерна), начинается процесс освоения Европой всего пространства планеты, эпоха великих географических открытий. Это можно назвать *третьей формой глобализации*.

Эта глобализация, свойственная Новому времени, качественно отличается от двух предыдущих форм. В *этноцентруме глобальное (целое, всеобщее, мир) уже заведомо дано. Первая форма глобализации мифическая.*

В империи глобальное (целое, всеобщее, мир) созидается путем политико-социальных, культурных, военных, религиозных усилий. Оно присутствует как цель и задача, как трансцендентный горизонт и делает империю священной. *Вторая форма глобализации — историческая и имперская*.

В эпоху великих исторических открытий начинается весьма специфическая организация пространства. Поэтому третья форма глобализации — глобализация Нового времени — требует более внимательного осмысления.

2.3.2. Круглый мир

Мир, с которым западноевропейское общество столкнулось в Новое время, был совершенно необычным по сравнению с миром этносов или империй. Открытый мир был круглым, объективным (т. е. представляющим собой нечто отчужденное от человека), физическим (природным) и состоящим из фрагментов (т. е. сегментированным политически, колониально, этнографически, культурно, климатически и т. д.). Вместе с тем после того, как на планете не осталось «белых пятен», весь мир стал имманентным человеческому знанию, предсказуемым, сводимым к общей схеме.

Этот «круглый мир», мир-глобус, вместе с тем отличался следующими чертами. Он был открыт именно Западной Европой и ее обществом, а значит, нес на себе отпечатки западноевропейской культуры. Европа считала себя субъектом этого мира, поскольку *она познавала его* и в какой-то мере *создавала его* (вспомним идеи Анри Лефевра о «производстве пространства»). На первом этапе *субъектность Европы* выразилась в факте грубой *колонизации*. Европейские нации просто поделили всю планеты между собой, как до этого поделили Европу по национальным государствам. Колонии стали продолжением национальных государств Европы, а «круглый мир» стал проекций европейского общества и европейского сознания. Европа открыла то, что могла и хотела открыть, что соответствовало ее собственной истории, ее науке и ее самосознанию. Поэтому через мир Европа открыла саму себя.

Но сама она была *дробной* (антиимперской), *научной* (ориентирующейся только на рациональные процедуры), *секулярной* (не придающей религии решающего значения — одним словом, не верующей), *технической*, *имманентистской*, *прагматической* и *буржуазной*. Точно таким же оказался и мир. А там, где он отличался от Европы, это расценивалось как «отставание», «архаика», «недоразвитость» и т. д.

Поэтому *третья форма глобализации* представляла собой *европоцентричный проект* с географической точки зрения и *модернистский* проект с точки зрения исторического этапа — Модерна, Нового времени. Эта глобализация была несколько парадоксальной. Она имела некоторое сходство с предыдущими формами, но и существенно отличалась от них по смыслу.

Европа Нового времени была уверена, что сомнение является универсальной истиной, а нецельность, дробность мира — его абсолютным свойством, а также законом познания. В этом Модерн был прямо противоположен архаическому этноцентруму с его мифами, вечным возвращением и уверенностью в наличии целостного и абсолютного знания, совпадающего со структурой социальной традиции. Но при этом Европа, точно так же как архаический этноцентрум, не ставила под сомнение абсолютной истинности своего собственного открытия нецельности мира. Другими словами, Модерн сомневался во всем, кроме самого Модерна. Поэтому европоцентризм является двойственным феноменом: будучи антитезой этноцентрума, Европа вместе с тем представляет собой определенный этноцентрум, только перевернутый с ног на голову и столь же убежденно отрицающий цельность, как обычный этноцентрум ее утверждал.

Не менее парадоксальны отношения третьей формы глобализации с принципом империи. С одной стороны, Европа Нового времени отбросила идею империи как неправомочный холизм (пусть и

проективный), т. е. как стремление к невыполнимому достижению цельности. Но вместе с тем по отношению к остальному только что «открытому» миру она вела себя совершенно по-имперски, выступая как мировая метрополия, захватывающая по праву сильного «ничейную» (на самом деле чужую) территорию. Но снова: европейские нации нарезали себе колонии не от имени чего-то целого, а в своих узко эгоистических интересах, в интересах фрагмента, колониальными границами фрагментируя различные неевропейские общества, этносы и политические образования, не считаясь с их историей и культурой.

Выражением этих парадоксов стало явлении рабства. В христианском мире институт рабства постепенно отпал еще в первые века христианства, и Средневековье уже знало совершенно иные формы социальной стратификации, где рабства как такового не было, а работорговля была исключена. Однако практика рабства, свойственная некоторым античным обществам, была возрождена именно в Новое время; при этом захват рабов и торговля ими приобрели *расовый* характер (рабами становились африканцы, которых массовым образом вылавливали и транспортировали в Новый Свет — в европейские колонии) и оправдывалась тем, что африканцы стоят на низшей ступени развития, нежели более цивилизованные, прогрессивные и развитые европейцы.

Таким образом, третья форма глобализации — колониальная глобализация Модерна — была парадоксальной и сочетала в себе как продолжение определенных тенденций, преобладавших в прежних формах, так и их отрицание. В такой глобализации мира был утрачен, забыт, отвергнут сам мир как целое[1]. Она была не столько *интеграцией* мира, сколько его *фрагментаризацией*, причем на новой мировоззренческой, культурной и технической основе.

2.3.3. Глобализация на идеологической основе: двухполюсный мир

Глобализация третьей формы шла на протяжении всего Нового времени с XVI по XX вв. и в XX в. предопределила структуру двух мировых войн, одной из главных причин которых было перераспределение зон влияния в колониях между великими европейскими национальными государствами. В частности, Германия, позже других включившаяся в полноценную европейскую национальную политику, осталась почти без колоний и постаралась наверстать упущенное.

[1] Mondialisation without the world. Interview with Kostas Axelos — www. radicalphilosophy. com, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www. radicalphilosophy. com/pdf/mondialisation. pdf (дата обращения 02.08.2010).

Существенное изменение структуры мира произошло после окончания Второй мировой войны, когда основными акторами мировой политики выступили не национальные государства Европы, а два идеологических лагеря — западный (капиталистический) и восточный (советский). Совокупный силовой, экономический, политический, дипломатический, идеологический потенциал США и СССР, двух «сверхдержав», настолько превышал эти же показатели у других стран, что в мире возникло два полюса и две зоны контроля (американская и советская).

Эту двухполюсную систему К. Шмитт (как мы уже видели) называл «третьим номосом земли». *Обе зоны стали пространством нового типа глобализации, которую можно назвать «идеологической»*. Это четвертая форма глобализации и она отличается определенными чертами.

Во-первых, главную роль в ней играет *идеология*. Интеграция происходит не просто на основании фактического силового захвата колоний или установления контроля одной европейской державы над другой, а с учетом того, какая социально-политическая система установилась в той или иной стране. Это новый фактор для капиталистической глобализации, т. к. привносит самосознание капиталистического общества в качестве интеграционного начала. Ранее капиталистические страны не задумывались о том, являются ли они капиталистическими или нет, и враждовали друг с другом на чисто эгоистической основе. Наличие советского блока заставило капиталистические общества по-новому переосмыслить свою социальную природу.

Во-вторых, эта глобализация носила *дуальный характер* и имела альтернативную модель. Часть мира — добровольно (а чаще принудительно) интегрировалась в один лагерь, а часть — в другой.

В-третьих, идеология выступала новой формой целостности, что было четко осознано СССР, поставившим перед собой цель построения единого интернационального коммунистического общества, *мирового* коммунизма и осуществления *мировой* революции. Столь же глобальные идеи были взяты на вооружение буржуазным лагерем, у которого впервые появилась объединяющая цель, выраженная, правда, в отрицательных терминах — объединиться, чтобы не дать реализоваться планам коммунистов.

Так, идеология на новом этапе глобализации выступила в качестве «целого». При этом «целостность» коммунизма была заложена в самой исторической структуре марксизма, а либеральная буржуазия осмыслила свою дробность в качестве того, что ее — парадоксальным образом — объединяет.

Четвертая форма глобализации способствовала гомогенизации людей, живущих в разных частях света, через распростране-

ние идеологии существенно униформизировала структуру политического пространства в глобальном масштабе.

И снова в ней мы встречаем как моменты, присутствующие в прежних формах, так и нечто совершенно новое и противоположное им. Ни Запад, ни Восток в эпоху «холодной войны» не называли себя «империями», хотя в полемических целях и использовали этот термин (так, американский президент Р. Рейган назвал СССР «империей зла). На самом деле, конечно, оба лагеря представляли собой настоящие империи, считающие себя единственно универсальными и интегрирующие окружающие территории настолько, насколько хватало стратегических сил. Взгляд на мир исключительно со своей позиции — как продолжение этноцентрума — был характерен для обоих типов обществ. При этом и коммунисты, и капиталисты апеллировали к современному секулярному научному знанию, насмехались над религией и сакральностью, верили в прогресс и развитие и воспринимали целое, к которому шли, совершенно отлично от того, как воспринимало «целое» традиционное общество.

2.3.4. Пятая форма глобализации: глобализм сегодня

И, наконец, пятой формой глобализации является то современное состояние общества, которое сегодня мы называем «глобализацией» и которое стало объектом приоритетного интереса после краха СССР и конца двухполюсного мира. Когда произносят слова «глобализация», «глобализм», «мондиализация», «мондиализм», «планетаризм» и т. п., чаще всего имеют в виду именно эту — пятую по счету — форму. Но если для обычной политической аналитики этого достаточно, то для углубленного понимания явления глобализации нам необходимо соотносить его с предыдущими формами, а не рассматривать как нечто, что возникло только сегодня и на пустом месте. Поэтому для понимания того, чем является глобализация сегодня, необходимо ясно понимать, чем она была на предыдущих этапах и чем она сегодня отличается от предыдущих ее форм.

Современная глобализация соответствует «четвертому номосу Земли» (если использовать терминологию К. Шмитта), который складывается на планете после окончания «холодной войны» и двухполюсного мира. В конце 80 — начале 90-х гг. XX в. СССР и зона его планетарного влияния рухнули, а коммунистическая идеология исчезла в качестве важнейшего фактора развития мировой политики. Это создало ситуацию, когда из двух полюсов остался только один — западный, буржуазный, либеральный. Таким образом, в процесс глобализации (т. е. интеграции) усилиями США и стран капиталистического мира в этот полюс стали включаться не только «нейтральные» или «спорные» зоны земли, но и фрагменты

бывшего социалистического лагеря — вначале страны Восточной Европы, а затем и отдельные республики СССР—в частности, страны Прибалтики.

Когда один из полюсов двуполярной системы рухнул, пропал, по факту сложилась глобальная модель мира, в котором восторжествовал оставшийся и победивший в «холодной войне» полюс. Именно его безальтернативное наличие после слома качественного пространства советского лагеря создало условия для пятой формы глобализации. Далее мы сосредоточим внимание именно на этой пятой форме, которую мы будем называть, как это принято сегодня, «глобализацией» как таковой, без каких-либо уточнений.

Глава 3

ТРИ ВОЛНЫ ТЕОРЕТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИЗМА

3.1. Первая волна осмысления глобализации: оптимизм

3.1.1. Ф. Фукуяма: тезис «конца истории»

Рассмотрим три этапа, которые можно выделить в осмыслении последней версии (пятой формы) глобализации в самые последние времена — с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Эта периодизация была предложена группой ученых стэндфордского университета (Д. Хэлд, Э. МакГрю, Д. Голдблатт, Дж. Перратон)[1], подхвачена американским специалистом по глобализации Дэвидом А. Крокером[2] и постепенно стала общепринятой.

Эти авторы выделили *три модели* обобщенной оценки глобализации — *гиперглобализм, скептицизм и трансформационизм*[3]. Рассмотрим их последовательно.

После распада социалистического лагеря и СССР у целого ряда политологов, аналитиков и экспертов сложилось впечатление, что это событие ставит точку в сложной диалектике этапов глобализации и отныне мир становится полностью интегрированным, т. к. ничто больше не сможет помешать развитию либерально-капиталистической парадигмы, воцарившейся в планетарном масштабе. Гиперглобалисты относились к этим изменениям с оптимизмом и полагали, что «точка невозврата» пройдена и мир уже стал в целом глобальным, единым и планетарным, а остаточные конфликты и противоречия постепенно сгладятся сами собой.

Такой точки зрения в начале 1990-х гг. придерживался американский политолог Фрэнсис Фукуяма, написавший эпохальный

[1] *Held David, McGrew Anthony, Goldblatt David, Perraton Jonathan.* Global Transformations. Stanford: Stanford University Press, 1999.

[2] *Crocker David A.* Ethics of Global Development: Agency, Capability, and Deliberative Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; *Idem.* Development Ethics, Globalization, and Democratization/ *Chatterjee D., Krausz M.* (eds.) Globalization, Democracy, and Development: Philosophical Perspectives. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.

[3] *Crocker David A.* Development Ethics, Globalization, and Democratization.

текст «Конец истории»[1]. Ф. Фукуяма опирался на философию истории Гегеля, который считал, что воплощение Абсолютной Идеи в историческом процессе ориентировано на ее кульминацию в субъективном духе. История, став осмысленной, окажется конечной: достигнув определенной цели, она исчерпает свое содержание. К. Маркс применил гегельянский тезис к своей версии диалектического развития производительных сил и производственных отношений, которое должно было закончиться мировой революцией и наступлением «коммунистической формации» как «конца истории». Философ-гегельянец А. Кожев предположил, что история может завершиться и полным планетарным торжеством либерального капитализма, рынка и буржуазной демократии. Фрэнсис Фукуяма, анализируя крах СССР, посчитал, что на глазах сбывается кожевская версия трактовки Гегеля, и написал вначале программный текст, а затем и книгу с соответствующим названием.

Смысл «конца истории», согласно Ф. Фукуяме, сводится к окончанию основных политических конфликтов, разрывавших человечество на предыдущих этапах и составлявших тем самым содержание исторического процесса. Некогда в эпоху «варварства» все воевали со всеми и преобладало право сильного. В Новое время субъектом истории и носителем суверенитета были объявлены национальные государства, и этот принцип лег в основу Вестфальской системы. Национальные государства враждовали друг с другом и тем самым творили европейскую историю, а заодно — через колониальные эпопеи — и историю всего остального мира. После Второй мировой войны соперничество между нациями отошло на второй план перед лицом идеологического противостояния мирового капитализма и мирового социализма, и тогда смыслом истории стало противоборство двух политико-экономических систем. Крах СССР и победа Запада в «холодной войне» завершает и этот период, и, значит, у истории больше нет содержания, нет смысла. За время идеологического противостояния с коммунизмом буржуазные государства достаточно сблизились между собой, чтобы стать основой нового социально-политического и экономического устройства, а исчезновение идеологического противника теоретически позволяет распространить либеральную демократию, рыночную экономику и идеологию «прав человека» на весь мир. В такой ситуации национальные государства постепенно отомрут, а политика полностью заменится экономикой. У экономики нет истории, т. к. нет смысла, нет драматического напряжения, нет содержания. Мир станет глобальным рынком, в котором восторжествует логистика и оптимизация, что позволит постепенно подтянуться отстающим участникам глобальной экономики к уровню развитых передовых обществ.

---

[1] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

Надо сказать, что позже Ф. Фукуяма существенно пересмотрел свои взгляды и признал, что его прогноз оказался слишком оптимистичным[1], но его поправки и оговорки значительно менее интересны по сравнению с главным тезисом о «конце истории». И дело не в том, что он поспешил и забежал вперед, а в том, что он совершенно точно воспроизвел философию современного глобализма в ее наиболее законченной, последовательной и стройной форме.

3.1.2. Жак Аттали: «протез эго» и новое кочевничество

К числу гиперглобалистов можно отнести французского политолога Жака Аттали, бывшего в свое время советником президента Франции Франсуа Миттерана и директором Европейского Банка Реконструкции и Развития. В своей книге «Линии Горизонта»[2] он описывает собственную версию глобального мира, который, по его мнению, наступает на наших глазах.

Согласно Аттали, человеческое общество построено на насилии и каждая эпоха знает свои модели его организации. Аттали выделяет три порядка общества — «порядок Священного», «порядок Силы» и «порядок Денег». «Порядок Денег» тяготеет к униформизации и однородности. В наше время мы являемся свидетелями окончательного триумфа «порядка Денег», и глобализация является его следствием.

Аттали перечисляет восемь исторических центров, служивших столицами капиталистического пространства («порядка Денег») на предыдущих этапах.

1. Брюгге — около 1300 г.
2. Венеция — около 1450 г.
3. Антверпен — около 1500 г.
4. Генуя — около 1550 г.
5. Амстердам — около 1650 г.
6. Лондон — около 1750 г.
7. Бостон — около 1880 г.
8. Нью-Йорк — около 1930 г.

Сегодня должен возникнуть новый — 9-й центр «порядка Денег», который будет символом перевода всех форм управления и всех ценностей в финансовый эквивалент.

Этот финансовый эквивалент получит воплощение в техническом коде — уникальном наборе цифр для каждой вещи и каждого индивидуума. Электронная карточка будет служить «протезом эго» для каждого человека, с помощью которого будут совершаться фи-

---

[1] *Фукуяма Ф.* Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дугиным // Профиль. 2007. №23 (531).

[2] *Attali J.* Lignes d'horizon. Paris:Fayard, 1990.

нансовые трансакции, коммуникации и т. д. Люди смогут передвигаться по планете беспрепятственно, т. к. в любой точке мира будут находиться терминалы, с помощью которых можно подключиться к глобальной сети. Это Ж. Аттали называет «новым кочевничеством».

С помощью генной биоинженерии удастся найти способы избавиться от многих болезней и усовершенствовать человеческую природу.

Глобальный мир станет пиком человеческой истории, и постепенно все общества сольются в единое мировое государство, управляемое по принципам «порядка Денег» и основанное на постоянном техническом прогрессе и развитии. Все преграды на пути глобального порядка постепенно будут упразднены, и даже самые радикальные противники глобализации убедятся в ее преимуществах.

Глобальный мир, согласно Аттали, на первых порах будет состоять из трех новых экономических пространств:

1) американское пространство, объединяющее обе Америки в единую финансово-промышленную зону;
2) европейское пространство, возникшее после экономического объединения Европы;
3) тихоокеанский регион, зона «нового процветания», имеющая несколько конкурирующих центров: Токио, Тайвань, Сингапур и т. д.

Между тремя интегрированными пространствами, по мнению Аттали, не будет существовать никаких особых различий или противоречий, т. к. и экономический, и идеологический тип будет во всех случаях строго тождественным («порядок Денег»). Единственным различием будет географическое месторасположение наиболее развитых центров, которые концентрически структурируют вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости. Позже эти зоны сольются в новую общепланетарную систему.

3.1.3. Т. Фридман, Дж. Бхагавати: гиперглобализм

Сходные с «ранним» Ф. Фукуямой и Ж. Аттали взгляды исповедует известный американский журналист Томас Л. Фридман, описывающий в своей книге «Плоский мир»[1] и в других работах[2] новую картину миропорядка, где глобализацию остановить невозможно.

[1] *Friedman Thomas L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005; *Idem.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization.New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

[2] *Friedman Thomas L.* The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

В отличие от Фукуямы, Томас Фридман до сих пор придерживается именно этой позиции. Если кто-то попытается уклониться от глобализации, считает Фридман, то заплатит огромную цену технологического отставания, экономической стагнации, маргинализации в международном сообществе и, наконец, добровольного или «под воздействием обстоятельств» включения в глобальные процессы. В открытом мире могут существовать только «открытые общества»; попытка закрыться в условиях всепроникающих информационных технологий заведомо обречена. Поэтому у глобализации нет альтернативы, и сегодня стоит не вопрос: «глобализация или не глобализация», а вопрос: «глобализация какими темпами, с какими нюансами, в каких приоритетных областях и т. п.».

Столь же оптимистического взгляда на процесс глобализации придерживается известный экономист Джагдиш Бхагавати[1]. Он утверждает, что глобализация есть однозначное благо для всех развитых и неразвитых обществ, поэтому она должна разворачиваться и вширь, и вглубь, включая беднейшие страны, которые получают тем самым шанс ускоренно пройти важнейшие этапы развития. При этом он подчеркивает, что глобализации не нужно иметь «человеческое лицо», поскольку она и так его имеет (в отличие от колонизации или эпохи идеологического противостояния двух систем). Бхагавати отождествляет глобализацию (как интеграцию всех обществ в одну планетарную социально-экономическую систему) с экономическим ростом и поэтому настаивает на том, что сам факт включения стран в глобальные процессы может вполне заменить наличие у них стратегии экономического и социального развития. Глобализация видится ему единственным ответом на все существующие вопросы.

Можно сказать, что смысл гиперглобализма заключается в следующем:

- глобализация считается однозначным *благом*, а ее издержки незначительными;
- глобализация представляется *объективным* процессом, к которому направлена вся логика истории человечества;
- глобализация расматривается как принципиально *состоявшаяся*, прошедшая «критическую точку» и далее намеревающаяся решать только технические (а не исторические, политические или идеологические) вопросы;
- глобализация декларируется как *ответ*, ставить под вопрос который бессмысленно.

Такой подход был преобладающим сразу после крушения СССР.

---

[1] *Bhagwati Jagdish N.* Free Trade Today. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002; *Idem.* In Defense of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004.

3.2. Вторая волна осмысления глобализации: скепсис

3.2.1. С. Хантингтон: тезис «столкновения цивилизаций»

В ответ на тезис Ф. Фукуямы другой известный и влиятельный американский политолог и аналитик Самуил Хантингтон (192 —2008) выдвинул противоположную версию оценки глобализации, изложенную им в статье, а затем и книге «Столкновение цивилизаций»[1]. Так же, как и название текста Фукуямы, тезис Хантингтона о «столкновении цивилизаций» стал расхожей формулой, на которую так или иначе прореагировало большинство интеллектуалов, экспертов и философов, а также политических и общественных деятелей из всех стран мира. Если Фукуяма (гиперглобализм в целом) формулирует оптимтическое видение глобализации, то Хантингтон выражает скептическое мнение и концентрирует внимание на факторах, препятствующих глобализации, затрудняющих ее становление, а то и вовсе способных ее отменить. Позиции Фукуямы и Хантингтона принято рассматривать в качестве двух наиболее репрезентативных точек зрения на глобализацию, задающих граничные параметры разброса мнений по этому вопросу.

Отметим, что Хантингтон вовсе не является противником глобализации или «конца истории», как иногда приходится слышать; его критика основана на тех же самых посылках, что и у Фукуямы, и он полностью разделяет с ним веру в превосходство и универсализм западных ценностей — рынка, либеральной демократии, прав человека и т. д. Хантингтон выдвигает не альтернативу глобализации, но лишь указывает на те факторы, которые, по его мнению, не позволяют оценивать процессы, протекающие в этой сфере, чересчур оптимистично.

Главный тезис С. Хантингтона состоит в следующем. Конец деления мирового пространства по идеологическому принципу (распад Ялтинского мира и двухполярной модели) не обязательно автоматически ведет к полной интеграции мира в единое социально-политическое образование, как это описывают гиперглобалисты. Хантингтон согласен, что новая ситуация не может быть простым возвращением к Вестфальской системе национальных государств (хотя и считает, что еще какое-то время значение национальных государств в мировой политики сохранится). Признает он и факт победы Запада в «холодной войне», и полное превосходство США над остальными странами в экономической, военно-технической, стра-

[1] *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

тегической и иных областях. Однако он выдвигает гипотезу, что после распада двухполюсного мира в центре внимания окажутся новые акторы (не блоки и не национальные государства), которые и предопределят структуру нового миропорядка. Хантингтон называет их «цивилизациями».

По «цивилизацией» Хантингтон понимает масштабное сверхнациональное культурно-религиозное «большое пространство» с единообразным социальным и экономическим укладом, объединенное общими историческими корнями (чаще всего религией) и обладающее общей коллективной идентичностью. «Цивилизация» как идентичность предшествовала Новому времени и по основным параметрам совпадала с тем, что принято называть «империей». Новое время фрагментировало цивилизации на национальные государства. Двухполюсный мир ослабил значение национального суверенитета перед лицом идеологического выбора. А крах Ялтинского мира при определенной слабости национальных государств, уже выстроившихся в иерархизированную стратегическую систему, во главе которой оказались США, снова делает цивилизационную идентичность актуальной и выводит ее на передний план.

Хантингтон перечисляет те цивилизации, которые становятся акторами в современном мире. Это актуально существующие цивилизации — американо-европейская, восточно-христианская (славяно-православная), конфуцианская (китайская), исламская, индуистская, японская, и только еще возможные цивилизации — латиноамериканская и африканская (транссахарская). Между ними Хантингтон предсказывает конфликты и трения, соперничество и столкновения, а отнюдь не мирное и беспроблемное интегрирование.

Исходя из такой перспективы, Хантингтон советует Западу сосредоточиться на укреплении своих, бесспорно, лидирующих позиций, а не расходовать силы на преждевременные попытки объединить всех и вся уже сегодня. Хантингтон рекомендует прежде всего укрепить атлантическое сообщество, еще плотней интегрировать стратегически и экономически страны США и Европы, и только затем — через неминуемую стадию конфликтов, когда остальные «цивилизации» будут достаточно ослаблены и измотаны столкновениями — перейти к построению глобального мира под контролем Запада.

3.2.2. С. Краснер, П. Херст, Г. Томпсон, Х. Дайли, Д. Родрик: скепсис в отношении глобализации

Кроме С. Хантингтона с его цельной и аргументированной моделью «столкновения цивилизаций», критически к глобализации отнеслись также многие известные и влиятельные эксперты и ана-

литики, создав своего рода традицию «глобализационного скепсиса» (global skeptics)[1].

Так, Стивен Краснер в своей работе, посвященной проблеме национального суверенитета в современных условиях[2], утверждает, что после конца идеологий именно национальные государства будут снова играть ведущую роль в мировой политике, но только отношения между ними будут выстроены по иным принципам. Чтобы быть принятыми в мировое сообщество, они будут обязаны быть демократическими, рыночными и соблюдать «права человека», но при этом в проведении региональной стратегии смогут следовать собственным национальным интересам — тем более, что никакого общего идеологического врага больше нет. Приблизительно к такой же позиции пришел в последнее время и Ф. Фукуяма, пересмотревший свои взгляды на скорейшее исчезновение национальных государств и ставший их апологетом, что он и отразил в новой книге «Государственное строительство: управление и мировой порядок в XXI веке»[3]. Краснер, как Фукуяма и Хантингтон, признает лидерство Запада, но считает, что перед этапом полной интеграции мира должна быть выстроена устойчивая система сильных либерально-демократических национальных государств. Без этого, считает он, глобализация может выпустить из «бутылки» джинна архаики, фундаментализма, этнической идентичности и другие атавистические социально-культурные формы. В рамках национальных государств буржуазного типа с подавлением и искоренением этих тенденций, угрожающих самой структуре западных ценностей, справиться будет намного легче. Национальное государство выступает здесь как инструмент модернизации и вестернизации, необходимый для того, чтобы приступить к глобализации всерьез.

Критически рассматривают глобализацию, но преимущественно с экономических позиций, Пол Херст и Грэхэм Томпсон в своей книге «Глобализация под вопросом: международная экономика и возможности управления»[4]. С их точки зрения, включенность в глобальную экономику производит разный эффект на разные страны. Если соучастие в глобализации приносит ощутимые дивиденды экономикам Китая, Индии и ряда тихоокеанских стран, то другие страны (например, африканские и некоторые латиноаме-

---

[1] *Mittelman J.* Globalization and Its Critics/ *Stubs R., Underhill G.* (eds.) Political Economy and the Changing Global Order. Oxford: Oxford University Press, 2006.

[2] *Krasner S.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.

[3] *Fukuyama F.* 2004. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. New York: Cornell University Press, 2004.

[4] *Hirst P., Thompson G.* Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996.

риканские) она полностью разоряет и ввергает в безысходную нищету. Например, в Сомали принятие программы МВФ по реструктуризации экономики полностью развалило экономику страны и стало причиной повального голода и гибели множества людей. П. Херст и Г. Томпсон предсказывают рост влияния региональных, а не глобальных экономических и финансовых организаций, повышение значения национальной администрации в вопросах экономической политики и вероятное откладывание экономической глобализации на более отдаленные периоды.

Еще более резко оценивают глобализацию такие авторы, как Херман Дэлай и Дани Родрик. Х. Дэлай считает[1], что та глобализация, которую воспевают гиперглобалисты, на самом деле происходит, но это явление целиком негативное, т. к. под видом «прогресса» и «развития» только усугубляет неравенство обществ в мировом масштабе, делает мировые транснациональные корпорации абсолютными монополиями, которые упраздняют конкуренцию, разоряют средний класс, а бедных ввергают в безысходную нищету. Х. Дэлай призывает повернуть глобализацию вспять и восстановить экономический суверенитет государственных национальных администраций над собственным экономическим пространством, где приоритетом должна быть не экономическая интеграция и модернизация, а удовлетворение потребностей местного населения и его благосостояние.

Похожих взглядов придерживается Дани Родрик, который настаивает, что глобализация подрывает сами основы национальной модернизации развивающихся стран. Родрик пишет:

«Сосредоточившись на интернациональной интеграции, правительства бедных стран отвлекают человеческие ресурсы, административные возможности и политический капитал от наиболее насущных приоритетов развития — таких как образование, здравоохранение, промышленные мощности и социальная гармония. Это же приводит к тому, что только еще становящиеся демократические институты искажаются, поскольку вопросы стратегического развития исключаются из сферы публичных дебатов»[2].

Можно обобщить позицию скептиков в отношении глобализации. Они:

- считают ее либо преждевременной, либо негативной и аморальной;
- предсказывают (чаще всего как желательное) восстановление суверенности национальных государств;

---

[1] *Daly Herman E.* Globalization and Its Discontents // Philosophy and Public Policy Quarterly. 2001. 21, 2/3. С. 17—21; *Idem.* Globalization's Major Inconsistencies//Philosophy and Public Policy Quarterly. 2003. 23, 4. С. 22—27.

[2] *Rodrik D.* Trading in Illusions// Foreign Policy. 2001. March/April. С. 55.

— подчеркивают негативный и катастрофический эффект интеграции определенных обществ в мировую экономику по глобалистским сценариям;
— ставят в центре внимания не глобальные, а региональные интеграционные процессы.

Позиции скептиков в отношении глобализации особенно укрепились к концу 1990-х и в начале 2000-х гг., когда многим стало очевидно, что «конца истории» не наступило, региональные идентичности (в частности, исламский фундаментализм) и не думают отмирать, а европейско-американская модель экономики, политики и культуры, навязываемая в качестве норматива глобализации, отторгается все более и более упорно не только в слаборазвитых странах и архаических обществах, но и в ряде относительно успешных государствах — таких как Россия или Китай.

3.3. Третья волна осмысления глобализации: баланс

3.3.1. Э. Гидденс: комплексный подход

После первой волны гиперглобализма (оптимисты) и второй критической волны (скептики) появилась третья волна, которая получила название «трансформационисты» (Э. Гидденс, Д. Хэлд, Э. МакГрю, Д. Голдблат, Дж. Перрантон и др.). Их позиция отличалась от гиперглобалистской тем, что признавала глобализацию как процесс сложный и многоуровневый, где параллельно друг другу могут развиваться противоречивые тенденции (уравнивание/иерархизация, развитие/регресс, интеграция/локализация и т. д.). Вместе с тем они, в отличие от скептиков, считали развертывание глобализации во-первых реальностью, а во-вторых в целом благом[1]. Термин «трансформационизм» указывает на то, что в мировом сообществе происходят реальные и необратимые трансформации, в ходе которых меняются базовые структуры общества, политики, социальной антропологии и т. д.

Известный английский социолог Энтони Гидденс, относящийся к «трансформационистам», определяет саму глобализацию нейтрально как «интенсификацию социальных отношений в мировом масштабе, которая соединяет отдаленные друг от друга локальные сообщества таким образом, что локальные события предопределяются событиями, происходящими за тысячи километров от данного места»[2]. Далее, он разбирает четыре уровня глобализации:

---

[1] *Held D., McGrew A.* Globalization Theory: Approaches and Controversies. Polity, 2007.

[2] См. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991.

— мировая капиталистическая экономика;
— отношения между национальными государствами;
— реструктуризация военно-стратегической карты мира;
— растущая взаимосвязь промышленных производств от поставщиков и потребителей за пределом национальной территории.

Вся эта система стремительно меняется в наше время: процессы, развертывающиеся на одном уровне, затрагивают другие уровни, причем это происходит не линейно, как причинно-следственная цепочка, но параллельно друг другу, порождая различные сочетания, реакции и социологические эффекты.

3.3.2. Кембриджские трансформационисты

Как и гиперглобалисты, трансформационисты утверждают, что сегодня мы имеем дело с беспрецедентной концентрацией глобальной энергии интеграции в определенных сферах и что с этой силой нельзя не считаться. При этом в отличие от гиперглобалистов они предполагают, что речь идет не о полном слиянии и построении однородного и единообразного общества в планетарном масштабе, но о новом миропорядке, окончательные контуры которого пока еще рано описывать. Человечество находится в процессе трансформации, и куда этот процесс его приведет, пока далеко не очевидно. Однако некоторые моменты можно зафиксировать. Так, авторский коллектив аналитиков-трансформационистов из Кембриджа (Д. Хэлд, Э. МакГрю, Д. Голдблат, Дж. Перрантон) считает, что новый миропорядок выстроится через новую модель «социальной стратификации»[1]. Одни страны, а также негосударственные акторы — транснациональные корпорации, и даже Неправительственные Организации (NGO), в процессе глобализации потеснят другие, вырвавшись в лидеры и заняв позицию высшей страты в общей системе. Другим придется удовольствоваться средними и низшими стратами. Но в ходе глобализации, как в демократическом рыночном обществе, все общества получают шанс улучшить свой статус, т. к. появляются новые маршруты социальной мобильности — вертикальной и горизонтальной. Традиционные модели «*Север/Юг*», «*первый мир/третий мир*» постепенно отомрут, т. к. процесс социальной стратификации глобальной системы может выдвинуть неожиданных лидеров — как, например, современный Китай или страны из числа бурно развивающихся «тихоокеанских тигров».

Смысл оценки трансформационистами глобализации состоит в том, что мы стоим на пороге новой глобальной системы, общую парадигму которой еще только предстоит определить и которая может принести нам целый ряд сюрпризов и неожиданностей.

[1] *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations.

Глава 4

ТРИ ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

4.1. Мировая полития

4.1.1. Классификация теорий глобализации

Американские социологи из Университета Эмори (Атланта) Фрэнк Лечнер и Джон Боли[1] предложили удобную классификацию существующих на сегодняшний день теорий глобализации. Среди сотен и тысяч текстов, посвященных этой теме, они выбрали наиболее обобщающие, цельные и показательные направления. Они выделяют три вида теорий глобализации:

- Теория мировой политии[2] (World Polity Theory).
- Теория мировой культуры (World Culture Theory).
- Теория мировой системы (World-System Theory).

Рассмотрим кратко каждую из них.

4.1.2. Дж. Боли, Ф. Лечнер, Дж. Мейер, Ф. Рамирес, Дж. Томас: мировая полития

Теория мировой политии сформулирована в трудах Дж. Мейера[3], Дж. Боли, Дж. Томаса, Ф. Рамиреса[4] и других близких к ним авторов.

---

[1] *Lechner Frank J., Boli J.* (eds.) The Globalization Reader. Oxford:Wiley-Blackwell, 2003.

[2] Термин «полития» ввел впервые Аристотель для того, чтобы описать политический строй, при котором правит большинство жителей города, «полиса». Термин «демократия» Аристотель употреблял в уничижительном смысле, противопоставляя «граждан» полиса, организовавшихся в «политию» для решения насущных вопросов, и «население», «жителей «демов», «городских концов», не обладающих ни имущественным цензом, ни происхождением, ни традициями, ни воспитанием, необходимых для участия в качественных обсуждениях и принятии квалифицированных решений («демократия»). «Полития» — это позитивно понятая качественная демократия (с оттенком высокой квалификации участников политического процесса).

[3] *Meyer John W.* The World Polity and the Authority of the Nation-State / *Bergesen A.* (ed.) *Studies of the Modern World-System*. New York: Academic Press, 1980. C. 109—137.

[4] *Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F.* World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. 1997.№ 103 (1). С. 144—181; *Boli J., Thomas G.* World Culture in the World Polity // American Sociological Review. 1997. № 62 (2). С. 171—190.

Теория мировой политии исходит из того, что на основе Средневековой версии западного христианства в Новое время была выработана особая парадигма организации общества на основе рациональности, признания прав индивидуума, прогресса и диалога. Этапа парадигма стала общей для всей системы организации национальных государств Европы в XVII в. (Вестфальский мир), а со второй половины XIX в. начала осмысливаться как ценностная платформа для построения всего миропорядка — на рациональных и индивидуалистических основаниях, а также на основе принципа свободы торговли.

Теория мировой политии подчеркивает, что у всех европейских держав, несмотря на национальные противоречия, была общая ценностная система, которая предопределяла саму суть демократических обществ. Общая ценностная система постепенно оттачивалась, и Запад, проходя через мировые войны и идеологические противостояния («холодная война»), достиг в наше время осознания того, что общая ценностная и социальная парадигма (рационализм, демократия, индивидуализм, свободное предпринимательство) *важнее*, чем контекст национальных государств, которые вместе с основанным на них межнациональным порядком (Jus Publicum Europeum[1], Лига Наций, ООН) стали одним из исторических следствий применения этой парадигмы в Европе.

Мировая полития — это создание универсальной ценности через разработку на рациональной основе правил, «фрэймов» («рамок») и моделей общежития. В такой концепции не будет какого-то одного источника производства ценностей, все они будут разрабатываться в режиме диалога, по правилам, установленным участниками. В качестве акторов мировой политии называются национальные государства, неправительственные организации, общественные движении и другие институты «гражданского общества», вплоть до отдельных индивидуумов, перед которыми в новых условиях открываются горизонты произвольной идентификации с любыми коллективами или отказ от какой бы то ни было коллективной идентификации вообще.

Идейной основой мировой политии является идеология *неолиберализма*, которая постепенно из одной из возможных идеологических форм становится единственной, самоочевидной и тем самым перестает быть объектом идейного выбора, но входит в сами вещи, предстает как реальность, сомневаться в которой так же глупо (по меньшей мере, так же экстравагантно), как сомневаться в существовании земли, неба, дня и ночи. Из системы идей неолибрализм в глобальном обществе превращается в *систему вещей*, в саму

[1] Лат. «Общий Европейский Закон». См. *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Berlin: Duncker & Humblot, 1950.

парадигму организации жизни, быта, психики, а не только государства или экономики.

Основой глобальной организации на базе неолиберальной конструкции является концепт «глобального общества», который представляет собой проекцию западноевропейской социологической парадигмы на все человечество. Европейские установки (демократия, рынок, рационализм, просвещенная наука, секуляризм, индивидуализм, свобода личности) берутся как безусловная матрица, применимая ко всем обществам, и на ее основании и через ее применение ко всем реально существующим обществам организуется новый тип общества, строго совпадающий с человечеством. Запад становится глобальным.

4.1.3. Практика мировой политии

Создание мировой политии предполагает следующие шаги[1]:

1. Выделение национальных государств как ключевых акторов глобализации на том основании, что сами они суть продукты рационального отношения к обществу и способны рационально воспринять глобализационный проект как новое утверждение тех же принципов, на которых они сами и были созданы.

2. Призвание национальных государств униформизировать свои структуры — создать единую систему образования (например, Болонская система), единообразные политические модели (демократия, свобода прессы, свободы предпринимательства, невмешательство государства в экономику), общий социальный климат толерантности по этническому, гендерному, социальному и иным признакам.

3. На следующем этапе неправительственные организации наднационального характера, развившиеся при благожелательном нейтралитете национальных государств, начинают разработку глобальных правил и процедур по дальнейшему продвижению принципов «открытого общества», индивидуализма, космополитизма, рационального поведения, «прав человека».

4. Идеология «глобального общества» становится доминирующей, и происходит реструктуризация национальных государств на новой глобальной основе: сегменты «гражданского общества» одной страны сближаются с аналогичными сегментами в другой, образуя транснациональные социальные общества, которые при развитии коммуникаций и свободе передвижения приводят к стиранию национальных границ и переходу к единому мировому государству.

[1] *Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F.* World Society and the Nation-State.

Эта теория глобализации имеет ряд важных преимуществ:

— она откровенно апеллирует к европоцентризму и не скрывает того, что берет западные ценности как универсальные и всеобщие;
— обращается к философской парадигме западной социально-политической культуры;
— излагает последовательный план социально-политических трансформаций как внутри национальных государств, так и в глобальном масштабе;
— откровенно называет «глобальное общество» идеологией;
— выделяет главных акторов глобализации на завершающем этапе в лице неправительственных организаций (НПО), которые становятся инструментом расчленения национальных обществ и организации общества транснационального.

4.2. Мировая культура

4.2.1. Р. Робертсон: теория «мировой культуры»

Иную теорию глобализации представляют в своих книгах английский социолог Роланд Робертсон, а также ряд авторов, исповедующих близкий к нему подход к глобализации (С. Лэш[1], М. Физерстоун[2] и т. д.).

Р. Робертсон одним и первых стал систематически исследовать глобализацию, которую он определяет как «сжатие мира и интенсивное осознание мира как целого»[3].

Главную черту глобализации Робертсон видит в том, что все человеческие общества и все индивидуумы оказались в настоящее время в одном и том же пространстве «все вместе», и это «место» (качественное пространство) требует от каждого выработки определенного к нему отношения, чего раньше можно было избежать через ограничение локальным контекстом. Наличие глобального контекста во всех ситуациях и на всех уровнях, по Робертсону, есть сущность глобализации, и он относится к этому как к свершившемуся факту. Наличие мира как целого, представшего перед взглядом всех индивидуальных и коллективных субъектов, составляет сущность «глобальной культуры». Любой выбор, любое решение, любой жест в таком контексте автоматически приобретает «гло-

[1] *Lash S., Szerszynski B., Wynne B.* (eds.) Risk, Environment and Modernity. London: Sage (TCS), 1996; *Lash S., Featherstone M., Szerszynski B., Wynne B.* Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage 1999; *Lash S., Lury C.* Global Culture Industry: The Mediation of Things. Cambridge: Polity, 2005.

[2] *Featherstone M. (ed.)* Global Culture. London: Sage, 1992

[3] *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

бальное измерение». Мы уже сегодня живем в глобальной культуре, и это необратимо.

Но далее начинаются отличия. Робертсон считает, что распространение западноевропейского культурного, социального, экономического и, в целом, рационалистического кода на все человечество,неправомерно, т. к. весь этот комплекс есть лишь один из множества процессов в мире, и к нему нельзя сводить глобализацию.

Робертсон выделяет четыре главных актора глобализации:
— национальное общество (в рамках государства);
— система обществ;
— индивидуум;
— человечество.

Им соответствуют четыре формы идентификации:
— социализация;
— интернационализация;
— индивидуализация;
— обретение планетарного общечеловеческого сознания.

Наличие четвертого уровня, представляющего собой новую характерную черту глобализации («мировой культуры»), аффектирует остальные формы идентификации, открыва ее дополнительное измерение. Отныне выбор, осуществляемый на уровне «планетарного сознания», влияет и на отдельное национальное государство, и на международные отношения, и на индивидуальное самосознание, существенно меняя их структуры. Например, для полноценной социализации индивидуум не обязан более помещать себя в контекст национального общества; он может перешагнуть эту стадию и обратиться напрямую (или опосредованно — через международные социальные группы и НПО) к «человечеству». Точно так же глобальный горизонт человечества (например, в вопросах экологии, изменения климата и т. д.) обязаны отныне учитывать и суверенные государства (независимо от своих узко национальных экономических и стратегических интересов).

В рамках своей концепции Робертсон выделяет и описывает пять свойств глобализации:
— релятивизацию;
— эмуляцию;
— глокализацию;
— интерпретацию;
— контестацию.

Релятивизация подразумевает, что все традиционные инстанции социальной и политической иерархизации общества становятся относительными. Гражданство, профессия, этнос, гендер, а также суверенитет или система международного законодательства

перестают быть фундаментальными категориями, становятся более гибкими, рефлексивными.

Эмуляция означает, что все общества вырабатывают свои отношения к глобализации и к общему месту единого мира, и на основе глобального вызова дают на него разнообразные и оригинальные ответы. Этот момент резко отличает теорию мировой культуры от теории мировой политии, предполагающей универсальное принятие всеми обществами единого кода. Робертсон считает, что признание общности глобального пространства не означает автоматически общности его восприятия. Так, например, глобализм может быть оценен, отвергнут или использован религиозными обществами, воспринявшими глобальный вызов, но прореагировавших на него в духе своих философских установок (что демонстрирует наглядно явление исламского фундаментализма).

«*Глокализация*», наиболее известный неологизм Робертсона, означает, что наряду с внедрением в определенных областях (информатике, экономике, торговых сетях, молодежных модах, политической демократии) унифицированного кода, глобализация влечет за собой и прямо противоположные явления — распад национальных образований вплоть до этнического уровня, регионализацию и возврат к малым общинам, возвращение религиозного фактора, подъем архаических культурных пластов и т. д. Национальные государства трансформируются сразу в двух направлениях — в сторону наднациональной глобальной системы и в сторону мозаичной локальности и архаичности. Согласно Робертсону, это не взаимоисключающие друг друга процессы, но две стороны одного и того же явления.

Интерпретация глобализации представляется Робертсону как открытый процесс, где стремление к универсализации и партикуляризации (глокализации) находятся в состоянии динамической конкуренции; баланс этих форм постоянно меняется, создавая конфликты толкования одних и тех же — безусловно, глобальных — феноменов, принимающих разные значения в зависимости от ожиданий, точек зрения и ситуаций.

Контестация — это оспаривание глобализации со стороны различных акторов. Будучи достоверной, глобализация не обладает моральным императивом и общепризнанной ценностью. Следовательно, она может быть осмыслена как зло, катастрофа и бедствие, которому необходимо противостоять. Такая возможность вытекает из самого понимания сущности глобализации в теории «мировой культуры».

Резюме теории Робертсона может служить *принцип неопределенности:* т. к. глобализация многосложна и открыта, то никто не может сказать, какие тенденции в ней возьмут верх и предопределят ее дальнейшее развитие.

4.2.2. С. Лэш, М. Фезерстоун: общество риска и культурное пространство

К направлению «глобальной культуры», кроме Р. Робертсона, относят ряд социологов, занимавшихся вопросами общества Постмодерна — Скота Лэша и Майка Фезерстоуна.

Скот Лэш в своих исследованиях развивает тему открытости и неопределенности «глобального общества», которое переходит из парадигмы Модерна к парадигме Постмодерна. Это означает, что к «глобальной культуре», по его мнению, не следует применять подходов, свойственных эпохе Модерна. С. Лэш, параллельно Ульриху Беку[1] и Энтони Гидденсу[2], исследует «общество риска»[3], в котором все проблемы и конфликты не проецируются вовне, на фигуру «другого», но интериоризируются индивидуумом, которому предстоит решать их на внутреннем уровне. Если в обществе Модерна угроза исходила извне, то теперь она локализуется внутри самого человека. Лэш призывает отдать себе отчет, что глобальное сообщество будет основано на *иной рациональности*[4], которая будет свободна от многих издержек Модерна, уходящих корнями в традиционное общество. Эту новую рациональность Лэш трактует в духе французских философов-постструктуралистов (Ж. Делеза, Ф. Гваттари и т. д.).

Согласно С. Лэшу и его частому соавтору М. Фезерстоуну, основой глобализации является «культурное пространство»[5], которое не соответствует границам национальных государств. Культура имеет иную географию, и ее трансформации относительно автономны. В глобальном обществе оппозиции между странами и идеологиями переходят во внутренние трения и конфликты культурной среды. Сфера знаков, к которой сводится современное капиталистическое производство (Ж. Бодрияр[6]), трансгранично, равно как и сама современная экономика. Но именно в культуре находит выражение семантика экономических процессов. Поэтому судьба глобализации, которую Лэш и Фезерстоун так же, как и Робертсон, считают открытой, и вопрос о том, что именно в ней возобладает: универсальное или локальное (и какое именно универсальное и ка-

---

[1] *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.:Suhrkamp, 1986.

[2] *Giddens A.* Risk and Responsibility//Modern Law Review. 1999.№ 62 (1). C. 1 — 10.

[3] *Lash S., Szerszynski B., Wynne B.* (eds.) Risk, Environment and Modernity.

[4] *Lash S.* Another Modernity, A Different Rationality. Oxford: Blackwell, 1999.

[5] *Lash S., Featherstone M.* (eds.) Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999.

[6] *Бодрийяр Ж. К* критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.

кое именно локальное), будет решаться в контексте культурных формализаций — в сфере производства (трансграничных) знаков.

4.3. Мировая система

4.3.1. И. Валлерстайн: глобальность капитализма

«Теория мировой системы» (World-system theory) разработана в общих чертах современным американским социологом Иммануилом Валлерстейном[1]. Валлерстейн основывает свою теорию на следующих источниках:

– марксизм;
– идеи Фернана Броделя[2] и
– теории зависимости (Сингера[3] – Пребича[4]).

Теория «World-system theory» состоит в следующем. Согласно И. Валлерстейну, формирование капиталистической системы было изначально глобальным и мировым по своему масштабу процессом. Поэтому глобализму как минимум пятьсот лет. Эта система представляла собой три зоны: *ядро*, *периферию* и *полупериферию*. *Ядром* были страны Европы, в которых проходило бурное развитие капитализма. Капитализм представляет собой явление колониальное по своей сути, т. к. основывается на глобальном разделении труда: дешевые или бесплатные ресурсы, в том человеческие (рабы) сосредоточены на периферии, а благоприобретатели — в ядре. *Ядро* состоит из европейских капиталистических государств, враждующих между собой за извлечение максимальных выгод из периферии. Страны *полупериферии*, не столь зависимые от ядра, как страны *периферии*, но в то же время менее самостоятельные, чем страны *ядра*, и служат смягчающим поясом, который не позволяет *периферии* прямо ополчиться на *ядро*.

С XVI в., с момента возникновения и по настоящее время, мировая система изменилась незначительно. *Ядро* развивалось за счет экс-

---

[1] *Wallerstein I.* The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974; *Idem.* The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840s. New York: Academic Press, 1989; *Idem.* After Liberalism. New York: The New Press, 1995; *Idem.* The Essential Wallerstein. New York:The New York Press. 2000.

[2] *Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme (XVe-XVIIIe siècles). 3 volumes. Paris, Armand Colin, 1979.

[3] *Singer Hans W., Ansari Javed A.* Rich and Poor Countries: Consequences of International Disorder. London:Routledge, 1988.

[4] *Prebisch Raul.* The Economic Development of Latin America. New York: United Nations, 1950.

плуатации *периферии* под разными предлогами — от прямой колонизации и работорговли до современной экономической, социальной и политической эксплуатации богатым Севером бедного Юга.

Мировая система основана на том, что во главе европейских национальных государств стоят представители промышленной и финансовой олигархии, которые осознают, что само их существование, а также обогащение, безопасность и преемственность напрямую связаны с поддержанием глобальной системы на плаву. Между тем внешнеполитические кризисы периодически сталкивали страны *ядра* между собой, а внутриполитические беспорядки расшатывали систему власти. Это приводило к войнам и революциям. Периодически капитализм вступал в зону промышленных и финансовых кризисов, следуя циклической логике накопления ресурсов и присвоения прибавочной стоимости. Но всякий раз система выправлялась и продолжала свое бесперебойное функционирование, состоящее в перекачивании ресурсов от *периферии* к центру.

4.3.2. Кризис глобального капитализма

Согласно И. Валлерстейну, в настоящее время глобальная мировая система достигла границ своего развития. Экономические, социальные, культурные, информационные и технологические коды проникли глубоко в *периферию*, и пространства для дальнейшей экспансии мировой системы больше не осталось. Это означает, что мировой капитализм стоит на грани исторического исчезновения: он возник в определенных исторических условиях и дошел в реализации своей модели до предела. Сегодня вся мировая система переживает смертельный кризис. Либеральная идеология, являвшаяся ее основой, рассеивается в отсутствии масштабной идеологической альтернативы (которой долгое время был коммунизм).

Валлерстейн утверждает:

«Структурные ограничения процесса бесконечного накопления капитала, который управляет нашим миром, достигли носовой (части судна) и теперь действуют как функциональный тормоз. (...) Они создают хаотическую ситуацию. (...) Через пятьдесят лет из этого хаоса появится новый порядок»[1].

Современная глобализация, таким образом, есть не начало нового процесса, а конец и завершение старого. Чем кончится «эра перехода», Валлерстейн не уточняет, признаваясь: «Мы стоим лицом к лицу с неопределенностью»[2].

---

[1] *Wallerstein I.* Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. New York: The New Press, 1998. С. 89—90.

[2] *Wallerstein I.* The Twentieth Century: Darkness at Noon? Keynote address. Boston: PEWS conference, 2000. С. 6.

4.4. Сравнительный анализ трех теорий

4.4.1. Общие черты

Если сравнить между собой три теории глобализации, обобщающие наиболее систематизированные подходы к этому явлению, мы увидим в них ряд общих черт. Все теории глрбализации:

1) признают, что в основе процесса глобализации лежит логика развития западного общества, что западные ценности служат основой для построения «глобального общества» и претендуют на то, чтобы стать универсально принятыми в пространстве человечества;
2) соглашаются в том, что глобализация представляет собой финальную фазу развития мирового капитализма;
3) подчеркивают, что главными акторами глобализации являются *экономическая элита* (крупная буржуазия, монополии, ТНК), *национальные государства и неправительственные организации* (НПО), что экономическая элита направляет глобализацию для реализации своих интересов (роста прибыли, сохранения в руках контроля над мировой экономикой, обеспечения решении классовых задач), национальные государства, находящиеся в руках буржуазии, служат ее целям и заставляют своих граждан принимать условия глобализации, а НПО являются носителями идеологии глобализма и осуществляют социальные и культурные задачи по строительству «глобального общества»;
4) отмечают, что в современном мире происходит трансформация системы иерархизации политических субъектов от классической модели Модерна (индивидуум, группа, общество, национальное государство, международная система государств) к модели Постмодерна, в которой появляются новые макрогоризонты (человечество, целое, «общее место»), резко возрастает значение индивидуума, увеличивается объем полномочий международного сообщества и сокращается и видоизменяется роль национальных государств (десуверенизация);
5) указывают, что в авангарде глобализации находятся экономические процессы, развитие коммуникационных технологий (СМИ и интерактивные технологии), все виды сетевых структур, молодежные среды и моды, быстрее всего впитывающие и ретранслирующие коды глобализации;
6) признают, что глобализация фактически идет полным ходом и является главным содержанием современного момента мировой истории, затрагивающим все стороны жизни — философию, политику, общество, экономику, культуру, техническую среду, экологию, психологию и т. д.

4.4.2. Различия

Выделяя бесспорные моменты глобализма, различные теории расходятся в его интерпретации, оценке. *Теория «мировой политиии»* является *апологетической* в отношении глобализма, считает его благом и логическим этапом развития западной цивилизации, при котором изначально европейские ценности становятся универсальными и всеобщими (общечеловеческими). Эта теория считает, что развитие ситуации в целом предсказуемо, и создание единого мира (One World) или построение «мирового государства» повторит тот путь, которые прошли европейские народы по отдельности в формате своих национальных государств.

Теория «мировой культуры» видит будущее менее отчетливо, утверждая, что глобализация имеет позитивные и негативные стороны, преимущества и издержки, и в чем-то объединяет, а в чем-то разъединяет общества; глобализируя человечество, она способствует формированию новых локальных и религиональных идентичностей. Используя модель немецкого социолога Фердинанда Тенниса[1] при оценке этой теории, можно сказать, что глобализация идет одновременно на уровнях Geselschaft (общества) и Gemeinschaft (общины), но в каждом случае протекает с разной скоростью, а подчас и в разных направлениях (свидетельство этому — всплеск религиозных верований и движений, новое появление этносов при распаде наций, рост значения локальных общин и идентичностей). В отличие от *теории « мировой политии» теория «мировой культуры»* считает, что результат глобализации неочевиден и исследовать его надо, исходя из «принципа неопределенности», т. к. здесь результаты непредсказуемы.

Теория «мировой системы» также не выносит никакого окончательного суждения относительно того, к чему приведет сегодняшний переход, но занимает в отношении глобализации критическую позицию. Согласно этой теории, глобализация есть «лебединая песнь» мирового капитализма перед историческим моментом его полного уничтожения как исторического явления, исчерпавшего свой потенциал. Она плоха не сама по себе, а в той мере, в какой сам капитализм (с позиции марксистов, социалистов, анархистов и других антилиберальных идеологий) есть зло, эксплуатация человека человеком, отчуждение и неравенство. *Теория «мировой системы»* особенно детально рассматривает экономические аспекты современного миропорядка и показывает те факторы, которые, со-

---

[1] *Tönnies F.*Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.

гласно этой теории, свидетельствуют о системном кризисе мирового капитализма и его скором конце. А что за этим концом последует, данная теория не описывает в силу слишком большого уровня неопределенности. Глобализм есть лишь «переход». От чего, это более или менее ясно, но к чему — пока остается загадкой.

Глава 5

АНТИГЛОБАЛИЗМ/АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ И СОЦИОЛОГИЯ ХАОСА

5.1. Антиглобализм как явление

5.1.1. Феномен антиглобализма: основные черты

Рассмотрим явление антиглобализма, т. е. движения, направленного против глобализации. Иногда для его определения используют термин «альтерглобализм» или «альтерглобализация». Латинская приставка «alter» означает «другой». Под «альтерглобализмом», таким образом, имеется в виду критика и отвержение того глобализма, который есть сейчас, и предложение принять и построить вместо него *другой* глобализм. Что имеется в виду под «другим глобализмом», мы сейчас рассмотрим.

Антиглобалистское движение стало всемирно известным благодаря ярким и массовым акциям протеста, которые антиглобалисты устраивают при каждом масштабном мероприятии (саммите, конференции, форуме и т. д.), имеющем отношение к глобализации и устраиваемым правительствами крупнейших мировых держав, в первую очередь, западных. В этом движении участвуют представители крайне «левых» движений — анархисты, троцкисты, коммунисты, автономы, маоисты, социалисты, а также экологи всех направлений. Часто к ним примыкают представители угнетенных этнических меньшинств или социальные, религиозные и иные группы, чувствующие себя ущемленными в современном глобальном мире и возлагающие вину на существующий (глобальный) миропорядок. Все эти группы объединены протестом против существующего положения дел и отвержением процесса глобализации. Как таковой общей теории или общей идеологии антиглобализма не существует, движение носит стихийный характер с явной доминантой антикапитализма, антиимпериализма и антиколониализма.

5.1.2. Антиглобализм и теория И. Валлерстайна

Многие антиглобалисты разделяют теорию мировой системы И. Валлерстайна и понимают глобализм и глобализацию через ее

призму. Сам Валлерстейн охотно участвует в антиглобалистских мероприятиях, выступает на форумах и симпозиумах этой направленности, соучаствует в выработке «новой левой» альтернативы — такой, как «Форум Сан-Паулу», где объединились представители более двухсот «левых» и антикапиталистических партий Латинской Америки для выработки общей стратегии по борьбе с неолиберализмом, империализмом США и противодействию глобализации в новых исторических условиях после распада двухполюсного мира.

Если антиглобализм является протестом против глобализма, понятого в духе теории мировой системы, то определение альтерглобализма требует развернутого анализа. Для этого обратимся к идеям двух признанных теоретиков антиглобалистского и альтерглобалистского движения — итальянского левого экстремиста Антонио Негри и американского политолога и социолога Майкла Хардта.

5.2. Критика мировой капиталистической системы и неомарксистская альтернатива

5.2.1. А. Негри, М. Хард: концепт «Империи»

В 2000 г. Антонио Негри и Майкл Хардт выпустили программную книгу «Империя»[1], быстро ставшую самостоятельным политологическим концептом XXI в. (наряду с тезисами С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и Ф. Фукуямы «Конец Истории»).

В книге вводится и детально описывается концепция «Империи», отражающая представление авторов о качестве новой эпохи, связанной с глобальным постиндустриальным обществом и постмодерном как таковым. А. Негри и М. Хардт стоят целиком и полностью на постмодернистских позициях, считая исчерпанность идеологического, экономического, юридического, философского и социального потенциала Модерна свершившимся и необратимым фактом. Для них Модерн закончился, наступил Постмодерн.

Авторы наследуют в основных чертах марксистскую модель понимания истории как борьбы Труда и Капитала, но убеждены, что в условиях Постмодерна и Труд, и Капитал видоизменяются почти до неузнаваемости. Капитал становится настолько всесильным, могущественным и побеждающим, что приобретает глобальные черты, отныне становясь тотальным явлением — *всем*[2]. Он и есть «Империя». «Империя», по Негри и Хардту, это очередная

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.

[2] *Вивенза Ж.М.* От формальной доминации капитала к его реальной доминации//Элементы. 1997.№ 7.

(последняя и наивысшая) фаза развития капитализма, характерная тем, что в ней капитализм становится тотальным, глобальным, безграничным и вездесущим.

Труд, на индустриальной стадии бывший качеством промышленного пролетариата, сегодня рассредоточен, децентрирован и разлит по нескончаемым миллионам единиц тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля «Империи». Носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude). Между «Империей» и «множеством» развертывается основной сценарий противостояния.

В Постмодерне все изменилось: по-новому выступает капитал, по-новому труд, по-новому развертываются противостояние между ними. Вместо «дисциплины» капитал использует «контроль», вместо политики — «биополитику», вместо «государства» — планетарные сети. Капитализм в «Империи» замаскирован, освобожден от тех атрибутов, которые считались существенными в индустриальную эпоху. Растворяется государство-нация, отменяется строгая «иерархия труда», стираются границы, упраздняются межгосударственные войны и т. д. Но все же «Империя» все держит под контролем и продолжает изымать у «множества» продукты его творчества. Этот контроль «Империи» имеет планетарные формы и одинаково касается всех.

Негри и Хардт настаивают на том, что «Империя» не имеет ничего общего с «империализмом». Классический «империализм», как он описан у Ленина[1], есть экспансия буржуазных национальных государств в слаборазвитые экономически страны и зоны. Такой «империализм», приращивая подконтрольные территории, не меняет качества самой метрополии: буржуазное государство лишь эксплуатирует колонию как нечто «постороннее», «внешнее». Кроме того, «империализм» одного государства неизбежно сталкивается с «империализмом» другого, что мы и наблюдаем в драматической истории мировых войн XX в.

«Империя» в постмодернистском смысле есть нечто иное. Ее структура такова, что включает любую зону, попавшую под контроль «Империи» в ее состав наряду с другими пространствами. «Империя» децентрирована, она не имеет метрополии и колоний, она заведомо и изначально планетарна и универсальна. «Империя» не знает никаких границ, она является мировым явлением. Глобализация и есть утверждение «Империи».

«Империя» имеет три уровня контроля одновременно, соответствующие *монархической*, *аристократической* и *демократической* формам правления. *Монархии* соответствует концентрация

[1] *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. М.: Прогресс, 1984.

«ядерного оружия», дамокловым мечом висящего над головой «множества», в едином центре. *Аристократия* империи представлена владельцами крупных транснациональных корпораций. *Демократия* подменена планетарным спектаклем, воплощенным в системе масс-медиа.

По мнению Негри и Хардта, «Империя» в отличие от классического капитализма сегодня присваивает не столько «прибавочную стоимость», т. е. результаты «производительного труда», сколько саму «жизненную энергию» «множества». В новых условиях технического развития грань между производительным, непроизводительным трудом и простым воспроизводством стерта, считают авторы. Эксплуатации сегодня подвергается сама неструктурированная жизненная сила, равномерно разлитая в человеческом коллективе и свободно проявляющаяся в стихии желания, любви и творчества.

Суть «Империи» в *коррупции*. *Коррупция* (разрушение) как принцип является прямой противоположностью «генерации» (порождения). «Множество» порождает, «Империя» только коррумпирует. «Империя» есть вечный кризис, она разлагает жизнь, остужает ее кипение, узурпирует для своего функционирования через тонкую систему контроля стремление «множества» к свободе, его желание, его креативность.

Так как умственный труд сегодня играет центральную роль в экономическом развитии, роль средств производства существенно видоизменилась. Главным средством производства становится человеческий мозг, следовательно, машина интегрирована в человеческое тело. С другой стороны, новые технологические средства — компьютерная техника, к примеру, — становятся необходимой частью человеческого тела и в скором будущем смогут быть в него интегрированы. Отсюда теория «киборга» как основного субъекта «Империи». По мнению Негри и Хардта, «киборг» — это существо, в котором субъект труда (человек) и орудие труда интегрированы и слиты до неузнаваемости. Поэтому современному капиталу недостаточно собственности на средства производства: прямые дисциплинарные инструменты властвования классического полицейско-экономического типа оказываются неэффективными. «Империя» должна контролировать всю сеть, элементами которой являются люди, представители «множества».

5.2.2. Планетарная Америка

Создание «Империи» тесно связано с историей США и их политической системы. Согласно Негри и Хардту, политическая структура США, федерализм и американская демократия изначально представляли собой матрицу той социально-экономической

модели, которая сегодня становится (стала) глобальным явлением. Постмодернистический принцип «Империи» был заведомо заложен в основе американской «политической науки».

«Томас Джефферсон, авторы журнала «Федералист» и другие идеологические основатели Соединенных Штатов вдохновлялись древней имперской моделью: они верили, что строят на другой стороне Атлантики новую Империю с открытыми, расширяющимися границами, где власть будет создаваться по сетевому принципу. Эта имперская идея выжила и вызрела через историю американской Конституции и сегодня проявила себя в планетарном масштабе в полностью реализованной форме»[1].

Важно обратить внимание на понятие «*расширяющихся границ*». Сам Томас Джефферсон говорил о «расширяющейся империи» («extensive empire»). Вера в универсальность своей системы ценности лежит в основе политической истории Соединенных Штатов.

Негри и Хардт подробно останавливаются на уникальности исторического опыта США, который сделал именно эту страну *матрицей,* воспроизводимой сегодня в глобальном масштабе. Европейские державы, двигающиеся в том же направлении Модерна с его индивидуализмом, индустриальным и техническим развитием, капитализмом и т. д., были ограничены историей и пространством. Их движение к «идеалу» Модерна постоянно натыкалось на внутренние социальные, сословные, этнические, экономические преграды, что усугублялось враждебностью и конкуренцией соседних держав. И время, и пространство стран Европы на пути к реализацию проекта Просвещения были заполнены культурными и социальными преградами. Создатели США как носители европейского проекта в чистой форме (мессианский протестантизм плюс либеральная демократия) оказались в радикально иной ситуации: они действовали с нуля (история осталась в Старом Свете) и на пустом пространстве.

А. Негри и М. Хардт уточняют, что северо-американское пространство было на самом деле не таким уж пустым — на нем существовала древняя индейская цивилизация. Но энергия колонизаторов и их решимость осуществить лабораторный проект общества «чистого Модерна» легко преодолели это препятствие: индейцев приравняли к «недолюдям», к своего рода «природным явлениям», «колючкам» и стали поступать так, как будто их нет, в некоторых случаях прибегая к прямому массовому геноциду. В этом и заключается логика постмодернистской «Империи»: она способна состояться только на «пустом месте», «с нуля», расширяя свои пределы во всех направлениях.

---

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя.

Когда речь зашла об отвоевании Калифорнии и Нью-Мексики, американцы заговорили о «Manifest Destiny»[1], т. е. «явном предназначении», которое состояло в том, чтобы «нести универсальные ценности свободы и прогресса диким народам».

В истории США Негри и Хардт выделяют четыре периода вызревания концепта «Империи»:

1) от принятия «Декларации Независимости» до Гражданской войны;
2) «эпоха Развития» и особенно постепенного перехода от «классической» (европейской по типу) империалистической теории Теодора Рузвельта к интернациональному реформизму Вудро Вильсона;
3) от эпохи «New Deal» и Второй мировой войны до середины 60-х гг. XX в. (пика холодной войны);
4) от социальных трансформаций США 1960-х гг. до распада Восточного блока и СССР.

«Каждая из этих основополагающих фаз истории развития США представляет собой шаг в сторону реализации Империи»[2], — заключают А. Негри и М. Хардт.

Американская модель внутреннего социально-политического и экономического устройства отражает *основные черты Постмодерна*. И не случайно именно США становятся историческим лидером всего капиталистического мира, оставляя Европу и другие страны далеко позади. США создали общество, в котором Модерн существует в своем абсолютном — почти утопическом — виде, это лабораторная реализация идеала Нового времени, капитализм в его чистейшей стадии. Поэтому «Империя», будучи, по определению, планетарной и сетевой, генетически связана с США, которые являются ее *генетической матрицей*.

Негри и Хардт подчеркивают тесную взаимосвязь политических основ США с идеей «экспансии» и «открытых границ». США не могут не расширять своего контроля, т. к. представление об «открытых границах» и «универсальности» собственных ценностей является важнейшей чертой всей системы. Когда северо-американское пространство был освоено, власти США были поставлены перед серьезной дилеммой: либо действовать как империалистическое государство, либо — и здесь самое интересное! — рассматривать мир как «пустое место», подлежащее интеграции в единую структуру сетевой власти. Эта планетарная сетевая власть не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания — просто различные зоны включаются в общую систему ядерной безопасности, в систе-

---

[1] *Greenberg Amy S.* Manifest Manhood and the Antebellum American Empire. Cambridge U. Press, 2005.

[2] *Хардт М., Негри А.* Империя.

му свободного рынка и беспрепятственной циркуляции информации. В этом случае «Империя» не борется с «другими», не перемалывает иную систему ценностей, не подавляет сопротивление, не переделывает и не перевоспитывает «побежденного», но поступает с ним как с «индейцами», «вежливо» игнорируя их особенность, их качество, их отличие. «Через инструмент полного невежества относительно особенностей национальных, этнических, религиозных и социальных структур народов мира «Империя» легко включает их в себя»[1]. Империалистический подход Модерна унижал колонизируемые народы, но все же признавал факт их существования. Постмодернистическая Империя безразлична к тому, пуста ли рассматриваемая территория или нет: все пространство планеты является открытым пространством, и выбор «Империи», ядерное и военно-техническое превосходство США, свободный рынок и глобальные СМИ представляются ей само собой разумеющимся выбором для всех. Чтобы включить страну, народ, территорию в рамки «Империи», их не надо завоевывать или убеждать, им надо просто продемонстрировать, что они *уже внутри нее*, т. к. «Империя» самоочевидна, глобальна, актуальна и безальтернативна.

Роль США в создании «Империи» двойственна. С одной стороны, «Империя» созидается США и основывается на их матрице. Этому способствует и то, что основы национальной политики США с момента их основания точно совпадают с той моделью, которая отныне утверждается как нечто планетарное. Но «Империя» вместе с тем и преодолевает национальные американские рамки, выходя за пределы «классического империализма», пусть даже американского. США укрепляются как проект, расширяясь далеко за рамки национального государства. Америка перерастает Америку, становится планетарной. Весь мир становится *глобальной Америкой*.

5.2.3. Альтерглобализм: восстание «множеств»

После тотальной критики глобализма («Империи») А. Негри и М. Хардт предлагают альтернативу. Эта альтернатива суммирует основные пункты программы альтерглобализма. Поэтому авторы считаются наиболее последовательными теоретиками альтерглобализма, а их труд рассматривается как программный.

Вслед за другими «новыми левыми» — Ж. Делезом, Ф. Гваттари, Ф. Лиотаром и т. д. — они утверждают, что характер изменений, запечатленных в эпохе Постмодерна, *необратим и объективен*. «Империя» и ее могущество не случайны, не произвольны. Они обусловлены логикой развития человечества. Это не девиация прогресса, но его кульминация. Западноевропейское человечество,

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя.

двигаясь по траектории своего философского, социального, экономического и политического развития, не могло не прийти к Просвещению, к капитализму, к империализму и, наконец, к глобализму, Постмодерну и «Империи». Следовательно, «конец истории» в глобальном рынке вполне закономерен, вытекает из самой структуры истории. Тем, кто ужасается чудовищным горизонтам тотального планетарного контроля и новым формам эксплуатации, А. Негри и М. Хардт советуют обратить внимание на настоящее и недавнее прошлое: можно подумать, что капитализм был более гуманным и справедливым на иных стадиях.

«Империи» избежать нельзя, затормозить ее становление, укрыться в «локальном» невозможно. Буржуазные государства-нации не являются альтернативой «Империи», они просто ее предшествующие стадии. Следовательно, противники «Империи» должны распроститься с привычными клише, отбросить устаревшие концептуальные инструменты и расстаться с ностальгией. Мутация модерна в Постмодерн, а также качественное видоизменение Труда и Капитала суть свершившиеся факты, с которыми нельзя не считаться. «Империя» — это реальность.

Позитивная альтернатива отталкивается от признания «Империи» как базового факта, точно так же, как коммунизм Маркса отталкивался от детального исследования онтологии Капитала. «Империю» нельзя преодолеть извне, т. к. в глобальном мире больше нет «вне». В нее *включено* все пространство земли — в социально-политическом, экономическом, информационном и культурном смысле. Поэтому единственный способ взорвать ее могущество лежит внутри нее самой, в ее внутреннем противоречии. Это противоречие Негри и Хардт описывают в марксистских терминах (противоречие между Трудом и Капиталом, отчуждение, присвоение прибавочной стоимости и т. д.), но перенесенных в условия Постмодерна и в глобальный контекст.

Аналогом рабочего класса (как объекта эксплуатации и субъекта революции в классическом марксизме) сегодня являются просто *люди* — «большинство». Так как в условиях технического развития и глобализации Капитала разница между производительным и непроизводительным трудом стерта, то трудом следует признать «саму жизнь» и ее телесные мотивации — желание, воспроизводство, креативность, случайные влечения. Разница между работой и отдыхом, полезными и бесполезным, делом и развлечением постепенно исчезает: остаются только живые люди перед лицом глобальной коррупционной системы. «Множество» само и есть сегодня Труд. А «Империя» — капитал.

Методы борьбы против «Империи» А. Негри и М. Хардт предлагают довольно экстравагантные: отказ от последних половых табу, креативная разработка эпатажных образов, пирсинг, иро-

кез, хакерство, создание экстремистских коммун и абсурдистских кружков, бессмысленные флэшмобы, транссексуальные операции, культивация миграций, космополитизма, требование от «Империи» оплаты не труда, но простого существования каждого гражданина земли, при том, что гражданами земли должно стать все «множество». Сами авторы «Империи» показывают, что позиция «множества» в условиях Постмодерна, по сути, совпадает с «Империей» — именно «Империя» дает «множеству» быть самим собой, она эксплуатирует «множество», с одной стороны, но и учреждает, поддерживает его, способствует его дальнейшему освобождению, с другой. В «Империи» «множество» находит, таким образом, многие положительные «возможности», которые оно призвано использовать для своих интересов. Авторы в качестве параллели такому повороту мысли приводят отношение Маркса к капитализму, который признавал его прогрессивность по отношению к феодальному и рабовладельческому строю, но вместе с тем выступал от имени пролетариата как его самый непримиримый противник. Так Негри и Хардт относятся к «Империи»: они показывают ее «прогрессивные» стороны по отношению к классическому индустриальному капитализму, но полагают, что она несет в себе свой собственный конец.

Проект альтерглобализма сводится к тому, чтобы не тормозить «Империю», но, напротив, подталкивать ее вперед, чтобы быстрее оказаться свидетелем и участником ее финальной трансформации. Эта трансформация возможна через новое самосознание и самочувствие, через обретение нового онтологического, антропологического и правового статуса жизненным и созидательным хаосом раскрепощенных мировых толп, «большинства», которое призвано ускользнуть от тонкой и жесткой коррупционной хватки планетарной «Империи».

Восстание «множеств» должно быть основано на культивации всех видов трансгрессии. Идеалом Негри и Хардта является уже не человек, но киборг, мутант, добровольный инвалид, калека, получеловек-полумашина, не способный стать объектом эксплуатации — ни в производстве, ни в исполнении гражданских обязанностей, ни в классическом браке. Свобода от «Империи» как последнего воплощения рациональности реализуется через соскальзывание в иррациональность, в массовую шизофрению (Ж. Делез), в наркотики, разложение, поиск новых причудливых форм бытия по ту сторону культурных и социальных кодов, диктуемых империей.

Так же, как и Маркс, желавший победы капитализма ради приближения его конца и строительства социализма, альтерглобалисты желают победы глобализации, чтобы полная победа Капитала взорвала его самого изнутри, через тотальную миграцию множеств в области иррационального и шизофренической свободы.

5.2.4. Диалектика «глобализм/антиглобализм»

Экстравагантная версия революции «множеств» Негри и Хардта отражает основной смысл современного *антиглобалистского/альтерглобалистского* движения. Это движение направлено не на то, чтобы *остановить* глобализацию, сохранить существующий порядок национальных государств или вернуться в прошлое, но на то, чтобы *осудить* глобализацию, показать ее негативную сущность. Вместе с тем антиглобалисты ни в коем случае не являются сторонниками советской системы (эпохи идеологического противостояния) или государственного национализма. Они хотят двигаться вперед, а не назад, и не стоять на месте, но путь этот они видят иным образом, нежели неолиберальные апологеты глобализации. При этом *антиглобалисты/альтерглобалисты* трезво понимают, что их сетевые организации и распыленные ячейки сегодня не могут представлять собой никакой серьезной опасности для глобализма и лишь демонстрируют свободу мнений в глобальном мире: есть те, кто делает глобализацию, и те, кто выступает «*против*» (при полном бессилии что-то изменить). Альтернатива в таком случае становится определенной условностью, игровым жестом или, в далекой перспективе, постмодернистским аналогом луддизма, т. е. стремлением вывести из строя как можно больше орудий труда, чтобы сорвать развитие капитализма и индустриализации. Только орудиями труда в этом случае выступают люди («множество»), которые сами себя делают непригодными для участия в рациональных структурах. Ставка делается на то, что глобальная рациональность рухнет, если множество превратится в хаотическое море невменяемых мутантов и извращенцев.

Для апологетов глобализации иметь дело с такой альтернативой довольно удобно. Сопоставляя призыв к иррациональности и анархии со своей рациональностью и порядком, глобалисты получают дополнительные аргументы в пользу неолиберальной идеологии, а также могут не считаться с критической стороной антиглобализма (подчас чрезвычайно справедливой и обоснованной самой по себе).

Это замечание относится не только к «крайне левым» и анархистским версиям антиглобализма, но и к неомарксизму в целом. Давая развернутую и сплошь и рядом глубокую и проницательную критику глобализма, неомарксисты видят спасение не в прошлом и не в настоящем, а в будущем, которое должно прийти на смену глобальному капитализму. Здесь чрезвычайно показательна троцкистская идеология, которая подвергала систематической критике СССР и сталинизм именно за то, что построенный в СССР социализм не был по-настоящему интернациональным, т. е. мировым, глобальным. Отказавшись от того, чтобы бросить все силы на миро-

вую революцию, Сталин сосредоточился на построении социализма в одной стране. Для Троцкого это было прямым предательством Маркса, который настаивал на победе социализма сразу в нескольких развитых промышленных стран и на интернациональном характере социалистической революции, напрямую вытекающей из интернациональной природы самого Капитала. Советский Союз и социалистический лагерь были построены вопреки логике марксизма, и значит, считают троцкисты, это был «ненастоящий» социализм, который только отодвинул перспективу мировой революции, а не приблизил ее. Из этого антисталинистского тезиса троцкисты сделали вывод: нельзя стремиться к социалистической революции, пока капитализм не стал по-настоящему глобальным, мировым и интернациональным, и пока рабочий класс всего мира не перемешался в глобальном плавильном котле и не утратил признаков коллективной идентификации, кроме классовой. Отсюда идея, что коммунисты должны приветствовать глобализацию как процесс, приближающий человечество к грядущему социализму.

Именно такой логикой руководствуется мировое троцкистское движение, которое является идеологическим ядром современного антиглобалима/альтерглобализма. И, вероятно, именно такая логика привела группу американских троцкистов в большую политику (от демократов до республиканцев), что положило начало феномену *неоконсерваторов*. Таким образом, между глобалистами и *антиглобалистами/альтерглобалистами* существует более сложная и диалектическая связь, нежели отношения прямой фронтальной оппозиции. Против глобализации антиглобалисты в целом не возражают, но уже сегодня ориентируются на то, что, когда, свершившись, она обнаружит свои противоречия, то расчистит этим дорогу мировой революции. Эта идея и заложена в термине «альтерглобализация», «другая глобализация». «Другой» она является не потому, что предлагает другой путь, но потому, что считает единственно возможный путь необходимым и закономерным злом и ориентируется на горизонт будущего, когда зло будет побеждено добром (правда, такое «добро» оказывается не совсем ясным — у А. Негри и М. Хардта «добром» и «спасителем» выступает киборог-мутант или сошедший с ума урод).

5.3. Глобальный мир как хаотическая система

5.3.1. Глобальный мир как хаотическая система (хаосмос, хаорд)

Сложные структуры нарождающегося глобального общества Постмодерна поставили вопрос о необходимости новых моделей их интерпретации. Одним из решений стало обращение к теории хао-

са. Эта теория стала складываться в 60-е гг. XX в. среди математиков и физиков, обнаруживших, что картезианская геометрия и ньютоновская физика описывают очень похожую на правду, но все же приблизительную картину физического мира, упуская из виду многие детали природы. Смысл теории хаоса сводится к выявлению закономерностей и определенного порядка в явлениях, которые, на первый взгляд, кажутся совершенно неупорядоченными, случайными, произвольными. Важным шагом в развитии «теории хаоса» (называемой иногда «теорией комплексности») стала книга Бенуа Мандельброта «Фрактальная геометрия природы»[1], где он показал, что прямые линии, строго двухмерные и трехмерные пространства существуют лишь в сознании человека, а в природе любая линия двухмерна, плоскость трехмерна, а объем четырехмерен. Мандельброт предложил измерять природные объекты средствами, приближенными к самой природе и учитывающими зазоры между геометрией рационального субъекта и самой структурой природы. Он назвал эти промежуточные инстанции между субъектом и объектом «*фракталами*».

Одновременно с этим некоторые математики и физики (Э. Лоренц[2], И. Пригожин[3], Дж. Глейк[4] и т. д.) приоритетно занялись изучением комплексных и нелинейных процессов, названных «хаотическими». Так из разных источников сформировалась общее направление в физико-математической науке, получившее название «теории хаоса», или иначе «анализ нелинейных систем»[5].

Эти теории социологи и философы стали применять к изучению глобального общества, которое с точки зрения *теории «глобальной культуры*» (Робертсона) и *теории «мировой системы»* (Валлерстайна) и, тем более, с позиции альтерглобалистов (Негри/Хардт) выглядело как типичная хаотическая система, основанная на принципе неопределенности. Так сложились некоторые теории глобализации, которые рассматривали процесс глобализации как хаотический, слабо предсказуемый, чувствительный к начальным условиям, подверженный влиянию «посторонних аттракторов», предполагающий бифуркации (то есть равновероятную возможность процесса следовать по одной из двух альтернативных траекторий), с фракталами в качестве основных акторов.

---

[1] *Мандельброт Бенуа Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.

[2] *Lorenz E.* The Essence of Chaos. Washington: University of Washington Press, 1996.

[3] *Prigogine I., Stengers I.* Order Out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature. New York:Bantam books, 1984.

[4] *Глейк Дж.* Хаос. Создание новой науки. СПб: Амфора, 2001.

[5] *Глейк Дж.* Хаос. Создание новой науки.

5.3.2. Порядок и беспорядок

На поверхностном уровне *теория глобального хаоса* выражалась в том, что после распада СССР «мира во всем мире» или «конца истории» не наступило. Повсюду стали вспыхивать новые кровавые конфликты, обнажаться межэтнические противоречия, возросло значение религиозного фактора (фундаментализма, особенно исламского), что опрокинуло некоторые наивные ожидания упорядоченности глобального либерально-демократического уклада. Это и было воспринято как хаос. Однако такое понимание хаоса, выраженное в скептическом отношении к глобализации (как у С. Хантингтона[1]) или в обостренном переживании контраста между американо-европейским рациональным, упорядоченным, комфортным, обеспеченным и безопасным обществом и остальным миром (как у Р. Каплана[2], У. Пфаффа[3] и др.), было чисто метафорическим и лишь подчеркивало наличие в современном мире конфликтов и противоречий, чаще всего на уровне новых — локальных — акторов (этносов, религиозных групп, террористических и националистических организаций и т. д.) [4].

5.3.3. Ж. Делез. Ф. Гваттари: хаосмос

Более серьезные реконструкции глобального общества как общества хаоса предприняли философы и социологи постмодернистской ориентации. Так, Ж. Делез и Ф. Гваттари[5] развили идею, упомянутую у Дж. Джойса в «Поминках по Финнегану», «хаосмоса», которая означает одновременно «хаос» и «космос», т. е. «порядок». «Хаосмос» есть общество или система обществ, где отсутствует строго определенный центр, одна доминирующая рациональность, централизованная власть, обязательный код и т. д. В «хаосмосе» есть определенный порядок, но он соответствует порядку «жизненного мира», а не социальных нормативов или политэкономических закономерностей. На изучении этого парадоксального состояния постоянной нестабильности Ж. Делез и Ф. Гваттари основывают многие свои концепции — например,

---

[1] *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. Op. cit.

[2] *Kaplan R.* The coming Anarchy: Shaterring deram of the Cold War. NY: Random House, 2000.

[3] *Pfaff W.* Barbarian Sentiments: America in the New Century. New York: Hill and Wang, 2000.

[4] *Sadowski Yahya.* The Myth of Global Chaos. Washington: Brookings Institution Press, 1998.

[5] *Deleuze G., Guattari F.* Mille Plateaux**.** Paris: Éditions de Minuit, 1980.

«ризомы» (клубня, невидимо простирающего под землей свои сети и пускающего корни и ростки в произвольных точках), «тела без органов» и т. д. Применение концепций постмодернистской философии и ее концептуального инструментария к изучению общества стало методом множества экономистов, социологов, политологов, культурологов, и даже геополитиков[1], изучающих процессы глобализации[2].

5.3.4. Д. Хок: хаорд

С другой стороны к анализу глобальных процессов подошел американский финансист, создатель платежной системы VISA Ди Хок[3]. Опыт создания сети VISA позволил ему увидеть прообраз будущего, в котором не будет жесткой централизованной модели управления, а решения будут приниматься на уровне отдельных индивидуумов или групп индивидуумов, объединенных между собой децентрированной сетью, позволяющей осуществлять любые формы обмена. Становление, развитие, функционирование и жизнь расчетной сети, по Д. Хоку, является прообразом глобального общества, в котором хаос и порядок будут не противопоставляться друг другу, но сосуществовать в новой системе, которую он предложил назвать «хаордом» — от «chaos» («хаос») и «ordo» («порядок»).

Показательно, что рассмотрение глобального общества как хаотической системы («хаосмоса», «хаорда» и т. д.) свойственно как его критикам (антиглобалистам, альтерглобалистам, постмодернистам, неомарксистам), так и апологетам. Так, весьма показательно, что в США в рамках военных институтов и разведывательных центров с начала 1990-х гг. ведутся разработки по применению теории хаоса и хаотических процессов в военной сфере[4].

---

[1] *O'Thuatail G.* Understanding Critical Geopolitics: geopolitics and risk society/ *Gray C.S., Sloan G.* (eds) Geopolitics, geography and strategy. London,Portland, OR: Frank Cass, 1993.C. 107—124.

[2] *Kiel Douglas L., Elliott Euel W. (eds.)* Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications. Michigan: University of Michigan Press, 1997; Cunningham Lawrence A. From Random Walks to Chaotic Crashes: The Linear Genealogy of the Efficient Capital Market Hypothesis//George Washington Law Review. 1994. Vol. 62; Bird Richard J. Chaos and Life: Complexity and Order in Evolution and Thought. Washington: Columbia University Press, 2003; *Ueda Yoshisuke.* The Road To Chaos. Santa Cruz: Aerial Press, 1993; Smith P. Explaining Chaos. Washington:Cambridge University Press, 1998.

[3] *Hock Dee.* Birth of the Chaordic Age. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1999.

[4] *Gore J.* Chaos, complexity and the military. — www.au.af. mil. [Электронный ресурс] URL: http://www.au.af. mil/au/awc/awcgate/ndu/gore. pdf. (дата обращения 05.08.2010).

5.3.5. С. Манн: управление хаосом как инструмент однополярности

Хаотичность глобальной среды становится специальной зоной внимания тех, кто выступает в условиях глобализма в качестве приоритетных носителей порядка (представители американского стратегического планирования). Одной из самых серьезных структур исследования хаоса в военных целях, является центр, возглавляемый Стивеном Манном[1].

Так, Стивен Манн пишет:

«Настоящая ценность теории хаоса находится на высшем уровне — в сфере национальной стратегии. Хаос может изменить метод, с помощью которого мы рассматриваем весь спектр человеческих взаимодействий и в котором война занимает лишь особую часть. Международная среда является превосходным примером хаотической системы»[2].

С. Манн считает, что хаос и его атрибуты — такие, как вирусы — можно использовать правительству США для влияния на мир: «Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не является ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения, вирус будет самовоспроизводиться и распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культур, отличающихся от нашей. Это единственный путь для построения мирового порядка, который будет иметь длинный период (хотя, как мы видим, никогда нельзя достичь абсолютной постоянности) и будет глобально выгодным. Если мы не сможем достичь такого идеологического изменения во всем мире, у нас останутся спорадические периоды спокойствия между катастрофическими переустройствами. (...) Настоящее поле битвы в сфере нацио-

---

[1] *Mann Stephen R.* Chaos Theory and Strategic Thought//Parameters. 1992. Autumn. № 55. Русский перевод: *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. — www.geopolitika.ru. [Электронный ресурс] URL: http://geopolitica.ru/Articles/890/ (дата обращения 05.08.2010).

[2] *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. — www. geopolitika.ru. [Электронный ресурс] URL: http://geopolitica.ru/Articles/893/ (дата обращения 05.08.2010).

нальной безопасности является, говоря, метафорически, вирусным по природе»[1].

Итак, мы видим, что парадигма хаоса может быть применена к глобальной среде в самых полярных случаях — как крайними анархистами и постмодернистами (Делез/Гваттари, Негри/Хардт), так и жесткими сторонниками прямой имперской доминации США над миром (С. Манн). Между ними находятся такие теоретики, как Роланд Робертсон или Ди Хок.

[1] *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление.

Глава 6

КОНЦЕПТ «ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

6.1. От этноса к народу

6.1.1. Р. Рэдфилд: folk-society

Мы уже видели, что все версии глобализма так или иначе оперируют с концептом «глобального общества». Это важнейшая социологическая категория, без внимательного анализа которой сущность глобализации будет от нас ускользать.

Чтобы понять, что такое «глобальное общество», надо проделать краткий экскурс в *этносоциологию*[1] *и проследить эволюцию коллективных идентификаций в разных типах обществ.*

Первым уровнем коллективной идентичности в социальной истории является *этническая идентичность*. В *этносе* между всеми членами существуют органические связи, все разделяют язык, веру в общее происхождение и общие обычаи. В этносе коллективная идентификация всех его членов друг с другом и с общим, часто мифологическим, предком (тотемом, духом, вождем, фетишем и т. д.) настолько велика, что индивидуального начала почти не существует вовсе. В этническом обществе доминирует *коллективная антропология*: целое в нем намного больше, нежели составляющие его части.

Примером этноса может служить тот тип общества, который американский социолог Роберт Рэдфилд (1897—1958) назвал «folk-society»[2], выделив в качестве его основных характеристик:

— персонализм отношений;
— синхронизм реакций;
— ограниченную численность;
— аграрную среду обитания;
— сакральное отношение к природе.

Этническим обществам присущи архаические черты. В этносе преобладают *циклическое время* и мифы «вечного возвращения» (М. Элиаде[3]).

---

[1] *Дугин А.Г.* Этносоциология. М., 2011.

[2] *Redfield R.* The little community. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

[3] *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., Алетейя, 1998.

6.1.2. Р. Турнвальд: социальная дифференциация и концепт «народа»

Следующим, более сложным типом общества является то, что принято называть «*народом*». Чтобы строго отличать его от этноса, можно воспользоваться другим греческим термином — «λαός», «*лаос*», откуда образованы французские слова «laique» («светский»), «laicité», («светскость») и т. д. *Народ — это этнос, вступивший в историю*[1], осознавший *линейное время*, вышедший из замкнутого цикла «вечного возвращения».

В народе мы видим много этнических черт, но к ним добавляется и нечто *новое*: определенный травматизм, неравновесность, чувство исторического *события* как чего-то особого, чего нет в рутине сменяющих друг друга сезонов этноса. В народе центральной фигурой становится *герой*, который впервые наделяется *индивидуальностью*, чуждой этническим архаическим обществам. Но эта индивидуальность — исключительная, собирательная и зарезервированная только для великих людей: царей, вождей, богатырей, гениев, философов.

Если для этноса характерны *сказки и мифы*, то для народа — *эпос*.

В народе сосуществуют две социальные парадигмы идентификации: *коллективистские* (все еще этнические) массы и *индивидуализированные* (элиты). Связь возникновения социальной дифференциации и становление классового общества с этническими процессами прекрасно описал в своем монументальном пятитомнике классик этносоциологии Рихард Турнвальд[2] (1869 – 1954).

Народ, λαός, порождает вместе или поочередно следующие типовые формы:

– *государство* (чаще всего);
– *религию* (как правило, с развитой теологией — классическим примером здесь являются монотеистические религии);
– *цивилизацию* (основанную на философии и высоко дифференцированной культуре).

Интегрирующий характер государства (как лаоцентрума) яснее всего виден в *империи*.

Народу соответствует традиционное общество, отличающееся от чисто этнического (архаического) более высокой степенью дифференциации — в социальном устройстве, политике, экономике, культуре и т. д.

---

[1] *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.:Международное евразийское Движение, 2007.

[2] *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931 – 1934.

6.2. Феномен нации и гражданское общество

6.2.1. Э. Геллнер, Б. Андерсон: нация как искусственная конструкция общества Модерна

В Новое время в Европе на основании традиционных сословных государств (соответствующих фазе *народа* — «лаоса») появляется новый социальный тип — *национальное государство* или *Государство-Нация* («Etat-Nation»). Это совершенно особое явление, по основным качественным характеристикам отличающееся и от этноса, и от народа. Это прекрасно показал философ и этносоциолог Эрнст Геллнер[1] (1925—1995). По Э. Геллнеру, нация — это целиком искусственная идентичность, переносящая механически «естественные связи малых общин» на широкие пласты атомизированных и изолированных индивидуумов. Другой современный этносоциолог Бенедикт Андерсон называет нацию «imagined community»[2], т. е. «выдуманной», «воображаемой общностью».

Концепт «*нации*» возникает вместе с буржуазными революциями, является продуктом исторической деятельности *третьего сословия* и берет в качестве нормативного типа фигуру *буржуа*.

В нации доминирует городское (политизированное) население, которому точнее всего соответствует греческий термин «δεμος», «демос». *Нация неотделима от государства* и всегда имеет политическое выражение, в отличие от этноса, который не знает политики (и, соответственно, развитых властных отношений и стихии исторического решения), и от народа, в котором политическое измерение является достоянием дифференцированной (от основной массы) и индивидуализированной элиты. Переход от народа к нации может быть описан как переход от нормативной фигуры «героя» (Held) к фигуре «торговца» (Handler), как это показано в социологии В. Зомбарта [3] (1863—1941). *Нация есть явление буржуазное*. И ее появление в Европе практически совпадает с рождением западноевропейской демократии.

Нация предлагает новую форму идентичности — объединение всех *граждан* в общем национальном правовом и административном пространстве.

Э. Геллнер показывает, что *нация создает симулякр этноса*, живой язык трансформирует в искусственно разработанный и ад-

[1] *Gellner E.* Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997; *Idem.* Nations and Nationalism. NY: Cornell University Press, 1983.

[2] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York: Verso, 1991.

[3] *Зомбарт В.* Торгаши и герои // Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

министративно закрепленный национальный «идиом», органические отношения «братьев» и «свояков» превращает в рациональные связи партнерства и взаимовыгоды, искреннюю веру в миф — в прагматическую манипуляцию искусственными историческими конструкциями, призванными служить удобству управления, социальному форматированию масс, униформизации деталей.

Крайним проявлением нации является «национализм» как искусственное нагнетение страстей вокруг «фиктивной» конструкции в конкретных политических целях[1]. За «национализмом» при всей его иррациональности, как показывает Э. Гелльнер, всегда стоят конкретные и вполне рациональные политические силы, выполняющие прагматические задачи.

6.2.2. И. Кант: проект гражданского общества и «вечный мир»

Появление буржуазных наций в Новое время параллельно вело к распространению *личностной идентификации* (ранее свойственной только элите) на широкие слои населения — вначале городского, затем и сельского. При этом гражданские права и, соответственно, *статус индивидуума* признавались только за взрослыми состоятельными буржуа-горожанами, гражданами мужского пола, и лишь постепенно распространялись на всех остальных — женщин, бедняков и крестьян. В любом случае параллельно национальной искусственной коллективной идентичности развилась *индивидуальная идентичность*, которая бралась за социальный атом при политическом складывании нации. Буржуазные нации в отличие от этносов (архаическое общество) и от народов (традиционное общество) состояли из *индивидуумов*. На основании этой новой (исторически) нормативной фигуры сложилась концепция «*гражданского общества*».

Взятое само по себе, в отрыве от нации, гражданское общество есть социологическая абстракция, представляющая собой проект существования граждан *без* национального государства, т. е. содержание без формы. Это общество мыслится как основанное исключительно на индивидуальной идентичности, стоящее по ту сторону всех форм идентичности коллективной — этнической, народной, сословной, религиозной, и даже национальной.

Теория гражданского общества была создана Иммануилом Кантом (1724—1804). В духе пацифизма[2] и антропологического оптимизма Кант считал, что люди однажды поймут, что воевать между собой, защищая государства-нации, неразумно и что го-

[1] *Gellner E.* Nationalism.

[2] *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

раздо выгоднее и прибыльнее сотрудничать. Тогда-то и реализуется гражданское общество, основанное на разуме и морали. Идеи Канта легли в основу магистрального направления либеральной и буржуазно-демократической политико-социальной традиции.

Гражданское общество, таким образом, мыслится изначально выходящим за пределы национальных государств и противопоставляется им как формам организации, подлежащим постепенному упразднению. *Форма национальной идентичности должна уступить место идентичности исключительно индивидуальной.* И только тогда, когда мы получим общество индивидуумов, где никаких форм коллективной идентичности не останется, по мысли сторонников такого подхода воцарится «вечный мир»[1].

6.3. Идеология глобального общества и ее критика

6.3.1. Этапы становления «глобального общества», идеология «прав человека» и свобода от гендера

Если поместить концепт гражданского общества в конкретный исторический контекст, мы увидим, что это общество не может не быть глобальным, сверхнациональным, постгосударственным. То есть гражданское общество предполагает, что в результате оно обязательно станет глобальным. Поэтому мы можем рассмотреть глобальное общество как высшую форму общества гражданского, как его оптимальное и конкретное воплощение.

Глобальное общество в своем становлении проходит определенные этапы.

1. Начинается оно *с укрепления индивидуальной идентичности в рамках национальных государств*. Это называется «демократизацией» и «социальной модернизацией». Коллективная идентификация с нацией и, соответственно, с государством постепенно уступает место строго индивидуальной идентификации. Гражданское общество набирает силы. Демократические национальные государства становятся все *более* демократическими и все *менее* национальными.

2. Далее, достигшие высокого уровня демократизации и модернизации государства-нации сливаются в одно наднациональное образование, которое превращается в основу постнационального демократического *сверх-государства*. (Этот этап мы видим реализованным на практике в современном Евросоюзе.)

[1] *Кант И.* К вечному миру.

3. Наконец, все общества и государства должны достигнуть высокого уровня демократизации и объединиться в *единое мировое государство* (Global State) с единым мировым правительством (World Gouvernement). Граждане этого планетарного государства — Космополиса — будут только гражданами мира, и сам *статус гражданина будет полностью приравнен к статусу человека*. Эта идеология получила название «права человека». Она подразумевает концепт глобального гражданства или глобального общества.

«Права человека» являются *идеологией*[1]. Сам смысл этого сочетания выражает идеологические и политические позиции *либерализма* и, в обновленной форме, *неолиберализма*. Либерализм основан на принципе «свободы от» (по словам Дж. С. Милля[2]). Свобода понимается как *независимость от любой формы коллективной идентичности*. При этом вопрос, *что* должно прийти на смену этой идентичности, остается открытым. По Миллю, либералы не должны отвечать на вопрос «свобода *для* чего»? Это каждый может решать самостоятельно. Главное — разрушить связи с целым, упразднить нормативное давление целого (не важно, искусственного, как нация, исторического, как народ или спонтанного, органического, как этнос). А что на их месте построить — дело каждого «освобожденного» индивидуума.

Глобальное общество — это предельный горизонт либерального подхода, когда субъектом права начинает выступать человек в чистом виде, индивидуум, освобожденный от всех внеиндивидуальных свойств и характеристик. «Права человека», таким образом, несут в себе совершенно конкретную либеральную социальную антропологию и поэтому заключают в себе целую политическую программу: *упразднение всех форм коллективной идентичности* (национальной, как наиболее распространенной в современном мире, но и всех предшествующих — народной и этнической) и создание *глобального общества на строго индивидуалистической основе*.

С социологической точки зрения следует обратить внимание на следующий момент концепта глобального общества (как общества гражданского). Это общество отрицает любую форму коллективной идентичности — этническую, историческую, цивилизационную, культурную, сословную, национальную и т. д. Но есть еще одна форма коллективной идентичности, которая также рано или поздно должна была попасть в зону повышенного внимания идео-

---

[1] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб.:Амфора, 2010.

[2] *Милль Дж. О* свободе (1859) // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10 – 15; № 12. С. 21 – 26.

логов «прав человека». Это гендерная идентичность, принадлежность индивидуума к одному из двух полов.

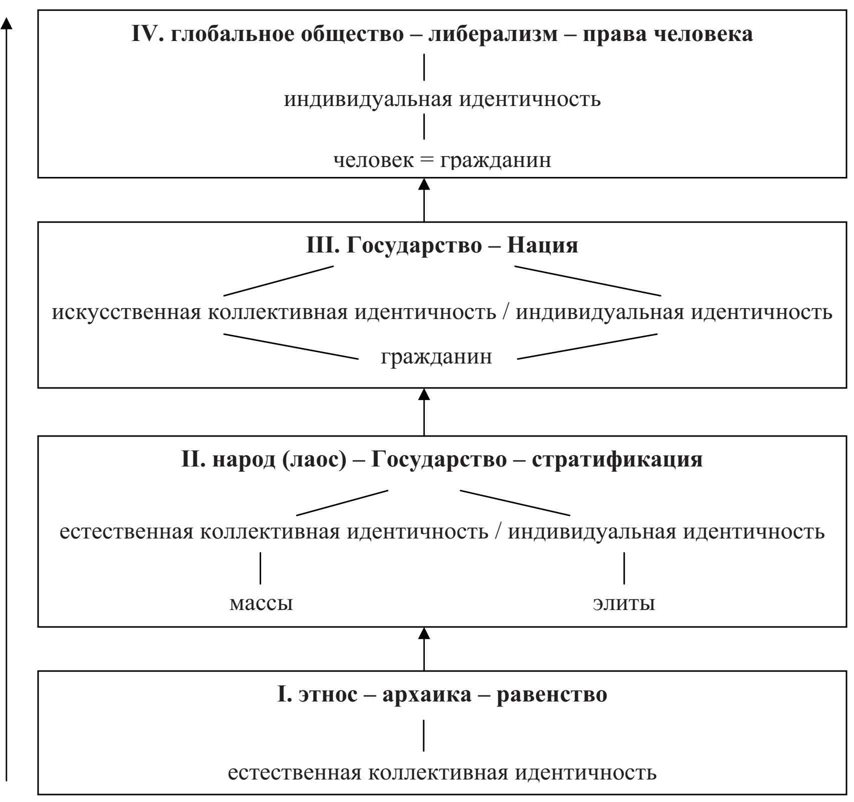

Схема 5. Трансформации коллективной идентичности от этноса к глобальному обществу

Освобождаясь от всех связей, либералы и неолибералы рано или поздно должны были поставить вопрос о *свободе от пола*. Мужчины и женщины не индивидуальное явление. И какое бы равенство полов в обществе ни царило, есть определенные социальные механизмы сегрегации, включая анатомические, которые преодолеть невозможно. Снятие гендерной идентичности, тотальная легализация и легитимация гомосексуальных отношений, а также полноправие транссексуалов и свобода трансгендерных операций (возможно, неоднократных) является не просто курьезной деталью в становлении глобального общества, но его *важнейшим программным пунктом*. Борьба за права сексуальных меньшинств есть фундаментальный политический тезис строительства глобального общества. В этом обществе должны исчезнуть не только этносы, народы, конфессии и государства, но и мужчины и женщины в привычном для нас понимании.

Таким образом, в глобальном обществе мы имеем дело с совершенно новым социологическим горизонтом, который основывается на специфическом толковании социальной, политической и антропологической истории человечества в либеральной перспективе. Наша схема показывает, что «глобальное общество» как концепт является строго идеологическим и основанным на теории однонаправленного прогресса[1], траектория которого отмечена на схеме стрелками.

Сегодня мы находимся в переходном состоянии от блока III к блоку IV (см. схему 5), и этот переход составляет сущность социологических и политических изменений нашего мира.

6.3.2. С. Николс, Х. Моравец, Р. Пепперель, Д. Харауэй, К. Хэйл: горизонт постчеловеческого общества

Теоретически вышеприведенная схема может быть дополнена еще одним V блоком, который фигурирует в некоторых авангардных социологических моделях футурологии с явным постмодернистским оттенком. Если либеральная концептуализация останавливается на «глобальном обществе» и видит в нем «конец истории», то некоторые нелиберальные теоретики и критики либерализма (постмодернисты, неомарксисты и анархисты) идут дальше и описывают возможную перспективу дальнейшего качественного изменения самой социальной природы. Мы уже сталкивались ранее с такими теоретиками в лице Делеза/Гваттари, Негри/Хардта и т. д.

Согласно постмодернистской трактовке глобализации, вслед за освобождением индивидуума от всех форм коллективной идентичности должна последовать следующая фаза, продолжающая общий вектор прогресса, направленный к достижению еще большей свободы. Эта фаза будет заключаться *в освобождении индивидуума от самого себя*, поскольку, согласно теоретикам постчеловечества, представление об индивидууме несет на себе те же «тоталитарные» ограничения и дискриминационные установки, что и предыдущие формы коллективной идентичности. Поэтому глобальное общество уступит место глобальному постобществу, состоящему из постлюдей. Постчеловечество сменит собой человечество.

В определенном смысле, эти идеи воспроизводят на новом витке марксистскую логику прогресса, согласно которой вслед за капиталистическим обществом должно прийти социалистическое и коммунистическое будущее, описанное социалистами-утопистами (Ш. Фурье, А. Сен-Симоном, Т. Оуэном и др.) в самых фантасмагорических тонах.

[1] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории.

В 1988 г. Стив Николс публикует «Манифест Пост-Человечества» (Post-Human Manifesto[1]), в котором призывает пересмотреть антропоцентрический взгляд на мир, расстаться с иллюзией того, что природа может быть осмыслена с помощью рациональных технологий человеческого рассудка и, наконец, осознать, что по сравнению с классическим представлением о человеке Возрождения мы давно уже живем в ином мире и ином обществе, которые обладают совершенно иными параметрами. С. Николс считает, что современная наука давно преодолела картезианский дуализм субъекта и объекта и, значит, представление о человеке как о телесной оболочке сознания несостоятельно. Человек есть нечто промежуточное между разумом и живой природой, и пора это признать как факт, отказавшись от логоцентризма. Вместо последнего надо мыслить мир в постгуманистическом измерении: признать, что границы индивидуума проницаемы в обоих направлениях, по аналогии с процессами осмоса в химии (когда плотная мембрана пропускает определенные вещества сквозь себя, т. е. является одновременно и проницаемой и непроницаемой). Будущая социальная система должна быть основана именно на этом принципе: индивидуума следует признать условностью, а общество — строить на постиндивидуальных принципах.

С другой стороны подходит к проблеме Хэнс Моравец[2], акцентирующий в своих работах тот факт, что развитие современной техники стоит на пороге создания аппаратов, многократно превосходящих по основным параметрам границы человеческой личности. И хотя сегодня каждый из существующих аппаратов демонстрирует свойства, превосходящие человека лишь в каких-то отдельных областях, нетрудно представить себе момент их соединения в одно целое, что делает возможным и практически неизбежным появление вида, более совершенного, нежели человек — будь то робот, вычислительная машина или продукт генной мутации. Стремление к совершенствованию себя самого привело человека к критической черте, где ему предстоит теперь усовершенствовать свой вид, считает Х. Моравец. Следовательно, общество роботов является не фантастической гипотезой, но будничным явлением завтрашнего дня.

В 1995 г. американский публицист и философ-постмодернист Роберт Пепперель придал этому направлению развернутый философский аппарат в книге «Постчеловеческие условия»[3]. Основная

---

[1] *Nichols S.* Post-Human Manifesto — www. posthuman. org. 2003. [Электроынный ресурс] URL: http://www. posthuman. org/ (дата обращения — 04.07.2007).

[2] *Moravec H.* Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

[3] *Pepperell R.* The Posthuman Condition. Oxford: Intellect, 1995.

идея Р. Пеппереля состоит в необходимости отказаться от представления о сознании как о функции головного мозга, как считает позитивистская материалистическая философия, являющаяся нормативной базой современного научного подхода к проблеме сознания. Сознание есть форма энергии, которая конденсируется в человеке, но существует и вне его. Сознание воспринимает вещи обособленными, но само по себе оно не может рассматриваться как обособленная вещь, поэтому необходимо подойти к сознанию изнутри, как оно есть, а это значит отказаться от индивидуального и рационального представления о человеке, восприняв его как *момент непрерывного трансчеловеческого процесса*. На этом принципе и следует строить общество будущего — в нем надо ставить в центр не человека, но сложный энергетический поток, неразложимый на атомы. Эти идеи напоминают концепт «ризомы» Ж. Делеза.

Еще дальше идет американская феминистка Донна Харауэй, утверждающая в своем «Манифесте Киборга»[1] необходимость сращивания человека с аппаратами. Этот процесс Д. Харауэй считает неизбежным и желательным, поскольку сам человеческий организм с его упорядоченной вертикальной симметрией является «тоталитарной» структурой, репрессирующей телесные желания. Преодоление этой репрессивной структуры возможно только через радикальную трансформации всей формы тела, усовершенствования определенных органов с помощью технических средств и генной мутации человечества в сторону более гибкой постчеловеческой телесности. «Киборг» становится философской метафорой для преодоления всех дуалистических расколов и дифференциаций, на которых, для марксистки и феминистки Донны Харауэй, строится вся структура общества, состоящая из отчуждений, границ и репрессий. Киборг есть трансгрессия между человеком и машиной, техникой и природой, индивидуумом и обществом, мужчиной и женщиной. По модели трансгрессии должно строиться общество XXI в.

Идею Донны Харауэй подхватывает литературный критик Кэтрин Хэйл. В своей книге «Как стать постчеловеком»[2] она анализирует, как процессы развития потоков информации в мире постмодерна минимализируют телесность и делают ее «гипотетической», «воображаемой», «игровой»; как рушится либеральная антропологическая и рациональная модель индивидуального субъекта, доминировавшая в Новое время, и как происходит формирование киборга как нового актора глобального мира. Киборг у Кэтрин Хэйли

---

[1] *Haraway Donna*. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century//Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991.С. 149 – 181.

[2] *Hayles Katherine N.* How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University Of Chicago Press, 1999.

воплощает в себе постчеловека, в котором субъектность является игровой и переменной, который движется в информационных потоках, произвольно меняя свою телесность, и который помимо зловещих черт, пугающих наших современников, может иметь и позитивную сторону, расширяющую границы жизненного опыта.

Можно свести эти разнообразные идеи в общую схему трансформации коллективной идентичности, которая будет дополнена еще одним уровнем (схема 6). Эти идеи могут показаться абсурдными и относящимися к области чистой фантастики. И это вполне понятно, т. к. мы находимся сегодня на стадии перехода к глобальному обществу от обществ, организованным по принципу национальных государств, и поэтому посмотреть на уровень дальше нам довольно трудно. Но здесь есть одна социологическая деталь. Вся схема, кроме последнего, пятого (V) уровня, принимается в качестве единственной рабочей модели для осмысления логики исторического процесса практически всеми научными школами, т. е. является абсолютно конвенциональной и парадигмально предопределяющей структуры гуманитарного знания. Анализ этой схемы показывает, что исторический процесс совпадает с *освобождением индивидуума от коллективной идентичности,* причем это осознается как «благо», достижение «новых горизонтов» и открытие новых динамических перспектив. На этом основана убежденность в появлении глобального общества, в его неизбежности и желательности. То есть глобальное общество есть императив исторического прогресса, осмысленного в духе Нового времени. Но если принять это, то вполне естественным станет и следующий логический шаг: а почему бы не задаться целью следующего этапа освобождения человека?

Если индивидуум в ходе истории, осмысленной в рамках либеральной идеологии, постоянно совершал акты трансгрессии, пересечения границ сквозь разные формы коллективной идентичности вплоть до национальной принадлежности, почему бы не совершить еще один акт трансгрессии и не преодолеть индивидуальную идентичность в пользу новой, «постиндивидуальной» или «дивидуальной»[1],то есть «делимой» инстанции («individuum» на латыни «неделимый», «dividuum» — «делимый»)?! Продолжив эту траекторию, мы не сможем уйти от этого вывода, и в поисках свободы рано или поздно перейдем к постобществу.

Поэтому при всей экстравагантности постмодернистских теорий относительно «постобщества» и «постчеловечества» определенная логика в них есть. Не случайно они становятся на Западе все

---

[1] *Дугин А.Г.* Постфилософия. М.: Международное «Евразийское Движение», 2009; *Он же*. Радикальный субъект и его дубль. М.: Международное «Евразийское Движение», 2009.

более популярными, а в философской сфере аналогичные концепты давно завоевали чуть ли не центральное место в общем дискурсе.

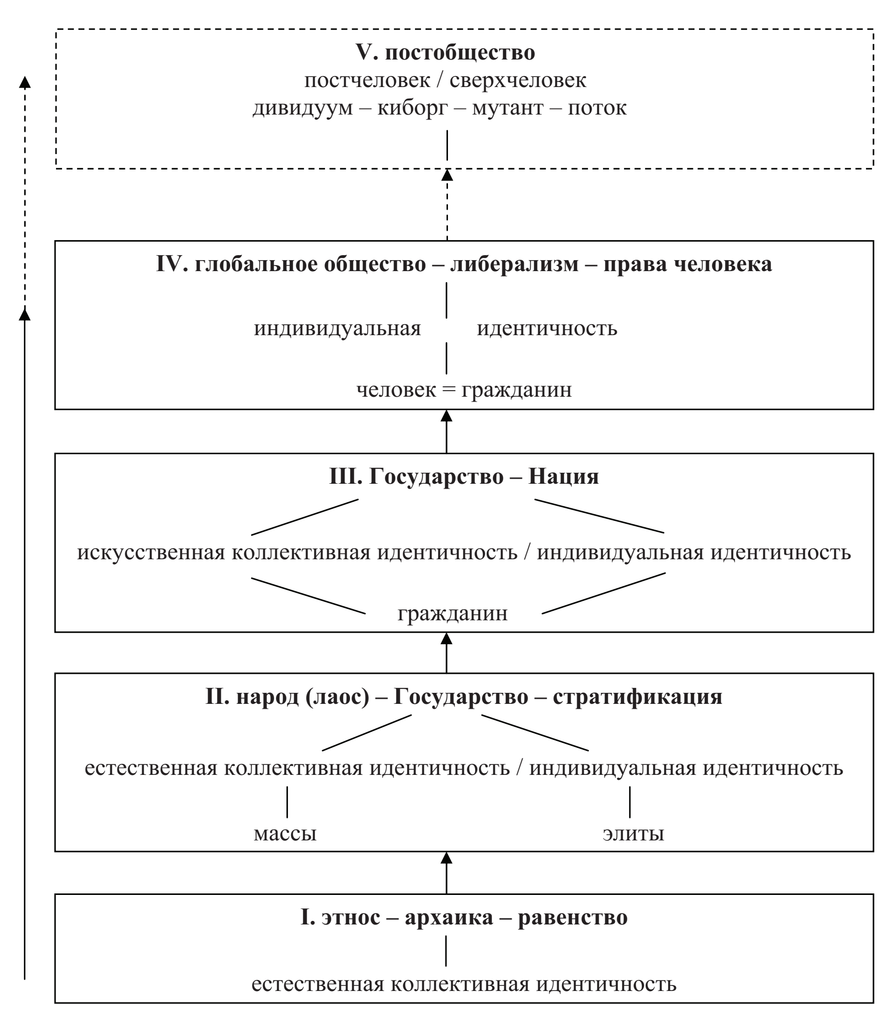

Схема 6. Этапы социальных трансформаций с учетом гипотезы постобщества

6.3.3. Критика концепта глобального общества

Рассмотрим теперь возможности критической оценки концепта «глобального общества». Схема 5 помогает нам понять, откуда эта критика может исходить.

Начнем с нижних этажей. Если представителя архаической этнической группы корректно опросить, *хотел* ли бы он оказаться в глобальном обществе, постаравшись при этом передать, что будет

происходить с его идентичностью на разных этапах исторического продвижения к нему («расколдовывание мира»[1], разрыв связей, объективация природы, взятие индивидуальной ответственности и т. д.), он скорее всего ответил бы отрицательно. Это подчеркивают практически все культурные антропологи, близко изучавшие архаические народы. И если по тем или иным причинам в ходе глобализации где-то (как показали представители *теории «мировой культуры»* — Р. Робертсон и др.) будет повышаться значение локальных этнических факторов, то остатки «folk-society» или вернувшиеся к *этносу* осколки вчерашних национальных государств скажут «глобализации» и «глобальному обществу» решительное «нет», как сказали бы «нет» пришельцам или увозу в рабство жертв колонизации.

Гораздо более осмысленное и решительное «нет» глобализации сказали бы полноценные исторические народы и цивилизации, объединенные либо религиозным, либо любым другим интегрирующим началом. Именно это хочет сказать С. Хантингтон, когда предсказывает «столкновение цивилизаций». Если спросить у сознательных представителей исламской, православной или китайской цивилизации, хотят ли они вступить в «глобальное общество», последует строго артикулированный отказ — настолько артикулированный, что миллионы мусульман берут в руки оружие, чтобы противодействовать США и «глобализации» не словами, а делом.

Национальные государства, не желающие добровольно передавать свои полномочия «мировому правительству» и отказываться от своей политической монополии над обществом, помещенным в национальные границы, также отнесутся к проекту «глобального общества» критически, поскольку для значительного процента государственного чиновничества это будет равнозначно утрате социального статуса. К этому следует добавить и укоренившуюся национальную идентичность в массах, на которой правительствам стремящихся уйти от глобализации стран будет легко играть.

Так как глобальное общество строится по либеральной модели и основывается на парадигме либеральной идеологии, то «против» будут выступать и представители антилиберальных и нелиберальных политических идеологий — «левых» или националистически ориентированных. У марксистов, анархистов и других «левых» есть свои взгляды на глобализацию, и их протест будет относительным, но «морально» «глобальное общество» в либеральной версии они безусловно осуждают.

И, наконец, сторонники постобщества, постмодернисты также могут критиковать «глобальное общество» хотя бы за то, что оно

[1] *Weber M.* Wissenschaft als Beruf 1917/1919. Politik als Beruf 1919. Tubingen: Wolfgang J. Mommsen and Wolfgang Schluchter, 1992.

«слишком старомодно и архаично» и оперирует в более не актуальной системе координат.

Этими принципиальными установками определяется критика «глобального общества» и протесты против его установления. Если принять на веру либеральную версию теории прогресса, то можно объяснить критику в отношении глобализации и глобального общества борьбой «старого против нового», сопротивлением консерваторов модернистам, противостоянием реакционных и прогрессивных социальных сил, а также (если учитывать критику «глобализма» «слева») экстремистским желанием забежать вперед и форсировать «эволюционный ход истории». Однако, если не принимать этой версии и теории прогресса в целом, то отказ от «глобального общества» и «глобализма» можно считать выражением свободной и осознанной позиции, коренящейся в мировоззрении, отличном от западного (например, в религиозном, традиционном, архаическом, национальном и т. д.).

Сторонники «глобального общества» стремятся выдать его за нечто безальтернативное. Но это уже не научная, а пропагандистская, идеологическая составляющая «глобализма». С научной точки зрения это не более чем концепт, а значит, как и любой другой концепт,он подлежит критике, рассматривается как нечто относительное и может быть отброшен.

Далее мы переходим к рассмотрению тех кругов и организаций, которые рассматривают глобализацию и построение глобального общества как основу своей стратегии, как проект, как исторический замысел. В их случае мы имеем дело с *идеологией*, т. е. с сознательным и волевым *императивом*.

Глава 7

МОНДИАЛИЗМ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

7.1. Феномен мондиализма

7.1.1. Определение «мондиализма»

Рассмотрим те организации, группы влияния и движения, которые исторически являлись идейным центром глобализма.

В политологической литературе иногда принято различать по сути тождественные понятия: «глобализм» (от английского «the globe», «шар», подразумевается «земной шар») и «мондиализм» (от французского «le monde» — «мир»), которые приняты, соответственно, в англоязычной и франкоязычной аудиториях. Так как английский язык распространен повсеместно, наиболее употребимым стал термин «глобализм», хотя французы предпочитают термин «мондиализм». Вне франкоязычного контекста термин «мондиализм» получил дополнительное значение с оттенком негатива и осуждения. И поэтому когда речь заходит не о самом процессе глобализации и не о социологических и политологических теориях глобализации, а об организациях, и особенно секретных организациях, лоббирующих «глобализм», принято использовать термин «мондиализм». Итак, мы обращаемся к явлению «мондиализма», понимая под ним:

- *теории и концепции*, настаивающие на *необходимости* объединения всего человечество в единое «глобальное общество» и придающие этим проектам целиком *позитивное и нормативное* значение (глобализация рассматривается как ценность, как нечто *желательное* и *императивное*);
- *организации*, которые ставят своей задачей воплотить проекты глобализации в жизнь, объединить человечество в единое мировое государство под управлением единого «мирового правительства».

7.1.2. Э. Пуля, Ж.-П. Лоран: конспирология как социологическое явление

Рассмотрение темы «мондиализма» осложняется тем, что она довольно слабо изучена методами классической социологии, и на-

против, подверглась нещадной эксплуатации сторонниками «теории заговора», строящих относительно «мирового правительства» и «тайных обществ» самые невероятные фантасмагории. Сами по себе «теории заговора» тоже могут быть подвергнуты социологическому анализу, как и любой другой социальный феномен. При этом надо лишь помнить, что есть существенное различие между психиатром, системно изучающим явление психического заболевания, и пациентом, этим заболеванием страдающим.

Анализом социологии «теории заговора» системно занимается группа французских социологов из Сорбонны, объединенных в ассоциацию «Politica Hermetica»[1] под руководством профессора Эмиля Пуля[2] и профессора Жан-Пьер Лорана[3]. С их точки зрения «вера в заговор» является чрезвычайно широким социальным явлением, свойственным не только традиционному, но и современному обществу.

Конспирологи, обращаясь к сфере «тайного», «скрытого», «неявного», дают свободу воображению, вскрывая структуры бессознательного, механику «социальных мифов», что имеет особую ценность для социолога, исследующего эти закономерности. Но для рационального, научного объяснения тех фактов или явлений, которые конспирологи пытаются истолковать, их построения имеют довольно малую ценность[4]. Поэтому для рассмотрения темы «мондиализма» научными средствами довольно мало достоверного материала, на который можно без опасения опираться. Ниже мы приведем только те сведения и реконструкции, которые прошли проверку рациональным методом исторической и социологической верификации.

7.2. Истоки мондиализма

7.2.1. Ф. Йейтс: «розенкрейцеровское просвещение»

Истоки «мондиализма» следует искать на заре Нового времени. Будучи феноменом Модерна, вне его рамок и его парадигмы «мондиализм» теряет свой смысл. До Нового времени идея объединения человечества воплощалась в *принципе империи* и в *мировых религиях*, которые часто объединялись в единое целое, и глобализация, как мы показали ранее, носила имперский характер (мы назва-

[1] Сайт организации в сети Интернет: http://www. politicahermetica. com/ (дата обращения 19.08.2010).

[2] *Poulat Émile.* Notre laïcité publique. Paris: Berg international, 2003; *Idem.* L'université devant la mystique. Paris: Salvator, 1999.

[3] *Laurant Jean-Pierre.* Le Regard ésotérique. Paris: Bayard, 2001.

[4] См. *Дугин А.Г.* Конспирология. М.: РОФ «Евразия», 2005.

ли это «*второй формой глобализма*»). В центре парадигмы Модерна в политической сфере стоял антиимперский принцип, усиленный принципом антикатолическим. Империи противопоставлялось суверенное национальное государство, а против католического универсализма выдвигались принципы секуляризма, веротерпимости, свободы вероисповедания. Парадигма традиционного общества (Средневековье), отличительными признаками которого была нормативная социальная религия, имперский принцип и сословная иерархия, сменялась в Модерне парадигмой «общества современного», секулярного, организованного в национальные государства, с доминацией третьего сословия (буржуазная демократия).

«Мондиализм» зарождался в культурной и идейной атмосфере, жестко противостоящей принципу империи и имперского универсализма. Он возникает в Новое время и поэтому является феноменом «современным» (в социологическом смысле этого слова).

Организацией или, точнее, сетью организаций, ставшей инструментальным рычагом реализации парадигмы Модерна, начиная с XVIII века, было европейское *масонство*, а на предыдущих этапах — «Орден Розенкрейцеров» и ряд герметических кружков, увлеченных неоплатонизмом и его ответвлениями[1]. Авторитетная британская исследовательница этого направления в XVI—XVII вв. Франсес Йейтс (1899—1981) тщательно проследила формирование идеи специфического «розенкрейцеровского», а позднее масонского универсализма и собственно «мондиализма», которые были направлены против средневекового католицизма и консервативных политических режимов Европы (особенно против феодальной Испании и Тридентского собора 1545 г., с которого стартовала европейская контрреформация, чьим апофеозом стала тридцатилетняя война 1618—1648 гг.). «Розенкрейцеры», а позднее масоны сформулировали идею «объединения человечества» (тогда человечество отождествлялось с Европой, а значит, речь шла об «объединении Европы») на принципиально новых началах. Вместо католической идентификации или строгой приверженности какому-то одному направлению в протестантизме предлагалось обобщенное «христианство» с размытыми принципами, а то и вовсе возврат к древним культам Гермеса Трисмегиста, древнегреческому язычеству, искусственно выстроенным неоплатоническим ритуалам или к своеобразно понятой «ветхозаветной» и «каббалистической» традиции. Большой интерес был к магии, алхимии и другим «оккультным» наукам.

Свои идеи эти «тайные организации» стремились осуществить на практике, для чего входили в сношения с королевскими домами

---

[1] *Йейтс Ф.* Розенкрейцеровское просвещение. М.: Алетейа; Энигма, 1999; *Она же.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Европы, пытались примирить католиков и протестантов, распространяли свои идеи среди ученых, интеллектуалов и философов. Влияние «розенкрейцеров» и масонов на эпоху Просвещения было огромным, и трудно назвать хотя бы одного из ярких деятелей этого периода, — от Вольтера до Гете, от Руссо до Байрона, — который не был бы масоном. Поэтому Ф. Йейтс и назвала свою книгу «Розенкрейцеровское Просвещение»[1], где речь идет не о каком-то особом «Просвещении», но о широком и общеизвестном явлении европейской истории, чьи «оккультные» корни, как правило, серьезные исследователи обходят стороной[2].

Таким образом, «мондиализм» изначально сформировался как социально-политический проект в среде европейских «мистических» организаций, исповедовавших идею построения «нового мира», основанного на торжестве разума, справедливости, мира, равенства и свободы. Эти идеи переплетались с теориями средневекового монаха Иаохима де Флоры, который развил учение о «Царстве Святого Духа» или «Третьем Царстве», которое должно наступить в конце времен, после «Царства Отца» (которое он соотносил с ветхозаветным периодом) и «Царства Сына» (соотносимого с периодом Нового Завета) [3]. Это «Третье Царство» описывалось как прямое открытие нового и полного знания, как отмена сословных разграничений и уничтожение несправедливостей. Эта тенденция была созвучна настроениям средневековых ересей катаров, альбигойцев, а также некоторым радикальным протестантским сектам — таким, например, как секта Томаса Мюнцера.

Идеи Иоахима де Флоры повлияли на Томмазо Кампанеллу, Джордано Бруно и других утопистов, с одной стороны, а с другой стороны, нашли поддержку и у творцов современной научной картины мира, которые увидели в них первые формулировки идеи прогресса. Легко распознать в этих теориях зачатки революционных идей.

Важно заметить, что идея «империи разума» вызревала *параллельно* разделению Европы на соперничающие и враждующие друг с другом национальные государства. Она сосуществовала с европейским национализмом, но была направлена на его преодоление: национальные государства казались меньшим злом, нежели империя или католичество, но не вполне соответствовали «монди-

---

[1] *Йейтс Ф.* Розенкрейцеровское просвещение.

[2] В свою очередь, историк религий Мирча Элиаде отмечал то огромное значение, которое на формирование рациональной науки и светской культуры Нового времени оказали герметические учения и алхимические практики. См.: *Элиаде М.* Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев: «София»; М.: ИД «Гелиос», 2002.

[3] *Cohn Norman.* The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. London; New York: Oxford University Press, 1957.

алистскому проекту». Просвещая властителей и постепенно реформируя общественный уклад, масоны надеялись рано или поздно прийти к реализации своего идеала — построения «Единой Европы», что в их глазах было тождественно созданию «мирового государства».

Соединенные Штаты Америки были построены именно на этом принципе «империи разума», и неслучайно многие президенты этой страны были членами масонских лож[1]. Память об этом запечатлена на украшающей американский доллар масонской пирамиде с глазом в треугольнике, символизирующем Великого Архитектора Вселенной.

Связь мондиализма с масонством сохранилась вплоть до настоящего времени, но значение мистических доктрин, символов и обрядов в современном масонстве настолько снизилось, что в некоторых случаях ложи превратились в обычные закрытые клубы — такие, как Rotary club или Lions club, где не осталось ни «мистики», ни «ритуалов». Начиная с XIX в., мондиализм стал постепенно обретать более «светские» черты, а его связь с масонскими организациями становилась больше данью традиции, нежели принципиальным моментом.

И тем не менее перед нами историко-социологический факт: идеи объединения человечества на принципах свободы, равенства, братства, прогресса и прав человека («Права Человека» — название смешанной масонской ложи, куда впервые стали допускать женщин — «Grande Loge Symbolique Ecossaise Mixte de France Le Droit Humain») были изначально сформированы в среде европейского масонства и оттуда распространялись на все более широкие круги общества, пока не обрели достаточную степень автономности. Врагом мондиализма постепенно становился «*национализм*», нежелание национальных государств уступать свои полномочия сверхнациональным инстанциям, какими бы благородными, мирными и разумными целями они ни вдохновлялись.

7.2.2. Фритрейдерство и пацифизм: глобальные горизонты

В XIX в. организации, ставящие перед собой цели объединения человечества в единое государство, постепенно выходят из зоны

[1] Официальный список президентов-масонов США: Джордж Вашингтон (1732—1799), Джеймс Монро (1758—1831), Эндрю Джэксон (1767—1845), Джеймс Ноук Полк (1795—1849), Джеймс Бьюкенен (1791—1868), Эндрью Джонсон (1808—1875), Джеймс Абрам Гарфилд (1831—1881), Уильям Макинли (1843—1901), Теодор Рузвельт (1858—1919), Уильям Говард Тафт (1857—1930), Уоррен Гамалиил Хардинг (1865—1923), Франклин Делано Рузвельт (1882—1945), Гарри Труман (1884—1972), Джеральд Рудольф Форд (1913—2006), а также более, чем вероятно Томас Джефферсон (174—1826) и Джэймс Мэдисон (1751—1836). — По материалам сайта Музей американского масонства. — http://www. pagrandlodge. org/mlam/museum. html.

«тайных обществ» и начинают действовать более или менее открыто. Как правило, в этот период они выступают в форме леволиберальных и революционно-демократических политических движений и партий. Среди деятелей такого толка можно выделить фигуру американского политика и изобретателя Клинтона Рузвельта (1804—1898), автора работы «Наука управления, основанная на естественном законе»[1], в которой выдвигается идея «единого мирового управления», а также американского издателя и реформатора Горация Грили[2] (1811—1872), директора «New York Tribune», лондонским корреспондентом которой был Карл Маркс.

Параллельно либеральным реформаторам, развивавшим мондиалистские проекты, действовали и ранние *пацифистские* организации. В сороковых годах XIX в. в Англии Генри Ричардом[3] (1812—1888) создается «Общество за Мир», в котором участвуют крупный промышленник и либеральный политик Ричард Кобден[4] (1804—1865), впервые предложивший проект единой всемирной системы арбитража и глобального свободного обмена, и либеральный политический деятель Джон Брайт[5] (1811—1889), основавший «Европейское движение свободного обмена», позже преобразованное в «Интернационалистское движение». «Это изменение означало фундаментальный прогресс, именно тогда подлинный интернационализм, основанный на теории мирового правительства, вышел на первый план», — пишет историк пацифистского движения Артур Билс[6].

7.2.3. Фабианское общество

В 1884 г. мондиализм делает важный шаг к своему организационному оформлению — образуется «Фабианское Общество». Название дано по имени римского генерала Квинтуса Фабиуса Максимуса, известного своей хитрой выжидательной политикой в борьбе с Ганнибалом. Члены этого общества считали себя «ассоциацией социалистов». В их задачу входила «передача земли и собственности от одного класса всему обществу во имя его же блага». Детальный и компетентный обзор раннего периода «Фабианского

---

1 *Roosevelt C.* The science of government, founded on natural law. New York: Dean & Trevett, 1841.

2 *Lunde Erik S.* Horace Greeley. Boston: GK Hall and Co., 1981.

3 *Richard H.* The Recent Progress of International Arbitration. London, 1884.

4 *McGilchrist John.* Richard Cobden. The Apostle of Free Trade. New York: Harper & Brothers, 1865.

5 *Leech H. J. (ed.).* The public letters of the Right Hon. John Bright. London: Low, Marston & Co., 1895.

6 *Beales Arthur C. F.* The history of peace; a short account of the organised movements for international peace. New York: Garland Pub., 1971.

общества» можно найти в работе члена этого общества социалиста Эдварда Пиза (1857—1955)[1].

Общество было учреждено английским врачом и либеральным реформатором Хэвлоком Эллисом (1859— — 1939), шотландским поэтом Джоном Дэвидсоном (1857—1909), английским философом и антропологом Эдвардом Карпентером (1844—1929). Его членами в разные периоды были представители английской интеллектуальной элиты: драматург Бернард Шоу, философ Бертран Рассел, писатель-фантаст Герберт Уэллс, Леонард Вулф и Вирджиния Вулф, Сидни Оливер, Эдит Несбит, Хьюберт Блант, Рэмси МакДональд, Эмили Панкхорст и другие.

Фабианцы, в отличие от других социалистов, считали, что самой лучшей тактикой будет выжидание подходящего момента для решительных действий, проведение аналитических исследований, накапливание данных, разработка теорий, распространение тонкого влияния, «подготовка социалистического климата», а поэтому акцент в их деятельности падал на сбор и анализ информации. «Фабианское общество» состояло из представителей интеллектуальной элиты, но поддерживалось определенными кругами крупной английской буржуазии, которые считали, что для сохранения капиталистической системы необходимо включать в число средних и мелких собственников все большие слои населения, т. е. перераспределять собственность и ограничивать всевластие крупного капитала. Именно такая тактика, по их мнению, позволила бы избежать обострения социальных противоречий и революций. К социализму «фабианцы» предлагали идти не снизу и резко (как коммунисты), но сверху и постепенно, путем эволюции, а не революции. Для перераспределения собственности необходим был государственный контроль над экономикой, а, учитывая интернациональную природу мировой экономики, этот контроль должен был быть также мирового масштаба. Отсюда напрямую вытекал мондиалистский проект.

Герберт Уэллс изложил технику осуществления последовательных шагов, направленных на создание «мирового правительства», в тексте с парадоксальным названием «Open conspiracy»[2], что по смыслу можно перевести как «Открытый заговор» или «Заговор у всех на виду».

Благодаря связям «Фабианского общества» с политической элитой и дискретному участию в нем крупных промышленных магнатов Великобритании оно в скором времени стало интеллектуальным и политическим центром продвижения мондиалистского проекта.

---

[1] *Pease E.* A History of the Fabian Society. New York: E.P. Dutton & Cjmpany, 1916

[2] *Wells H. G.* The Open Conspiracy and Other Writings. London: Waterlow & Sons, 1933.

Уже в наше время членами «Фабианского общества» являются бывшие британские премьеры Энтони Блэр и Гордон Браун, министр иностранных дел Великобритании Эдвард Миллибэнд и многие другие. В рамках «Фабианского общества» в настоящее время существует отдельная группа, которая приоритетно занимается продвижением мондиализма и глобализации («Фабианская группа глобализации»), опубликовавшая в 2005 г. Манифест глобализации «Просто мир»[1] («Just World»).

7.2.4. К. Квигли: история общества «Круглого Стола»

Параллельно интеллектуальному «Фабианскому обществу», где фронтальными фигурами были деятели культуры и науки, а также политические активисты левой, лейбористской ориентации, в 1891 г. было основано еще одно влиятельное мондиалистское общество мирового размаха «Общество избранных» («Society of the Elect»), получившее несколько позже, в 1909 г., название «Круглый стол» (Round Table). Его создателями были крупнейший английский промышленник, магнат, основатель компании De Beers, радикальный англосаксонский империалист и активный масон Сэсил Роудс (1853—1902), а также лорд Альфред Мильнер (1854—1925), журналист и издатель Уильям Стид (1849—1912) и лорд Натаниэль М. Ротшильд (1840—1915). Общество было организовано по примеру Ордена иезуитов. Во главе стоял «генерал Общества», которым был сам С. Роудс, а У. Стид и Н. Ротшильд были назначены его преемниками. Далее следовала «Хунта трех», включающая У. Стида, А. Мильнера и лорда Эшера Реджинальда Балиола Бретта (1852—1930), далее «Круг Посвященных» (куда входили кардинал Маннинг, лорд Артур Бальфур, Гарри Джонстон и другие), а вокруг него — «Ассоциация Помощников». Эту «Ассоциацию Помощников» Альферд Мильнер спустя 7 лет после смерти Сесила Роудса оформил в общество «Круглого Стола». Историю этой организации и описание ее влияния на политическую историю XX в. подробно представил американский профессор истории и международных отношений Джорджтаунского университета, исследовавший этапы реализации глобалистского (мондиалистского) проекта, Кэрол Квигли (1910—1977) [2].

Сэсил Роудс исповедовал идею, что Великобритания вместе с США должна создать «мировую федерацию»: он был убежден, что только англосаксонское общество обладает ключом к универсальному управлению миром. Так, сам Роудс создал мощную экономи-

[1] Just World: A Fabian Manifesto. London: Zed Books Ltd, 2005.

[2] *Quigley Carroll*. Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. New York: The Macmillan Company, 1966.

ческую империю в Южной Африке и был вдохновителем и спонсором англо-бурской войны.

По словам биографа Сесила Роудса Сары Милин, его замысел состоял в следующем: «Почему бы не создать тайное общество с одной целью: продвижение интересов Британской Империи и приведение всего нецивилизованного мира под британское владычество для возрождения Соединенных Штатов и построения англосаксонской расой единой империи. Это мечта, но она возможна, и даже вполне вероятна» [1]. Важно, что Роудс и его последователи Стид, Мильнер, Бальфур и другие полагали, что интеграция мира неизбежна, и рано или поздно обязательно произойдет, но стремились при этом сделать так, чтобы «мировая федерация» была построена на основе англосаксонских ценностей и интересов.

К 1915 г. филиалы общества «Круглого Стола» существовали в Англии, Южной Африке, Канаде, Австралии, Индии и США. В американский филиал входили многие известные деятели — Джордж Луи Бир, Уолтер Липпман, Фрэнк Айделотт, Уитни Шепардсон, Томас Ламонт, Эрвин Кэнхэм и другие. Организация существует и в наше время и издает регулярный журнал «Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs»[2].

С. Роудс основал образовательные курсы с поощрительной стипендией в Оксфорде, призванные готовить интеллектуальные и управленческие кадры мировой англосаксонской элиты. Эти курсы действуют до сих пор.

7.3. Современные структуры мондиализма

7.3.1. Бильдербергский клуб и дело жизни Дэвида Рокфеллера

Еще одна организация, задачей которой изначально являлось установление «мирового правительство» и реализация мондиалистского проекта — Бильдербергский клуб (известная также как «Бильдербергская группа или Бильдербергская конференция»), учрежденная в 1954 г. и названная так по имени отеля в Нидерландах, где клуб был основан[3]. Первое время заседания этого закрытого клуба проходили в обстановке строгой секретности, и скупые детали, просачивавщиеся в прессу, способствовали тому, что вокруг этой организации как снежный ком росли всевозможные мифы и

[1] *Millin Sarah Gertrude*. Rhodes. London: Chatto & Windus, 1952. С. 32.

[2] http://www. moot. org.uk/index. asp.

[3] *Hatch A.* The Hôtel de Bilderberg. H.R.H. Prince Bernhard of the Netherlands: An authorized biography. London: Harrap, 1962.

«теории заговора»[1]. Официальные же участники хранили полное молчание, и были периоды, когда само существование Бильдербергского клуба ставилось под сомнение.

Постепенно завеса тайны несколько рассеялась, и появились более взвешенные и объективные оценки. Бильдербергский клуб — реальная организация, созданная по инициативе польского политического деятеля и активиста европейского масонского движения Йозефа Ретингера (1888—1960), основателя «Европейского Движения» и борца за создание «Европейского Союза». Поводом к созыву Бильдебергской конференции послужил рост антиамериканских настроений в послевоенной Европе и опасения определенного сектора западноевропейской элиты, что этим может воспользоваться СССР для усиления своего политической влияния в Европе[2]. Для этого было решено созвать на неофициальную встречу представителей политических верхов США и некоторых европейских стран, чтобы обсудить ситуацию и начать реализовывать проект по укреплению связей внутри атлантического сообщества (страны НАТО). Сам Й. Ретингер, будучи убежденным сторонником мондиализма, считал, что в перспективе речь должна идти о создании единого атлантического американо-европейского государства, которое станет центром мира и выстроит вокруг себя всю планетарную политическую структуру. Для этого было необходимо разрушить советский блок и СССР.

На учредительной конференции было решено подняться выше как партийных (правых и левых) убеждений, так и национального эгоизма, и рассмотреть ситуацию в общемировой перспективе — с позиций западной цивилизации в целом. Ретингер пригласил в новую организацию нидерландского принца Бернарда де Липе и премьер-министра Бельгии Пауля Ван Зееланда. Идею поддержал глава ЦРУ США Уолтер Беддел Смит, и по поручению президента Дуайта Эйзенхауера его советником Чарльзом Дугласом Джексоном была сформирована американская делегация в составе одиннадцати человек.

В нее среди прочих вошел известный банкир Дэвид Рокфеллер, который и ранее был одним из самых последовательных сторонников мондиализма, мировой интеграции и создания «мирового правительства». С 1949 г. он стал директором CFR (Counsil on Foreign Relations), был его бессменным председателем с 1970 по 1985 год, и до сих пор остается его почетным главой (о CFR подробно см. в разделе об атлантизме). Позже Дэвид Рокфеллер создал на основании

---

[1] Например: *Eringer R.* The Global Manipulators. Bristol: Pentacle Books. 1980

[2] *Estulin D.* The True Story of the Bilderberg Group. Oregon, United States of America: Trine Day, 2007.

CFR «Трехстороннюю комиссию»[1] для решения сходных задач, с той лишь разницей, что члены Бильдербергского клуба ограничивали свой горизонт американо-европейской стратегической интеграцией, а Д. Рокфеллер в духе наиболее последовательного мондиализма настаивал на включении представителей Тихоокеанского региона (Японии).

Семья Д. Рокфеллера, начиная с 1920-х гг., была активно вовлечена в реализацию глобальных геополитических проектов, направленных на мировую англосаксонскую доминацию, и играла активную роль в учреждении CFR во время Парижской мирной конференции. Сам Дэвид Рокфеллер еще со времен обучения в колледже был тесно связан с братьями Даллесами — сенатором Джоном Форстером Даллесом и главой ЦРУ Аленом Даллесом. В кабинете № 3603 «Рокфеллер Центра» после событий Перл Харбора Ален Даллес разместил оперативный разведывательный центр, тесно взаимодействующий с английской разведкой MI 6, что стало основой для создания США Центрального Разведывательного Управления.

Тесные связи Дэвид Рокфеллер поддерживал с другим директором ЦРУ, Ричардом Хелмсом, и Уильямом Банди, ведущим аналитиком ЦРУ в 1950-е гг.. По свидетельству некоторых высокопоставленных сотрудников ЦРУ, Д. Рокфеллер был в курсе всех основных стратегических операций американской разведки, о которых ему регулярно докладывали по поручению А. Даллеса. А во многих операциях он лично принимал участие. Так, большую роль он сыграл в лоббировании предоставления шаху Ирана Мухаммед Реза Пехлеви политического убежища в США. Конфиденциально встречался он с Фиделем Кастро, Никитой Хрущевым, Саддамом Хусейном и Михаилом Горбачевым.

Сам Д. Рокфеллер в своих воспоминаниях писал в 2002 г.: «Уже более столетия идеологические экстремисты всех полюсов политического спектра хватаются за общеизвестные случаи, — такие, как мои встречи с Фиделем Кастро, — чтобы обвинить семью Рокфеллеров в том, что она заполучила огромное влияние на американские политические и экономические институты. Кое-кто думает, что мы — часть тайной организации, которая работает против интересов США. И тогда меня и мою семью называют «интернационалистами», находящимися в сговоре с другими лицами по всему миру с тем, чтобы построить более интегрированную глобальную политическую и экономическую структуру — единый мир (one world), если хотите. Если меня обвиняют в этом, то я признаю себя виновным и горд этим»[2].

---

[1] *Gill S.* American Hegemony and the Trilateral Commission. Boston: Cambridge University Press, 1991.

[2] *Rockefeller D.* Memoirs. New York: Random House, 2002. C. 405.

В состав Бильдербергской группы вошли также пятьдесят представителей одиннадцати западноевропейских стран.

Задачи Бильдеребргского клуба состояли:

- в реализации интеграции западного мира (Европы и Америки) в атлантическое сообщество;
- в более эффективном противостоянии «советской угрозе»;
- в создании координационного центра по согласованной стратегии стран Запада в построении интегрированной политической, социальной и экономической системы в мировом масштабе.

После первой встречи, признанной ее участниками «весьма удачной», Бильдербергский клуб собирается ежегодно вплоть до настоящего времени. Судя по определенным сведениям, общая повестка остается все той же — интеграция мира, мондиализм, глобализация и разрешение частных вопросов регионального порядка. Один из основателей Бильдербергской группы, бывший в течение тридцати лет членом ее президиума, Дэнис Хэйли так описывал цели клуба: «Говорить, что мы стремимся создать правительство единого мира, мировое правительство, это некоторое преувеличение, но доля истины в этом есть. Мы, участники Бильдербергского клуба, считаем, что мы не можем бесконечно воевать друг с другом из-за ничего и убивать людей, и плодить миллионы бездомных. Поэтому мы считаем, что создание единого общества в пределах всего мира — это очень хорошее дело»[1].

Заседания Бильдербергского клуба проходят вплоть до настоящего времени. Все встречи остаются строго конфиденциальными, а та информация, которая становится известной широкой публике, является крайне расплывчатой и неопределенной. В последние годы на заседания Бильдербергского клуба стали приглашать и представителей России, отличающихся мондиалистскими взглядами. Так, на встрече Бильдербергской группы в Тернбэри (Шотландия) в 1998 г. присутствовал известный либеральный политик Анатолий Чубайс[2], в 1999 и в 2008 годах — ведущий аналитик Фонда Карнеги в Москве, автор книги «Конец Евразии»[3] Дмитрий Тренин[4], в этом же году, а также в 2001, 2002, 2003 и 2004 гг. — политолог атлантистских взглядов Лилия Шевцова (Фонд Карнеги, Москва)[5],

---

[1] *Ronson J.* Who pulls the strings? (part 3) // The Guardian. 2001. 10 March.

[2] Согласно информации сайта — http://thetruthserumblog. blogspot. com/2006/12/russia-and-bilderberg. html (дата обращения 15.08.1020).

[3] *Trenin Dmitri.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

[4] Согласно **информации сайта — http://www. infowars. com/official—2008-bil**derberg-participant-list/ (дата обращения 15.08.1020).

[5] Согласно информации сайта — http://www. bilderberg. org/2003.htm (дата обращения 15.08.1020) и сайта — http://thetruthserumblog. blogspot. com/2006/12/russia-and-bilderberg. html (дата обращения 15.08.1020).

в 2003 г. в Версале — Михаил Маргелов (председатель Комитета по международным делам Совета Федерации РФ), в 2004 г. — известный политик Григорий Явлинский[1], в 2005 г. — Елена Немировская, основатель и директор Московской школы политических исследований[2]. Приглашение российских политиков и аналитиков с конца 1990-х годов на закрытые заседания Бильдербергской группы может означать только одно: интеграция мира подходит к той стадии, когда в «единый мир», интегрированный под эгидой западной капиталистической элиты, начинает постепенно включаться и Российская Федерация.

7.3.2. «Фонд Сороса» в борьбе за «открытое общество»

Можно упомянуть в качестве особо активного апологета мондиализма всемирно известного финансового спекулянта Джорджа Сороса. Он является давним членом CFR, Трехсторонней Комиссии и одним из активных деятелей Бильдербергского клуба. В юности Д. Сорос учился в «Лондонской школе экономики» (LSE). Это учебное заведение было создано группой «Фабианского общества» (Беатрисой и Сидни Веббами, Грэмом Уоллесом и Джорджем Бернардом Шоу) при активном участии геополитика Хэлфорда Макиндера, который был ее вторым директором с 1903 по 1908 г. В «Лондонской школе экономики» преподавателем Сороса, эмигрировавшего из Венгрии в 1947 г., был Карл Поппер (1902–1994) — крупнейший теоретик неолиберализма и автор концепции «открытого общества»[3]. Эта концепция состоит в том, что любые социальные и политические *проекты,* на которых строились все традиционные общества и которые сохранились в некоторых типах общества Модерна (особенно в социалистическом и нацистском), с необходимостью основаны на насилии над индивидуумом, поскольку навязывают ему отчужденные представления о том, каким должен быть мир, индивидуум, модели поведения и т. д. Это К. Поппер связывает с «коллективной идентичностью». Чтобы построить по-настоящему свободную социальную систему, называемую К. Поппером «открытым обществом», необходимо полностью отказаться от каких-либо социальных нормативов и предоставить самому индивидууму право выбирать и сменять любые формы идентичности. Никто не знает, что и как есть на самом деле, и поэтому никто не может говорить, как это что-то должно быть, утверждает Поппер. Поэтому

---

[1] Согласно информации сайта — http://www. bilderberg. org/2004.htm (дата обращения 15.08.1020).

[2] Там же.

[3] *Поппер Карл Раймунд.* Открытое общество и его враги. 2 тома. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

общество должно устраниться от каких бы то ни было общеобязательных формулировок, предоставляя индивидуумам самим выстраивать цепочки решений и действий в любом направлении. На социум следует перенести принципы свободной торговли, где каждый может совершать любую сделку и заниматься любым видом экономической деятельности. Общество должно следить общество только за тем, чтобы его члены не пользовались своей свободой в ущерб другим. Кроме того открытое общество должно безжалостно, не на жизнь, а на смерть, бороться со своими врагами (основной труд К. Поппера так и называется: «Открытое общество и его враги»), т. е. с теми, кто думает иначе (чем К. Поппер).

Джордж Сорос сделал философию «открытого общества» программой своей жизни и после того, как заработал на финансовых спекуляциях и биржевой игре миллиарды долларов, создал специальный Фонд, задачей которого было построение «открытого общества» в глобальном масштабе.

Сорос поставил целью воплотить идеи Поппера в жизнь, взломать «закрытые общества», дать бой «врагам открытого общества» и превратить весь мир в «открытое общество». Все культурные, экономические, финансовые, образовательные инициативы, которые Сорос спонсировал и поддерживал, имели четкую *идеологическую задачу*:

- ослабления любой коллективной идентичности в обществе и дискредитации ее апологетов (врагов открытого общества);
- прививки космополитических установок;
- финансирования НПО и правозащитных движений;
- проповеди индивидуализма и либеральной философии;
- поддержки образовательных программ и инициатив, направленных в глобалистском ключе с критикой и осмеянием национальной истории, ниспровержением таких ценностей, как культурная самобытность, государственный суверенитет и т. п.;
- критики национальных администраций;
- финансирования тех политических сил, которые были ориентированы на США и Запад и провозглашали верность либеральным ценностям (значительная часть государственного аппарата современной Грузии при Саакашвили до сих пор официально получает заработную плату в Фонде Сороса);
- подрыва государственного суверенитета тех стран, которые не готовы интегрироваться в глобальный мир (вплоть до финансирования цветных революций в Сербии, на Украине, в Грузии и т. д.).

При этом Сорос работал в тесной связке с другими мондиалистскими структурами, отрабатывая вместе с ними общую стратегию.

Как только правительства некоторых стран обнаружили за филантропической деятельностью Фонда Сороса жесткую идеологическую и политическую подоплеку, ему запретили нахождение на территории вначале Беларуси (1997 г.), а затем и России (2004 г.).

Сорос неоднократно высказывался о глобализации, подчеркивая ее позитивные стороны и критикуя то, что ей препятствует или уводит в сторону от скорейшего построения «открытого общества»[1]. В случае Сороса мы видим не только успешного игрока на бирже, но и убежденного идейного мондиалиста, фанатично стремящегося воплотить в жизнь свои идеологические и философские установки и на практике способствовать строительству «глобального общества».

7.3.3. Римский клуб

Выражением мягкой гуманитарной версии мондиализма стала еще одна известная организации — «Римский клуб». Римский Клуб был создан как закрытая организация итальянским промышленником Аурелио Печчеи (1908—1984), автором книги «Человеческие качества»[2], и шотландским ученым Александром Кингом (1909—2007), автором «теории устойчивого развития». Решив обсудить глобальные проблемы человечества, создатели закрытого клуба собрались в Риме (отсюда название — «Римский клуб») и разработали доклад «Пределы роста»[3], в котором убедительно продемонстрировали, что в силу ограниченности природных ресурсов в ближайшие десятилетия рост мировой экономики неминуемо замедлится, что породит множество экономических, социальных и политических проблем, а также бросит человечеству ряд экологических вызовов. Доклад произвел большое впечатление и сделал организацию чрезвычайно авторитетной. Повышенное внимание к ней проявили и в СССР, что в определенной степени повлияло на феномен «перестройки». Не случайно впоследствии Михаил Горбачев стал членом «Римского клуба» и остается им по сей день.

На волне успеха и популярности «Римский клуб» стал развивать следующие идеи:

— с вызовами, с которыми человечество столкнется в ближайшем будущем, нельзя справиться только в рамках стратегии национальных государств или идеологических блоков; эти вызовы глобальны, затрагивают все человечество в целом и дать на них адекватный ответ можно только всем вместе;

---

[1] *Сорос Дж.* Тезисы о глобализации//Вестник Европы. 2001. №2.

[2] *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: «Прогресс», 1985.

[3] *Meadows Donella H., Meadows Dennis L. Randers. J., Behrens III William W.* The Limits to Growth. New York: Universe Books, 1972.

— ресурсы планеты исчерпываются на глазах, а эгоистическое отношение к ним национальных государств и огромные издержки сверхдержав на военно-промышленный комплекс и гонку вооружений ведут человечество к гибели;
— окружающая среда претерпевает необратимые изменения, связанные с наращиванием темпов производства и ускоренной индустриализацией стран третьего мира, что является еще одним фактором надвигающейся катастрофы;
— темпы роста населения в странах третьего мира создают угрозу перенаселения планеты, роста нищеты и нехватки продовольственных ресурсов; инерциальное продолжение этих тенденций грозит хаосом.

Вывод из такого анализа напрашивался один: необходимо перейти к «новому мышлению» и принять ответственность за планету и человечество. Прямо не говорилось, но подразумевалось, что такой ситуации способно помочь только «мировое правительство» и установление им планетарного контроля.

Такая форма мондиализма, подкрепленная серьезными научными, статистическими и социологическими разработками, оказало серьезное влияние на советское руководство. Михаил Горбачев после избрания его Генеральным секретарем Коммунистической Партии СССР, по сути, принял эту модель как карту реформирования СССР и международной политики. Формулы «человеческий фактор», «границы роста», «новое мышление», «устойчивое развитие», заимствованные из арсенала «Римского клуба», стали лозунгами перестройки. Горбачев посчитал, что ситуация настолько остра, что надо немедленно приступить к реализации мондиалистской программы этой организации «во имя спасения человечества» в одностороннем порядке. Видимо, он ожидал, что страны Запада поступят симметричным образом. Этого, однако, не произошло, и мягкий гуманистический мондиализм «Римского клуба» был воспринят гораздо более скептически и спокойно в западном мире, тем более, что там существовали более привычные и отлаженные сценарии глобализации и теории мондиализма.

Для дальнейшей разработки идей, созвучных мягкому мондиализму «Римского клуба», в 1972 г. в Лаксенбурге, возле Вены совместно тремя идеологически полярными странами, США и Англией, с одной стороны, и СССР — с другой, был создан «Международный институт прикладного системного анализа» (МИПСА). 4 июня 1976 г. в Советском Союзе открылся его филиал «Всесоюзный Научно-исследовательский институт системных исследований»[1], ди-

[1] http://www. iiasa.ac.at/

ректором которого стал зять А. Косыгина академик Джермен Михайлович Гвишиани[1] (1928—2003), член «Римского клуба».

«Всесоюзный Научно-исследовательский институт системных исследований» стал идейной лабораторией «перестройки» и сформировал ведущие интеллектуальные и политические кадры, которые осуществили демонтаж СССР и провели в России либерально-демократические реформы. По линии «Института системных исследований» в Австрии в МИПСА проходили стажировку будущий демократический мэр Москвы Гавриил Попов, реформатор Анатолий Чубайс (участник Бильдербергского клуба), Александр Шохин (министр финансов Правительства РФ и видный реформатор), министр экономики правительства РФ либерал Андрей Нечаев, отцы российских либеральных реформ экономисты Евгений Ясин и Егор Гайдар, министр внешних экономических связей, политик Сергей Глазьев, олигарх и министр Петр Авен, министр Михаил Зурабов и многие другие. Там же началась карьера некоторых российских олигархов: именно «Институт системных исследований» направил будущего олигарха Бориса Березовского на АвтоВАЗ, с чего началась его экономическая и политическая карьера.

Для СССР увлечение идеями «Римского клуба» оказалось фатальным. СССР самораспустился в одностороннем порядке, а Запад никаких симметричных шагов делать, скорее всего, и не собирался.

7.4. Социология мондиализма

7.4.1. Эволюция и институционализация мондиалистских теорий и групп влияния

Если обобщить краткий обзор явления мондиализма, то получаем следующую социологическую картину. В обществе Модерна с момента его возникновения возникли определенные организации, интеллектуальные и политические круги (в первую очередь европейское масонство), которые ставили перед собой задачу объединения человечества в единое общество на новой секулярной, гуманистической и рациональной основе. Эта тенденция оставалась благопожеланием и абстракцией в период жесткого соперничества между собой европейских национальных государств, будучи достоянием ряда культурных и секретных организаций, а также либерально-демократических политических кругов. Постепенно эти

[1] Сестра Гвишиани Лаура Хараддзе была первой женой Е.М. Примакова, сподвижника Горбачева по «перестройке».

организации формализовались, превратившись в движения, клубы, группы влияния мондиалистской направленности.

Этот этап приходится на конец XIX в., когда мондиализм выходит за пределы масонских лож и становится фиксируемым социологическим явлением. Появляются центры и организации, ставящие перед собой задачу объединения мира и предпринимающие в этом направлении конкретные политические, экономические и стратегические шаги, вовлекая в зону своего влияния ключевые фигуры в правительствах западных держав — «Фабианское общество», «Круглый стол», разнообразные пацифистские, фритрейдерские, интеграционные структуры.

В течение XX в. эти параллельные или пересекающиеся между собой движения добиваются очевидных успехов, используя различные повороты политической истории. После первой мировой войны создаются первые наднациональные институты (такие, как Лига Наций) и первые открытые мондиалистские клубы — такие, как CFR (Counsil on Foreign Relations) в США или Royal Institute of Strategic Research (Chattam House) в Англии. После Второй мировой войны мондиализм набирает силы и ему удается существенно укрепить интеграцию западного мира под эгидой США, сделав серьезный шаг к глобализации. Создается ООН, все больший вес приобретают закрытые международные клубы типа «Бильдербергской группы» и «Трехсторонней комиссии», набирает обороты европейская интеграция — как часть мондиалистского проекта. Формат «Трехсторонней комиссии» и «Римского клуба» отчетливо показывает расширение зоны внимания мондиализма в сторону Тихоокеанского региона и планеты в целом.

После распада СССР на пути мондиализма рушатся последние преграды. Это знаменуется тем, что на собрания «Бильдербергского клуба» начинают приглашать представителей России, что означает переосмысление роли России как потенциальной зоны, которую отныне на определенных условиях можно включать в «единый мир».

Тенденция, которая в начале эпохи Модерна была параллельной, подспудной и вторичной по сравнению с бурным становлением национальных государств и укреплением их суверенитета, в конце эпохи Модерна, при переходе к Постмодерну, напротив, начинает преобладать, вступать в противоречие с национальной государственностью и становиться главным содержанием международной политики. При этом мы можем проследить не только идейную преемственность этих процессов, но и их институциональную и организационную непрерывность: от розенкрейцеров и масонов раннего Модерна к современным мондиалистам — технологам, прагматикам и практикам.

Этот анализ показывает, что глобализация является абсолютно рукотворным, если угодно, «субъективным» явлением. Она задума-

на, спланирована и реализована определенными социальными силами, интеллектуальными и политическими кругами и носителями вполне определенной идеологии с опорой на конкретные институты и организации.

Конечно, когда какой-то замысел удается, он становится объективной данностью. Но считать саму глобализацию «объективным процессом» — совершенное недоразумение, которое основывается на абсурдном допущении, что человеческая история развивается сама по себе, без учета сознания, воли, мышления, намерений и усилий самих людей. Конечно, глобализация не случайна и не произвольна, она соответствует глубинным установкам западноевропейской культуры Нового времени и неотделима от ее парадигмы. Нельзя отрицать и тот факт, что Запад в течение последних пятисот лет сумел силой (как жесткой, так и мягкой) навязать всем остальным народам свою волю, свой план, свой взгляд на мир, человека, общество, политику, религию, экономику. Но все это никак не является доказательством «объективности» глобализации.

Как и все остальные стороны западной политики, глобализация есть проявление сознания и воли западного общества. Оно хочет быть глобальным, и эти воля и решимость концентрируется во вполне определенных центрах, которые воплощают волю в жизнь. Это и есть мондиализм. Он *не случаен, но и не фатален.* Это реализация (в значительной степени, успешная) определенных намерений и проектов вполне определенных сил, действующих определенными средствами.

Как и любая субъективная волевая и сознательная программа, мондиализм может реализоваться, а может и сорваться. Более того, его можно принять, но можно и отвергнуть. Одни страны, культуры, общества, группы, движения воспримут его с радостью, другие — с сожалением, третьи — с безразличием. Четвертые его отвергнут, а пятые дадут бой и выдвинут иной, противоположный сценарий. Если подвергнуть явление мондиализма социологическому анализу, мы увидим, что это конкретный замысел конкретных групп в конкретных исторических обстоятельствах. Мы можем описать этот проект, формализовать его основные черты, идентифицировать центры его воздействия и методы его внедрения. И в этом случае глобализация будет *демистифицирована*, а ее мифология подвергнута рациональному разбору. Историю делают люди. И *мондиализм есть творение рук человеческих* — вполне конкретных рук.

7.4.2. Основные пункты программы мондиализма

Сводя основные пункты программы мондиализма в общий список, мы получаем:

- безусловное утверждение *универсальности* западноевропейской социально-политической, экономической и культурной истории и признание результатов ее развития «прогрессом», т. е. поступательным и накопительным развитием, по пути которого суждено идти всем народам и культурам земли;
- признание *целесообразности и полезности* объединения всех национальных государств земли в *единое мировое государство* — условные Соединенные Штаты Мира;
- убежденность, что в основе «мирового государства» будет лежать *парадигма западноевропейского общества* и система западноевропейских ценностей, институтов, культурных и идеологических пэттернов, философских и социологических установок;
- активное продвижение, пропаганда и внедрение всеми доступными средствами — СМИ, интерактивными коммуникациями, сетями, образовательными стандартами, технологиями, институциями, неправительственными организациями и общественными движенияим, модой, языком, жизненными стандартами, искусством — *евро-американской ценностной системы как «общечеловеческой» системы ценностей*;
- воля к созданию *мирового правительства* на основе наиболее влиятельных центров власти западного мира (США, Евросоюз) с включением прозападных стран в других регионах земли (Япония, Тайвань, Южная Корея и т. д.);
- заведомый и навязчивый *подход к вопросам мировой политики как внутренней глобальной политики*, где в каждом локальном конфликте требуется участие представителей центра — США, НАТО и Евросоюза, что является гарантией легитимности каких бы то ни было действий с любой стороны;
- содействие созданию «*глобального общества*» на основе индивидуальной идентичности через разложение, дискредитацию и диффамацию любых форм коллективной идентичности (этнической, религиозной, цивилизационной, национальной) и представление в качестве нормативного космополитического самосознания и соответствующего стиля жизни;
- приведение *экономической системы*, включая экономические и финансовые законодательства разных стран, *к единому шаблону* для создания единого экономического и валютного пространства в планетарном масштабе (с сохранением монополии на эмиссию мировой резервной валюты — в данном случае, доллара и привязанного к нему евро);
- навязывание всем национальным государствам общей *монетаристской модели экономического устройства* на основании неолиберальных стандартов и интеграции всех стран в международные экономические институты — ВТО, МВФ, Мировой Банк и т. д.

- *консолидация и поддержка* в разных странах и регинах земли *всех сил*, которые разделяют *мондиалистский проект и готовы способствовать его продвижению*; осуществление с этой целью прямого финансирования неправительственных организаций, выделение грантов ученым на научные исследования, публичные выступления, обмен опытом, работу в интернациональных научных центрах, образовательные программы; использование иных форм поощрения в лоббировании мондиалистских нормативов;
- создание в мировом масштабе мондиалистских *сетей* самого широкого профиля — от торговых сетей (МакДональдс) и представительств транснациональных корпораций до образовательных и информационных, структур, молодежных организаций, НПО и т. д.;
- *борьба со всеми противниками мондиализма* через их маргинализацию, замалчивание, искажение их идей, демонизацию, приклеивание пейоративных ярлыков, блокирование их участия в политике и публичной сфере, масштабных экономических проектах;
- через совместные операции (например, по борьбе с незаконным оборотом наркотиков или международным терроризмом) *проникновение в спецслужбы и силовые ведомства различных государств* (нейтральных, дружественных или даже относительно враждебных) с целью создания в их лоне центров влияния и двойной агентуры;
- системные действия *по ослаблению суверенитета национальных государств,* дискредитации национальных администраций, проведение информационных компаний по созданию негативного образа тех стран, которые более всего противятся мондиализму или настаивают на качественном изменении своей доли влияния в рамках «мирового правительства»;
- *поддержка тех интеграционных образований*, которые проходят под эгидой мондиализма и могут явиться ступенью к объединению мира, и *противодействие* тем интеграционным процессам, которые проводятся акторами, стремящимися сохранить или расширить свою независимость, а тем более, бросающими мондиализму вызов.

Добавив фактор мондиализма в общий обзор феномена глобализации, мы дополняем картину влиятельными мировыми центрами силы, которые сознательно, продуманно, последовательно и настойчиво стремятся воплотить в жизнь глобализм как проект, обоснованный идеологически и позитивно оцененный как моральный императив, соответствующий интересам и ценностям западной цивилизации Нового времени.

Глава 8

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

8.1. Глобализм как атлантизм

8.1.1. Глобализация как высшая стадия атлантизма и триумф талассократии

Здесь мы намерены приступить к *геополитическому* анализу феномена глобализации, т. е. поместить его в геополитическую систему координат, соотнести его с качественным пространством. До сих пор в нашем изложении мы избегали каких бы то ни было, даже само собой разумеющихся, параллелей с геополитикой при описании глобализма как явления, чтобы описать объективную картину, используя лишь те критерии и понятии, которые обычно применяются при общем анализе феноменов, связанных с глобализацией.

Если соотнести все стороны глобализации — ее определение, предысторию, теории, этапы, фазы институционализации, идеологические формы в структурах мондиализма — с геополитическими векторами (Суша/Море), мы сразу и без колебаний придем к однозначному и неопровержимому выводу. Феномен глобализации есть проект строго талассократический, т. е. отвечающий интересам и ценностям цивилизации Моря; его природа нерасторжимо связана с атлантизмом, а планетарный размах означает не что иное, как стремление завершить абсолютную и полную победу Моря над Сушей в форме необратимой и легализованной политико-социальной, экономической и правовой конструкции.

В некоторых версиях глобализма («теории мировой политии») и в некоторых мондиалистских проектах (в частности, «Круглый Стол» Сесила Роудса или Бильдербергский клуб) атлантизм и утверждение мировой англосаксонской доминации лежат на поверхности. В других версиях они скрыты под более расплывчатыми (с геополитической точки зрения) формулировками. Но практически везде — даже среди альтерглобалистских и антиглобалистских проектов — мы видим классический набор признаков цивилизации Моря, «мирового Карфагена». Запад здесь берется в качестве абсо-

лютной и универсальной ценности; его стратегические интересы отождествляются с мировыми; либерально-капиталистическое общество берется за нормативное, а если и критикуется, то все равно рассматривается как нечто неизбежное и во всех случаях «более прогрессивное», чем остальные исторические типы обществ.

Поэтому все рассмотренные версии глобализации без исключения позволяют рассмотреть это явление как *кульминацию атлантистской геополитики*, достигшей в определенный исторический момент поставленной изначально цели. Цивилизация Моря стоит сейчас ближе, чем когда-либо, к решению главной задачи — к тотальному мировому господству Запада, внутри которого безусловным приоритетом обладает именно англосаксонский англо-американский полюс.

Теоретики Sea Power А. Мэхэн, Х. Макиндер, Н. Спикмен, З. Бжезинский, И. Боумен, Д. Бернхэм и остальные именно так и видели позитивный (для себя самих) сценарий развития событий. Море устанавливает контроль на Rimland, «береговой зоной», затем запирает Heartland внутри северо-восточного сегмента Евразии, лишая выхода к теплым морям и контроля над океанами. Далее вокруг Heartland'а (СССР в XX в.) выстраивается эффективная стратегическая коалиция (капиталистический лагерь, Трехсторонняя комиссия), пока, наконец Россия-Евразия не поддастся на мондиалистские уловки «устойчивого развития», не потеряет контроль над своими территориями и стремительно не разрушится. Дальше остается только установить атлантистский контроль над освободившимся пространством Восточной Европы (вступление стран бывшего социалистического лагеря в НАТО), постепенно привести в НАТО страны СНГ и закрепить победу окончательным развалом Российской Федерации (пробой чего был чеченский сепаратизм в 1990-е гг.).

Все это осуществляется не прямыми военными действиями, а преимущественно через агентуру влияния, внедренную в разные моменты и по разным сценариям в советское, а позже российское общество. Атлантистская сеть влияния должна создать социальную атмосферу того, что все изменения направлены к лучшему, и тем самым нейтрализовать возможную реакцию евразийских масс. И в результате атлантисты получают именно то, к чему шли и что готовили — мировое господство цивилизации Моря, которое становится безальтернативным и позволяющим превратить все проблемы, с которыми отныне будет сталкиваться «цивилизация Моря», во внутриполитические и технические. Большая Игра выиграна. В «великой войне континентов» можно поставить точку.

Это и есть геополитическая расшифровка глобализации — окончательная и необратимая тотальная победа атлантизма, который становится глобальным и переходит к решению совершенно

иных проблем. Значение Суши резко падает, превращается в нечто второстепенное и техническое, т. к. само глубинное планетарное напряжение резко спадает. Остается Море и только Море. С этим связано и то, что в контексте глобализма и мондиализма на новом этапе к геополитике обращаются редко и ее методами более не пользуются. Это происходит не потому, что геополитика неадекватна, но потому, что глобализм исходит из предпосылки «конца геополитики» как конца геополитической истории, у которой больше нет смысла. Ее семантика состояла во вражде Моря и Суши, но если Суши как самостоятельного игрока больше нет, то Большая Игра теряет смысл.

Здесь важно подчеркнуть следующее: мы пока не выносим однозначного суждения, насколько глобализм уже реализован и достигли ли глобализационные процессы точки необратимости. Более того, мы абсолютно уверены, что глобализм все еще есть не более чем проект и стратегия, и при всех его несомненных успехах, точка необратимости еще отнюдь не пройдена. Но сама тема глобализации, глобализма, мондиализма сконфигурирована таким образом, как если бы проект *уже* стал объективной реальностью и *уже* воплощен в жизнь. При этом для глобализма само существование геополитики становится в определенный момент опасным, поскольку благодаря геополитическому анализу легко опознать в глобализации атлантистское и однополярное явление, т. е. универсализацию и планетаризацию лишь одной из двух цивилизационных сил. А это подрывает важнейшую претензию глобализма на всеобщность и открытость.

Победители (Море) устанавливают свой порядок за счет побежденных (Суша). Так оценивает феномен глобализации геополитика. Но глобализм очень не хотел бы быть однозначным и откровенным. Проекция геополитического подхода на еще незавершенный процесс глобализации предлагает силам, по разным причинам не согласным с различными аспектами глобализации (а такие силы представлены миллиардами населения земли, большей половиной человечества), новый инструмент политического, социального, экономического, стратегического, культурного, международного анализа, способный консолидировать эти силы не менее эффективно, чем это делал на предыдущем этапе просоветский марксизм.

8.1.2. Геополитический анализ понятия «однополярность»

С точки зрения геополитики глобализация является синонимом *однополярного мира*, поскольку абсолютно во всех существующих версиях глобализма и «глобального общества» речь идет только о парадигме западной цивилизации в ее талассократической аглосаксонской форме. Однако термин «однополярность» в широком

употреблении сегодня имеет несколько иное значение. Выяснение этого нюанса имеет большое теоретическое и практическое значение.

Обычно принято говорить об «однополярном мире» только в том случае, если речь идет об утверждении прямой доминации США как национального государства в мировом масштабе без оглядки на остальных участников мировой политики, заведомо уступающим США по всем параметрам[1].

Понятая именно таким образом однополярность является платформой американских правых республиканцев и особенно неоконсерваторов. В период президентства Джорджа Буша-младшего это было практически официальной позицией его администрации. Однополярность в этом случае есть по сути утверждение США как мировой империи (понятой в духе Р. Каплана или У. Кристолла), оплота порядка в море хаоса, с которым должны стремиться вступить в вассальные отношения все, кто не хочет ощутить на себе «гнев гипердержавы». В центре такого подхода лежит идея классического империализма капиталистической эпохи, когда одно национальное государство выстраивает колониальную политику в своих индивидуальных интересах, не считаясь больше ни с кем, если для этого нет весомых силовых, стратегических или экономических оснований.

Геополитический анализ такой однополярности показывает, что она основана на более широком историческом, социологическом и стратегическом контексте и выражает собой сумму целого веера тенденций, постепенно приведших к тому, что США стали авангардом «цивилизации Моря». И если сегодня эта роль не подлежит сомнению, еще в начале века все было далеко не так очевидно. Огромная мощь Великобритании и ее талассократическая миссия были переданы (вместе с колониями) под стратегический контроль США не случайно и в рамках глубинных отношений внутри атлантического альянса. Геополитический анализ такой однополярности подчеркивает, что она возникла не на пустом месте, и североамериканская государственность выступает сегодня лишь формой для более глубокой тенденции: сегодняшнее положение США есть положение, обеспеченное четким следованием атлантизму и его фундаментальным закономерностям (Sea Power).

В самих Соединенных Штатах и в Европе однополярному миру, понятому таким образом, противопоставляется «многосторонний подход» (multilateralism). Он подразумевает, что США должны вести себя не как зарвавшееся национальное государство, достигшее небывалого превосходства, а как ответственный выразитель смыс-

---

[1] *Mowle Thomas S., Sacko David H.* The unipolar world: an unbalanced future. NY.:Palgrave Macmillan, 2007.

ла всей «западной цивилизации», стоящей на грани того, чтобы стать глобальной. Это предусматривает:

- учет позиции прежде всего Европы, а также других союзных США сил;
- смягчение империалистической риторики;
- укрепление атлантических связей;
- привлечение партнеров для консультации и совместных действий.

Если такая «многосторонность» и кажется чем-то иным (особенно по форме), нежели жестким национальным империализмом, то геополитический анализ не видит здесь отказа от однополярности. Более того, с точки зрения геополитики, однополярный мир — это мир, где мы имеем дело с полюсом в лице всего стратегически интегрированного Запада как коллективного выражения «цивилизации Моря». США не могут быть всей этой цивилизацией, они — лишь ее высшее историческое воплощение, но вся корневая система атлантизма находится в Европе, в европейской культуре и в европейском обществе. Поэтому, строго говоря, и прямолинейная однополярность империализма (неоконсерваторов США), и «многосторонний подход», свойственный преимущественно демократической партии и президенту Бараку Обаме, в геополитической системе координат означают *строго одно и то же*. С точки зрения Суши, обе модели суть лишь версии планетарного господства «цивилизации Моря». А спор о том, надо или не надо учитывать мнение младших партнеров, имеет не политический и не идеологический, а чисто технический и управленческий характер. Это внутренняя проблема единой корпорации: как распределить производственные функции и прибыли.

Между жесткой *однополярностью* и смягченной *многосторонностью* нет никакого принципиального содержательного различия. Одно и то же приказание можно дать как с помощью грубого окрика, так и в вежливой и тактичной форме. Суть дела от этого не меняется.

Поэтому привлечение геополитического анализа чрезвычайно важно для корректной дешифровки американской политики и международного политического дискурса в целом. Если не учитывать смысловых нюансов, нам может показаться, что жаркие дебаты, развертывающиеся между сторонниками однополярности и ее противниками, имеют совершенно другой смысл, нежели на самом деле. Так, к примеру, такие радикальные атлантисты и глобалисты, как Джордж Сорос[1] или Збигнев Бжезинский[2], выступают против

[1] *Soros G.* The Way Ahead — Open Society Institute. 2009.October 30. [Электронный ресурс]URL:.http://www. soros. org/resources/multimedia/sorosceu_20091112/wayahead_transcript (дата обращения 24.08.2010).

[2] *Liu Henry C. K.* Obama, change and China. Brzezinski's G—2 grand strategy — Asian Times. 2009.22.04. [Электронный ресурс] URL: http://www. atimes. com/atimes/China_Business/KD22Cb02.html (дата обращения 24.08.2010).

«однополярности» и критикуют за «империализм» неоконсерваторов. Значит ли это, что они отказываются от доминации Запада, от глобализма и мирового правительства? Конечно, нет. Речь идет о другом: о выборе наиболее *эффективного метода* для того, чтобы закрепить успех «цивилизации Моря» как можно более надежно, чтобы сделать его необратимым и приступить к эффективному менеджменту в радикально новых условиях свершившейся однополярности.

8.2. Трансформации атлантизма в глобалистской стадии

8.2.1. Геополитическая формула глобализации

Геополитический анализ глобализации подводит нас к важной и фундаментальной формуле, значение которой трудно переоценить и которая должна быть положена в основу любого анализа глобальной или локальной ситуации.

Глобализация = однополярность =
цивилизация Моря как единственная =
полная маргинализация и фрагментация Суши

В этой формуле важны все составляющие, т. к. она описывает разные стороны той базовой парадигмы, в которой необходимо производить корректный геополитический разбор всех возможных процессов в сфере экономики, политики, стратегии, культуры, технологии, энергетики, информации, науки, культуры и т. д. Данная формула показывает также, что в глобальном мире геополитика никуда не исчезла и продолжает оставаться надежным инструментом политического и социологического анализа.

Рассмотрим некоторые особенно значимые пары этого четверичного тождества.

1. *Глобализация есть однополярность*. Это значит, что процесс глобализации есть процесс распространения на весь мир единственной социально-политической, культурной и цивилизационной модели. Другими словами, у глобализации есть центр (полюс) и периферия. Структура глобального мира представляет собой модель окружности, где центр эмулирует цивилизационный код, разрабатывает и направляет его, а периферии остается лишь его воспринимать (с радостью, сопротивлением или безразличием). В то же время, и это особенно подчеркивают критики глобализации (например, «теория мировой системы» И. Валлерстайна), от периферии к центру направлен поток материальных и нематериальных ценностей (полезных ископаемых, энергоресурсов, промышленных товаров, «мозгов», рабочих рук и т. д.), которые аккумулирует-

ся в центре и становятся достоянием управленческой элиты этого центра. Глобализация работает по такому центробежно-центростремительному алгоритму, смысл которого сводится именно к однополярности.

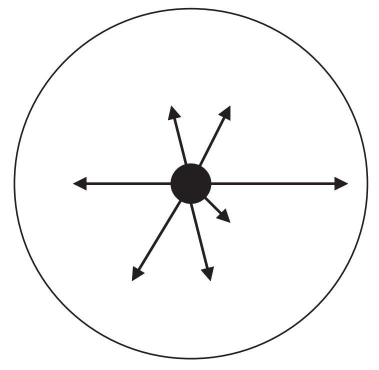

Схема 7. Структура распространения кода от центра к периферии в процессе глобализации

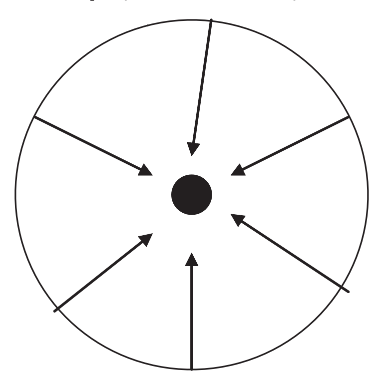

Схема 8. Структура потока ценностей от периферии к центру в процессе глобализации

Оба движения происходят *одновременно* на разных уровнях. Транслируя код, центр влияет на периферию, инсталлируя в ее пространстве те же правила и нормативы, которые действуют в самом центре. Но общества «центра» создали эти правила и нормативы в ходе своего исторического развития, отточили их и давно научились не просто ими пользоваться, но и контролировать процесс их изменения. Пока тот или иной код доходит до периферии, в центре происходит новый качественный скачок.

Пример — делокализация промышленности. В индустриальную эпоху доминация Запада над остальным миром основывалась во многом на развитой промышленности, тогда как экономика Третьего мира была преимущественно аграрной, а производство — кустарным. Начиная с 1980-х гг., промышленные мощности из

стран Запада (США и Западной Европы) стали переноситься в страны Третьего мира, где началась бурная индустриализация. Формальной причиной была низкая стоимость рабочей силы в слаборазвитых странах и развитие транспортных структур в мировом масштабе. Но при этом сами западные страны сосредоточились в области финансового контроля и разработки высоких технологий, что сделало индустриальные страны Третьего мира вновь полностью зависимыми от центра.

Этот цикл экономического и технологического развития является теоретически бесконечным, т. к. центр передает свои коды на периферию только в тот момент, когда у него самого в руках оказывается надежный инструмент следующего поколения (в науке, технологиях, экономике и т. д.).

Поток выходцев из зоны периферии, осаждающий центр, также принимается только до той степени, пока он может быть интегрирован в социальные, политические, культурные и экономические системы центра, т. е. пока он может быть аккультурирован и ассимилирован в рамках «цивилизации Моря». В этом случае представитель периферии меняет свою *идентичность* вместе с образом жизни, образом мысли, языком, гражданством, местом жительства и т. д. Только тогда он интегрируется в центр и становится носителем его ценностной и мировоззренческой системы.

2. *Глобализация есть «цивилизация Моря» как единственная*. Это значит, что структура кода глобализации, излучаемого центром, есть развитие и доведение до логического предела морских, атлантистских, «Карфагенских» ценностей. Здесь следует вспомнить о том, что геополитика есть не просто политологический или стратегический анализ, но социологическая дисциплина, изучающая отношение общества к пространству. Общество, которое становится нормативным в глобализации, есть общество либеральное, капиталистическое, торговое (олигархическое) и в корнях своих англосаксонское. Это общество выражает морскую «ликвидную» среду и конституирует мировое пространство как «глобальное Море», по которому можно скользить в любых направлениях. Везде, где осуществляются процессы глобализации, происходит превращение социального, культурного, экономического и политического ланшафта в «морскую среду». Свойства этого социологического пространства Моря исчерпывающе описаны у Карла Шмитта в книге «Земля и Море»[1].

Эта глобальная морская среда:

— проницаема;
— подвижна, изменчива;

[1] *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 840–883.

— не имеет в самой себе фиксированных в пространстве траекторий (дорог, троп, путей);
— однородна;
— отчуждена от того, кто по ней скользит (морские животные в отличие от сухопутных не приручаются);
— благоприятствует свободолюбию и дерзкой активности;
— способствует развитию изобретательности и креативности;
— предрасполагает к постоянной смене идентичности.

Все эти свойства моря и океана полностью переносятся на общества морского типа. Поэтому однополярный круг глобализации по своей структуре есть пространство морской социальности.

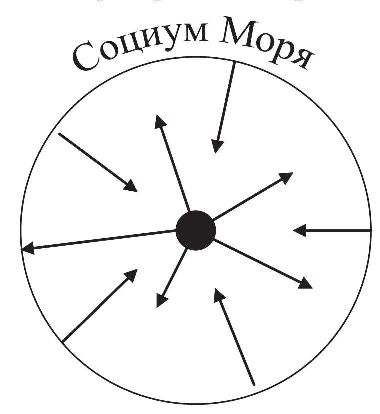

Схема 9. Структура однополярного глобального мира как «цивилизации Моря»

3. Глобализация есть фрагментация и маргинализация Суши. Это важнейший вывод из геополитического анализа глобализации. Он означает, что в глобальном мире по сравнению со всеми предыдущими периодами фундаментально меняется структура альтернативы. На предыдущих этапах само содержание «цивилизации Моря» определялось через структуру того, чем «она не являлась, что было ее противоположностью, ее альтернативой, ее отрицанием, ее врагом». Карл Шмитт показал, что главное определение Политического[1] состоит в выяснении конкретной пары *друг/враг*. Поэтому Море было осмысленным и политическим явлением, пока на противоположном конце находилась Суша как альтернативная структура ценностей, как иная организация пространства, как сухопутная, теллурократическая среда. Эта сухопутная среда (как социологическое явление):
— непроницаема и тверда;
— неподвижна, постоянна;

[1] *Schmitt C.* Das Begriff des Politischen. Berlin-GrunewaldЖ W. Rothschild, 1928; по-русски Шмитт К. Понятие политического // Вопросы Социологии. 1992. том 1, № 1.

— несет в самой себе пространственно фиксированные траектории (дороги, тропы, пути, ландшафты);
— неоднородна, выпукла;
— родственна тем, кто в ней обитает;
— благоприятствует дисциплине, верности, консерватизму, постоянству, иерархии;
— способствует выносливости, твердости, последовательности, верности, неизменности;
— предрасполагает к фиксированной идентичности.

Мы видим, что Море и Суша как парадигмы двух типов общества, двух полюсов, симметричны друг другу, и их конфликт, вписанный в пространство мира, в значительной степени способствовал укреплению обоих парадигм перед лицом противника, в котором ценностная система была структурирована обратным образом. В этом и состоит смысл геополитического дуализма: «Не-Море» в нем означает «Сушу», «Не-Суша» означает «Море». И это является стержнем исторической семантики, смысловой (и одновременно географической) осью истории.

Маргинализация Суши и ее фрагментация, означает смысловую трансформацию самого Моря. Когда оно становится всем, оно перестает быть тем Морем, каким оно было ранее. Так возникает новый концепт глобального мира — «Не-Море», которое вместе с тем и не «Суша».

Образ этой новой фигуры пока окончательно не сформирован. Претендентами на эту роль «Не-Моря, но и не Суши» выступают пока «исламский фундаментализм» (Ф. Фукуяма назвал его неудачным термином «исламо-фашизм»), «международный терроризм» (часто означающий почти то же самое, что и «исламский фундаментализм»), страны «оси зла» (Иран, Северная Корея, Венесуэла) и «хаос» (как отсутствие порядка Моря и пробуксовка кодов однополярного центра). На самом деле «Не-Море, но и не Суша» означает просто «периферию», осмысленную как преграду, как «другое, нежели центр». Итак, есть Море и есть «Другое», нежели оно само. Об этом «Другом» в современном состоянии глобализации пока известно довольно мало, оно еще не определено окончательно и бесповоротно, но самое главное, с геополитической точки зрения это то, что «Другое» *не Суша*.

Это означает, что глобальная идентичность и морская система ценностей опровергается в глобализме как-то иначе, нежели в прямой и симметричной антитезе, предлагаемой цивилизацией Суши.

«Другое, чем Море, но не Суша» есть важнейшее стратегическое понятие глобализма и однополярного мира. И именно на это следует обращать самое пристальное внимание тем, кто хочет глубоко понять сущность этого явления.

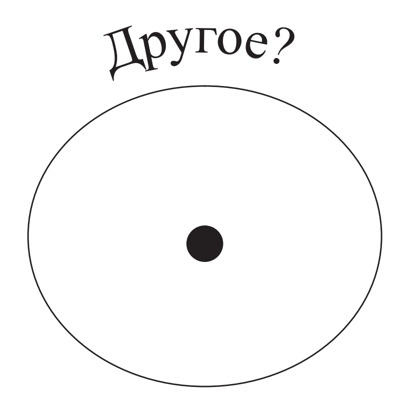

Схема 10. Проблема «Другого» в глобальной идентичности цивилизации Моря

8.2.2. Пост-Море, постатлантизм и постгеополитика

Теперь мы можем по-новому взглянуть на некоторые теории современных атлантистских геополитиков, которые строят свои теории на модели «Центр-Периферия» или «ядро» (Core) — «зона неподключенности» (Т. Барнетт) и взгляды которых мы исследовали в разделе «Геополитики Моря». По-новому откроется нам и тема «геополитики хаоса»[1], которую мы затрагивали в данном разделе под другим углом зрения.

В стадии глобализма атлантизм перестает рассматривать мир через дуальную топику классической геополитики и пытается описать новую глобальную систему в иных терминах. Это связано с тем, что в глобальных условиях меняется идентичность самой «цивилизации Моря», которая становится глобальным центром, а не одной из двух возможных моделей организации качественного пространства. Теперь это только одна единственная модель и, значит, только «Морем» ее называть некорректно: она есть «все», *глобальная среда*. Ее генезис прямо уходит в «цивилизацию Моря», но, т. к. ее альтернатива больше «Сушей» не является, то и сама она подвергается фундаментальным изменением. Это «пост-Море». А стратегия этой цивилизации есть «постатлантизм». Можно продолжить эту цепочку терминов и поставить вопрос о «постгеополитике».

«Постгеополитикой» является геополитический анализ глобального мира, осуществляемый с (пост) атлантистских позиций и не рассматривающий «цивилизацию Суши» как серьезную альтернативу «цивилизации Моря». Краткой формулой такого подхода можно считать название книги российского атлантиста и мондиа-

[1] *Рамоне И.* Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.

листа Д. Тренина «Конец Евразии»[1]. Глобальный мир возможен только в том случае, если мы признаем, что Евразии действительно пришел конец.

В таком случае легко восстановить топику постгеоплитики. Она достаточно внятно представлена в работе Томаса Барнетта «Новая карта Пентагона»[2] и других его текстах. На ней выделено «*ядро*», the Core, куда входят страны более или менее интегрированные в глобальный мир, и «*неинтегрированный провал*», «Non-Integrated Gap» (куда отнесены Африка, часть Латинской Америки, Ближний Восток и ряд дальневосточных стран). Есть еще область, названная «*отключенной зоной*», «Zone of Disconnectedness» (Иран, Венесуэла, Северная Корея). И никаких упоминаний о Евразии, никаких рассуждений о противостоянии атлантизма и евразийства, Суши и Моря. Карта иллюстрирует «постгеополитический» подход — т. е. описывает мир после «конца Евразии», когда в нем в качестве альтернативы Морю существуют лишь «неинтегрированный провал» и «отключенная зона».

В такой постгеополитике есть ряд технических и ряд глубинно философских вопросов.

Главные технические вопросы состоят в том, как упорядочить и интегрировать «неинтегрированную зону», как подключить «зону отключенную», каковы при этом приоритеты, оптимальные методы, а также последовательность шагов — одним словом, как упорядочить (порядок здесь эквивалентен «ядру») «хаос»?

Главный философский вопрос заключается в вопрошании о смысле и исторической природе того, с чем имеет дело «ядро», когда наталкивается на сопротивление, оппозицию и противодействие со стороны «хаоса»? Какова идентичность Другого?

Если структуру рассуждений, отвечающих на первый вопрос, легко понять и воссоздать, то второй ответ чрезвычайно труден. Это главная проблема «постгеополитики» или геополитики глобального мира.

8.2.3. Критическая геополитика: отмена «Другого»

Рассмотрим несколько типичных примеров постгеоплитики. К этой категории можно отнести так называемую «*критическую геополитику*» О'Туатайла и Эгнью, которая рассматривалась в обзоре современных атлантистских теорий. Теории «критической геополитики» точно соответствуют глобалистскому подходу. Од-

---

[1] *Trenin Dmitri.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization.

[2] *Barnett T.* The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: G.P. Putnam's Sons, 2004.

нако, в отличие от других версий «постгеополитики», О'Туатайл дает интересный ответ относительно фигуры «Другого». «Критическая геополитика» настаивает на том, что в глобальном обществе «Другого» просто не существует, и само стремление эту фигуру сконституировать коренится в устарелом понятии идентичности. «Другой» необходим, когда есть «Этот», т. е. «я сам» как строго определенная инстанция со своими границами, структурами и особенностями. Но если отказаться от идентичности вообще, если размыть ее, если сделать ее игровой и переменчивой, как предлагает постмодернистская философия, мы вместе с этим утратим потребность в «Другом». При таком подходе Море размывает само себя и перестает быть отличным от Суши, которую «заливает».

Это очень интересный ответ на главный философский вопрос «постгеополитики» или «геополитики постмодерна». Глобальное общество должно быть устроено таким образом, чтобы интернизировать все противоречия, сделать их внутренними проблемами и научиться жить с ними в расколотом состоянии сознания. О'Туатайл следует здесь за идеями философа-постструктуралиста Жиля Делеза, разрабатывавшего тематику «ризомы» и «шизофренического бытия», где раскол сознания считается не патологией, но нормой нового общества.

Так критическая геополитика смыкается с постмодернизмом и альтерглобализмом.

8.3. Мутации пространства: феномен сети и климатические войны

8.3.1. М. Кастельс: сетевое общество и пространство потоков

В таком же ключе выстраиваются концепции теоретиков «сетевого общества», которые редко обращаются к геополитике, но чьи теории сплошь и рядом берутся на вооружение современными «постгеополитиками».

М. Кастельс вводит само понятие «сетевое общество» (Network Society). Сеть — это социум, понятый как динамическое явление, не имеющее константных структур. Единственный смысл существования сети — это *коммуникации.* В ходе коммуникации по сети передается информация, которая становится самостоятельной реальностью, предшествующей смысловой нагрузке. *Информация — это знание, лишенное смысла.* Смысл относится к области декодирования и трансляции концептуальных матриц, но это не дело сети и коммуникаций. Сеть и коммуникации живут динамикой переда-

чи информации и ориентированы только на увеличение ее скорости и устранение помех.

Ситуация, при которой сеть становится всеобщей и всеохватывающей, определяется Кастельсом как «*информационализм*».

В обществе-сети фундаментальной мутации подлежит само понятие об индивидууме. Кастельс пишет:

«Первый раз в истории базовая единица экономической организации не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). Как я пытался показать, единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрестанно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам»[1].

Здесь мы видим, как постепенно начинает приобретать форму замеченная социологом Н. Луманом[2] и пока еще относительная независимость системы от человека.

Сеть влечет за собой новое понимание пространства. Кастельс пишет об этом так:

«...новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»[3].

Пространство потоков отрывает от привычного пространства (географического и социального) тех, кто интегрируется в сеть. Сеть уничтожает пространство, снимает его, переводит фиксированную позицию в эфемерный, быстро меняющийся пучок энергии.

Концепция «пространства потоков» прямо отсылает нас к «стихии Моря», которая становится в условиях глобализации вездесущей. Информационизм также является чисто «морским» принципом, т. к. в нем акцент падает не на дешифровку константных смыслов, но на причудливые каскады информационных потоков самих

---

[1] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. 2000. [Электронный ресурс] URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ (дата обращения 25.08.2010).

[2] *Luhmann N.* Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.

[3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

по себе, которые сами же формируют мгновенные симулякры смыслов, которые тут же рассеиваются в новых потоках.

Что же касается информационной сети как самостоятельной единицы, не зависящей от индивидуума и просто заменяющей его, то здесь М. Кастельс переходит к постмодернизму и теме постчеловека, предлагая новую версию той реальности, идущей на смену человечеству (наряду с ризомой, киборгами, мутантами и т. д.). Это *сеть* как самостоятельная реальность, выстраивающая молниеносные созвездия информации, трансформирующиеся с бешеной скоростью в иные фигуры.

Важным элементом в описании «постгеополитичсекого» мира является концепция Кастельса «глобального города». Он утверждает, что постепенно привычный нам город как социальная матрица, расположенная в физическом пространстве и структурированная в соответствии с социальной морфологией, превращается в «глобальный город».

«Глобальный город не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»[1].

«Глобальный город» есть не место, но процесс; он находится не на Суше, но на Море, на воде. Он концептуально нефиксирован и пребывает сразу во всех местах мира и ни в одном из них.

Рассмотрение теории Кастельса в геополитическом контексте многое объясняет в структуре глобализма и однополярного мира.

8.3.2. Р. Киохэйн, Дж. Най-мл.: инфосфера как могущество

Именно так и поступают современные американские геополитики («постгеополитики»): Роберт Киохэйн[2], Джозеф Най-мл.[3] и Дэвид Лонсдэйл[4], анализирующие геополитику сетей Интернет.

Р. Киохэйн и Дж. Най-мл. исследуют стратегическую роль информации в ее привязке к пространству. Они замечают, что связь информационных систем, в частности, сетей Интернет с пространством не прерывается полностью, как иногда представляют себе аналитики. Она сохраняется на нескольких уровнях.

[1] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

[2] *Keohane R., Nye J.S.Jr.* Power and Interdependance in the Information Age // Foreign Affairs. 1988. 77/5 (Sept. Oct.). С. 81—94.

[3] Ibidem.

[4] *Lonsdale David J.* Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension / *Gray Colin S., Sloan G.* (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003.

Во-первых, сервера находятся в конкретной физической точке, т. е. в зоне юрисдикции того или иного политического образования. «Информация распространяется не в вакууме, а в уже кем-то занятом политическом пространстве»[1]. Во-вторых, стратегия поведения в информационной среде отражает то культурное, образовательное и социальное программирование, которое человек получает также в конкретном обществе, привязанном к качественному пространству. В третьих, если сеть предполагает равенство пользователей и ставит на один уровень Интернет-представительство крупного государства и блог частного лица, то стратегии развития сети, регистрация доменных имен, разработка сетевых протоколов остаются строго централизованными, а значит, правила и модели поведения диктуются конкретным политическим актором. Им сегодня являются США, где сеть Интернет была создана и откуда «мировая паутина» распространяется в глобальном масштабе.

Следовательно, заключают Киохайэн и Най-мл., США и страны Запада должны рассматривать развитие мировой Интернет-сети как свое стратегическое преимущество, осмыслив его потенциал как поле ведения OOTW (Operations Other Than Wars — «Операции, Иные, Чем Война»). При этом распространение информационных технологий даже в среду потенциального противника в этой ситуации следует признать стратегическим преимуществом, при сохранении монопольного контроля над кодами и протоколами. Это позволит быть в курсе действий противника в информационной среде (которая довольно прозрачна), но в то же время сохранять саму сетевую парадигму под своим полным контролем. Отсюда использование в глобальном масштабе в Интернете английского языка, программного обеспечения (типа Windows или Mackintosh), разработки которого осуществляются в США и в той или иной степени контролируются американскими спецслужбами. Вместе с тем есть такое явление, как «китайский Интернет», т. е. попытка контроля со стороны политического руководства Китая доступа к тем или иным ресурсам WWW, которые могут, по мнению китайского руководства, нанести ущерб стратегическим интересам этой страны. Здесь мы имеем яркий пример территориализации информационной среды.

8.3.3. Д. Лонсдэйл: геополитика пятого измерения

В свою очередь, Дэвид Лонсдэйл выстраивает иерархию сред, которая обнаруживается в процессе осмысления роли качественно-

[1] *Keohane R., Nye J.S.Jr.* Power and Interdependance in the Information Age. C. 81.

го пространства в ходе стратегических трансформаций XX в.[1]. Д. Лонсдэйл утверждает: еще Х. Макиндер показал, что геополитика Моря оказывается более эффективной, чем геополитика Суши за счет большей подвижности водной стихии по сравнению с земной. Еще более подвижной стихией вляется воздух. Здесь Лонсдэйл ссылается на идеи итальянского генерала и стратега Джулио Дуэ[2] (1869—1930), который настаивал на том, что контроль над воздушным пространством будет постепенно становиться главной задачей геополитики, и именно от него будет зависеть доступ к мировому господству. Хотя не все предсказания генерала Дуэ подтвердились, считает Лонсдэйл, в целом идея ставки на освоение все более и более «разряженных» стихий в мировой стратегии оправдана.

При этом Лонсдэйл сосредоточивает свое внимание на еще более разряженной среде, которую он называет «*инфосферой*», предлагая использовать, наряду с «Sea Power» и «Land Power», еще один геополитический (точнее, «постгеополитический») термин — «Information Power». Самые острые геополитические схватки будут отныне происходить в сфере IT, в «инфосфере» или в «пятом измерении».

Одно из свойств геополитики пятого измерения, которое отмечают все авторы, изучающие этот вопрос, заключается в росте влияния «малых акторов», которые с помощью сетевых технологий способны многократно усилить свой потенциал, ничтожный физически, политически и социально. Особенно опасным это может стать в отношении террористических групп или иных экстремистских организаций, которые в глобальной среде получают в руки мощное оружие. Задача идентификации этих угроз и их подавления является основным вопросом глобальной безопасности в киберпространстве.

Эта тема выводит на более общую проблему — в чем состоит стратегия поведения США, «ядра», Центра, в глобальном сетевом пространстве, в «инфосфере»? Лонсдэйл отвечает на это следующим образом: необходим глобальный контроль над инфосферой, который может быть определен как «способность использовать инфорсферу для реализации стратегических целей и способность предотвратить способность противника делать то же самое (эффективным образом)»[3].

Учитывая значение «инфосферы» и определенные коррекции, которая она вносит в традиционную стратегию, в том числе и на

---

[1] *Lonsdale David J.* Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. C. 138—139.

[2] *Douhet G.* Command of the Air. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1942.

[3] *Lonsdale David J.* Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. C. 143.

глобальном уровне, Лонсдэйл подчеркивает, что она не должна рассматриваться в полном отрыве от политической географии. Положение в инфосфере есть в конечном счете «лишь отражение геополитической реальности»[1], а значит, киберпространство есть не что иное, как продолжение геополитики Моря, развивающее ее предпосылки и методологии до логического конца.

Показательно, что перемещение в воздухе и перемещение по сайтам в сети Интернет называется терминами, содержащими в себе прямой намек на жидкую стихию (Море) — «воздухоплавание», «аэро-*навтика*» (от греческого «αηρ», «воздух», и «ναυς» — «корабль»). Пользователей сети Интернет во франкоязычной среде также называют «интер-*навтами*» («les internautes»).

8.3.4. К. Паскаль: глобальное потепление и новая геополитическая карта мира

Одна из излюбленных тем глобалистов (и антиглобалистов) — это изменение мирового климата. Инициаторами повышенного внимания к этой проблеме были эксперты «Римского клуба» в рамках общего проекта пропаганды глобального взгляда на мир. Так, Александр Кинг, один из основателей Римского клуба, откровенно признавался: «В поисках нового врага, который объединил бы нас, мы напали на идею загрязнения окружающей среды, угрозу глобального потепления, дефицита пресной воды, голода и всего остального, что подходило к нашему случаю. Все эти опасности имели причину в действиях людей, поэтому и победить их можно было, только изменив поведение и отношение людей»[2]. В этом пассаже очевиден инструментальный характер самой проблемы «климатических изменений», которая была поставлена в центр внимания в целях наглядного подтверждения актуальности глобалистского подхода.

Инициатива «Римского клуба» была поддержана целым рядом ученых и стала излюбленной темой мировых СМИ. Некоторые исследователи попытались применить к изменению климата геополитический подход, что легло в основу целого направления, называемого иногда «геополитикой климата».

Здесь можно упомянуть книгу молодой сотрудницы британского глобалистского центра «Королевский Институт Стратегических Исследований» Клио Паскаль «Глобальное потепление: как кризисы в области окружающей среды, экономики и политики из-

---

[1] *Lonsdale David J.* Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension. С. 154.

[2] *King A., Schneider B.* The First Global Revolution: A Report by the Council of Rome. London: Simon and Schuster, 1992. С. 104—105.

менят карту мира»[1] и исследование авторитетного канадского геополитика и кинодокументалиста Гвина Дайера «Климатические войны»[2].

В своей работе Клио Паскаль описывает вероятные последствия глобального потепления климата, которые, по ее мнению, приведут к ряду необратимых сдвигов в картине мира. Потепление повысит уровень воды в мировом океане, а значит, радикально изменит модель контроля над политическим пространством со стороны «цивилизации Моря» (Клио Паскаль оперирует терминами классической геополитики). Изменение береговой линии приведет к тому, что в мире могут появиться новые лидеры и могущество Запада (США и Европы) может оказаться под ударом.

По мнению Паскаль, немного стран готовится к такому повороту событий всерьез, и среди них первое место занимает Китай. Паскаль подробно останавливается на тех преимуществах, которые сможет вынести из глобального потепления Китай, у которого откроется возможность укрепить свою власть над всем Тихоокеанским регионом, тогда как проблемы нехватки пресной воды чрезвычайно ослабят Соединенные Штаты Америки и заставят их сосредоточиться на внутренних проблемах.

8.3.5. Г. Дайер: геополитика климатических войн

Сходный подход прослеживается в книге Гвиана Дайера, выступавшего с рядом докладов по изменению климата в Пентагоне и штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Г. Дайер еще более конкретен. Согласно его прогнозам, фундаментальных перемен в мировой политике следует ожидать к 2045 г., но начнутся они еще раньше — уже в самое ближайшее время. Основной тенденцией является все то же потепление. Прослеживая закономерности в изменении среднегодовых температур в разных регионах Земли, Гвин Дайер утверждает, что главной силой мировых перемен станет аридизация (обезвоживание) ныне плодородных почв, расположенных в южных регионах. Дефицит пресной воды приведет к разрушению аграрной инфраструктуры и массовым паническим миграциям в зоны, более приспособленные для проживания. По сценарию Дайера в 2019 г. последствия климатического удара испытает на себе Россия, которая подвергнется нашествию населения из Центральной Азии, часть территорий которой превратится в необитаемую пустыню. К 2029 г. под атакой беженцев с Юга, из Мексики, окажутся США. В 2036 г. не приспособленными для человека ста-

[1] *Paskal Cleo.* Global Warring. How Environmental, Economic, and Political Crises Will Redraw the World Map. London:Palgrave Macmillan, 2008.

[2] *Dyer Gwynne.* Climate War. Montreal: Random House of Canada, 2009.

нут земли Северной Индии, а в 2042 г. придет очередь Китая. Так к 2045 г. сложатся объективные условия для глобального вооруженного конфликта не только за энергетические ресурсы развития, но просто за выживание и доступ к землям, где человек сможет прокормить себя. Это и есть эпоха начала климатических войн.

Побочные эффекты потепления — таяние полярных льдов, повышение уровня мирового океана и т. п. — только усугубят ситуацию, т. к. еще более сократят объем пригодных для жизни человека территорий. Согласно Гвину Дайеру, правительства современных государств, и в том числе и военные министерства и ведомства, уже сегодня должны закладывать подобные сценарии в своих планах и готовиться к максимально адекватному реагированию.

8.3.6. М. Чассудовски: управление погодой в военных целях

Критические исследования проблемы изменения климата и манипуляции погодой с помощью искусственных секретных технологий проводит другой канадский ученый и геополитик Майкл Чассудовски[1]. Согласно его информации, вооруженные силы США десятки лет работают над созданием «климатического оружия», которое обеспечило бы США глобальную доминацию в новых условиях и позволило бы единолично пользоваться технологиями, которых нет ни у одной другой страны. Он ссылается на материалы Университета Колледжа Военно-Воздушных сил США, в которых открыто признается необходимость управления климатом в военных целях. «Изменения климата станет частью внутренней и международной безопасности и позволит использовать его в одностороннем порядке. Оно может быть использовано для обороны и для нападения, а также в целях сдерживания. Способность вызывать землетрясения, туман, штормы на земле, а также изменять структуру космического пространства, а также искусственные манипуляции погодой — все это часть интегрированных технологий, которые могут фундаментально усилить США и ослабить противника, обеспечить глобальную разведку, повысить досягаемость и силу»[2].

Чассудовски обращает внимание на программу HAARP, в рамках которой на Аляске США была построена секретная лаборатория по использованию новейших технологий для влияния на климат с помощью индукции определенных процессов в ионосфере. Ионосфера служит для защиты Земли от радиации, и точечное вли-

---

[1] *Chossudovsky Michel.* The Ultimate Weapon of Mass Destruction: «Owning the Weather« for Military Use. — www. globalresearch.ca 2004. [Электронный ресурс] URL: http://www. globalresearch.ca/articles/CHO409F. html (дата обращения 23.04.2009).

[2] Там же.

яние на ее структуру способно влиять на климатические явления, а возможно, и поражать определенные объекты.

Аномальные климатические явления лета 2010 г. в России и Европе вызвали в России шквал публикаций, где темы, рассматривавшиеся М. Чассудовским за несколько лет до этого, получили новое дыхание[1].

Геополитика климатических войн представляет собой пример экстравагантного применения геополитической методологии к реальным или предполагаемым, реконструируемым явлениям, связанных с процессом глобализации.

8.3.7. Эверетт Долман: геополитика космического пространства

Еще одной любопытной версией «постгеополитики» является *геополитика космического пространства*, или «астрополитика», предложенная Эвереттом Долманом[2]. Он применяет геополитическую схему к солнечной системе. И снова речь идет о геополитике Моря, что отражено даже в названии «космо-*навтики*», т. е. дословно, «космосо-*плавания*».

Долман берет в качестве карты своей «астрополитики» пространство солнечной системы, которую он приравнивает к новому изданию Heartland'а, к «Евразии». Он прикладывает к ней формулу Макиндера: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Heartland. Кто контролирует Heartland, тот контролирует Мировой Остров (Евразию). Кто управляет Мировым Островом, тот управляет миром». Утверждая, что на следующем этапе принципиальным будет контроль над планетами этой системы, на которых сосредоточены ресурсы, которые станут в ближайшем времени залогом выживания человечества и битва за которые предопределит судьбу «мирового господства» в новом масштабе (на сей раз на уровне солнечной системы, Долман выделяет четыре стратегических (астрополитических) региона.

1. *Terra или Земля*, которая осмысляется как пространство, с которого можно осуществлять запуски космических *кораблей* (!) на орбиту. Земля рассматривается Долманом как береговая зона или авианосец, плавающий в солнечной системе. Земля — это промежуточный регион между качественным пространством классической геополитики и астрополитикой.

---

[1] Против России применено климатическое оружие — Свободная Пресса. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://svpressa.ru/society/article/28154/ (дата обращения 23.08.2010).

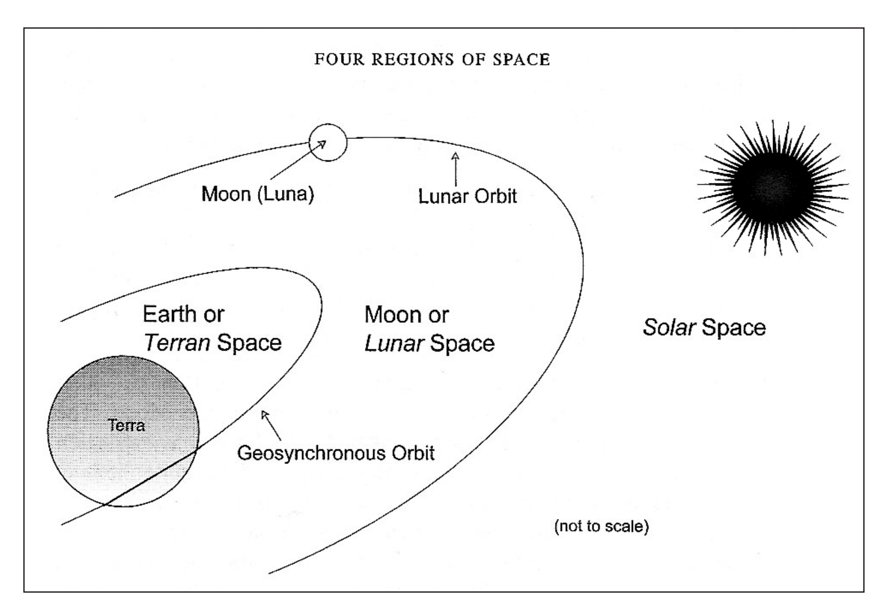
[2] *Dolman Everett C.* Geostrategy in the Space Age: An Astropolitical Analysis / *Gray Colin S., Sloan G.* (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003. С. 83 – 106.

2. Земное орбитальное пространство (от минимального расстояния от Земли, на котором возможно орбитальное вращение вокруг нее, до 36 000 км). В этой зоне расположены сегодня все спутники, космические аппараты разведки, станции слежения. Эта зона уже сегодня рассматривается как область особого стратегического значения и предназначается для развертывания в ней системы космических вооружений, программа которых уже запущена.
3. *Лунное пространство*, расположенное далее 36 000 километров от Земли и до границ орбиты Луны. Сама Луна является только одним — видимым — стратегическим объектом в этой зоне, но в ее пределах располагается ряд позиций, которые являются ключевыми для организации контроля над первым и вторым астрополитическими регионами.
4. *Солнечное пространство* включает в себя всю зону, на которую распространяется солнечная гравитация — за пределом лунной орбиты. Пока технологии не позволяют всерьез приступить к освоению этого четвертого региона, но уже в ближайшем будущем планеты, находящиеся в этой зоне, и крупные астероиды из пояса астероидов станут важнейшими пунктами, необходимыми для дальнейшего постиндустриального развития человечества и территорий человеческой колонизации. Солнечное пространство — это новое издание «жизненного пространства» (Lebensraum — Ратцеля-Хаусхофера)[1].

Согласно Э. Долману, в ходе глобализации именно космическая ориентация и освоение космического пространства станет в центре истории, как это было в эпоху «великих географических открытий». Однако для того, чтобы современному Западу обеспечить себе наиболее выгодные стартовые условия в астрополитике, уже сегодня следует обращать внимание не на доигрывание старых геополитических игр, но на разработку космических программ и обеспечение военного стратегического контроля над зонами, наиболее благоприятными для освоения, т. е. на территории второго и третьего космических регионов (орбитального и лунного). Ключевыми точками являются зоны, расположенные на 63,4 градусе северной долготы (в частности, космодром Плесецк) и в пространстве экватора. Э. Долман полагает, что судьба будущих космических колонизаций решается уже сегодня. Правительство США должно учитывать новое стратегическое видение при выстраивании баланса сил и структуры контроля над различными зонами Земли, глобально осмысленной как «береговая зона», откуда предстоит отправиться в плавание по океану Солнечной Системы.

---

[1] *Dolman Everett C.* Geostrategy in the Space Age: An Astropolitical Analysis.

Карта 32. Карта «космической геополитики» Эверетта Долмана

8.3.8. У. Оуенс, Д. Ронфильд, Дж. Аркилла: сеть и полное доминирование

Примером стратегического осмысления информосферы является концепция «сетевых войн», которая стала возможным только в условиях глобализации и тотальной информатизации общества. На основе этой концепции уже с 1990-х гг. начались реформы классической военной стратегии в США. В начале 2000-х гг. многие аспекты этой доктрины тестировались на практике в Ираке и Афганистане и проходили апробацию в других странах НАТО, в том числе и в ходе боевых учений. А в 2010 г. даже российское военное командование объявило о переходе Российских Вооруженных Сил на сетецентрический принцип[1].

Впервые открыто сформулировал концепцию «системы систем» один из руководителей объединенных штабов ВС США адмирал Уильфм Оуэнс[2], который заявил, что необходимо использовать новейшие информационные технологии в реорганизации военной стратегии на новом уровне. Смысл «системы систем» заключался в обеспечении «Полноспектрового Доминирования» (Full Spectrum

[1] Российская армия переходит на сетецентрический принцип — www.km.ru 2010 [Электронный ресурс] URL: http://news.km.ru/rossijskaya_armiya_perexodit_na_ (дата обращения 23.08.2010).

[2] *Owens William A.* Lifting the Fog of War. Washington: The Johns Hopkins University Press, 2001.

Dominance) через сочетание данных космической разведки и иных информационных датчиков и проведени силовых операций в конкретной обстановке для обеспечения тотального заведомого превосходства над противником, основанного на полном господстве в информационной области (во всех смыслах — от разведки до кампаний в прессе, активности в интернет среде и т. д.).

Ранее, в 1993 г., Дэвидом Ронфельдом и Джоном Аркиллой[1] из RAND-корпорации была предложена несколько иная модель сетевой войны, основой которой было не технологическое обеспечение акторов конфликта, а социальные сети и дезиерархированные общества. Ими была издана книга «Подготовка к конфликтам в информационную эпоху»[2]. Они утверждали, что в новом постмодернистском обществе власть переходит к новым действующим лицам — транснациональным корпорациям, криминальным и террористическим группировкам, наркокартелям, различным политическим движениям. Ронфельд и Аркилла отмечают новую парадигму конфликта; атакующая сторона действует по принципу «роения», а не «массированности», как было ранее. При этом сами границы конфликта по хронологии и физическим рамкам размыты: не ясно, когда он начинается, кто и насколько сильно в него вовлечен. В качестве акторов сетевых войн могут использоваться третьи лица — от небольших организаций до государств[3].

8.3.9. А. Сибровски, Дж. Гарстка: сетецентрическая стратегия нового поколения

Начиная с середины 1990-х гг., Офисом Реформирования ВС Секретаря Обороны (Office of Force Transformation) под управлением вице-адмирала Артура К. Сибровски (1942—2005) и аналитиком Джоном Гарстка[4] была разработана одна из последних версий «новой теории ведения войн» («emerging theory of war»). Основы этой теории ее разработчики обобщили в документе «Внедрение сете-

[1] *Arquilla J., Ronfield D.* The Advent of Netwar. Washington: RAND, 1996; *Arquilla J. Ronfield D.* Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Washington: RAND, 2003.

[2] *Arquilla J., Ronfield D.* In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Washington: RAND, 1997.

[3] Многие аналитики отмечают, что так называемые «цветные революции», проходившие в странах Европы и Азии (Сербия, Грузия, Украина, Киргизия, Молдова) представляли собой сетевые войны, проводившиеся против правительств этих государств.

[4] *Alberts D., Garstka J., Stein F.* Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Washington: CCRP Publications, 1999. В сети Интернет: http://www. dodccrp. org/files/Alberts_NCW. pdf.

центричного военного искусства»[1], опубликованном в 2005 г. Разработчики этой теории убеждены, что в ближайшем будущем она «если не заменит собой традиционную теорию войны, то существенно и необратимо качественно изменит ее»[2].

Теория *сетецентричной войны* основана на делении циклов человеческой истории на три фазы: аграрной, промышленной и информационной эпох, каждой из которых соответствуют особые модели стратегии. Этим эпохам строго соответствуют социологические понятия — премодерн, модерн и постмодерн. Информационная эпоха — это период Постмодерна, который устанавливается сегодня, когда развитые общества Запада (в первую очередь, США) переходят к качественно новой фазе. Теория сетецентричных войн представляет собой модель *военной стратегии в условиях Постмодерна*. Как модели новой экономики, основанные на информации и высоких технологиях, сегодня доказывают свое превосходство над традиционными капиталистическими и социалистическими моделями промышленной эпохи, так и сетецентричные войны претендуют на качественное превосходство над прежними стратегическими концепциями индустриальной эпохи (Модерна). Теория сетецентричных войн представляет собой перенос основных моментов постмодернистского подхода на сферу военной науки.

Ключевым понятием для этой теории является термин «сеть». В современном американском языке, помимо существительного «the network» — «сеть», появился неологизм — глагол «to network», что приблизительно переводится как «осетить», «охватить сетью», «внедрить сеть в», «подключить к сети». Смысл «сети», «сетевого принципа состоит в том, что главным элементом всей модели является «обмен информацией» с максимальным расширением форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения, обратной связи. «Сеть», по мнению теоретиков сетевых войн, представляет собой новое информационное пространство, в котором развертываются основные стратегические операции — как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. «Сеть» в таком широком понимании включает в себя одновременно различные составляющие, которые ранее рассматривались строго раздельно. Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, эконо-

---

[1] The Implementation of Network-Centric Warfare. — www.au.af. mil. 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.au.af. mil/au/awc/awcgate/transformation/oft_implementation_ncw. pdf (дата обращения 28.08.2010).

[2] Ibidem.

мическое обеспечение, академическая наука, технические инновации и прочее — все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой «сети», между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен.

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: в создании *мощной и всеобъемлющей глобальной сети*, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему. В таких условиях война становится сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов. Регулярная армия, все виды разведок, технические открытия и высокие технологии, журналистика и дипломатия, экономические процессы и социальные трансформации, гражданское население и кадровые военные, регулярные части и отдельные слабо оформленные группы — все это интегрируется в единую сеть, по которой циркулирует информация. Создание такой сети составляет сущность военной реформы ВС США.

8.3.10. Э. Смит: Операции Базовых Эффектов

Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «Операции Базовых Эффектов» («Effects-Based Operations»). «ОБЭ» определяются военными теоретиками сетевых войн как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»[1]. Это концепция была детально разработана Э. Смитом[2].

«ОБЭ» означает заведомое установление полного и абсолютного контроля надо всеми участниками актуальных или возможных боевых действий и тотальное манипулирование ими во всех ситуациях — и тогда, когда война ведется, и тогда, когда она назревает, и тогда, когда царит мир. В этом вся суть «сетевой войны»: она не имеет начала и конца, ведется постоянно, и ее цель состоит в обеспечении тем, кто ее ведет, способности всестороннего управления всеми действующими силами человечества. Это означает, что внедрение «сети» представляет собой лишение стран, народов, армий и правительств мира какой бы то ни было самостоятельности, суверенности и субъектности, превращение их в жестко управляемые, запрограммированные механизмы. За скромной «технической» аббревиатурой «ОБЭ» стоит план прямого планетарного контроля, мирового господства нового типа, когда управлению подлежат не

---

[1] См. *Smith Edward A. Jr.* Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington: DC:DoD CCRP, 2002.

[2] Ibidem.

отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т. д. Это проект глобальной манипуляции.

Задачей «ОБЭ» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, т. е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет «ОБЭ» — т. е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток заведомо, еще до того момента, когда следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до ее начала. «ОБЭ» в равной мере применяются в период военных действий, в моменты кризиса и в периоды мира, что подчеркивает *тотальный характер сетевых войн*: они запускаются не только в момент напряженного противостояния и в отношении противников, как классические войны промышленного периода, но и в периоды мира и в отношении союзников или нейтральных сил. Цель сетевых войн — «ОБЭ», а цель «ОБЭ» — абсолютный контроль надо всеми участниками исторического процесса в мировом масштабе.

На появление первых концепций «сетецентричных войн» повлияли изменения в разных секторах американского общества — в экономике, бизнесе, технологиях и т. д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

- перенос внимания от концепта «платформы» к «сети»;
- переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;
- важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах[1].

В военно-стратегическом смысле это означает:

- переход от отдельных единиц (солдат, батальонов, частей, огневых точек, боевых единиц и т. д.) к обобщающим системам;
- рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;
- повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним[2].

Целью перехода к сетецентричным военным моделям являются:

- обеспечение наличия союзников и друзей;
- внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США;

---

[1] The Implementation of Network-Centric Warfare.

[2] Ibidem.

– предупреждение угроз и агрессивных действий против США;
– быстрая и решительная победа над противником[1].

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевой подход:

– лучшая синхронизация событий и их последствий на поле боя;
– достижения большей скорости передачи команд;
– повышение количества жертв среди противников, сокращение жертв среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней[2].

В первую очередь следует сражаться за информационное превосходство, для чего необходимо:

– искусственно увеличивать потребность противника в информации и одновременно сокращать для него доступ к ней;
– обеспечивать широкий доступ к информации своих через сетевые механизмы и инструменты обратной связи, надежно защитив их от внедрения противника;
– сокращать собственную потребность в статичной информации через обеспечение доступа к широкому спектру оперативного и динамичного информирования[3].

Теория сетецентричных войн не апеллирует напрямую к геополитике, но построена на принципе укрепления и обеспечения стратегического доминирования США в условиях глобализации и глобального мира в принципиально новой «пост-морской» среде — сетевой и информационной. То, что у социолога М. Кастельса описано в нейтральных терминах как «пространство потоков», «глобальный город» и «информационизм», в военно-стратегическом мышлении американских военных превращается в оружие нового поколения, поскольку само существование глобальной сети они совершенно справедливо оценивают как фундаментальный исторический успех и залог мирового контроля США.

8.4. Итоги геополитического анализа глобализации

8.4.1. Основные моменты геополитического анализа

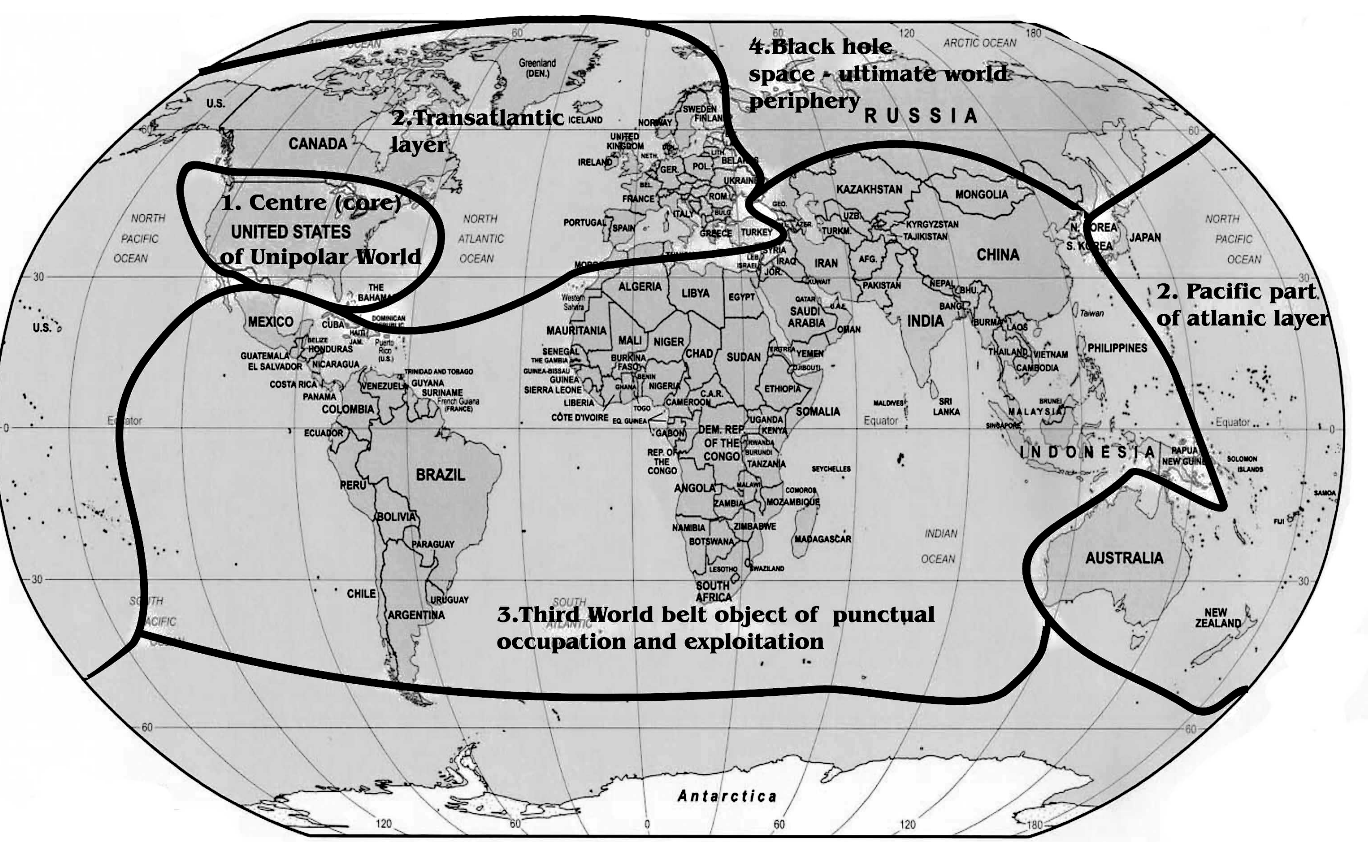
Завершая рассмотрение «геополитики глобального мира», мы можем отметить следующие моменты:

1. *Глобальный мир является следствием небывалого исторического успеха цивилизации Моря.* Используя историческую ме-

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

тафору, это можно уподобить тому, как если бы Третью Пуническую войну выиграли карфагеняне, захватили Рим, объединили бы под своим могуществом все Средиземноморье, и европейская история пошла бы по совершенно иному пути. Глобализм, мондиализм и глобализация обладают прозрачной геополитической природой: это идеология Левиафана, воплощаемая в жизнь.

2. *Глобализм есть явление идеологическое*. Как и любая идеология, глобализм структурируется по степени глубины вовлеченности в него:
   - существует идеологическое ядро (мондиализм), которое прекрасно осознает принципы и цели глобализации, продвигает их в жизнь и несет за них историческую ответственность;
   - есть промежуточный слой тех, для кого, в целом, глобализация симпатична и приемлема и кто старается в меру сил ее поддержать и продвинуть;
   - есть гораздо более широкая прослойка людей, которая воспринимает глобализацию как нечто стихийное и само собой разумеющееся, и поэтому, не ставя ее под сомнения, двигается по ее течению;
   - и есть огромные массы, вообще не осознающие, что с ними происходит в настоящий исторический период, податливые или сопротивляющиеся глобализации в силу пассивности и инерции.
3. *Глобализация есть явление социологическое*, поскольку формат общества существенно меняется в сторону парадигмы морского общества. Социальное пространство становится все более и более «ликвидным», «текучим» («пространство потоков»), непостоянным, меняющимся. Растет скорость информационного обмена. Пространство приобретает все более прозрачное и проницаемое качество, трение сокращается. Это находит выражение в развитии IT-среды, где процессы протекают мгновенно. Новое общество обладает свойствами «цивилизации Моря», но доведенными до их высшей концентрации.
4. *Глобализация влечет за собой постгеополитику. В* условиях маргинализации и фрагментаризации Суши как второго (или первого — если учитывать историческую последовательность) базового геополитического принципа на место классической геополитики приходит ее новая версия — «постгеополитика», которая выражает себя в разнообразных формах, часто «пародирующих» собственно геополитические методы или использующих геополитическую терминологию в неподходящем контексте. «Постгеополитика» может быть названа «постмодернистским симулякром» геополитики.

Карта 33. Структура однополярного (глобального) мира

8.4.2. Оценка глобализации с позиции «цивилизации Суши»

Эти выводы вытекают из объективного и нейтрального анализа явления глобализации, развертывающегося на наших глазах. Однако на протяжении всего анализа глобализации мы описывали то, как это явление оценивается изнутри западной цивилизации, как оно осмысляется в самой «цивилизации Моря». И с этой позиции, действительно, никакого иного взгляда на нынешнее положение дел и на основные процессы, развертывающиеся в мире, быть не может. Нечто аналогичное мы встречаем на всех этапах западной цивилизации, которая во всех эпохи мыслила мир, исходя из абсолютной убежденности, в том, что западное осмысление мира универсально, истинно, научно, точно и адекватно. В определенном смысле Запад всегда сохранял определенный этноцентризм, имеющий, как мы показали, глубокие архаические корни.

И сегодняшняя претензия «цивилизации Моря» на глобальность, триумф и «конец истории» не содержит ничего принципиального нового. И в имперский, и в колониальный периоды Запад не сомневался, что обладает монополией на абсолютную и историческую истину — в чем бы она ни состояла: в догматике, сомнении или свободе.

Следовательно, несмотря на весь плотный и внушительный гипноз глобализации и ее самооценок, и даже ее критики, проистекающей из самого Запада и несущей на себе все следы его базовой парадигмы, мы можем взглянуть на глобализацию *радикально иначе — на основании «геополитики Суши»*, вопреки утверждению современной западной цивилизации, что «с Сушей покончено» и «конец Евразии» наступил.

Если принять как рабочую гипотезу, что это утверждение слишком поспешно, что «конца Евразии» пока не наступило, что современный Heartland (в лице Российской Федерации) еще не является зоной, полностью подконтрольной центру глобального мира, еще не подвергся десуверенизации, прямой оккупации или установлению внешнего управления, и если мы суммируем «с позиции Суши» все те тенденции в мире, которые демонстрируют (в разных формах и с разной степенью интенсивности) волю к отторжению глобализации, мы сможем выстроить альтернативную геополитическую модель, определить ее принципы, перспективы и методы.

Так мы получим геополитику многополярного мира — мира, которого пока нет, но который вполне может быть. Этому будет посвящена третья часть данной книги.

РАЗДЕЛ 3

ГЕОПОЛИТИКА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глава 1

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ

1.1. Многополярность и «цивилизация Суши» (Land Power)

1.1.1. Геополитика Суши в глобальном мире

В предыдущем разделе мы рассматривали тематику глобализма, глобализации и мондиализма в перспективе, которая считается общепринятой и «конвенциональной». Но геополитический анализ этого явления показал, современный глобализм учитывает только одну из двух геополитических сил — талассократию, «цивилизацию Моря», претендующую на единственность, тотальность, нормативность и стремящуюся выдать себя за единственно возможное цивилизационное, социологическое и геополитическое состояние мира.

Мы увидели, что *философия глобализма основывается на внутренней уверенности в универсальности именно западноевропейской системы ценностей, которая мыслится как резюме всего многообразного опыта человеческих культур на всех этапах их истории*.

И, наконец, мы показали, что глобализация имеет в своих корнях активную идеологию (мондиализм) и влиятельные структуры, которые эту идеологию распространяют и внедряют в жизнь. Если учесть, что к последним относятся самые авторитетные интеллектуальные центры США (такие как CFR, неоконсерваторы), структуры высшего военного командования США и их аналитики (Оуэнс, Сибровски, Барнетт, Гарстка), международные олигархи (Джордж Сорос), ряд международных организаций (Бильдербергский клуб, Трехстороняя комиссия и т. д.) и бесчисленное количество аналитиков, политиков, журналистов, ученых, экономистов, деятелей культуры и искусства, работников IT сектора, рассеянных по всему миру, то мы можем понять причину того, почему эта идеология кажется нам чем-то само собой разумеющимся. То, что подчас мы воспринимаем глобализацию как «объективный процесс», является следствием гигантской манипуляции общественным мнением и плодом тотальной информационной войны.

Поэтому описанная нами картина глобальных процессов является констатацией реального положения дел лишь отчасти. В таком описании присутствует значительная доля нормативного и императивного, волевого (идеологического) пожелания, чтобы все было именно так, а значит, оно основано на натяжках и стремлении выдать желаемое за действительное.

В этом разделе мы опишем иной взгляд на глобализацию и глобализм, который невозможен изнутри «цивилизации Моря», т. е. из стихии номинально «глобального мира». Такой взгляд не учитывается ни в антиглобализме, ни в альтерглобализме потому, что он отказывается от самих глубинных философских и идеологических оснований европоцентризма. Такой взгляд отбрасывает веру:

- в универсальность западных ценностей, в то, что западные общества прошли в своей истории единственно возможный путь, который предстоит пройти всем остальным странам;
- в прогресс как в непререкаемую поступательность исторического и социального развития;
- в то, что безграничное техническое, экономическое и материальное развитие и есть ответ на самые насущные нужды всего человечества;
- в то, что люди всех культур, религий, цивилизаций и этносов принципиально такие же, как люди Запада, и управляются теми же антропологическими мотивами;
- в безусловное превосходство капитализма над другими социально-политическими формациями;
- в безальтернативность рыночной экономики;
- в то, что либеральная демократия является единственно приемлемой формой политической организации общества;
- в индивидуальную свободу и индивидуальную идентичность как высшую ценность человеческого бытия;
- в либерализм как в исторически неизбежную, приоритетную и оптимальную идеологию.

Иными словами, мы переходим на позиции «цивилизации Суши» и рассматриваем сегодняшний момент мировой истории с точки зрения «*геополитики-2*», или талассократической геополитики, как эпизод «великой войны континентов», а не как ее завершение.

Разумеется, трудно отрицать, что современный момент исторического развития демонстрирует ряд уникальным черт, которые при желании можно интерпретировать как победу Моря над Сушей, Карфагена над Римом, Левиафана над Бегемотом. Действительно, никогда в истории «цивилизация Моря» не достигала таких серьезных успехов и не простирала мощь и влияние своей парадигмы в таких масштабах. Конечно, «*геополитика-2*» признает этот факт и заложенные в нем последствия. Но она ясно отдает себе от-

чет в том, что глобализацию можно интерпретировать и иначе — а именно, как серию побед в сражениях и битвах, но не как окончательный выигрыш войны.

Здесь напрашивается одна историческая аналогия: когда в 1941 г. германские войска подступали к Москве, можно было посчитать, что все потеряно и конец СССР предрешен. Нацистская пропаганда именно так и комментировала ход войны: на оккупированных территориях создается «новый порядок», работают органы власти, создаются экономические и политические инстанции, налаживается социальная жизнь. Но советский народ продолжал ожесточенное сопротивление — как на всех фронтах, так и в тылу противника, планомерно двигаясь к своей цели и к своей победе.

В геополитическом противостоянии Моря и Суши сейчас именно такой момент. Внутри «цивилизации Моря» информационная политика выстроена так, чтобы ни у кого не зародилось сомнения, что глобализм есть свершившийся факт и глобальное общество в основных чертах состоялось, что все преграды отныне носят технический характер. Но с определенных концептуальных, философских, социологических и геополитических позиций все это можно оспорить, предложив совершенно иное видение ситуации. Все дело в *интерпретации*. Исторические факты не имеют смысла без интерпретации. Точно так же и в геополитике: любое положение дел в сфере геополитики имеет смысл только в той или иной интерпретации. Глобализм сегодня интерпретируется почти исключительно в атлантистском ключе. И тем самым в него вкладывается «морской» смысл. Взгляд с позиции Суши меняет не положение дел, но его смысл. А это во многих случаях имеет решающее значение.

Далее мы представим взгляд на глобализацию и глобализм с позиции Суши — геополитический, социологический, философский и стратегический.

1.1.2. Основания для существования «геополитики-2» в глобальном мире

Чем можно обосновать саму возможность взгляда со стороны Суши на глобализацию, при том, что, как мы показали, структура глобального мира предполагает маргинализацию и фрагментаризацию Суши?

Для этого есть несколько оснований.

1. *Человеческий дух (сознание, воля, вера) всегда способен сформулировать свое отношение к любому окружающему явлению*. И даже если это явление представляется необоримым, всеобъемлющим, «объективным», его можно принять или отвергнуть, оправдать или осудить. В этом состоит высшее достоинство человека и его отличие от животных видов. И если человек отвергает и осуж-

дает нечто, он вправе строить стратегии преодоления в любых, самых тяжелых и непреодолимых, ситуациях и состояниях. Наступление глобального общества может быть принято и одобрено, а может быть отторгнуто и осуждено. В первом случае мы плывем по воле волн истории, во втором — ищем «точки опоры», чтобы остановить этот процесс. История делается людьми, и дух здесь играет центральную роль. Следовательно, существует теоретическая возможность создания теории, радикально противоположной тем взглядам, которые выстраиваются на основе «цивилизации Моря» и принимают основные парадигмы западного взгляда на вещи, ход истории, логику смены социально-политических ситуаций.

2. *Геополитический метод позволяет идентифицировать глобализацию как субъективный процесс*, связанный с успехами одной из двух глобальных сил. Как бы «маргинальна и фрагментаризирована» ни была Суша, она имеет за собой серьезные исторические основания, традиции, опыт, социологические и цивилизационные предпосылки. Геополитика Суша выстроена не на пустом месте: это традиция, обобщающая фундаментальные исторические, географические и стратегические тенденции. Поэтому даже на теоретическом уровне оценка глобализации с позиции «*геополитики-2*» абсолютно правомочна.

3. Точно так же, как в центре глобализации стоит ее «субъект» (мондиализм и его структуры), *у цивилизации Суши может быть и есть свое субъектное воплощение*. Несмотря на гигантский масштаб и массивные формы исторической полемики цивилизаций, мы имеем дело, в первую очередь, с противостоянием умов, идей, концепций, теорий, а лишь затем — материальных вещей, аппаратов, технологий, финансов, вооружений и т. д.

4. *Процесс десуверенизации национальных государств пока не стал необратимым*, и элементы Вестфальской системы частично сохраняются. Это значит, что ряд национальных государств в силу определенных соображений все еще может делать ставку на проведение сухопутной стратегии, т. е. может полностью или частично отвергнуть глобализацию и парадигму «цивилизации Моря». Примером этого является Китай, который балансирует между глобализацией и собственной сухопутной идентичностью, жестко следя за тем, чтобы общее равновесие сохранялось и из глобальных стратегий было заимствовано только то, что укрепляет Китай как суверенное геополитическое образование. То же самое можно сказать и о тех государствах, которые США приравняли к «оси зла» (Иран, Куба, Северная Корея, Венесуэла, Сирия и др.). Конечно, угроза прямого вторжения войск США дамокловым мечом весит над этими странами (по примеру Ирака или Афганистана), а изнутри они непрерывно подвергаются тонким сетевым атакам. Но в настоящий момент их суверенитет сохраняется, что делает их привилеги-

рованными зонами для развития цивилизации Суши. Сюда же можно отнести ряд колеблющихся стран — таких, как Индия, Турция и др., которые, будучи значительно вовлечены в орбиту глобализации, сохраняют самобытные социологические черты, приходящие в противоречие с официальными установками правящих режимов. Такая ситуация свойственна многим азиатским, латиноамериканским и африканским обществам.

5. И, наконец, самое главное — *нынешнее состояние Heartland'a.* От него зависит, как мы знаем, господство над миром, реальность или эфемерность однополярной глобализации. Heartland в 1980–90-е гг. фундаментально сократил зону своего влияния. Из него вышли последовательно два геополитических пояса — Восточная Европа (страны которой входили в «социалистический лагерь, «Варшавский договор», СЭВ и т. д.) и Союзные Республики СССР. К середине 1990-х в Чечне началось кровавое тестирование возможности дальнейшего членения России на «национальные республики». Эта фрагментация Heartland'a вплоть до мозаики марионеточных несамостоятельных государств на месте России должна была стать финальным аккордом построения глобального мира и «конца истории», после чего говорить о Суше и «*геополитике-2*» было бы гораздо сложнее. Heartland имеет центральное значение в возможности стратегической консолидации всей Евразии и, следовательно, «цивилизации Суши». Если бы процессы, происходящие в России в 1990-е гг. пошли своим чередом и ее распад продолжился бы, ставить под вопрос глобализацию было бы намного труднее. Но в России с конца 1990-х — начала 2000-х гг. произошел перелом, распад был остановлен; федеральная власть восстановила контроль над мятежной Чечней. В. Путиным была проведена правовая реформа субъектов Федерации (связанная со снятием статьи о «суверенитете», с назначением губернаторов из центра и т. д.), которая укрепила вертикаль власти в пространстве всей России. Начали набирать обороты интеграционные процессы в СНГ. В августе 2008 г. в ходе пятидневного конфликта России с Грузией Россия установила прямой стратегический контроль над территориями, находящимися за пределом Российской Федерации (Южная Осетия, Абхазия), и признала их независимость, несмотря на огромную поддержку Грузии со стороны США и стран НАТО и давление международного общественного мнения. В целом Россия как Heartland с начала 2000-х гг. приостановила процессы самораспада, укрепила энергетику, упорядочила вопросы поставки энергоресурсов за рубеж, отказалась от практики одностороннего сокращения вооружений, сохранив свой ядерный потенциал. При этом влияние сети геополитической агентуры атлантизма и мондиализма на политическую власть и принятие стратегических решений качественно ослабло, укрепление суверенитета было ос-

мыслено как первоочередная задача, и интеграция России в ряд глобалистских структур, угрожающих ее самостоятельности, была приостановлена. Одним словом, Heartland продолжает оставаться основой Евразии, ее «ядром» (Core) — ослабленным, понесшим серьезнейшие потери, но все же существующим, независимым, суверенным, способным проводить политику если не в глобальном, то в региональном масштабе. В своей истории Россия несколько раз падала еще ниже: удельная раздробленность начала XIII в., Смутное время, события 1917—1918 гг. показывают нам Heartland в еще более плачевном и ослабленном состоянии. Но всякий раз через какой-то срок Россия оживала и возвращалась на орбиту своей геополитической истории. Сегодняшнее состояние России трудно признать блестящим или даже удовлетворительным с геополитической (евразийской) точки зрения. Но главное — Heartland существует, он относительно самостоятелен, и следовательно, мы имеем теоретическую и практическую базу для того, чтобы объединить все предпосылки для выработки ответа со стороны Суши на явление однополярной глобализации и воплотить их в жизнь.

Таким ответом Суши на вызов глобализации (как триумфа «цивилизации Моря») является *многополярность* как теория, философия, стратегия, политика и практика.

1.1.3. Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши

Многополярность представляет собой резюме «*геополитики-2*» в актуальных условиях развертывания глобальных процессов. Это чрезвычайно емкое понятие, требующее досконального рассмотрения.

Многополярность (multipolarism) — это *реальная антитеза однополярности* во всех ее проявлениях: *жестком* (империализм, неоконсы, прямая доминация США), *мягком* («многосторонность», multilateralism) и *критическом* (альтерглобализм, постмодернизм, неомарксизм).

Жесткая версия однополярности (радикальный американский империализм) основана на том, что США заявляют себя как последний оплот мирового порядка, процветания, комфорта, безопасности и развития, окруженный хаосом недоразвитых обществ. Многополярность утверждает прямо противоположное: США — это существующее среди многих других национальное государство, чьи ценности сомнительны (или, по крайней мере, относительны), претензии диспропорциональны, аппетиты чрезмерны, методы ведения внешней политики неприемлемы, а технологический мессианизм губителен для культуры и экологии всего мира. В этом смысле многополярный проект является жесткой антитезой США как инстанции, которая методично строит однополярный мир, и наце-

лен на то, чтобы категорически не допустить, сорвать и предотвратить это строительство.

Мягкая версия однополярности провозглашается действующей не только от имени США, но от имени «человечества», при том, что под ним понимается исключительно Запад и те общества, которые согласны с универсальностью западных ценностей. «*Мягкая однополярность»* призывает не навязывать силой, а убеждать, не принуждать, а объяснять выгоды, которые народы и страны получат от вступления в глобализацию. Здесь полюсом выступает не одно национальное государство (США), а западная цивилизация в целом как квинтэссенция всего человечества.

Такая, как ее иногда называют, *«многосторонная» однополярность* (multilateralism, многосторонность) отвергается *многополярностью*, считающей, что западная культура и западные ценности представляют собой лишь один ценностный набор среди многих иных, одну культуру среди разных других культур, что культуры и ценностные системы, построенные на совершенно иных принципах, имеют полное право на существование, и поэтому у Запада в целом и у тех, кто разделяет его ценности, нет никаких оснований настаивать на универсальности демократии, прав человека, рынка, индивидуализма, личной свободы, секулярности и т. п. и строить на базе этих нормативов глобальное общество.

Против *альтерглобализма* и *постмодернистского антиглобализма многополярность* выдвигает тезис о том, что капиталистическая фаза развития и построение глобального капитализма в мировом масштабе не является необходимой фазой развития общества, и само такое убеждение есть произвол и стремление навязать разным обществам один единственный сценарий истории. В то же время смешение человечества в единый мировой пролетариат является не путем к лучшему будущему, а побочным и абсолютно отрицательным эффектом глобального капитализма, не открывающим никаких новых перспектив и ведущим лишь к деградацию культур, обществ и традиций.

Если у народов и есть шансы организовать эффективное сопротивление мировому капитализму, так только там, где социалистические идеи сочетаются с элементами традиционного общества (архаическими, аграрными, этническими и т. д.), как это было в истории СССР, Китая, Северной Кореи, Вьетнама и имеет место сегодня в некоторых странах Латинской Америки (например, в Боливии, Венесуэле, на Кубе и т. д.).

Далее, *многополярность* — это совершенно иной *взгляд на пространство земли, нежели биполярность*, двухполюсный мир.

Многополярность представляет собой нормативный и императивный взгляд на нынешнюю ситуацию в мире с позиции Суши и

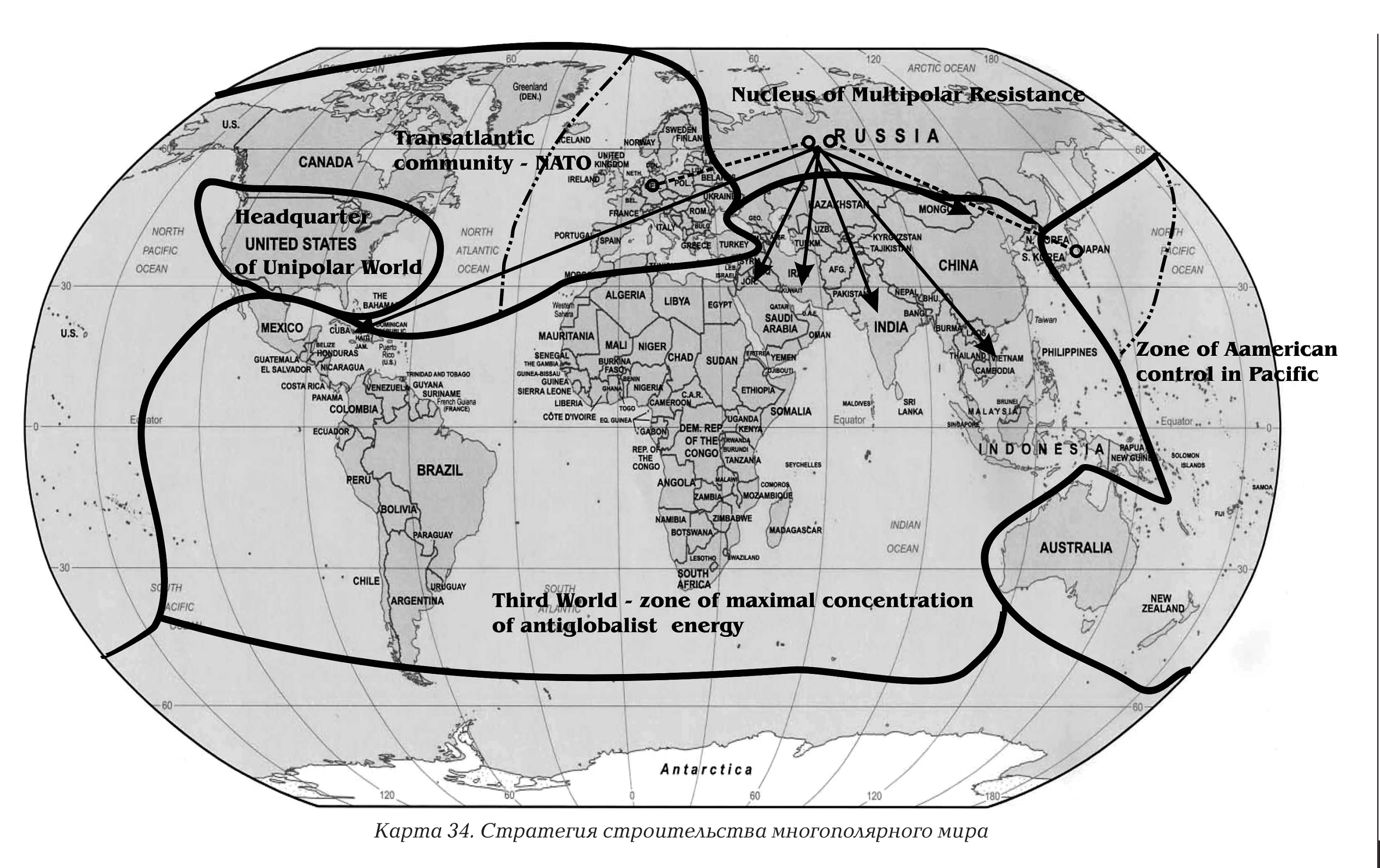
качественно отличается от той модели, которая преобладала в Ялтинском мире в эпоху «холодной войны».

Двухполюсный мир строился по идеологическому принципу, где в качестве полюсов выступали две идеологии — социализм и капитализм. Социализм как идеология не ставил под вопрос универсализм западноевропейской культуры и представлял собой социокультурную и политическую традицию, уходящую корнями в европейское Просвещение. В определенном смысле капитализм и социализм конкурировали между собой как две версии Просвещения, две версии прогресса, две версии универсализма, две версии западноевропейской социально-политической мысли.

Социализм и марксизм вошли в резонанс с определенными параметрами «цивилизации Суши» и поэтому победили не там, где предполагал Маркс, а там, где он эту возможность исключал — в аграрной стране с преобладающим укладом традиционного общества и имперской организацией политического пространства. Другой случай (самостоятельной) победы социализма — Китай — представлял собой также аграрное, традиционное общество.

Многополярность оппонирует однополярности не с позиции одной идеологии, которая могла бы претендовать на второй полюс, но с позиции многих идеологий, многих культур, мировоззрений и религий, которые (каждая — по своим причинам) не имеют ничего общего с западным либеральным капитализмом. В ситуации, когда Море имеет единое идеологическое выражение (правда, все более уходящее в сферу подразумеваний, а не открытых деклараций), а сама Суша не имеет такового, представляя собой несколько различных мировоззренческих и цивилизационных ансамблей, многополярность предлагает создание *единого фронта Суши против Моря*

Многополярность отличается и от консервативного проекта сохранения и укрепления национальных государств. С одной стороны, национальные государства в колониальную и в постколониальную эпохи отражают в своих структурах западноевропейское понимание нормативного политического устройства (игнорирующего религиозные, социальные, этнические, культурные особенности конкретных обществ), т. е. сами нации частично являются продуктами глобализации. А с другой стороны, из двухсот пятидесяти шести стран, официально числящихся сегодня в списке ООН, только незначительная часть способна при необходимости отстоять свой суверенитет самостоятельно, не входя в блок или альянс с другими странами. Это значит, что не каждое номинально суверенное государство можно считать полюсом, т. к. степень стратегической свободы у подавляющего большинства из признанных стран ничтожна. Поэтому укрепление Вестфальской системы, которая по инерции существует и сегодня, не является задачей многополярности.

Карта 34. Стратегия строительства многополярного мира

Многополярность, будучи противоположностью однополярности, не призывает ни к возврату к двухполюсному миру на идеологической основе, ни к закреплению порядка национальных государств, ни к простому сохранению статус кво. Все эти стратегии будут играть только на руку центрам глобализации и однополярности, т. к. у них есть проект, план, цель и рациональный маршрут движения в будущее, а все перечисленные сценарии в лучшем случае являются призывом к замедлению процесса глобализации, а в худшем (например, проект восстановления двуполярности на идеологической основе) выглядят как ностальгия или безответственные фантазии.

Многополярность — это вектор геополитики Суши, обращенный в будущее. Он основывается на социологической парадигме, чья состоятельность исторически доказана в прошлом, реалистично учитывает сложившееся в современном мире положение дел и основные тенденции и силовые линии его вероятных трансформаций. Но многополярность выстраивается как проект, как план того миропорядка, который только еще предстоит создать.

1.2. Многополярность и ее теоретическое осмысление

1.2.1. Неразработанность теории многополярности

Несмотря на то, что термин «многополярность» в последнее время довольно часто употребляется в политических и международных дискуссиях, его значение довольно размыто и неконкретно. Различные политические круги и отдельные аналитики вкладывают в него разный смысл. Основательные исследования и солидные научные монографии, посвященные многополярности, можно пересчитать по пальцам[1]. Даже серьезные статьи на эту тему довольно редки[2]. Причина этого вполне понятна: параметры нормативного политического и идеологического дискурса в глобальном масштабе сегодня задают США и страны Запада и по этим правилам можно обсуждать все, что угодно, но только не наиболее ост-

[1] *Murray D., Brown D.* (eds.) Multipolarity in the 21st Century. A New World Order. Abingdon, UK: Routledge, 2010; *Ambrosio Th.* Challenging America global Preeminence: Russian Quest for Multipolarity. Chippenheim, Wiltshire: Anthony Rose, 2005; *Peral L.* (ed.) Global Security in a Multi-polar World. Chaillot

[2] *Turner Susan.* Russia, Chine and the Multipolar World Order: the danger in the undefined // Asian Perspective. 2009. Vol. 33, No. 1. C. 159—184; *Higgott Richard* Multi-Polarity and Trans-Atlantic Relations: Normative Aspirations and Practical Limits of EU Foreign Policy. — www. garnet-eu. org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www. garnet-eu. org/fileadmin/documents/working_papers/7610.pdf (дата обращения 28.08.2010); *Katz M.* Primakov Redux. Putin's Pursuit of «Multipolarism» in Asia//Demokratizatsya. 2006. vol. 14 № 4. C. 144—152.

рые и болезненные вопросы. Даже те, кто считают, что однополярность была лишь «моментом[1]» в 1990-е гг. и сейчас происходит переход к новой неопределенной модели, готовы обсуждать любые версии, но только не «многополярную». Так, например, современный глава CFR Ричард Хаасс говорит о *«не-полярности»* (*No-Polarity*), имея в виду такую стадию глобализации, где потребность в наличии жесткого центра отпадет сама собой[2]. Подобные ухищрения объясняются тем, что одной из задач глобализации является, как мы видели, маргинализация «цивилизации Суши». А поскольку многополярность может быть только формой активной стратегии «цивилизации Суши» в новых условиях, то обращение к ней в общем глобальном контексте Западом, задающим тон в структуре политического анализа, не приветствуется. Тем более не следует ожидать, что конвенциональные идеологи Запада возьмутся за разработку *теории многополярности*.

Логично было бы предположить, что теория многополярности будет выстраиваться в тех странах, которые открыто провозглашают ориентацию на многополярный мир как основной вектор своей внешней политики. К числу таких стран относятся Россия, Китай, Индия и некоторые другие. Кроме того, обращение к многополярности можно встретить в текстах и документах некоторых европейских политических деятелей (например, бывшего министра иностранных дел Франции Юбер Видрин[3]). Но в данный момент и в этой области мы едва ли можем найти нечто большее, чем материалы нескольких симпозиумов и конференций с довольно смутными формулировками. Приходиться констатировать, что тема многополярности должным образом не осмысливается и в тех странах, которые ее провозглашают в качестве своей стратегической цели, не говоря уже об отсутствии внятной и цельной «теории многополярности».

Тем не менее на основании геополитического метода с позиции «цивилизации Суши» и с учетом анализа явления глобализма вполне можно сформулировать некоторые безусловные принципы, которые должны лечь в основание теории многополярности, когда дело дойдет до ее более систематизированной и развернутой разработки.

---

[1] *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990 / 1991 Winter. Vol. 70, No 1. C. 23—33.

[2] *Haass R.* The Age of Non-polarity: What will follow US Dominance?'//Foreign Affairs. 2008. 87 (3). С. 44—56.

[3] Déclaration de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères sur la reprise d'une dialogue approfondie entre la France et l'Hinde: les enjeux de la resistance a l'uniformisation culturelle et aux exces du monde unipolaire. New Delhi — 1 lesdiscours. vie-publique.fr. 7.02.2000. [Электронный ресурс] URL: http://lesdiscours. vie-publique. fr/pdf/003000733.pdf.

1.2.2. Многополярность: геополитика и мета-идеология

Наметим теоретические источники, на основании которых должна строиться полноценная теория многополярности.

Основой этой теории в актуальных условиях может быть только геополитика. Никакая религиозная, экономическая, политическая, социальная, культурная или экономическая идеология не способна в данный момент сплотить критическую массу стран и обществ, относящихся к «цивилизации Суши» в единый планетарный фронт, необходимый для того, чтобы составить серьезную и эффективную антитезу глобализму и однополярного миру. В этом и состоит специфика исторического момента («момента однополярности»[1]): у доминирующей идеологии (глобального либерализма/постлиберализма) нет симметричной оппозиции на ее собственном уровне. Поэтому надо обратиться к геополитике напрямую, взяв принцип Суши, Land Power вместо *оппонирующей идеологии.* Это возможно лишь в том случае, если в полной мере будут осознаны социологическое, философское и цивилизационное измерения геополитики.

Для доказательства этого утверждения нам послужит «цивилизация Моря». Мы видели, что *матрица* этой цивилизации встречается не только в Новое время, но и в талассократических империях древности, например, в Карфагене, античных Афинах или Венецианской республике. В рамках самого современного мира атлантизм и либерализм обретают полное превосходство над другими тенденциями далеко не сразу. Мы можем проследить определенную концептуальную последовательность: как «цивилизация Моря» (как геополитическая категория) движется сквозь историю, через серию социальных формаций, принимая разные формы, пока не находит своего наиболее законченного и совершенного выражения в идее глобального мира, где ее внутренние установки становятся доминирующими в планетарном масштабе. *Идеология современного мондиализма есть только историческая форма более общей геополитической парадигмы.* И между этой (возможно, наиболее совершенной) формой и геополитической матрицей существует прямая связь.

В случае «цивилизации Суши» аналогичной симметрии не существует. Идеология коммунизма лишь частично (за счет героизма, коллективизма и антилиберализма) резонировала с геополитическими установками «сухопутного» общества, да и то только в случае евразийского СССР и в меньшей степени Китая, т. к. другие аспекты этой идеологии (прогрессизм, техника, материализм) плохо вписывались в структуру ценностей «цивилизации Суши». И се-

[1] *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment.

годня даже в теории коммунизм не может выполнять той мобилизующей идеологической функции, которую он выполнял в XX в. в планетарном масштабе. С идеологической точки зрения Суша действительно расколота на фрагменты, и в ближайшее время едва ли мы можем ожидать появления какой-то новой идеологии, способной симметрично противостоять либеральному глобализму.

Но сам геополитический принцип Суши ничего не утрачивает в своей парадигмальной структуре. Именно он и должен быть взят в качестве фундамента для построения теории многополярности. Эта теория должна обращаться напрямую к геополитике, черпать из нее принципы, идеи, методы и термины. Это позволит иначе отнестись и к широкому спектру существующих неглобалистских и контр-глобалистских идеологий, религий, культур и социальных течений. Им совершенно не обязательно трансформироваться в нечто единое и систематизированное. Они вполне могут оставаться локальными или региональными, но быть интегрированными в общий фронт противостояния глобализации и доминации «цивилизации Запада» на метаидеологическом уровне, на уровне парадигмы «*геополитики-2*». И этот момент множественности идеологий заложен уже в самом термине «*много-полярность*» — и не только в рамках стратегического пространства, но и в области пространства идеологического, культурного, религиозного, социального, экономического).

Многополярность есть не что иное, как продление «геополитики-2» («геополитики Суши») в новую среду, характеризуемую наступлением глобализма (как атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях. Никакого другого смысла у многополярности просто не может быть.

Геополитика Суши и ее основные вектора, спроецированные на современные условия, является осью многополярной теории, на которую нанизываются все остальные аспекты этой теории. Эти аспекты составляют философскую, социологическую, ценностную, экономическую, этическую стороны этой теории. Но все они так или иначе сопряжены с осознанной в углубленно социологическом ключе структурой «цивилизации Суши» и с прямым смыслом самого понятия «многополярности», которое отсылает нас к принципам плюральности, множественности, неуниверсальности, дифференцированности.

1.3. Многополярность и неоевразийство

1.3.1. Неоевразийство как мировоззрение

Ближе всего к теории многополярности располагается *неоевразийство*. Это направление уходит корнями в геополитику и

оперирует преимущественно с формулой «Россия-Евразия» (как Heartland), но вместе с тем разрабатывает широкий спектр мировоззренческих, философских, социологических и политологических направлений, а не ограничивается только геостратегией и прикладным анализом.

Содержание термина «неоевразийство» можно проиллюстрировать фрагментами Манифеста Международного «Евразийского Движения» «Евразийская миссия»[1]. Его авторы выделяют в неоевразийстве пять уровней, которые позволяют по-разному трактовать его в зависимости от конкретного контекста.

Первый уровень: *евразийство есть мировоззрение*.

Согласно авторам Манифеста, термин «евразийство» «применяется к определенному мировоззрению, определенной политической философии, в оригинальной манере сочетающей в себе традицию, современность и даже элементы постмодерна. Философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого «постмодерном».

В постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм атлантистского типа уравнивает их с позиции безразличия и исчерпанности содержания. Евразийский постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с современностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают реальности, вытесненные эпохой Просвещения — религия, этнос, империя, культ, предание и т. д. В то же время из модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т. д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества. (...)

Философия евразийства — открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями — историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т. д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев, евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство арабов от евразийства китайцев и т. д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными. (...)

Основными реперными точками евразийской философии можно назвать следующие пункты:

- дифференциализм, плюрализм ценностных систем против общеобязательной доминации какой-то одной идеологии (в нашем случае и в первую очередь американской либерал-демократии);
- традиционализм против уничижения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;
- «государство-мир», «государство-континент» против как буржуазных национальных государств, так и «мирового правительства»;
- «права народов» против всемогущества «золотого миллиарда» и неоколониальной гегемонии «богатого Севера»;
- этнос как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;
- социальная справедливость и солидарность людей труда против эксплуатации, логики грубой наживы и унижения человека человеком»[1].

1.3.2. Неоевразийство как планетарный тренд

На втором уровне: *неоевразийство есть планетарный тренд*. Авторы Манифеста поясняют:

«Евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всем мире: политиков, философов, интеллектуалов, и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с «концом истории», навязывае-

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения».

мом нам атлантизмом, бодрость нашего духа возрастет, а серьезность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI в., связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьезными»[1].

3.3. Неоевразийство как интеграционный проект

На следующем уровне неоевразийство трактуется как *проект стратегической интеграции евразийского материка*:

«Понятие «Старый Свет», которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет — это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т. е. американскому материку, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты модерна, эпохи Просвещения. (...)

В XX в. Европа осознала свою самобытную сущность, и постепенно двигалась к интеграции всех европейских государств в единый Союз, способный обеспечить всему этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу.

Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом «старого Света» на непомерные претензии «нового». Если рассматривать альянс США и Западной Европы — с доминацией США — как атлантистский вектор европейского развития, то интеграцию самих европейских держав с преобладанием континентальных стран (Франция-Германия) можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения».

(Ш. де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

(...) Евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской истории, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию и параллельно через Турцию интегрирующаяся Европа как Старый Свет в полной мере приобретает евразийское измерение — и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом»[1].

Эти три наиболее общие определения неоевразийства показывают, что здесь мы имеем дело с предварительным основанием для построения теории многополярности. Это сухопутный взгляд на самые острые вызовы современности и попытка дать на них выверенный, учитывающий геополитические, цивилизационные, социологические, исторические и философские закономерности, ответ.

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения».

Глава 2

К ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

2.1. Теоретические основы многополярности. Философия множественности

2.1.1. GRECE: Плюриверсум вместо универсума

Теория многополярности основывается на *философии множественности*. Эту идею емко выразил французский философ и геополитик Ален де Бенуа в манифесте «2000» возглавляемого им движения GRECE. Ален де Бенуа призывает рассматривать мир как «плюриверсум», в отличие от «универсума». По латыни «universum» означает «сведение к единому». Неологизм «pluriversum» подчеркивает, что целью является не сведение к единому, не упрощение системы, но сохранение множественности и разнообразия. Авторы Манифеста пишут:

«Различие заложено в самом движении жизни, которая бурно развертывается через все большее и большее усложнение. Множественность и различие народов, этносов, языков, нравов, религий характеризуют развитие человечества, начиная с его истоков. Есть два отношения к этому факту. Для одних это жизненно-культурное различие и разнообразие представляет собой бремя, откуда рождается стремление всегда и повсюду сводить людей к тому, что есть между ними общего, что подчас приводит к самым извращенным последствиям. А для других, и это наш случай, различие — это богатство, которое необходимо сохранять и культивировать. (...) Мы считаем, что хороша та система, которая способна передавать через себя как минимум столь же сложные ансамбли как те, что она вбирает в себя. Подлинное богатство мира заключается в различии культур и народов»[1].

Этот принцип полностью созвучен неоевразийской философии.

[1] Manifeste de la GRECE. Paris: Labyrinthe, 2001.

2.1.2. Идейные истоки философии множественности

Истоки философии множественности следует искать одновременно в нескольких философских традициях.

Это:

– *немецкий романтизм* (братья Фридрих Шлегель (1772–1829) и Август Шлегель (1767–1845), Фридрих Шеллинг (1775–1854), Фридрих Гельдерлин (1770–1843), Людвиг Тик (1773–1853), Адам Мюллер (1779–1829), Генрих фон Кляйст (1771–1811), Новалис (1772–1801) и др.);
– *органицизм* (Альфред Эспина (1844–1922), Рене Вормс (1869–1926), Павел Лилиенфельд-Тоаль (1829–1903), Альберт Шэффле (1831–1903) и др.);
– *философия жизни* (Фридрих Ницше (1844–1900), Вильгельм Дильтей (1833–1911), Анри Бергсон (1859–1941) и др.);
– *холистская традиция в социологии* (Ф. Теннис (1855–1936), Г. Зиммель (1858–1918), В. Зомбарт (1863–1941), М. Мосс (1872–1950), Ж. Дюран и др.);
– *культурная антропология/этносоциология* (Франц Боас (1858–1942) и его ученики Альфред Кребер (1876–1960), Эдвард Сэйпир (1884–1939), Роберт Лови (1883–1957), а также Бронислав Малиновский (1884–1942), Альфред Рэдклиф-Браун (1881–1955), Клод Леви-Стросс (1908–2009)), Рихард Турнвальд (1869–1954), Вильгельм Мюльман (1904–1988) и др.);
– *русское славянофильство и религиозная философия* (А.С. Хомяков (1804–1860), И.В. Киреевский (1806–1856), К.Н. Леонтьев (1831–1891), Н.Я. Данилевский (1822–1885), В.С. Соловьев (1853–1900) и др.)
– *евразийство* (Н.С. Трубецкой (1890–1938), П.Н. Савицкий (1895–1965), Г.В. Вернадский (1877–1973), Н.Н. Алексеев (1879–1964) и др.);
– *фундаментальная онтология* (М. Хайдеггер (1889–1976));
– *«Консервативная Революция»* (О. Шпенглер (1880–1936), К. Шмитт (1888–.1985), Э. Никиш (1889–1967), Э. Юнгер (1895–1998) и др.);
– *традиционализм* (Р. Генон (1886–1951), Ю. Эвола (1989–1974), М. Элиаде (1907–1986) и др.).

К европейским и русским источником следует добавить целый спектр современной восточной философии:

– *японской* (Китаро Нишида (1870–1945), Тейтаро Дайсетцу Судзуки (1870–1966) и др.);
– *индийской* (Бал Ганадхар Тилак (1856–1920), Шри Рамана Махариши (1879 –1950), Ананда Кумарасвами (1877–1947) и др.);
– *китайской* (Кан Ювэй (1858 — 1927), Лян Цичао (1873–1923), Шен Юдинг (1908–1989), Лян Шумин (1893–1988), и др.);

— *иранской* (Мухаммад Икбаль (1877—1938), Али Шариати (1933—1977), Мухаммад Хусейн Табатабаи (1892—1981), Муртаза Маттахери (1920—1979), Сейид Хоссейн Наср и др.);
— *арабской* (Абд-эль Рахман Бадави (1917—2002), Хасан Ханафи, Надир ибн-Бизри, Хишем Джайят и др.).

Это гигантское поле теорий, школ, идей и авторов, которое можно расширять до бесконечности во всех направлениях (географическом и историческом, вглубь времен) имеет следующее общее качество. Все они, независимо от того, созданы ли они на Запада или на Востоке:

— критически оценивают философскую структуру ценностей западной цивилизации;
— отвергают ее претензии на универсальность;
— считают тупиковым магистральный путь западноевропейского развития в последние века и квалифицируют нынешнее состояние западной цивилизации как кризис и преддверие катастрофы;
— не признают мифа о прогрессе и эволюции;
— критически оценивают техническое развитие и видят в «раскрепощенной технике» величайшую угрозу;
— отказываются воспринимать европейскую рациональность как единственно возможную форму рациональности;
— утверждают право разных культур двигаться по своим траекториям в любом избранном ими направлении.

Одним словом, все эти интеллектуальные направления являются многополярными по своей сути, обосновывая в самых разных контекстах, аспектах и ракурсах право на различие и подрывая претензии западного либерального дискурса на доминацию, единственность, нормативность и глобализм. Лишь редкие авторы и школы из перечисленных выше напрямую апеллировали к геополитике, «цивилизации Суши», но все они, и множество иных течений в современной философии, по своим структурам могут быть отнесены именно к «сухопутным», если учесть то, что мы говорили о социологическом измерении геополитики. Все эти школы и авторы предлагают строить общество на основах *традиций*, которые, у каждого этноса и каждой культуры, у каждого места земли самобытны и различны. Таким образом, все они обосновывают «плюриверсум» как антитезу «единому миру», one world. Различие берется в этих философиях как синоним жизни, богатства (К. Леонтьев называл этот принцип «цветущей сложностью»[1]), свободы и жизненной силы. А не как угроза и «бремя», каким оно представляется «универсалистам». Поэтому эти направления призывают к обосно-

---

[1] *Леонтьев К.* Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.

ванию различий между народами и культурами, их углублению, сохранению и новому утверждению. Разница между одной культурой и другой совершенно не обязательно должна автоматически вести к конфликту между ними. Конфликты периодически случаются, но точно так же случаются они и в универсальном мире. Надо стремиться к миру и гармонии, к диалогу и взаимопониманию. Но ни в коем случае нельзя приносить в жертву динамические структуры идентичности, какие бы они ни были.

2.1.3. Ф. Боас: равноправие культур

В этом отношении показательна огромная работа культурных антропологов (американской школы Франца Боаса, английской школы Малиновского и французской школы Клода Леви-Стросса) и этносоциологов (Р. Турнвальд), которые, исследуя архаические народы, пришли к выводу, что их жизненный мир, структура мифологического мышления, социальный уклад и воззрения на природу, общество, человека, историю, жизнь, смерть, тайну, обряд и т. д. несут в себе колоссальное культурное богатство, абсолютно сопоставимое, а то и многократно превосходящее культуру современного западного человека.

Ф. Боас писал об этом в одном из своих писем из ранней экспедиции к арктическим островам Баффина:

«Я часто спрашиваю себя, в чем же состоит то преимущество, которым обладает «развитое» общество над обществом «дикарей», и я нахожу, что, чем больше я изучаю их привычки, тем больше понимаю, что мы просто не имеем никакого права смотреть на них сверху вниз. Мы не имеем права осуждать их за их формы и предрассудки, какими бы нелепыми они нам ни казались. Мы, «высокообразованные люди» намного хуже них...»[1].

Если внимательные и серьезные антропологи и этнологи, познакомившись с примитивными обществами, приходят в таким выводам, то что говорить о многотысячелетних культурах Азии, Ближнего Востока, Северной Африки или Латинской Америки?! Что говорить о тысячелетней русской культуре? Все эти культурные, социальные и религиозные явления — от гигантских до микроскопических — обладают уникальной ценностью и развиваются естественным путем. И всем им угрожает дорожный каток современной западной цивилизации, навязывающий примитивные коды своей декадентской культуры в глобальном масштабе, апеллируя к самым простейшим, материальным и примитивным реак-

---

[1] *Cole D.* (ed.) Franz Boas' Baffin Island Letter-Diary, 1883—1884 // Stocking George W.Jr. Observers Observed. Essays on Ethnographic Fieldwork. Madison: The University of Wisconsin Press, 1983. C. 33.

циям, действительно, универсальным и всеобщим, тогда как сложные здания культуры и духовная жизнь, напротив, различает все общества и делает их неповторимыми, оригинальными и самобытными.

2.1.4. Н. Трубецкой: альянс народов против навязываемого универсализма

С аналогичного тезиса начиналась и евразийская философия. Князь Николай Трубецкой написал книгу «Европа и человечество»[1], в которой задолго до глобализации (в ее современной форме) предупреждал, что европейский универсализм несет в себе смертельную угрозу всему человечеству, поскольку отрицает множественность культур. Н. Трубецкой в начале XX столетия призвал народы Земли сплотиться для того, чтобы дать решительный бой романо-германскому миру и его необоснованным колониальным и империалистическим претензиям. Другой евразиец, Петр Савицкий, подхватив идеи Трубецкого, уточнил в статье «Европа и Евразия»[2], что только Россия-Евразия может быть главной опорой для создания такого общечеловеческого фронта, направленного против европейской стратегии отношения к миру.

2.1.5. Актуальность философии множественности

В условиях глобализации эти евразийские инициативы 1920-х гг. прошлого века выглядят удивительно актуально. Тезис Трубецкого об «угрозе Европы для человечества» может быть переформулирован как тезис об «угрозе глобализации», а мысль П. Савицкого о роли России-Евразии в построении глобального антиевропейского альянса народов может быть положена в основу стратегии многополярного мира.

Но отрицание глобализации и борьба с однополярностью не самоцель. Они проистекают из особенного, уникального видения мира (совершенно иного, нежели современное европейское и особенно англосаксонское либеральное мировоззрение), которое отнюдь не реактивно и не живет «ненавистью» и «отторжением», но самодостаточно и имеет ценность в самом себе — в гармоничном и естественном раскрытии потенциала каждого из обществ (малого или большого) на своем собственном всегда оригинальном и самобытном пути.

Таким образом, в основе теории многополярности должна лежать философия плюриверсума, философия различия, взятого как

---

[1] *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.

[2] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М:Аграф, 1997.

самоценное и позитивное фундаментальное явление жизни. Вопреки универсалистской философии глобализма многополярная философия различия утверждает, что подлинные ценности могут существовать *только в рамках породивших их культур*, что множество культур — это *богатство человечества*, а не его беда, и что универсальным в человечестве являются только самые низменные, бескультурные и порочные проявления. Иными словами, философия многополярности отрицает не следствия или побочные эффекты глобализации, но *ее корни*, основания, глубинные мировоззренческие предпосылки.

2.2. Множественность бытия

2.2.1. Разное единство

Итак, идея глобализации в своих философских истоках апеллирует к *единству бытия* (по меньшей мере, так у К. Акселоса, О. Финка, В. Десана и т. д.). Но каждая культура понимает и трактует это единство *совершенно по-разному.*

Мы уже упомянали об «этноцентруме» и видели, что даже самое крохотное племя способно вместить мир в зону, расположенную неподалеку от границ его селения. И солнце, и луна, и звезды, и небо, и живые, и мертвые, и стихии, и боги, и духи — все вмещается в этноцентрум, как в первичную матрицу универсального. Только при переходе к состоянию «народа» этнос утрачивает единство бытия, но тут же пускается в погоню за ним, вступает в историю, чтобы его восстановить. В теологически и философски развитых культурах единство бытия приобретает еще более утонченный характер. В исламе это связано с тематикой «таухида», единения верующего с Аллахом через исполнение религиозных предписаний. Арабский термин «таухид» означает «приведение к единству», «активное единение». Вообще идея единого бытия составляет центральную тему в теологиях монотеизма. В христианской традиции эта тема особенно широко представлена в Православии, а в ряде монашеских практик, таких, как исихазм, идея единения человека и Бога как «восстановление единства бытия стоит в центре внимания. Этимологически термин «иудей» трактуется еврейской традицией как производное от ивритского слова «ахад», «один» и, следовательно, «иудей» есть носитель знания о едином Боге, единобожия, т. е. единства бытия.

Совершенно иначе понимают единство бытия индусы (в рамках адвайта-Веданты и ее философии), буддисты (ставящее превыше всего не единство бытия, а нирвану, «погашение бытия»), ки-

тайцы (в двух версиях своей духовной традиции — конфуцианской и даосской) и другие развитые философские культуры.

В русской религиозной философии (В. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков) единство бытия интерпретируется через сложную и парадоксальную теорию «всеединства»[1].

Поэтому форма постижения единства бытия широко варьируется от этноцентрумов до гигантских по философскому и теологическому объему религиозных культур. Единство бытия постигается различно, и никакая инстанция не может претендовать на то, что она одна выносит нормативный приговор относительно того, какое понимание единства надо считать правильным. Мы подходим к этой теме по запутанным лабиринтам разнообразных духовных культур, и само путешествие, само освоение данной культуры (которая либо дана нам изначально обществом, либо выбрана нами сознательно и добровольно) составляет не простой путь становления человеком.

В отношении «единого бытия» мы стартуем с разных позиций, и пути тоже фундаментально различны. Если на определенном уровне продвижения нам становятся понятны духовные структуры других культур и религий, это вполне объяснимо, т. к. люди, взыскующие единства, чем-то похожи. Но это касается только тех, кто кладет жизнь на алтарь духа, философии, религии, искусства, науки. Большинство людей живут в своем «жизненном мире», единство которого обеспечивается не ими индивидуально, а обществом и его традициями. Попытка соединить все человечество в столкновении с единым бытием, причем только в его западном рационально-логическом, либерально-индивидуалистическом понимании, составляющим сущность глобализма и мондиализма, окончательно оторвет массы от единства, от мира в его целостности, погрузит его в водоворот бесконечных фрагментов, осколков, частей, не складывающихся ни в какое общее целое. Так, современный французский философ Марсель Конш говорит, что современность не может более оперировать со словом «мир» (le monde) как с чем-то целым. Отныне вместо мира мы погружены в «экстравагантный ансамбль»[2]. Впрочем, это замечал в последние годы даже Костас Акселос, апологет мондиализма, утверждавший, что «при современной глобализации утрачивается мир как таковой»[3].

---

[1] См.: *Дугин А.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

[2] *Conche M.* Lucrèce et l'expérience. Saint-Laurent-Québec: Éditions Fides, 2000. См. также: *Conche M.* L'aléatoire. Paris: PUF, 1999.

[3] Mondialisation without the world. Interview with Kostas Axelos — www. radicalphilosophy. com, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www. radicalphilosophy. com/pdf/mondialisation. pdf (дата обращения 02.08.2010).

2.2.2. М. Хайдеггер: поиск целого в «аутентичном Dasein'е»

Философия многополярности строится таким образом, чтобы предоставить путь к единству бытия, к опыту целого, опыту мира многообразным культурам и традициям различных обществ, и не выносить на этот счет никаких окончательных решений. Феноменологически, на уровне «жизненного мира», мир состоит из различий: разных этносов, разных языков, разных обществ. Все, что сегодня повсюду оказывается одинаковым, — «Макдональдс», молодежные моды, брэнды, рыночные операции, формально демократические процедуры, технические приборы, сетевые протоколы, интернациональный слэнг на изломанном английском, автомобили и другие серийные товары, — никак не приближает нас к единству бытия и является искусственной нивелирующей паутиной, наброшенной на общества, с совершенно различной структурой и различным пониманием бытия. Бытие не может открыться через технику, комфорт, унифицированные товары или модные брэнды. Поэтому единства бытия следует искать где угодно, только не в глобальном мире. Странствие по нему не откроет нам планетарного горизонта, но зато закроет глубинное измерение нашей собственной культуры и идентичности, в глубине структуры которой, согласно многополярной философии, и лежит путь к бытию и открытости.

Философ Мартин Хайдеггер вводит понятие «Dasein», «вот-бытие», которое описывает структуру отношения человека с бытием. «Dasein», по Хайдеггеру, первичная реальность, над которой впоследствии надстраивается мышление, рациональность, философия, культура. В теории многополярности стартовым моментом является утверждение множественности Dasein'ов, т. е. убежденность в том, что каждое общество, культура, этническая или народная группа имеет свой особый Dasein[1], отталкиваясь от которого и создаются впоследствии разветвленные культурные, социальные, политические, религиозные и философские системы. Множественность Dasein'ов и основанное на этом принципе исследование различных «жизненных миров» народов земли составляет сущность многополярной философии.

2.3. Плюральная антропология

2.3.1. Отказ от горизонта человечества

Концепт «человечества», как его понимают глобалисты, в многополярной философии перечеркивается. Это понятие искусственное, чисто техническое и не имеет феноменологического или эмпи-

[1] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии.

рического подтверждения. Оно родилось в Новое время на основании секулярных гуманистических абстракций и имело чисто идеологическое значение для борьбы с христианской религией и ее представлением о центральности фигуры Бога — в мире и истории. Вопреки теологическому утверждению гуманисты выдвинули тезис о том, что не Бог творит историю, но человек, человечество. В основу концепции «человечества» была положена секуляризация христианской идеи сотворения всех людей от первочеловека Адама. Отбросив идею «творения» как «предрассудок», деятели Просвещения сохранили представление о *человечестве как едином явлении*, но уже на основании социально-психологических, а позже (после Дарвина) видовых биологических и зоологических свойств (Homo Sapiens).

Здесь явно виден след масонской идеологии, в основе которой лежит представление, что все религии и духовные традиции имеют общую структуру и общее происхождение, и они совпадают с учением самого масонства, которое и есть эта общая модель человеческой религиозности. Различия между религиями и культурами предстают как нечто второстепенное и как искаженное (для масс) изложение самой масонской теории, зарезервированной для духовной элиты. Поэтому единство человечества и единство мира является одной из центральных задач масонской политической деятельности, что объясняет нам стойкое присутствие масонства во всех глобалистских и мондиалистских инициативах, организациях и обществах[1]. Формула «единое человечество» в его секулярном, светском выражении есть, таким образом, ложный масонский концепт.

2.3.2. Э. Гуссерль, А. Мальро: «европейское человечество»

Показательно, что в европейской культуре XIX—XX вв. сплошь и рядом использовался термин «европейское человечество» (в частности, его употребляли Эдмунд Гуссерль (1859—1938)[2] и Анри Мальро (1901—1976)[3]). Это не оговорка и не случайное выражение. Европейская культура основана на презумпции того, что она является прогрессивной, идущей впереди всех голограммой мировой культуры. Европейское общество рассматривается как алгоритм общества как такового, и тогда все человечество есть лишь расширение понятия (причем, как правило, с точки зрения незавершенности, незаконченности, отсталости) «европейского человечества».

[1] *Thual F.* Géopolitique de la franc-maçonnerie, Paris, Dunod, 1994.

[2] *Husserl E.* La crise de l'humanité européenne et la philosophie. P.: Philosophie, 2008.

[3] *Malraux A.* La Tentation de l'Occident. Paris: Grasset, 1926.

На самом же деле горизонт «человечества», который якобы обнаруживает глобализм, и его философия есть все то же «европейское человечество», лишь раздутое до планетарных размеров, спроецированное на все остальные культуры и народы. Поэтому глобалисты открывают не «мир как целое», а остаются в рамках Запада, который превращается в «планетарный Запад». Никакого столкновения с общим, никакого обнаружения целого не происходит. То, что не похоже на Запад, превращается в то, что похоже на Запад (с его демократией, рынком, техникой, либерализмом, индивидуализмом, правами человека, сетями и т. д.), и только после этого принимается в расчет. *Глобализм есть абсолютизация частного, а не открытие общего и целого.* А «человечество» есть не что иное как инструментальный идеологический концепт, служащий для того, чтобы во всех направлениях работать с формулой «*человечество*» = «*европейское человечество*». Конечно, на практике эта формула не работает, т. к. большинство мировых культур и подавляющее большинство населения земли относятся к неевропейскому типу. Но для Запада и мондиализма это означает только одно: сегодня не относятся, а завтра будут относиться — кто добровольно, а кто принудительно.

2.3.3. Разные «человечества»

С точки зрения теории многополярности, конечно, существует «европейское человечество» как общество, построенное на основаниях ценностных систем западноевропейской цивилизации. Но наряду с ним существуют и многие другие «человечества» — индийское, китайское, русско-евразийское, арабское, исламское, африканское, тихоокеанское, буддистское, латиноамериканское человечества и т. д. Их границы подчас накладываются друг на друга, а внутри них существуют «микрочеловечества» вплоть до этносов и племен. Крохотные племена нивхов, кетов, юкагиров, шорцев или сету в Евразии, ведда на Цейлоне или пирахан в бассейне Амазонки — те же «человечества» с уникальным языком, культурой, обрядами, традициями, со своими собственными рациональностью, жизненным миром, Dasein'ом. И чтобы сложить всех их в общий планетарный ансамбль, надо предварительно досконально изучить их культуры, проникнуть в их суть, понять и полюбить их, постичь их логику — причем такой, какая она есть, а не такой, какой она видится извне. На практике это почти невозможно, но вполне может быть высокой и благородной целью. Эту цель и ставит перед собой философия многополярности. Причем не для того, чтобы выяснить, что между всеми этими «человечествами» есть общего, но чтобы насладиться величественным богатством их различий.

Теория многополярности отрицает *горизонт человечества*, считая его «империалистической» евроцентричной абстракцией. Она готова иметь с ним дело только в форме его отрицания, отвержения, разоблачения его несостоятельности и его колониальной, и даже «расистской» сущности: ведь в своем основании этот концепт предполагает, по умолчанию, превосходство западных обществ над всеми остальными и является выражением если не биологического, то, во всяком случае, культурного, социального и технологического расизма.

2.3.4. Запад и «все остальные» (The West and the Rest)

Остается лишь разрешить вопрос о том, в каком смысле евразиец Н. Трубецкой использовал термин «человечество» в своей программной работе «Европа и человечество»[1]? В данном случае Трубецкой понимает «человечество» как антитезу «европейскому человечеству», как многообразие существующих культур и традиций. Европа для него воплощает в себе навязчивый империалистический универсализм, а все остальные «человечество» превращается в жертву европейской глобальной политики (в том числе экономической, культурной, образовательной и т. д.), представляя собой вовсе не «единый горизонт», а типично сухопутное «многообразие» культур, находящееся под угрозой стирания, уничтожения, разложения и переформатирования под напором становящегося глобальным Запада.

В своей книге «Столкновение цивилизаций»[2]американский политолог Самуил Хантингтон, опираясь на работы английского историка Арнольда Тойнби[3] (1889—1975), использует формулу «The West and the Rest» — «Запад и остальные». То, что имеет в виду под «человечеством» Н. Трубецкой, это как раз «остальные» (the Rest) — *все, кроме Запада*, тогда как глобалисты и мондиалисты, напротив, под «человечеством» имеют в виду прежде всего именно Запад, а под «остальными» (the Rest) — тех, кому еще только предстоит этим «Западом» стать (своего рода «недочеловечеством», «недоразвитыми обществами»).

Философия многополярности — это философия «остальных» (the Rest), которым угрожает опасность со стороны «Запада» (the West) и которым необходимо консолидировать усилия, чтобы эту опасность отразить. Лишь после этого можно говорить о пути к единству через сложнейший процесс диалога культур и цивилиза-

---

[1] *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество.

[2] *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

[3] См. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

ций или о сохранении и возрождении различий. Это вопрос открытый, и теория многополярности не может так далеко прогнозировать будущее. Если проект глобализации рухнет, перед разными народами и обществами земли встанут совершенно иные проблемы и вызовы. Будут ли они глобальными или нет, заранее предсказать невозможно. Но сегодня вся глобальная проблематика носит пристрастный, инструментальный и жестко идеологизированный характер, исходит из западного «ядра» и является формой информационной войны и манипуляции общественным мнением.

2.3.5. Признание человеческих различий

Различие человеческих обществ является эмпирически подтверждаемым историческим законом. Мы знаем только *разные общества*, и каждое из них основано на особой антропологии, имеет особое представление о том, что такое человек. Никакой общей антропологии не существует. Каждая культура решает антропологическую проблему по-своему. Многополярная философия признает это как факт и не стремится его изменить. Поэтому она постулирует множественную антропологию как аксиому, как нечто, что нужно признать и осмыслить, но отнюдь не преодолеть. Любая попытка иерархизировать человеческие общества, так или иначе, ведет к «расизму»; и даже если биологический расизм сегодня вышел из моды, культурный, экономический, социальный, технологический расизм остается осью западного взгляда на мир. Сегодня он просто поменял свои формы: теперь «низшими» считаются культуры и общества, которые не признают императива индивидуализма, свободы, толерантности, секуляризма, прав человека, политической демократии и либеральной рыночной экономики: они объявляются «отсталыми», «недоразвитыми», «архаичными» и «тоталитарными» и подлежат, как в предельном случае Югославии, Ирака и Афганистана, насильственному «исправлению» и «аккультурации».

Многополярная философия исходит из совершенно иного подхода: каждое общество в праве выстраивать свои структуры и свои представления о человеке на основании собственных исторических традиций. Это может нравиться или не нравиться соседним обществам. В пограничных случаях это может провоцировать конфликты, а в других, напротив, гармоничное сочетание и творческий диалог культур. По крайней мере, *никогда нельзя судить одно общество, исходя из критериев другого общества, а тем более возводить результаты этого сравнения в идеологический принцип* — в этом состоит суть философии многополярности.

2.4. От плюральности мест к плюральности времен

2.4.1. Философия и антропология места

Признание позитивного смысла в различиях между обществами и культурами является основой теории многополярности. Мир многообразен, и это, во-первых — данность, а, во-вторых — ценность. Общества, этносы, народы, страны и цивилизации, расположенные в разных зонах пространства земли, выражают различные «пространственные смыслы» («Raumsinn» Ф. Ратцеля). Так возникает представление о многополярной географии культур — культурная карта мира, представляющая собой мозаику самых разнообразных обществ, которые, сплошь и рядом, входят в более широкие ансамбли или, напротив, разделены между собой национальными административными границами.

Многополярная теория имеет дело, в первую очередь, именно с такой культурной географией, или антропогеографией, *с антропогеографической картой мира*. На этой карте наносятся, в первую очередь, общества, народы, этносы, религии, культуры как сложные и динамично развивающиеся живые организмы, локализованные в пространстве. Так складывается многополярная карта плюральности «человеческих мест», *культурная топология мира.* Она берется в многополярной теории за основную матрицу, базовый алгоритм, на который позднее накладываются политические границы, экономические сети, зоны распределения природных ресурсов и военно-стратегические объекты. Общество в его привязке к пространству — первично, остальное вторично. Различия между «человеческими местами» определяет все остальное — включая самые технические и искусственные формы промышленной или военной организации пространства.

Так выстраивается философия пространства, философия места. А. Геттнер называл ее «хорографией» (или «хорологией»), учением о качественном пространстве[1].

Многообразие «человеческих мест» создает первичную структуру мира; все общества, сосуществующие в разных секторах такого мира, являются рядоположенными и равноправными, а отношения между ними развиваются по логике жизненного развития — активные общества расширяются, мобилизуются, развиваются, пассивные — сужаются, отступают, закрываются. Любая попытка управлять этим процессом является заведомо расистской, т. к. автоматически служит интересам какого-то конкретного общества в ущерб другим. «Человеческие места» следуют сценариям, зало-

---

[1] *Hettner A.* Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927.

женным в структурах их культуры, и на ее основе решают проблемы, которые выдвигает окружающий мир в своих трансформациях. И все они делают это собственным совершенно оригинальным способом.

«Теорию мест» развил известный японский философ Китаро Нишида, который, занявшись изучением европейской философии и, в первую очередь, феноменологии, пришел к выводу, что наряду с типично европейской моделью рациональности, оперирующей логикой, построенной на принципе «идентичности» объекта, существует альтернативная рациональность (свойственная, например, буддистско-японской культуре), где вместе «идентичностей» фигурируют «места»[1]. К. Нишида назвал это «логикой мест» («basho» — по-японски «место»). В отличие от «идентичностей», которые подразумевают жесткие логические конструкции («есть/нет», «истина/ложь»), «логика мест» основана на включающем принципе — оппозиции могут сосуществовать, не отвергая друг друга, наряду друг с другом в системе сложной конструкции «мест» («τοποι»). Высшим «местом», согласно К. Нишиде, является «пустота» или «ничто» («mu» — по-японски), которое включает в себя все остальные места и является их основой. Государство (культура, общество) также является «местом» (топосом), которое предваряет и замещает «ничто», но зато включает в себя все остальное. Все остальные места (внутри государства/общества) включаются в него, хотя и сохраняют своеобразие, различия, особенности и противоречия. Соответственно, другие государства/общества, вне Японии, в свою очередь, являются высшими «местами» для всего того, что в них включено и получают из этого свою реальность, свое бытие и свой смысл. Философия К. Нишиды и теория «басе» прекрасно укладывается в общий подход к проблеме места, пространства в многополярной теории.

2.4.2. Г. Гурвич: время как социологическое явление

От признания пространственного плюрализма, на котором строится теория многополярности[2], следует перейти к более тонкому принципу «плюральности времен». Как показали классики социологической мысли (Э. Дюркгейм, М. Мосс и особенно русско-европейский социолог Георгий Гурвич (1896—1965)), «время» есть категория социальная, и в каждом обществе существует свое

---

[1] *Nishida K.* Logik des Ortes. Der Anfang der modernen Philosophie in Japan. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

[2] Мартин Хайдеггер говорил о том, что «пространственность» (Raumlichkeit) является «экзистеницалом» Dasein'а *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 1986. См. также *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии.

особое «время», и даже не одно, а сразу несколько[1]. Это значит, что разные общества, даже сосуществующие в одном и том же физическом времени, с точки зрения собственной истории и культуры находятся в различных периодах. У этноцентрумов преобладает «вечное возвращение». К этносам, вступившим в историю, приходит поступательное время, направленное на реализацию общей судьбы и общего проекта (в настоящем и будущем). У разных религиозных культур — свои представления о логике и цели истории, о мессианстве, о циклах и о целях. Современные национальные государства оперируют с физическим временем и, в целом, разделяют западноевропейские модели «темпоральности». Постмодерн несет с собой еще одну модификацию времени — постисторию, игровое рециклирование фрагментов прошлого, ироническое время[2].

Каждое «место» земли, где находится то или иное общество, имеет, таким образом, свое социальное время, которое часто складывается из наложения друг на друга различных темпоральностей. Поэтому их историческая синхроничность (одновременность) весьма условна: к общечеловеческому (а точнее, к западноевропейскому физическому и календарному времени) они относятся только одной стороной, которая вплетается в сложный контекст локальных времен. Речь идет не о том, что одни общества проделали больший путь в общей логике истории, а другие меньший (это и есть расистский подход). Сами структуры времени в каждом обществе могут быть различны, и нет никаких оснований считать, что все они движутся в одну и ту же сторону: некоторые из них, может быть, движутся туда же, куда и западное общество, а другие вполне могут двигаться в совершенно ином направлении в соответствии со структурой своей темпоральности и ее смысла, а могут вообще не двигаться никуда (как в случае этноцентрума). Нет никаких рациональных оснований для того, чтобы вырывать общества из их собственного времени и бросать в стихию времени западного, модернизировать их, делать их современниками глобального момента. Для большинства ныне существующих обществ глобализации как естественного момента их собственной истории еще не наступило и, возможно, не наступит никогда. Поэтому заставлять их считаться с нынешним «глобальным моментом» есть просто ничем не оправданное насилие.

---

[1] *Gurvitch Georges.* The Spectrum of Social Time. Dordrecht: D. Reidel, 1964. См. также: *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010; *Он же.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

[2] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. См. также: *Дугин А.Г.* Постфилософия. М.: Международное «Евразийское Движение», 2009.

2.4.3. Плюральность времен как норма

Философия многополярности, со своей стороны, признает *плюральность времен как факт и как нормативное положение дел*. Разные общества живут в разных временах и имеют на это полное право и основание. Эти времена могут течь в разных направлениях, как русла рек, могут сливаться и ветвиться, а могут — как озера — стоять на месте. Никто не должен осуществлять *темпоральный диктат*, навязывать другим эпоху или эру. Исламское общество отсчитывает свою историю от хиджры, христиане — от Рождества Христова, иудеи — от сотворения мира. Свои системы летоисчисления есть у индусов, китайцев, буддистов. На земле до сих пор есть народы, которые вообще не знают времени, даже циклического (как некоторые племена аборигенов Австралии) и, значит, во времени они не нуждаются, и никто не смеет им его навязывать.

Так теория многополярности проводит линию позитивного толкования *различия* во всех сферах. Поэтому она представляет собой не просто наспех созданный «ad hoc» набор идей и представлений, призванный сиюминутно оппонировать однополярности и глобализму, но готова проводить свой анализ вплоть до самых глубинных оснований человеческого общества, вплоть до философского осмысление бытия, человека, пространства, времени, мира.

Мир многополярной теории тоже многополярен. Он дифференцирован во всех отношениях и во всех проекциях. Он представляет собой *открытый плюриверсум*, в котором в разных направлениях и с разной скоростью движутся разные социальные жизненные организмы, сливаясь, отталкиваясь друг от друга, конфликтуя и входя в союзы и альянсы. Если этот жизненный поток бытия конкретных человеческих обществ и имеет какую-то общую парадигму, закон или алгоритм, то понять его возможно только через углубление в эту многообразную, плюралистичную и всегда дифференцированную стихию.

Горизонт общения (между этносами, культурами, народами, странами, обществами, людьми) многополярный мир отнюдь не ограничивает, но лишь подчеркивает, что для того, чтобы он был содержательным и осмысленным, необходимо тщательно учитывать культурные особенности каждого участника. Без этого обмен может проходить только в самых низменных, материальных и примитивных формах. А подходить к разным культурам с единым общим шаблоном — самый верный путь не понять в них вообще ничего, но общение свести к насилию и навязыванию всем чуждого им культурного кода.

Глава 3

К ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

3.1. Полюса и «большие пространства»

3.1.1. Понятие полюса в многополярной перспективе

От рассмотрения философских основ теории многополярности перейдем к ее стратегическим аспектам. Начнем с того, что понимается под «полюсом» в стратегическом смысле.

Во-первых, многополярность по контрасту с однополярностью и однополярной глобализацией (в узком — американско-империалистическом, и широком — общезападном, смыслах), предполагает, что карта будущего мира должна быть структурирована таким образом, чтобы на ней находилось несколько центров силы, не обладающих абсолютным превосходством в отношении друг друга и позволяющих разным обществам (вплоть до микроуровня) осуществлять свободный выбор блока, к которому примкнуть. Этих полюсов должно быть больше двух. Это принципиально. Данное положение вытекает из анализа фактического положения дел. В настоящее время ни у одной из крупных держав, или даже блока крупных держав, недостаточно потенциала, чтобы предъявить права на единоличное стратегическое оппонирование мощи США и стран НАТО.

Двухполярный мир завершился распадом СССР, и после СССР никаких серьезных претендентов на статус второго полюса нет. Поэтому французский политик Юбер Видрин предложил после 1991 г. пользоваться не термином «сверхдержава» (применительно к США), а «гипердержава», чтобы подчеркнуть ее асимметричное превосходство, тогда как в противостоянии двух «сверхдержав» до конца соблюдалась определенная симметрия (по крайней мере, в стратегическом потенциале).

Ни современная Россия, ни Китай (как наиболее подходящие кандидаты на статус «второго полюса») не способны мобилизовать те мощности и ресурсы, которые были бы достаточны для конкуренции с США в стратегической сфере. У России проблемы с экономикой, демографией и нерешенностью многих социальных проблем, а Китаю, у которого с этими моментами все обстоит, наибо-

рот, весьма благополучно, недостает природных ресурсов и развитой ядерной инфраструктуры. О других претендентах на второй полюс говорить не приходится. Из этого и вытекает стратегическая модель многополярного мира.

Если сейчас нет ни одной державы, которая была бы способна бросить вызов единоличной доминации США в мировом масштабе, то необходимо создать коалицию нескольких блоков, которые, преследуя в региональном контексте собственные стратегические интересы и противореча в чем-то друг другу, даже будучи основаны на различных цивилизационных типах и идеологиях, могли бы организовать одновременно несколько полюсов, объединенных главной стратегической идеей: *блокированием американской гегемонии*.

Однако в том состоянии, в котором находятся сегодня отдельные страны, практически все они не подходят на роль полюса даже в собирательной и множественной трактовке. *Полюс многополярного мир, как и сам этот мир, должен быть составным, т. е. представлять собой результат стратегической интеграции*. Иными словами, стратегический полюс многополярного мира должен быть предварительно создан.

Теоретически полюс многополярного мира должен представлять собой мощное военное, экономическое, демографическое, политическое, географическое и цивилизационное образование, которое было бы способно осуществить стратегическую интеграцию прилегающих к нему территорий, выступая как результирующий вектор широкого спектра региональных интересов и представляющих их совокупно перед лицом глобализма и однополярности, осознанных как вызов. При этом такой полюс заведомо должен быть достаточно дифференцированным по внутренней структуре, чтобы служить центром притяжения для разнообразных, часто противоречивых, региональных держав и политических сил. И вместе с тем он должен быть способен выстроить систему стратегического партнерства с другими потенциальными полюсами многополярного мира — даже теми, с которыми существуют локальные разногласия.

Структурным примером того, что могло бы стать типичной формой полюса многополярного мира, является Евросоюз. Это политическое пространство, объединенное цивилизационно, исторически, культурно, экономически, социально, энергетически и т. д. При том, что Европа была ареной кровопролитного противостояния европейских держав, их агрессивного соперничества, жесточайших мировых войн, ее территория — «европейское место» — была постепенно интегрирована и через серию сложных и проблематичных ситуаций вышла на уровень федеральной государственности, во главе которой стоит сегодня, пусть символический, но президент (Херман Ван Ромпей).

Геополитически идентичность Европы является двойственной, в ней наличествуют как атлантистские (морские), так и континенталистские (сухопутные) черты и, соответственно, центры сил. Атлантистская идентичность Европы выражается в том, что она в целом поддерживает однополярную модель, но стремится обеспечить распределение ролей в рамках «ядра» («Богатого Севера»), чтобы при проведении глобальной стратегии Вашингтон учитывал и европейские интересы («многосторонний подход» — multilateralism). Континенталистская идентичность Европы (представленная традиционно, в первую очередь, Францией и Германией, а также другими крупными промышленными странами — Италией и Испанией) вполне сочетается именно с многополярным подходом, предполагает стремление к независимости от США и ограничению американской гегемонии в мировом масштабе, к превращению Европы в самостоятельный геополитический центр силы, к созданию социально-политической системы не столько на основе либерализма, сколько на принципах социал-демократии (не англо-саксонский индивидуализм, но европейская континентальная социальность и солидарность), к созданию собственных европейских вооруженных сил, и, в конечном итоге, к превращению Европы в самостоятельный полюс. Если допустить, что континентальная идентичность в Европе берет верх над атлантистской, в лице Евросоюза мы в перспективе получаем законченный полюс многополярного мира.

Аналогичный евроинтеграции сценарий можно представить себе и в иных зонах мира. Интеграция постсоветского пространства вокруг России на сходных принципах — одна из версий создания нового полюса. Принципиальными моментами здесь является интеграция России с Белоруссией и Украиной на западе и Казахстаном на юге, с созданием вокруг этих четырех «ядерных» государств гибкого интеграционного поля, привлекательного для соседних стран — как входивших ранее в состав СССР, так и не входивших (Болгария, Румыния, Словакия, Сербия, Македония на западе, Монголия на востоке).

Аналогичные полюса в ходе региональной интеграции могут создаваться и уже создаются и в иных зонах. Китай и Индия по своим демографическим показателям уже представляют собой почти готовые полюса. Колоссальный экономический потенциал Японии и некоторых других тихоокеанских драконов (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) позволяет предположить их возможную коалицию, которая также может при определенной конфигурации претендовать на статус полюса. В более отделенной перспективе полюсами могут стать арабский мир, интегрированная Латинская Америка и Транссахарская Африка.

Полюсом многополярности не может быть отдельное взятое национальное государство. В некоторых ситуациях (Китай, Индия,

Россия) национальное государство может стать *ядром интеграции*, в других случаях (Евросоюз, Тихоокеанский регион, Латинская Америка, арабский мир) интеграция будет складываться вокруг нескольких ядер. Но во всех случаях для того чтобы получить законченный полюс, необходимо пройти путь стратегического объединения довольно разнородных территорий.

Если представить себе формирование таких региональных полюсов в ходе интеграционных процессов на региональном уровне и допустить, что их уже два или три (кроме США и зоны их приоритетного влияния в пределах двух Америк), то мы получаем реальный остов многополярного мира, который фундаментально ограничит американскую гегемонию и поставит на пути «однополярной глобализации» весьма существенную преграду. И даже если каждый из этих полюсов будет по одиночке сильно уступать мощи США, их совокупный потенциал и слаженная дипломатическая позиции может радикально изменить общую структуру миропорядка.

3.1.2. Понятие «большого пространства» как оперативный концепт многополярности

Философия многополярности такова, что даже в условиях региональной интеграции (при создании полюса многополярного мира) она требует учета многообразия локальных обществ как органических и культурных явлений. Поэтому для выстраивания многополярного миропорядка и осуществления интеграционных процессов необходим особый концептуальный инструментарий, более гибкий и дифференцированный, нежели жесткие модели национальной государственности, пусть и воспроизводимые в формате нескольких стран. Совсем не обязательно и даже не целесообразно присоединять одни страны к другим или создавать на основе нескольких стран новые государства. Такой подход несет на себе отпечаток европейского универсализма Нового времени, а именно этому и стремится противостоять многополярная философия. Поэтому гораздо полезнее оперировать с другими концептами, которые будут корректно описывать интеграционные процессы и обосновывать их на стратегическом уровне. В этом случае оптимально подходит выдвинутый Карлом Шмиттом принцип «большого пространства»[1] (разработанный на основании опыта американской интеграции и глубинного переосмысления тезиса Карла Хаусхофера).

Концепт «большого пространства» в теории многополярности играет центральную роль. Он подчеркивает стратегический

[1] *Schmitt C.* Raum und Grossraum im Volkerrecht// Zeitschrift fur Volkerrecht. 1940. Vol. 24. No. 2.

масштаб интеграции, устанавливает ее параметры, определяет конкретные цели, описывает необходимый минимум территорий, демографических и экономических показателей, уровень энергетической обеспеченности, культурные и исторические границы земель, подлежащих интеграции. Но при этом намеренно не утверждает ничего конкретного относительно формы государственного устройства, политической системы или административного управления этим создающимся «большим пространством». Любая конкретизация может пойти только во вред. Более того, разные «большие пространства» могут быть политически организованы совершенно по-разному. В одном случае они могут объединиться в общую государственность, в другом — полностью сохранить уже существующие административно-политические формы, в третьем — переформатировать общую зону на основании новых (например, культурных, религиозных или этнических) установок. Важен не правовой статус новой интегрированной структуры, но ее стратегическая композиция, ее границы, центры управления, масштаб и размах.

«Большое пространство» может стать принципом всей многополярной стратегии. *Многополярный мир должен мыслиться как порядок «больших пространств».* Не одного глобального общего пространства, но мозаики из нескольких зон.

Концепт «большого пространства» может быть масштабирован. В своем максимальном выражении он может совпадать с концептом полюса — одного из нескольких в рамках общей многополярной системы. Но это самый крайний случай. Как правило, реалистичный взгляд на баланс сил и интересов в нашем мире подсказывает, что интеграционных зон может быть несколько *больше*, нежели полноценных полюсов, но при этом намного *меньше*, нежели официально признанных государств. Полюс многополярного мира может состоять из нескольких больших пространств, сохраняющих в его структуре относительную самостоятельность, подобно тому, как внутри самого «большого пространства» будет сохраняться автономия более мелких единиц — государств, этнических и религиозных групп и т. д.

3.1.3. Статус цивилизация и принцип «империи»

Если бросить взгляд в историю, что в качестве прецедента «больших пространств» можно взять две формы социальной интеграции: 1) культурную, выражением которой является *цивилизация*, и 2) политическую, проявляющуюся в форме *империи*. Цивилизация представляет собой «большое пространство», которое объединено философией, культурой, образом мыслей, терминологическим аппаратом, на основании одного или нескольких языков, в

некоторых случаях религией или культом, однако в ней отсутствует стратегическое единство и централизованное управление. Империя, в первую очередь, — это именно единство и централизация с точки зрения политической власти, а культурная близость обществ, входящих в империю, вторична и производна.

Обе исторические формы «большого пространства» отличаются сочетанием (в принципиально разных пропорциях) локального разнообразия (форм управления, организации, этнической и религиозной идентичности и т. д.) и общего для всех единого начала. На основании цивилизации могли строиться империи (например, Александром Македонским), а исчезнувшие империи оставляли после себя общее цивилизационное поле (например, исламский мир после распада халифата). Это показывает, что «цивилизация» и «империя» являются исторически взаимообратимыми явлениями: одно может сосуществовать с другим или возникать на месте другого. Это чрезвычайно важное замечание показывает, что между цивилизацией (культурным единством) и империей (политическим единством) существует непрерывность. И воплощается эта непрерывность в пространственном выражении: и цивилизация, и империя представляют собой «большие пространства» в геополитическом и социологическом смысле; общества, располагающиеся в пределах этого пространства, имеют в своих структурах некоторые сходные парадигмальные элементы. Если учесть, что общество как раз и производит пространство (А. Лефевр) и что его структуры отражают и одновременно конституируют пространство, эта закономерность становится легко объяснимой. Все исторические «большие пространства» (как империи, так и цивилизации) располагались в конкретных географических зонах с плавающими границами, но общим ядром и общей пространственной структурой. Поэтому можно утверждать, что некогда единые территории на новом историческом витке могут быть вновь, рано или поздно, интегрированы — по крайней мере, до тех пор, пока общая структура пространства остается неизменной и отражается в живущих на этом пространстве и организующих его обществах («вмещающий ландшафт»).

Примеров этому можно привести множество. Так, с ритмическим постоянство степные зоны Евразии объединялись тем или иным кочевым народом, становясь частью единой степной империи или нескольких империй. От скифов, сарматов, тюрок, хазар до монголов и русских эти территории периодически собирались в единое стратегическое пространство — с разными этническими ядрами, идеологиями и социальными системами. Эта зона представляет собой геополитический Туран, где можно до сих пор обнаружить следы общей евразийской культуры и цивилизации, объединявшей различные этносы, племена и религии. В монгольской,

а затем в русской государственности (империя) это культурное единство получило свое наивысшее выражение.

Другой пример — современная Европа. Некогда она представляла собой пространство Римской Империи, которая вначале распалась на две составляющие (Восточную и Западную империи), а в Новое время окончательно раскололась на суверенные национальные государства. Однако европейская культура и европейская цивилизация оставались общими для разных европейских этносов и, через много веков после исчезновения империи, политическое единство Европы возродилось в новом качестве — в форме Евросоюза.

Эти примеры показывают, что «большое пространство» как главный интеграционный концепт теории многополярности является чрезвычайно продуктивным для оперирования со столь разнородными явлениями, как культура и политика. В «большом пространстве» как самостоятельной категории эти явления сходятся в той социологической матрице, которая предшествует их окончательному оформлению и представляет собой модель отношения нескольких обществ к единому пространству, осмысленному и воспринятому как единое и общее.

Поэтому термин *цивилизация* может иметь политический и геополитический смысл, а термин империя — соответственно, цивилизационный. Итак, мы получаем формулу:

Культурная и политическая унификация пространства имеют общий корень и могут перетекать друг в друга в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Если рассмотреть под этим углом зрения идеи Самуила Хантингтона относительно столкновения цивилизаций, мы увидим, что они не лишены основания в том смысле, что культурное единство цивилизации вполне может в некоторых ситуациях быть дополнено стратегическим компонентом, чего не учитывали критики Хантингтона, посчитав, что он переоценил значение культурного фактора[1]. Поэтому то, что сегодня является «цивилизацией», завтра может стать «империей», т. к. в основе и того, и другого лежит общая матрица — «большое пространство».

Эта обратимость культурного единства в стратегическое должна пояснять всю фундаментальность понятия «большое простран-

[1] *Tomlinson J.* Globalization and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999.

ство», его значимость для многополярного мира. Многополярный мир должен строиться на условиях естественного исторического выбора обществами своих ориентиров развития, а, следовательно, на основании их культурной парадигмы. Введение концепта «большое пространство» показывает, как трансформировать культуру в политику в тех случаях, когда это становится необходимым. Однако понятие «империя» следует воспринимать технически, в отрыве от исторических коннотаций — как политологический термин оно означает не более чем *стратегическое единство с сохранением широких локальных автономий и разной степени социально-политической интеграции различных частей единого целого.*

В этом смысле империя теоретически *сочетается с федерализмом*, но *противоречит понятию национального государства*, которое проводит полную унификацию населения в правовом, образовательном, языковом и культурном аспектах, а также оперирует не с коллективными акторами (как империя, допускающая в своих пределах широкую политическую независимость отдельных составляющих), а с индивидуумами.

Если «империя» все-таки звучит слишком определенно, а «цивилизация», напротив, слишком расплывчато, то термин «большое пространство» является оптимальным со всех точек зрения и точно отражает сущность теории многополярности.

3.2. Структура идентичностей в многополярном мире

3.2.1. Новая таксономия акторов

Теория многополярности должна представить свой собственный проект, а также того, кто в многополярном миропорядке будет считаться главным актором внешней политики и международных отношений. Вестфальская система предлагает на этот вопрос однозначный ответ: национальные государства. В эпоху «холодной войны» реальными акторами были центры идеологических блоков (две сверхдержавы). В глобализме остается один актор — «ядро» (Core) мировой системы или «мировое правительство». В противовес этому теория многополярности выдвигает плюральную модель акторов, предлагая новую и оригинальную многополярную таксономию.

Полноценным стратегическим суверенитетом в многополярном мире будут обладать те инстанции, которые мы обозначили как «полюса». Это огромные стратегические образования, которых будет заведомо ограниченное количество: больше двух, но намного меньше, чем потенциальных «больших пространств». Это означает, что каждый полюс должен обладать единым командованием общих вооруженных сил, и эта инстанция должна находиться в подчине-

нии стратегического руководства полюса. В компетенции этой высшей стратегической инстанции будут входить только самые острые вопросы — такие, как война и мир, применение и неприменение силы, введение санкций и т. д. Приблизительно такую функцию выполняет сегодня Совет Безопасности ООН, но только в совершенно иной модели, которая чрезмерна по формату, не соответствует новой расстановке сил в мире, а потому не эффективна. Совет Безопасности «полюса» можно также уподобить руководству сплоченного военного блока — такого как НАТО или ОДКБ.

Эта инстанция будет принимать также стратегические решения макроэкономического, энергетического и транспортного характера, затрагивающие все пространство, находящееся в ведении полюса.

На следующем уровне будут располагаться центры, ответственные за интеграцию «больших пространств». Их структура должна быть похожей на структуру правительств конфедеративных государств, где все решения принимаются по принципу *субсидиарности, т. е.* чем локальнее проблема, тем больше полномочий ее решения сосредоточено на низших инстанциях самоуправления. Лишь общие вопросы, затрагивающие все «большое пространство» целиком, должны находиться в ведении «центров интеграции». Так как правовой статус «больших пространств» может существенно варьироваться, то и юридическая форма их управляющих инстанций может представлять собой как наднациональный орган, где участвуют главы государств, входящих в большое пространство (если национальные государства сохранятся), так и иные формы конфедеративной или федеративной организации (при более тесной интеграции).

На еще более низком уровне теория многополярности допускает весьма широкую форму «правовой» субъектности. Здесь будут располагаться как национальные государства, так и разнообразные формы иных социальных систем, у которых не будет нужды в национальном государстве, т. к. все стратегические решения будут приниматься на более высоком уровне. Вопросы, которые будут находиться в пределах компетенции инстанций, расположенных ниже, нежели центры «больших пространств», будут иметь преимущественно социальный характер, т. е. представлять собой процесс организации разных общественных групп в соответствии с их культурной, исторической, этнической, религиозной, профессиональной спецификой.

В целом, «большое пространство» представляет собой наложение многих социальных систем разного качества и разного формата, каждая из которых организована в соответствии со своими естественными жизненными и историческими параметрами. Задача многополярного подхода состоит в том, чтобы обеспечить макси-

мальную дифференциацию социальных единиц, предоставив общинам и обществам максимум свободы в выработке форм самоуправления и социальной организации. И этноцентрумы, и консолидированные историей народы, и государственные образования, и религиозные общины, и новые формы социальности — все это станет возможным в рамках многополярной модели организации общества, без утверждения жестких общеобязательных нормативов. Все вопросы, не затрагивающие самых общих стратегических позиций полюса и процесса интеграции «больших пространств», будут делегированы на максимально возможный локальный уровень, свободный от контроля высших инстанций. Любые сегменты общества смогут организовать свое бытие и свое пространство в соответствии со своими представлениями, силами, возможностями, желаниями, традициями и структурами воображения.

Схему властных инстанций в многополярном мире можно представить себе, например, так.

Высшее стратегическое руководство сосредоточивается на уровне полюса, но затрагивает очень небольшой спектр вопросов, касающихся только самых принципиальных и общих для жителей данного «мирового региона» тем. Ниже находятся интеграционные инстанции «больших пространств». А далее следует сложная (отмеченная на схеме 11 произвольной системой упорядочивания и накладывающимися друг на друга формами) конфигурация более мелких акторов, среди которых не выстраивается никакой политической, управленческой, правовой или статусной иерархии. Каждое общество, на какой бы основе оно ни было организовано, может оказаться в любой форме соподчинения или полной автономии по отношению к иным инстанциям, в зависимости от конкретного случая. Где-то религии могут быть поставлены выше этничности и государственности, где-то наоборот; где-то один и тот же этнос, религиозная общность или иная форма устойчивого коллектива окажется принадлежащей к разным государственным или социальным формами и т. д. В многополярном мире нет нормативных правил, которые претендовали бы на универсальность. Сколько обществ, столько и вариантов их организации.

3.2.2. Китаро Нишида: «логика басе» и вопрос идентичности

Вопрос об идентичности решается в организации общества на многополярных началах не в духе европейской рациональности, но скорее в духе «логики мест» (басе) Китаро Нишида[1], когда одна

[1] *Nishida Kitaro.* Intelligibility and the Philosophy of nothingness. Honolulu:East-West Center Press, 1958; *Idem.* An inquiry into the Good. New Haven and London: Yale University Press, 1990.

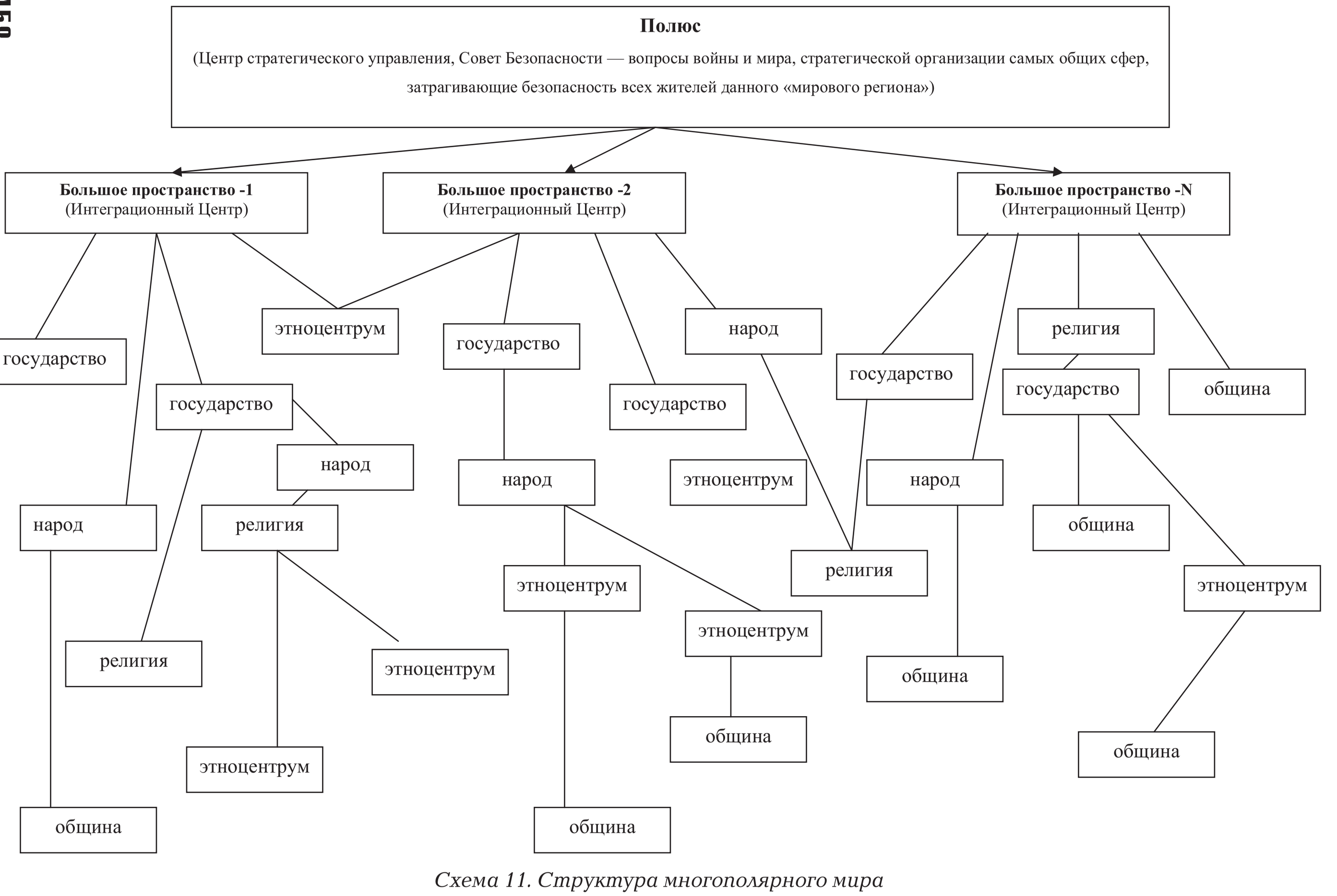

Схема 11. Структура многополярного мира

идентичность не исключает другую, но накладывается на нее, включая в себя все, даже противоречивые формы — поскольку все «места» (К. Нишида) суть причудливая игра высшей идентичности «небытия» (mu), в которой у человека есть одна задача — впустить в себя социальную культуру как момент освящения. В этом процессе соблюдается только главное правило: коллективная идентичность более важна, нежели индивидуальная. Человек определяется тем, к какому обществу и, соответственно, к какой культуре он принадлежит. Не общество производно от человека, но человек есть производная от общества. А так как вариации обществ и их соподчинений огромна, то и человеческая идентичность и ее структуры оказываются безграничными. Ригидные социальные системы (такие, к примеру, как «этноцентрумы») минимализируют индивидуальную идентичность, сводя ее почти к нулю[1]. В других социумах — например, в обществах монотеистических религий — значение личности намного выше и сочетается с другими формами неиндивидуальной идентификации (но и этот повышенный статус индивидуального начала есть не что иное как следствие социальных установок).

В национальных государствах индивидуальная идентичность становится доминирующей, а в гражданском обществе — единственной. Но и в этом случае исключительность индивидуальной идентичности есть результат специфической организации общественной парадигмы, а отнюдь не самого индивидуума. Чтобы осознать себя как индивидуальность, надо быть помещенным в социальную (внеиндивидуальную, нормативную) среду, которая сделает это установкой и ценностью.

Многополярная теория признает *все формы идентичности*, но рассматривает их в социальном контексте и не предлагает *никакой иерархизации*. Одна коллективная идентичность ничем не лучше и не хуже другой, то же верно и в отношении индивидуальной идентичности, если речь идет об обществе, которое наделяет личность автономной онтологией. Такой подход предполагает уважительное отношение ко всем социальным системам и настаивает лишь на том, чтобы предоставить им свободу органического становления.

Жесткая или открытая и гибкая идентификации имеют свой смысл только в конкретном социальном контексте, в отрыве от которого они не могут быть ни поняты, ни сравнены между собой.

Согласно Китаро Нишида, общественное благо реализуется через дезиндивидуализацию сознания собственного присутствия[2]. Когда человек понимает, что не он живет, но социальное сознание живет сквозь него, он становится самим собой, обретает свое «ме-

---

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию; *Он же.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

[2] *Nishida Kitaro.* An inquiry into the Good.

сто», свою идентичность. К «благу» как к таковому не обязательно стремиться; достаточно того, чтобы идентифицироваться с общим (с общиной, государством, социальной группой). В этом случае не имеет значения, хорошее ли это общество или плохое, справедлив ли правитель или, напротив, тиран или самодур. Все эти оценки не имеют ни смысла, ни автономного бытия: необходимо лишь хорошо служить коллективной идентичности, стирая свое «я» ради исполнения своего явления в человеческом виде — и тогда цель будет достигнута. Если хорошо работать на любой коллектив и истово служить любому правителю, благо будет реализовано: коллектив станет здоровым, а правитель — соответствующим ситуации.

Это правило действует и в отношении современного западного общества, поскольку, если пройти путь абсолютного индивидуума и абсолютной свободы до конца (как в теории предлагает либерализм), то выйдешь к фундаментальной онтологии, Dasein'у и традиции (только с другого конца)[1].

3.2.3. Национальное государство и многополярный мир

Один из важнейших пунктов теории многополярности касается национального государства. Суверенность этой структуры была поставлена под сомнение уже в эпоху идеологического противостояния двух блоков («холодная война»), а в период глобализации эта тема приобрела еще более острую актуальность.

Мы видели, что глобалистские теоретики либо говорят о полной исчерпанности «национальных государств и о необходимости перехода к «мировому правительству» («ранний» Ф. Фукуяма[2]), либо считают, что национальные государства еще не выполнили своей миссии до конца и должны просуществовать еще какой-то исторический период, чтобы лучше подготовить своих граждан к интеграции в «глобальное общество» («поздний» Ф. Фукуяма[3]).

Многополярная теория рассматривает национальные государства как явление евроцентрическое, механистическое и, в каком-то смысле, «глобалистское» в начальной стадии (идея нормативной индивидуальной идентичности в форме гражданственности подготавливает почву для «гражданского общества» и, соответственно, «глобального общества»). То, что все пространство мира разделено сегодня на территории национальных государств, есть прямое следствие колонизации, империализма и проекции западной моде-

---

[1] *Evola J.* Fenomenologia dell'individuo assoluto. Roma: Edizioni Mediterranee, 1974. На русском: *Эвола Ю.* Оседлать тигра. С-Пб.: Владимир Даль, 2005.

[2] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

[3] *Fukuyama F.* 2004. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. New York: Cornell University Press, 2004. См. также Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А.Дугиным // Профиль. 2007. № 23 (531).

ли на все человечество. Поэтому самостоятельной ценности для теории многополярности национальное государство в себе не несет. Тезис о сохранении национальных государств в перспективе построения многополярного миропорядка важен только в том случае, если он прагматически препятствует глобализации (а не способствует ей) и скрывает под собой более сложную и выпуклую социальную реальность: ведь многие политические единицы (особенно в Третьем мире) являются национальными государствами лишь номинально, а по сути представляют собой те или иные формы традиционных обществ с более сложной системой идентичности.

Позиция сторонников многополярного мира здесь полностью противоположна глобалистам: если национальное государство проводит унификацию общества и содействует атомизации своих граждан, т. е. осуществляет реальную углубленную модернизацию и вестернизацию, то такое национальное государство не имеет никакой ценности и является лишь разновидностью глобализационного инструментария. Такое национальное государство не заслуживает сохранения и не имеет смысла в многополярной перспективе.

Но если национальное государство служит фасадом иной социальной системы — особой самобытной культуры, цивилизации, религии и т. д., то его следует поддерживать и сохранять, ориентируясь на его грядущую эволюцию в более гармоничную структуру в рамках социологического плюрализма в духе многополярной теории.

Позиция глобалистов прямо противоположна во всем: национальные государства, служащие фасадом традиционному обществу (такие, как Китай, Россия, Иран и т. д.) они призывают демонтировать, а национальные государства с прозападными режимами, — Южная Корея, Грузия, страны Восточной Европы, — напротив, укрепить.

3.3. Четырехполюсный мир

3.3.1. Квадриполярная карта альтернативного мира. Обращение к пан-идеям

Все вышеприведенные теоретические соображения, касающиеся стратегического устройства многополярного мира, можно вполне применить к существующему положению вещей и предложить — в качестве одной из возможных версий — модель будущего многополярного мироустройства, соответствующего всем перечисленным условиям. Назовем эту модель «*квадриполярностью*»

или «четырехполюсном миром»[1]. Эта конструкция основывается на нескольких исходных источниках:

- на новой актуальности геополитики пан-идей (Куденоф-Каллерги, К. Хаусхофер);
- на учете геополитической стратегии CFR и «Трехсторонней комиссии» в отношении трех мировых регионов (США, Европы и Тихоокеанского ареала);
- на анализе роли и места современной России в мировой политике.

Применив идеи многополярной теории к анализу настоящего момента и основываясь на геополитических методологиях, мы можем обрисовать следующую картину.

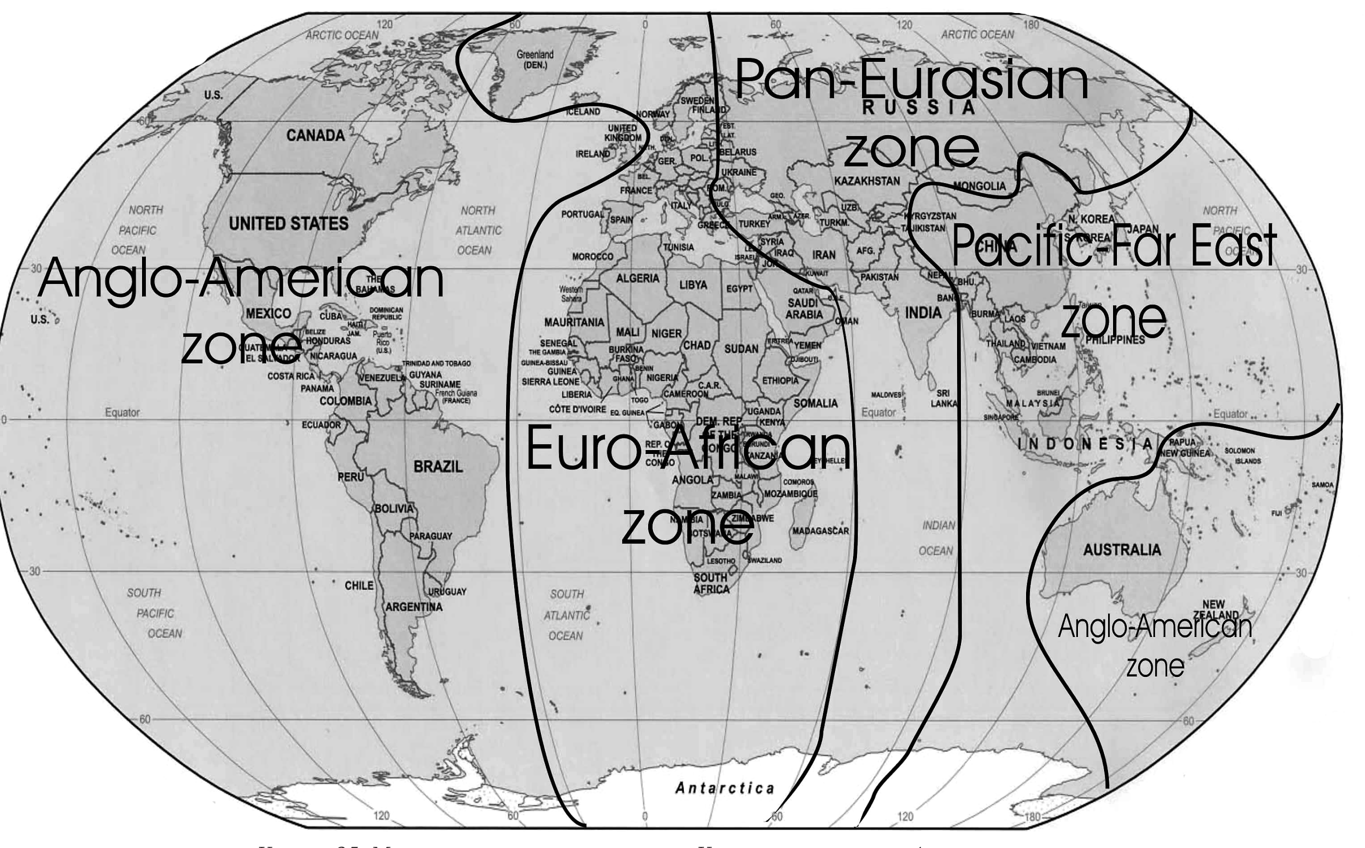
Потенциальный многополярный мир в своей четырехполюсной версии (квадриполяризм) представляет собой четыре мировых зоны, которые делят земной шар по меридиану. Приблизительно так выглядела и карта К. Хаусхофера в случае реализации пан-идей.

В первой зоне располагаются два американских континента. Это первый полюс. Его центр находится в Северном полушарии и совпадает с США. Эта модель воспроизводит доктрину Монро или статус США как великой региональной державы, пика который она достигла к концу XIX столетия, освободившись от европейского контроля и, напротив, установив свой контроль (экономический и политический) над большинством стран Латинской Америки.

В составе этой зоны, находящейся под стратегическим контролем полюса США, можно выделить два или три «больших пространства». Два — в том случае, если объединить близкие по социально-политическому и культурному укладу США и Канаду в одно «большое пространство», а всю Латинскую Америку по тому же признаку оформить в другое «большое пространство». Три «больших пространства» получаются в том случае, если мы разделим те латиноамериканские страны, которые достаточно глубоко интегрированы с США и находятся полностью под их контролем, и те, которые тяготеют к созданию собственной геополитической зоны, противостоящей США (к чему явно склоняются Куба, Венесуэла, Боливия и неявно Бразилия, Чили и т. д.).

Во второй зоне, правее на карте мира, находится область Евро-Африки. Полюсом этой зоны, очевидно, является Евросоюз, бесспорный политический и экономический лидер в этих границах и центр притяжения для всей этой меридиональной зоны. Мы рассматриваем многополярный сценарий и, следовательно, по умолча-

[1] Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения».

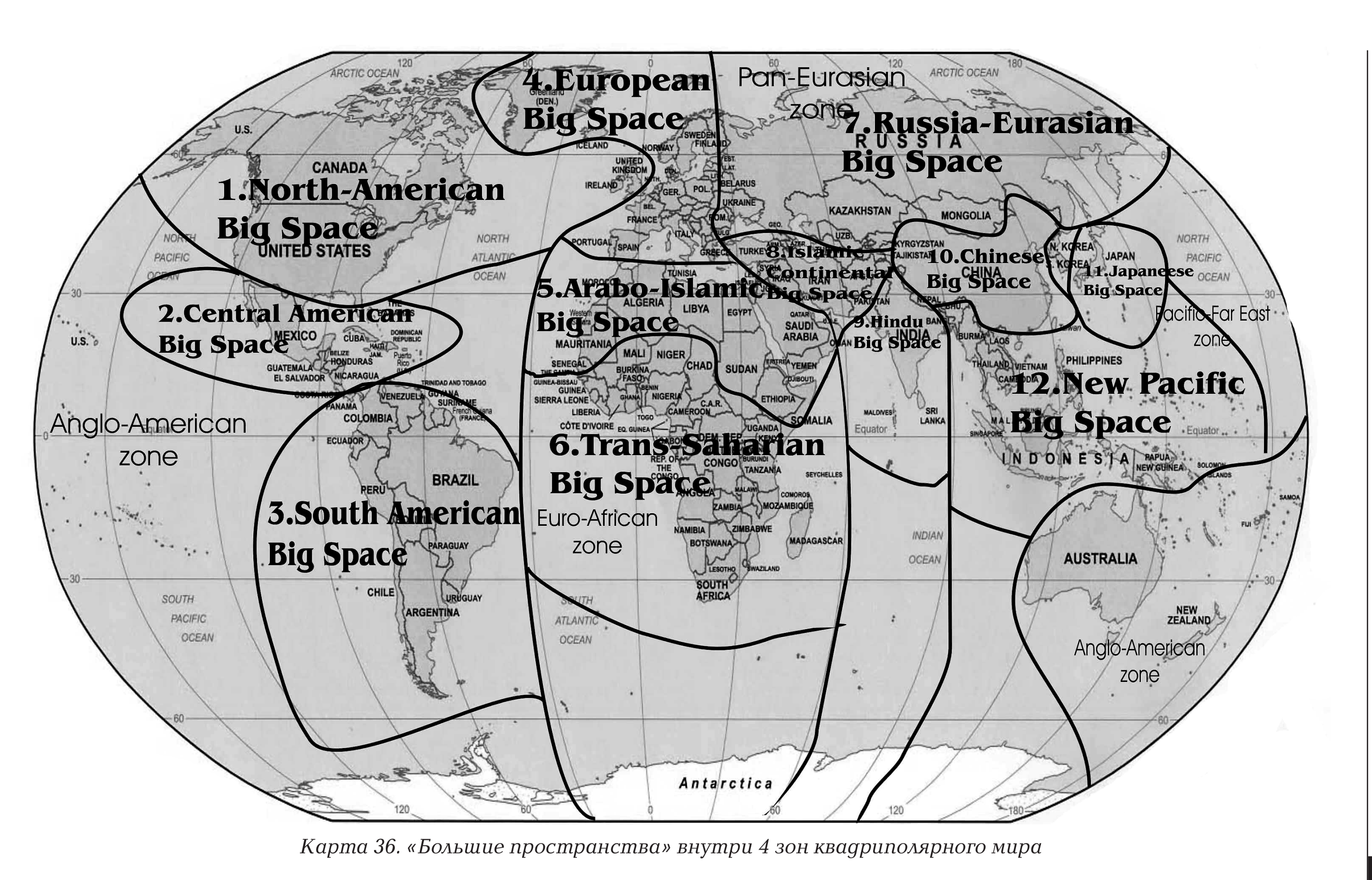
Карта 35. Модель многополярного мира. Квадриполяризм — 4 мировые зоны

нию считаем, что в такой Европе преобладает континентальная ориентация, трансатлантические связи ослаблены, расшатаны или вообще порваны, и все стратегическое внимание Европы обращено к Югу. В этой зоне намечается три «больших пространства» — сам Евросоюз, арабское «большое пространство» (преимущественно исламское) и Транссахарская (черная) Африка. Все три «больших пространства» имеют ярко выраженные культурные и цивилизационные черты, строго отличные друг от друга, но отнюдь не взаимоисключающие. Так как многополярность понимает интеграцию как партнерство только высших политических и стратегических инстанций, то смешение между собой разнообразных обществ, входящих в эти три пространства, ни в коей мере не предусмотрено. Процессы межкультурного, социального, этнического, экономического обмена могут развиваться по естественной логике, но никаких универсалистских рецептов здесь не должно существовать. Общества могут жить отдельно, не пересекаясь без необходимости, а общее стратегическое планирование проводиться на уровне полномочных и компетентных представителей всех трех «больших пространств».

Следующая зона — и она является ключевой во всей картине — это Евразия. Здесь полюсом выступает Россия (Heatrland). Вместе с тем в этой зоне есть ряд важнейших региональных центров силы: Турция (если она выберет евразийский, а не европейский путь интеграции, что вполне вероятно), Иран, Индия, Пакистан. Здесь мы имеем дело с несколькими «большими пространствами» и их наложениями. Русско-евразийское «большое пространство» включает в себя Российскую Федерацию и страны СНГ. Турция, Иран, Пакистан и Индия сами по себе представляют «большие пространства», тогда как Афганистан находится в точке, на которую оказывают давление все региональные центры сил (за исключением Турции и Индии, хотя в отношении Индии земли Афганистана занимают ключевое положение, что было давно системно осмыслено строителями Британской империи[1]).

Именно против самой возможности наличия такого стратегически консолидированного евразийского пространства ориентирована вся мощь атлантизма и глобализации. Трехсторонняя комиссия и проекты CFR как периода Второй мировой войны, так и послевоенного периода, а также вся геополитика «холодной войны» были направлены к одной цели: не допустить сближения СССР (Heartland) с другими региональными державами на Юге от его границ. Именно поэтому вторжение советских войск в Афганистан вызвало столь резкую реакцию у США. Стратегически однополярный мир и процессы глобализации возможны только в том случае,

[1] *Снесарев А.Е.* Авганистан. М.: Госиздат, 1921.

Карта 36. «Большие пространства» внутри 4 зон квадриполярного мира

если евразийской стратегической зоны не существует, выход России (Heartland) к теплым морям блокирован, а ее интеграционный потенциал крайне ограничен. И наоборот: *многополярный мир, организация миропорядка на принципах «цивилизации Суши» зависит только и исключительно от того, удастся ли России создать стратегический блок с мощными азиатскими державами, расположенными к Югу от ее границ.*

И, наконец, четвертой зоной является Тихоокеанский регион, где на роль полюса претендуют две державы — Китай и Япония. Эта зона может быть сконфигурирована различным образом, т. к. в ней велико и цивилизационное влияние Индии. Китай сам по себе — «большое пространство» (особенно если учесть концепцию «Большого Китая», куда относят также Тайвань, Сингапур и Гонконг[1]), а Япония обладает всеми данными для того, чтобы создать «большое пространство» вокруг себя как мощного центра геополитического, экономического, технологического и стратегического излучения.

От атлантистского сценария однополярности *квадриполярность* принципиально отличается структурой геостратегических осей. Они идут строго с Севера на Юг вдоль меридианов, полюса интеграции находятся в северном полушарии, а их влияние распространяется глубоко в области Юга и на Южное Полушарие, тогда как атлантистская модель построена по принципу окружения Евразии (Heartland'а) с Запада (Европой с доминацией атлантистской идентичности) и с Востока (союзными США странами тихоокеанского региона — в первую очередь, Японией).

3.3.2. Четвертая политическая теория и четвертый номос земли

Так как однополярный мир и глобализм (мондиализм) представляют собой идеологию (или мета-идеологию), основанную на либерализме, то многополярный мир также должен иметь определенные идеологические установки. Однако здесь возникают трудности. Старые идеологии, оппонировавшие либерализму (фашизм и коммунизм), исторически рухнули, не только потому, что проиграли, но и потому, что содержали в своих структурах своего рода идейный вирус, который — наряду с внешним давлением (либерализма) — и обеспечил их поражение. В политологии принято называть все версии либерализма и либеральной демократии «первой политической теорией», коммунизм — «второй», а спектр идеологий, так или иначе близких к европейскому «Третьему Пути» — «третьей политической теорией».

---

[1] *Бабаян Д.* Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы. Ереван: Де-Факто, 2010.

Современная глобализация строится на основании «первой политической теории», но возведенной к ее парадигмальной цивилизационной матрице — к чистому выражению «цивилизации Моря». Поэтому глобализация предполагает трансформацию либерализма в более общую структуру: из классической идеологии или политической теории либерализм (точнее, неолиберализм) превращается в планетарную метаидеологию, которая, с одной стороны, сливается с самой атлантистской «морской» социологической матрицей, а с другой — *переходит с уровня идей на уровень вещей*, входит в сами вещи окружающего глобализирующегося мира. Носителями этой метаидеологии отныне становятся не столько интеллектуалы, партийные и общественные деятели или СМИ, сколько сами технологии, формы финансовых взаиморасчетов, индивидуальные электронные номера, торговые сети, модные брэнды или бытовые приборы. Трудно придумать лучшего пропагандиста неолиберальной идеологии, чем сеть закусочных «Макдональдс», операционные системы «Windows», поисковики «Google», кредитные карты, ноутбуки и мобильные телефоны. Все эти предметы и технологии излучают идеологическую энергию, призывая «подключиться», «быть на волне», «следовать за новейшими тенденциями» и т. д. Метаидеология либерализма не убеждает, не аргументирует и не доказывает свою правоту и состоятельность, она ловит в глобальные сети жизненных практик, становящихся необходимыми, а далее инсталлирует себя, как компьютерную программу в hardware.

Многополярный мир также должен основываться на идеологической базе или политической теории, которая убедительно оппонировала бы неолиберализму, но так же, как и он в сегодняшнем состоянии, представляла бы собой именно мета-идеологию, отражая социологическую парадигму Суши. Будучи именно мета-идеологией, политическая теория многополярности должна быть предельно общей, гибкой и способной включить в себя самые разные — подчас противоречивые — системы идей. Кроме того, по своей природе многополярность предполагает многообразие и различие, взятые как позитивные явления, и, значит, новая мета-идеология не может быть догматической или жестко оформленной. Ее основной чертой будет именно противопоставление либеральному единообразию и стандартизации глобализирующегося человечества широкого спектра самобытных локальных и региональных возможностей — экономических, социологических, политических и культурных.

Так как «вторая» и «третья политические теории», существовавшие в иных исторических условиях, сегодня неприемлемы и не эффективны, следует поставить вопрос о выработке «четвертой политической теории». Именно в этом направлении и ведутся сегодня

разработки российских социологов, политологов и философов[1] и ряда европейских интеллектуальных центров континенталистской ориентации[2].

«Четвертая политическая теория» в самом общем виде основана:

- на главном принципе *свободы* общества следовать своим историческим путем в *любом* направлении и создавать *любые* социально-политические и социокультурные формы[3];
- на утверждении *множественности времен* наряду с линейным временем и «прогрессом», которые являются локальными социологическими феноменами, приемлемыми только в рамках западной цивилизации[4];
- на признании *полного равенства* «западных» и «восточных», «современных» и «архаичных», «технологически и экономически развитых» и так называемых «отсталых» народов;
- *на отвержении всех форм (явных и скрытых) расизма*, в том числе расизма культурного, экономического, технологического, цивилизационного и т. д.;
- на признании права обществ создавать как *религиозные*, так и *секулярные* политические системы, или не создавать никаких вообще; теология и догматика (и даже мифология) могут выступать столь же серьезными основаниями для принятия политических решений, как и секулярная логика и рациональные интересы;
- на обязательной *привязке* социально-политических и культурных форм *к пространству* и истории как к конкретному *семантическому* полю, вне которого они утрачивают смысл;

---

[1] *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009; *Он же.* Четвертая политическая теория // Профиль. 2008. №48 (603) от 22.12.; *Он же.* Критика концепта модернизации. Консервативный ответ на основании четвертой политической теории. www. konservatizm. org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://konservatizm. org/konservatizm/theory/210310203701.xhtml (дата обращения 01.09.2010); *Матвиенко Ю.А.* Военный аспект Четвертой политической теории.— www. konservatizm. org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://konservatizm. org/konservatizm/theory/010410162807.xhtml (дата обращения 01.09.2010); *Бовдунов А.Л. В* поисках Четвертой политической теории. — www. geopolitica.ru. 2008.[Электронный ресурс]URL: http://geopolitica.ru/Articles/434/ (дата обращения 01.09.2010); *Жаринов С.* Свобода как фундамент и цель Четвертой политической теории. — www. konservatizm. org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://konservatizm. org/konservatizm/theory/130410163922.xhtml (дата обращения 01.09.2010).

[2] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории. Спб.:Амфора, 2009; *Савин Л.В. К* четвертой политической теории. Интервью с Аленом де Бенуа. — www. geopolitica.ru. 2009.[Электронный ресурс]URL: http://geopolitica.ru/Articles/808/ (дата обращения 01.09.2010).

[3] *Жаринов С.* Свобода как фундамент и цель Четвертой политической теории.

[4] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную. Социологию; *Он же.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

— на выделении в качестве «базового актора» четвертой политической теории такой инстанции, как *Dasein* — различного у представителей разных обществ[1];
— на признании *множественности и различия высшими жизненными ценностями*, покушение на которые (особенно в глобальном масштабе) должно повлечь за собой санкции всех политических и стратегических инстанций, признающих четвертую политическую теорию и многополярный миропорядок[2].

Если обратиться к теории Карла Шмитта о «номосе земли», то можно заметить одну важную закономерность. Ален де Бенуа пишет о ней так:

«Шмитт утверждал, что до сегодняшнего дня было три «номоса» Земли. «Первый номос» — это номос древности и Средневековья, где цивилизации жили в некоторой изоляции одни от других. Иногда бывают попытки имперского соединения, как, например, империи Римская, Германская, Византийская. Этот номос исчезает с началом модерна, когда появляются современные государства и нации, в период, который начинается в 1648 г. с Вестфальским договором и завершается двумя мировыми войнами: это второй «номос государств-наций». «Третий номос Земли» соответствует биполярному регулированию во время «холодной войны», когда мир был разделен между Западом и Востоком; этот номос окончился с падением Берлинской стены и разрушением Советский Союз.[3]» И далее он добавляет:

«Вопрос заключается в том, каким будет новый номос Земли, *четвертый*? И здесь мы подходим к теме Четвертой политической теории, которая должна родиться. Это и есть «четвертый номос Земли», который пытается появиться на свет. Я думаю и глубоко надеюсь, что этот четвертый номос Земли будет номосом большой континентальной логики Евразии, Евразийского континента»[4].

3.4. Heartland в XXI веке

3.4.1. Россия как Heartland

Многополярный мир и сама возможность его построения напрямую зависят от главного фактора — от положения, состояния и поведения современной Российской Федерации в ближайшие годы и десятилетия, когда и будет решаться, каким быть «четвертому но-

[1] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

[2] *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

[3] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории.

[4] Там же.

мосу земли». Этот «номос» может быть либо глобалистским и однополярным, основанным на неолиберализме и сетевом обществе, либо многополярным, связанным с «порядком Суши» и «четвертой политической теорией». Все зависит от того, захочет ли и сможет ли Россия выполнить на этом критическом витке мировой истории ту миссию, ту задачу, которые диктует ей ее «пространственный смысл» (Raumsinn).

Это утверждение основано на холодном и отстраненном расчете и объективных данных геополитики — какую бы ее версию мы ни взяли («геополитику-1», «геополитику-2» или «геополитику-3»). Геополитика оперирует с понятием Heartland и строит свою картину миру вокруг этой «географической оси истории» (Х. Макиндер). *Россия есть Heartland*. В этом выражается вся ее история и ее значение. Россия имеет смысл только как Heartland, как «цивилизация Суши», как континент. Поэтому, каким быть «четвертому номосу земли», зависит целиком и полностью именно от России.

3.4.2. Интерпретация Heartland'а в трех геополитиках

Это признают все школы и направления геополитики, кроме пропагандистских или псевдо-геополитических исследований и публикаций, преследующих не научные, а иные цели. Но для «геополитики-1» все сводится к тому, чтобы сделать императивное и желательное расчленение Heartland'а (его маргинализацию и фрагментацию) как условие глобализации и окончательного закрепления однополярности необратимым, реальным и окончательным. От того, удастся ли в достаточной степени ослабить, расколоть и дестабилизировать Россию, подчинить ее и ее фрагменты внешнему управлению, зависит во многом судьба глобализации. Поскольку пока этого не произошло и не снята с повестки дня возможность построения многополярного — четырехполярного — мира, значит, глобализация ставится под вопрос. За всем показным безразличием США и Запада к современной России скрыт плохо скрываемый ужас от допущения, что она может развернуться вспять в своем пока деградационном движении и выйти на новую историческую орбиту, как не раз бывало в прошлом.

Для «геополитики-3» («геополитики береговой зоны») Heartland и политическая судьба России также имеют огромное значение, поскольку только наличие «цивилизации Суши» дает возможность Rimland'у осуществлять стратегический выбор ориентаций и комбинировать определенные элементы (Моря и Суши). В противном случае какая бы то ни было роль этой зоны сходит на «нет», и она становится техническим приложением к США, своего рода «стратегической колонией».

Для «геополитики-2» («континентальной геополитики») ключевая роль России видится с противоположным знаком, чем для «геополитики-1», т. к. «цивилизация Суши» и всех тенденций, находящихся с этой цивилизацией в резонансе, возникает шанс развиться и реализоваться на сухопутных (не атлантистских, не глобалистских, не однополярных) принципах, только если России удастся сохранить свой стратегический потенциал, территориальную целостность и политическую независимость. Только при наличии четвертой — евразийской — зоны многополярный мир может состояться. Как бы значительны ни были стратегические и экономические силы Евросоюза или Китая, при отсутствии полного российского контроля над Heartland'ом и ее участия в мировой реорганизации политического пространства на новых основаниях, они рано или поздно окажутся под прямым контролем глобального «ядра», будут вынуждены принять его правила и законы и, тем самым, раствориться в «глобальном обществе». В одиночку же противостоять США они не будут в силах вообще никогда.

3.4.3. Место и роль России в многополярном мире.

Для всех тех, кто всерьез намерен противостоять американской гегемонии, глобализации и планетарной доминации Запада (атлантизма), аксиомой должно стать следующее утверждение: *судьба миропорядка решается в настоящее время только в России, Россией и через Россию*. Принятие на себя России естественной роли лидера в строительстве многополярного мира является необходимым (но далеко еще не достаточным) условием для существования многополярности. Какие бы процессы во всех остальных странах и обществах ни проходили, они останутся локальными техническими возмущениями, с которыми глобализация рано или поздно справится. Единственный шанс к реализации интересов всех стран, обществ, политических и религиозных движений, которые не видят своего будущего иначе, нежели в многополярном мире, лежит в России и в ее политике. При этом совершенно не важно, как те или иные силы относятся к России, к ее культуре, ее традициям и ее социальному укладу, ее политике и т. д. Это не имеет ровным счетом никакого значения.

Центральная роль России обусловлена структурой политической географией. Не случайно немецкий геополитик Карл Хаусхофер в разгар войны с СССР продолжал утверждать, что реализация сухопутной миссии Германии возможна только через союз с СССР («континентальный блок»), а белогвардеец П. Савицкий в 1919 г. на фронте гражданской войны предсказывал победу большевиков, т. к. они оказались способны консолидировать территории Heartland'a, а белых оттеснили к береговой зоне (то, что белые опи-

рались на Антанту, было решающим аргументом в их поражении и в атлантистской идентичности этого движения).

Поэтому и в наше время о ключевом значении России для всей «цивилизации Суши» говорят преимущественно не сами русские, но иностранные геополитики континентальной ориентации (Ж. Парвулеско[1], А.де Бенуа[2], Э. Шопрад[3] и многие другие).

3.4.4. Задачи Heartland'a

Задача России в такой ситуации заключается в реорганизации пространства Heartland'a таким образом, чтобы обеспечить себе *реальный* суверенитет. Поскольку это возможно только в контексте многополярного мира, то «эгоистическая» задача приобретает планетарный масштаб. Многополярный мир должен строиться одновременно в разных регионах; только через координацию и взаимное соучастие в создании «четвертого номоса земли» на многополярной основе каждый участник этого процесса может обеспечить себе свободу и независимость. Суверенитет России напрямую зависит от того, сможет ли континентальная Европа добиться самостоятельности перед лицом США, а Китай — сохранить и укрепить свое влияние в Тихоокеанском регионе. В свою очередь, Европа и Китай, а также все остальные потенциальные «большие пространства» в еще большей степени зависят от способности России отразить вызов глобализации и создать систему евразийских континентальных альянсов. Поэтому стратегическая задача отстаивания собственной самостоятельности обществом, совершенно не похожим на другие общества, заставляет его тесно сотрудничать с потенциальными партнерами по многополярности, как бы далеко они не находились.

Россия не сможет обеспечить свои стратегические интересы и свою безопасность в одиночку. Для этого она вынуждена вести активную политику в мировом масштабе. Но т. к. Россия есть Heartland, имеет ядерное оружие, гигантские запасы природных ресурсов, огромные территории, многовековую традицию отстаивания своей независимости и (что немаловажно) осознание собственной исторической миссии (на разных этапах выступавшей в разных формах — от православно-христианской до коммунистической), именно она становится *ключом* к реализации многополярного сценария и в случае других стран, не удовлетворенных однополярностью и глобализмом (Китая, Евросоюза и т. д.).

---

[1] *Парвулеско Ж.* Владимир Путин и Евразийская империя. СПб.: Амфора, 2006.

[2] *Бенуа Ален де.* Против либерализма. К четвертой политической теории.

[3] *Шопрад Э.* Россия — главное препятствие на пути создания американского мира//Русское время. №2. 2010.

Глава 4

ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ОСНОВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ. МНОГОПОЛЯРНЫЕ ОСИ

4.1. Реорганизация Heartland'а

4.1.1. Цели

Описав в самых общих чертах структуру многополярного мира, следует перейти к более прицельному геополитическому анализу конкретных направлений в его строительстве.

Рассмотрим основные вектора геополитической активности, которые качественно усилят совокупный потенциал Heartland'a, от чего зависит «быть или не быть» многополярному миру.

Основным принципом этой активности является *стратегическая реорганизация пространства*, окружающего Россию со всех сторон с тем, чтобы это:

- позволило России иметь прямой доступ к жизненно важным географическим объектам (портам, теплым морям, ресурсам, ключевым стратегическим позициям);
- обеспечило отсутствие американских военных баз и прямого политического влияния;
- предотвратило интеграцию в НАТО;
- способствовало дальнейшей интеграции на евразийской основе;
- благоприятствовало развитию многообразных социальных систем, отличных от глобалистского стандарта;
- укрепляло позиции держав и блоков, ориентированных многополярно, континентально и дистанцированно в отношении глобализации.

Для строительства многополярного мира Heartland должен консолидироваться, накопить ресурсы, мобилизовать социальные структуры, перейти к фазе повышенной геополитической активности, требующей интенсивной политической работы. Необходима своего рода «геополитическая мобилизация», а под нее — пересмотр инструментов, ресурсов и потенциальных преимуществ,

которые в периоды инерциального развития не привлекают внимания.

Россия должна сделать геополитический прыжок, рывок, который резко вывел бы ее в новое качество. При этом надо как можно шире использовать те преимущества, которые можно получить в ходе интеграционных процессов. Одно дело рассматривать саму Россию и соседние страны как национальные государства, преследующие свои корыстные интересы (что диктует конкурентный, соревновательный подход, а то и соперничество), другое — оценивать потенциал соседей как часть единого стратегического пространства, которое необходимо создать. В этом случае требуется совершенно иной расчет и складывается совершенно иная картина возможностей.

4.1.2. Геополитическое сознание элиты

Началом строительства многополярного мира должно быть *изменение сознания российской политической элиты*, *открытие ей континентального и планетарного геополитического горизонта*, *привитие ответственности за судьбу вверенного ей социального*, *политического*, *экономического и исторического пространства*. Точно так же, как глобализм и построение однополярного мира основываются на методичном воспитании в атлантистском ключе нескольких поколений американской, европейской и мировой элиты (через закрытые клубы, экспертные организации, интеллектуальные корпорации, специализированные учебные заведения и т. д.), что включает в себя, кроме всего прочего, обязательный минимум в области геополитики и социологии, создание многополярного мира и реорганизация Heartland'а должны начинаться с геополитического пробуждения и воспитания российской элиты, активной подготовки ее к ответу на настоящие и будущие вызовы, с которыми она непременно столкнется. В этой сфере также строго необходим минимум геополитических и социологических знаний, а самое главное — широкий горизонт стратегического и исторического мышления, охватывающий общую картину трансформаций, проходящих с Россией и остальным миром в течение последних столетий. Элита России должна осознавать себя как элита Heartland'а, мыслить евразийскими, а не только национальными масштабами и ясно осознавать неприменимость для России атлантистского и глобалистского сценария. Только такая элита сможет осуществить необходимую геополитическую мобилизацию и эффективно проводить активную политику реструктурирования всего евразийского пространства в целях построения многополярного мира и в интересах безопасности России.

4.2. Западная стратегия Heartland'a: общий обзор целей и приоритетов

4.2.1. Heartland и США

Теперь рассмотрим общие параметры того, как должно происходить возрождение Heartland'a по основным направлениям в ходе строительства многополярного мира.

Начнем с западного направления.

Первым и наиболее фундаментальным моментом является модель выстраивания отношений России с США. В нынешних условиях это чрезвычайно трудная и деликатная тема. С точки зрения классической геополитики, а также исходя из радикальной противоположности глобалистского (однополярного) и многополярного сценариев, вся стратегия США направлена против Heartland'a: на его сдерживание, окружение, ослабление, фрагментирование и маргинализацию. Эта стратегия совершенно не зависит от конкретной американской администрации и персональных взглядов того или иного ответственного американского политика. США не могут не мыслить и не действовать так, поскольку в этом состоит постоянный вектор их планетарной стратегии (начиная с Вудро Вильсона), который дал убедительные результаты и привел США вплотную к мировому господству. Не может быть таких причин или аргументов, которые могли заставить бы США отказаться от мировой гегемонии и от строительства глобального мира, тем более, что многим американцам представляется, что эти цели практически достигнуты. Требовать от США, чтобы они занимали какую-то иную позицию в отношении Heartland'a, кроме жестко и последовательно враждебной, просто безответственно и глупо.

Все то, к чему стремится США в зоне евразийского материка, прямо противоположно стратегическим интересам Heartland'a и строительству многополярного мира. Эта противоположность взгляда на организацию политического пространства Евразии является абсолютной аксиомой, не допускающей ни исключений, ни нюансов. США хотят видеть Евразию и баланс сил в ней такими, чтобы это максимально соответствовало однополярности и глобализации. «Heartland» придерживается прямо противоположной точки зрения.

Российское руководство не может не понимать этого, и именно такая, резко негативная, оценка однополярного мира и американской гегемонии не раз высказывалась Президентом России Владимиром Путиным (в частности, в так называемой «мюнхенской речи»[1]).

[1] *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — kremlin.ru. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://archive. kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения 20.09.2010).

Но при этом существующая асимметрия между США как мировой «*гипердержавой*» и Российской Федерацией как мощной, но только лишь *региональной державой*, не позволяет оформить геополитическое противостояние между Морем и Сушей, глобализацией и многополярностью в открытую и прямую конфронтацию. Намного превосходящий современную Россию по своим стратегическим возможностям Советский Союз не выдержал двухполярного напряжения. Тем более не способна, даже теоретически, выдержать его (в одиночку) современная Россия. Поэтому Россия вынуждена постоянно поступать в соответствии с этой асимметрией, уклоняясь от прямой конфронтации, вуалируя свою позицию за дипломатическими двусмысленностями, методом проб и ошибок «прозванивая» структуру американского давления в поисках брешей и слабых мест, стараясь парировать точечные удары по территориям жизненно важных интересов России в ближнем зарубежье и Восточной Европе, а также подспудно пытаясь выстроить наброски многополярных альянсов.

Американские и российские интересы заведомо противоположны во всем, но это невыгодно и непросто признать (хотя и по разным причинам) ни той, ни другой стороне.

Россия стратегически заинтересована, чтобы американского присутствия или присутствия НАТО не было на постсоветском пространстве. США заинтересованы в прямо противоположном. Россия хочет иметь прямые партнерские отношения со своими западными соседями в Восточной Европе (странами бывшего соцлагеря). США видит в них зону своего преимущественного влияния (санитарный кордон, препятствующий сближению Москвы с Евросоюзом). Россия хочет построить интеграционную модель с Украиной и Беларусью. США поддерживали «оранжевую революцию» в Киеве, чьи вожди делали все возможное, чтобы оторвать Украину от России, и дискредитируют на мировом уровне Президента Беларуси А.Г. Лукашенко — в первую очередь за его самостоятельную политику и четкую ориентацию на союз с Россией. Россия укрепляет контакты с крупными державами континентальной Европы (Германией, Францией, Италией), в первую очередь в сфере энергетического сотрудничества. США через свое влияние на страны Восточной Европы и на определенные политические круги в Евросоюзе (евроатлантизм) всячески саботирует эти контакты, препятствует энергетическим проектам, постоянно ставит под вопрос маршруты трубопроводов и даже пытается закрепить правовым образом возможность военного вмешательства в случае спорных энергетических ситуаций с поставками, очевидно, имея в виду прежде всего поставки из России.

В такой ситуации продолжения геополитической напряженности, периодически выходящей на поверхность, трудно строить конструктивную российско-американскую политику — в силу от-

сутствия у нее каких бы то ни было оснований. Эффективность российско-американских отношений с обеих сторон измеряется прямо противоположным образом. Успехи России в отношениях с США измеряются тем, насколько Москве удалось, в конечном итоге, укрепить Heartland. Успехи США трактуются в этой стране прямо противоположным образом — они зависят от того, насколько США удалось Heartland ослабить.

4.2.2. Heartland и Европа

Совершенно иная модель существует в отношении Евросоюза. В расширенной версии теории Heartland'а, сложившейся у Х. Макиндера к 1919 г., кроме России к нему относится территория Германии и Средней Европы. В Европе существует основательная континентальная традиция, континентальная идентичность, которая имеет самые разнообразные культурные, социальные и политические выражения. Это отчетливо видно в политике таких стран, как Франция и Германия (в меньше степени — в политике Италии и Испании). Развитие стратегического партнерства с этим ядром Европы для России имеет приоритетное значение, т. к. именно на его основе может складываться многополярность. В момент одностороннего и не одобренного Советом Безопасности ООН вторжения стран коалиции (США и Великобритания) в Ирак в 2001 г. набросок российско-европейского континентального альянса дал о себе знать в форме оси «Париж—Берлин—Москва»[1], когда три президента этих стран (Ж. Ширак, Г. Шредер и В. Путин) совместно осудили действия Вашингтона и Лондона, выразив тем самым консолидированные интересы Heartland'а в его расширительном толковании (Россия + континентальная Европа). Это вызвало почти панику в США, где очень хорошо осознали, чем может кончиться такой альянс в случае его углубления и продолжения[2] для американской мировой гегемонии, и принялись всеми способами его демонтировать.

В Евросоюзе есть и другая составляющая, воплощенная в Англии, а также в странах «Новой Европы» (бывшие страны соцлагеря), чье политическое руководство, как правило, ориентировано жестко антироссийски и проамерикански. Стратегия этого сектора европейской политики несамостоятельна и полностью зависит от Вашингтона. В духе классической англосаксонской геополитики

[1] *Grossouvre Henri de.* Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian Cooperation// World Affairs. 2004. Vol 8 No1. Jan—Mar.

[2] *Hulsman J.* Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a PermanentFranco-German-Russian Alliance. — www. heritage. org. 2003. [Электронный ресурс] URL: http:// www. heritage. org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance (дата обращения 03.09.2010).

США сегодня заинтересованы в создании из стран Восточной Европы «санитарного кордона», который находился бы под прямым стратегическим протекторатом англосаксов и разделял бы расширенную версию Heartland'a (Россия плюс центральная Европа) клином на две части.

Карта 37. Евразийский проект Великой Восточной Европы как особого самостоятельного геополитического образования, дружественного как России-Евразии, так и континентальной Европе

Именно таким видел Макиндер путь к мировому господству: ««Кто контролирует *Восточную Европу* (выделено нами. — *А. Д.*), управляет «сердечной землей» (Heartland), кто управляет «сердечной землей» (Heartland), то управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», то правит миром»[1]. Ничего не меняется и сегодня. «Санитарный кордон» из антироссийских национальных государств Восточной Европы, слабо осознающих ответственность за собственно континентальную европейскую идентичность, построен и служит все той же цели. Эти страны интегрированы в НАТО, и на территории некоторых из них планируется разместить элементы американской системы ПРО, направленной, со всей очевидностью, против России.

Естественно, у России с этими евроатлантистскими странами отношения будут складываться не просто, т. к. их политические режимы ориентированы антироссийски, а кроме того эти страны не самостоятельны и инструментально используются США.

4.2.3. Проект «Великая Восточная Европа»

При этом в отношении Восточной Европы Россия может выдвинуть и конструктивный проект, который можно условно назвать «Великая Восточная Европа» (Greater Eastern Europe). Теоретически он должен строиться на исторических, культурных, этнических и религиозных особенностях восточно-европейских обществ. На всем протяжении истории Западной Европы ее славянские этносы и православные общества находились на периферии, были обделены вниманием и мало влияли на выработку общей западноевропейской социальной, культурной и политической парадигмы. Католики считали «православных» «восточными схизматами» («раскольниками» и «еретиками»), а к славянам часто относились как к людям «второго сорта». Все это — следствия типичного европоцентризма и оценки уровня культуры общества по степени его сходства с обществом Западной Европы.

Славяне же и православные культуры существенно отличались и отличаются от романо-германских и католико-протестантских обществ. Если эти отличия Западная Европа исторически толковала в пользу превосходства романо-германской культуры над славянской, а католичества над православием, то в рамках многополярного подхода все выглядит иначе и утверддается самобытность восточно-европейских стран и народов как самостоятельных и самоценных социологических и культурных явлений.

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. C. 106.

Проект «Великая Восточная Европа» может включать как славянский круг (поляков, болгар, словаков, чехов, сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев и сербов мусульман, а также малые этносы — такие,как лужицкие сербы), так и православный (болгар, сербов, македонцев, но вместе с тем румынов и греков). Единственный восточноевропейский народ, который не попадает под определение «славянский» или «православный» — это венгры. Но с другой стороны, в этом случае налицо их евразийское, степное происхождение, общее с другими финно-угорскими народами, подавляющее большинство которых живут на территории Heartland'а и имеют ярко выраженный евразийский культурный характер.

Великая Восточная Европа могла бы стать самостоятельным «большим пространством» в рамках единой Европы. Но в этом случае эти страны и общества перестали бы исполнять функцию «санитарного кордона», служить пешками в атлантистской геополитической игре и обрели бы достойное место в общем ансамбле многополярного мира.

С точки зрения Heartland'а это был бы оптимальный вариант.

4.2.4. Heartland и западные страны СНГ

Рассмотрим отношения Heartland'а со странами СНГ, находящимися к Западу от территории Российской Федерации. Земли нынешних Украины и Беларуси изначально были неотъемлемой, причем ядерной, частью центральной, Киевской Руси, и именно с этих территорий берет начало как российская государственность, так и историческое освоение восточными славянами всего пространства Heartland'а. После освобождения от монголов Московские великие князья, а затем цари считали восстановление стратегической целостности бывших земель Киевской Руси под единым началом православной славянской государственности основным вектором внешней политики. Бесчисленные войны с Литвой, Ливонским орденом, а позже (в эпоху Санкт-Петербургского периода) с Османской империей были продиктованы именно этой задачей — восстановлением единого политического пространства. Объединение великороссов, малороссов и белорусов виделось русским политическим и общественным деятелям как исполнение Москвой исторического предначертания.

Украина и Беларусь в целом принадлежат именно к зоне Heartland'а, и следовательно, интеграция трех восточно-славянских обществ и государств в единую сплоченную стратегическую структуру является важнейшей исторической задачей. Со стратегической точки зрения эта интеграция совершенно необходима для того, чтобы Heartland стал самостоятельной геостратегической силой в региональном, а затем и мировом масштабе. Это отчетливо

осознавали геополитики атлантисты — от Х. Макиндера до З. Бжезинского. Макиндер активно работал над созданием «независимой Украины» в годы гражданской войны, а З. Бжезинский — уже в наше время, в конце 1980-х — начале 90-х гг. При этом Бжезинский совершенно справедливо отмечает, что возможность геополитического возрождения России как самостоятельного игрока большой геополитики напрямую зависит от ее отношений с Украиной. Без Украины Россия недостаточна ни в пространственно-стратегическом, ни в демографическом, ни в политическом смыслах. Именно поэтому Запад (и США конкретно) активно спонсировал «оранжевую революцию» на Украине в целях установления там такого режима, который, вопреки всем насущным интересам украинцев, разорвал бы связи с Россией и ускоренными темпами интегрировался в военно-стратегический блок НАТО. В 2004—2009 гг., после успешного осуществления «оранжевой революции» события разворачивались именно по этому сценарию. После прихода к власти Виктора Януковича в 2009 г. ситуация несколько исправилась и стабилизировалась, что снова дает Heartland'у шанс.

В отношении интеграции с Украиной и Беларусью Россия должна действовать крайне деликатно, чтобы в этом процессе не повторялись ошибки как царистского империализма, так и советского периода, когда процессы интеграции проходили с определенными издержками. В этом отношении огромную роль может сыграть философия многополярности, которая позитивно оценивает все различия — в культуре, этничности, социальности, истории. Если эта философия будет освоена российскими политическими элитами, диалог с украинцами и белорусами будет развиваться по совершенно иному сценарию, нежели сегодня.

Многополярная интеграция не есть поглощение, слияние и тем более «русификация». Россия выступает в ней не как национальное государство со своими эгоистическими интересами и амбициями, но как ядро нового, плюралистического и полицентрического образования, где централизация будет затрагивать только самые принципиальные вопросы (война, мир, партнерство с внешними блоками, транспортная система, макроэнергетика и т. д.), а все остальные темы будут рассматриваться на национальных уровнях. Совершенно очевидно, что многополярность категорически исключает возможность вступления Украины или Беларуси в блок НАТО.

Особой зоной является Молдова, территория которой также частично входила в Киевскую Русь и была освоена славянскими племенами уличей и тиверцев наряду с другими народами — в первую очередь потомками древних фракийцев, молдаванами. Этнически молдаване родственны румынам, а конфессионально являются православными. Они представляют собой, с геополитической точки зрения, типичное лимитрофное общество, в котором яв-

ственно различимы как чисто евразийские черты, так и определенные признаки восточно-европейской культуры. Существование гипотетической Великой Восточной Европы сняло бы проблему Молдавии совсем и сделало бы ее интеграцию с Румынией чисто техническим вопросом. Но пока Румыния является членом НАТО и входит в «санитарный кордон», построенный атлантистскими стратегами против Heartland'a, такая интеграция будет невозможной, поскольку нарушает стратегические интересы России и идет против основного вектора развития многополярности.

4.2.5. Основные задачи Heartland'а в западном направлении

Перечисленные нами направления западного сегмента в строительстве многополярного мира не предполагают последовательности, но должны развертываться параллельно, т. к. они относятся к разным уровням, а сами эти уровни между собой взаимосвязаны. Так, на отношения России с США непосредственно влияют отношения России с Западной Европой, Восточной Европой и странами СНГ и наоборот. Это единая геополитическая система, которая затрагивает одновременно все составляющие и предопределяет общую структуру внешней политики.

Обобщить западный вектор Heartland'a в строительстве многополярного мира России можно следующим образом:

- переиграть США в европейском пространстве, не вступая с ними в прямую конфронтацию;
- способствовать кристаллизации континентальной идентичности Евросоюза;
- продвинуть проект Великой Восточной Европы;
- воспрепятствовать дальнейшему продвижению НАТО на Восток и созданию «санитарного кордона» между Россией и Европой;
- интегрировать в единое стратегическое пространство Россию, Украину и Беларусь;
- нейтрализовать интеграцию Молдовы с Румынией (пока та является членом НАТО).

4.3. Южная стратегия Heartland'а: общий обзор целей и приоритетов

4.3.1. Евразийский Ближний Восток и роль Турции

В южном направлении российской стратегии также можно наметить некоторые безусловные ориентиры, направленные на конструирование многополярности.

Как и в предыдущем случае, ключевым здесь будет вопрос эффективного противостояния стратегии США в этом регионе. Американская стратегия объявила зоной своих национальных интересов пространство всего мира, и поэтому у США есть набор стратегий перераспределения регионального баланса сил в свою пользу для каждой точки политического пространства земли.

Оставим в стороне положение в северо-африканском регионе как не затрагивающее напрямую стратегические интересы Heartland'а. На современном этапе всерьез Россию начинают затрагивать процессы, развертывающиеся на Ближнем Востоке и далее вплоть до Тихоокеанского региона. Мы разделим темы геополитики Юга и Востока по условной линии Пакистана: от Египта и Сирии до Пакистана — условно «Юг», от Индии до Тихоокеанского ареала (Япония) — «Восток».

Для Ближнего Востока у США имеется свой «Великий проект», Greater Middle East Project[1]. Он предусматривает «демократизацию» и «модернизацию» ближневосточных обществ и изменение структуры национальных государств в регионе (вероятный распад Ирака, появление нового государства Курдистан, возможное расчленение Турции и т. д.). В целом, общий смысл проекта — усилить военное присутствие США и НАТО в регионе, ослабить позиции исламских режимов и стран с сильно развитым арабским национализмом (Сирия) и способствовать углубленному внедрению глобалистских пэттернов в традиционную религиозную структуру обществ данного региона.

Heartland заинтересован в прямо противоположном сценарии, а именно:

- в сохранении традиционных обществ и их естественном развитии;
- в поддержке арабских стран в их стремлении к построению обществ на основании уникальной этнической и религиозной культуры;
- в сокращении количества или полном отсутствии американских военных баз на всем Ближнем Востоке;
- в развитии двухсторонних связей со всеми региональными державами этой зоны — в первую очередь, с Турцией, Египтом, Саудовской Аравией, Израилем, Сирией и т. д.

Оптимальным для России был бы выход Турции из состава НАТО, что позволило бы резко интенсифицировать стратегическое

---

1 *Achcar G.* Greater Middle East: the US Plan — www. mondediplo.co. 2004. [Электронный ресурс] URL: http://mondediplo. com/2004/04/04world (дата обращения 03.09.2010); Greater Middle East Project — en. emep. org. 2009. [Электронный ресурс] URL: http://en.emep.org/index.php?option=com_content&view=article&id=53%3A-the-greater-middle-east-project&catid=36%3Aarticles&Itemid=55 (дата обращения 03.09.2010).

партнерство с этой евразийской по своей идентичности страной, пропорции между традиционным обществом и современностью в которой весьма напоминают российское общество. О возможности выхода Турции из НАТО в последние годы все громче говорят видные и влиятельные турецкие политики — например, генерал Тунджер Кылынч[1], бывший глава Совета национальной безопасности Турецкой Республики, и многие другие. Турция за последнее десятилетие резко изменила манеру геополитического поведения, из надежного оплота атлантизма превращаясь в самостоятельную региональную державу, способную проводить независимую политику даже тогда, когда она расходится с интересами США и НАТО и противоречит им. Поэтому сегодня вполне может идти речь о создании оси «Москва – Анкара», о которой пятнадцать-двадцать назад и речи быть не могло[2].

4.3.2. Ось Москва–Тегеран

Далее к Востоку располагается самый главный элемент многополярной модели евразийского сектора — континентальный Иран, страна с многотысячелетней историей, уникальной духовной культурой, ключевым географическим месторасположением.

Ось «Москва – Тегеран» является главной линией в выстраивании того, что еще К. Хаусхофер называл евразийской «пан-идеей». Иран является тем стратегическим пространством, которое автоматически решает задачу превращения Heartland'а в глобальную мировую силу. Если интеграция с Украиной является необходимым условием для этого, то стратегическое партнерство с Ираном — достаточным.

Совершенно очевидно, что в настоящее время Россия не имеет ни желания, ни возможности самостоятельно аннексировать эти территории, чего никогда не удавалось ей исторически и в более выигрышных условиях (все русско-персидские войны давали России лишь частичный перевес и способствовали реорганизации в ее пользу территорий Южного Кавказа и Дагестана). Кроме того, российское и иранское общества различны и представляют собой далеко отстоящие друг от друга культуры. Поэтому ось «Москва – Тегеран» должна представлять собой основанное на рациональном стратегическом расчете и геополитическом прагматизме партнерство во имя реализации многополярной модели мироустройства —

---

[1] *Kilinc T.* Turkey Should Leave the NATO — www. turkishweekly. net. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www. turkishweekly. net/news/45366/tuncer-kilinc-%F4c%DDturkey-should-leave-the-nato-.html (дата обращения 03.09.2010).

[2] Изменения турецкой геополитики в последние два десятилетия подробно рассматриваются в книге: *Dugin A.* Moska-Ankara aksiaynin. Istambul:Kaynak, 2007.

единственной, которая устраивала бы и современный Иран, и современную Россию.

Иран как любая «береговая зона» евразийского материка теоретически обладает двойной идентичностью: он может сделать выбор в пользу атлантизма, а может — в пользу евразийства. Уникальность нашей ситуации заключается в том, что в настоящее время политическое руководство Ирана, в первую очередь националистически и эсхатологически настроенное шиитское духовенство, стоит на крайних антиатлантистских позициях, категорически отрицает американскую гегемонию и жестко выступает против глобализации. Действуя в этом ключе более радикально и последовательно, нежели Россия, Иран закономерно стал «врагом США номер 1». В этой ситуации у Ирана нет никакой возможности далее настаивать на такой позиции без опоры на солидную военно-техническую силу: своего потенциала Ирану в случае конфронтации с США явно не хватит. Поэтому Россию и Иран объединяет в общее стратегическое пространство сам исторический момент. Ось «Москва — Тегеран» решает для двух стран все принципиальные проблемы: дает России выход к теплым морям, а Ирану — гаранта ядерной безопасности.

Сухопутная сущность России как Heartland'а и сухопутный (евразийский, коль скоро он антиатлантистский) выбор современного Ирана ставят обе державы в одно и то же положение по отношению к стратегии США во всем Центрально-Азиатском регионе. И Россия и Иран жизненно заинтересованы в отсутствии американцев поблизости от своих границ и в срыве перераспределения баланса сил в этой зоне в пользу американских интересов.

США уже разработали план «Великой Центральной Азии»[1], смысл которого сводится к дроблению этой зоны, превращению ее в «Евразийские Балканы» (З. Бжезинский[2]) и вытеснению отсюда иранского и российского влияния. Этот план представляет собой создание «санитарного кордона» — на сей раз на южных границах России, который призван отделить Россию от Ирана, как западный «санитарный кордон» предназначен для отделения России от континентальной (и континенталистской) Европы. В этот «санитарный кордон» должны входить страны «Великого шелкового пути» — Ар-

[1] *Starr F.* A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors — www. www. stimson. org. 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www. turkishweekly. net/article/319/the-greater-central-asia-partnership-initiative-and-its-impacts-on-eurasian-security. html (дата обращения 03.09.2010); *Purtaş Fırat.* The Greater Central Asia Partnership Initiative and its Impacts on Eurasian Security — www. turkishweekly. net. 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www. turkishweekly. net/article/319/the-greater-central-asia-partnership-initiative-and-its-impacts-on-eurasian-security. html (дата обращения 03.09.2010).

[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

мения, Грузия, Азербайджан, Афганистан, Узбекистан, Киргизия и Казахстан, — которые планируется поставить под американское влияние. Первым аккордом этого сценария является размещение военных баз в Средней Азии и развертывание американского военного присутствия в Афганистане (под предлогом борьбы с талибами и погони за Бен Ладеном). Задача России и Ирана — сорвать этот проект и реорганизовать политическое пространство Центральной Азии таким образом, чтобы удалить оттуда американское военное присутствие, прорвать азиатский «санитарный кордон» и совместно выстроить геополитическую архитектуру Прикаспийского региона и Афганистана. У *России и Ирана здесь полностью совпадают стратегические интересы*: то, что выгодно России, выгодно Ирану, и наоборот.

4.3.3. Вред национального эгоизма в российско-иранских отношениях и инструментальные мифы глобалистов

Но эта ситуация становится прозрачной только в том случае, если мы посмотрим на этот регион геополитически и с учетом императива построения конкретной многополярности. Если же рассматривать Российскую Федерацию и Исламскую республику Иран как два национальных государства с эгоистическими и меркантильными целями, то картина станет менее очевидной. В этом случае создастся поле для разнообразного обыгрывания различий между иранским и российским обществами в целях политических манипуляций. Так, для российского общественного мнения глобалистскими центрами заготовлен инструментальный миф об «агрессивном исламском фундаментализме» иранской политической системы и о том, что со стороны иранских религиозных «фанатиков» Россия может получить в какой-то момент «прямой удар», в том числе и «военный». Этот тезис несостоятелен по нескольким причинам: реальные стратегические интересы Ирана, если и выходят за национальные границы, то только в западном направлении. Иран самым серьезным образом относится к шиитскому сегменту общества в Ираке (а это большинство), к Сирии, ливанской Хезболле и к палестинскому сопротивлению (особенно к его шиитской фракции «Джихад-уль ислами»). Российские мусульмане, практически все шииты (кроме представителей не особенно религиозной азербайджанской диаспоры), Иран совершенно не интересуют и никакой идеологической пропаганды Иран в России и в исламских странах СНГ не ведет. При этом иранское руководство прекрасно осознает, что только Россия способна по-настоящему предупредить жесткие формы американского вторжения. И наконец, никаких территориальных споров — даже отложенных — у Ирана и России на сегодняшний момент нет.

Аналогичные мифы относительно России (с цитированием эпизодов из истории царистского империализма и советской идеологической пропаганды) запускаются в иранское общество с теми же целями — воспрепятствовать, насколько это возможно, созданию главной несущей конструкции всей потенциальной *квадриполярной структуры*. Странно было бы ожидать от глобалистов и атлантистских геополитиков, что они будут спокойно наблюдать за тем, как на их глазах создается смертельно опасное для их мировой гегемонии российско-иранское стратегическое партнерство.

4.3.4. Афганская проблема и роль Пакистана

Если Прикаспийский регион — это вопрос, в первую очередь, российско-иранских отношений, то для переформатирования Афганистана необходимо привлечение Пакистана. Эта страна традиционно была ориентирована в русле атлантистской стратегии в регионе и, более того, вообще была искусственно создана англичанами при их уходе из Вест-Индии, чтобы создавать региональным центрам силы дополнительные проблемы. Но в последние годы пакистанское общество существенно изменилось, и прежняя прямолинейная проанглосаксонская ориентация все чаще ставится под сомнение — особенно с учетом несоответствия глобалистских стандартов современного и постмодернистского глобального общества традиционному и архаическому обществу Пакистана. У Ирана с Афганистаном традиционно выстроились натянутые отношения, что проявилось в том, что во внутриафганском конфликте Иран и Пакистан неизменно поддерживали враждующие между собой стороны: Иран — шиитов, таджиков, узбеков и силы Северного Альянса, а Пакистан — пуштунов и их радикальную верхушку — талибов.

У России в этих условиях появляется шанс сыграть важную роль в структурировании нового Афганистана через новый виток развития российско-пакистанских отношений. И снова многополярный горизонт, принятый во внимание, сам диктует нам, в каком направлении и на какой основе развивать отношения с Москвы с Исламабадом. Следует двигаться в направлении освобождении всей территории Центральной Азии от американского присутствия и, пользуясь конфликтами талибов с силами НАТО, постоянно подчеркивать «особую позицию России» по афганскому вопросу, а не поддерживать безоговорочно «агрессора», который якобы сдерживает талибов, которые в противном случае могли бы представлять угрозу стратегическим интересам России. Это, кстати, тоже очередной запущенный атлантистами и глобалистами миф. США никогда ничего не делает просто так, да еще в пользу России. Если они вступили в конфликт с талибами, то для этого есть серьезные стратегические, военные и экономические основания. И самой явной причиной является

необходимость легитимации американского военного присутствия в регионе. Контролируемый вооруженными силами США и НАТО Афганистан как раз и является основой азиатского «санитарного кордона», направленного против России и Ирана. В этом и состоит единственный геополитический смысл афганской войны.

Так как Пакистан может существенно влиять на талибов, России следует начать исподволь готовить новую модель отношений с пуштунским большинством Афганистана, чтобы — после неизбежного и желательного — ухода американских войск из этой страны России не пришлось бы расплачиваться за преступления, которые она не совершала.

4.3.5. Среднеазиатский геополитический ромб

Все пространство Средней (или Центральной) Азии геополитически представляет собой ромб, на двух — северной и южной — вершинах которого можно расположить Москву и Тегеран (Россию и Иран).

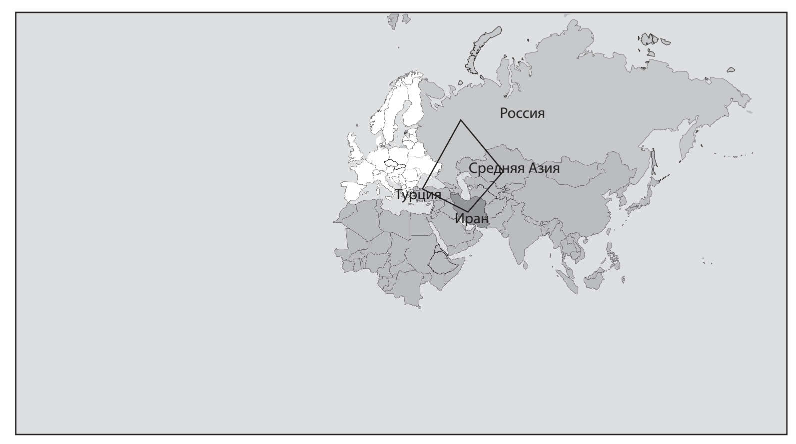

Схема 12. Геополитическая схема Центральной Азии

Между ними располагаются (с Запада на Восток) Южный Кавказ (Армения, Грузия, Азербайджан), Туркмения, Афганистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия.

В этой зоне располагаются несколько консолидированных политически и экономически государств с региональными амбициями (Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения) и несколько более хрупких и зависимых образований (Грузия, Таджикистан, Киргизия). Оккупированной США и войсками НАТО Афганистан представляет собой совершенно отдельное явление.

В перспективе многополярного мира у России и Ирана рамочные условия (удовлетворяющие их стратегическим интересам) той стратегической модели, которую следует выстроить из этих стран, полностью совпадают. Допустимо все, кроме реализации проекта «Великой Центральной Азии» или «Великого шелкового пути».

Карта 38. Среднеазиатский и прикаспийский геополитический ромб

Например, и Россию, и Иран категорически не устраивает проамериканская ориентация современной Грузии и расположение на ее территорий американских военных баз. В этом смысле Грузия противопоставляет себя всей региональной модели и выступает форпостом атлантизма, глобализации и однополярного мира. А в спорных вопросах, где нет очевидных геополитических интересов США (например, в Карабахском вопросе), картина более сложная, и ни у Ирана, ни у России нет однозначных фаворитов. Иран по внутриполитическим соображениям, сохраняя нейтралитет, больше помогал Армении, равно как и Россия. Но и у Ирана, и у России, тем не менее, сохранились ровные отношения с Азербайджаном. Эта конструкция несколько меняется в последние годы в силу трансформации турецкой политики, которая все больше выходит из-под контроля США. Следовательно, турецкое влияние в Азербайджане перестает носить однозначно атлантистский характер. Вместе с тем, часть армянских элит все теснее взаимодействует с США и глобалистскими инстанциями, что также не проходит бесследно для российско-армянских и иранско-армянских отношений. Но все эти изменения не превышают пока уровня флуктуаций, не меняющих принципиальной расстановки сил. Такая ситуация сохранится вплоть до решительных сдвигов в Карабахском вопросе — в какую бы то ни было сторону.

В отношении Казахстана, Таджикистана и Киргизии России необходимо интенсифицировать интеграционные процессы в сфере создания таможенного союза. Желательно при этом вернуть в интеграционное поле Узбекистан, который вначале вступил в ЕврАзЭС, а затем его покинул; предотвратить развал Киргизии, потрясаемой внутренними противоречиями (не без участия внешних сил); наладить рабочие контакты с новым руководством Туркменистана.

4.3.6. Основные задачи Heartland'a на южном направлении

Южный вектор создания Heartland'ом предпосылок для возникновения многополярного мира обобщенно состоит из следующих задач:

- переиграть США в центрально-азиатском пространстве, не вступая с ними в прямую конфронтацию;
- помешать США в реализации проекта «Великий Ближний Восток»;
- создать мощную стратегическую конструкцию по оси «Москва-Тегеран» вплоть до военно-политической интеграции и размещения взаимных военных объектов на территории обеих стран;
- стараться максимально сближаться с Турцией в ее новом геополитическом курсе на независимость от американского и глобалистского влияния;
- сорвать проект «Великой Центральной Азии» и реорганизовать Прикаспийский регион на «сухопутных» (евразийских, многополярных) основаниях, рассматривая Каспий как «внутреннее озеро» континентальных держав;
- воспрепятствовать созданию азиатского «санитарного кордона» между Россией и Ираном;
- интегрировать в единое экономическое и таможенное пространство Россию, Казахстан, Таджикистан;
- разработать новый формат отношений с Пакистаном с учетом трансформации его политики;
- предложить новую архитектуру Афганистана и способствовать его освобождению от американской и натовской оккупации.

4.4. Восточная стратегия Heartland'a: общий обзор целей и приоритетов

4.4.1. Ось Москва–Нью Дели

Двинемся восточнее. Здесь мы видим Индию как самостоятельное «большое пространство», которое в эпоху «Большой Игры» (Great Game) было главным плацдармом обеспечения британского господства в Азии. В тот период для «цивилизации Моря» было принципиальным сохранение контроля над Индией и предотвращение самой возможности того, что какие-то еще державы — в первую очередь Российская империя — могут посягнуть на безраздельный контроль англичан в этом регионе. С этим были связаны и афганс-

кие эпопеи англичан, которые неоднократно пытались установить свой контроль над сложной структурой неуправляемого афганского общества именно для того, чтобы блокировать русских от возможного похода в Индию[1]. Такая перспектива теоретически прорабатывалась уже с эпохи императора Павла I, который практически начал (несколько наивно организованный и спланированный) поход казаков на Индию (в союзе с французами), что, возможно, и стало поводом к его убийству (за организацией которого, как показывают историки, стоял английский посол в России Лорд Уитворт[2]).

В настоящее время Индия проводит политику стратегического нейтралитета, но ее общество, культура, религия и ценностная система не имеют ничего общего с глобалистским проектом или с западноевропейским образом жизни. По своей структуре индусское общество — совершенно сухопутное, основанное на константах, довольно незначительно изменяющихся в течение тысячелетий. Индия по своим параметрам (демография, уровень современного экономического развития, интегрирующая культура) представляет законченное «большое пространство», которое органично включается в многополярную структуру. Российско-индийские отношения после освобождения Индии от англичан традиционно были очень теплыми. Вместе с тем, индийские правители постоянно подчеркивают приверженность многополярной модели мироустройства. При этом само индийское общество демонстрирует пример многополярности, при которой многообразие этносов, культов, локальных культур, религиозных и философских течений прекрасно уживаются друг с другом при всем их глубинном различии и даже противоречиях. Индия — это, безусловно, цивилизация, которая в XX в. после окончания этапа колонизации, приобрела — по прагматическим соображениям — статус «национального государства».

При этих благоприятных для многополярного проекта обстоятельствах, которые делают ось «Москва – Нью Дели» еще одной несущей конструкцией пространственного выражения евразийской пан-идеи, существует ряд обстоятельств, затрудняющих этот процесс. Индия в силу исторической инерции продолжает сохранять тесные связи с англосаксонским миром, который за период колониального господства сумел существенно повлиять на индийское общество, спроецировать на него свои формальные социологические установки и пэттерны (в частности, англоязычие). Индия тесно интегрирована с США и странами НАТО в военно-технической области, и атлантистские стратеги чрезвычайно дорожат этим со-

---

[1] *Снесарев А. Е.* Афганистан.

[2] *Эйдельман Н.* Грань веков. М.: Вагриус, 2004; *Башилов Б.* История русского масонства. М.:Русло, 1994.

трудничеством, т. к. оно вписывается в стратегию контроля «береговой зоны» Евразии. При этом сама ментальность индийского общества отвергает логику жестких альтернатив *или/или*, и для индусского сознания трудно осознать необходимость необратимого выбора между Морем и Сушей, между глобализацией и сохранением цивилизационной идентичности.

Но на региональном уровне, в отношениях со своими непосредственными соседями — и в первую очередь, с Китаем и Пакистаном — индийское геополитическое мышление работает куда более адекватно, и этим следует пользоваться для встраивания Индии в многополярную конструкцию новой евразийской стратегической архитектуры.

Естественное место Индии — в евразийском пространстве, в котором она могла бы играть стратегическую роль, сопоставимую с Ираном. Но формат построения оси «Москва – Нью Дели» должен быть совершенно иным, учитывающим специфику индийской региональной стратегии и культуры. В случае Ирана и Индии должны быть задействованы различные парадигмы стратегической интеграции.

4.4.2. Геополитическая структура Китая

Важнейший вопрос представляет собой тема Китая. В сегодняшнем мире Китай настолько успешно развивает свою экономику, находя оптимальные пропорции между сохранением политической власти реформированной коммунистической партии, принципами либеральной экономики и мобилизационным использованием общности китайской культуры (в некоторых случаях в форме «китайского национализма»), что многие отводят ему роль самостоятельного мирового полюса в глобальном масштабе и предрекают будущее «нового гегемона». По экономическому потенциалу Китай занял второе место в числе пяти государств мира с самым крупным ВВП. Наряду с США, Германией и Японией страна образовала своеобразный клуб ведущих мировых торговых держав. Сами китайцы называют Китай «Чжунго», т. е. дословно «центральная, срединная страна».

Китай является сложной геополитической единицей, в которой можно выделить следующие главные составляющие:

– континентальный Китай — бедные и слабо орошаемые в течение года сельские районы в междуречье Хуанхэ и Янцзы, населенные преимущественно коренными этносами, объединенными понятием «хань»;
– береговые зоны на Востоке, представляющие собой центры экономического и торгового развития страны и пункты доступа к глобальному рынку;

— буферные зоны, населенные этническими меньшинствами (Автономный район Внутренняя Монголия, Синцзянь-Уйгурский автономный округ, Тибетский автономный район);
— соседние государства и специальные административные районы острова с исконно китайским населением (Тайвань, Гонконг, Макао).

Проблема китайской геополитики заключается в следующем: чтобы развивать экономику, Китаю не хватает внутреннего спроса (бедность континентального Китая). Выход на международный рынок через развитие береговой зоны Тихого океана резко повышает уровень жизни, но создает социальные диспропорции между «берегом» и «континентом», а также способствует усилению внешнего управления через экономические связи и инвестиции, что угрожает безопасности страны. В начале XX в. эта диспропорция привела к краху китайской государственности, раздробленности страны, фактически к установлению «внешнего управления» со стороны Великобритании и, наконец, к оккупации береговых зон Японией. Мао Цзе-дун (1893—1976) выбрал иной путь — централизации страны и ее полной закрытости. Это сделало Китай независимым, но обрекло на бедность. В конце 1980-х гг. Дэн Сяопин (1904—1997) начал очередной виток реформ, смысл которых заключается в балансе между открытым развитием «береговой зоны» и привлечением туда иностранных инвестиций и сохранением жесткого политического контроля над всей территорией Китая в руках Коммунистической партии в целях сохранения единства страны. Эта формула и определяет геополитическую функцию современного Китая.

Идентичность Китая двойственна: есть континентальный Китай и есть Китай береговой. Континентальный Китай ориентирован на самого себя и сохранение социальной и культурной парадигмы; береговой Китай все более интегрируется в «глобальный рынок» и, соответственно, в «глобальное общество» (т. е. постепенно принимает черты «цивилизации Моря»). Эти геополитические противоречия сглаживаются Коммунистической Партией Китая (КПК), которой приходится действовать в парадигме Дэн Сяопина — открытость обеспечивает экономический рост, жесткий идеологический и партийный централизм, с опорой на бедные континентальные сельские области, поддерживает относительную изоляцию Китая от внешнего мира. Китай стремится взять от атлантизма и глобализации то, что его усиливает, и отслоить и отбросить то, что его ослабляет и разрушает. Пока Пекину удается поддерживать этот баланс, и это выводит его в мировые лидеры. Но трудно сказать, до какой степени можно совмещать несовместимое: глобализацию одного сегмента общества и сохранение другого сегмента в условиях традиционного уклада. Решение этого чрезвычайно сложного

уравнения и предопределит судьбу Китая в будущем и, соответственно, выстроит алгоритм его поведения.

В любом случае, сегодня Китай жестко настаивает на многополярном миропорядке и в большинстве международных коллизий оппонирует однополярному подходу со стороны США и стран Запада. Только от США исходит единственная серьезная угроза безопасности нынешнего Китая — американский военный флот в Тихом океане в любой момент может установить блокаду вдоль всего китайского побережья и тем самым мгновенно обрушить китайскую экономику, полностью зависящую от внешних рынков. С этим связана напряженность вокруг Тайваня, мощного, бурно развивающегося государства с китайским населением, но представляющего собой чисто атлантистское общество, интегрированное в мировой либеральный контекст.

В модели многополярного мироустройства Китаю отводится роль полюса Тихоокеанского региона. Такая роль будет своего рода компромиссом между глобальным рынком, в условиях которого сегодня существует и развивается Китай, поставляющий туда огромную долю промышленных товаров, и полной закрытостью. Это в целом соответствует китайской стратегии, стремящейся максимально усилить экономический и технологический потенциал государства, прежде чем придет момент неизбежного столкновения с США.

4.4.3. Роль Китая в модели многополярного мира

В отношениях между Россией и Китаем есть ряд вопросов, которые могут помешать консолидации усилий по строительству многополярной конструкции. Это демографическое распространение китайцев на территорию слабозаселенных территорий Сибири, что грозит радикальным изменением самой социальной структуры российского общества и несет в себе прямую угрозу безопасности. В этом вопросе необходимым условием сбалансированного партнерства должен быть жесткий контроль китайских властей над миграционными потоками в северном направлении.

Второй вопрос — это влияние Китая в Центральной Азии, близком к России стратегическом районе, богатом природными ресурсами, огромными территориями, но довольно слабо заселенном. Движение Китая в Центральную Азию может стать также камнем преткновения. Обе эти тенденции нарушают важный принцип многополярности: организацию пространства по оси «Север — Юг», и никак не наоборот. Направление, в котором Китай имеет все основания развиваться — это тихоокеанский регион, расположенный к Югу от Китая. Чем весомей будет китайское стратегическое присутствие в этой зоне, тем крепче будет многополярная конструкция.

Усиление присутствия Китая в Тихом океане напрямую сталкивается со стратегическими планами американской мировой гегемонии, т. к. с позиции атлантистской стратегии обеспечение контроля над мировыми океанами является ключом ко всей стратегической картине мира, какой его видят США. Военно-морской флот США в Тихом океане и размещение в разных его частях, а также в Индийском океане на острове Сан-Диего стратегических военных баз, позволяющих контролировать морское пространство всего региона, станут главной проблемой для реорганизации тихоокеанского пространства по модели многополярного мироустройства. Освобождение этого ареала от военных баз США можно считать задачей общепланетарного значения.

4.4.4. Геополитика Японии и ее возможное участие в многополярном проекте

Китай не является единственным полюсом в этой части земли. Асимметричной, но сопоставимой по экономическим показателям региональной державой является Япония. Будучи сухопутным и традиционным обществом, Япония после 1945 г. по итогам Второй мировой война оказалась под американской оккупацией, стратегические последствия которой сохраняют свое значение вплоть до сегодняшнего дня. Япония не самостоятельна в своей внешней политике; на ее территории расположены американские военные базы, а ее военно-политическое значение ничтожно по сравнению с ее экономическим потенциалом. Для Японии с теоретической точки зрения единственным органическим путем развития было бы включение в многополярный проект, что предполагает:

— установление партнерских отношений с Россией (с которой до сих пор не заключен мирный договор — такую ситуацию искусственно поддерживают США, опасаясь сближения России и Японии);
— восстановление ее военно-технической мощи как суверенной державы;
— активное участие в реорганизации стратегического пространства в Тихом океане;
— становление вторым, наряду с Китаем, полюсом всего тихоокеанского пространства.

Для России Япония была оптимальным партнером на Дальнем Востоке, т. к. демографически, в отличие от Китая, она не представляет никакой проблемы жизненно нуждается в природных ресурсах (что позволило бы России с порой на Японию в ускоренном ритме технологически и социально оснастить Сибирь) и обладает колоссальной экономической мощью, в том числе и в сфере высоких технологий, что стратегически важно российской экономике. Но

для того чтобы такое партнерство стало возможным, Японии необходимо сделать решительный шаг по освобождению от американского влияния.

В противном случае (как это имеет место в нынешней ситуации) США будут рассматривать Японию как простой инструмент своей политики, призванный сдерживать Китай и потенциальное движение России в Тихий океан. Об этом совершенно справедливо рассуждает З. Бжезинский в книге «Великая шахматная доска»[1], где описывает оптимальную стратегию США в тихоокеанском регионе. Так, он поддерживает торговое и экономическое сближение с Китаем (поскольку через него Китай втягивается в «глобальное общество»), но настаивает на выстраивании против него военно-стратегического блока. С Японией З. Бзежинский, напротив, предлагает наращивать военно-стратегическое «партнерство» против Китая и России (на самом деле речь не о «партнерстве», но о более активном использовании японской территории для развертывания военно-стратегических объектов США) и жестко конкурировать в экономической сфере, т. к. японский бизнес способен сделать экономическую доминацию США в мировом масштабе относительной.

Многополярный миропорядок закономерно оценивает ситуацию прямо противоположным образом: китайская либеральная экономика самоценностью не является и лишь усиливает зависимость Китая от Запада, а военная мощь — особенно в военно-морском сегменте, напротив, является, т. к. создает в перспективе предпосылки для освобождения Тихого и Индийского океанов от американского присутствия. Япония, напротив, интересна прежде всего как экономическое могущество, конкурирующее с экономиками Запада и освоившая правила глобального рынка (есть надежда, что в определенный момент Япония сможет этим воспользоваться в своих интересах), но менее привлекательна в качестве партнера многополярного мира как пассивный инструмент американской стратегии. Оптимальным во всех случаях был бы сценарий освобождения Японии от американского контроля и ее выход на самостоятельную геополитическую орбиту. В этом случае лучшего кандидата на строительство новой модели стратегического баланса в Тихом океане трудно себе представить.

В настоящее время с учетом существующего положения дел можно зарезервировать место «полюса» тихоокеанской зоны для двух держав — Китая и Японии. У обеих есть серьезные основания для роли лидера или одного из двух лидеров, существенно превосходящих все остальные страны дальневосточного регионы.

---

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы.

Карта 39. Главные (сплошные линии) и вспомогательные (пунктир) оси евразийской интеграции в направлении Юга

4.4.5. Северная Корея как пример геополитической автономии сухопутного государства

Следует особо выделить фактор Северной Кореи, страны, которая не уступает давлению Запада и продолжает сохранять верность своему весьма специфическому социально-политическому укладу (чучхэ) вопреки всем попыткам его опрокинуть, дискредитировать и демонизировать. Северная Корея является примером мужественного и эффективного сопротивления глобализации и однополярности со стороны довольно небольшого народа, и в этом ее огромная ценность. Ядерная Северная Корея, сохраняющая социальную и этническую самобытность, а также реальную независимость, при скромном уровне жизни и целом ряде ограничений «демократии» (понятой в либеральном, буржуазном смысле), наглядно контрастирует с Южной Кореей, стремительно утрачивающей культурную идентичность (к примеру — большинство жителей Южной Корее принадлежит к протестантским сектам), не способной сделать ни шага во внешней политике без оглядки на США, но с более или менее благополучным (материально, но не психологически) населением. На примере двух частей исторически и этнически единого народа разыгрывается моральная драма выбора между независимостью и комфортом, достоинством и благополучием, гордостью и преуспеянием. Северокорейский полюс иллюстрирует собой ценности Суши. Южнокорейский — ценности Моря. Рим и Карфаген, Афины и Спарта. Бегемот и Левифан в контексте современного Дальнего Востока.

4.4.6. Основные задачи Heartland'а на восточном направлении

Восточный (дальневосточный, азиатский) вектор Heartland'а можно свести к следующим главным задачам:
- обеспечить стратегическую безопасность России на тихоокеанском побережье и на Дальнем Востоке;
- интегрировать территории Сибири в общий социальный, экономический, технологический и стратегический контекст России (с учетом катастрофического положения дел в демографии российского населения);
- развивать партнерство с Индией, в том числе и в военно-технической области (ось «Москва—Нью Дели»);
- выстроить сбалансированные отношения с Китаем, всячески поддерживая его многополярную политику, поощряя его стремление к статусу мощной военно-морской державы, но предупреждая негативные последствия от демографической экспансии китайского населения в северном направлении и проникновения китайского влияния в Казахстан;
- всячески способствовать ослаблению американского военно-морского присутствия в Тихоокеанском регионе, ликвидации военно-морских баз и иных стратегических объектов;
- поощрять освобождение Японии из-под американского влияния и становления самостоятельной региональной силой, что позволит наладить стратегическое партнерство по оси «Москва—Токио»;
- поддерживать региональные державы Дальнего Востока, отстаивающие свою независимость от атлантизма и глобализационных процессов (Северная Корея, Вьетнам и Лаос).

4.5. Геополитика Арктики

4.5.1. Значение Арктики

В отношении северного вектора перед Heartland'ом стоит проблема реорганизации арктической зоны. Пространство, прилегающее к Северному Полюсу — Северный ледовитый океан — существенно увеличивает свое значение по мере развития воздухоплавания и особенно ракетостроения, а также в силу подступающего дефицита природных ресурсов на мировом уровне. Через Арктику проходит кратчайшая траектория между Евразией и Америкой, а арктический шельф изобилует слабо разведанными пока природными ресурсами (по предварительным оценкам, там залегает до 25 % всех неразведанных ресурсов нефти и газа в мире). В такой ситуации каждая пядь арктической земли или проведение морских границ приобретает особую геополитическую ценность.

Страны, выдвигающие сегодня претензии на контроль над арктическим пространством — это США, Канада, Норвегия, Дания и Россия. США, Канада, Норвегия и Дания — члены НАТО, т. е. представители атлантического блока. В данный момент набирает обороты процесс получения Гренландией самостоятельности (в данный момент это автономия в рамках Дании), но едва ли новая страна, под управлением эскимосов-инуитов (которых на огромном пространстве Гренландии менее 60 тыс.), сможет когда-то, в обозримом будущем, стать самостоятельной силой. Пока же на территории Гренландии (Канак) находятся американские военно-морские базы[1]. Поэтому с геополитической точки зрения баланс сил в Арктике определяется Россией (Heartland) и США (вместе с другими странами НАТО). Осознавая важность арктических ресурсов, многие другие страны, не имеющие прямого доступа к Арктике, развивают строительство ледокольного флота (как, например, Китай), что показывает огромное значения этой области для тех, кто мыслит о будущем стратегически.

4.5.2. Стратегическая безопасность России с севера

В последние годы Россия стала уделять Арктике повышенное внимание, плотно занимаясь правовыми вопросами, осуществляя символические арктические экспедиции и ускоренно переоснащая военно-технические объекты, расположенные в этой зоне[2]. Все это вполне можно считать конструктивными шагами по закреплению многополярной конструкции мира. Если территории Heartland'а будут неуязвимы для возможной воздушной атаки с территории Северо-Американского континента, а также будет обладать обширной и легитимной долей арктических природных ресурсов, это качественно повысит вероятность установления многополярной модели. Поэтому все державы, так или иначе заинтересованные в многополярности, теоретически должны были бы поддержать арктические притязания России, которая в данном случае выступает не просто как одно из национальных государств, пекущееся о своих практических интересах (ресурсы, энергетика, экономика, безопасность), но как геополитическая сила, созидающая сбалансированный и гармоничный многополярный миропорядок.

---

[1] *Бартош А.А.* Арктический вектор сил реагирования НАТО. — www. oborona.ru. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.oborona.ru/283/308/index. shtml?id=3181 (дата обращения 03.09.2010).

[2] *Савельева С.Б., Шиян Г.Н.* Арктика: укрепление геополитических позиций и экономическое развитие//Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. №1.С. 115—119.

Глава 5

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

5.1. Трансформация современной структуры международного права

5.1.1. Уровни системы международного права

Рассмотрим теперь тонкий вопрос об институционализации многополярности. Многополярность, так же, как однополярность и глобализация (мондиализм), представляет собой волевой концептуальный проект, который с необходимостью предшествует правовому оформлению и поэтому не может сам по себе иметь правовой характер. Этот проект является источником международного права, точнее, его трансформации от существующих форм к новым. Ни доктрина Монро, ни концепция Вудро Вильсона, ни теория «большого пространства» К. Хаусхофера и К. Шмитта не имели никакого правового статуса, но, будучи воплощенными (полностью или частично) в жизнь, они предопределили мировой баланс сил в международной политике, т. е. на определенных этапах становились юридическими формами.

В системе международного права всегда есть несколько уровней:

- общие принципы, которые разделяет критическое количество участников международного процесса, способного эти принципы отстоять силой;
- интересы главных игроков мировой политики;
- существующее в данный момент силовое «статус кво»;
- существующее в данный момент правовое «статус кво»;
- закладываемые главными игроками перспективы на будущее.

Все эти пункты находятся в состоянии постоянной динамической трансформации и влияют друг на друга. Этим определяется общая структура международного права: в ней есть относительно постоянные моменты (там, где противоположные импульсы находятся в состоянии равновесия) и переменные моменты (там, где у каких-то игроков скапливается достаточно потенциала, чтобы изменить общие правила).

5.1.2. Переходное состояние современной системы международного права

В настоящий момент общая структура международного права представляет собой следующее:

- *Вестфальская система*, считающая суверенными признанные мировым сообществом (в лице ООН) национальные государства (т. е. право национальных правительств проводить в своих границах политику, независимую от внешних сил) — «второй номос земли» по К. Шмитту;
- *инерциальные остатки Ялтинской системы*, двухполюсного мира, что закреплено в составе Совета Безопасности ООН, где голосами обладают ядерные державы — «третий номос земли» по К. Шмитту;
- *влияния «однополярного момента»*, что проявляется в односторонних декларациях и действиях США и их партнеров по атлантистской коалиции относительно того, что считать зоной национальных интересов США (этой зоной объявлена вся территории планеты Земля в т. н. «доктрине Рамсфельда»[1], формулировку которого относительно «превентивных ударов» несколько смягчил, но только по форме, Барак Обама);
- *принципы глобализации*, постепенно воплощающиеся институционально в транснациональные институты (например, такие, как международный Страсбургский Суд) и в системы обязательных правовых нормативов — демократии, прав человека, свободного рынка, т. е. т. н. «общечеловеческих ценностей»).

В этой конструкции легко выделить основной вектор трансформации. Вес и значение однополярности и глобализации *возрастают*, система национальных государств и инерция двухполюсного мира *слабеют.* При этом наибольшие сдвиги отмечаются в ускоренном *демонтаже* Ялтинской системы и *ликвидации* остатков двуполярности. Беспрецедентный случай одностороннего вторжения вооруженных сил США и Великобритании в Ирак в 2001 г., его оккупация, уничтожение его законно избранного Президента, последующее создание марионеточного правительства и начало распада национальной государственности — и все это под надуманным предлогом наличия у Саддама Хусейна «химического оружия», доказательства чего так и не были представлены, а также вторжение в Афганистан и бомбежки Сербии, показывают, что значение национального суверенитета отдельных государств становиться все более и более относительным, а его силовая и правовая подоплека

---

[1] *Рамсфельд Д.* Трансформирование вооруженных сил. — Отечественные записки. 2002. [Электронный ресурс]URL: http://www. strana-oz.ru/?numid=9&article =353 (дата обращения 20.09.2010).

постепенно слабнет. Ведь никто из протестовавших против вторжения в Ирак государств — ни в Европе (Франция, Германия), ни в Евразии (Россия), ни в Азии (Китай) — не смогли политическими средствами остановить США и не посмели выдвинуть силовой аргумент, тем самым признав по факту «право сильного» на нарушение принципа суверенитета и создав таким образом прецедент, который рано или поздно может получить правовой статус.

В системе международного права происходит переход от «второго» и «третьего номоса» Земли к «четвертому». И в данный момент этим «четвертым номосом» земли претендует стать глобализм и однополярность, а отнюдь не многополярный мир.

5.1.3. Правовой статус многополярности

Поэтому вопрос о правовом статусе многополярности является сегодня наиболее актуальным в мировой политике. — Он отражает ход битвы за структуру «четвертого номоса земли», который может быть либо однополярным и глобалистским, либо многополярным. Между собой скрещиваются два проекта архитектуры будущего — проект Моря (глобализация) и проект Суши (многополярность).

Постепенная институционализация однополярности и глобализма на фоне сохранения элементов прежних правовых моделей (второго и третьего номоса) налицо. Некоторые круги США уже предлагают более отчетливое оформление этой правовой модели, когда говорят о целесообразности создания вместо ООН (отражающей парадигмы прежних международно-правовых отношений) «Лиги «Демократий»[1]. «Лига Демократий» мыслится как союз государств, которые полностью готовы подчиняться стратегии США и внедрять нормативы атлантизма и либеральной демократии в глобальном масштабе. Только «Лига Демократий» будет признаваться легальной и легитимной моделью международного права, а те, кто останутся за ее бортом, правовым образом будут причислены к странам-изгоям за счет поражения в правах.

---

[1] Автором идеи создания «Лиги демократий» считается нынешний посол США в НАТО кадровый разведчик Н. Даалдер и теоретик международных отношений Энн Баефски, а также участники «Принстонского проекта» (Дж.П. Шульц и Энтони Лэйк). См. *Угланов А.* «Лига демократий» вместо ООН // Аргументы Недели. 2009. 12 (150) от 26 марта. Публично ее озвучил кандидат от Республиканской партии США Дж. Маккейн. *McCain John.* League of Democracies (op-ed) //Financial Times. 2008. March 19. См. также *Kagan Robert.* The Case for a League of Democracies *// Financial Times.* 2008. May 13. Связь проекта «Лиги Демократий» с глобалистскими и мондиалистскими концепциями Джорджа Сороса анализируются в статье Клифа Кинкейда. *Kincaid Cliff.* McCain, Soros, and the New «Global Order« — www. aim.org. 2008. [Электронный ресурс]URL: http://www. aim.org/aim-column/mccain-soros-and-the-new-global-order/ (дата обращения 20.09.2010).

Формализация многополярного проекта и его оформление в правовой сфере пока не столь отчетливы, как в случае однополярного сценария. И тем не менее определенные действия по институционализации многополярности принимаются. Мы их здесь и рассмотрим.

5.2. Многополярность в российской доктрине Национальной Безопасности

5.2.1. Российско-китайская декларация многополярности 1997 года

Далеко не маловажен факт, что термин «многополярность» фигурирует не только в выступлениях высокопоставленных политических деятелей, но и в ряде официальных документов. Таким образом, можно считать это первым шагом к институционализации этого понятия и его правового оформления.

Едва ли не впервые формула «многополярный мир» была употреблена в совместной российско-китайской декларации, принятой в Москве 23 апреля 1997 г. Она была подготовлена действующими Послами России и Китая в ООН — Сергеем Лавровым и Ванг Ксюексяном и подписана Президентами РФ Ельциным и главой КПК Дзян Дзимином[1]. В ней утверждалось, что «ушедший в прошлое двухполярный мир должен уступить место многополярному[2]». В тот период большого значения этой формуле никто не придал, но факт заслуживает внимания.

5.2.2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

В наше время мы находим обращение к многополярному миру в действующей Концепции Национальной безопасности Российской Федерации, сформулированной в документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденном указом президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537[3].

Многополярность упомянута в самом начале — в п. 1:

«1. Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века — остановила

[1] Текст см. на сайте http://www. fas.org/news/russia/1997/a52 — 153en. htm (дата обращения 20.09.2010).

[2] Там же.

[3] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — www. scrf. gov.ru. 2009. [Электронный ресурс]URL: http://www. scrf. gov.ru/documents/99.html (дата обращения 20.09.2010).

падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся *многополярных* (разрядка наша. — *А. Д.*) международных отношений»[1].

Пункт 25 этого же документа гласит:

«25. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;

в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;

в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях *многополярного мира* (разрядка наша. — *А. Д.*).[2]»

Есть упоминание о многополярности и в 24 пункте этого документа:

«24. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

(...) стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии *многополярной модели мироустройства* (разрядка наша. — *А. Д.*)»[3].

5.2.3. Критика однополярного мира В.В. Путиным и евразийские тезисы

Термин «многополярность» перешел в этот действующий в настоящий момент документ из предшествующих аналогичных ему текстов. В частности, вскоре после избрания президентом В.В. Путина 10 января 2000 года он издает Указ № 24 «О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации»[4], где в первом раз-

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации. — www.businesspravo.ru. 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www. businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_11586.html (дата обращения 20.09.2010).

деле, «Россия в мировом сообществе», прямо провозглашается курс на многополярность:

«Положение в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений. После окончания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции.

Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. Россия будет способствовать формированию идеологии становления *многополярного мира* на этой основе (разрядка наша. — *А. Д.*).[1]»

Чтобы не оставалось иллюзий в отношении того, чему противопоставляется многополярный мир, курс на строительство которого открыто провозглашен в этом тексте, следующий за ним абзац прямо осуждает однополярную систему миропорядка:

«Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права»[2].

Этот подход недвусмысленно осуждается. Более развернутую критику однополярного мироустройства Владимир Путин дал в своей знаменитой Мюнхенской речи спустя семь лет — в 2007 г.[3], продемонстрировав тем самым, что решимость российской власти противодействовать американской гегемонии и ее политике двойных стандартов является осознанной и долгосрочной стратегией. В. Путин, в частности, сказал:

«Чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам»[4].

А закончил эту речь он чрезвычайно важными словами: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую вне-

[1] О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации.

[2] Там же.

[3] *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — kremlin.ru. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://archive. kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения 20.09.2010).

[4] Там же.

шнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»[1].

Та же по смыслу идея была сформулирована и в «Концепции национальной безопасности 2000 года», в первом пункте которой мы видим, как и в словах Путина в Мюнхене, прямое обращение к геополитике, евразийству и тематике Heartland'а:

«Россия является одной из крупнейших стран мира с многовековой историей и богатыми культурными традициями. Несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах»[2].

5.2.4. Игнорирование темы многополярности в российском экспертном сообществе

Надо отметить, что ни первый документ, подписанный В.В. Путиным в 2000 г., ни действующая «Стратегия национальной безопасности», утвержденная президентом Д.А. Медведевым, совершенно не обсуждались в российском обществе — ни в кругу экспертов, ни в широких аудиториях, а обсуждение Мюнхенской речи толковалось лишь эмоционально и поверхностно.

Более того, можно заметить устойчивое нежелание российской элиты и, в первую очередь, МИД РФ, всерьез определять понятие многополярности и делать хотя бы какие-то шаги в его конкретизации и построении программы действий. Возможно, причина этого лежит в том, что любое более или менее содержательное толкование многополярности неминуемо приведет к необходимости формулировать открыто ряд позиций, которые по объективным причинам непременно вызовут недовольство США. Любое серьезное осмысление многополярности приводит нас к остро стоящей дилемме: либо однополярный, либо многополярный мир. А это предполагает четкий и ясный выбор. Поскольку США строят однополярный глобальный мир (в одиночку, как предлагают неоконсерваторы или сторонники «Лиги Демократий», или вместе с «младшими партнерами», как предлагают апологеты многостороннего подхода и, в частности, администрация президента Обамы) и не собираются сворачивать с этого пути, то внятная декларации ориентации на многополярность означает прямой вызов США. А к такому повороту событий не готово ни российское общество, ни

[1] *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности.

[2] О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации.

правящая элита. Это и создает определенный диссонанс. В основных документах, определяющих военно-политическую стратегию России в международной сфере недвусмысленно зафиксирован курс на многополярность, вместе с тем конфликтность такого подхода, заложенного в геополитическом смысле такой ситуации, аккуратно ретушируется в общественных дебатах и российских СМИ.

Тем не менее мы имеем дело с важным фактом: курс на многополярность заложен в основных стратегических документах России и, значит, имеет определенный правовой статус в национальном законодательстве, а следовательно, мы имеем дело с первой стадией его институционализации.

5.3. Международные организации, способные стать основой многополярного миропорядка в правовом поле

5.3.1. ООН на современном этапе: геополитический анализ

С точки зрения многополярности можно посмотреть и на Организацию Объединенных Наций — в той форме, в которой она существует в актуальных геополитических условиях. ООН представляет собой итог предшествующей стадии глобализации, связанной с Вестфальской системой и отчасти с двухполюсным миром. В ООН мы имеем дело с парадигмой международного права, соответствующей «второму» и «третьему номосу» Земли, по К. Шмитту, тогда как сегодня в целом мы постепенно переходим к «четвертому номосу Земли» (либо однополярному, либо многополярному). Именно поэтому наиболее радикальные сторонники однополярности и глобализации все чаще выступают с критикой ООН, и даже с призывами к роспуску это организации.

На месте ООН представители жесткой американоцентричной однополярности предлагают создать «Лигу Демократий»[1] во главе с США, а мондиалисты — «мировое правительство». Это два направления правового оформления новой расстановки сил в мире. В такой ситуации ООН становится консервативным институтом, сдерживающим тенденции развития глобализации. Хотя изначально ООН (как и Лига Наций, которая была ее предшественницей между Первой и Второй мировыми войнами) задумывалась как инструмент «глобализма», ее формат, с учетом краха двухполярного мира и ухода социалистического лагеря и СССР с мировой арены, уста-

[1] См. примечание на с. 502.

рел и тормозит институционализацию и легализацию иной картины мира.

В такой ситуации, если процессы глобализации пойдут по атлантистскому сценарию, реформирование (начиная с изменения структуры Совета Безопасности, о чем уже сегодня идет речь), а затем и роспуск ООН будут неизбежны. Однако переходные условия настоящего момента позволяют использовать ООН и сторонникам многополярного мира. Не представляя собой институт многополярности в чистом виде, перед лицом активизации однополярных и глобальных тенденций ООН может выполнять, временно и прагматически, защитную функцию, противодействуя этим тенденциям по инерции и самой структуре своего устройства. Это прекрасно осознают в США, подвергая ООН все более жесткой критике, высмеивая ее несостоятельность и недееспособность, укоряя в растрате впустую средств, выделяемых на ее содержание[1] и т. д. В такой ситуации сторонники многополярного мироустройства вполне могут использовать ООН как прикрытие для организации более эффективных институтов многополярности. Воспринимая ООН как форму уходящего миропорядка, пока еще выживающую в тени его постепенного распада, и продлевая как можно дольше эту постепенность, можно попытаться в старых рамках заложить основы новых правовых институтов.

Если следовать этой линии осознанно и последовательно (как и поступает сегодня Российская Федерация, активизировавшая свою деятельность в ООН с 2007 г. и увеличившая свою долю в финансировании этой организации), можно достичь определенных результатов:

- продлить сопротивление процессу однополярной глобализации и тем самым выиграть время для подготовки собственно многополярных структур и институтов (это наиболее вероятный проект);
- превратить ООН в момент окончательного кризиса в отношениях с США и перехода США к учреждению «Лиги Демократий» в собственно «многополярную структуру» (этот сценарий менее вероятен, т. к. ему будут активно противодействовать атлантистские силы, которые явно не оставят без боя такой институт своим стратегическим противникам).

---

[1] Например, сенатор Республиканец Джесси Хелмс. См.: Senator Jesse Helms Rebukes the U.N. — Newswatch. 2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.garymcleod. org/helms. htm (дата обращения 20.09.2010.). Показательно также назначением Джорджем Бушем младшим представителем США в ООН сенатора Джона Болтона, до этого открыто призывавшего «распустить ООН». См. *Gill Kathy.* John Bolton, UN Nominee. — www. about. com. 2005. [Электронный ресурс] URL: http://uspolitics. about. com/od/politicalcommentary/a/ed_bolton. htm (дата обращения 20.09.2010).

5.3.2. БРИК: геополитика «второго мира»

Примером первого приближения к разработке многополярной международной структуры является создание неформального клуба «БРИК», созданного на основе четырех стран — Бразилии, России, Индии и Китая[1]. В него входят четыре государства: три державы евразийские — Россия, Индия, Китай, и одна латино-американская — Бразилия, с ярко выраженной принадлежностью к «цивилизации Суши», представляющих собой «большое пространство» и являющихся бесспорными лидерами в своих регионах.

«БРИК» выражает собой формы геополитического самосознания тех держав, которые, с одной стороны, имеют огромные достижения в экономической, военно-технической и ресурсной сферах, но вместе с тем существенно уступают странам Запада, существенно превосходя при этом все остальные незападные страны. Три державы обладают ядерным оружием (Россия, Китай, Индия), а Бразилия, по мнению некоторых ресурсов, близка к этому[2]. Китай и Индия в общей сложности насчитывают больше двух миллиардов населения. Россия обладает гигантскими территориями и природными ресурсами, а также сохраняет достаточно высокий военно-технический потенциал. Бразильская экономика развивается ускоренными темпами, превращая страну в регионального лидера и ядро всей Латинской Америки. Если сложить стратегический потенциал всех этих стран, то совокупно по многим параметрам он сопоставим со стратегическим потенциалом стран Запада, а в некоторых аспектах — и превосходит его[3].

При этом все четыре страны находятся в состоянии активной модернизации и впитывают — по разному алгоритму — те технологические возможности, которые предоставляет глобальный мир и мировая экономика.

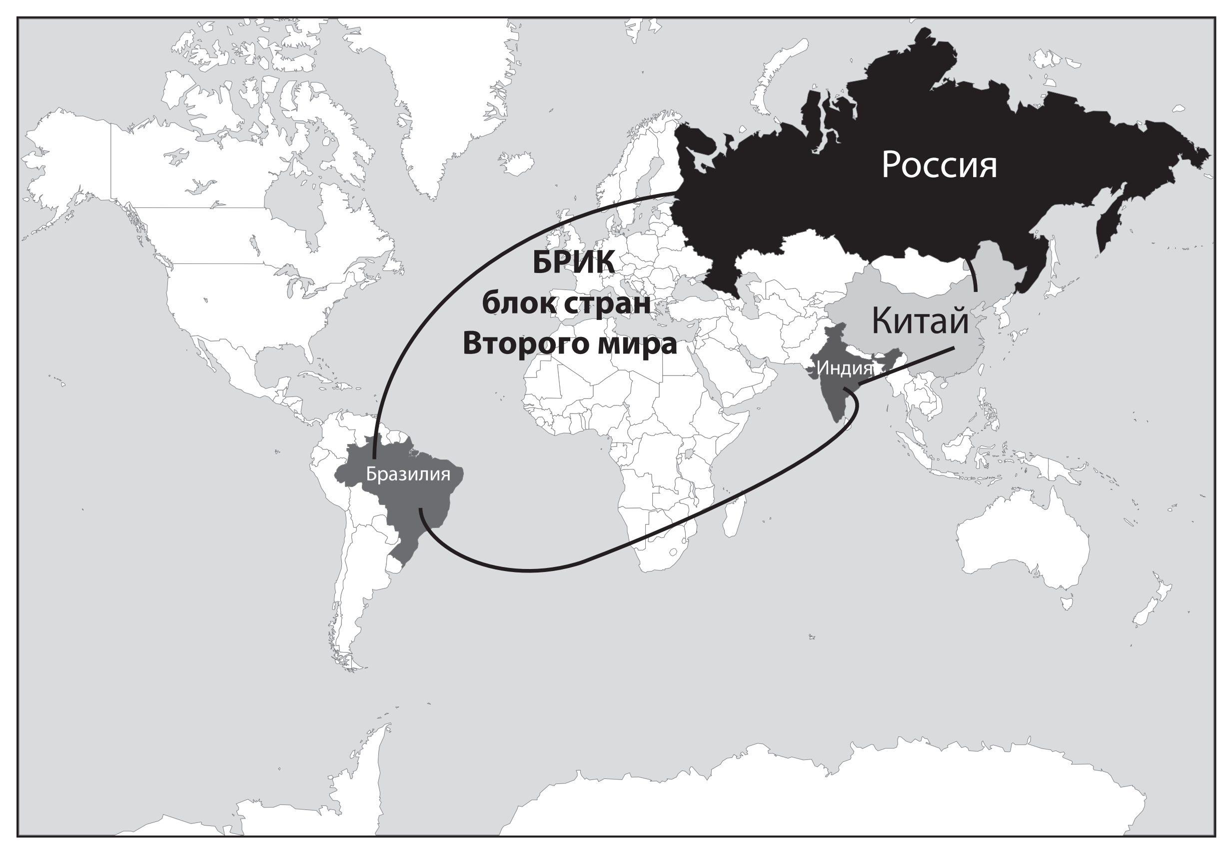
В однополярной конструкции страны БРИК мыслятся строго *по отдельности*, как промежуточные пояса между «ядром» и «мировой периферией». Элиты этих стран при таком подходе должны постепенно интегрироваться в мировую элиту, а массы — смешаться с другими низшими социальными стратами из соседних обществ, в том числе и из менее развитых через поток миграции, и утратить, таким образом, культурную и цивилизационную идентичность. То обстоятельство, что в странах БРИК развертываются глобализаци-

---

[1] BRICs and beyond. Goldman Sachs Global Economics Group. NY, 2007.

[2] *Рюле Г.* Бразилия создает атомную бомбу? — www.inosmi.ru. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.inosmi.ru/latamerica/20100508/159790133.html (дата обращения 20.09.2010).

[3] BRICs and beyond.

Карта 40. Страны БРИК. Второй мир, социальный и стратегический потенциал которого уступает США и Евросоюзу, но существенно превосходит остальные страны

онные процессы, дает основание глобалистам полагать, что эти страны постепенно встроятся в общую систему однополярности.

Но с точки зрения многополярности, функции БРИК могут быть совершенно иными. Если эти четыре страны смогут сформулировать общую стратегию, оформить консолидированные подходы к основным вызовам современности и разработать совместную геополитическую модель, то мы получим готовый мощный международный институт многополярного мира, обладающий колоссальными техническими, дипломатическими, демографическими и военными ресурсами.

БРИК можно осмыслить как потенциальный «второй мир»[1]. По определенным параметрам он будет отличаться и от «первого мира» («ядра», Запада) и от «третьего мира» («мировой периферии»). Если подойти к этому не с чисто количественных позиций (ресурсы, экономика, население, технологии и т. д.), но с учетом качественной особости обществ этих стран, т. е. с позиции культуры и цивилизации, то можно увидеть в БРИК нечто совершенно новое и оригинальное.

В однополярной перспективе «второй мир» (БРИК) подлежит разделению на два сегмента: на элиты, интегрирующиеся в «первый мир», и массы, сползающие в «третий мир» и с ним смешивающиеся. Так оно происходит в ходе инерциального развития событий. Но если БРИК осмыслит свою историческую функцию не как простой этап в становлении глобальной мировой системы (И. Валлерстайн), а как новую парадигму, которая выработает иную стратегию, сохранит пропорции между элитами и массами в рамках общего цивилизационного проекта, то «второй мир» может стать серьезной альтернативой «первому» и указанием пути (и спасением) для «третьего». В этом случае формат простого «клуба» четырех стран, имеющих много общих черт в современном моменте развития, может органически перерасти в основу мощной мировой организации, способной диктовать остальным участникам мирового процесса свои требования в ультимативной форме (если это потребуется), а не просто сообщать частное мнение об одобрении или неодобрении того или иного действия США и его партнеров (как это имеет место сейчас).

Представим себе такую ситуацию. США собираются начать военную операцию в Ираке. Франция и Германия «не одобряют» такого шага. А четыре ядерные страны — Бразилия, Россия, Индия и Китай — говорят: «нет, вы этого не сделаете!» Жесткость ультиматума будет подтверждена совокупным геополитическим потенциалом. По одиночке США может нанести непоправимый урон каж-

---

[1] *Khanna Parag.* Der Kampf um die zweite Welt — Imperien und Einfluss in der neuen Weltordnung. Berlin: Berlin Verlag, 2008.

дой из этих стран в отдельности — в военной, экономической, политической сферах. Но всем четырем странам — исключено.

Таким же образом могут решаться и другие вопросы, мнения по которым полярно расходятся у сторонников однополярного и многополярного мира — проблемы Сербии, Афганистана, Грузии, Тибета, Синьцзяня, Тавайн, Кашмира, а также ряд локальных проблем в Латинской Америке. Конечно, США постараются не создавать ситуаций, предполагающих заинтересованность в выработке общей позиции странами БРИК каждой из стран одновременно. На это и делается вся ставка, поскольку по отдельности с каждой из стран «второго мира» можно отношения уладить.

Но смысл многополярности в том и состоит, чтобы выработать правила международного порядка, которые отвечали бы не частной ситуации, в которой отдельная, пусть крупная, держава получает желаемое, но общему принципу, когда США и их союзникам вообще невозможно было бы развязывать острый конфликт в одностороннем порядке, не считаясь более ни с кем. Вторжение США в Ирак глубоко не затронуло ни Китай, ни Россию, ни Индию, ни Бразилию. Вторжение в Афганистан было сиюминутно (так казалось, по крайней мере) выгодно России и отчасти Индии (блокирование очага воинственного радикального ислама). Но серия подобных шагов со стороны США рано или поздно возведет такую манеру поведения в принцип и положит в основу правовой модели — как мы видим в проекте «Лиги Демократий». Поэтому США необходимо в подобных случаях жестко останавливать — заранее и по принципиальным причинам, а не из-за того, что нечто ситуативно выгодно или невыгодно той или иной стране «второго мира». Тут-то и проявляется закон «разделяй и властвуй» («divide et impera», на латыни). Если «второй мир» будет консолидирован общей многополярной философией, стратегией и геополитикой, он будет недоступен однополярным интригам и сможет двигаться прямым путем к своей институционализации и приданию многополярным правилам правового характера.

Сегодня БРИК как организация находится в самом начале большого пути, и никто не может обещать, что этот путь будет легким. Однако существующая форма клуба четырех великих держав уже представляет собой форму, прообраз международной структуры, которая могла бы постепенно стать институциональным ядром многополярного мира.

5.3.3. Шанхайская Организация Сотрудничества и ее геополитические функции

Другой структурой, которая имеет признаки многополярного института, является Шанхайская Организация Сотрудничества

(ШОС)[1]. Она задумана как форма постоянных консультаций ряда крупных держав евразийского континента по поводу региональных проблем и вызовов, касающихся каждой из них. Сама идея ШОС свидетельствует о многополярном подходе, т. к. основана на предпосылках, что локальные проблемы должны решаться теми странами и теми обществами, которые имеют к ним прямое отношение. Глобальные инстанции при этом оставляются в стороне.

В ШОС на постоянной основе участвуют Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Этими странами эта организация и была учреждена в 2001 г. после того, как Узбекистан принял решение присоединиться к «Шанхайской пятерке», образованной Россией, Китаем, Казахстаном, Таджикистаном и Киргизстаном в период с 1996 по 1997 гг. в ходе подписания друг с другом ряда соглашений по военному сотрудничеству. При формальном равноправии всех участников ШОС диспаритет потенциалов очевиден: в основании этой организации стоят Китай и Россия, а остальные страны, из числа бывших союзных республик Средней Азии, представляют «буферный регион», в котором традиционно сильно российское стратегическое присутствие и постепенно нарастает китайское. Чтобы согласовывать эти процессы и учитывать позиции стран Средней Азии, а также решать технические вопросы (противодействия терроризму, наркоторговле, сепаратизму, организованной преступности и т. д.), ШОС и была создана.

Россия и Китай недвусмысленно выражают свою ориентацию на многополярный мир, что полностью соответствует и позициям остальных участников ШОС, поэтому данная организация может рассматриваться как один из многополярных институтов.

Показательно, что в качестве стран-наблюдателей в ШОС принимают участие Индия, Иран, Пакистан и Монголия, т. е. практически все крупные государства, имеющие непосредственное отношение к Центрально-Азиатскому регион. Если вновь обратиться к стратегическим аспектам многополярной теории, то мы увидим в ШОС потенциал для формирования полноценной коалиции Heartland'а, т. е. того четвертого полюса, который является ключевым для построения квадриполярной архитектуры.

Россия, Иран, Индия и Пакистан являются главными узлами в зоне евразийской пан-идеи. А Китай, со своей стороны, опорой многополярности и соседней державой, от которой во многом зависит строительство многополярного мира. То есть в ШОС, если предположить участие в ней стран-наблюдателей на постоянной основе, мы имеем дело с мощнейшим инструментом глобальной политики, функционально сопоставимым с БРИК (тем более что в ШОС

---

[1] Сайт организации в Интернете: http://www. sectsco. org/RU/ (дата обращения 05.10.2010).

присутствуют три из четырех стран БРИК), но имеющим привязку к евразийскому континенту.

Даже предварительные консультации по частным вопросам в таком составе уже превращают эту организацию в самостоятельную мировую силу. А проведение совместных военных учений (как это ежегодно имеет место, начиная с 2007 г.) при благоприятных обстоятельствах вполне может стать основой военно-стратегического партнерства, а может быть, и «Евразийского Альянса», симметричного Альянсу Северо-Атлантическому (НАТО).

ШОС представляет собой еще один пример постепенного правового оформления многополярности. А тот факт, что официальные декларации ШОС постоянно опровергают политический или стратегический характер этой организации, лишь показывает, что ее руководителя стараются максимально отложить момент прямой конфронтации с глобализмом и однополярным миром, действуя по той же логике, что и при отказе от прояснения геополитического и стратегического смысла «многополярности» (о чем речь шла ранее).

5.3.4. Интеграционные организации постсоветского пространства

Рассмотрим более узкие интеграционные структуры, затрагивающие непосредственно территорию Heartland'а. К ним относятся:

- Евразийское Экономическое Сообщество, сокращенно, ЕврАзЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан) [1];
- Организация Договора о Коллективной Безопасности, сокращенно ОДКБ (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения) [2];
- Таможенный союз (Россия, Казахстан, Беларусь) [3];
- Единое Экономическое Пространство (Россия, Казахстан, Беларусь, Украина);
- Союзное Государство России и Белоруссии[4].

Все эти организации ставят перед собой задачи новой интеграции Heartland'а в новых условиях и так или иначе ориентированы в первую очередь на Россию и на воссоздание вокруг нее общего «большого пространства». Такая цель и политическая география

---

[1] Сайт организации в Интернете: http://www. evrazes. com/ (дата обращения 05.10.2010).

[2] Сайт организации в Интернете: http://www. dkb.gov.ru/ (дата обращения 05.10.2010).

[3] Сайт организации в Интернете: http://www.tsouz.ru/AboutETS/Pages/default. aspx (дата обращения 05.10.2010).

[4] Сайт организации в Интернете: http://www. soyuz.by/ (дата обращения 05.10.2010).

участников показывает, что эти организации нацелены на создание многополярного мира, в частности, на создание полноценного полюса четвертой зоны (евразийской пан-идеи). С геополитической точки зрения все они являются чисто евразийскими по своему качеству. При этом надо заметить, что *евразийская философия интеграции* пока разработана довольно слабо и фрагментарно. Единственно, что не подлежит сомнению: интеграционные процессы в рамках этих институтов не основаны ни на прямой территориальной экспансии России (как это было в период Российской Империи), ни, что очевидно, на основе коммунистической идеологии (как это было в советский период). Поэтому логично предположить, что философия интеграции постсоветского процесса будет многополярной и евразийской, т. е. основанной на учете культурной, этнической и исторической самобытности каждого общества, вступающего заново в единое историческое «большое пространство» воссоздаваемого на новом историческом витке Heartland'а. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются политическим руководством Казахстана, чей президент Нурсултан Назарбаев открыто исповедует евразийские взгляды[1]. Именно он являлся инициатором создания большинства интеграционных структур, а в 1994 году в МГУ озвучил авангардный проект создания «Евразийского Союза» — как прямого аналога Европейского Союза, и даже предложил проект его «Конституции». Однако со стороны других участников этих структур, включая саму Россию, большого интереса к этой теме не проявляется, самым мягким объяснением чему (как мы уже неоднократно видели), вероятно, является нежелание обострять раньше времени отношения с США.

Вместе с тем США прекрасно осознают, что все интеграционные процессы на постсоветском пространстве неминуемо ведут к усилению Heartland'а и, следовательно, представляют собой угрозу американской военной гегемонии. Эти опасения находят выражение в официальных документах американского руководства — таких, как «план Вулфовица», настаивающий на том, что главной задачей американской стратегии безопасности является недопущение возникновения на территории Евразии блока, способного проводить самостоятельную политику без учета интересов США в регионе[2]. Поэтому в США была разработана система альтернатив-

[1] *Дугин А.Г.* Евразийская Миссия Нурсултана Назарбаева. М.:РОФ Евразия, 2004.

[2] Prevent the Reemergence of a New Rival. — National Security Archive. www.gwu.edu 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm (дата обращения 20.09.2010). См. также 1992 Draft Defense Planning Guidance. — www.rightweb.irc 2008. [Электронный ресурс] URL: http://www.rightweb.irc-online.org/profile/1992_Draft_Defense_Planning_Guidance (дата обращения 20.09.2010).

ной организации постсоветского пространства. Смысл ее состоял в том, чтобы:

- оторвать страны СНГ от России;
- сблизить их с США и Евросоюзом;
- начать процесс интеграции их в НАТО;
- выстроить на пространстве СНГ антироссийскую коалицию;
- заменить в странах СНГ дружественные России или, по меньшей мере, нейтральные, политические режимы на антироссийские, прозападные и глобалистские;
- разместить в проамериканских странах американские военные объекты.

Для этой цели США и, в частности, фонд мондиалиста Дж. Сороса активно провоцировали «цветные революции» в Украине, Грузии, Молдове (попытки делались в Беларуси, Армении и Киргизии). А те страны, которые оказались в сфере влияния атлантизма, создавали собственные антироссийские. антиевразийские коалиции — такие как ГУАМ[1] (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) или эфемерное «Содружество демократического выбора», провозглашенное Ющенко и Саакашвили в 2005 г. (Украина, Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Словения, Македония, Румыния).

Таким образом, все постсоветское пространство было поделено на *евразийскую* (интеграционную) и *атлантистскую* (дезинтеграционную) зоны. Обе зоны были включены в правовые и институционные процессы, которые призваны были зафиксировать структуру этих пространств в юридической форме — либо в однополярном (атлантистском, глобалистском), либо в многополярном (евразийском) ключе. Поэтому несмотря на то, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их институциональное оформление носят локальный характер, по своему значению они имеют глобальный масштаб — ведь речь идет о выполнении необходимого условия многополярного мира: воссоздания политического пространства Heartland'а в объеме, необходимом для того, чтобы стать полноценным полюсом квадриполярной конструкции.

Все интеграционные структуры постсоветского пространства имеют различный характер.

ЕврАзЭс представляет собой экономическую структуру, призванную объединить экономики входящих в него стран.

ОДКБ — военно-политический союз.

Таможенный союз, запущенный только к 2010 г. — реально действующий механизм, интегрирующий территории России, Казахстана и Беларуси в единую зону с полностью идентичной системой экономического законодательства (в рамках таможенного со-

[1] Сайт организации в Интернете: http://guam-organization. org/ (дата обращения 05.10.2010).

юза все трансакции, транспортные тарифы и т. д. осуществляются так, как если бы они находились в пределах единого государства).

Союзное Государство России и Беларуси — одобренная политическим руководством обеих стран и ратифицированная парламентами инициатива по созданию единой наднациональной государственности с общей системой управления, единым парламентом и т. д. Союз существует юридически, но его практическая реализация сталкивается с целым рядом трудностей.

Единое Экономическое Пространство — провозглашенная в 2003 г. президентами четырех стран (России, Казахстана, Беларуси и Украины) инициатива экономической интеграции. Отличается от ЕврАзЭС и таможенного союза присутствием Украины, ради которой и был предложен особый формат, которая в то время собиралась вступить в ВТО, а в 2008 г. вступила. Интеграция с Украиной шла с большим трудом, не случайно эта страна стала членом антироссийского блока ГУАМ. Когда же Президент Кучма пошел на осторожное сближение с Москвой в 2003 г., прозападные силы (с опорой на США) осуществили «оранжевую революцию», задачей которой, в частности, был срыв вступления Украины в ЕЭП.

Таким образом, институционализация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, как мы видим, имеет не локальный, а глобальный характер, т. к. ее успех резко повышает шансы на создание многополярной системы, а ее провал, напротив, усиливает позиции сторонников американской гегемонии и глобализма.

Глава 6

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И ПОСТМОДЕРН

6.1. Многополярность как образ будущего и сухопутный Постмодерн

6.1.1. Многополярность как инновационный авангардный концепт

Многополярная теория представляет собой своеобразное направление, которое не может быть квалифицировано упрощенно в терминах «*прогресс»/«консерватизм*», «*старое*»/«*новое*», «*развитие*»/«*стагнация*» и т. д. Однополярный взгляд на историю и, соответственно, глобалистская перспектива представляют исторический процесс как линейное движение от худшего к лучшему, от неразвитого к развитому и т. д. В этом случае глобализация видится как горизонт универсального будущего, а все, что глобализации препятствует — как инерция прошлого, атавизм или стремление сохранить «статус кво» любой ценой. В силу такой установки глобализм и «цивилизация Моря» пытаются истолковать и многополярность, которая интерпретируется исключительно как консервативная позиция сопротивления «неизбежным переменам». Если глобализация — это Постмодерн (глобальное общество), то многополярность предстает как сопротивление Постмодерну (где есть элементы Модерна и даже Премодерна).

На самом деле можно взглянуть на вещи под иным углом зрения и отложить в сторону догматику линейного прогресса[1] (или «монотонного процесса»[2]). Представление о времени как о социологической категории, на которой основывается философия многополярности, помогает интерпретировать общую парадигму многополярности в совершенно иной системе координат.

Многополярность в сравнении с однополярностью и глобализмом не есть просто обращение к старому, призыв сохранить все как есть. Многополярность не настаивает ни на сохранении нацио-

---

[1] *Бенуа Ален де.* Краткая история идеи прогресса // Бенуа Ален де. Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб:Амфора, 2010.

[2] *Дугин А.Г.* Яд модернизации//Однако. 2010. №10 (26) 22 марта.

нальных государств (Вестфальский мир), ни на восстановлении двухполярной модели (Ялтинский мир), ни на замораживании того переходного состояния, в котором сегодня пребывает международная жизнь.

Многополярность — это взгляд в будущее (в такое, какого еще никогда не было), проект организации и миропорядка на совершенно новых принципах и началах, серьезный пересмотр тех аксиом, на которых покоится современность в идеологическом, философском и социологическом смыслах.

Многополярность, так же, как и однополярность, и глобализация, ориентируется на построение того, чего никогда еще не было раньше, на творческое напряжение свободного духа, философского поиска и стремление построить лучшее, более совершенное, справедливое, гармоничное и счастливое общество. Но только образ этого общества, его принципы и ценности, а также методы строительства его фундамента видятся радикально иными (нежели у глобалистов). Многополярность видит будущее многомерным, вариативным, дифференцированным, разнородным, сохраняющим широкую палитру выбора самоидентификации (коллективной и индивидуальной), а также полутона лимитрофных обществ, с наложением разных идентификационных матриц. Это модель «цветущей сложности» мира, где множество мест сочетаются с множеством времен, где в диалог вступают разномасштабные коллективные и индивидуальные акторы, выясняя, а подчас и трансформируя, свою идентичность в ходе такого диалога. Западная культура, философия, политика, экономика, технология видится в этом будущем мире лишь одним из локальных явлений, ни в чем не превосходящим культуру, философию, политику, экономику и технологию азиатских обществ, и даже архаических племен. Все, с чем мы имеем дело в лице разных этносов, народов, наций и цивилизаций, это *равноправные* вариации *«человеческого общества»* («Menschliche Gesellschaft»[1]), одни — «расколдованные» (М. Вебер) и материально развитые, другие бедные и простые, но зато «околдованные» (М. Элиаде), священные, живущие в гармонии и равновесии с окружающим бытием. Многополярность принимает любой выбор, который делает то или иное общество, но всякий выбор становится осмысленным только в привязке к пространству и историческому моменту, а значит, остается локальным. Самая западная культура, воспринятая как нечто локальное, может восхищать и вызывать восторг, но ее претензия на универсальность и отрыв от исторического контекста превращают ее в симулякр, в «псевдо-Запад», в карикатуру и китч. Так, в определенной степе-

[1] *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931 – 1934.

ни, произошло с американской культурой, в которой без труда узнается Европа, но Европа гипертрофированная, стерилизованная, лишенная внутренней гармонии и пропорций, шарма и традиций, Европа как универсалистский проект, а не как органичное, хотя и сложное, парадоксальное, драматическое, трагическое и противоречивое историческое и пространственное явление.

6.1.2. Многополярность как Постмодерн

Если мы обратимся к прошлому, то легко обнаружим, что многополярного мира, т. е. международного порядка, основанного на принципе многополярности, никогда не существовало. Многополярность является поэтому именно проектом, планом, стратегией будущего, а не простой инерцией или косным сопротивлением глобализации. Многополярность смотрит в будущее, но видит его радикально *иным*, нежели сторонники однополярности, универсализма и глобализации, и стремится воплотить свое видение в жизнь.

Эти соображения показывают, что, в определенном смысле, многополярность тоже есть *Постмодерн* (а не Модерн и не Премодерн), но только другой, чем Постмодерн глобалистский и однополярный. И в этом особом смысле многополярная философия согласна с тем, что нынешний миропорядок, а также вчерашний (национальный или двухполюсный), несовершенен и требует радикальной переделки. Многополярный мир — это не отстаивание «второго» и «третьего номоса земли» (по К. Шмиту), но *битва за четвертый номос*, который должен прийти на смену настоящему и прошлому. В той же степени многополярность есть не отвержение Постмодерна, но утверждение радикально *иного Постмодерна* и по сравнению с тем, что предлагается неолиберальными глобалистами и сторонниками однополярного мира, и по сравнению с критической антиглобалистской и альтерглобалистской позицией, которая основывается на том же самом универсализме, что и неолиберализм, только с обратным знаком. Многополярный Постмодерн, таким образом, представляет собой нечто иное, чем Модерн, Премодерн, неолиберальный глобализм, однополярный американоцентричный империализм и левацкий антиглобализм и альтерглобализм. Поэтому в случае оформления многополярности в систематизированную идеологию, речь заходит именно о «Четвертой политической теории».

Многополярная идея признает, что национальные государства не отвечают вызовам истории и, более того, являются лишь подготовительной стадией глобализации. И поэтому она поддерживает интеграционные процессы в конкретных регионах, настаивая на том, чтобы их границы учитывали цивилизационные особенности обществ, исторически сложившихся на этих территориях (это вполне постмодернистская черта).

Многополярный проект допускает, что в международной политике должно возрастать значение *новых негосударственных акторов*. Но этими акторами должны быть, прежде всего, самобытные, исторически сложившиеся и имеющие привязку к пространству органические общества (такие, как этносы), к которым надо прислушиваться намного больше, чем это было раньше (это тоже постмодернистская черта).

Многополярная идея отказывается от универсальных, «больших нарративов» (рассказов), европейского логоцентризма, жестких властных иерархий и подразумеваемого нормативного патриархата. Вместо этого утверждается ценность локальных, многообразных и асимметричных идентичностей, отражающих дух каждой конкретной культуры, какой бы она ни была и сколь чуждой и отталкивающей она ни казалась остальным (и это постмодернистская черта).

Многополярная идея отбрасывает механистический подход к реальности, декартовское деление на субъект и объект, утверждая целостность, холизм и интегральный подход к миру — органичный и сбалансированный, основанный, скорее на «геометрии природы» (Б. Мандельброт), чем на «геометрии машины». Отсюда вытекает экологизм многополярного мира, отказ от концепции «покорения природы» (Ф. Бэкон) и переход к «диалогу с природой» (это тем более постмодернистская черта).

6.1.3. Многополярный Постмодерн против однополярного (глобалистского/антиглобалистского) Постмодерна

Когда речь заходит о мере вещей в мире будущего, у многополярной теории и постмодернизма начинаются серьезные противоречия. Либеральный и неомарксистский постмодернизм оперируют с базовыми понятиями «*индивидуума*» и линейного «*прогресса*», которые мыслятся в перспективе «освобождения индивидуума», а на последней стадии — в перспективе «освобождения *от* индивидуума» и перехода к постчеловеку, киборгу, мутанту, ризоме, клону. Более того, именно принцип индивидуальности они считают универсальным.

В этих вопросах многополярная идея резко расходится с магистральной линией постмодернизма и утверждает в центре вещей — *общество*[1], коллективную личность, коллективное сознание (Э. Дюркгейм), коллективное бессознательное (К.Г. Юнг). Общество есть матрица бытия, оно создает индивидуумов, людей, языки, культуры, экономики, политические системы, время и пространство. Но общество не одно, а обществ много, и они несоизмеримы друг с другом.

---

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.

Лишь в одном типе общества, а именно, западноевропейском, индивидуум стал «мерой вещей» в столь абсолютной и законченной форме. А в других обществах он таковым не стал и не станет, потому что они устроены совершенно иным образом. И надо признать за каждым обществом неотъемлемое право быть таким, каким оно захочет, творить реальность по своим выкройкам, придавая индивидууму и человеку высшую ценность или не придавая никакой.

То же касается «прогресса». Поскольку время — явление социальное[1], в каждом обществе оно структурировано по-разному. В одном обществе оно заключает в себе эскалацию роли индивидуума в истории, а в другом нет. Поэтому никакой предопределенности в масштабе всех обществ Земли в отношении индивидуализма и постчеловечества нет. Такова, вероятно, судьба Запада, связанная с логикой его истории. Но к другим обществам и народам индивидуализм имеет косвенное отношение, а если и присутствует в их культуре, то, как правило, в форме навязанных извне колониальных установок, чужеродных парадигме самих локальных обществ. Но именно колониальный империалистический универсализм Запада и является главным противником многополярной идеи.

Используя термины геополитики, можно сказать, что многополярность это сухопутная, континентальная, *теллурократическая* версия Постмодерна, тогда как глобализм (равно как и антиглобализм) — его морская, *талассократическая* версия.

6.2. Многополярность и теории глобализации

6.2.1. Многополярность против мировой политии

Рассмотрим теперь основные теории глобализации и соотнесем их между собой с позиции многополярности.

«Теория *мировой политии»* (World Polity Theory — Дж. Мейер, Дж. Боли и др.), предполагающая создание единого мирового государства с опорой на индивидуальных граждан, максимально противоположна многополярности и представляет собой ее *формальную антитезу*. Точно так же тезисы «конца истории» (быстрого или постепенного) Ф. Фукуямы и все остальные жестко глобалистские однополярные проекты описывают как желательное и вероятное то будущее, которое полностью противоречит многополярному. В этом случае между многополярностью и теорией глобализации существует отношения плюса и минуса, черного и белого, т. е. радикальный ультимативный антагонизм: *или/или*. Или «мировая полития», или многополярность.

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию.

6.2.2. Многополярность и мировая культура (в поддержку локализации)

Более сложно обстоит дело с теорией мировой культуры (World Culture Theory — Р. Робертсон), а также с концепциями «трансформационистов» (Э. Гидденс и др.). Сюда же можно отнести и критические оценки глобализации в духе С. Хантингтона. В этих теориях анализируется баланс двух тенденций — универсализации (чистый глобализм) и локализации (Р. Робертсон), или нового появления контуров цивилизаций (С. Хантингтон). Если к универсализации отношение многополярной теории однозначно антагонистическое, то ряд явлений, обнаруживающихся в ходе глобализации как ее побочные эффекты, напротив, могут оцениваться позитивно. Ослабление социально-политического контекста национальных государств, в теориях этого толка, рассматривается с двух сторон: частично их функции передаются глобальным инстанциям, а частично оказываются в руках новых, локальных акторов. С другой стороны, также из-за хрупкости и расшатанности национальных государств все большее значение приобретает цивилизационный и религиозный фактор. Этот набор явлений, которые сопровождают глобализацию по факту и являются следствиями ослабления прежних моделей миропорядка (государственного и идеологического), заслуживают позитивного внимания и становятся элементами многополярной теории.

Побочные эффекты глобализации возвращают общества к конкретному пространственному, культурному и подчас религиозному контексту. Это означает усиление роли этнической идентичности, рост значения конфессионального фактора, повышенное внимание к локальным общинам и проблемам. Если суммировать эти явления, то они вполне могут быть осознаны как стратегические позиции многополярного миропорядка, которые надо фиксировать, закреплять и поддерживать. В «глокализации», описываемой Робертсоном, многополярность заинтересована в «локализации», с которой полностью солидарна. Сам Робертсон считает, что процессы «глокализации» не предрешены, и могут качнуться в ту или иную сторону. Принимая этот анализ, сторонники многополярного мира должны сознательно прикладывать усилия, чтобы процессы качнулись в «локальную» сторону и перевесили «глобальную».

6.2.3. Многополярные выводы из анализа теории мировой системы

«Теория *мировой системы*» (World-System Theory) И. Валлерстайна для многополярной теории интересна тем, что адекватно описывает экономико-политический и социологический алгорит-

мы глобализации. «Мировая система», по Валлерстайну, представляет собой глобальную капиталистическую элиту, группирующуюся вокруг «ядра», даже если ее представители — выходцы из стран «периферии». «Мировой пролетариат», который постепенно от национальной идентичности переходит к классовой (интернациональной), воплощает «периферию» не просто географически, но и социально. Национальные государства являются не более чем площадками, на которых происходит один и тот же механический процесс — обогащение олигархов и их интеграция в сверхнациональное (глобальное) «ядро» и обнищание масс, постепенно сливающихся с рабочим классом других наций в ходе миграционных процессов.

Этот, в целом корректный с точки зрения многополярной теории, анализ не учитывает *культурный и цивилизационный* фактор (игнорирование которого свойственно марксизму, озадаченному прежде всего вскрытием механики экономического устройства общества, в целом), а также геополитику. Между «ядром» и «периферией» в сегодняшнем мире располагается «второй мир», т. е. региональные интеграционные образования («большие пространства»). По логике И. Валлерстайна, их существование ничего не меняет в общей структуре мировой системы, и они представляют собой лишь шаг в сторону полной глобализации: интеграция элит в «ядро» и «интернационализация масс» проходит в них еще быстрее, чем в контексте национальных государств. Но по логике многополярной теории наличие «второго мира» радикально все меняет. Между элитами и массами интеграционных структур в рамках «второго мира» может возникнуть иная модель отношений, нежели прогнозирует либеральный или марксистский анализ. С. Хантингтон назвал этот процесс «*модернизацией без вестернизации*»[1]. Суть его состоит в том, что получающие западное образование и осваивающие западные технологии элиты стран периферии часто не интегрируются в глобальную элиту, но возвращаются в свое общество, подтверждают социализацию и коллективную идентичность в нем и ставят освоенные навыки на службу своим странам, не следующим за Западом, и даже противостоящим ему. Факторы культурной (часто религиозной) идентичности, цивилизационной принадлежности оказываются сильнее универсалистского алгоритма, заложенного в модернизационной технологии и породившей ее среде.

«Модернизация без вестернизации», а также региональная интеграция без глобальной интеграции, представляет собой тенденцию, которую сам И. Валлерстайн игнорирует, но которую именно его анализ позволяет увидеть и четко описать. Для многополярной

---

[1] *Huntington Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

теории это становится важнейшим элементом и программным тезисом.

Что касается *глобального горизонта*, с которым, согласно большинству теорий глобализации, всем обществам теперь придется иметь дело, то многополярная теория может выдвинуть следующие принципы.

Истинная полнота и цельность мира схватывается в локальном, а не в глобальном опыте, но таком, который в отличие от обычного опыта, ориентирован *иначе*. Хайдеггер называл это «аутентичным экзистированием Dasein'a»[1]. Схватить мир как целое можно только через изменение бытия, а не через накопление все новых и новых данных, впечатлений, встреч, разговоров, информации, знаний. По Хайдеггеру, к изучению новых мест и ландшафтов человека толкает бегство от «подлинного бытия», воплощенное в фигуру «das Man» — безличного, усредненного, униформного начала, замещающего собой подлинный опыт бытия и растворяющего концентрацию сознания в «любопытстве» и «болтовне» (как в двух формах «неаутентичного экзистирования») [2]. Чем проще коммуникации в глобальном мире, тем более они бессмысленны. Чем насыщеннее потоки информации, тем меньше люди способны осмыслять и расшифровывать их значение. Поэтому глобализация вообще никак не способствует приобретению опыту «целого мира» и, напротив, уводит от него, рассеивая внимание в бесконечной серии бессмысленных осколков, частей, не являющихся атрибутами чего-то целого, т. е. частей самих по себе. «Глобальный горизонт» не достигается в глобализации, он постигается в глубоком экзистенциальном опыте «места».

Поэтому различные общества сталкиваются не с глобальным горизонтом, а с вызовом глобализма как наступающей на всех идеологии и практики, и этот вызов действительно ощущается повсеместно. Многополярная теория признает универсальность этого вызова, но считает, что он столь же универсально должен быть отражен — как катастрофа, несчастье или трагедия.

«Горизонт глобализма» мыслится как нечто, что следует победить, преодолеть, упразднить. Каждое общество сделает это посвоему, но многополярная теория предлагает обобщить, консолидировать и скоординировать все формы отрицательного ответа на вызов глобализации. Столь же глобальным, как вызов глобализации, должно быть его отвержение. Но структура этого отвержения,

---

[1] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.

[2] Глобализм Хайдеггер называл термином «планетэр-идиотизм», имея в виду исконное греческое значение слова ιδιοτεσ, означающее жителя полиса, лишенного гражданской идентичности, т. е. принадлежности к роду, касте, профессии, культу и т. д. См.: *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала.

чтобы быть полноценной, самостоятельной и перспективной, должна быть многополярной и предлагать четкий и внятный проект того, что следует поставить на место глобализации, вместо нее.

6.3. Превратить яд в лекарство

6.3.1. «Оседлать тигра» глобализации: многополярная сеть

Строительство многополярного мира требует выработать особое отношение ко всем основным аспектам процесса глобализации. Мы видели, что, хотя многополярность противостоит однополярности и глобализации, речь идет не просто об отвержении всех трансформаций современности, но о том, чтобы придать этим трансформациям многополярный курс, повлиять на них и направить к тому образу, который видится как желательный и наилучший. Поэтому многополярность в определенных ситуациях призвана не столько фронтально противодействовать глобализации, сколько *перехватить инициативу*, пустить процессы по новой траектории и превратить «яд в лекарство» («оседлать тигра»[1], по выражению китайской традиции). Такая стратегия повторяет логику «модернизации без вестернизации», только на более обобщенном и систематизированном уровне. Отдельные укоренные в региональной культуре общества заимствуют западные технологии для того, чтобы укрепиться и при определенных условиях отразить давление Запада. Многополярность предлагает осмыслить такую стратегию как систему, которая может служить общим алгоритмом для самых разных обществ.

Приведем несколько примеров реинтерпретации отдельных аспектов глобализма в многополярном ключе.

Возьмем явление *сети* и *сетевого пространства*. Само по себе это явление не нейтрально, но представляет собой результат серии последовательных трансформаций социологического понимания пространства в контексте «цивилизации Моря» по пути все большего «разжижения» информационной среды — от водной через воздушную к инфосфере. Параллельно этому сеть представляет собой конструкцию, воспринимающую наличие связей между элементами системы не органически, а механически. Сеть может быть выстроена между отдельными индивидуальными элементами, изначально никак не связанными друг с другом и не имеющими общей коллективной идентичности. И наконец, в феномене сети заложена перспектива преодоления человека и выход на постчеловека, если сделать акцент на самом функционировании самоорганизующихся систем, где центральность человека становится все

[1] *Эвола Ю.* Оседлать тигра. СПб: Владимир Даль, 2005.

более и более относительной (Н. Луман, М. Кастельс и т. д.). С этой точки зрения, сеть представляет собой реальность в высшей степени «морскую», атлантистскую и глобалистскую.

Но в классической геополитике мы видим, что противостояние Суши и Моря связано не столько с пребыванием в той или иной стихии, сколько с социологическими, культурными, философскими и только затем стратегическими выводами, которые разные общества делают из соприкосновением с Морем. К. Шмитт подчеркивал[1], что, несмотря на создание мировой империи, основанной на мореплавании, испанское общество продолжало сохранять сугубо сухопутную идентичность, что сказалось, в том числе, и на социальной организации колоний, и на различии судеб Латинской Америки и англосаксонской Америки. Наличие развитого мореплавания не обязательно делает державу «морской» в геополитическом смысле этого термина. Более того, задача цивилизации Суши, и в частности, Heartland'а, состоит в том, чтобы получить доступ к морям, прорвать блокаду берегового контроля со стороны талассократии и начать конкурировать с ней *в ее собственной стихии*.

Точно так же обстоит дело и с сетевым пространством. Многополярному лагерю необходимо освоить структуру сетевых процессов, их технологии, научиться правилам и закономерностям поведения в сети, чтобы получить возможность реализовывать свои цели и задачи в этой новой стихии. Сетевое пространство открывает новые возможности малым акторам: ведь сайты гигантской ТНК планетарного уровня, великой державы и частного лица, минимально владеющего навыками программирования, ничем друг от друга не отличаются и, в определенном смысле, они оказываются в сходных условиях. То же самое справедливо для социальных сетей и блогов. Глобализация делает ставку на то, что распыление кодов на множество участников сети так или иначе встроит их в контекст, основными параметрами которого будут управлять владельцы физических серверов, регистраторы доменных имен, провайдеры и монополисты программного обеспечения. Но в антиглобалистских теориях Негри и Хардта мы видели, как это обстоятельство лево-анархистские теоретики предлагают повернуть в своих интересах, подготавливая «восстание множеств», призванных опрокинуть контроль «империи»[2]. Нечто аналогичное может быть предложено и в многополярной перспективе. Только речь идет не о хаотическом саботаже «множествами» установленных глобалистами нормативов, но о построение *виртуальных сетевых цивилизаций*, привязанных к конкретному историческому и географическому месту и обладающих

---

[1] *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

[2] *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004.

общим культурным кодом. Виртуальная цивилизация может рассматриваться как проекция в сетевую среду цивилизации как таковой, предполагающая консолидацию в ней именно тех силовых линий и идентификационных установок, которые являются доминатами в соответствующей культурной среде. Этим уже пользуются различные религиозные, этнические и политические силы отнюдь не глобалистской, и даже антиглобалистской, направленности, координируя действия с помощью различных инструментариев сети Интернет, а также распространяя свои взгляды и идеи.

Другой формой являются национальные домены и развитие сетевых коммуникаций в локальных языковых системах. При эффективной работе в этой среде это может способствовать укреплению культурной идентичности молодежи, естественным образом тяготеющей к новым технологиям.

Пример «китайского Интернета», где юридически и физически ограничен доступ к определенному типу сайтов, могущих, по мнению китайских правительственных экспертов, нанести ущерб безопасности китайского общества в политической, социальной или моральной сфере, показывает, что в некоторых случаях позитивный эффект для укрепления многополярности оказывают и чисто ограничительные меры.

Глобальная сеть может превратиться в многополярную, т. е. в совокупность пересекающихся, но самостоятельных «виртуальных континентов». Таким образом, вместо сети появятся сети, каждая из которых будет виртуальным выражением конкретного качественного пространства. Все вместе эти континенты могут быть интегрированы в общую многополярную сеть, дифференцированную и модерируемую на основании многополярной сетевой парадигмы. В конце концов, содержание того, что находится в сети, есть не что иное, как отражение структур человеческого воображения[1]. Если эти структуры понимать многополярно, т. е. как имеющие смысл лишь в конкретном качественном историческом пространстве, то нетрудно вообразить себе, чем мог бы быть Интернет (или его будущий аналог) в многополярном мире.

И на практическом уровне, уже в настоящих условиях можно рассматривать сеть как средство консолидации активных социальных групп, личностей и обществ под эгидой продвижения многополярности, т. е. как постепенное строительство многополярной сети.

6.3.2. Сетевые войны многополярного мира

Еще одним явлением эпохи глобализации являются сетевые войны. Методологии сетевых войн в общетеоретическом и при-

[1] *Дугин А.Г.* Социология воображения.

кладном аспектах также следует взять на вооружение при строительстве многополярного мира. В этом смысле, адаптации сетецентрических принципов (Networkcentric Principles) при реорганизации Вооруженных Сил Российской Федерации[1] представляет собой совершенно оправданное решение, призванное укрепить позиции Heartland'а и повысить боеспособность армии, являющейся одним из главных элементов в многополярной конфигурации.

Сетецентрический принцип ведения войн имеет технические и принципиальные аспекты. Оснащение отдельных подразделений российской армии сетевыми атрибутами (приборами слежения, оперативной двухсторенней связью, интерактивными техническими средствами и т. д.) является само собой разумеющейся стороной вопроса, не требующей особых геополитических обоснований. Гораздо важнее рассмотреть иной, более общий аспект сетевых войн.

Сетевая война, как явствует из трудов ее теоретиков, ведется постоянно и во всех направлениях — «против противников, союзников и нейтральных сил». Точно так же сетевые операции должны развертываться во всех направлениях и со стороны центра (или центров) строительства многополярного мира. Если учесть, что ведущим сетевую войну актором является не отдельное государство, но гибкая и многоуровневая структура, ставящая перед собой цель создания многополярного мира (как сетевая война со стороны атлантистов и глобалистов ставит своей целью установление однополярного мира от лица всего Запада), станет очевидным, что ведение этой войны разными полюсами (например, Россией, Китаем, Индией, Ираном и т. д.) сможет создавать интерференции и резонансы, многократно усиливающие эффективность сетевых стратегий.

При строительстве многополярного мира каждый полюс заинтересован не в усилении другого полюса, но в ослаблении мировой гегемонии гипердержавы. Тем самым сетевая война многополярного мира может представлять собой структуру спонтанной конвергенции усилий и от этого быть чрезвычайно эффективной. Усиление Китая выгодно России. Безопасность Ирана выгодна Индии. Независимость Пакистана от США позитивно скажется на ситуации в Афганистане и Центральной Азии и т. д. Ориентируя сетевые, информационные и имиджевые потоки, заряженные многополярно, во всех направлениях, можно сделать сетевую войну чрезвычайно эффективной, поскольку обеспечение интересов одного актора многополярного миропорядка будет автоматически работать на интересы другого. Координация в таком случае должна быть только на самом высшем уровне — на уровне представителей стран в много-

[1] Свершилось: российская армия переходит на сетецентрический принцип. — www. evrazia. org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://evrazia. org/news/12360 (дата обращения 12.09.2010).

полярном клубе (как правило, это главы государств), где и будет согласовываться общая многополярная парадигма. А процессы сетевой войны будут воплощать общую стратегию в жизнь.

Второй важный момент теории сетецентричных войн состоит в подчеркивании *повышенной чувствительности к начальным условиям*. То, с какой точки начинается вероятный конфликт, какую позицию занимают участвующие в нем стороны и в какой информационной среде это происходит, может оказаться решающим для всего результата. Поэтому приоритетное внимание следует уделять подготовке среды — локальной и глобальной. Если расстановка сил, просчет последствий тех или иных шагов в информационной сфере, а также заблаговременная подготовка имиджевого обеспечения произведены корректно, то это может вообще исключить конфликтную ситуацию и обеспечить убежденность потенциального противника в бесперспективности сопротивления или вооруженной эскалации. Это касается как традиционных боевых действий, так и информационных войн, где борьба ведется за влияние на общественное мнение.

Поэтому страны, провозглашающие ориентацию на многополярность, могут и должны активно использовать теории и практики сетецентрических операций в своих интересах. Теоретики сетевых войн справедливо считают их ключевым стратегическим инструментом ведения войны в условиях Постмодерна. Многополярность принимает вызов Постмодерна и начинает битву за Постмодерн. Сетецентричные операции представляют собой одну из наиболее важных территорий ведения этой битвы.

6.3.3. Многополярность и диалектика хаоса

Другой пример, на котором можно проследить стратегию превращения «яда в лекарство», это феномен хаоса. Хаос все чаще фигурирует в современных геополитических текстах[1], а также в теориях глобализации. Сторонники жесткого однополярного подхода (такие как С. Манн[2]) предлагают манипулировать хаосом в интересах «ядра» (то есть США). Антиглобалисты и постмодернисты приветствуют хаос в буквальном смысле — как анархию и беспорядок. Другие авторы пытаются увидеть в хаотической реальности зародыши порядка и т. д.

Многополярный подход трактует проблему хаоса следующим образом.

[1] *Рамоне Игнасио.* Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.

[2] *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление. — www. geopolitika.ru. [Электронный ресурс] URL: http://geopolitica.ru/Articles/890/ (дата обращения 05.08.2010).

Во-первых, мифологическая концепция «хаоса» как состояния, противостоящего «порядку», есть продукт преимущественно греческой (т. е. европейской) культуры. Это противопоставление изначально основано на исключительности порядка, а впоследствии, по мере развития философии, когда порядок отождествился с рациональностью, хаос и вовсе превратился в чисто негативный концепт, синоним иррациональности, темноты и бессмысленности.

Но можно подойти к этой проблеме и с другой стороны, в менее эксклюзивистском ключе. И тогда хаос откроется нам как инстанция, не противостоящая порядку, но предшествующая его обостренному логическому выражению. Хаос не бессмыслица, но матрица, из которой рождается смысл[1]. В западноевропейской культуре «хаос» есть однозначное «зло». А в других культурах — вовсе нет. Многополярность отказывается считать западноевропейскую культуру универсальной, а значит, и «хаос» утрачивает свой однозначный негатив, равно как и коррелированный с ним «порядок» — свой позитив. Многополярность не рассуждает в терминах «хаоса» или «порядка», но всякий раз требует пояснений, какой «хаос», и какой «порядок», и каков смысл того и другого термина в конкретной культуре. Как понимает «хаос» и «порядок» западная культура, мы приблизительно знаем. А как его понимает, например, китайская философия и культура? Ведь ключевое для китайской философии понятие «Дао» («Путь») во многих текстах описывается в терминах, удивительно напоминающих описания хаоса[2]. Поэтому многополярный подход констатирует, что понимание хаоса и порядка должно быть привязано к цивилизации, а ею может быть вовсе не только западная цивилизация.

Во-вторых, под «хаосом» в геополитическом смысле глобалисты часто понимают то, что не укладывается в их представление об упорядоченных социально-политических и экономических структурах и что противится установлению глобальных и «универсальных», по их мнению, ценностей. В этом случае в разряд «хаоса» попадает все то, что является ценным для строительства многополярного мира, что настаивает на иных формах идентичности и, следовательно, несет в себе зерна многополярного порядка. В этом случае «хаос» является опорой для строительства многополярного мира и его животворным началом.

И, наконец, хаос как чистый беспорядок или слабо организованные спонтанные процессы, происходящие в обществе, также могут быть рассмотрены с позиции многополярности. И если естественным или искусственным путем возникает хаотическая ситуа-

---

[1] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

[2] *Лао-Цзы.* Дао Дэ Цзин. СПб: Феникс плюс, 1994.

ция (конфликт, волнения, столкновения и т. д.), необходимо научиться управлять ею, т. е. освоить *искусство модерации хаоса*. В отличие от упорядоченных структур хаотические процессы не поддаются прямолинейной логике, но это не означает, что они совсем ее не имеют. Логика у хаоса есть, но она более сложна и многогранна, нежели алгоритмы нехаотических процессов. Вместе с тем она поддается научному исследованию и активно изучается современными физиками и математиками. С точки зрения прикладной геополитики, при строительстве многополярного мира она вполне может стать одним из эффективных инструментов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографии автора

Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.
Дугин А.Г. Гиперборейская теория, М.: Арктогея, 1993.
Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993, 2-е доп. изд., М., 2005.
Дугин А.Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.
Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1-е изд., 1996, 2-е изд., 1997, 3 изд. (дополненное) 1998, 4 изд. (дополненное), 2000.
Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997.
Дугин А.Г. (под ред.). Конец Света (альманах по истории религий) М.: Арктогея, 1997.
Дугин А.Г. (под ред.). Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.
Дугин А.Г. Русская Вещь: В 2 т. М.:Арктогея. Т. 1, 2, 2001.
Дугин А.Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. (под ред.) Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. (под ред.). Основы Евразийства. М.: Арктоея-Центр, 2002.
Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.:Арктогея-Центр, 2004.
Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М.: Вече, 2008.
Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.

Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А.Г. Этносоциология. М., 2011.

На иностранных языках

Dughin A. Continente Russia. Parma:All'isegno del veltro, 1992

Dughin A. Rusia. Misterio de Eurasia. Madrid:Grupo Libro 88, 1992.

Dugin A. Nova Hyperboreyska Revelyatsiya. Beograd, 1999.

Dugin A. Seminal writings, L., 3 v., 2000.

Dugin A. Conspirologiya. Beograd, 2001.

A. Dugin Rus jeopolitigi avrasyaci yaklasim. Ankara, 2003.

Dugin A. Osnove geopolitike. 2v. Zrenjanin:Ecopress, 2004.

Dugin Iskander. Feisaliny jeopolitidgi. Beyruth, 2004.

Dughin A. Rivoluzione Conservatrice in Russia. Roma, 2005

Douguine A. Le prophete de l'eurasisme. Paris:Avatar Editions, 2006.

Douguine A. La grande guerre des continents. Paris:Avatar Editions, 2006.

Dugin A. Misyonin avrasyagilik Nursultanain Nazarbaevin. Ankara, 2006.

Dugin A. Moska-Ankara ekseni. Istanbul:Kaynak, 2007.

Dugin Alexandar. Geopolitika Postmoderne. Bograd: Prevodilacka radioniza Rosic, 2009.

Dugin Aleksandr. A Grande Guerra dos Continentes. Lisboa: Antagonista, 2010.

Библиография на русском языке

Абдурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С. Геополитика и национальная безопасность: Словарь основных понятий и терминов / Под общ. ред. В.Л. Манилова. М.: РАЕН, 1998.

Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Алексеева И.В., Зеленев В.И., Якунин В.И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2001.

Аксаков И.С. Иван Аксаков в его письмах. М., 1888—1896.

Аксаков И.С. Сочинения: В 7 т. М., 1886—1887.

Аксаков И. С. У России одна-единственная столица. М.: Русский мир, 2006.

Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.

Александров Ю.Г. Этнический национализм и государственное строительство. М.: РАН. Институт востоковедения, 2001.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Алексеева И.В., Зеленев В.И., Якунин В.И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2001.
Анурин В.Ф. Основы социологических знаний. Н. Новгород: НКИ, 1998.
Антонов К.М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект, М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.
Антонович В.Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси. Киев, 1882.
Аристотель. Сочинения: В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
Ашенкампф Н.Н., Погорельская С.В. Современная геополитика России: Учебное пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.
Бабаян Д. Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы. Ереван: Де-Факто, 2010.
Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: Из-во Московского университета, 1997.
Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Российская академия наук, Институт Соединенных Шатов Америки и Канады, 2001.
Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.
Башилов Б. История русского масонства. М.:Русло, 1994.
Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. М., 1991.
Бенуа де А. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бжезинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.
Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007.
Бовдунов А. Л. Россия как задание. М.: Международное «Евразийское Движение», 2010.
Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.
Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.
Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий // Элементы. №9, 1998.
Брентано Ф. Избранные работы. М., 1996.
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв.: В 3 т. М.: Весь мир, 2007.
Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986.
Бромберг Я. А. Евреи и Евразия. М.:Аграф, 2002.
Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2007.
Будущее российской госдурственности. Суверенная демократия? Диктатура? Империя? М.: Международное «Евразийское Движение», 2007.
Бурдье П. Социология политики. М., 1993.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, М., 2001.
Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003.
Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003.
Валуев Д.А. Начала славянофильства. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002 г.
Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2007.
Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 1998.
Вернадский Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. N 15.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 1996.
Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство: В 2 ч. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство «Лань», 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Византизм и славянство. Великий спор. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т. СПб., 1908.
Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. М.: Гнозис, 1994.
Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. М.: Директ-Медиа, 2007.
Волков Я.В. Геополитика и безопасность в современном мире. М.: Военн. ун-т, 2000
Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 2000.
Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003.

Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007.
Гаджиев К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины. М.: Семинар, Полис, 1996.
Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо, 2008.
Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания. Бахчисарай, 1896.
Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.
Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 3 т. М. 1986.
Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2009.
Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004.
Генон Р. Восток и Запад. М., 2005.
Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991.
Генон Р. Символы священной науки. М., 1997.
Генон Р. Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.
Генон Р. Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика. М., 2004.
Геополитика / Под общ. редакцией В.А. Михайлова. М.: РАГС, 2007.
Геополитика: Антология. СПб.: Академический проект, Культура, 2006.
Геополитика. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2006.
Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. СПб.: Питер, 2007.
Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Издательство «Наука», 1977.
Геродот. История. М., 2008.
Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1955.
Геттнер А. География. Ее история сущность и методы. Л.—М., 1930.
Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005
Гидденс Э.Э. Постмодерн // Философия истории. М., 1995.
Гиддингс Ф.Г. Основания социологии. Киев—Харьков, 1898.
Глейк Дж. Хаос. Создание новой науки. СПб: Амфора, 2001.
Гоббс Т. Левиафан // Избранные произведения. Т. 1—2. М., 1964.
Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны» М.: 2009.
Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853—1856 годов. СПб., 2003.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда (очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
Грушевський М. На порозі нової України. К., 1991
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца//Наше наследие. 1991. № 3

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998.
Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб: Владимир Даль, 2004.
Гуссерль Э. Логические исследования. Пролегомены к чистой логике. СПб., 1909.
Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени: Собр. соч. Т. 1. М., 1994.
Гуссерль Э. Философия как строгая наука М.: Сагуна, 1994.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия, М.: Изд-во АН СССР, 1953.
Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989.
Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990.
Делез Ж. Логика смысла. М., 1998.
Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003.
Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997.
Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009.
Дергачев В.А. Геополитика: Учебник для вузов. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
Дергачев В.А. Геоэкономика (Современная геополитика). Киев: ВИРА-Р, 2002.
Деррида Ж. Московские лекции. Свердловск, 1991.
Деррида Ж. Эссе об имени. М.-СПб: Алетейя, 1998.
Дерябин Ю.С. Антюшина Н.М. Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь Мир, 2008.
Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2007.
Добреньков В.И. Социология: В 3 т. Т. 1: Методология и история / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. М., 2000
Добреньков В.И. Социология: В 3 т. Т. 2: Социальная структура и стратификация / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. М., 2000

Добреньков В.И. Социология: В 3 т. Т. 3: Социальные институты и процессы / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. М., 2000.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология, М. 2003.

Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918 гг. М.: Наука, 1977.

Дусинский И.И. Геополитика России. М.: 2003.

Дусинский И.И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910.

Дэн В.Э. Курс экономической географии, Л. 1928.

Дэн В.Э. Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26—38; Там же. 1997. Т. 129. Вып. 2. С. 28—41.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Евразийская идея и современность, М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2002.

Евразийская миссия (программные материалы). М.: РОФ «Евразия», 2005.

Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Зомбарт В. Социология / Пер. с нем. И. Д. Маркусона. М.: УРСС, 2003.

Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1991.

Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003.

Жириновский В.В. Очерки по геополитике. Москва; Псков: Либерал-демократчисекая партия России, 1997.

Жириновский В.В. Обыкновенный мондиализм. М., 1998.

Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (Середина XVI — начало XX). М, 1974.

Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России XVIII — первая половина XIX века. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

Зеньковский С. Русское старообрядчество, М.: Харвест, 2007.

Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

Зюганов Г.А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

Ивашов Л.Г. Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. М.: Прогресс, 2000.

Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002.

Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М.: Изд-во МГУ, 1994.
Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006.
Йейтс Ф. Розенкрейцеровское просвещение. М.: Алетейа; Энигма, 1999.
Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Кабыща А.В., Тульчинский М.Р. Структура социологического знания и ее изменение в 1984—1990 гг. М., 1993.
Каждан А.П. Византийская культура. М.: Алетейя, 2000.
Каждан А.П. Церковь в истории России. М., 1967.
Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции: Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М.: Яуза, 2008.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.
Карпец В.И. Русь Меровингов и корень Рюрика. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.
Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Северная Звезда, 2004.
Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007.
Кильдюшов О. Карл Шмитт как теоретик (пост) путинской России // Политический класс. 2010. №1. Январь.
Киплинг Р. Ким. М.: Высшая школа, 1990.
Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. Серия: Геополитический ракурс. М. Известия, 2002.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.
Киссинджер Г. Дипломатия, М.: Ладомир, 1997.
Кицикис Д. Османская империя. М.: Весь Мир, 2006.
Классика геополитики. XIX век. М.: АСТ, 2003.
Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003.
Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.
Кожев А. Понятие власти. М., Праксис, 2006.
Кокошин А.А. Армия и политика: советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918—1991 годы. М.: Международные отношения, 1995.
Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: УРСС, 2005.
Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.

Кокошин А.А. Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003.

Колосов В.А. Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география, М.: Аспект Пресс, 2005.

Коровин В.М. Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны. М.: Евразийское Движение. 2007.

Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М., 1990.

Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Центр инновационных технологий, 2008.

Кравченко А.И. Общая социологии: Учеб. пособие. М., 2001.

Кравченко С.А. Социология: парадигмы и темы. М., 1997.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.

Кравченко С.А. Социология: парадигмы и темы. М., 1997.

Кравченко А.И. Основы социологии: Учеб. пособие для сред. спец. учеб. заведений. М., 2000.

Кравченко А.И. Социальная антропология: Учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2003.

Кравченко А.И. Социология для экономистов: Учеб. пособие. М., 2000.

Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия.М., 1997.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ; Астрель, 2003.

Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.

Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину, М.: Оптима, 2002.

Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.

Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. М.: Московский лицей, 1996.

Кульпин Э.С. Золотая орда. М.: Московский лицей, 1998.

Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.

Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М.: ИВ РАН, 2001.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Кутузов Б.П. Тайная миссия патриарха Никона. М.: Алгоритм, 2007.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.

Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.

Ламанский В.И. Об истории изучения греко-славянского мира в Европе. М.; Л., 1958.

Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин. СПб: Феникс плюс, 1994.

Леви-Стросс К. Миф. Ритуал, генетика // Природа. М., 1978.

Леви-Стросс К. Мифологики. Происхождение застольных обычаев. М.: Флюид, 2007.
Леви-Стросс К. Мифологики. Сырое и приготовленное.М., СПб, 1999.
Леви-Стросс К. Мифологики. Человек голый. М.: Флюид, 2007.
Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: АСТ, 1999.
Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2001.
Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1970—1983.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002.
Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.
Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Липа Ю. Призначення України. Нью-Йорк, 1953.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998
Лисовой Н.Н., Соколова Т.А. Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.
Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб.: А.Э. Мертенс, 1891.
Литаврин Г.Г. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988.
Литаврин Г.Г. Славянский мир между Римом и Константинополем: христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. М.: Институт славяноведения РАН, 2000.
Литаврин Г.Г. Этнопсихологический стереотип в средние века: Сборник тезисов. М.: 1990.
Литаврин Г.Г. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987.
Локк Дж. Два трактата о правлении. М., 2009.
Ляруш Л. Физическая экономика. М.: Научная книга, 1997.
Макиавелли Н. Государь. Искусство стратегии. М.: Эксмо, Мидгард, 2007.
Мандельброт Б.Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
Манфред А.З. Великая французская революция. М, 1983.
Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
Марков Б.В., Шаронов В.В. Очерки социальной антропологии. СПб, 1995.
Маринченко А.В. Геополитика. М.: Инфра-М, 2009.
Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.
Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.
Мельвиль А.Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М.: Издательство политической литературы, 1980.

Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988
Миллс Ч.Р. Властвующая элита / Пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1959.
Милль Дж.С. О свободе. СПб, 1906.
Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.
Миньяр-Белоручев К.В. Мировая геополитика. М.: Проспект-АП, 2006.
Модестов С.А. Геополитика ислама. М., 2003.
Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999.
Молодяков В.Э. Россия и Германия: дух Рапалло (1919—1932). М., 2009.
Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996.
Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996.
Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И.В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000.
Мошкин М. Политический солдат Евразии. М.: Евразийский Союз Молодежи, 2010.
Мулуд Н. Современный структурализм. М., 1973.
Мунтян М.А. Геополитика и геополитическое мышление. М., 2002.
Мухаев Р.Т. Геополитика. М.: Юнити-Дана, 2007.
Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660—1783. М.: Воениздат, 1940.
Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812. М.:Воениздат, 1939.
Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002.
Мэхэн А.Т. Роль морских сил в мировой истории. М.: Центрполиграф, 2008.
Наринский М.М. История международных отношений. 1945—1975: Учебное пособие. М.:РОССПЭН, 2004.
Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005.
Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. М.: Алетейя, 2008.
Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978.
Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999.
Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. М.: Юнити-Дана, Единство, 2006.
Нация и империя в русской мысли начала XX века (антология). М., 2004.

Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.

Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005.

Николова М. Основные философские проблемы французского структурализма. М., 1975.

Ницше Ф. Генеалогия морали М.: Азбука, 2007.

Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. М.: Норма, 2007.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: 1998.

Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.

Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»?: избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М.:Изд-во: Университет, 2000

Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством), М.: ИФРАН, 1995.

Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.

Панарин И.Н. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.

Панарин И.Н. Информационная война и геополитика, М.: Поколение, 2006.

Панарин И.Н. Крах доллара и распад США. М.: Горячая линия-Телеком, 2009.

Панарин С.А. Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003.

Панарин С.А. Россия и Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 1993.

Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя, СПб.: Амфора, 2006.

Петров А. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.

Петров В.Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М., 2003.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.

Пирожник И.И. Геополитика в современном мире. М.: ТетраСистемс, 2008.

Платонов А.П. Котлован. М.: Дрофа, 2002.

Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма: взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной восточной Азии, 1949—1991 гг. М.: 1994.

Платонов Ю.П. Этнический фактор: Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002.

Поздняков Э.А. Геополитика. М.: Прогресс. Культура, 1995.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2005.
Преемник. Преемственность. Империя. М.: Евразийский союз молодежи, 2007.
Против фашистской фальсификации истории. М.: Издательство Академии наук СССР, 1939.
Программа политической партии «Евразия». М. Арктогея-центр, 2002.
Программные документы ОПОД «Евразия». Арктогея-центр. 2001.
Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.
Рамоне И., Греш А., Радванья Ж., и др. Атлас Le Monde diplomatique. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007.
Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. М.: Российская академия наук, Институт США и Канады, 1998.
Рогов С.М. Современный этап российско-американских отношений. М., ИСКРАН, 1999.
Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М., ИСКРАН, 2001.
Романов А. Геостратегия: Россия и мир в XXI веке. М: Тривола, 2000.
Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. М.: Издательство РГГУ, 2007.
Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX—XX века, М.: Наука, 2006.
Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М.: Наука, 2007.
Россия и Европа — вопросы идентичности: материалы международной конференции, Институт Европы РАН, 12 марта 2008. М.: Институт Европы РАН, 2008.
Русско-Японская война 1904—1905 г. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1910.
Рудницький С. Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.
Русская православная церковь в пространстве Евразии. Материалы V Всемирного Русского народного Собора. М.: ОПОД «Евразия», 2002.
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры. 2010.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840—1876). М., 1997.
Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австробаварской «расе господ». СПб.: Академический проект, 2003.
Севостьянов Н. Москва-Вашингтон. На пути к признанию. 1918—1933. М.: Наука, 2004.
Семенов-Тян-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // Библиологический сборник. Петроград, 1916. Т. 2. вып. 1.

Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Петроград, 1915.
Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие, М.: Финстатинформ, 2002.
Сетевые войны: угроза нового поколения М.: Евразийское Движение, 2009.
Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002.
Синявський А. Вибрані праці. К., 1993.
Снесарев А.Е. Афганистан. М.:Госиздат, 1921.
Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908.
Снесарев А.Е. Военная география России. СПБ, 1910.
Снесарев А.Е Введение в военную географию. М.,1924;.
Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.
Сорокин П.А. Система Социологии: В 2 т. М., 1993.
Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005.
Сорокин П.А. Социология революции. М.: АСТ, 2008.
Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М., 2009.
Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996.
Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: София, 2008.
Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.
Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.
Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920.
Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа Прогресс; Универс, 1995.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана, М.: Аграф, 1999.
Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. М.,1980.
Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Мадрид, 1966.
Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2004.
Угроза ислама или угроза исламу?М.:Арктогея-центр, 2001.
Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.
Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996.
Уткин А.И. Глобализация: Процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979.
Уткин А.И. Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.
Уткин А.И. Месть за победу: новая война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002.
Уткин А.И. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Россия над бездной: 1918. — декабрь 1941. Смоленск: Русич, 2000.

Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М.: Алгоритм, 2007.
Уткин А.И. Русско-японская война: в начале всех бед. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М.: Молодая гвардия. 1988.
Уткин А.И. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2007.
Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Алгоритм, 2004.
Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
Фирдоуси. А. Шахнаме: В 6 т. М.: Наука, 1989.
Фомин О.В. Священная Артания. М.: Вече, 2005.
Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002.
Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996.
Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. М., 1991.
Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев, 1998.
Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
Фуко М. Рождение клиники. М., 1998.
Фуко М. Слова и вещи. М., 1977.
Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А. Дугиным//Профиль. 2007.
Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом. Цивилизация и ее геополитика. М.: Едиториал УРСС, 2010.
Хайдеггер М. Бытие и время. Тбилиси, 1989.
Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., Республика, 1993.
Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Академический проект, 2003.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007.
Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002.
Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция., 2006.
Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001.
Хейзинга Й. Homo Ludens. М.: Прогресс — Традиция, 1997.
Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.

Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.
Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
Циганков П.А., Циганков А.П. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2008.
Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991
Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб.: Алетейя, 2002.
Честертон Г. К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. СПб.: Амфора, 2000.
Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005.
Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев, 1931.
Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки //Евразийская хроника. 1927. Выпуск VIII. Париж.
Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.
Шарп Д. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения. М.: Военно-державный союз России, 2005.
Шестаков В.П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.
Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М: АСТ, 2003.
Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.
Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2006.
Шмитт К. Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб.: Владимир Даль, 2008.
Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.
Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.
Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. М., 2006.
Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. М.: Наука, 1987.

Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб.: Владимир Даль, 2005.

Эйдельман Н. Грань веков. М.: Вагриус, 2004.
Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998.
Элиаде М. Священное и мирское. М., 1995.
Элиаде М. Священные тексты народов мира. М., 1998.
Энгдаль У. Ф. Столетие войны. М.: Геликон Плюс, 2008.
Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М.: Весь Мир, 2007.
Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
Юнг К.Г. Mysterium coniunctions. М.-К., 1997.
Юнг К.Г. Дух Меркурия. М., 1996.
Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
Юнг К.Г. О современных мифах. М., 1994.
Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.
Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.
Юнг К.Г. Синхронистичность. М., 1997.
Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Киев, 1995.
Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1996.
Якунин В.И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Библиография на иностранных языках

Abe I. Chiseigaku nyumon. Tokyo: Kokon-Shoin, 1933.
Adorno T.W. Negative Dialectics. New York: Seabury Press, 1979.
Agnew J. Geopolitics: Re-Visioning World Politics. Londres: Routledge, 1998.
AgnewJ., Mitchell K. & O'Tuathail G. (eds.) A Companion to Political Geography. London: Blackwell, 2002.
Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.
Al-Rodhan N.R.F. Neo-statecraft and meta-geopolitics. Berlin: Lit Verlag, 2009.
Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Washington: CCRP Publications, 1999.
Aldrich R.J. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Duckworth, 2006.
Ambrosio Th. Challenging America global Preeminence: Russian Quest for Multipolarity. Chippenheim, Wiltshire: Anthony Rose, 2005.
Amin S. Eurocentrism. New York: Monthly Review Press, 2010.
Amin S. The Liberal Virus. London: Pluto Press, 2005.
Amin S. Transforming the revolution: social movements and the world-system. Delhi: Aakar Books, 2006.
Ancel J. Géopolitique. Paris: Bibliothèque d'Histoire et de Politique, 1936.

Ancel J. Geographies des frontiers. Paris: Gallimard, 1938.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York: Verso, 1991.

Aras B. The new geopolitics of Eurasia and Turkey's position. London: Frank Cass, 2002.

Armstrong D. Drafting a plan for global dominance // Harper's Magazine. October, 2002.

Arndt E.M. Schriften für und an meine lieben Deutschen. Erster Theil. Leipzig, 1845.

Arquilla J., Ronfield D. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa Monica: RAND, 1997.

Arquilla J., Ronfield D. The Advent of Netwar. Santa Monica: RAND, 1996.

Arquilla J. Ronfield D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica: RAND, 2003.

Arquilla J. The Reagan Imprint: Ideas in American Foreign Policy from the Collapse of Communism to the War on Terror. Lanham: Ivan R. Dee, 2007.

Arquilla J. Ronfeldt D.F. The emergence of noopolitik: toward an American information strategy. Santa Monica: RAND, 1999.

Attali J. Lignes d'horizon. Paris: Fayard, 1990.

Axelos K. Ce qui advient. Fragments d'une approche. Paris: Les Belles-Lettres, 2009.

Axelos K. Héraclite et la philosophie // Op. cit.

Axelos K. Héraclite et la philosophie. Paris: Minuit, 1962.

Axelos K. Le Jeu du monde. Paris: Les Éditions de Minuit, 1969.

Axelos K. Marx, penseur de la technique. Paris: UGE/Les Éditions de Minuit, 1961.

Axelos K. Vers la pensée planétaire // Op. cit.

Axelos K. Vers la pensée planétaire. Paris: Les Éditions de Minuit, 1964.

Barnett T.P.M. Great Powers: America and the World after Bush. New York: Putnam Publishing Group, 2009.

Barnett T.P.M. The Pentagon's New Map. New York: Putnam Publishing Group, 2004.

Beales A. C. F. The history of peace; a short account of the organised movements for international peace. New York: Garland Pub., 1971.

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.:Suhrkamp, 1986.

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.:Suhrkamp, 1986.

Behar P. Une géopolitique pour l'Europe, vers une nouvelle Eurasie. P.: Editions Desjonquères, 1992.

Benoist A. de. Europe, Tiers Monde Meme Combat. P.:Laffont, 1986.

Benoist A. de. Les idees a l'endroit. Paris: Hallier, 1979.

Benoist A. de. L'idée d'Empire/ Actes du XXIVe colloque national du GRECE. Nation et Empire. Histoire et concept. Paris: GRECE 1991.

Benoist A. de. Vu de droite. Anthologie critique des idées contemporaines. Paris: Copernic, 1977.

Bhagwati J.N. Free Trade Today. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002.

Bhagwati J.N. In Defense of Globalization. New York: Oxford University Press, 2004.

Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Westport: Greenwood Publishing Group, 2007.

Boli J., Thomas G. World Culture in the World Polity// American Sociological Review. 1997. № 62 (2). C. 171—190.

Bowman I. Geography in relation to the social sciences. New York: C. Scribner's Sons, 1934.

Bowman I. Geography vs. Geopolitics. New York: American geographical society, 1942.

Bowman I. International Relations. Chicago: American Library Association, 1930.

Bowman I. The new world: problems in political geography. Chicago: World Book Company, 1928.

Braudel F. (dir.) La Méditerranée. L'espace et les hommes. Paris: Arts et métiers graphiques, 1977.

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme (XVe-XVIIIe siècles). 3 volumes. Paris, Armand Colin, 1979.

Braudel F. Le Temps du Monde. Paris: Armand Colin, 1979.

Brentano F. Die Lehre vom richtigen Urteil. Bern: Francke, 1956.

Brentano F. Versuch über die Erkenntnis. Leipzig: Meiner, 1925.

Brentano F. Vom sinnlichen und noetischen Bewußtsein. (Psychologie vom empirischen Standpukt, vol. 3). Leipzig: Meiner, 1928.

Brentano F. Wahrheit und Evidenz. Leipzig: Meiner, 1930.

Brechtefeld J. Mitteleuropa and German politics. New York, 1996.

BRICs and beyond. Goldman Sachs Global Economics Group. NY, 2007.

Bruhnes J. Geographie humaine. Paris: Michelet, 1910.

Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.

Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.

Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.

Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.

Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux,1983.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.

Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books, 2007.

Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict, N.Y. Harvard University Press, 1967.

Bird R.J. Chaos and Life: Complexity and Order in Evolution and Thought. Washington: Columbia University Press, 2003

Burnham J. The Machiavellians: Defenders of Freedom. New York: John Day Co., 1943.

Burnham J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: John Day Co., 1941.

Burnham J. The Struggle for the World. New York: The John Day Company, Inc, 1947.

Canagarajah A.S. A geopolitics of academic writing. Pitssburgh: University of Pitssburgh Press, 2002.

Caputo J. The Weakness Of God. A Theology of the Event. Bloomington: Indiana University Press, 2006.

Chauprade A., Thual F. Dictionnaire de géopolitique. Paris: Ellipses, 1999.

Chauprade A. Géopolitique — Constantes et changements dans l'histoire. Paris: Ellipses, 2007.

Chauprade A. Introduction à l'analyse géopolitique. Paris: Ellipses, 1999.

Chauprade A. Les Balkans, la Guerre du Kosovo (en collaboration). Paris / Lausanne: L'Âge d'Homme, 2000.

Chauprade A. Géopolitique des États-Unis (culture, intérêts, stratégies). Paris: Ellipses, 2003.

Chauprade A. Une nouvelle géopolitique du pétrole en Afrique // Chronique du choc des civilizations. Editions Chronique. Janvier, 2009.

Cheradame A. L'Allemagne, да France et la question de l'Autriche. P.:Plon, 1902.

Chomsky N. The Cold War and the Superpowers // Monthly Review. Vol. 33. № 6. November 1981. C. 1—10.

Chomsky N. Profit over people: neoliberalism and global order. New York: Seven Stories Press, 1999.

Chomsky N. Hegemony or survival: America's quest for global dominance. New York: Penguin, 2007.

Cohen M.N. The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.

Cohen S.B. Geography and Politics in a World Divided. New York: Praeger, 1963.

Cohen S.B. Geopolitics of World System. NY: Rowman&Littlefield publishers, 2002.

Cohn N. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages. London; New York: Oxford University Press, 1957.

Cole D. (ed.) Franz Boas' Baffin Island Letter-Diary, 1883—1884 / Stocking George W.Jr. Observers Observed. Essays on Ethnographic Fieldwork. Madison: The University of Wisconsin Press, 1983.

Conche M. Lucrèce et l'expérience. Saint-Laurent-Québec: Éditions Fides, 2000.
Conche M. L'aléatoire. Paris: PUF, 1999.
Coudenhove-Kalergi R. Paneuropa. Wien, 1923.
Coutau-Bégarie H. 2030, la fin de la mondialisation? P.: Artege, 2009.
Coutau-Bégarie H. Géostratégie du Pacifique. P.: Economica, 2001.
Coutau-Bégarie H. La Lutte pour l'empire de la mer. P.: Economica, 1999.
Coutau-Bégarie H. Marins et océans. 2 v. P.: Economica, 1999.
Coutau-Bégarie H. Pensée stratégique et humanisme. P.: Economica, 2000.
Crocker D.A. Development Ethics, Globalization, and Democratization // Chatterjee D., Krausz M. (eds.) Globalization, Democracy, and Development: Philosophical Perspectives. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.
Crocker D.A. Ethics of Global Development: Agency, Capability, and Deliberative Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
Cunningham L.A. From Random Walks to Chaotic Crashes: The Linear Genealogy of the Efficient Capital Market Hypothesis // George Washington Law Review. 1994. Vol. 62
Daly H.E. Globalization and Its Discontents // Philosophy and Public Policy Quarterly. 2001. 21, 2/3.
Daly H.E. Globalization's Major Inconsistencies // Philosophy and Public Policy Quarterly. 2003. 23, 4.
Debrix F., Lacy M. The geopolitics of American insecurity: terror, power and foreign policy. Abingdon: Routlede, 2009.
Deleuze G., Guattari F. Mille Plateaux. Paris: Éditions de Minuit, 1980.
Desan W. The Planetary Man, Vol. 1: A Noetic Prelude to a United World. Washington,DC: Georgetown University Press, 1961.
Desan W. The Planetary Man, Vol. 2: An Ethical Prelude to a United World. New York: MacMillan company, 1972.
Desan W. The Planetary Man, Vol. 3: Let the future come: perspectives for a planetary peace. Washington, DC: Georgetown University Press, 1987.
Dodds K. Geopolitics: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2007.
Dodds K. Geopolitics in a changing world. London: Prentice Hall, 2000.
Dodds K. Global geopolitics: a critical introduction. Harlow: Pearson Education Ltd, 2005.
Dolman E.C. Geostrategy in the Space Age: An Astropolitical Analysis // Gray Colin S., Sloan G. (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003.
Dorrien G. Imperial Designs: Neoconservatism and the New Pax Americana. New York: Routledge, 2004.
Dorrien G. William Kristol and American Foreign Policy // Logos. Issue 3.2. Spring 2004.
Douguine A. Le prophete de l'eurasisme. Paris:Avatar, 2006; Idem. La grande guerre des continents. Paris:Avatar, 2006.
Douhet G. Command of the Air. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1942.

Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. P.:P.U.F, 1960.
Dyer G. Climate War. Montreal: Random House of Canada, 2009.
Ebeling F. Karl Haushofer und die deustche Geopolitik 1919—1945. unpubl. diss. Hanover, 1992.
Engdahl F. Gods of Money: Wall Street and the Death of the American Century. edition. engdahl, 2010.
Engdahl F. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro, MA: Third Millennium Press, 2009.
Engdahl F. Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. London: Pluto 2004.
Eringer R. The Global Manipulators. Bristol: Pentacle Books. 1980.
Estulin D. The True Story of the Bilderberg Group. Oregon, United States of America: Trine Day, 2007.
Evola J. Fenomenologia dell'individuo assoluto. Roma: Edizioni Mediterranee, 1974.
Excerpts from Pentagon's Plan: 'Preventing the Re-Emergence of a New Rival // New York Times. March 8, 1992.; Keeping the U.S. First // Washington Post. March 11, 1992.
Featherstone M. (ed.) Global Culture. London: Sage, 1992.
Febvre L. La terre et l'evolution humaine. P.: Vieilles Provinces,1923.
Fedorowicz J. K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York: Cambridge University Press, 1982.
Fink E. Alles und Nichts. Den Haag, 1959.
Fink E. Erziehungswissenschaft und Lebenslehre. Freiburg, 1970.
Fink E. Grundfragen der antiken Philosophie. Würzburg, 1985.
Fink E. Grundfragen der systematischen Pädagogik. Freiburg, 1978.
Fink E. Grundphänomene des menschlichen Daseins. Freiburg, 1979.
Fink E. Hegel. Frankfurt, 2006.
Fink E. Heraklit. Seminar mit Martin Heidegger. Frankfurt am Main, 1970.
Fink E. Heraklit. Seminar mit Martin Heidegger. Frankfurt, 1970.
Fink E. Metaphysik und Tod. Stuttgart, 1969.
Fink E. Nachdenkliches zur ontologischen Frühgeschichte von Raum — Zeit Bewegung. Den Haag, 1957.
Fink E. Nietzsches Philosophie. Stuttgart, 1960.
Fink E. Sein und Mensch. Vom Wesen der ontologischen Erfahrung. Freiburg, 1977.
Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart, 1960.
Fink E. Traktat über die Gewalt des Menschen. Frankfurt am Mein: Klostermann, 1974.
Fink E. Vom Wesen des Enthusiasmus. Freiburg, 1947.
Fink E. Welt und Endlichkeit. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1990.
Foster J.B. Imperial America' and War// Monthly Review. 2003. May. Vol. 55. №. 1. С. 1—10
Fouere Y. Contre les etats: regions d'Europe P.:Presse d'Europe, 1971.
Fouere Y. Europe aux cents drapeaux. P.:Presse d'Europe, 1968.

Foucher M. Fronts et Frontières, un tour du monde géopolitique. P.: Fayard, 1988; *Idem*. L'invention des Frontières. P.: FEDN, 1986.

Foucher M., Dorion H. (dir.) Frontière (s), scènes de vie entre les lignes. P.: Glénat, 2006.

Friedman T.L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization.New York: Farrar, Straus & Giroux, 1999.

Friedman T.L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005

Frobenius L. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931.

Frobenius L. Paideuma. Münich, 1921.

Fukuyama F. 2004. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. New York: Cornell University Press, 2004.

Gallois. P.-M. Géopolitique, les voies de la puissance. P.:Plon, 1990.

Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997; *Idem*. Nations and Nationalism. NY: Cornell University Press, 1983.

Nouvelle École. 2005. Géopolitique, n° 55.

Giddens A. Risk and Responsibility//Modern Law Review. 1999.№ 62 (1). С. 1—10.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991.

Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. Boston: Cambridge University Press, 1991.

Gray C.S. The geopolitics of the nuclear era: heartland, rimlands, and the technological revolution. New York: Crane Russak & Co, 1977.

Gray C.S., Sloan G. Geopolitics, geography and strategy. London: Portland, OR: Frank Cass, 1999.

Gray C.S. Strategy and History: Essays on Theory and Practice. Abingdon, UK:Routledge, 2006.

Gray C.S. Strategy for Chaos: Revolutions in Military Affairs and Other Evidence of History. London: Frank Cass, 2002

Gray C.S. The Geopolitics of Super Power. Lexington, KY:University Press of Kentucky, 1988.

Gray C.S. The Leverage of Sea Power:The Strategic Advantage of Navies in War. New York: The Free Press, 1992.

Gray C.S. War, Peace, and Victory:Strategy and Statecraft for the Next Century. New York: Simon and Schuster, 1990.

Greenberg A. S. Manifest Manhood and the Antebellum American Empire. Cambridge U. Press, 2005.

Grossouvre de H. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World Affairs. Vol 8. Jan—Mar 2004. №1.

Guenon R. La Grande Triade. Paris: Éditions Gallimard, 1946.

Guenon R Orient et Occident. Paris, 1976.

Guenon R. Introduction generale a l'etude des doctrines hindoues. Paris, 1964.

Gumplowicz L. Der Rassenkampf: Sociologische Untersuchungen. Innsbruck, 1883.

Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht: D. Reidel, 1964.

Haass R. The Age of Non-polarity: What will follow US Dominance? // Foreign Affairs. 2008. 87 (3). p. 44—56.

Hackmann R. Globalization: myth, miracle, mirage. Lanham: University Press of America, 2005.

Haraway D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. p. 149—181.

Harvey W. The Circulation of the Blood and Other Writings. London: Everyman, Orion Publishing Group, 1993.

Hatch A. The Hôtel de Bilderberg. H.R.H. Prince Bernhard of the Netherlands: An authorized biography. London: Harrap, 1962.

Haushofer A. Allgenaeine politische Geigraphie und Geopolitik (1944 unverof-fentlicht). Heidelberg, 1951.

Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.

Haushofer K. Dai Nihon. Betrachtungen uber Gross-Japans Wehrschaft und Zukunft. Berlin:E.S. Mittler, 1913.

Haushofer K. Das japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, Seidel, 1921.

Haushofer K. Das Reich: Grossdeutches Werden im Abendland. Berlin: Karl Habel Verlagsbuchhandlung, 1943.

Haushofer K. Der Kontinentalblock. München: Eher, 1941.

Haushofer K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin: Zentral-Verlag, 1931.

Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans: Studien über die Wechselbe-ziehungen zwischen Geographie und Geschichte. Mit sechzehn Karten und Tafeln. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.

Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung. Heidelberg: K. Vowinckel, 1939.

Haushofer K. Japan baut sein reich. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.

Haushofer K. Weltmeere und Weltmachte. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.

Haushofer K. Weltpolitik von heute. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1936.

Hayles K. N. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University Of Chicago Press, 1999.

Heidegger M. Aristoteles Metaphysik IX 1—3. Von Wesen und Wirklichkeit der Kraft (Sommersemester 1931). Fr./M.: H. Hüni, 1981.

Heidegger M. Aus der Erfahrung des Denkens (1910—1976). Fr./M., 1983. *Heidegger M.* Beitraege zur Philosophie (vom Ereignis), Gesamtausgabe Bd 65. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1989.

Heidegger M. Besinnung (1938/39). Fr./M., 1997.

Heidegger M. Bremer und Freiburger Vorträge. Fr./M., 1994.

Heidegger M. Brief über den Humanismus (1946). Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1949.

Heidegger M. Der Begriff der Zeit (1924. Fr./M., 2004.

Heidegger M. Der deutsche Idealismus (Fichte, Schelling, Hegel) und die philosophische Problemlage der Gegenwart (Sommersemester 1929); Im An-

hang: Nachschrift «Einführung in das akademische Studium» (Sommersemester 1929). Fr./M., 1997.

Heidegger M. Der Satz vom Grund (1955—1956). Fr./M., 1997.

Heidegger M. Die Frage nach dem Ding. Zu Kants Lehre von den transzendentalen Grundsätzen (Wintersemester 1935/36). Fr./M., 1984. (GA 41).

Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Fr./M.: P. Trawny, 1998.

Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt — Endlichkeit — Einsamkeit (Wintersemester 1929/30). Fr./M.: F.-W. von Herrmann, 1983.

Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie (Sommersemester 1927). Fr./M.: F.-W. von Herrmann, 1975.

Heidegger M. Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809). Fr./M.: G. Seubold, 1991.

Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Sommersemester 1935). Fr./M.: P. Jaeger, 1983.

Heidegger M. Einführung in die phänomenologische Forschung (Wintersemester 1923/24). Fr./M.: F.-W. von Herrmann, 1994.

Heidegger M. Einleitung in die Philosophie (Wintersemester 1928/29). Fr./M.: O. Saame et I. Saame-Speidel, 1996.

Heidegger M. Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung (1936—1968). Fr./M.: F.W. von Herrmann, 1981.

Heidegger M. Feldweg-Gespräche (1944/45). Fr./M., 1995.

Heidegger M. Frühe Schriften (1912—1916. Fr./M.: F.-W. von Herrmann, 1978.

Heidegger M. Gedachtes. Fr./M., 2007.

Heidegger M. Geschichte des Seyns (11938/1940). Gesamtausgabe Bd 69. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1998.

Heidegger M. Geschichte der Philosophie von Thomas von Aquin bis Kant (Wintersemester 1926/27). Fr./M., 2006.

Heidegger M. Grundbegriffe (Sommersemester 1941). Fr./M.: P. Jaeger, 1981. (GA 51).

Heidegger M. Grundbegriffe der antiken Philosophie (Sommersemester 1926). Fr./M., 1993.

Heidegger M. Grundbegriffe der aristotelischen Philosophie (Sommersemester 1924). Fr./M., 2002. (GA 18).

Heidegger M. Grundfragen der Philosophie. Ausgewählte «Probleme» der «Logik» (Wintersemester 1937/38). Fr./M., 1984.

Heidegger M. Grundprobleme der Phänomenologie (Wintersemester 1919/20). Fr./M., 1992.

Heidegger M. Hegel. Fr./M., 1993.

Heidegger M. Hegels Phänomenologie des Geistes (Wintersemester 1930/31). Fr./M., 1980.

Heidegger M. Heraklit. 1. Der Anfang des abendländischen Denkens (Sommersemester 1943) 2. Logik. Heraklits Lehre vom Logos (Sommersemester 1944). Fr./M.: M. S. Frings, 1979.

Heidegger M. Hölderlins Hymne «Andenken» (Wintersemester 1941/42). Fr./M., 1982.
Heidegger M. Hölderlins Hymne «Der Ister» (Sommersemester 1942). Fr./M., 1984.
Heidegger M. Hölderlins Hymnen «Germanien» und «Der Rhein» (Wintersemester 1934/35). Fr./M., 1980.
Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 2003.
Heidegger M. Identität und Differenz (1955—1957). F.-W. von Herrmann, Fr./M., 2006. (GA 11).
Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik (1929). Fr./M., 1991. *Heidegger M.* Logik als Frage nach Wesen der Sprache, GA Bd 38, II Abteilung, Vorlesungen 1919—1944. Frakfurt an Mein: Vittorio Klostermann, 1998.
Heidegger M. Metaphysik und Nihilismus. Fr./M., 1999.
Heidegger M. Metaphysische Anfangsgründe der Logik im Ausgang von Leibniz. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1990.
Heidegger M. Nietzsche 1 (1936—1939). Fr./M., 1996.
Heidegger M. Nietzsche 2 (1939—1946). Fr./M., 1997.
Heidegger M. Nietzsche metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken: Die ewige Wiederkehr des Gleichen (Sommersemester 1937). Fr./M., 1986.
Heidegger M. Nietzsche: Der europäische Nihilismus, (1940). Fr./M., 1986. *Heidegger M.* Nietzsche: Der Wille zur Macht als Kunst (Wintersemester 1936/37). Fr./M., 1985.
Heidegger M. Nietzsches Lehre vom Willen zur Macht als Erkenntnis (Sommersemester 1939). Fr./M., 1989.
Heidegger M. Nietzsches Metaphysik (für das Wintersemester 1941/42 angekündigt, aber nicht vorgetragen) / Einleitung in die Philosophie — Denken und Dichten (Wintersemester 1944/45). Fr./M., 1990.
Heidegger M. Ontologie. Hermeneutik der Faktizität (Sommersemester 1923). Fr./M., 1988.
Heidegger M. Parmenides (Wintersemester 1942/43. Fr./M., 1982.
Heidegger M. Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks. Theorie der philosophischen Begriffsbildung (Sommersemester 1920). Fr./M., 1993.
Heidegger M. Phänomenologie des religiösen Lebens. 1. Einleitung in die Phänomenologie der Religion (Wintersemester 1920/21) 2. Augustinus und der Neuplatonismus (Sommersemester 1921) 3. Die philosophischen Grundlagen der mittelalterlichen Mystik / Hrsg. C. Strube, M. Jung, T. Regehly. Fr./M., 1995.
Heidegger M. Phänomenologische Interpretation ausgewählter Abhandlungen des Aristoteles zu Ontologie und Logik (Sommersemester 1922). Fr./M., 2005. *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft (Wintersemester 1927/28). Fr./M., 1977.
Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die phänomenologische Forschung (Wintersemester 1921/22). Fr./M., 1985.

Heidegger M. Platon: Sophistes (Wintersemester 1924/25). Fr./M., 1992.

Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs (Sommersemester 1925). Fr./M., 1979.

Heidegger M. Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges (1910—1976). Fr./M., 2000.

Heidegger M. Schelling: Vom Wesen der menschlichen Freiheit (1809) (Sommersemester 1936). Fr./M., 1988.

Heidegger M. Sein und Wahrheit. 1. Die Grundfrage der Philosophie (Sommersemester 1933), 2. Vom Wesen der Wahrheit (Wintersemester 1933/34). Fr./M., 2001.

Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.

Heidegger M. Seminar: Vom Wesen der Sprache. Die Metaphysik der Sprache und die Wesung des Wortes. Zu Herders Abhandlung «Über den Ursprung der Sprache». Fr./M., 1999.

Heidegger M. Seminare (1951—1973). Fr./M., 1986.

Heidegger M. Seminare: Nietzsche: Seminare 1937 und 1944. Fr./M., 2004. *Heidegger M.* Uber den Anfang. Gesamtausgabe Bd 70. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 2000.

Heidegger M. Unterwegs zur Sprache. 1950—59 Gesamtausgabe Bd. 12. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1985.

Heidegger M. Vom Wesen der menschlichen Freiheit. Einleitung in die Philosophie (Sommersemester 1930). Fr./M., 1982.

Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit. Zu Platons Höhlengleichnis und Theätet (Wintersemester 1931/32). Fr./M., 1988.

Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 1936—53. Gesamtausgabe Bd 7. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 2000.

Heidegger M. Was heißt Denken? (1951—1952). Fr./M., 2002.

Heidegger M. Wegmarken (1919—1961). Fr./M., 1976.

Heidegger M. Zu Ernst Jünger «Der Arbeiter». Fr./M.: P. Trawny, 2004.

Heidegger M. Zu Hölderlin / Griechenlandreisen. Fr./M., 2000.

Heidegger M. Zur Bestimmung der Philosophie. 1. Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem (Kriegsnotsemester 1919) 2. Phänomenologie und transzendentale Wertphilosophie (Sommersemester 1919) 3. Anhang: Über das Wesen der Universität und des akademischen Studiums (Sommersemester 1919). Fr./M., 1987.

Heidegger M. Zur Sache des Denkens (1962—1964). Fr./M., 2007.

Held D., McGrew A. Globalization Theory: Approaches and Controversies. Polity, 2007.

Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. Oxford, 1993.

Hesse F. Das gesetz der wacshende Raume/Zeitschrift fuer Geopolitik. 1924. 1 Jg. C. 1—10.

Hettner A. Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927.

Hiro D. After Empire: The Birth of a Multipolar World. Yale: Nation Books, 2009.

Hirst P., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press, 1996.

Hock D. Birth of the Chaordic Age. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1999.

Holbrooke R. America, A European Power.//Foreign Affairs. March/April, 1995.

Horowitz D. From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. N.Y., 1967.

Hugon P. African geopolitics. Princeton, NJ: Markus Weiner Publishers, 2008.

Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

Husserl E. La crise de l'humanité européenne et la philosophie. P.: Philosophie, 2008.

Husserl E. Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins. The Hague: M. Nijhoff, 1905.

Iimot N. Iwayuru chiseigaku no gainen/Chirigaku Hyoron, 1928.

Immerman R. H. John Foster Dulles: Piety, Pragmatism, and Power in U.S. Foreign Policy. New York: SR Books, 1998.

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.

Jones St. B. Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, 1945.

Jones St. B. Unified Field Theory of political Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1954. June. V. XLIV n. 2 C. 111—123.

Joyaux F. Géopolitique de l'Extrême-Orient, Espaces et politiques. Bruxelles: Éditions Complexe, 1991.

Just World: A Fabian Manifesto. London: Zed Books Ltd, 2005.

Kagan R. Dangerous nation. New York: Vintage, 2007.

Kagan R. Of paradise and power: America and Europe in the new world order. New York: Vintage, 2004.

Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Vintage, 2009.

Kagan R., Kristol W. Present dangers: crisis and opportunity in American foreign and defense policy. New York: Encounter Books, 2000.

Kagan R. The Case for a League of Democracies // Financial Times. 2008. May 13.

Kaplan R.D. Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY: Vintage, 2006.

Kaplan R.D. The coming Anarchy: Shaterring deram of the Cold War. NY: Random House, 2000.

Katz M. Primakov Redux. Putin's Pursuit of «Multipolarism» in Asia //Demokratizatsya. 2006. vol. 14 № 4. C. 144—152.

Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs, July 1947.

Kennan G.F. Russia, the Atom, and the West. New York: Harper, 1958.
Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. New York: Random House, 1987.
Keohane R., Nye J.S.Jr. Power and Interdependance in the Information Age // Foreign Affairs. 1988. 77/5 (Sept. Oct.). C. 81—94.
Khanna P. Der Kampf um die zweite Welt — Imperien und Einfluss in der neuen Weltordnung. Berlin: Berlin Verlag, 2008.
Kiel D.L., Elliott E.W. (eds.) Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications. Michigan: University of Michigan Press, 1997.
King A., Schneider B. The First Global Revolution: A Report by the Council of Rome. London: Simon and Schuster, 1992.
Kirk W. Historical geography and the concept of behavioral environnement // Indian geographical journal& Silver Juvelee volume. 1952. C. 152—160.
Kissinger H. Crisis: The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises. New York: Simon & Schuster, 2004.
Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
Kissinger H. Does America need a foreign policy?: toward a diplomacy for the 21st century. New York: Simon & Schuster, 2002.
Kissinger H. White House Years. New York: Little, Brown and Company, 1979.
Klare M. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Henry Holt & Company Incorporated, 2008.
Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.
Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. 1990/1991 Winter. Vol. 70, No 1. C. 23—33.
Kristol I. Neoconservatism: the autobiography of an idea. Lanham: Ivan R. Dee, 1999.
Lacoste Y. Dictionnaire geopoliqiue. Paris: Flammarion, 1986.
Lacoste Y. Geopolitique: la longue histoire d'aujourd'hui, Paris: Larousse, 2006.
Lacoste Y. Géopolitique de la Méditerranée. Paris: Colin, 2006.
Lacoste Y. La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.
Larson A. Geopolitics of oil and natural gas // Economic Perspectives. Vol. 9. № 2. May 2004.
LaRouche L. The Science of Christian Economy. Washington, D.C.: Schiller Institute, 1991.
LaRouche L. The Economics of the Nöosphere Washington, D.C.: EIR News Service, 2001.
LaRouche L. Imperialism The Final Stage of Bolshevism. New York: New Benjamin Franklin House, 1984.
LaRouche L. The Power of Reason. An Autobiography. Washington, D.C.: Executive Intelligence Review, 1987.
LaRouche L. There Are No Limits to Growth. New York: New Benjamin Franklin House, 1983.
Lash S. Another Modernity, A Different Rationality. Oxford: Blackwell, 1999.

Lash S., Featherstone M. (eds.) Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999.

Lash S., Szerszynski B., Wynne B. (eds.) Risk, Environment and Modernity. London: Sage (TCS), 1996.

Lash S., Featherstone M., Szerszynski B., Wynne B. Spaces of Culture: City, Nation, World. London: Sage, 1999.

Lash S., Lury C. Global Culture Industry: The Mediation of Things. Cambridge: Polity, 2005.

Laurant J.-P. Le Regard ésotérique. Paris: Bayard, 2001.

Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

Le Billon P. Geopolitics of resource wars: resource dependence, governance and violence. Abingdon: Frank Cass, 2005.

Lechner F. J., Boli J. The Globalization Reader. Oxford: Wiley-Blackwell, 2003.

Leech H. J. The public letters of the Right Hon. John Bright. London: Low, Marston & Co., 1895.

Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974.

Lefebvre H. La révolution urbaine. Paris: Gallimard, 1970.

Lefebvre H. Le Droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968.

Levi-Strauss C. Anthropologie structurale. Paris: Plon, 1958.

Levi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. La Haye-Paris: Mouton, 1968.

Levy-Strausse C. Anthropologie structurale deux. Paris: Plon, 1973.

Levy-Strausse C. La Pensée sauvage. Paris: Plon, 1962.

Levy-Strausse C. La Voie des masques. 2 vol. Paris: Plon, 1979.

Levy-Strausse C. Mythologiques, t. I: Le Cru et le cuit. Paris: Plon, 1964.

Levy-Strausse C. Mythologiques, t. II: Du miel aux cendres. Paris: Plon, 1967.

Levy-Strausse C. Mythologiques, t. III: L'Origine des manières de table Paris: Plon, 1968.

Levy-Strausse C. Mythologiques, t. IV: L'Homme nu. Paris: Plon, 1971.

Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press US, 2005.

List F. Das nationale System der politischen Ökonomie. Stuttgart; Tübingen, 1841.

List F. Mittheilungen aus Nord-Amerika. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1829.

Lohausen H.J. von. Denken in Völkern. Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Graz: Stocker 2001.

Lohausen H.J. von. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.

Lohausen H.J. von. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.

Lohausen H.J. von. Denken in Kontinenten. Berg am See: Kurt Vowinckel Verlag, 1978.

Lohausen H.J. von. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.

Lohausen H.J. von. Zur Lage der Nation. Krefeld: Sinus-Verlag, 1982.

Lonsdale D.J. Informational power: strategy, geopolitics and the fifth dimension // Gray Colin S., Sloan G. (ed.) Geopolitics, Geography and Strategy. London: Frank Cass, 2003.

Lorenz E. The Essence of Chaos. Washington: University of Washington Press, 1996.

Lorot P. Guellec J. (ed.) Planète Océane. L'essentiel de la mer. P.: Choiseul, 2006.

Lorot P., Thual F. La Géopolitique. P.: Montchretien, 1997.

Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.

Lunde E. S. Horace Greeley. Boston: GK Hall and Co., 1981.

Luttwak E. Sea Power in the Mediterranean: Political Utility and Military Constraints. California, 1979.

Luttwak E. Strategy: The Logic of War and Peace. Cambridge, Massachusetts, 1987.

Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, Massachusetts, 2009.

Luttwak E. The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third. Baltimore, 1976.

Luttwak E. The Political Uses of Sea Power. Baltimore, 1974.

Luttwak E. Coup d'État: A Practical Handbook. London, 1968.

Luttwak E. From Geopolitics to'Geoeconomics. Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. 1990.Summer. C. 17—23.

Luttwak E. The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York, 1993.

Luttwak E. Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. New York, 1999.

Mackinder H. J. Britain and the British Seas. Charleston: BiblioLife, 2010.

Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996.

Mackinder H.J. On the Scope and Methods of Geography // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1887. New Monthly Series, Vol. 9, No. 3 (Mar.).

Mackinder H.J. Situation in South Russia 21 Jan. 1920 // Documents on foreign policy 1919—1939. Fisrt series. V. III, 1919. London, 1949. p. 786—787.

Mackinder H.J. The geographical pivot of history The. Geographical Journal. 1904.№ 23, C. 421—437.

Mackinder H.J. The Nations of the Modern World: An Elementary Study in Geography and History. London: George Philip, 1924.

Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21& № 4 (July).

Mackinder H.J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951.

Mackinder H.J. The world war and after: a concise narrative and some tentative ideas. London: G. Philip & Son, Ltd., 1924.

Mahan A.T. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London: Sampson Low, Marston and Co., 1900.

Mahan A.T. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. London: Sampson Low, Marston & Company, 1897.

Mahan A.T. Sea Power in Relation to the War of 1812. Boston: Little, Brown and Company, 1905.

Malraux A. La Tentation de l'Occident. Paris: Grasset, 1926.

Manifeste de la GRECE. Paris: Labyrinthe, 2001.

Markedonov S. Unrecognized Geopolitics // Russia in Global Affairs. № 1. January—March 2006.

Martonne E. de. Traité de géographie physique. Paris: Librairie Armand Colin, 1909.

Maull O. Das Wesen der Geopolitik. Leipzig: B.G. Taubner, 1941.

Maull O. Politische Géographie. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1925. Mauss M. Sociologie et anthropologie. P.:P.U.F.,1966.

McCain J. League of Democracies (op-ed) // Financial Times. 2008. March 19.

McFaul M. Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

McFaul M. Russia's unfinished revolution: political change from Gorbachev to Putin. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

McFaul M. U.S.-Russia Relations in the Aftermath of the Georgia Crisis. Washington: U.S. House of Representatives, House Committee on Foreign Affairs, 2008.

McGilchrist J. Richard Cobden. The Apostle of Free Trade. New York: Harper & Brothers, 1865.

Meadows D.H., Meadows D.L. Randers J., Behrens III W.W. The Limits to Growth. New York: Universe Books, 1972.

Meyendorff J. Byzantium and the rise of Russia: a study of Byzantino-Russian relations in the fourteenth century. Yonkers: St Vladimir's Seminary Press, 1989.

Meyer J., Boli J., Thomas G., Ramirez F. World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. 1997.№ 103 (1). C. 144—181.

Meyer J. The World Polity and the Authority of the Nation-State / Bergesen A. (ed.) Studies of the Modern World-System. New York: Academic Press, 1980.

Mill J.S. On liberty and other essays. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Millin S.G. Rhodes. London: Chatto & Windus, 1952.

Mittelman J. Globalization and Its Critics/ Stubs R., Underhill G. (eds.) Political Economy and the Changing Global Order. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschlalnd 1918—1932.darmstadt: Wissenshcaftliche Buchgeselschaft. 1994.

Moravec H. Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

Moreau Defarges Ph. Où va l'Europe ? P.: Presses de Sciences Po, 2006.

Moreau-Defarges Ph. L'ordre mondial. P.: Armand Colin, 2003.

Moreau-Defarges Ph. La géopolitique pour les Nuls. P.:Générales First, 2008.

Moreau-Defarges Ph. La mondialisation. P.: PUF, 2010.

Mowle Th.S., Sacko D.H. The unipolar world: an unbalanced future. NY.: Palgrave Macmillan, 2007.

Muhlmann W.E. Erfahrung und Denken in der sicht des Kulturanthoropologen / *Muhmann W.E., Muller E.W.* (Herasgb.) Kulturanthropologie. Koln, Berlin: Kipenheuer&Witsch, 1966.

Muhlmann W. Geschichte der Anthropologie. Bonn., 1968.

Muhlmann W. Methode der Volkerkunde. Stutgart, 1936.

Murray D., Brown D. (eds.) Multipolarity in the 21st Century. A New World Order. Abingdon, UK: Routledge, 2010.

Naumann F. Mitteleuropa. Berlin: G. Reimer, 1916.

Niekisch E. Europaeische Bilanz. Berlin: Ruetten Loening, 1951.

Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. Berlin: Widerstands-Verlag, 1935.

Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen: eine Abrechnung mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Ahde-Verlag, 1980.

Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verhängnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Berlin: Widerstands-Verlag, 1932.

Niekisch E. Ost-West unsystematische Betrachtunen. F./M.: Minerva-Verlag, 1947.

Nishida K. An inquiry into the Good. New Haven and London: Yale University Press, 1990.

Nishida K. Intelligibility and the Philosophy of nothingness. Honolulu: East-West Center Press, 1958.

Nishida K. Logik des Ortes. Der Anfang der modernen Philosophie in Japan. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

Nozomi-Horiuchi R. Chiseigaku Japanese geopolitics. Ann Arbor: University Microfilms, 1980.

Obolensky D. Byzantium and the Slavs. Yonkers: St Vladimir's Seminary Press, 1994.

Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500—1453. London: Orion Publishing Group, Limited, 1999.

Oppenheimer F. History and Sociology. Cambridge, 1927.

O'Sullivan P. Geopolitics. Beckenham: Croom Helm Ltd, 1986.

O'Tuathail G. Rethinking Geopolitics. Londres, New York: Routledge, 1998.

O'Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996.

O'Thuatail G., Dalby S., Routledge P. (eds) The Geopolitics Reader. London & New York: Routledege, 1998

O'Tuathail G. The geopolitics reader. New York: Routledge, 2006.

O'Tuathail G. Understanding Critical Geopolitics: geopolitics and risk society // Gray C.S., Sloan G. (eds) Geopolitics, geography and strategy. London, Portland, OR: Frank Cass, 1993.

Obst E. Grossraumidee in der Vergangenheit und als tragender politischen Gedanke unserer Zeit. Breslau, 1941.

Oppenheimer F. The State: Its History and Development viewed Sociologically. New York: B.W. Huebsch, 1922.

Overholt W. Asia, America, and the transformation of geopolitics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Owens M.T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review, Autumn 1999. Vol. LII. № 4.

Owens W.A. Lifting the Fog of War. Washington: The Johns Hopkins University Press, 2001.

Pareto V. The Mind and Society [Trattato Di Sociologia Generale]. San Diego: Harcourt, Brace, 1935.

Pareto V. The rise and fall of elites: an application of theoretical sociology. New Bruhswick: Transaction Publishers, 1991.

Parker G. Geopolitics: past, present and future. London: Pinter, 1998.

Parvulesco J. Imperium. P.: Les Autres Mondes, 1980.

Parvulesco J. Les Fondements géopolitiques du grand gaullisme. P.: Guy Trédaniel, 1995.

Parvulesco J. Une stratégie transcendantale pour la «Grande Europe». P.: Arma Artis, 2004.

Parvulesco J. Vladimir Poutine et l'Eurasie. P.: Amis de la Culture Européenne, 2005

Parvulesco J. Les Mystères de la Villa Atlantis. P.: L'Âge d'Homme, 1990.

Parvulesco J. L'Étoile de l'Empire invisible. P.: Guy Trédaniel, 1994.

Parvulesco J. Le Retour des Grands Temps. P.: Guy Trédaniel, 1997.

Parvulesco J. Un bal masqué à Genève. P.: Guy Trédaniel, 1998.

Parvulesco J. La Conspiration des noces polaire. P. Guy Trédaniel, 1998.

Parvulesco J. Rendez-vous au Manoir du Lac. P.: Jean Curutchet, 2000.

Parvulesco J. Le Visage des abimes. P.: L'Âge d'Homme, 2001.

Parvulesco J. La Stratégie des ténèbres. Guy Trédaniel, 2003.

Parvulesco J. Dans la forêt de Fontainebleau. P.: Alexipharmaque, 2007.

Parvulesco J. La Confirmation Boréale. P.: Alexipharmaque, 2010.

Paskal C. Global Warring. How Environmental, Economic, and Political Crises Will Redraw the World Map. London: Palgrave Macmillan, 2008.

Pease E. A History of the Fabian Society. New York: E.P. Dutton & Cjmpany, 1916.

Pepperell R. The Posthuman Condition. Oxford: Intellect, 1995.

Peral L. (ed.) Global Security in a Multi-polar World. Paris: The European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2009.

Pfaff W. Barbarian Sentiments: America in the New Century. New York: Hill and Wang, 2000.

Pirchner H. Reviving greater Russia?: the future of Russia's borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova and Ukraine. Wash. D.C.: American Foreign Policy Council. Lanham: Univ. Press of America, 2005.

Poulat É. Notre laïcité publique. Paris: Berg international, 2003; Idem. L'université devant la mystique. Paris: Salvator, 1999.

Portmann A. Animals as social beings. New York:Viking Press, 1961.

Prebisch R. The Economic Development of Latin America. New York: United Nations, 1950.

Prigogine I., Stengers I. Order Out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature. New York:Bantam books, 1984.

Projetto Eurasia. Parma, 2008.

Quigley C. Tragedy and hope. A History of the World in Our Time. New York: Macmillan, 1966.

Rahr A., Krause J. Russia's new foreign policy. Berlin: Research Institute of the German Society for Foreign Affairs, 1995.

Rahr A. Putin nach Putin: das kapitalistische Russland am Beginn einer neuen Weltordnung. Tübingen: Universitas, 2009.

Rahr A. Wladimir Putin: Präsident Russlands — Partner Deutschlands. Tübingen: Universitas, 2002.

Ramonet I. Géo-politique du chaos. Paris: Galilée, 1997; Idem. Guerres du xxie siècle — Peurs et menaces nouvelles. Paris: Galilée, 2002.

Ramonet I. Nouveaux pouvoirs, nouveaux maîtres du monde. Montréal: Fides, 1996.

Ratzel F. Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen. Stuttgart, 1882–1891.

Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergrösse — eine politischer — geographische Studie. München / Berlin: Oldenbourg, 1900.

Ratzel F. Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie/ Petermanns Geographische Mitteilungen. 1986. Jg. 42. C. 97–107

Ratzel F. Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. Muenchen: Oldenbourg, 1878.

Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München, 1897.

Ratzel F. Deutschland. Einführung in die Heimatkunde. Leipzig: FW Grunow, 1898.

Ratzel F. Die Erde und das Leben. Leipzig, 1902.

Ratzel F. Die geographische Lage der grossen Stadte/Grosstadt, Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Vol. 9. Dresden: Zahn&Jaensch, 1903.

Ratzel F. Städte — und Culturbilder aus Nordamerika. Leipzig: F.A. Brockhaus,1876.

Ratzel F. Uber den Lebensraum // Die Umschau. 1897. Vol. 1. C. 363–366.

Ratzel F. Völkerkunde. Berlin, 1885.

Redfield R. The little community. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

Renner G. Human geography in the air age. NY: Macmillan, 1942.

Richard H. The Recent Progress of International Arbitration. London, 1884.
Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
Rockefeller D. Memoirs. New York: Random House, 2002. p. 405.
Rodrik D. Trading in Illusions // Foreign Policy. 2001. March/April. p. 55.
Ronson J. Who pulls the strings? (part 3) // The Guardian. 2001. 10 March.
Roosevelt C. The science of government, founded on natural law. New York: Dean & Trevett, 1841.
Rosamond B. Theories of European Integration, Palgrave Macmillan, 2000.
Rosenberg F. The avant-garde and geopolitics in Latin America. Pittsburgh: University of Pitssburgh Press, 2006.
Rufin J.-C. L'Empire et les nouveaux barbares. Rupture Nord-Sud. P.:Hachette, 1996.
Sadowski Y. The Myth of Global Chaos. Washington: Brookings Institution Press, 1998.
Savin L. Necessity of the Fourth Political Theory // Ab Aeterno. Issue No. 3. June 2010. p. 48—50.
Schmitt C. Das Begriff des Politischen. Berlin-Grunewald: W. Rothschild, 1928.
Schmitt C. Die planetarische Spannung zwischen Ost und West (1959) // Schmittiana-III von prof. Piet Tommissen. Brussel, 1991.
Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Koeln: Hohenheim,1982.
Schmitt C. Das Reich und Europa. Leipzig, 1941.
Schmitt C. Land und Meer. Koeln: Hohenheim, 1981.
Schmitt C. Politische Theologie. Munchen-Leipzig, 1922.
Schmitt C. Raum und Grossraum im Volkerrecht // Zeitschrift fur Volkerrecht. 1940. Vol. 24. No. 2.
Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung und Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin; Wien; Leipzig, 1939.
Schutz Alfred. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien, 1932.
Schutz, A. The Phenomenology of the Social World. Evanston: Northwestern University Press. 1967.
Shiva V. Earth democracy: justice, sustainability and peace. London: Zed Books Ltd, 2006.
Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1892.
Sempa F. Geopolitics: from the Cold War to the 21st Century. New Brunswick: Transaction Publishers, 2009.
Seversky A. de. Air Power: key to survival. NY: Imon & Schuster, 1950.
Siegfried A. Géographie économique. Cours de Université de Paris, Institut d'études politiques, année 1953—1954. Paris: Centre de documentation universitaire, 1954.
Siegfried A. Géographie électorale de l'Ardèche sous la 3e République. Paris.: A. Colin, 1949.

Siegfried A. La Crise britannique au xxe siècle. Paris: A. Colin, 1931.
Siegfried A. La Crise de l'Europe. Paris.: Calmann-Lévy, 1935.
Siegfried A. La Mer et l'empire. Série de vingt-deux conférences faites à l'Institut maritime et colonial. Paris, J. Renard, 1944.
Siegfried A. Tableau politique de la France de l'Ouest sous la Troisieme Republique. Paris: A. Colin, 1913.
Siemple E.C. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. New York, Henry Holt and Company, 1911.
Singer H.W., Ansari Javed A. Rich and Poor Countries: Consequences of International Disorder. London:Routledge, 1988.
Slater D. Geopolitics and the post-colonial: rethinking North-South relations. Malden: Blackwell Publishing, 2004.
Sloan G. Geopolitics in United States Strategic Policy, 1890—1987. Brighton: Wheatsheaf Books, 1988.
Sloan G. The geopolitics of Anglo-Irish relations in the Twentieth Century. Leisester: University Presss, 1997.
Smith N. American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalizaton. Berkeley: University of California Press, 2003.
Smith N. Uneven Development: Nature, Capital, and the Production of Space. NY.: Basil Blackwell, 1984.
Smith E.A. Jr. Effects-based Operations. Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis and War. Washington: DC:DoD CCRP, 2002.
Sombart W. Handler und Helden. Patriotische Besinnungen. München/Leipzig: Duncker & Humblot, 1915.
Spencer H. The Proper Sphere of Government. London: W. Brittain, 1843.
Spencer H. First Principles. London: Williams and Norgate, 1904.
Spencer H. The Principles of Sociology. 3 vols. London: Williams and Norgate, 1882—1898.
Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.
Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book), Hill and Wang, 1996.
Stiglitz J. Globalization and its discontents. Norton, 2002.
Stirk P. (ed.) Mitteleuropa. History and prospects. Edinburgh, 1994.
Strausz-Hupe R. Geopolitics. The struggle for space and power. New York: G.P. Putnam's sons, 1942.
Strausz-Hupe R. The Balance of Tomorrow. Power and Foreign Policy in the United Stales. New York: G. P. Putnam's Sons, 1945.
Terracciano C. Nel Fiume della Storia // Orion. 1986—1987. №№ 22—30.
Terracciano C. Rivolta contro il mondialismo moderno. Torino: Noctua, 2002.

Thiriart J.F. La grande nation: 65 thèses sur l'Europe (L'Europe unitaire, de Brest à Bucarest. Définition du communautarisme national-européen). Bruxelles: Gérard Désiron, 1965.

Thiriart J.F. L'empire Euro-Sovietique de Vladivostock a Dublin l'aprés-Yalta: la mutation du communisme: essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.

Thiriart J.F. Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au d?part d'un parti historique. Etampes: Avatar Editions, 2007.

Thual F. Contrôler et contrer. Stratégies géopolitiques, Paris, Ellipses, 2000

Thual F. Encel F. Géopolitique d'Israël: Dictionnaire pour sortir des fantasmes. Paris: Seuil, 2004.

Thual F. Géopolitique de la franc-maçonnerie, Paris, Dunod, 1994.

Thual F. Géopolitique de l'Orthodoxie. Paris: Dunod, 1993.

Thual F. Géopolitique des Caucases, Paris, Ellipses, 2004.

Thual F. Géopolitique des religions. Le Dieu fragmenté. Paris: Ellipses, 2004.

Thual F. Géopolitique du Bouddhisme. P.:Editions des Syrtes, 2002.

Thual F. Géopolitique du chiisme. P.: Arléa, 1995.

Thual F. La crise du Haut-Karabakh. Une citadelle assiégée? Paris, IRIS, 2003.

Thual F. La nouvelle Caspienne. Les nouveaux enjeux post-soviétiques (avec André Dulait), Paris, Ellipses, 1998.

Thual F. La planète émiettée. Morceler et lottir, un nouvel art de dominer. P.: Arléa, 2002.

Thual F. Le désir de territoire. Morphogenèses territoriales et identities. Paris: Ellipses, 1999.

Thual F. Le Fait juif dans le monde: Géopolitique et démographieю Paris: Odile Jacobs, 2010.

Thual F. Les conflits identitaires. Paris: Ellipses, 1998.

Thual F. Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. Paris: Ellipses, 1996.

Thual F. Repères géopolitiques. Paris: La documentation française, 1995.

Thual F. Repères internationaux. L'évènement au crible de la géopolitique. Paris: Ellipses, 1997.

Thual F. Services secrets et géopolitique (entretiens avec l'amiral Pierre Lacoste). Lavauzelle, 2004.

Thomson G.S. Catherine the Great and the expansion of Russia. London: Published by Hodder & Stoughton for the English Univ. Press, 1985.

Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931—1934.

Tomlinson J. Globalization and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999.

*Tönnies F.*Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlung des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.

Trenin D. The end of Eurasia: Russia on the border between geopolitics and globalization. Washington D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

Turner S. Russia, Chine and the Multipolar World Order: the danger in the undefined // Asian Perspective. 2009. Vol. 33, No. 1. P. 159—184.

Ueda Y. The Road To Chaos. Santa Cruz: Aerial Press, 1993; *Smith P.* Explaining Chaos. Washington:Cambridge University Press, 1998.

Vattimo G.,Girard R. Christianity, Truth, and Weak Faith. NY.: Columbia University Press, 2009.

Vidal de la Blache P. La France de l'Est. Paris: Livres Herodote, 1994.

Vidal de la Blache P. Tableau de la geographie de la France. Paris: Hachette et Gio, 1903.

Virilio P. The information bomb. London: Verso, 2005.

Vonnegut K. Slaughterhouse Five, or The Children's Crusade. New York: Delacorte Press / Seymour Lawrence, 1969.

Wallerstein I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. New York: Academic Press, 1974.

Wallerstein I. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730—1840s. New York: Academic Press, 1989.

Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.

Wallerstein I. After Liberalism. New York: The New Press, 1995.

Wallerstein I. The Twentieth Century: Darkness at Noon? Keynote address. Boston: PEWS conference, 2000. P. 6.

Wallerstein I. Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. New York: The New Press, 1998.

Waters M. Globalization. London: Routledge, 1995.

Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Three Rivers Press, 2004.

Weber M. Wissenschaft als Beruf 1917/1919. Politik als Beruf 1919. Tubingen, 1992.

Weinberg A.K. Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore: Johns Hopkins, 1935.

Wells H.G. The Open Conspiracy and Other Writings. London: Waterlow & Sons, 1933.

Whittlesey D. The Earth and the State: A Study of Political Geography. New York: H. Holt and company, 1939.

SUMMARY

The manual «Geopolitics» is a new book written by the founder of the modern Russian geopolitical school. In this book the author is summing up the most important tendencies and trends in the field of geopolitics and (partly) geostrategics. The theorical and scientific sources of geopolitical method are examined as well as main geopolitical schools: anglo-saxon (Sea Power), eurasianist (Land Power), costal (Rimland). The links between the geopolitical ideas and political practic of different countries and groups are studied. The author follows the influences of geopolitical approach to the international problems in the concrete activity of such organisations as Counsil on Foreign Relations (CFR), Trilateral Comission, modern american neocons or neorealists. Newest trends — critical geopolitics, geopolitics of space, the network geoplitics and so on — are described and analyzed. The unipolarity, american hegemony and globalization process are deconstructed being based on the geopolitical theorical approach. The principles of multipolar world are geopolitically founded and explained.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 2
ГЕОПОЛИТИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Глава 1

Глава 2

Раздел 3
ГЕОПОЛИТИКА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глава 1

Глава 2

Глава 6

Учебное издание

Дугин Александр Гельевич

ГЕОПОЛИТИКА

Компьютерная верстка
К.А. Крылов

Корректор
Е.Л. Тюрин

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
Испытательного центра издательской продукции
Государственного учреждения НЦЗД РАМН
№ 282/106643 от 28.06.2010 г.

ООО «Гаудеамус»
115162, Москва, ул. Шухова, д. 21

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aprogect.ru
Интернет-магазин: www.aprogect.ru

Подписано в печать 27.01.11.
Формат 60×90/16. Гарнитура Балтика. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,5. Тираж 1500 экз.
Заказ №   .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Дугин А.Г.

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: ФИЛОСОФИЯ ДРУГОГО НАЧАЛА

2010. — 392 с.

В книге известного российского философа, политолога и социолога А. Дугина представлено изложение концепции истории философии Мартина Хайдеггера на основе его малоизученных произведений среднего периода (1936 — 1945). По Хайдеггеру, западноевропейская философия подошла к своему логическому концу. Отныне открывается перспектива «другого Начала» философии, либо «конец истории».

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Дугин А.Г.

СОЦИОЛОГИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА. РОССИЯ МЕЖДУ ХАОСОМ И ЛОГОСОМ

2011. — 583 с.

Книга известного современного российского мыслителя, философа и социолога представляет собой оригинальный подход к социологическому изучению структуры русского общества как особого объекта, который автор впервые вводит в научный оборот. Концепт «русское общество» представляет собой совокупность социообразующих констант, парадигм и начал, остающихся неизменными на всем протяжении российской истории. Эти константы и парадигмы — понимание пространства, времени, антропологии, религии, государственности, гендера, культуры и т. д. — и исследует автор. Книга является логическим и тематическим продолжением книги «Социология воображения» (М.: Академический Проект, 2010).

Автор продолжает социологическое исследование явления «археомодерна» как патологического состояния и формы аномии российского общества, философские аспекты которых разбираются в других его работах (Радикальный субъект и его дубль. М.: Международное «Евразийское движение», 2009, и Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический Проект, 2011).

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Кара-Мурза С.Г.

РОССИЯ И ЗАПАД

2011. — 232 с.

Проблема взаимоотношений Росси и Запада всегда была актуальной для мирового сообщества. Но в последние два десятилетия новая Россия от конфронтации с Западом переходит на путь сотрудничества с ним. Как именно его осуществлять — вопрос спорный и открытый для обсуждения. Автор предлагаемой вниманию читателей книги излагает свое видение данной проблемы, с которым возможно, согласятся далеко не все. Однако при всей остроте и полемичности позиции автора — видного отечественного политолога — является абсолютно бесспорным его основной тезис: «Нам надо знать и, по возможности, понимать... Запад»; «... нужно знание трезвое, очищенное, насколько возможно, от эмоций».

Запад активно изучает Россию как одну из ведущих мировых цивилизаций, изучает с точки зрения интересов Запада, но с присущей ему прагматичностью и потому достоверностью. Автор совершенно справедливо призывает отечественную элиту делать то же самое, чтобы Россия смогла, по определению Менделеева, «уцелеть и продолжить свой независимый рост». Что именно делать, в каких направлениях и с какими целями — об этом автор и ведет разговор с читателем.